Какъ рукопись.

ЛЕКЦІИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

В. О. Ключевскаго.

Часть третья.

Какъ рукопись.

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

В. О. Ключевскаго.

Часть третья.

Оглавленіе третьей части.

стр.

Очеркъ русской исторіи первой половины XVIII вѣка — 1
Характеристика Елисаветы Петровны и Петра III . . — 10
Низложеніе Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II. — 18
Біографія Екатерины II. . — 29
Характеристика Екатерины II. Программа ея царствованія — 37
Внѣшняя политика Екатерины II. — 49
Внутренняя политика Екатерины II. — 77
Законодательная дѣятельность Екатерины II. — 85
1. Наказъ — 89
2. Комиссія 1767 г. Ея составъ. — 97
3. Дѣятельность Комиссіи. Причины ея неудачи — 107
4. Значеніе Комиссіи и Наказа. — 116
Губернскія учрежденія 1775 г. и ихъ значеніе — 118
Историческій очеркъ развитія крѣпостного права. — 150
Законодательство Екатерины II о крѣпостномъ правѣ и его значеніе . — 174
Послѣдствія крѣпостного права — 186
1. Помѣщичье сельское хозяйство. — 187
2. Вліяніе крѣпостного права на народное хозяйство — 204
3. Вліяніе крѣпостного права на государственное хозяйство — 216
4. Умственная и нравственная жизнь общества . — 224
Значеніе царствованія Екатерины II — 258
Основные факты русской исторіи въ XIX в.
Введеніе — 273
Павелъ I . — 278
Внѣшняя политика Россіи въ XIX в.. — 302

	стр.
Александръ I. Его біографія	323
Преобразовательные опыты первыхъ лѣтъ царствованія Александра I	336
Сперанскій и его преобразовательный планъ.	345
Устройство центральнаго управленія по плану Сперанскаго.	364
Вторая половина царствованія Александра I.	375
14 декабря 1825 года .	392
Царствованіе Императора Николая I .	419
Царствованіе Императора Александра II	447
Приложеніе: Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.	

Очеркъ русской исторіи первой половины XVIII в.

Изложеніе событій русской исторіи первой половины XVIII столѣтія остановилось на моментѣ, который не былъ поворотомъ въ ходѣ нашей исторіи. Этотъ моментъ—смерть Императрицы Елисаветы въ 1761 году. Событія, слѣдовавшія за нимъ, вытекали не изъ какихъ-либо новыхъ причинъ, начавшихъ дѣйствовать съ этого времени, а служили прямымъ продолженіемъ явленій, которыя возникали со смерти Петра. Вотъ почему изложеніе этихъ событій можетъ показаться неяснымъ, если не припомнить предшествовавшихъ событій. Необходимо сдѣлать краткій очеркъ нашей исторіи съ начала XVII столѣтія, чтобы указать связь явленій, обнаружившихся со смерти Елисаветы, съ тѣми, которыхъ она служила продолженіемъ. *Событія нашей исторіи XVII и XVIII вв. всѣ развиваются изъ того положенія, въ какомъ очутилось Московское государство послѣ Смутнаго времени при новой династіи.* Смутное время поставило государство въ тяжелое внѣшнее положеніе; внѣшніе непріятели оборвали границы государства, сдѣлали ихъ открытыми, легкими для нападенія. Шведы отбили государство отъ балтійскаго берега; Татары давно отбивали его отъ Чернаго моря и затрудняли связи съ Каспійскимъ. Потеря уступленныхъ Полякамъ областей Смоленской и Сѣверской приближаетъ внѣшнихъ враговъ къ самому центру государства. Для

того чтобы обезопасить себя, государство должно было достигнуть границъ, которыя бы облегчали ихъ защиту: отсюда является въ правительствѣ XVII в., особенно при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, мысль о необходимости пріобрѣсти морскіе берега. Эта мысль вызвала другую: пріобрѣтеніе морского берега возможно было путемъ упорной борьбы на нѣсколькихъ фронтахъ,—для этой борьбы нужно было хорошо приготовленное войско. Правительство XVII в., не разъ испытавши негодность стариннаго русскаго ополченія, начало перестраивать свои боевыя силы, вводя западную военную технику, однимъ словомъ, подготовляя созданіе регулярной арміи. Все это чрезвычайно увеличило государственные расходы. Между тѣмъ народное хозяйство—источникъ государственнаго дохода—послѣ смуты было чрезвычайно разстроено, не могло давать правительству и тѣхъ средствъ, какія оно давало государямъ старой династіи. Правительство увеличивало налоги, напрягало народный трудъ, но трудъ этотъ въ XVII в. не былъ болѣе производителенъ, чѣмъ прежде; напротивъ, онъ сталъ бѣднѣе, располагалъ меньшимъ капиталомъ. Послѣ разгрома, какой потерпѣлъ народъ въ эпоху самозванцевъ, трудъ этотъ былъ почти исключительно земледѣльческимъ; чтобы сдѣлать его болѣе производительнымъ, надо было расширить сферу этого труда, обратить его на новыя производства, кромѣ земледѣлія. Страна была богата нетронутыми запасами; чтобы ихъ тронуть, необходима была промышленная техника, незнакомая старо-русскому народному хозяйству. Для примѣненія этой техники къ народному труду, нуженъ былъ опытный руководитель—иноземный мастеръ, фабрикантъ, заводчикъ, ремесленникъ. Такъ внѣшнее положеніе государства, вызвавъ мысль о морскихъ берегахъ, повело къ другой мысли о промышленной эксплоатаціи страны, о разработкѣ ея

нетронутыхъ богатствъ. Обѣ эти мысли уже при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ заставили правительство обратиться къ помощи иноземной военной и промышленной техники и для того вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ западнымъ міромъ. *Морской берегъ и для того хорошо выученный и вооруженный солдатъ, а для этого солдата фабрика и ремесло—вотъ постоянная забота, которая занимаетъ нашихъ государственныхъ людей во вторую половину XVII в.*

Эти заботы и составляютъ содержаніе внѣшней и внутренней политики Петра Великаго. Программа внѣшней и внутренней дѣятельности его взята имъ цѣликомъ у предшественниковъ. Морской берегъ — содержаніе его внѣшней политики. Созданіе регулярной арміи и развитіе промышленности въ фискальныхъ интересахъ съ цѣлью обогащенія казны — задача его внутренней преобразовательной дѣятельности; всѣ остальныя реформы, административныя, соціальныя, имѣли второстепенное значеніе, были средствомъ для достиженія этихъ главныхъ цѣлей. Отсюда одностороннее направленіе дѣятельности Петра Великаго; эта дѣятельность имѣла цѣлью направлять всѣ народныя силы на служеніе государству, жертвуя ему частными интересами. Задачи государства въ это время были обращены къ границѣ и къ развитію военныхъ и матеріальныхъ средствъ государства. Отсюда матеріальный характеръ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Вся она въ сущности обращена на солдата и ремесло и немного дѣлала для развитія или удовлетворенія духовныхъ нуждъ общества. Сдѣлать народъ богатымъ, чтобы брать съ него больше на вооруженіе солдата—вотъ основная мысль преобразовательной дѣятельности Петра I. Такое одностороннее направленіе реформы и такой матеріальный ея характеръ тѣсно связанъ съ положеніемъ и ха-

рактеромъ стараго Московскаго государства. Припомнимъ, что весь государственный порядокъ московскій держался на принудительной работѣ всѣхъ классовъ общества въ пользу государства и оставлялъ мало мѣста частнымъ, духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ лицъ. Петръ унаслѣдовалъ и только довелъ до послѣдней степени развитія это служеніе государству съ пожертвованіемъ частныхъ интересовъ. Такъ, по направленію своей дѣятельности, Петръ былъ послѣдовательнымъ, только страшно-усиленнымъ, продолжателемъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ не вводилъ ни новыхъ началъ, ни новыхъ понятій; онъ только вводилъ новые пріемы служенію государственнымъ интересамъ. Точно также и характеръ этой дѣятельности весь опредѣлялся положеніемъ стараго Московскаго государства. Насущной его потребностью было огражденіе внѣшней безопасности. Вся работа государства при Петрѣ Великомъ, какъ и при его предшественникахъ, направлена была къ этой цѣли, требовавшей усиленной и грубой работы народа. Этимъ опредѣлялись результаты дѣятельности Петра. Она дала скудные политическіе успѣхи. Политическій успѣхъ состоитъ въ развитіи свободы; свобода общества и частнаго лица не развилась, благодаря дѣятельности Петра Великаго, не сдѣлала никакихъ новыхъ пріобрѣтеній. Лицо, какъ и общество, при Петрѣ было такъ же, если не больше, стѣснено и принесено въ жертву государству, какъ это было прежде; политическое сознаніе, мысль объ отношеніи подданныхъ къ власти, мысль о задачахъ политическаго существованія не стала ни яснѣе, ни шире послѣ Петра, чѣмъ она была до него. Этимъ же характеромъ и направленіемъ дѣятельности Петра Великаго объясняется и скудость нравственныхъ успѣховъ. Нравственныя понятія и частныя людскія отношенія въ обществѣ при Петрѣ не выработались, не опредѣ-

лились точнѣе, не сдѣлались мягче. Правда, въ общество, въ высшіе его слои преимущественно, наплылъ цѣлый міръ новыхъ понятій, вслѣдствіе болѣе тѣсныхъ сношеній съ западнымъ міромъ. Новыя явленія, обычаи, которые встрѣтилъ русскій человѣкъ за границей, привлекли къ себѣ его вниманіе. Но весь этотъ новый запасъ понятій не имѣлъ серіознаго значенія, онъ принесенъ былъ болѣе вслѣдствіе любопытства, чѣмъ вслѣдствіе почувствованной потребности въ немъ; измѣнилась въ высшихъ слояхъ обстановка жизни, вошли новыя отношенія общежитія, новые нравы, привычки, какъ и новые костюмы; но все это были больше вкусы и украшенія, чѣмъ серіозныя завоеванія мысли и чувства. Подъ лучше одѣтымъ, причесаннымъ и пріученнымъ къ приличному обращенію придворнымъ Петрова времени скрывался, можетъ быть, большій варваръ въ сравненіи съ прежнимъ бояриномъ царя Алексѣя Михаиловича. Итакъ, *реформы Петра подняли уровень государственнаго благосостоянія, усилили производительность народнаго труда, но принесли очень скудные плоды въ области политическаго сознанія и нравственнаго развитія общества.*

Послѣ Петра Великаго совершился рядъ событій, которыя произвели замѣтный поворотъ въ направленіи нашей государственной жизни. Петръ направилъ дѣятельность народа, преимущественно высшихъ его классовъ, къ цѣлямъ военнымъ и экономическимъ, сообщивъ народному образованію военно-техническое направленіе. Эта односторонняя и матеріальная, но выгодная программа забывается и падаетъ по смерти Петра Великаго, потому что въ обществѣ не стало работниковъ, которые во главѣ съ Петромъ прежде направляли народъ въ эту сторону. Работники, оставшіеся послѣ Петра, измѣнились; по смерти Петра

наступила реакція; напряженная служба, сопровождавшаяся такой усиленной гонкой при Петрѣ, утомила людей, и когда они перестали чувствовать на себѣ гнавшую руку, они поспѣшили отдохнуть. Послѣ Петра падаетъ и военное, и техническо-промышленное образованіе, разстраивается и армія, и фабричная промышленность; внѣшняя торговля переходитъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ, какъ она была въ ихъ рукахъ и до Петра. Трудное дѣло, которое ввелъ Петръ Великій, оказалось не подъ силу его преемницамъ. Но въ умахъ, которые тогда считались образованными, рядомъ съ заимствованными вкусами, гнѣздились уже новыя политическія и общественныя понятія; они выражали собой потребность свободы личной и общественной. Еще одно обстоятельство помогло успѣху этого позыва къ свободѣ. Обстоятельство это заключалось въ томъ значеніи, какое далъ Петръ дворянству въ областномъ управленіи. До Петра I дворянство было послушнымъ орудіемъ въ рукахъ центральнаго правительства и исполняло всевозможныя обязанности, военныя и административныя. При Петрѣ завершено было и признано закономъ крѣпостное право, по крайней мѣрѣ въ своей сущности, если не во всѣхъ послѣдствіяхъ, какія развились потомъ. Благодаря этому, огромное большинство мѣстнаго населенія очутилось въ личной зависимости отъ дворянства; городское населеніе, какъ и другіе классы общества, въ каждой провинціи составляло ничтожный процентъ, было элементомъ, который не могъ оказать замѣтнаго дѣйствія на общественную жизнь. Значитъ, областной міръ состоялъ изъ господъ и крѣпостныхъ. Отсюда вышло то значеніе, какое Петръ далъ дворянству въ областномъ управленіи. Выборные отъ дворянъ составляли совѣтъ при губернаторѣ, который не могъ безъ нихъ ничего сдѣлать. На выборныхъ

отъ дворянъ ландратовъ, а потомъ земскихъ комиссаровъ возложено было множество правительственныхъ дѣлъ. Дворянство стало править областнымъ обществомъ, и его прямая власть не простиралась развѣ только на городское населеніе немногихъ небогатыхъ городовъ. Политическіе вкусы, заимствованные со стороны, нашли теперь готовую почву въ этомъ правительственномъ значеніи дворянъ; къ тому же рядъ событій вовлекъ дворянство и въ политическія дѣла государственнаго центра.

По извѣстнымъ намъ причинамъ послѣ Петра Великаго русскій престолъ сталъ игрушкой для искателей приключеній, для случайныхъ людей, часто неожиданно для самихъ себя вступавшихъ на него. Игра изъ-за престола нѣсколько разъ рѣшалась при участіи гвардейскихъ полковъ, составлявшихъ лучшую часть созданной Петромъ арміи. Но гвардейскіе полки въ то время были не простыя военныя части, а имѣли еще сословное значеніе. Гвардія тогда была цвѣтомъ дворянства; ея участіе въ придворныхъ переворотахъ было участіемъ дворянства въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ. Это участіе внесло въ дворянскую среду новый рядъ политическихъ понятій и измѣнило самое положеніе дворянства. Дворянство поневолѣ должно было путемъ интригъ и переворотовъ близко стать къ важнѣйшимъ политическимъ интересамъ, близко принимать ихъ къ сердцу; потому оно почувствовало свою политическую силу; посредствомъ гвардіи оно дѣлало правительства и стало забывать, чѣмъ оно было при Петрѣ Великомъ. Тогда оно было первымъ, наиболѣе обремененнымъ орудіемъ правительства, вѣчно на посылкахъ; теперь оно почувствовало себя политической силой; тогда имъ управляло правительство; теперь оно хотѣло править правительствомъ. Эти поли-

тическіе успѣхи, достигнутые дворянствомъ, измѣнили его землевладѣльческое и служилое положеніе. Дворянство сосредоточивало въ своихъ рукахъ частное землевладѣніе и за то обязательно несло военную службу. Теперь для государства, съ прекращеніемъ тяжелой войны, дворянинъ былъ болѣе нуженъ какъ землевладѣлецъ, чѣмъ какъ гвардейскій рядовой или армейскій офицеръ. Одновременно дворянство, благодаря своему новому значенію, освобождается отъ обязательной службы и пріобрѣтаетъ осѣдлость въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Это высвобожденіе кончилось полной эмансипаціей дворянства отъ военной повинности по закону 18 февраля 1762 года. Мы видѣли, что до Петра государственная жизнь направляла общество къ безропотному служенію государству, къ пожертвованію общественными и личными интересами. По смерти Петра проснулись инстинкты свободы; но они пробудились и были удовлетворены только въ одномъ дворянскомъ сословіи. Этимъ создалось довольно странное политическое положеніе дворянства къ половинѣ XVIII столѣтія: оно было носителемъ свободы и образованія въ русскомъ обществѣ; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ, освободившись отъ повинностей, сохранило за собой всѣ права, которыя прежде основывались на этихъ повинностяхъ. Такимъ образомъ, дворянство своимъ значеніемъ нарушило основное начало стараго государственнаго порядка. Прежде общественные классы въ этомъ порядкѣ несли каждый свою государственную службу и пользовались за то извѣстными правами; соотвѣтствіе этихъ правъ и повинностей устанавливало извѣстное политическое равенство въ обществѣ; не было мѣста для свободы, но порядокъ держался на извѣстномъ равенствѣ. Со смерти Петра проснулись стремленія къ свободѣ и они страннымъ образомъ нарушили начало равенства: чѣмъ

болѣе русское общество становилось свободнымъ, тѣмъ меньше было равенства. Дворянство XVII в. было страшно обременено сравнительно съ своимъ потомствомъ XVIII в.; но это дворянство XVII в. далеко не пользовалось такою властью надъ обществомъ, какую имѣло его потомство XVIII в. Значитъ, дворянство одновременно было и носителемъ лучшихъ стремленій общества, и опорой всѣхъ практическихъ противорѣчій въ немъ. Это положеніе дворянства и опредѣлило во многомъ ходъ нашей политической жизни съ половины XVIII столѣтія. Какъ господствующій классъ, дворянство внесло въ эту жизнь ту же двойственность, тѣ же противорѣчія, какія характеризовали его сословное положеніе. Такова была связь явленій нашей исторіи въ продолженіе столѣтія, предшествовавшаго вступленію на престолъ преемника Елисаветы—Императора Петра III.

Припомнивъ явленія этого времени, можно замѣтить особенность, какою отличался ходъ нашей жизни при новой династіи. Ходъ этотъ былъ чрезвычайно неровенъ; промежутки, когда жизнь, повидимому, текла вяло и медленно, прерывались припадками усиленной дѣятельности; ровное теченіе жизни прерывалось какими-то историческими пароксизмами. На пространствѣ времени съ начала XVII в. такихъ пароксизмовъ было два. Государственный порядокъ, установившійся въ XV, XVI вѣкахъ, заключалъ въ себѣ много противорѣчій; ихъ и не старались устранить цари старой династіи; но вдругъ событія сложились такъ, что для устраненія ихъ произошелъ страшный переполохъ въ эпоху самозванцевъ. Первые цари новой династіи, чувствуя тяжелое внѣшнее и внутреннее положеніе, медленно и понемногу старались устранить окружавшія ихъ затрудненія, но при этомъ больше думали, чѣмъ дѣлали. И вдругъ одинъ изъ преемниковъ этихъ царей

такъ усиленно принялся за работу, взбудоражилъ все общество, сдвинулъ его какъ будто со старой колеи; а затѣмъ жизнь пошла опять тихо и ровно, прерываясь только дворцовыми переворотами, которые въ общемъ теченіи русской жизни были не болѣе, какъ бурями въ стаканѣ воды.

Теперь обращаемся къ изученію того, какъ устроилась и текла русская государственная и общественная жизнь подъ руководствомъ ея правящаго класса—дворянства—во вторую половину XVIII столѣтія, со смерти Императрицы Елисаветы.

Характеристика Елисаветы Петровны и Петра III.

Елисавета царствовала 20 лѣтъ (1741—1761 г.), и царствованіе ея было не безъ славы. Это была веселая и набожная царица: отъ вечерни ѣздила на балъ, и съ бала къ заутренѣ. Любя и глубоко чтя святыню Русской Церкви, она любила и все пріятное, что̀ можно заимствовать изъ католическаго и протестантскаго Запада. Вѣчно вздыхая по иноческой жизни, она оставила послѣ себя гардеробъ въ нѣсколько тысячъ платьевъ. Она имѣла огромное вліяніе на судьбу Западной Европы и до конца жизни была увѣрена, что въ Англію можно проѣхать сухимъ путемъ. Она побѣждала самого Фридриха Великаго, брала Берлинъ и усердно поила своихъ министровъ мадерой, которая водилась не при каждомъ европейскомъ дворѣ. Воспитанная французомъ Рамбуромъ, по принужденію царствуя въ національномъ духѣ, она до страсти любила французовъ и до тонкости знала таинства русской кухни, не имѣла соперницъ въ изготовленіи русскихъ блюдъ. Даже невѣжественныхъ современниковъ своихъ она поражала недостаточностью

своего образованія и основала первый университетъ въ Россіи (Московскій). Она била по щекамъ своихъ фрейлинъ и во все царствованіе не отрубила головы ни одному преступнику. Дочь великаго отца, она наслѣдовала его энергію: въ 24 часа строила дворцы, въ двое сутокъ проѣзжала отъ Москвы до Петербурга, платя исправно за каждую павшую лошадь. Однимъ словомъ, это была добрая и капризная русская барыня XVIII столѣтія, которую, по русскому обычаю, много бранили при жизни, по которой, тоже по русскому обычаю, много плакали по смерти. Нѣкоторое пятно на ея памяти оставилъ ея преемникъ; преемникъ этотъ былъ ея племянникъ, сынъ старшей ея сестры Анны Петровны, которая умерла въ Голштиніи отъ скуки или отъ чахотки; отъ скуки—не умѣя примириться съ недалекимъ мужемъ, отъ чахотки—не умѣя отстать отъ русскаго обычая: когда жарко, стать на сквозномъ вѣтру.

Петръ Θеодоровичъ, преемникъ Елисаветы, извѣстенъ въ нашей исторіи подъ именемъ Петра III. Этотъ герцогъ маленькой Голштиніи такимъ образомъ въ лицѣ своемъ совмѣщалъ двухъ великихъ враговъ XVIII в.: онъ былъ внукъ сестры Карла XII и сынъ дочери Петра Великаго. Такое капризное происхожденіе грозило ему опасностью со временемъ сѣсть заразъ на двухъ престолахъ: на шведскомъ и на русскомъ. Сначала его готовили къ первому, и для этого заставляли усердно учить латинскую грамматику, шведскій языкъ и лютеранскій катехизисъ. Но Императрица Елисавета Петровна, желая во что бы то ни стало укрѣпить русскій престолъ за линіей своего отца, послала въ Голштинію штеттинскаго полицеймейстера Корфа, съ тѣмъ чтобы онъ непремѣнно вывезъ племянника изъ Киля въ Петербургъ. Корфъ исполнилъ исправно свое порученіе, и герцогъ голштинскій—не-

навистное лицо для Императрицы Анны, «Голштинскій чертушка», какъ онъ назывался тогда въ Петербургѣ, явился наслѣдникомъ своей тетки. Въ Петербургѣ онъ бросилъ латинскую грамматику и лютеранскій катехизисъ и началъ прилежно учиться русскому языку и православному катехизису. Отъ природы онъ былъ слабосиленъ, къ тому же въ Голштиніи его такъ дурно воспитывали, что не помѣшали пріобрѣсти ему привычку пить. Перемѣна системы воспитанія и внѣшней обстановки разрушительно подѣйствовала на его отъ природы небойкія способности. Его учили столькимъ разнообразнымъ предметамъ, внушали ему столько различныхъ понятій, что онъ кончилъ тѣмъ, что не научился ничему и не пріобрѣлъ никакихъ твердыхъ понятій. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ оставался тѣмъ же, какимъ былъ въ дѣтствѣ, на серіозныя вещи онъ смотрѣлъ глазами дитяти, а дѣтскія забавы принималъ за серіозныя вещи. Вся его природа отзывалась чѣмъ-то удивительно недодуманнымъ и недодѣланнымъ; онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, казался ребенкомъ; но своимъ образомъ дѣйствій и мнѣніями онъ производилъ впечатлѣніе ребенка, вообразившаго себя взрослымъ. На самомъ дѣлѣ это былъ взрослый, оставшійся ребенкомъ, позабывшій выросги. Выросши и воспитываясь въ Голштиніи, вблизи Пруссіи, Петръ III рано подчинился обаятельному дѣйствію военнаго и политическаго идеала, который тогда многимъ кружилъ головы въ Европѣ—Фридриха II. Но въ миніатюрномъ умѣ Петра это поклоненіе выражалось въ мелочахъ, въ комическомъ вздорѣ. Военная слава Фридриха въ Петрѣ III вырождается въ игру въ солдатики; но для такого человѣка былъ слишкомъ крупенъ и неудобенъ живой солдатъ, который все-таки не можетъ стать гуттаперчевымъ орудіемъ. Онъ велѣлъ надѣлать себѣ армейскихъ солдатиковъ: сере-

бряныхъ, мѣдныхъ, деревянныхъ, которыхъ разставилъ въ кабинетѣ на столахъ обитыхъ мѣдью, съ протянутыми шнурками. Въ табельные дни великій князь облекался въ полный мундиръ, сзывалъ въ кабинетъ свою дворню и, дергая за шнурки, производилъ звуки, которые ему казались похожими на батальный ружейный огонь. Это—праздничный парадъ. Усердно занимаясь военнымъ дѣломъ, великій князь-наслѣдникъ былъ и глубокимъ военнымъ законовѣдомъ. Разъ жена, вошедши въ кабинетъ, застала его за страннымъ занятіемъ: въ кабинетѣ Петра стояла бисквитная крѣпость съ сахарными солдатиками; крыса ночью подкралась и одного изъ нихъ съѣла; ее поймали и привели на судъ. Великій князь сидѣлъ среди массы указовъ, въ которыхъ онъ искалъ основанія для суда надъ крысой; основаніе было найдено и крыса повѣшена. Не разъ Петръ вводилъ въ краску свою жену, когда вошедшій сановникъ заставалъ его за куклами, прежде чѣмъ жена успѣвала спрятать ихъ подъ кровать. Великій князь привезенъ былъ изъ Голштиніи въ совершенно невѣдомый ему міръ, и онъ боялся этого міра. Его миніатюрный природный разумъ не могъ расшириться въ мѣру географической широты новой Имперіи. Притомъ у него было развито до тонкости одно чувство, которое впрочемъ всегда легко развивается до совершенства,—это трусость: онъ всего и всѣхъ боялся въ Россіи и не разъ высказывалъ убѣжденіе, что здѣсь онъ погибнетъ. Не довѣряя туземцамъ, онъ старался окружить себя надежными иностранцами и составилъ свою знаменитую голштинскую гвардію; въ нее онъ набиралъ всякій сбродъ, людей разныхъ вѣръ и народностей; большею частью это были капралы и сержанты нѣмецкой службы. Поклонникъ Фридриха II, Петръ III хотѣлъ подражать ему во всемъ и стать настоящимъ воен-

нымъ человѣкомъ. Прусскій военный человѣкъ курилъ трубку и пилъ пиво, и Петръ III сталъ выкуривать огромное количество табаку и вытягивать непосильное количество бутылокъ пива, безъ чего онъ считалъ невозможнымъ сдѣлаться настоящимъ бравымъ офицеромъ; будучи еще великимъ княземъ и потомъ на престолѣ, Петръ III рѣдко умѣлъ доживать до вечера въ трезвомъ состояніи. Во дворцѣ часто бывали пирушки, разумѣется, по смерти тетки; къ голштинскимъ гвардейцамъ на пирушкѣ присоединялись итальянскія актрисы и пѣвицы, и среди этого общества Петръ за столомъ, по выраженію очевидца Болотова, «говорилъ такой вздоръ и нескладицу, что сердце обливалось кровью». Часто пирушка переносилась въ чужой домъ: Петръ III навязывался къ кому-нибудь въ гости, и тогда вся компанія отправлялась, сопровождаемая корзинками, которыя наполнены были голландскими трубками и картузами кнастера. Въ чужомъ домѣ зажигали нѣсколько десятковъ трубокъ, наполняли комнаты дымомъ, и Петръ съ наслажденіемъ похаживалъ въ табачномъ дымѣ, какъ будто онъ вращался въ настоящей своей сферѣ. Попойки эти, даже въ гостяхъ, оканчивались неприличными потѣхами. Разъ Петръ III, оканчивая обѣдъ у одного иностранца, вскочилъ изъ-за стола и, выбѣжавъ въ садъ, началъ скакать на одной ногѣ; всѣ сановники послѣдовали за нимъ и принялись дѣлать то же; тайные совѣтники въ лентахъ и со звѣздами, толкая другъ друга сзади согнутыми колѣнками, сбивали другъ друга съ ногъ при громѣ хохота. Петръ III имѣлъ и нѣкоторыя эстетическія наклонности: игралъ на скрипкѣ и считалъ себя великимъ виртуозомъ и комикомъ. Комическій талантъ его высказывался въ ловкости, съ какой онъ умѣлъ передразнивать другихъ; онъ пародировалъ священниковъ въ церкви, высовывалъ языкъ дьякону,

выходившему изъ алтаря съ евангеліемъ, но особенно хорошо передразнивалъ престарѣлыхъ дамъ, которыя не могли привыкнуть ко введенному Петромъ, вмѣсто стараго русскаго поклона, нѣмецкому присѣданію. Однимъ словомъ, Петръ III могъ быть чѣмъ угодно, только не Императоромъ. Много чудесъ перебывало на русскомъ престолѣ по смерти Петра Великаго: бывали на немъ и пожилые, и престарѣлые люди, и женщины, и малые и великіе люди, и бездѣтныя вдовы, и незамужнія матери семействъ; но еще не бывало скомороха; вѣроятно, игра случая направлена была къ тому, чтобы восполнить этотъ пробѣлъ нашей исторіи.

Съ такими понятіями и привычками Петръ III вступилъ на престолъ и образомъ своихъ дѣйствій тотчасъ вызвалъ въ обществѣ сильный ропотъ. Можно удивляться мастерству, съ какимъ онъ возбудилъ негодованіе противъ себя во всѣхъ классахъ общества, какъ будто онъ нарочно къ этой цѣли направлялъ всѣ свои поступки и правительственныя распоряженія. Прежде всего онъ вооружилъ противъ себя духовенство. Не зная самъ, какой онъ религіи, онъ задумалъ ввести больше раціонализма въ православіе; для этого онъ приказалъ вліятельному члену Святѣйшаго Синода, митрополиту Новгородскому Дмитрію Сѣченову, очистить Русскую Церковь отъ лишняго сора, т. е. отъ иконъ, оставивъ лишь мѣстныя иконы Спасителя и Божьей Матери; потомъ онъ приказалъ митрополиту принудить русскихъ священниковъ брить бороды и ходить въ короткомъ платьѣ, похожемъ на костюмъ протестантскаго пастора. Эти мѣры Дмитрій не спѣшилъ привести въ исполненіе, думая, что объ нихъ забылъ Петръ. Но всего болѣе раздраженія вызвалъ противъ себя Петръ III въ духовенствѣ секуляризаціей церковныхъ имуществъ. Уже его предшественникъ, Петръ Великій,

подумывалъ обратить обширныя земельныя церковныя имущества на служеніе государству и подчинить прямому государственному контролю управленіе ими. Маленькій его потомокъ привелъ эту мѣру въ исполненіе, поручивъ описать и взять въ распоряженіе государства всѣ церковныя земли. Такимъ образомъ важные экономическіе интересы духовенства были затронуты. Вслѣдъ за духовенствомъ вооружена была и гвардія, эта самоувѣренная, нѣсколько избалованная и, слѣдовательно, щекотливая часть русскаго общества. Поклонникъ Фридриха II, Петръ III не скрывалъ своего поклоненія; тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ облекся въ прусскій мундиръ, носилъ только прусскіе ордена и часто въ присутствіи придворныхъ лобызалъ стоявшій на каминѣ бюстъ Фридриха; онъ задумалъ облечь въ прусскій мундиръ и русскую армію; гвардія должна была снять свой привычный и любимый зеленый мундиръ, который ей былъ данъ Петромъ Великимъ, и облечься въ узенькій и разноцвѣтный мундиръ прусскій. Сколько проклятій досталось этому мундиру отъ гвардейскаго офицера и солдата. Петръ не любилъ гвардіи, какъ не любили ее и прежде его правившіе Россіей нѣмцы. Пробуя ввести прусскую дисциплину, Петръ III ежедневно производилъ ученіе, чрезвычайно обременительное для нѣсколько распущенныхъ полковъ, и къ тому же, по новымъ прусскимъ правиламъ; ни санъ, ни возрастъ не избавлялъ никого отъ обязанности участвовать въ этихъ ежедневныхъ прусскихъ экзерциціяхъ. Престарѣлые полковники и капитаны, давно забывшіе о плацъ-парадѣ, теперь должны были шагать вмѣстѣ съ рядовыми. Бывшій генералъ-прокуроръ Императрицы Елисаветы и фельдмаршалъ, князь Никита Трубецкой, въ качествѣ подполковника гвардейскаго полка, долженъ былъ шагать по улицамъ Петербурга вмѣстѣ со своимъ

полкомъ. Современникъ, выше названный Болотовъ, не могъ надивиться, что дѣлалось въ Петербургѣ. «Вотъ какъ времена перемѣнились: нынче и большіе, и небольшіе, и старички сами должны маршировать вмѣстѣ съ солдатами и хорошенько топтать и мѣсить грязь вмѣстѣ съ ними». Даже гетманъ Малороссіи, графъ Кириллъ Разумовскій, въ качествѣ подполковника Измайловскаго гвардейскаго полка, принужденъ былъ выучить всѣ новые артикулы; по хохлацкой своей неповоротливости, онъ не могъ поднять ноги и, чтобы усвоить себѣ это мудреное искусство, долженъ былъ взять себѣ офицера учителя. Къ тому же гвардія была оскорблена предпочтеніемъ, какое всюду оказывалось голштинцамъ. Петръ III грозилъ гвардіи распущеніемъ; гвардейскіе офицеры и солдаты боялись, что ихъ раскассируютъ по армейскимъ полкамъ, какъ это задумывалъ сдѣлать еще раньше Биронъ. Итакъ, теперь передъ встревоженнымъ русскимъ военнымъ и не военнымъ обществомъ опять сталъ призракъ ненавистнаго нѣмца, отъ котораго такъ много потерпѣло высшее общество въ минувшее время, до Елисаветы. Къ тому же всѣ замѣчали безпорядочность въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, «шаткость и капризность», по выраженію Болотова. Вся государственная машина стала разстраиваться; дѣла запутывались по отсутствію общей руководящей нити. Но что̀ нанесло самый чувствительный ударъ оскорбленной національности, это была внѣшняя политика Петра. Елисавета, какъ извѣстно, приняла участіе въ Семилѣтней войнѣ, поддерживая враговъ Фридриха. Русскія войска помѣрялись съ арміей великаго полководца и вышли изъ этого испытанія не безъ славы; Кунерсдорфская битва составила блестящую страницу въ военной исторіи Россіи XVIII вѣка. Восточная Пруссія съ Берлиномъ были завоеваны, и

самъ Фридрихъ былъ доведенъ до отчаянія. Онъ старался всячески сблизиться съ Россіей, отдавъ ей всю Восточную Пруссію. Петръ III, вступивъ на престолъ, заключилъ миръ, уступивъ ему всѣ завоеванія, и даже къ его арміи присоединилъ всѣ войска, направивъ ихъ противъ своихъ недавнихъ союзниковъ. Это возмутило всѣхъ, сверху до низу. Пожертвована была, наконецъ, и военная слава, и политическіе интересы, и самая внѣшняя безопасность Имперіи. Все это довело народный ропотъ до высшей степени напряженія; на улицахъ Петербурга собирались кучки гражданъ и открыто говорили вещи, которыхъ здѣсь никогда не было слышно. Этотъ ропотъ, постоянно развиваясь и крѣпчая, повелъ къ заговору, который и оправдалъ высказанное Петромъ предчувствіе о своей судьбѣ въ Россіи.

Низложеніе Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II.

Заговоръ, низвергнувшій Императора Петра III, образовался самъ собою, безъ особеннаго труда. Мысль устранить Петра отъ власти была распространена въ высшихъ кругахъ еще прежде, чѣмъ онъ сталъ Императоромъ, при жизни его тетки. Тогда уже близкіе къ Императрицѣ Елисаветѣ люди, познакомившись съ характеромъ племянника, думали—одни выслать его за границу съ женой, провозгласивъ преемникомъ Елисаветы маленькаго его сына; другіе—выслать одного Петра, провозгласивъ преемникомъ Павла, а регентство до его совершеннолѣтія передать его матери. Было даже намѣреніе предложить этотъ планъ самой Елисаветѣ. Образъ дѣйствій Петра III по вступленіи на престолъ сдѣлалъ болѣе распространеннымъ послѣдній планъ. Заговоръ составился

въ привычной къ заговору средѣ—гвардейскихъ казармахъ. Гвардію не было нужды подготовлять къ перевороту: къ подобнымъ переворотамъ она была давно подготовлена предшествовавшими дворцовыми переворотами. Своимъ отношеніемъ къ войску, особенной антипатіей къ цвѣту его, полкамъ гвардейскимъ, Петръ III самъ превосходно подготовилъ ихъ къ предпріятію. Нужны были только вожди, которые бы въ удобную минуту подняли гвардію во имя популярнаго лица. Ропотъ среди гвардейцевъ противъ Императора выражался даже открыто на улицахъ, такъ что наблюдатели уже весною 1762 года опасались, какъ бы не случился бунтъ, «а особенно отъ чрезвычайно огорченной гвардіи», по выраженію Болотова. Эти вожди скоро явились: то была гвардейская офицерская молодежь, среди которой была чрезвычайно популярна Императрица. Самыми видными дѣльцами переворота были офицеры гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго—Пассекъ и Бредихинъ; Измайловскаго—братья Рославлевы и Ласунскій; офицеръ конной гвардіи—22-лѣтній Хитрово и 17-лѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ. Это были дѣльцы переворота въ отдѣльныхъ полкахъ. Но душой предпріятія были братья Орловы: это цѣлое гнѣздо—ихъ было пятеро. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ второй—Григорій, артиллерійскій офицеръ. Участвуя въ Семилѣтней войнѣ, молодой, красивый и сильный, какъ и всѣ Орловы, онъ былъ герой при попойкахъ и дракахъ. Орловы были любимцы во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ; въ рукахъ ихъ и сосредоточивались нити всего предпріятія. Григорій вдохновлялъ; братъ его Алексѣй, богатырь того времени, которому ничего не стоило потомъ поднять карету съ Императрицей на своихъ плечахъ, былъ рабочимъ въ предпріятіи. То были дѣльцы заговора. Они къ іюню уже успѣли настолько

*

его организовать, что могли расчитывать на огромную вооруженную массу, сочувствовавшую дѣлу. Если вѣрить самой Екатеринѣ, въ іюнѣ она располагала 40 офицерами и 10-ю тысячами гвардейскихъ солдатъ. Всѣ сочувствовавшіе дѣлу были раздѣлены на группы, на отдѣлы. Руководители отдѣловъ сходились для совѣщаній, но посредниками между составленнымъ тайнымъ обществомъ и лицомъ, во имя котораго затѣвалось предпріятіе, служили братья Орловы. Григорій, которому тогда было 27 лѣтъ, давно былъ въ сношеніяхъ съ Императрицей; только эти сношенія искусно скрывались. Екатерина относилась къ дѣлу сначала безучастно, т. е. осторожно. Друзья уже въ минуту смерти Елисаветы обращались къ ней съ предложеніемъ, внушали, что можно начать дѣйствовать, но она отклоняла эти предложенія. Повидимому, ее и не хотѣли слишкомъ замѣшивать въ дѣло изъ предосторожности. Даже подозрительный надзоръ, руководителемъ котораго былъ не Петръ III, а прусскій посланникъ Гольцъ, не могъ уловить нити, посредствомъ которой Екатерина управляла дѣломъ, т. е. уловить ея сношенія съ главами заговора. Толчекъ къ движенію, заставившій Императрицу дѣятельно вмѣшаться въ заговоръ, обратить бòльшее вниманіе на внушенія друзей, данъ былъ самимъ Петромъ по случаю празднованія позорнаго мира съ Фридрихомъ Прусскимъ въ маѣ 1762 года. По случаю этого мира во дворцѣ былъ парадный обѣдъ. Петръ III провозгласилъ тостъ за Императорскую фамилію. Екатерина выпила, не вставши. Петръ спросилъ, почему она не встала. Екатерина отвѣчала, что не считала это нужнымъ, такъ какъ Императорская фамилія состоитъ изъ Императора, ея самой и ихъ сына. «А мой дядя?»—закричалъ сердито Петръ. Сказавши это, онъ приказалъ адъютанту Гудовичу подойти къ Императрицѣ и сказать ей, что

она дура. Но боясь, что Гудовичъ точно не передастъ это мудреное слово, онъ самъ закричалъ его въ присутствіи сановниковъ и другихъ лицъ. Императрица расплакалась, но потомъ, овладѣвъ собой, обратилась къ стоявшему у нея за стуломъ шутнику и остряку Строганову, попросила его начать какой нибудь забавный разговоръ, что Строгановъ исправно и сдѣлалъ. Въ тотъ же вечеръ данъ былъ приказъ арестовать Императрицу. Исполнитель приказа, адъютантъ князь Барятинскій, участникъ заговора, не зная что̀ дѣлать, бросился къ дядѣ Императора, принцу Георгу Голштинскому, фельдмаршалу и командиру Конногвардейскаго полка, извѣстному тогда въ Петербургѣ просто подъ именемъ принца Жоржа. Принцъ Жоржъ отговорилъ племянника. Это приключеніе, если вѣрить Екатеринѣ, впервые открыло ей глаза на грозившую ей опасность, и она внимательнѣе стала относиться къ предложеніямъ своихъ друзей, т. е. дѣятельнѣе вмѣшалась въ заговоръ. Заключивъ миръ съ Пруссіей, отдавъ Фридриху всѣ завоеванія, пожертвовавъ всѣми пріобрѣтенными оружіемъ выгодами, Петръ III съ шумомъ начинаетъ войну съ Даніей за свои голштинскіе интересы, которые у него всегда стояли на первомъ планѣ. Онъ готовился самъ отправиться въ армію, дѣйствовавшую противъ Фридриха до смерти Елисаветы и теперь изъ Пруссіи готовившуюся въ походъ на Данію. Заговорщики рѣшились дождаться отъѣзда Императора, чтобы начать дѣйствовать.

Такъ устроенъ былъ заговоръ. Не надо, однако, думать, что онъ былъ исключительно дѣломъ гвардейской молодежи: ему сочувствовали и высшія правительственныя сферы, которыя только не хотѣли принимать прямого участія въ заговорѣ; даже въ средѣ, близкой къ Императору, были такія сочувствовавшія лица. Важнѣе всѣхъ для заговорщиковъ былъ гетманъ Кириллъ Ра-

зумовскій, чрезвычайно популярный человѣкъ въ Преображенскомъ полку, которымъ онъ командовалъ. Популярность эту онъ пріобрѣлъ своей безпримѣрной щедростью; онъ сорилъ деньгами въ полку, благодаря своему огромному богатству. Ласунскій, его домашній человѣкъ, былъ посредникомъ между нимъ и офицерами, Но Разумовскій не разрывалъ своихъ близкихъ сношеній съ Императоромъ. Важное значеніе для заговорщиковъ имѣлъ Никита Панинъ; этотъ первостепенный дипломатъ, тогда бывшій при дѣлахъ, занималъ въ то же время должность воспитателя великаго князя наслѣдника Павла. При Елисаветѣ онъ былъ посломъ въ Швеціи и на посту этомъ прекрасно представлялъ интересы русскаго кабинета. Панинъ—лѣнтяй, для котораго тяжка была всякая работа, тихонько и оставаясь въ тѣни, подготовлялъ дѣло. Но такъ какъ у него были свои политическіе планы, далеко расходившіеся съ видами Императрицы, то онъ не высказывался и не вмѣшивался дѣятельно въ самый заговоръ. Панинъ не желалъ просто передать власть отъ одного лица къ другому; онъ думалъ, что съ этимъ переворотомъ надо связать вопросъ объ образѣ правленія въ Россіи, чтобы свести дѣла съ той колеи, по которой шли они, освободить ихъ отъ вліянія случая. Послѣ мы познакомимся съ его политическими планами. Если не вліятельную и полезную, то видную и шумную роль играла въ дѣлѣ еще одна молодая дама, имѣвшая 18 лѣтъ отъ роду — княгиня Екатерина Романовна Дашкова, которая въ запискахъ своихъ и разсказываетъ объ этомъ переворотѣ. Впрочемъ, не надо вѣрить этому разсказу: онъ передаетъ дѣло въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ; по разсказу ея, никакого заговора не было, а все она сдѣлала; всѣхъ она уговорила, всѣхъ вывела на улицу и совершила революцію. Это потому, что она много хлопотала и не

замѣтила заговоръ, т. е. вожди заговора не сообщили ей ничего. Екатерина Романовна, племянница тогдашняго великаго канцлера Воронцова и родная сестра фаворитки Императора, Елисаветы Романовны, еще до царствованія Петра сблизилась съ великой княгиней Екатериной. Первоначально ихъ сблизили общіе интересы—литературные; обѣ онѣ были поклонницами французской литературы и въ петербургскомъ высшемъ обществѣ считали себя единственными образованными дамами. Тотчасъ по смерти Елисаветы, Дашкова хлопочетъ объ избавленіи Екатерины отъ грозившей ей опасности, приступаетъ съ просьбой указать ей планъ дѣйствія. Екатерина отвѣчала уклончиво, что она готова встрѣтить терпѣливо все, что̀ ее ожидаетъ, т. е. что она не хочетъ довѣриться такому молодому лицу. Дашкова хлопочетъ привлечь къ предпріятію Никиту Панина, когда Никита Панинъ уже давно сдѣлалъ для дѣла больше ея. У мужа ея, молодого человѣка, собирались гвардейскіе офицеры. Она и ихъ уговаривала примкнуть къ дѣлу, а это были все давнишніе заговорщики, устроившіе дѣло и руководившіе имъ. Они молчаливо соглашались съ молодою княгиней, но не посвящали ее въ свое дѣло. Дашкова всюду хлопотала, суетилась больше всѣхъ, считала себя устроительницей предпріятія и до конца его не замѣтила, что предпріятіе устроилось помимо ея и что вожди дѣла не хотѣли посвятить ее въ тайну. Фридрихъ не даромъ называлъ Дашкову «хлопотливой мухой съ повозкой». Такъ Дашкова не вскрываетъ въ своемъ разсказѣ дѣйствительнаго хода дѣла.

Вожди заговора старались ускорить ходъ дѣла и для того стали распространять слухи объ опасности, угрожавшей Императрицы. Слухи эти имѣли основаніе въ приказѣ объ арестѣ, который былъ изданъ Импера-

торомъ. Весь Петербургъ былъ убѣжденъ, что въ недалекомъ будущемъ Екатеринѣ предстоитъ разводъ и заключеніе въ монастырь. Мѣсто ея предполагали замѣнить Елисаветой Воронцовой. Теперь, когда она вмѣшалась въ заговоръ, можно было расчитывать на участь, еще болѣе печальную, чѣмъ монастырь, хотя и монастырь былъ бы тяжелой долей для поклонницы Вольтера. Собираясь въ армію, Императоръ велъ за собою и гвардію; гвардіи горько было разставаться со столицей, особенно для такой смѣшной войны, которая тогда затѣвалась.

Какъ при вступленіи Елисаветы, такъ и теперь, дѣло рѣшено было сдѣлать до выступленія гвардіи. Солдаты съ часу на часъ ждали бѣды надъ любимой Императрицей. 27-го іюня къ Пассеку прибѣгаетъ внѣ себя гвардейскій солдатъ и говоритъ, что Императрица навѣрно погибла. Пассекъ сталъ увѣрять его, что это вздоръ и отпустилъ солдата отъ себя. Не угомонившись, солдатъ бросился къ другому офицеру съ той же тревогой. Но этотъ офицеръ не принадлежалъ къ обществу и смекнувъ, что Пассекъ не арестовалъ солдата, сообразилъ, что дѣло нечисто; онъ донесъ по начальству, а послѣднее приказало арестовать Пассека. Это и подняло на ноги весь Преображенскій полкъ и другихъ заговорщиковъ. У Дашковой сидѣлъ Панинъ въ то время, когда прискакалъ Григорій Орловъ съ извѣстіемъ объ арестѣ. Дашкова подумала, что Григорій спѣшилъ сообщить это извѣстіе ей, какъ главѣ заговора; Григорій Орловъ собственно искалъ Панина, съ которымъ ему нужно было переговорить. Встревоженная этимъ, Дашкова сдѣлала распоряженіе, чтобы тотчасъ отправились въ Петергофъ, гдѣ жила Императрица, и привезли ее въ Петербургъ, пославъ для этого даже карету изъ Петербурга. Но Орловъ уже сдѣлалъ распоряженіе. Рано по утру 28 іюня Алексѣй Орловъ

скакалъ къ Петергофу и прямо безъ доклада вошелъ въ спальню къ Императрицѣ: «Пора вставать. Все готово къ вашему провозглашенію».—«Какъ, что?» перебила Екатерина.—«Пассекъ арестованъ». Екатерина болѣе не спрашивала, дѣло было понятно: арестованный Пассекъ могъ подвергнуться пыткѣ и выдать всѣхъ. Алексѣй Орловъ усадилъ Императрицу въ карету, въ которой пріѣхалъ, и повезъ ее прямо въ Измайловскія казармы, гдѣ солдаты были уже приготовлены къ встрѣчѣ Григоріемъ Орловымъ и другими офицерами. Солдаты съ шумомъ выбѣжали изъ казармъ, бросились цѣловать руки, ноги, платье Императрицы; притащили подъ руки священника съ крестомъ и начали присягать. Присягнувъ, они съ тѣмъ же священникомъ во главѣ пошли въ казармы Семеновскаго полка, гдѣ повторились тѣ же самыя сцены. Во главѣ двухъ полковъ Екатерина двинулась къ Казанскому собору, и здѣсь былъ отслуженъ Дмитріемъ Сѣченовымъ молебенъ. Екатерина провозглашена была самодержавной Императрицей. Не возбуждали вопроса о законности переворота. Изъ Казанскаго собора отправились къ Зимнему дворцу. Тамъ былъ въ сборѣ Сенатъ и Синодъ; оба учрежденія и не возбуждали вопроса о законности начатаго Екатериной дѣла. Наскоро здѣсь составленъ былъ манифестъ, безсвязно, безграмотно, что объяснялось поспѣшностью его изготовленія. Манифестъ этотъ гласилъ, что Екатерина вступилась за православную вѣру, попранную Императоромъ, за военную славу Россіи, опозоренную миромъ съ Пруссіей и, наконецъ, за цѣлость внутреннихъ государственныхъ порядковъ, которые совсѣмъ ниспровержены дѣйствіями Петра III.

Надо было обезпечить за собой важнѣйшіе стратегическіе пункты, прежде всего флотъ и Кронштадтъ. Туда отправленъ былъ адмиралъ Талызинъ съ прика-

заніемъ принять начальство надъ крѣпостью и флотомъ. Къ вечеру предпринятъ былъ походъ къ Петергофу. Екатерина съ Дашковой, обѣ верхомъ и обѣ въ гвардейскихъ мундирахъ, съ распущенными волосами подъ шляпами, украшенными дубовыми вѣтками, стали во главѣ значительнаго отряда гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, всего тысячъ до 14; вечеромъ выступили изъ Петербурга и, отдохнувъ короткое время на полудорогѣ, утромъ 29-го подошли къ Петергофу. Императоръ жилъ въ Ораніенбаумѣ. 29 іюня (день его именинъ) предполагалось наканунѣ со всѣмъ дворомъ переѣхать въ Петергофъ и на другой день отпраздновать именины баломъ, для чего Екатеринѣ приказано было приготовить бальное платье. Послѣ обѣда Императоръ двинулся въ Петергофъ, пославъ напередъ Гудовича приготовить помѣщеніе. Гудовичъ воротился въ страшномъ испугѣ, объявивъ, что Императрицы нѣтъ; Петръ встревожился, выскочилъ изъ кареты, пробѣжалъ черезъ садъ въ домикъ, гдѣ жила Екатерина, въ Монплезиръ, обшарилъ всѣ углы въ домѣ, перетряхнулъ даже бальное платье, чтобы узнать, нѣтъ ли ея тамъ, и внѣ себя выбѣжалъ къ обществу, сказавъ: «Я вѣдь говорилъ, что она на все способна». Тогда онъ бросился искать ее по саду, пока ему не сообщили о томъ, что̀ случилось въ Петербургѣ. Петръ совершенно растерялся, его визгливые крики смѣшались съ плачемъ и говоромъ, поднявшимся въ его свитѣ. Одинъ Минихъ предлагалъ ему опредѣленный планъ дѣйствія. Онъ сказалъ, что надо спѣшить въ Кронштадтъ, захватить крѣпость и уничтожить движеніе. Но для этого плана нуженъ былъ смѣлый человѣкъ. Все общество поплыло къ Кронштадту; Кронштадтъ былъ уже въ рукахъ Талызина, который далъ знать приближающимся, что если они не удалятся, то онъ будетъ стрѣлять изъ крѣпости. Минихъ говорилъ

Императору, чтобы онъ не обращалъ вниманія на эту угрозу, а вмѣстѣ съ нимъ, Минихомъ, спрыгнулъ на берегъ, и тогда все будетъ устроено. Но Петръ забился въ самый уголъ барки и тамъ съ оханьемъ жаловался на свою судьбу. Общество воротилось назадъ. Екатерина приближалась къ Петергофу. Петръ послалъ ей предложеніе раздѣлить власть; предложеніе осталось безъ отвѣта. Тогда онъ ей предложилъ отречься отъ престола; Екатерина приняла это предложеніе, но съ условіемъ подписать тотъ актъ отреченія, который она составитъ. Петръ подписалъ этотъ актъ отреченія, въ которомъ самъ себя обвинялъ въ неспособности къ управленію. Между тѣмъ занятъ былъ Петергофъ, и Петра III привезли изъ Ораніенбаума; съ трудомъ можно было спасти его отъ остервенѣвшихъ солдатъ. Петръ не сохранилъ никакого достоинства: увидавшись съ Панинымъ, бросился цѣловать его руки. Воронцова упала на колѣна и просила не разлучать ее съ Петромъ. Петръ просилъ, удаляясь съ престола, оставить ему 4 любимые предмета: Воронцову, негра, собаку и скрипку. Этотъ случайный, минутный гость русскаго престола, какъ началъ, такъ и кончилъ скоморохомъ. Его тотчасъ перевезли въ Ропшу, загородный дворецъ въ 27 верстахъ отъ Петергофа. Его предназначали для другой крѣпости: приказано было приготовить для него помѣщеніе въ Шлиссельбургѣ. Такъ совершился переворотъ.

Устроивъ все, 30-го іюня Екатерина имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ. День былъ ясный и жаркій, и Петербургъ встрѣтилъ Императрицу съ неописаннымъ восторгомъ. Это была самая веселая изъ извѣстныхъ намъ революцій, въ продолженіе ея не было пролито ни капли крови; но безкровная, она не была безвинная: вина было выпито много. Солдатамъ были открыты погреба, кабаки и трактиры. У виноторговцевъ

брали напитки безъ позволенія хозяевъ. Солдаты и солдатки въ ушаты и боченки сливали водку, вино, пиво, шампанское и все это выпивали. Пиръ былъ на весь міръ. Въ 1765 году еще шло въ Сенатѣ дѣло виноторговцевъ о вознагражденіи ихъ за растащенное солдатами и другими людьми вино, суммой на 24 тыс. 31 р., выпитое при благополучномъ Ея Императорскаго Величества восшествіи на россійскій престолъ. Однако, переворотъ имѣлъ и свой печальный эпизодъ: 6 іюля среди хлопотъ новой Императрицы, она получила извѣстіе о смерти Петра III въ Ропшѣ. Смерть эта была насильственная; объ ней позаботились Орловы, безъ согласія на то Екатерины. Дашкова навѣстила ее въ самую минуту этой вѣсти; Екатерина была убита событіемъ; она сказала Дашковой: «эта смерть приводитъ меня въ ужасъ; ударъ этотъ сокрушилъ меня». Въ самомъ дѣлѣ, такой эпизодъ бросаетъ очень мрачную тѣнь на безкровную революцію. Виновникомъ дѣла былъ Алексѣй Орловъ; это теперь несомнѣнно; это онъ засвидѣтельствовалъ въ письмѣ къ Екатеринѣ. Онъ писалъ это письмо наскоро и, кажется, не совсѣмъ трезвымъ; очевидно, для ободренія потребовались крѣпкіе напитки. Алексѣй Орловъ просилъ въ письмѣ прощенія за совершившееся. По смерти Екатерины, Безбородко передалъ Императору Павлу шкатулку, въ которой бережно хранились нѣкоторыя бумаги; въ числѣ этихъ бумагъ было и письмо Алексѣя Орлова, тогда еще живого. Павелъ, прочитавъ письмо, говорятъ, воскликнулъ: «слава Богу, теперь разсѣяны всѣ сомнѣнія, которыя я имѣлъ на счетъ отношеній моей матери къ смерти отца».

Такъ на престолъ вступила Императрица, получившая власть безъ всякихъ обязательствъ, какъ самодержавная государыня. Теперь мы должны познакомиться съ этимъ лицомъ, его біографіей и характеромъ.

Біографія Екатерины II.

Императрица Екатерина была такою же политическою случайностью, какихъ много бывало на русскомъ престолѣ въ XVIII в. По происхожденію своему она соединяла въ себѣ два мелкихъ княжества Сѣверной Германіи: по матери она была связана съ домомъ Голштинскимъ, а отецъ ея былъ мелкій принцъ, владѣвшій княжествомъ Ангальтъ-Цербтскимъ. Этотъ отецъ, владѣтельный принцъ, состоялъ на прусской службѣ; сначала былъ комендантомъ, а потомъ губернаторомъ Штеттина, неудачно баллотировался въ герцоги курляндскіе и кончилъ жизнь прусскимъ фельдмаршаломъ. Въ Штеттинѣ и родилась 2-го мая 1722 г. его дочь Софія-Августа, наша Екатерина II. Такимъ образомъ, Екатерина вышла изъ міра мелкихъ князей Сѣверной Германіи. Это былъ любопытный уголокъ Европы, имѣвшій нѣкоторое значеніе въ ея политической исторіи. Эти мелкіе князья играли, однако, видную роль въ исторіи крупныхъ державъ, благодаря своимъ широкимъ родственнымъ связямъ; здѣсь все были наслѣдники и наслѣдницы, ждавшіе чужого престола; здѣсь всегда былъ неистощимый запасъ мелкихъ жениховъ, которые высматривали крупныхъ невѣстъ, и мелкихъ невѣстъ, которыя мѣтили на крупныхъ жениховъ. Европейскій міръ привыкъ видѣть въ этомъ углу Европы коллекцію царскихъ головъ, неимѣвшихъ своей короны, но дожидавшихся коронъ, которыя оставались безъ головъ. Голштинскій домъ шелъ впереди своихъ сосѣдей въ этомъ исканіи чужихъ коронъ и престоловъ, или, по крайней мѣрѣ, выгодныхъ должностей на чужой службѣ. Благодаря тому, что одна изъ дочерей Петра Великаго вышла за герцога Голштинскаго, домъ этотъ получилъ

нѣкоторое значеніе и въ нашей исторіи 18 столѣтія. Екатерина была тѣсно связана съ этимъ домомъ по родству со стороны матери. Недаромъ еще въ дѣтствѣ одинъ каноникъ въ Брауншвейгѣ предсказалъ ей блестящую будущность. «На лбу вашей дочери», сказалъ онъ ея матери, «я вижу три короны».

Екатерина воспитывалась въ суровой обстановкѣ. Отецъ ея былъ усердный служака Фридриха II-го и въ дѣлахъ дома подчинялся командѣ своей жены; а эта жена была удивительная дама, непосѣдливая и неуживчивая, вѣчно со всѣми ссорившаяся—живая интрига, воплощенное приключеніе. Въ жизни своей она исколесила всю Европу, участвовала во всякихъ закулисныхъ дипломатическихъ интригахъ, служила Фридриху II по такимъ дипломатическимъ дѣламъ, за которыя стыдились взяться настоящіе дипломаты, и этимъ заслужила его расположеніе; она скончалась незадолго до вступленія на престолъ дочери, въ Парижѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ воспитаніи дѣтей она держалась самыхъ простыхъ правилъ; Екатерина сама послѣ признавалась, что за каждую неловкость ждала себѣ отъ матери пощечины.

Встрѣча счастливыхъ случайностей вывела Екатерину изъ ея скромной доли. Одинъ изъ ея многочисленныхъ дядей, герцогъ голштинскій, нѣкоторое время считался женихомъ нашей Елисаветы, когда она была еще великой княжной; несмотря на преждевременную смерть принца, Елисавета всегда сохраняла самое нѣжное о немъ воспоминаніе и потому жаловала его племянницу съ матерью. Разъ даже подарила имъ портретъ своего бывшаго жениха, украшенный брилліантами. Портретъ могъ остаться фамильнымъ украшеніемъ, а брилліанты были очень нужны бѣдной семьѣ штеттинскаго коменданта. Въ то время Елисавета оза-

бочена была отысканіемъ удобной невѣсты для своего племянника, наслѣдника престола. Близкіе люди уговаривали взять невѣсту поскромнѣе, безъ вліятельнаго родства, потому что такая невѣста будетъ особенно почтительна къ Императрицѣ и къ наслѣднику. Въ пользу Екатерины хлопоталъ тѣсный кружокъ, тогда ворочавшій всѣми дѣлами при русскомъ дворѣ. Этотъ кружокъ состоялъ изъ воспитателя наслѣдника—голштинскаго агента Брюмера; дипломатическаго французскаго агента маркиза де-ля-Шетарди, пріѣхавшаго хлопотать о союзѣ Россіи съ Франціей, наперекоръ Бестужеву-Рюмину, который держался австрійскаго союза; изъ Лестока — одного изъ дѣятелей переворота 1741 года, получавшаго пенсію отъ Франціи за свои французскія услуги при русскомъ дворѣ; наконецъ, изъ нѣсколькихъ русскихъ, близкихъ къ Елисаветѣ, большею частью личныхъ враговъ канцлера Бестужева-Рюмина. Эти люди и уговорили Елисавету отдать предпочтеніе передъ всѣми невѣстами Екатеринѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя доводилась троюродной сестрой своему будущему мужу. Въ 1744 году въ глубокой тайнѣ мать съ дочерью отправились въ Петербургъ и явились неожиданно для всего дипломатическаго міра, который не ожидалъ такого страннаго выбора. Тайная рука, устроившая это дѣло, принадлежала прусскому королю Фридриху II. Онъ самъ впослѣдствіи признавался, что бракъ дочери его штеттинскаго коменданта съ наслѣдникомъ русскаго престола необходимъ былъ для обезпеченія прусскихъ интересовъ, и что Екатерина была для него самымъ удобнымъ орудіемъ для обезпеченія этихъ интересовъ. Екатерина явилась въ Петербургъ очень бѣдной невѣстой; она привезла туда, по ея словамъ, всего дюжину сорочекъ и 3—4 платья, да и тѣ сдѣланныя на вексель.

Такого гардероба было мало для русскаго двора, при которомъ разъ во время пожара сгорѣло 4000 ожидавшихъ очереди платьевъ.

Екатерина попала при русскомъ дворѣ въ пестрое суетливое общество, которое было въ хлопотахъ съ утра до вечера. Хлопоты эти преимущественно сосредоточивались вокругъ карточнаго стола. Карточная игра свирѣпствовала въ тѣ годы, когда Императрица была еще здорова. Въ первое время положеніе Екатерины при дворѣ было очень шатко. Достаточно одного случая, чтобы понять всю щекотливость ея положенія. Разъ, еще невѣстой, сидитъ она на окнѣ съ женихомъ и смѣется; вдругъ изъ комнаты Императрицы вылетаетъ Лестокъ и говоритъ: «скоро кончится ваше блаженство», затѣмъ, обращаясь къ Екатеринѣ, прибавляетъ: «извольте укладываться, вы скоро уѣдете домой». Мать поссорилась со всѣми при дворѣ и съ Императрицей, которая едва не выслала ее съ дочерью домой. Впослѣдствіи принцесса ангальтъ-цербтская была выслана, но безъ дочери. Значитъ, Екатеринѣ нужно было держаться вѣчно на сторожѣ; она, впрочемъ, хорошо была подготовлена ко всякимъ житейскимъ невзгодамъ. Фамильнымъ преданіемъ Голштинскихъ, Ангальтъ-Цербтскихъ и др. было жить на чужой сторонѣ, на чужой службѣ; эту фамильную привычку унаслѣдовала и Екатерина, которая, какъ всѣ бездомные люди, всюду чувствовала себя дома. Въ молодости она много видѣла; она воспитывалась въ Штеттинѣ, часто бывала въ Брауншвейгѣ, Гамбургѣ, Килѣ; ее возили даже въ Берлинъ, гдѣ она видала дворъ прусскаго короля. Такая подвижная жизнь много помогла раннему развитію наблюдательности и житейской опытности. Екатерина, вообще, развилась рано; въ 14 лѣтъ она поражала всѣхъ своимъ ростомъ и своею раз-

витостью. Воспитаніе также обогащало запасъ ея житейской опытности; чего-нибудь да стоилъ одинъ личный составъ ея воспитателей. Въ то время Сѣверная Германія была наводнена гугенотами, бѣжавшими изъ Франціи вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта; гугеноты эти большею частью принадлежали къ образованному французскому мѣщанству; они скоро завладѣли торговлею и промышленностью сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ и начали уже овладѣвать школой и воспитаніемъ. Екатерина училась у паписта, католическаго патера Перара, у лютеранскаго пастора Вагнера, который ненавидѣлъ папу, у кальвиниста Лорана, который ненавидѣлъ и папу, и Лютера; а попавъ въ Россію, училась закону Божію у архимандрита Симона Тодорскаго, который ненавидѣлъ и папу, и Лютера, и Кальвина. Можно понять, какой разнообразный и богатый запасъ религіозныхъ свѣдѣній должна была получить Екатерина отъ такихъ воспитателей, рѣдко соединяющихся для одного общаго дѣла. Образъ жизни ея въ Россіи также помогалъ успѣхамъ ея образованія. Вышедши замужъ, она не долго ужилась съ мужемъ. Это понятно: довольно трудно представить себѣ двухъ людей, которые бы такъ мало шли другъ къ другу, какъ Императоръ Петръ III и Екатерина. Черезъ нѣсколько времени они разошлись ко взаимному удовольствію. Петръ былъ очень радъ, что избавился отъ общества жены; жена была очень рада, что избавилась отъ общества мужа; это открыло ей обширный досугъ. Въ шутливой эпитафіи, какую Екатерина сама написала себѣ въ 1778 году, она признается, что въ 18 лѣтъ скуки и уединенія, т. е. замужества, она поневолѣ прочла много книгъ; этими книгами были сначала романы, но потомъ ей попалась въ руки книжка Вольтера, и она прочла ее съ восторгомъ; съ тѣхъ

поръ, по ея словамъ, она не читала ничего, что бы было такъ хорошо написано, и изъ чего можно было бы извлечь такую же пользу. Разборчивость въ выборѣ матеріала для чтенія впослѣдствіи помогла ей обогатиться самыми разнообразными знаніями. При русскомъ дворѣ этими знаніями, этой развитостью, которую она пріобрѣла воспитаніемъ, она старалась воспользоваться для достиженія трудныхъ задачъ, ей здѣсь предстоявшихъ.

Ей нужно было здѣсь упрочить свое положеніе, которое лишилось одной изъ главныхъ опоръ со времени охлажденія между нею и Петромъ III. Прежде всего Екатерина поставила себѣ задачей внимательно изучить русскіе обряды; она часто молилась и постилась, особенно при людяхъ. Прислуга нерѣдко заставала ее въ спальнѣ передъ иконами съ молитвенникомъ въ рукахъ. Разъ Елисавета велѣла ей говѣть на первой недѣлѣ поста; Екатерина попросила у нея позволенія поститься весь постъ. Второй ея заботой было изученіе русскаго языка. Часто по ночамъ она вставала, чтобы заучить мудреныя русскія слова. Эти безпрерывныя занятія разъ даже причинили ей опасную болѣзнь. Оба эти занятія служили средствомъ для изученія среды, въ которую она попала. Среда эта была мудреная, не совсѣмъ привычная для Екатерины; она пользовалась различными средствами для ея изученія. Она разспрашивала прислугу, даже не чуждалась подслушиванія: разъ, больная, притворилась спящей; присутствовавшія дамы говорили о такихъ вещахъ, о которыхъ онѣ безъ этой хитрости не сказали бы ей. Такимъ образомъ, Екатерина довольно близко вошла въ жизнь и въ отношенія общества, среди котораго ей приходилось вращаться. Она сама описываетъ намъ тактику, какой она держалась; она говоритъ, что старалась пріобрѣсти любовь всѣхъ, большихъ и малыхъ, и взяла себѣ за

правило думать, что нуждается во всѣхъ; не держалась никакихъ партій, ни во что не вмѣшивалась, была со всѣми ласкова, никому не отдавала предпочтенія, старалась казаться веселой, оказывала безпрекословное повиновеніе матери, которой не терпѣла, глубокое уваженіе Императрицѣ, надъ которой смѣялась, и глубокое почтеніе къ мужу, котораго презирала; однимъ словомъ, всѣми средствами старалась заслужить любовь въ публикѣ. У ней была опредѣленная цѣль, къ которой она направляла эту хорошо расчитанную тактику; цѣлью этой былъ русскій престолъ. По ея признанію, она охотно бы разсталась съ мужемъ; въ запискахъ своихъ она передаетъ свое раздумье наканунѣ свадьбы. Будущее не обѣщало ей ничего прочнаго. «Одно честолюбіе», говоритъ она, «меня поддерживаетъ; во мнѣ есть, я не знаю, что такое, что ни на минуту не оставляетъ во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я добьюсь своей цѣли, сдѣлаюсь самодержавной Императрицей». Этой цѣли принесены были тѣ нравственныя жертвы, о которыхъ она разсказываетъ. Ей пришлось пережить много огорченій, особенно выходившихъ изъ ея отношеній къ мужу; мужъ обращался съ ней при людяхъ презрительно, она должна была скрывать страданія, которыя испытывала, чтобы не быть жертвой состраданія другихъ. Наплакавшись наединѣ, она быстро отирала слезы и выходила къ фрейлинамъ всегда смѣющаяся и спокойная. Это умѣнье уступать обстоятельствамъ, примиряться съ ролью брошенной жены, было вознаграждено ея успѣхомъ при дворѣ. Она взяла свое положеніе съ бою и уже при Елисаветѣ успѣла упрочить его, хотя этому много помогъ и ея мужъ. Елисавета, ближе узнавъ племянника, выходила изъ себя при одной мысли о немъ. Екатерина передаетъ въ

своихъ запискахъ тѣ ужасные эпитеты, которыми тетка честила своего племянника; чѣмъ больше охладѣвала Императрица къ Петру, тѣмъ больше она научалась цѣнить его жену. Уже лѣтъ за 5 до смерти Елисаветы, наблюдатели свидѣтельствуютъ о томъ вліяніи, какое она получила при дворѣ. Въ началѣ Семилѣтней войны, въ 1756 году, англійскій посланникъ Вильямсъ пишетъ о великой княгинѣ въ своемъ донесеніи правительству: «съ самаго прибытія своего въ Петербургъ великая княгиня всѣми средствами старалась пріобрѣсти всеобщую любовь, но теперь ее не только любятъ, но и боятся. Многіе, которые стоятъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ Императрицѣ, не пропускаютъ случая угодить подъ рукой великой княгинѣ».

Все это перемѣнилось со смерти Елисаветы. Разрывъ между мужемъ и женой сталъ теперь открытѣе. Екатерина должна была испытать пренебрежительное отношеніе еще въ большей степени. Сторонній наблюдатель, французскій посолъ Бретейль, въ своихъ запискахъ изображаетъ намъ какъ бы лѣтопись невзгодъ, какія постигаютъ брошенную Императрицу. Въ началѣ царствованія Петра III Бретейль пишетъ, что великая княгиня старается вооружиться философіей, что, впрочемъ, противорѣчитъ ея характеру; философія была необходимымъ оружіемъ при томъ положеніи, въ какое стала Императрица. Въ другой депешѣ посолъ пишетъ: говорятъ, Императрицу узнать нельзя; она чахнетъ и скоро сойдетъ въ могилу». Но Императрица не сошла въ могилу, а твердой стопой шла по избранному пути. Она публично показывала глубокое благоговѣніе къ русскимъ обрядамъ; особенно была замѣтна при гробѣ Елисаветы. Между тѣмъ какъ новый Императоръ при этомъ гробѣ вертѣлся, высовы-

валъ языкъ церковно-служителямъ, Императрица исполняла все, что требовалось въ этомъ случаѣ: часто являлась въ церковь, усердно молилась и постилась, чѣмъ заслужила, по словамъ посла, особенную благодарность со стороны духовенства и народа. И плоды ея заботъ скоро сказались; этотъ же посолъ пишетъ, что «Императрица показываетъ мужество и твердость, ее любятъ и уважаютъ въ такой же степени, въ какой презираютъ Императора». Такимъ тернистымъ путемъ дошла Екатерина до той минуты, когда образовался заговоръ въ ея пользу. Теперь, подъ впечатлѣніями, ею пережитыми, благодаря опытности, какую ей доставила жизнь, Екатерина выработала въ себѣ особый образъ дѣйствій, даже особый образъ мыслей, словомъ, характеръ любопытный во многихъ отношеніяхъ, съ которымъ мы теперь и познакомимся.

Характеристика Екатерины II. Программа ея царствованія.

О царствованіи Императрицы Екатерины, о ея дѣятельности много говорили современники и не меньше люди дальнѣйшихъ поколѣній. Можно сказать, что образъ Екатерины въ исторіи нашей XVIII-го столѣтія даже нѣсколько заслоняетъ собою фигуру Петра Великаго: изъ-за первой мы, вспоминая исторію прошедшаго столѣтія, иногда забываемъ о послѣднемъ и даже часто то, что̀ принадлежало Петру, готовы приписать Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ, считая ее болѣе удачной продолжательницей того, что̀ началъ Петръ. Въ такомъ представленіи много неправильнаго, или даже это представленіе вполнѣ ложно. Политическая дѣятельность Екатерины во многомъ объясняется

ея судьбой и усвоеннымъ ею подъ вліяніемъ житейскаго опыта и обстоятельствъ образомъ дѣйствій. Екатерина родилась и долго вращалась въ очень скромной долѣ, рано испытала лишенія и тревоги, съ какими обыкновенно сопряжено необезпеченное положеніе. Но изъ родной обстановки, бѣдной и скудной, судьба въ молодости бросила ее на широкія, шумныя историческія сцены, гдѣ она видѣла очень много славы и власти, много блеска и богатства, встрѣчала людей, которые всѣмъ рисковали для пріобрѣтенія этихъ благъ, подобно прусскому Фридриху II, встрѣчала такихъ людей, которые успѣшно пріобрѣтали всѣ эти блага помощью риска, подобно нашей Императрицѣ Елисаветѣ. Всѣ эти видѣнные Екатериной примѣры соблазнили ее, возбудили и раздражили аппетитъ честолюбія; а Екатерина отъ природы не была лишена тѣхъ качествъ, которыя необходимы для успѣха на такомъ рискованномъ пути. Такъ, Екатерина росла съ мыслью, что ей самой надобно прокладывать себѣ дорогу, дѣлать карьеру, т. е. надо выработать тѣ качества, которыя необходимы для этого; а судьба пришла ей на помощь: неудачное замужество доставило ей обширное и благодарное поприще для развитія этихъ качествъ, не только указало цѣль ея честолюбію, но и сдѣлало достиженіе этой цѣли вопросомъ личной безопасности. Неутомимое преслѣдованіе намѣченной цѣли, тяжелыя испытанія, ею пройденныя при этомъ, сообщили ей удивительную выправку, тотъ закалъ души, говоря ея словами, которымъ она всегда такъ гордилась, и помогли ей выработать основное житейское правило, которымъ она всегда руководилась и которому была столько обязана. Это правило она сама выразила въ одномъ любопытномъ документѣ. Когда пріѣхала въ Россію герцогиня голштинская, невѣста великаго князя наслѣдника Павла, у

насъ извѣстная подъ именемъ Натальи Алексѣевны, Екатерина сама составила для нея инструкцію, которой она должна была руководиться въ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ. Въ инструкціи этой мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Я всегда была убѣждена, что лучше обладать сердцами всѣхъ, чѣмъ немногихъ; и этому обдуманному образу дѣйствій я обязана достиженіемъ той ступени, на которой вся Европа стала меня видѣть". Для Екатерины жить—рано стало, значитъ,—работать. А такъ какъ вся работа ея состояла въ томъ, чтобы въ незнакомой странѣ, среди чужихъ людей, уговорить встрѣчныхъ вывести ее на дорогу къ намѣченной цѣли, то главной ея задачей стало искусство привлекать къ себѣ людей. Но, по самому свойству этихъ занятій, Екатерина въ другихъ нуждалась больше, чѣмъ другіе нуждались въ ней; притомъ она долго вращалась среди людей менѣе ея сильныхъ, но болѣе дальновидныхъ, которые вспоминали о ней лишь тогда, когда она имъ на что нибудь надобилась. Поэтому вторымъ ея житейскимъ правиломъ стала мысль пользоваться обстоятельствами и людьми такъ, чтобы до времени плыть по теченію первыхъ и служить видимымъ, послушнымъ, но не слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. Она часто отдавалась въ руки другихъ, но только для того, чтобы эти другіе ее, какъ игрушку, могли донести до мѣста, до котораго она не могла сама дойти своими ногами. Въ этихъ основныхъ правилахъ ея дѣятельности заключались и слабыя, и сильныя стороны ея характера. Екатерина получила отъ природы и судьбы обильныя средства для дѣйствій: внѣшнія и внутреннія, и внѣшнихъ больше, чѣмъ внутреннихъ. Она была способна къ напряженному, къ усиленному и часто непосильному труду; поэтому она себѣ и другимъ казалась выше себя

самой; она очень много работала надъ собой; но она больше работала надъ своими манерами, чѣмъ надъ своими чувствами и мыслями, а отсюда происходило изящество первыхъ и часто прорывавшаяся грубость вторыхъ. Въ умѣ ея было больше гибкости и воспріимчивости, чѣмъ глубины, вдумчивости; больше выправки, сноровки, чѣмъ силы творчества — какъ и вообще во всей ея натурѣ было больше живости, блеска, чѣмъ чувства. Въ этомъ отношеніи представляютъ нѣкоторый историческій интересъ ея литературныя произведенія; она писала много и объ очень разнообразныхъ предметахъ: автобіографіи, записки, комедіи и особенно письма. Произведенія ея, дошедшія до насъ на русскомъ языкѣ, конечно, прошли уже черезъ руки туземнаго корректора. Екатерина никакъ не могла сладить съ русскимъ языкомъ и писала на немъ невѣроятнымъ образомъ. Точно также не могла побѣдить и русской орѳографіи; въ запискахъ и указахъ, вышедшихъ прямо изъ подъ ея пера, мы встрѣчаемъ большія погрѣшности въ этомъ отношеніи; она умѣла въ русскомъ словѣ, состоящемъ изъ трехъ буквъ, сдѣлать 4 ошибки: вмѣсто „еще" писала „исчо" Но этихъ неудобствъ для изучающихъ не представляютъ ея творенія на любимомъ ею французскомъ языкѣ. Екатерина, какъ мы видѣли, очень много читала; читала и старо-русскія лѣтописи, и модныя книжки новѣйшихъ французскихъ философовъ. Припоминая, какъ она много училась и размышляла, мы удивимся сухости и безцвѣтности ея изложенія, бѣдности ея воображенія, сдержанности, даже скудости ея мыслей и чувствъ. Въ ея сочиненіяхъ не найдется ничего, что бы поражало, что бы врѣзывалось въ память. Здѣсь нѣтъ ни смѣлыхъ оборотовъ мысли, ни даже удачныхъ фразъ. Всего меньше найдете вы у ней простоты, непринужденности

чувства; даже въ самыхъ дружескихъ письмахъ, напр., въ перепискѣ ея съ ея заграничнымъ агентомъ и пріятелемъ барономъ Гриммомъ, она напрасно старается изысканнѣйшею шутливостью, дѣланнымъ остроуміемъ прикрыть пустоту содержанія, скудость мысли и чувства; но это раздражающая переписка. Екатерина говоритъ тамъ о всевозможныхъ предметахъ, начиная отъ порчи желудка у ея корреспондента и кончая таинствомъ Евхаристіи, и надъ всѣмъ она смѣется одинаково сухо, такъ что, читая эту переписку, бросишь книгу и скажешь: „что за неопрятная голова, что за невыработанныя чувства". Гдѣ бы она ни появлялась, за что бы она ни принималась, она какъ будто чувствовала себя на сценѣ, какъ будто играла для кого-то. Обстановка и впечатлѣнія дѣла были для нея всегда важнѣе самаго дѣла и его послѣдствій; оттого ея образъ дѣйствій лучше тѣхъ побужденій, которыми онъ вызывался. Дѣйствуя, она больше заботилась о томъ, что̀ скажутъ современники, чѣмъ о томъ, что̀ подумаетъ потомство; поэтому первые цѣнили ее выше, чѣмъ цѣнитъ и будетъ цѣнить послѣднее. Она больше думала о популярности, чѣмъ о пользѣ; ея энергія поддерживалась не интересомъ дѣла, а вниманіемъ другихъ, и падала, какъ скоро это вниманіе ослабѣвало. Вообще, въ ея дѣятельности было больше блеска, эффекта, чѣмъ силы творчества; она лучше умѣла разыграть дѣло, чѣмъ создать его и провести: самое ее будутъ больше помнить, чѣмъ ея дѣла.

Повидимому, что̀ общаго между ею и ея мужемъ, Императоромъ Петромъ III? Но у нихъ больше сходства другъ съ другомъ, чѣмъ можно подумать при первомъ взглядѣ на ихъ физіономіи. Оба они были политическими случайностями въ нашей исторіи, и что еще

неожиданнѣе, оба они пришли, чтобы послужить слѣпыми орудіями фактовъ, начавшихся до нихъ и развившихся противъ ихъ воли, хотя и при ихъ содѣйствіи. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, появился на нашемъ горизонтѣ такой минутный метеоръ, такая блуждающая комета, какою былъ Петръ? Повидимому, онъ совершенная случайность въ нашей исторіи. Однако онъ довершилъ одинъ крупный фактъ нашей исторіи. Онъ всегда боялся русскаго дворянства, ждалъ отъ него самой большой опасности, ненавидѣлъ его, а между тѣмъ завершилъ процессъ освобожденія дворянъ отъ обязательной службы, процессъ, который поставилъ дворянство во главѣ нашего общества: этому Императору принадлежитъ законъ о вольности дворянства 18 февраля 1762 года. Этотъ ненавистникъ русскаго дворянства призванъ былъ на Русь судьбою, чтобы подписать свое имя подъ этимъ закономъ и исчезнуть, погрузиться въ ту тьму, изъ которой онъ вышелъ. Совершенно такое же значеніе имѣетъ въ нашей исторіи и царствованіе Екатерины, болѣе важное только потому, что оно было болѣе продолжительно. Екатерина была тростью книжника-скорописца и призвана была судьбою въ нашу страну, чтобы подписаться подъ нѣсколькими законами, подобными указу 18 февраля.

Теперь обратимся къ изученію ея дѣятельности и прежде всего разберемъ тѣ вліянія, въ среду которыхъ она стала тотчасъ по вступленіи на престолъ путемъ революціи, захвата власти: не по закону, не по установившемуся обычаю, согласно съ народными понятіями власть принадлежала ея сыну. Вліятельныя лица петербургскаго руководящаго общества были того же мнѣнія, что Екатерина имѣетъ право только на регентство до совершеннолѣтія ея сына. Революціонный путь, какимъ Екатерина достигла престола, опредѣлилъ

характеръ ея царствованія, указалъ ей даже программу, которой она должна была слѣдовать. Екатерина вступила на престолъ, низвергнувъ правительство своего мужа; это правительство глубоко оскорбило національное русское чувство своимъ пренебреженіемъ къ русскимъ людямъ, интересамъ, русскимъ обычаямъ и даже вѣрованіямъ. Екатерина вступила на престолъ потому, что предшествовавшее царствованіе было очень непопулярно; слѣдовательно, обстоятельства заставляли ее дѣйствовать популярно. Далѣе, она вступила на престолъ, чтобы поправить ошибки прошлаго царствованія въ политикѣ внѣшней и внутренней. Эта политика уронила внѣшнее значеніе Россіи, подвергла риску нѣкоторые существенные ея интересы: слѣдовательно, Екатерина обязана была возстановить прежній кредитъ Россіи за границей, освободить ее отъ опасности, угрожающей ея интересамъ. Безцѣльный произволъ предшествовавшаго царствованія, распоряженія, которыхъ смыслъ никто не могъ понять въ обществѣ, возобновили, какъ наверху, такъ и внизу общества, политическое возбужденіе, вызванное предшествовавшими событіями, т. е. дворцовыми переворотами. Мы знаемъ, что еще въ 1730 году рѣзко высказались нѣкоторыя политическія тенденціи русскаго дворянства, направленныя къ ограниченію произвола верховной власти. Въ мирное царствованіе Императрицы Елисаветы эти политическіе помыслы людей 30 года затихли по ненадобности, но произволъ Петра III опять вызвалъ наружу то, что̀ затаилось было при Елисаветѣ; опять наверху общества стали подумывать о политическомъ обезпеченіи. Наканунѣ іюньскаго переворота 1762 года, въ разговорѣ съ Дашковой, дядя ея, Никита Панинъ, вліятельный человѣкъ при дворѣ, воспитатель великаго князя Павла, говорилъ племянницѣ, что, совершивъ

переворотъ, необходимо устроить «образъ правленія въ Россіи на основаніи Шведской монархіи», т. е. устроить конституціонную аристократическую монархію. То же политическое возбужденіе, благодаря дѣятельности Петра, распространилось и въ массѣ общества; образъ дѣйствій правительства и здѣсь заставилъ людей сдѣлаться политиканами. До насъ дошли съ разныхъ сторонъ свидѣтельства объ этомъ возбужденіи умовъ въ массѣ. Прежде всего, современникъ и очевидецъ изучаемаго нами событія, Болотовъ, въ запискахъ своихъ говоритъ, что при Петрѣ III на улицѣ всѣ открыто говорили, рядили и судили о всѣхъ поступкахъ государя. Екатерина въ манифестѣ 6 іюля, извѣщавшемъ русское общество о ея вступленіи на престолъ, признается, что «никого не оставалось въ народѣ, кто бы въ голосъ, безъ трепета, не злословилъ государя». Въ одной своей запискѣ о первыхъ 5 годахъ царствованія она также признается, что въ первые дни по вступленіи на престолъ еще всюду замѣтны были признаки великаго ропота въ народѣ, вызваннаго образомъ правленія послѣднихъ минувшихъ лѣтъ, т. е. предшествовавшаго царствованія. Итакъ, разумно либеральный образъ дѣйствій Екатерины долженъ былъ изгладить впечатлѣнія испытаннаго самовластія и распространить въ обществѣ убѣжденіе, что пережитый произволъ не повторится болѣе. Далѣе, Екатерина была возведена на престолъ гвардіей, а гвардія и въ то время представляла собой интересы русскаго дворянства; русское же дворянство, какъ мы знаемъ, къ тому времени сдѣлало уже значительные успѣхи въ своихъ стремленіяхъ получить вліяніе на управленіе страной. Итакъ, Екатерина должна была дѣйствовать также въ сословныхъ интересахъ дворянства.

Такова была сложная программа, которую продиктовали Екатеринѣ II обстоятельства ея вступленія на

престолъ. *Она должна была въ первое время дѣйствовать и популярно, въ интересахъ или, по крайней мѣрѣ, во вкусахъ всего народа, дѣйствовать либерально, согласно съ тѣми политическими идеями, которыя тогда со стороны проникли въ русское общество, и, наконецъ, она должна была дѣйствовать также въ интересахъ сословія, цвѣту котораго обязана была вступленіемъ своимъ на престолъ*. Памятники, въ которыхъ можно видѣть точное отраженіе ея положенія и мыслей въ первые дни царствованія, указываютъ на эту самую программу, столь сложную и трудную. Мы сейчасъ увидимъ, какъ эта программа развивалась въ первыхъ актахъ ея царствованія.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерина обнародовала манифестъ (въ 1767 г.), въ которомъ подробно изложила обстоятельства совершившагося переворота и обозначила главныя черты программы, которою новое правительство хотѣло руководиться въ своей дѣятельности. Это былъ очень откровенный, т. е. неосторожный, манифестъ, и потому правительство впослѣдствіи старалось стѣснить его распространеніе. Здѣсь Императрица объявила свое нелицемѣрное и искреннее желаніе быть достойной любви своего народа, для котораго и признавала возведенной себя на престолъ. Екатерина признавала себя призванной на престолъ «для соблюденія православнаго закона, укрѣпленія и защиты отечества, сохраненія правосудія, искорененія зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій». Она рѣшительно высказывается въ манифестѣ противъ самовластія, изображаетъ недостатки предшествовавшаго царствованія. «Самовластіе», читаемъ мы въ манифестѣ, «не сдерживаемое въ государѣ, царствующемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ послѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиной». Для предупре-

жденія этихъ послѣдствій Екатерина торжественно обѣщала своимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя постановленія, по которымъ бы «правительство въ своей силѣ и въ предлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомствѣ каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка». Ясна мысль, которая выражается въ этомъ недостаточно обработанномъ выраженіи. Самовластіе предшествовавшаго царствованія было возможно потому, что въ основаніи государственныхъ установленій не было точныхъ и твердыхъ законовъ, что государственныя мѣста не имѣли точно обозначенныхъ предѣловъ своей власти и дѣятельности. Екатерина обѣщала царствовать не только популярно, но и либерально, не только успокоить встревоженное и оскорбленное національное чувство, но и поставить дѣятельность государственныхъ учрежденій въ законныя границы, которыя сдерживали бы капризы власти. О спеціально-сословныхъ интересахъ, т. е. объ интересахъ дворянства, неудобно было распространяться въ манифестѣ, однако въ немъ замѣчено, что предшествовавшее царствованіе особенно раздражило гвардейскіе полки, которымъ Императоръ далъ «развращенные иностранные виды» (намекъ на неуклюжіе прусскіе мундиры, введенные Петромъ III).

Такова программа, какую при самомъ началѣ царствованія торжественно и всенародно объявило новое правительство. Легко замѣтить разногласіе между частями этой программы; отдѣльныя части ея не только не имѣли внутренней связи между собой, но и замѣтно противорѣчили одна другой. Дѣйствовать популярно, т. е. въ интересахъ всего народа, при тогдашнихъ обстоятельствахъ было довольно трудно, если правительство думало дѣйствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и въ интере-

сахъ сословныхъ, т. е. дворянскихъ. Мы уже видѣли, описывая положеніе этого сословія въ государствѣ около половины XVIII столѣтія, что его частные сословные интересы далеко не вполнѣ совпадали съ интересами общенародными. Съ другой стороны, обѣщая дѣйствовать популярно, т. е. установивъ новыя государственныя учрежденія, которыя бы сдерживали самовластіе, Екатерина неминуемо должна была прійти въ столкновеніе не только съ русскими правительственными обычаями, но и съ привычками, понятіями русскаго народа. Легко понять, что̀ это за государственныя постановленія, дѣйствовавшія на основаніи точныхъ законовъ: это конституціонное государственное устройство. Такому устройству мало сочувствовала масса тогдашняго русскаго общества. Итакъ, дѣйствуя либерально, нельзя было въ то же время дѣйствовать и популярно. Политическія мечтанія, которыя носились въ головѣ Никиты Панина и его единомышленниковъ, пришлись бы очень не по вкусу большинству русскаго общества, потому что они установляли аристократическій порядокъ, тотъ самый порядокъ, противъ котораго такъ энергически возставало даже либеральное дворянство въ 1730 году. Съ другой стороны, дѣйствуя въ интересахъ дворянства, Екатерина должна была жертвовать интересами огромной крестьянской массы, населявшей дворянскія земли. *Значитъ, необходимо было сдѣлать выборъ, дѣйствовать либо либерально, но не популярно, либо популярно, но не въ интересахъ дворянства.* Итакъ, программа, развитая въ манифестѣ 6 іюля, построена была на противорѣчіи, состояла изъ цѣлей, которыхъ нельзя было примирить между собой. Надо было либо дѣйствовать въ общемъ интересѣ, но пожертвовать при этомъ частными интересами дворянства, либо дѣйствовать въ интересахъ послѣдняго, но принести ему въ

жертву интересы общенародные. Вопросъ объ отношеніяхъ дворянъ и крестьянъ, т. е. вопросъ о крѣпостномъ правѣ—вотъ что болѣе всего ставило интересы одной стороны во враждебное отношеніе къ интересамъ другой.

Какъ выйдетъ или надѣется выйти изъ этого противорѣчія правительство Екатерины? Способъ, который оно нашло для этого рѣшенія, характеризуетъ какъ личность Екатерины, такъ и ея царствованіе. Она не отказывалась отъ какой-либо цѣли, поставленной въ программѣ, въ пользу другой, но она ихъ разобщила; различая цѣли, она старалась проводить ихъ въ различныхъ сферахъ своей дѣятельности. Народному интересу, популярнымъ стремленіямъ данъ былъ широкій просторъ во внѣшней политикѣ. Здѣсь усилія правительства направлялись въ тѣ стороны, на которыя уже давно было обращено народное вниманіе. Въ устройствѣ и дѣятельности высшаго центральнаго правительства Екатерина также оставалась вѣрна тѣмъ политическимъ понятіямъ, которыя господствовали въ массѣ общества. Авторитетъ и дѣятельность верховнаго правительства остались нетронутыми въ своихъ основаніяхъ: такими, какими ихъ создала наша исторія, т. е. какъ привыкъ смотрѣть на нихъ весь народъ. Здѣсь, сохранивъ всѣ права самодержавной власти, Екатерина дѣйствовала согласно съ народными понятіями, т. е. популярно. Напротивъ, въ устройствѣ областного управленія, какъ и въ сословныхъ отношеніяхъ, она развивала и защищала интересы дворянства, отдавъ ему въ руки все мѣстное общество. Наконецъ, либеральныя идеи вѣка, которыя тогда со стороны все болѣе проникали въ русское общество, были признаны правительствомъ, но не для правительственной практики, а больше для украшенія правительственной дѣятельности и общественной жизни.

Эти либеральныя идеи проводились въ предисловіи къ законамъ, въ литературныхъ произведеніяхъ, даже въ частныхъ бесѣдахъ Императрицы, но не далѣе; практическое законодательство только развивало и закрѣпляло факты, завязавшіеся задолго до Екатерины. Таковъ былъ ходъ дѣйствія, который помогъ Екатеринѣ выйти изъ противорѣчія объявленной ею программы. *Пропаганда въ обществѣ идей вѣка и законодательное развитіе и укрѣпленіе фактовъ, не имѣвшихъ съ ними ничего общаго, — вотъ основная мысль политической программы Екатерины.* Для ясности укажу на одну подробность этой программы. Почти въ продолженіе всего царствованія Екатерина проводила въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ освободительныя идеи французскихъ литераторовъ и въ продолженіе всего царствованія постепенно затягивала узы крѣпостного права.

Внѣшняя политика Екатерины II.

Внѣшняя политика Екатерины—самая блестящая сторона ея дѣятельности. Когда кто хочетъ сказать что-нибудь хорошее объ этомъ царствованіи, онъ прежде всего укажетъ на внѣшнюю политику, на блестящіе успѣхи, на завоеванія и побѣды, одержанныя на югѣ и на западѣ, надъ Турками и Поляками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣшняя политика служила для Екатерины лучшимъ средствомъ пріобрѣсти то расположеніе общества, котораго она искала, заставить забыть послѣднее о незаконномъ пріобрѣтеніи ею власти. Наконецъ, вопросы внѣшней политики всего прежде и настойчивѣе требовали себѣ разрѣшенія съ первыхъ минутъ ея царствованія. Дѣятельность Петра Великаго вовлекла Россію въ многочисленныя политическія отношенія съ Западной Европой,

гдѣ голосъ русскаго кабинета съ 1721 года, съ Ништадтскаго мира, получилъ вѣское значеніе. Но прямые текущіе интересы тѣсно связывали насъ только съ тремя европейскими государствами: Швеціей, Польшей и Турціей, со всѣми остальными государствами мы не имѣли непосредственныхъ соприкосновеній, ни географическихъ, ни политическихъ.

Впрочемъ, и названныя три державы не всѣ имѣли одинаково близкое отношеніе къ интересамъ Россіи. Всѣхъ ближе съ царствованія Петра стояла къ намъ въ нашей дипломатіи Швеція; но съ этой стороны покончены были наиболѣе острые вопросы. Восточный балтійскій берегъ съ частью Финляндіи были завоеваны, а это составляло главную причину раздора со Швеціей до тѣхъ поръ. Мысль объ отместкѣ, съ которой нѣкоторое время носились въ Стокгольмѣ, желаніе оторвать опять у Россіи Ливонію и финское побережье постепенно отходили въ шведской политикѣ на задній планъ, благодаря все яснѣе открывавшейся невозможности оторвать ихъ. Такъ мы развязывались съ Швеціей. Но въ то время, какъ Швеція отходила для насъ на задній планъ, Польша еще не успѣла выступить впередъ. Много глубокихъ и непримиримыхъ интересовъ раздѣляло этихъ двухъ сосѣдокъ. Главнымъ вопросомъ, издавна питавшимъ вражду между ними, былъ вопросъ о православныхъ русскихъ, входившихъ въ составъ Польскаго государства. Но до второй половины XVIII вѣка этотъ вопросъ еще не былъ затронутъ во всей его полнотѣ, не получилъ жгучаго развитія. Дѣло въ томъ, что Россія и Польша нуждались другъ въ другѣ; ихъ нѣсколько сближало одинаково враждебное отношеніе обоихъ этихъ государствъ къ Турціи. Такимъ образомъ, и Польша имѣла второстепенное значеніе въ нашей дипломатіи до половины XVIII вѣка; она

не столько являлась для Россіи соперницей, сколько нужна была ей, какъ союзница. Оставалась на дипломатической сценѣ одна Турція. Съ этой стороны на очереди стояли вопросы первостепенной важности. Надобно было продолжать и докончить начатую въ прошедшемъ столѣтіи, при первыхъ царяхъ новой династіи, борьбу съ Турціей. Но эта борьба казалась опасной въ одиночку; поэтому искали союзниковъ. Всѣхъ ближе къ Турціи стояла географически и политически Австрія. У ней также были непримиримые, запутанные счеты съ Турціей; естественно, поэтому, было сближеніе Австріи съ Россіей для общей дѣятельности въ этомъ направленіи. Уже при Петрѣ Великомъ русская дипломатія хлопотала о тѣсномъ наступательномъ союзѣ съ Австріей. Вскорѣ по смерти Петра, въ 1726 году, въ царствованіе Екатерины I этотъ союзъ былъ, наконецъ, заключенъ. Съ тѣхъ поръ политика австрійскаго союза стала руководящимъ принципомъ русскаго кабинета. Эта политика на тогдашнемъ дипломатическомъ языкѣ извѣстна была подъ именемъ «системы Петра Великаго». Русское правительство послѣдовательно и съ энергіей дѣйствовало въ этомъ направленіи. Несмотря на дворянскіе перевороты, на смѣну правительствъ, въ царствованіе Анны эту политику съ успѣхомъ и не безъ славы проводилъ знаменитый канцлеръ, баронъ Остерманъ. Въ царствованіе Елисаветы въ томъ же направленіи дѣйствовалъ личный врагъ и дипломатическій послѣдователь Остермана—канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ только внесъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ новую ноту въ эту политику, ожесточенную вражду, не свободную отъ нѣкотораго страха къ прусскому королю, къ новой звѣздѣ, которая тогда явилась на европейскомъ горизонтѣ. Канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ немолчно твердилъ Елисаветѣ объ

*

опасностяхъ, какія грозили Россіи съ прусской стороны, болѣе всего отъ захватчиваго, возмутительнаго характера прусскаго короля. Эта политика противодѣйствія Пруссіи, въ содѣйствіи съ Австріей, въ концѣ войны за австрійское наслѣдство склонила Россію стать на сторону Австріи. Въ Семилѣтней войнѣ Россія энергично поддерживала Марію-Терезію. Эта политика была совершенно естественна и разумна. Въ 1740 году на Австрію бросилась огромная европейская коалиція, съ цѣлью раздробить владѣнія Маріи-Терезіи. Паденіе Австріи лишало Россію ея единственной союзницы по отношенію къ Турціи: слѣдовательно, надо было поддержать ее противъ враговъ. Правда, эта политика австрійскаго союза имѣла свои неудобства: было трудно итти рука объ руку съ правительствомъ, которое жило, какъ и теперь, день за днемъ, идя по первому попутному вѣтру, не составляя плановъ на завтрашній день. Уже тогда этотъ союзъ принесъ Россіи мало плодовъ, но причинилъ много хлопотъ. Вся Турецкая война въ царствованіе Анны была испорчена для Россіи союзомъ съ Австріей, и Бѣлградскій миръ 1739 года, благодаря пораженію, которое понесли австрійцы, принесъ намъ только довольно обширный клокъ южной степи. Однако, когда на очереди стояла борьба съ Турціей, необходимо было держаться Австріи. Затѣмъ около половины XVIII в. въ Польшѣ стало волноваться русское православное населеніе, вынуждая русское правительство вмѣшаться во внутреннія дѣла Польскаго государства.

Итакъ, вотъ *два очередные вопроса, разрѣшеніе которыхъ должно было стать первой заботой правительства.* Это—*вопросъ турецкій* и *вопросъ польскій.* Сущность обоихъ вопросовъ была очень проста Крымскіе Татары, сами не пользуясь плодородной

почвой Южной Россіи, не позволяли пользоваться ею и русскому населенію, вырывали эти обширныя и плодородныя степи изъ хозяйственнаго европейскаго оборота. Надо было оторвать у нихъ и оградить эти степи. Но Крымскіе Татары находили себѣ поддержку въ Константинополѣ; слѣдовательно, хозяйственное пріобрѣтеніе южно-русскихъ степей могло быть достигнуто только борьбою съ Турціей. Вотъ въ чемъ состоялъ турецкій вопросъ для правительства XVIII в.; и тогда онъ не состоялъ ни въ чемъ болѣе. Съ другой стороны, подъ гнетомъ польскаго и католическаго правительства жило огромное русское населеніе, которое издавна стремилось къ возсоединенію съ коренной Россіей. Во имя религіознаго и національнаго родства надобно было поддержать стремленіе этого населенія и освободить его отъ власти какъ чужеземнаго государства, такъ и чужеземной Церкви. Вотъ въ чемъ состоялъ тогда польскій вопросъ.

Разсмотримъ главныя явленія внѣшней политики Екатерины, чтобы видѣть, какъ и какимъ образомъ разрѣшила она эти вопросы, стоявшіе на очереди. Разрѣшеніе перваго вопроса состояло въ томъ, чтобы довести южно-русскую границу до ея естественныхъ предѣловъ, т. е. до береговой линіи Чернаго моря; вопросъ этотъ необходимо было разрѣшить для успѣха русскаго народнаго хозяйства. Масса русскаго населенія, нѣкогда скученная на неплодородномъ верхневолжскомъ суглинкѣ, должна была перенести свой трудъ на южный плодородный черноземъ, обработка котораго невозможна была при господствѣ Татаръ на югѣ Руси. Второй вопросъ, польскій, состоялъ въ томъ, чтобы возсоединить Западную Русь съ коренной Россіей; его необходимо было разрѣшить по требованію національнаго и религіознаго чувства,

точнѣе говоря, необходимо было разрѣшить для обезпеченія національной безопасности и для удовлетворенія религіознаго чувства. Значитъ, *первый вопросъ былъ въ сущности экономическій, второй—національно-религіозный.* Наша исторія чрезвычайно ясно и прямо поставила оба эти вопроса, и направленіе, въ какомъ слѣдовало ихъ разрѣшить, указано было также ясно и просто старинными наивными нашими политиками XV и XVI вв. Они уже хорошо знали, въ чемъ дѣло; въ продолженіе столѣтій они страшно напрягали народныя силы для того, чтобы оградить и отодвинуть къ югу южно-русскую границу, ввести въ народно-хозяйственный оборотъ пустовавшія южно-русскія степи. Еще Іоаннъ III прямо говорилъ, что у него будетъ вѣчная борьба съ Польшей, что онъ не положитъ оружія, пока не получитъ всю свою вотчину — Русскую землю, находящуюся во власти Польши, что эта вѣчная борьба у него будетъ прерываться лишь кратковременными перемиріями, чтобы дать отдохнуть людямъ. Точно также смотрѣлъ и его внукъ, Іоаннъ Грозный. Когда послѣдній Ягеллонъ на польскомъ престолѣ, Сигизмундъ Августъ, предложилъ царю Іоанну вѣчный миръ, царь отвѣчалъ отказомъ и объяснилъ свой отказъ такими откровенными словами: «за королемъ польскимъ наша вотчина извѣчная: Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и иные многіе города русскіе. Такъ пригоже ли съ польскимъ королемъ вѣчный миръ заключать? Если теперь вѣчный миръ заключить, то впредь черезъ крестное цѣлованіе вотчины искать своей будетъ ужъ нельзя, а крестнаго цѣлованія я нарушить не хочу».

Въ распоряженіи правительства Екатерины было много средствъ для успѣшнаго разрѣшенія того и другого вопроса. Эти средства были не только внутреннія,

заключавшіяся въ военныхъ силахъ и финансовыхъ источникахъ, но и внѣшнія. Послѣднія заключались въ томъ положеніи, въ какомъ очутились и Россія, и Западная Европа по окончаніи Семилѣтней войны. Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ далеко не истощило всѣ ея средства. Напротивъ, западно-европейскія государства, въ ней участвовавшія, вышли изъ этой борьбы истощенными. По заключеніи Губертсбургскаго мира (1763 г.) ни одинъ изъ западныхъ участниковъ войны не имѣлъ ни средствъ, ни охоты возобновлять её. Притомъ, для разрѣшенія, въ частности, вопроса польскаго Екатерина располагала нѣкоторыми мѣстными благопріятными ей обстоятельствами. Во-первыхъ, въ 1764 г. на польскій престолъ былъ избранъ королемъ Станиславъ Понятовскій—креатура Россіи, слѣдовательно, послушное орудіе въ ея рукахъ при искусномъ направленіи. Во-вторыхъ, Россіи держалась самая могущественная политическая партія въ Польшѣ, руководимая родственниками новаго короля, князьями Чарторыжскими. Наконецъ, Россія опиралась въ польскихъ своихъ сношеніяхъ на преданную ей православно-русскую массу; въ предѣлахъ Польскаго государства этой массѣ не нужно было подавать даже сигнала изъ Петербурга, чтобы въ случаѣ надобности поднять ее противъ Польской республики. Какъ же правительство Екатерины воспользовалось этими средствами, разрѣшая стоявшіе на очереди вопросы внѣшней политики? *Чтобы успѣшно разрѣшить ихъ, надобно было строго выдержать два условія: во-первыхъ, разрѣшить тотъ и другой вопросъ безъ вмѣшательства со стороны, не допуская этимъ вопросамъ мѣстнымъ (русско-турецкому и русско-польскому) превратиться въ вопросы общеевропейскіе; во-вторыхъ, надобно было разрѣшить каждый изъ этихъ вопросовъ порознь, а не вмѣстѣ.*

Чтобы видѣть, какъ они разрѣшились на самомъ дѣлѣ, необходимо сдѣлать краткій обзоръ внѣшнихъ событій царствованія Екатерины. Въ первую минуту послѣ іюньскаго переворота у насъ и заграницей были убѣждены, что внѣшняя политика Россіи совершенно перемѣнится. Предшествовавшее правительство хотѣло дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ Фридрихомъ Прусскимъ; теперь надѣялись, что Екатерина разорветъ этотъ союзъ и воротится къ прежней системѣ—союзу съ Австріей. Но необезпеченное положеніе Екатерины послѣ переворота, неувѣренность въ прочности пріобрѣтенной революціоннымъ путемъ власти заставили Екатерину отказаться не только отъ разрыва съ Фридрихомъ, но и вообще отъ энергичной внѣшней политики. Правительство Екатерины сохранило въ сношеніяхъ съ западными дипломатами твердый, самоувѣренный тонъ; на это въ особенности жалуется французскій уполномоченный Бретейль. Онъ недоволенъ, что Екатерина, уступчивая въ дѣлахъ внутреннихъ, во внѣшней политикѣ сохраняетъ твердый самоувѣренный тонъ; онъ объясняетъ это, во-первыхъ, тѣмъ, что такой тонъ нравится ея подданнымъ, и во-вторыхъ, что твердость во внѣшней политикѣ не грозитъ ей личной опасностью. Бретейль съ удареніемъ пишетъ, что во время разговора съ Екатериной послѣдняя по крайней мѣрѣ разъ 30 повторила ему «столь великая и могущественная Имперія, какъ Моя». Но Екатерина призналась французскому послу, что ей нужно по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ мира для возстановленія внутренняго порядка: «а пока», добавила она, «Я буду вести себя съ государями Европы, какъ искусная кокетка», т. е. и не отталкивая, и не давая слишкомъ обязывающихъ обѣщаній.

Но внѣшнія событія съ начала царствованія пошли ускореннымъ ходомъ. Въ 1762 году умеръ польскій ко-

роль и курфюрстъ саксонскій, Августъ III. Началась избирательная агитація. Въ Польшѣ боролись 2 партіи: саксонская, желавшая возвести на престолъ сына умершаго короля, и патріотическая, руководимая Чарторыжскими, настаивавшая на передачѣ короны природному поляку. Партія князей Чарторыжскихъ обратилась за помощью къ Россіи. Россія не хотѣла дѣлать въ Польшѣ дѣла одна и вошла въ союзъ съ Пруссіей. Цѣною оборонительнаго союза Фридрихъ обѣщалъ Россіи свое содѣйствіе, и русскія войска, посланныя въ Польшу, помогли избранію племянника князей Чарторыжскихъ, стараго знакомаго и пріятеля Екатерины, Станислава Понятовскаго. Но тотчасъ за избраніемъ поднялся въ Польшѣ старый и жгучій вопросъ о диссидентахъ. Диссидентами въ Польшѣ назывались непринадлежащіе къ католическому исповѣданію граждане Польской республики; огромное ихъ большинство состояло изъ православныхъ русскихъ. Къ половинѣ XVIII в. диссиденты, т. е. православные русскіе, были лишены въ Польшѣ не только политическихъ правъ, но и религіозной свободы. Они не имѣли мѣста въ польскомъ сенатѣ, лишены были права посылать депутатовъ на сеймъ, должны были платить поборы въ пользу католическаго духовенства, лишены были многихъ православныхъ церквей своихъ и епархій, переведенныхъ въ унію. Теперь диссиденты стали волноваться, требуя возврата отнятыхъ у нихъ правъ, преимущественно свободы исповѣданія. Представителемъ ихъ явился передъ русскимъ правительствомъ епископъ бѣлорусскій Георгій Конисскій. Въ Москвѣ во время коронаціи Екатерины онъ явился съ просьбой отъ всѣхъ православныхъ защитить ихъ и въ рѣчи къ Екатеринѣ прямо назвалъ себя и свою паству «вѣрными подданными Ея Величества». Русское общество съ чрезвычайнымъ со-

чувствіемъ отнеслось къ этому вопросу о диссидентахъ, слѣдовательно, не давало Екатеринѣ возможности откладывать дѣло. Екатерина должна была поднять въ Польшѣ агитацію въ пользу диссидентовъ. Польскій сеймъ 1766 г. съ неописаннымъ неистовствомъ встрѣтилъ этотъ вопросъ, обѣщая изрубить всякаго, кто заговоритъ о немъ. Но въ Польшѣ было средство, дававшее возможность вмѣшательства. Это средство заключалось въ правѣ *конфедераціи*. Недовольные правительствомъ граждане Польской республики могли составить общество и силою оружія добиваться своего у правительства. Въ Польшѣ дѣйствовало право вооруженнаго возстанія противъ правительства, т. е. не только противъ короля съ его министрами, но противъ самаго сейма. Россія, встрѣтивъ отказъ со стороны Чарторыжскихъ содѣйствовать ей, обратилась къ противной партіи и образовала изъ нея въ Радомѣ конфедерацію. Сами Поляки-католики поставили на сеймѣ вопросъ о диссидентахъ. Русскій посланникъ Рѣпнинъ арестовалъ особенно вліятельныхъ противниковъ вопроса о диссидентахъ и ввелъ русскіе полки въ Варшаву. Это дѣлалось въ Варшавѣ и прежде. Польскій сеймъ 1768 г., благоразумно подобранный и подстроенный, призналъ уравненіе православной шляхты съ католической въ политическихъ правахъ, т. е. православно-русская шляхта (дворянство) теперь могла посылать депутатовъ на сеймъ, и ея представители, имѣвшіе на то право по происхожденію, могли занять мѣсто въ аристократическомъ сенатѣ. Но, добившись для православныхъ диссидентовъ политическаго уравненія, русское правительство не опредѣлило точно ихъ положенія церковнаго. Постановленіе сейма сохранило за католической Церковью господствующее положеніе. Король въ Польшѣ долженъ былъ принадлежать непремѣнно къ католической Церкви.

Вопросъ о возвращеніи отнятыхъ церквей и епархій у православныхъ и вопросъ о безпрепятственномъ переходѣ вынужденныхъ уніатовъ въ православіе не были разрѣшены и даже возбуждены на сеймѣ. Россія, по настоянію Фридриха, заключила съ Польшею договоръ, по которому гарантировала польскія владѣнія и обязалась не допускать никакихъ перемѣнъ въ польскомъ государственномъ устройствѣ. Такое рѣшеніе вопроса вызвало католическую реакцію въ странѣ. Образовалась конфедерація въ Барѣ съ цѣлью добиться отмѣны договора 1768 г. Россія должна была вести открытую войну съ конфедераціей, главная квартира которой находилась по сосѣдству съ Венгріей. Борьба съ конфедераціей, разумѣется, окончилась бы въ пользу русскихъ; конфедерація не могла противостоять регулярнымъ русскимъ войскамъ. Но Франція и Австрія, поддерживавшія Польшу противъ Россіи, которая соединилась съ Пруссіей, желая спасти Польшу, втянули Турцію въ войну съ Россіей; они воспользовались ничтожнымъ нарушеніемъ турецкой границы, сдѣланнымъ возставшими въ Польшѣ гайдамаками, т. е. крѣпостными русскими крестьянами польскихъ пановъ, считавшими себя потомками вольныхъ казаковъ. Гайдамаки эти возстали, какъ только образовалась Барская конфедерація, мстя полякамъ за политическія и религіозныя обиды. Такъ съ польскимъ вопросомъ соединился и вопросъ турецкій.

Дѣйствуя по внушенію Франціи и Австріи, Турція объявила войну въ 1769 году. Русскіе въ 3 года одержали рядъ блестящихъ побѣдъ: въ 1769 г. при Хотинѣ, въ 1770 г. при р. Ларгѣ и при Кагулѣ; въ томъ же году одержаны были двѣ морскія побѣды русскимъ флотомъ подъ общимъ руководствомъ графа Алексѣя Орлова (въ Хіосскомъ заливѣ и Чесменской бухтѣ). Россія за-

няла оба берега нижняго Дуная; завоеванъ былъ и Крымъ. Оставалось закрѣпить обѣ эти побѣды, такъ какъ Турція не имѣла средствъ бороться съ Россіей. Но Россія была въ союзѣ съ Пруссіей, и Фридрихъ вмѣшался въ рѣшеніе турецкаго вопроса. Онъ предложилъ такой проектъ. Такъ какъ для Австріи было бы непріятно, если бы Россія много взяла у Турціи, то нужно уладить дѣло инымъ путемъ. Россія завоевала тогда почти всю Польшу, борясь съ конфедератами; пусть Россія вознаградитъ себя за турецкія побѣды нѣсколькими польскими провинціями, а другія отойдутъ къ друзьямъ Россіи, т. е. къ Австріи и Пруссіи; такимъ образомъ и великія державы будутъ удовлетворены, и Турція—спасена. Такъ, изъ Берлина пошелъ вопросъ о раздѣлѣ Польши. При этомъ Фридрихъ, опираясь на Австрію, грозилъ Россіи, въ случаѣ ея несогласія на этотъ проектъ, не только отказать въ поддержкѣ, но и разрывомъ. Россія приняла этотъ проектъ, и *въ 1773 году произошелъ первый раздѣлъ Польши.* Россія, завоевавшая Польшу и значительную часть турецкихъ владѣній, получила Бѣлоруссію; Пруссія и Австрія, не завоевавшія никакихъ владѣній, получили: первая Померанію и часть Русской Великой Польши по р. Вартѣ, а вторая—Галицію. Послѣ перваго раздѣла скоро кончилась война съ Турціей миромъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ въ 1774 г. Турція очень мало потерпѣла: она только отказалась отъ власти надъ Крымомъ, который былъ объявленъ свободнымъ; кромѣ того, Россіи были уступлены Азовъ и Керчь съ Еникале на восточномъ берегу Крыма. Значитъ, южно-русская граница Кайнарджійскимъ договоромъ не была доведена до береговой черноморской линіи. Такимъ образомъ Польша поплатилась за турецкія неудачи.

Такъ кончилась первая эпоха двусторонней борьбы Россіи съ Турціей и Польшей. Вторая эпоха началась

присоединеніемъ Крыма въ 1783 году. Крымъ не могъ быть свободнымъ; тамъ началась послѣ Кайнарджійскаго договора борьба своихъ партій, изъ которыхъ одну поддерживала Россія. Рѣшено было наконецъ присоединить Крымъ; но для того, чтобы это сдѣлать, надобно было опять воевать съ Турками; чтобы воевать съ Турками, надо было заручиться содѣйствіемъ Австріи, ибо плоды побѣды въ прошлую войну были испорчены угрозами послѣдней; но чтобы соединиться съ Австріей, надо было отказаться отъ формальнаго союза съ Пруссіей. Въ 1779 году былъ заключенъ союзъ съ Австріей для совокупнаго дѣйствія противъ Турціи. Австрійскій императоръ Іосифъ II, большой поклонникъ Екатерины, охотно присталъ къ этому союзу, объявивъ, что онъ въ 24 часа исполнитъ все, чего пожелаетъ Ея Величество. Послѣ присоединенія Крыма, Франція заставила Турцію объявить вторую войну Россіи, начавшуюся въ 1787 году. Война эта, веденная въ союзѣ съ Австріей, была менѣе удачна первой; только Суворовъ поддержалъ славу русскаго оружія блестящими побѣдами 1791 года при Фокшанахъ, на Рымникѣ и при штурмѣ крѣпости Измаила. Какъ только началась вторая турецкая война, опять возобновился вопросъ польскій. Польскимъ патріотамъ было выгодно связывать оба эти вопроса. Поляки заключили союзъ съ Пруссіей въ виду того, что Россія дѣйствовала съ Австріей. Партія, прежде державшаяся Россіи, теперь отстала отъ нея, потому что Россія отказалась содѣйствовать ей въ устройствѣ политическаго управленія. По договору 1768 года Россія обязалась не допускать перемѣны въ польской конституціи. Эта польская конституція страдала недостатками, которые были причиной вѣчной неурядицы въ Польшѣ. Польская республика была избирательная; законодательная власть принадлежала сейму,

состоявшему изъ сената и палаты «пословъ», выборныхъ депутатовъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ; одинъ депутатъ могъ уничтожить рѣшеніе всего сейма, закричавъ: *nie pozwalam*. Это называлось въ польскомъ государственномъ правѣ *liberum veto*. Наконецъ, извѣстная часть гражданъ, недовольная правительствомъ или сеймомъ, могла по закону поднять вооруженное возстаніе противъ того или другого,—это право конфедераціи. Польскіе патріоты, партія Чарторыжскихъ, и добивались отмѣны этихъ основныхъ польскихъ законовъ. Россія, по настоянію Пруссіи, обязавшись не допускать перемѣнъ въ польскомъ устройствѣ, должна была противодѣйствовать преобразовательной партіи. Теперь Поляки, воспользовавшись нашими затрудненіями съ Турціей, въ союзѣ съ Пруссіей 3-го мая 1791 года произвели переворотъ, слѣдствіемъ котораго было преобразованіе государственнаго устройства. По конституціи 3-го мая 1791 года Польша была провозглашена наслѣдственной монархіей. *Liberum veto* упразднено и замѣнено большинствомъ голосовъ; право конфедераціи было также упразднено.

Въ 1791 году Россія кончила войну миромъ въ Яссахъ. Результатъ войны состоялъ въ удержаніи Крыма и пріобрѣтеніи сѣвернаго берега Чернаго моря съ Очаковымъ. Развязавшись съ Турціей, Россія опять ввела войска въ Польшу, чтобы уничтожить конституцію 3-го мая. Польша была опять завоевана, но въ этомъ завоеваніи приняли участіе и ея западные сосѣди. *Въ 1793 году произведенъ былъ второй раздѣлъ Польши* между Россіей и Пруссіей. Пруссія взяла остальную часть Великой Польши: Данцигъ, Торнъ, Калишъ и др., а Россія взяла Волынь и Подолію. Польша снизошла на степень зависимаго государства. Такъ Станиславъ-Августъ не имѣлъ права безъ согласія Россіи объявлять

войну и держать войска болѣе 15 тысячъ. Поляки, разумѣется, возстали въ слѣдующемъ же году (1794). Тогда Екатерина должна была въ третій разъ завоевать Польшу и, по настоянію преемника Фридриха II, Фридриха Вильгельма II, уничтожить ея политическое бытіе. *Въ 1794—1795 г.г. произошелъ послѣдній раздѣлъ Польши.* Завоевательница Польши взяла себѣ Литву; Пруссія и Австрія, не завоевавшія ея, взяли: первая Мазовію съ Варшавой, поставивъ такимъ образомъ свою границу на Вислу, вторая — южныя польскія области, какъ-то: Краковъ, Люблинъ, Сандоміръ. Такъ какъ Курляндія была вассальнымъ герцогствомъ Польши, то съ политическимъ уничтоженіемъ Польши, Курляндія была присоединена къ Россіи. Таковъ ходъ внѣшней политики Екатерины. Теперь мы попытаемся разсмотрѣть ея пріемы и результаты.

Изложеніе краткаго обзора хода внѣшней политики показало, что *Екатеринѣ не удалось* выполнить ни одного изъ условій успѣшнаго разрѣшенія предстоявшихъ ей задачъ. Ей не удалось *ни избѣгнуть сторонняго участія, ни разрѣшить каждый изъ вопросовъ порознь.* Причиной этого были двѣ коренныя ошибки, ею сдѣланныя. Первая изъ этихъ ошибокъ заключалась въ перемѣнѣ основанія, на которомъ стояла внѣшняя политика. До сихъ поръ во внѣшнихъ отношеніяхъ русскій кабинетъ руководствовался системой Петра Великаго, т. е. системой русско-австрійскаго союза. Екатерина приняла съ начала царствованія другую систему; проводникомъ ея былъ дипломатъ елисаветинскаго времени, ученикъ и политическій противникъ Бестужева-Рюмина, графъ Никита Панинъ. *Панинъ* — любопытное лицо въ толпѣ екатерининскихъ сотрудниковъ; онъ очень симпатиченъ по политическимъ убѣжденіямъ, но, какъ дипломатъ, имѣлъ важные недостатки. Екатерина очень цѣнила его дипломатическіе

таланты и соображенія, и онъ въ первую половину царствованія былъ ея правой рукой во внѣшней политикѣ, хотя и занималъ только должность воспитателя великаго князя-наслѣдника. Но именно, какъ дипломатъ, онъ не заслуживалъ такого довѣрія. Человѣкъ умный, очень образованный, онъ былъ великій лѣнтяй; онъ терпѣть не могъ изучать дѣло, входить въ подробности. Онъ былъ болѣе склоненъ къ общимъ идеямъ, къ широкимъ построеніямъ, труднымъ комбинаціямъ; но такъ какъ этимъ комбинаціямъ и идеямъ не доставало практической разработки, то при ихъ осуществленіи онѣ превращались въ политическіе софизмы, или, что еще хуже, въ дипломатическія идилліи. Добрый, честолюбивый и неподвижный Панинъ въ дипломатіи былъ бѣлоручка-сибаритъ. Изъ этого сибаритства и вышла его политическая идиллія, получившая названіе «сѣверной системы». По его мнѣнію, европейскому равновѣсію грозилъ австро-французскій союзъ; для противодѣйствія этому союзу необходимо было составить новый союзъ изъ Россіи и сѣверныхъ, протестантскихъ государствъ. Посредствомъ этого союза великія державы должны были защищать мелкія отъ австро-французскаго захвата. Это и называлось сѣверной системой. Такимъ образомъ, сѣверная система была построена на евангельской заповѣди о любви къ ближнему и на обязанности сильнаго защищать слабаго. Съ евангельской ли точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія средневѣковыхъ рыцарей, сѣверная система была идилліей: встрѣтившіяся въ союзѣ государства были слишкомъ различно устроены, чтобы дѣйствовать дружно. Товарищами явились и абсолютно-монархическая Россія, и довольно абсолютная Пруссія, и очень конституціонныя Англія и Швеція, и совсѣмъ анархическая Польша. Притомъ у союзниковъ не было достаточно

общихъ интересовъ. Россія должна была дѣйствовать объ руку съ Польшей, у которой она хотѣла отнять Западную Русь; Пруссія должна была дѣйствовать объ руку съ Саксоніей, которую она должна была завоевать; Англія должна была дѣйствовать съ Россіей, которую хотѣла обмануть въ торговлѣ; а Швеція должна была дѣйствовать объ руку съ Россіей, у которой хотѣла воротить отнятыя провинціи. Однимъ словомъ, сѣверная система была смѣлой попыткой запречь въ одну телѣгу лебедя, щуку и рака. Но она имѣла еще то неудобство, что совершенно поссорила насъ съ Австріей и Франціей, а эти государства были намъ очень нужны по нашимъ отношеніямъ съ Турціей. Итакъ, изъ-за цѣли провести въ политикѣ евангельское и рыцарское начало, мы должны были рисковать успѣхомъ въ достиженіи ближайшей цѣли, т. е. доведенія нашей южной границы до Чернаго моря.

Второй ошибкой былъ особый союзъ, заключенный съ Пруссіей. Для успѣха въ польскихъ дѣлахъ Россія сама пригласила Фридриха содѣйствовать ей, обязавшись за это оборонительнымъ союзомъ. Союзъ этотъ былъ заключенъ 31 марта 1764 года; въ договоръ внесли условіе сообща не допускать никакихъ перемѣнъ въ политическомъ устройствѣ Польши. Этотъ союзъ сопровождался цѣлымъ рядомъ невыгодныхъ послѣдствій для Екатерины. 1) Онъ былъ не нуженъ: не Россія нуждалась въ содѣйствіи Пруссіи, а, наоборотъ, Фридрихъ вышелъ изъ Семилѣтней войны съ чувствомъ одиночества, очень для него опаснаго; онъ не могъ выдержать новой борьбы и особенно боялся Россіи. Онъ ждалъ случая призвать ее содѣйствовать ему, а Россія сама позвала его на помощь въ польскихъ дѣлахъ. Изъ записокъ Фридриха видно, какъ онъ былъ радъ этому предложенію, развязывавшему ему руки. Заручившись

союзомъ съ Россіей, которой одной только онъ и боялся, Фридрихъ началъ теперь развязно повертываться направо и налѣво. 2) Этотъ союзъ поставилъ Екатерину въ противорѣчіе съ самое собой: она заключила союзъ съ тѣмъ государемъ, который въ іюльскомъ манифестѣ обозначался злѣйшимъ врагомъ Россіи; такимъ образомъ она не сдержала собственнаго торжественнаго слова. 3) У насъ въ Польшѣ были совсѣмъ иные интересы, чѣмъ какіе преслѣдовалъ Фридрихъ. Фридрихъ всего болѣе боялся преобразованія польскаго устройства. Эти преобразованія должны были сообщить Польшѣ больше внѣшней независимости и внутренней крѣпости, а Фридриху была опасна Польша независимая, хорошо внутри организованная. Эта опасность не грозила со стороны Польши Россіи; у насъ была въ Польшѣ опора, которая дѣлала неопаснымъ всякое внутреннее преобразованіе въ этой странѣ: огромное количество православно-русскаго населенія, при какомъ бы то ни было польскомъ государственномъ устройствѣ, ручалось за успѣхъ борьбы Россіи съ Польшей. Притомъ, вожди партіи, которая добивалась этихъ реформъ, по характеру своему не могли ихъ исполнить быстро. Во главѣ этой преобразовательной партіи стоялъ новый польскій король; характеръ его имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи этого вопроса. *Станиславъ Понятовскій* — любопытное явленіе въ исторіи Польши, явленіе, которымъ и закончилось ея политическое существованіе. Польша, такъ сказать, политически вымирала въ лицѣ своего государя. Любопытно, что именно тогда, когда по сосѣдству съ Польшей на престолахъ сидѣли мужественныя женщины, именно, Марія Терезія, которую Венгерцы называли королемъ, и Екатерина II, которую величали на Западѣ Catherine le Grand,—въ то время на польскомъ престолѣ усѣлся женственный мужчина. Станиславъ

Понятовскій былъ образованный полякъ, имѣвшій тѣсную связь съ тогдашнимъ философскимъ міромъ Франціи; онъ состоялъ въ перепискѣ съ извѣстной дамой этого міра, M-me Жоффренъ, которую называлъ не иначе, какъ «maman». На польскій престолъ онъ вступилъ съ самыми смѣлыми преобразовательными планами. Какъ умный полякъ, онъ хорошо видѣлъ недостатки польскаго устройства, не видѣлъ только одного—своей собственной неспособности устранить эти недостатки. Онъ самъ признавалъ въ себѣ темпераментъ меланхолическій и крайне чувствительный; при каждомъ затрудненіи у него кружилась голова, и изъ глазъ его лились потоки слезъ. Онъ во все царствованіе не придумалъ ни одной практической мѣры. Какъ онъ вступилъ на престолъ, веденный за руку Екатериной, такъ и сошелъ съ него при томъ же самомъ содѣйствіи. Когда во главѣ партіи стоялъ такой вождь, можно было вѣрно расчитывать, что эти планы не удадутся. Намъ собственно не было дѣла до внутреннихъ преобразованій польскихъ, даже было бы выгоднѣе, чтобы Польша лучше устроилась и могла давать болѣе сильный отпоръ западнымъ сосѣдямъ. На очереди для Россіи стоялъ вопросъ о присоединеніи Западной Руси, и для разрѣшенія этого вопроса были средства, независящія отъ польскаго государственнаго устройства. Теперь, по внушенію Фридриха обязавшись не допускать перемѣнъ въ Польшѣ, Россія вооружила противъ себя всю преобразовательную партію, и даже самъ Станиславъ Понятовскій сталъ на дыбы. Вопросъ о возсоединеніи Западной Руси превратился въ вопросъ о государственномъ устройствѣ Польши, т. е. опять ближайшая цѣль отдалилась и стала позади дальнѣйшей, совершенно намъ чуждой. Съ другой стороны, союзъ Россіи съ Пруссіей въ польскихъ дѣлахъ встревожилъ Австрію и Францію, а также и Тур-

*

цію. Первыя увидѣли въ этомъ союзѣ намѣреніе раздробить Польшу, и чтобы помѣшать этому, толкнули Турцію на войну съ Россіей. Благодаря этому, польскій вопросъ стало невозможно покончить безъ турецкаго.

Таковы были двѣ ошибки, сдѣланныя Екатериной во внѣшней политикѣ. Первая ошибка поставила на очередь отдаленныя или второстепенныя цѣли, отодвинувъ назадъ цѣли ближайшія; вторая ошибка связала руки Россіи, сдѣлала необходимымъ рѣшеніе внѣшнихъ вопросовъ при стороннемъ участіи, и изъ вопросовъ турецкаго и польскаго, т. е. мѣстныхъ, сдѣлала вопросы обще-европейскіе. Послѣдствія второй ошибки должны быть приписаны Фридриху; ему принадлежала честь союза, намъ не нужнаго, но заключеннаго по нашей просьбѣ. Это потому, что Фридрихъ былъ дипломатъ, совершенно противоположный Панину и Екатеринѣ. У него не было ни тѣни идилліи; у него все было взвѣшено и расчитано, всѣ шансы и обстоятельства; трезвость его взгляда на дѣло доходила до цинизма. Характеристику его, какъ дипломата, сдѣлалъ его соперникъ, политическій противникъ и нашъ союзникъ, императоръ австрійскій Іосифъ II. Послѣ свиданія съ Фридрихомъ въ 1769 г., онъ пишетъ объ этомъ королѣ, обобравшемъ его мать: «это геній; говоритъ онъ чудесно, но въ каждомъ словѣ его проглядываетъ плутовство».

Послѣдствія обѣихъ указанныхъ ошибокъ испортили разрѣшеніе обоихъ вопросовъ русской политики, стоявшихъ на очереди. Прежде остановимся на турецкихъ отношеніяхъ. Ближайшая цѣль съ этой стороны состояла въ доведеніи южной русской границы до Черного моря. Начавъ *первую Турецкую войну*, Екатерина, поставила цѣлью освобожденіе балканскихъ христіанъ. Она сама писала съ чувствомъ самодовольства: «я подпалила Турцію съ четырехъ сторонъ: съ Дуная, Крыма,

Мореи и даже съ Грузіи». На Балканскомъ полуостровѣ возбуждена была сильная агитація въ христіанскомъ населеніи. Снаряжена была особая эскадра подъ руководствомъ Алексѣя Орлова, которая въ 1769—1770 г. проникла мимо Западной и Южной Европы въ Архипелагъ. Алексѣй Орловъ поднялъ въ Мореѣ возстаніе Грековъ. Но это смѣлое предпріятіе, поднявшее христіанское населеніе Турціи, не было достаточно подготовлено; флотъ оказался очень неисправенъ, такъ что даже у крѣпкаго на нервы Алексѣя Орлова сердце обливалось кровью при видѣ его. Если мы истребили турецкій флотъ въ Хіосскомъ заливѣ и Чесменской бухтѣ, то это показываетъ не то, что русскій флотъ былъ хорошъ, а то, что турецкій былъ плохъ. Поднявъ возстаніе Грековъ, Алексѣй Орловъ удивился, что у него даже нѣтъ греческаго переводчика и нѣтъ войска, которое могло бы поддерживать возстаніе. Какъ скоро Турки вступили въ Морею, Алексѣй Орловъ бросилъ Грековъ на произволъ судьбы, и Екатерина одобрила его поступокъ. Эскадра Орлова плыла вокругъ Европы, заявляя, что воротится домой черезъ Дарданеллы. Послѣ побѣдъ, истребивъ турецкій флотъ, Орловъ занялся завоеваніемъ Архипелага. Дарданеллы были не вооружены, и тотчасъ послѣ Чесменской битвы можно было пройти черезъ нихъ въ Константинополь. Между тѣмъ французскіе инженеры укрѣпили Дарданеллы и, когда Орловъ приблизился сюда, пройти черезъ заливъ оказалось невозможнымъ. Такой образъ дѣйствій свелъ результаты первой Турецкой войны къ очень скромнымъ пріобрѣтеніямъ. Блестящія побѣды, одержанныя надъ Турками, повели лишь къ тому, что Крымъ былъ объявленъ свободнымъ отъ Турокъ. Самъ Фридрихъ признавался втихомолку, что по всѣмъ военнымъ правиламъ Крымъ долженъ быть присоединенъ къ Россіи. Точно

также шла и *вторая Турецкая война.* Цѣлью было отстоять присоединенный къ России Крымъ и овладѣть сѣвернымъ берегомъ Черного моря. Екатерина поставила цѣлью, начиная эту войну, знаменитый «греческій проектъ», т. е. возстановленіе Византійской Имперіи на развалинахъ Турецкой. Зачѣмъ понадобилась эта Имперія, давно отошедшая въ область исторической археологіи, рѣшить трудно. Но мысль о возстановленіи Византійской Имперіи свелась на условія Ясскаго договора, который только подтверждалъ присоединеніе Крыма и, наконецъ, довелъ русскую границу до сѣвернаго берега Чернаго моря. Изъ-за Крыма, который не стоилъ ни одной войны, воевали два раза, и вторая война, дорогая и не вполнѣ удачная, стоила громадныхъ финансовыхъ жертвъ.

Такъ же шло разрѣшеніе и *польскаго вопроса.* Вопросъ этотъ состоялъ въ возсоединеніи съ Россіей Западной Руси; но сначала его поставили иначе; добивались отъ Польши исправленія западно-русской границы, т. е. проведенія пограничной линіи отъ Полоцка на Днѣпръ къ Оршѣ, иначе говоря, присоединенія двухъ губерній, Витебской и Могилевской; значитъ, національный вопросъ былъ сведенъ къ простому территоріальному. Потомъ онъ былъ расширенъ. Вопросъ состоялъ въ возсоединеніи Западной Руси; но его тотчасъ поставили иначе, потребовали у польскаго правительства уравненія православной шляхты съ католической. Уравненіе это могло быть двоякое, политическое и религіозное, т. е. надо было воротить православнымъ или политическія, или религіозныя права. Само православное населеніе требовало только уравненія религіознаго; русское правительство настаивало только на уравненіи политическомъ. Православное населеніе получило право имѣть представителей въ сенатѣ и палатѣ пословъ; оказа-

лось, что у него нѣтъ такихъ представителей: почти все русское православное дворянство давно перешло въ составъ польской шляхты, ополячилось и окатоличилось, такъ что не изъ кого было выбрать депутатовъ въ сеймъ. Рѣпнинъ доносилъ Екатеринѣ, что сами дворяне пашутъ землю, слѣдовательно, могутъ не поддержать политическія права своихъ избирателей, а только насмѣшить сеймъ. Во всемъ православномъ обществѣ не было ни одного лица, которое, по польскимъ законамъ, могло бы сѣсть въ сенатѣ. Въ сенатѣ сидѣли, между прочимъ, высшіе іерархи, которые въ католической польской Церкви были всѣ изъ знати; напротивъ, православный русскій епископъ, Георгій Конисскій, не могъ войти въ сенатъ, потому что былъ не шляхетскаго происхожденія. Сама Екатерина должна была хлопотать въ Польшѣ о томъ, чтобы православные диссиденты сами отказались отъ правъ политическихъ, которыя имъ выхлопотали, потому что они не могли ими пользоваться. Слѣдовало бы прежде всего хлопотать объ уравненіи правъ религіозныхъ, но русская дипломатія рѣшила этому воспротивиться, и прежде всего воспротивился самъ Панинъ. Любопытна точка зрѣнія, на которой онъ стоялъ. Если уравнять православныхъ русскихъ съ католиками въ Польшѣ, то православные крѣпостные крестьяне съ раскольниками еще въ бо́льшемъ количествѣ побѣгутъ изъ Россіи въ Польшу, привлекаемые свободой вѣры, соединенной съ выгодами народными. Великій религіозно-національный вопросъ сведенъ былъ такимъ образомъ къ вопросу полицейскому; хотѣли такъ устроить православное населеніе въ Польшѣ, чтобы свои крѣпостные крестьяне не бѣгали туда вмѣстѣ съ раскольниками. Значитъ, изъ православнаго населенія въ Польшѣ хотѣли сдѣлать только политическую партію, преданную Россіи, не

хлопоча не только о политическомъ, но и религіозномъ его освобожденіи.

Такое извращеніе прямой задачи, поставленной исторіей, должно было испортить ея рѣшеніе. Православный міръ въ Польскомъ государствѣ, при такой измѣнчивости и неопредѣленности русской программы, долго не могъ себѣ уяснить, чего собственно хочетъ Россія, что она желаетъ для нихъ сдѣлать: желаетъ ли она освободить ихъ, какъ православныхъ христіанъ и русскихъ, или, поднимая гайдамаковъ, она желаетъ освободить ихъ какъ и крѣпостныхъ крестьянъ польскихъ пановъ. Западная Русь долго не могла рѣшить, хотятъ ли ее освободить отъ ксендза и только, или, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ польскаго пана. Вотъ почему сочувствіе, съ какимъ отзывалось православно-русское общество на призывъ русскаго правительства, потомъ стало охладѣвать и гаснуть, благодаря такой неопредѣленной постановкѣ вопроса. Русское правительство, очевидно, должно было усвоить себѣ ту постановку, которую давалъ добрый сосѣдъ; а Фридрихъ II всегда ставилъ вопросы рѣзко и съ математической опредѣленностью. Вмѣсто возсоединенія Западной Руси, должны были принять планъ раздѣленія Польши; при чемъ коренная Польша, страна славянская, даже съ чисто русской областью Галиціей, отдана была двумъ нѣмецкимъ державамъ. Мысль о раздѣлѣ Польши — старая; ее внушали даже старымъ московскимъ государямъ, но они всегда были противъ нея, говорили, что не хотятъ дѣлить Польшу, а хотятъ отдѣлить отъ Польши Западную Русь. Такой неожиданный исходъ яснаго и просто разрѣшаемаго вопроса былъ результатомъ допущеннаго сторонняго вмѣшательства. Раздѣлъ Польши былъ выгоденъ ея западнымъ сосѣдямъ, непріязненнымъ славянству, а не Россіи. *Ни въ какомъ случаѣ русское*

правительство не должно было допускать до раздѣла Польши. Нужно было отдѣлить отъ Польши Западную Русь, спасти ее отъ ополяченія, а не отдавать Польшу на онѣмеченіе; иначе говоря, нужно было сдѣлать Польшу настоящей Польшей, ввести ее въ настоящую этнографію, и въ этихъ этнографическихъ границахъ она была бы менѣе для насъ опасна, сохраняя свою самостоятельность, чѣмъ въ видѣ нѣсколькихъ провинцій Пруссіи и Австріи. Могутъ сказать, что Польша безъ Западной Руси, сохраняя политическую самостоятельность, не примирилась бы съ Россіей; но примирилась же Швеція, лишившись своихъ восточныхъ провинцій; а съ другой стороны, уничтоженіе Польскаго государства не избавило насъ отъ борьбы съ польской націей. Въ 1812, 1830—1831 и 1863 гг. мы воевали съ ней и, можетъ быть, будемъ воевать еще. Можетъ быть, для того чтобы избѣгнуть необходимой борьбы съ націей, нужно было сохранить государство. Итакъ, *польскіе раздѣлы являются рѣшительной ошибкой, даже и съ обще-славянской точки зрѣнія.* Когда исчезла Польша, однимъ славянскимъ государствомъ стало менѣе, славянскаго полку, слѣдовательно, убыло.

Таковы были послѣдствія, вытекшія изъ сдѣланной Екатериной ошибки. Русская дипломатія, въ сущности, поработала въ чужую руку. Въ свое время глаза ея были отуманены видимыми успѣхами, огромными завоеваніями; но, собственно, съ нѣкоторымъ успѣхомъ былъ разрѣшенъ только вопросъ турецкій. Рѣшеніе польскаго вопроса сопровождалось невыгодами, которыя заставляютъ спросить, окупились ли онѣ пріобрѣтеніями. Главный отрицательный результатъ внѣшней политики Екатерины заключался во впечатлѣніи, произведенномъ ею на Европу. Когда русская эскадра въ 1769—1770 гг.

пропарадировала мимо Западной Европы, тамошніе добродушные зрители серіозно подумали, что она идетъ разгромить Турцію, а разгромивъ Турцію, рано или поздно разгромитъ и Европу. Такъ пошла западноевропейская легенда о неудержимомъ стремленіи Россіи противъ безопасности и политической независимости Западной Европы. Изъ Петербурга поддержали эту политическую сказку; авторомъ блестящаго проекта о возстановленіи Византійской Имперіи былъ Потемкинъ, одинъ изъ характерныхъ сотрудниковъ Екатерины. Послѣдній фаворитъ, Платонъ Зубовъ, не хотѣлъ отстать отъ своего предшественника и въ концѣ царствованія составилъ на французскомъ языкѣ роспись будущей Европы, какою сдѣлаетъ ее Россія. Въ этой росписи мы не находимъ слѣдующихъ государствъ, куда-то дѣвавшихся: Швеціи, Даніи, Пруссіи и Австріи. Русская Имперія заключаетъ въ себѣ шесть столицъ: Петербургъ, Москву, Астрахань, Берлинъ, Вѣну и Константинополь; въ Россійской Имперіи шесть дворовъ, но верховная власть одна. Вся эта роспись носила названіе «Общихъ политическихъ соображеній».

Вторая невыгода, созданная дипломатіей Екатерины, заключалась въ тѣхъ испытаніяхъ, какимъ она подвергла надѣявшееся на Русь христіанское населеніе Балканскаго полуострова.

Такъ неудачно были разрѣшены задачи, доставшіяся Екатеринѣ отъ ея предшественниковъ. Русская дипломатія поставила цѣлый рядъ блестящихъ, мечтательныхъ, но недостижимыхъ и не достигнутыхъ цѣлей, упустивъ изъ вида цѣли ближайшія и достижимыя; и все это потому, что боялась дѣйствовать одиноко, безъ прусской поддержки. Значитъ, искусная кокетка попалась въ руки прусскаго солдата. Вотъ почему Фридрихъ едва-ли бы согласился съ Екатери-

ной, которая, начиная первую Турецкую войну, говорила: «событія покажутъ, что мы ни у кого въ хвостѣ не тащимся». Изъ переписки Екатерины съ ея заграничнымъ пріятелемъ, барономъ Гриммомъ, 1778 года мы узнаемъ, что въ Голландіи послѣ перваго раздѣла Польши выбили каррикатурную медаль. На медали этой изображены были Екатерина и Марія-Терезія въ коляскѣ, а на козлахъ Фридрихъ II. Пассажирокъ спрашиваютъ, куда онѣ ѣдутъ? Тѣ отвѣчаютъ: «куда будетъ угодно кучеру». Екатерина, получивъ отъ Гримма извѣстіе объ этой каррикатурѣ, замѣтила, что «все это забавно, но не достаетъ только истины и музыки изъ комической оперы: первое было бы зло, а второе пошло». Екатерина сама виновата, что каррикатура вышла злою, а не пошлою.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, нельзя, впрочемъ, отрицать крупное значеніе результатовъ, достигнутыхъ Екатериной во внѣшней политикѣ. Одинъ изъ двухъ основныхъ вопросовъ, ей предстоявшихъ, разрѣшенъ былъ довольно удовлетворительно, хотя и могъ бы быть разрѣшенъ съ меньшими жертвами. Огромный экономическій капиталъ, какой представляли южно-русскія степи, открытъ былъ народному труду, благодаря двумъ войнамъ съ Турціей, которыя закрѣпили за Россіей сѣверный берегъ Чернаго моря, съ тѣхъ поръ какъ пріобрѣтены были Крымъ и Очаковъ. Менѣе удовлетворительно разрѣшенъ былъ вопросъ польскій; но и здѣсь сдѣланы важныя пріобрѣтенія: возсоединены были Бѣлоруссія и Волынь съ Подоліей, присоединена была даже инородческая страна Литва; за то должно было отказаться отъ чисто русской Галиціи, хотя этотъ отказъ стоилъ Екатеринѣ слезъ. Населеніе Руси въ 1762 году опредѣлялось милліоновъ въ 20; въ послѣдніе годы царствованія, въ 1796 году, его считали

въ 32 милл. Бо́льшую часть этихъ лишнихъ 12 милл. надобно отнести на счетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ это царствованіе. Кромѣ того, по договору 1774 года, въ Кучукъ-Кайнарджи, русскимъ торговымъ судамъ было открыто свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное. Но внѣшняя политика Екатерины, кромѣ этихъ матеріальныхъ пріобрѣтеній и успѣховъ, производитъ впечатлѣніе и другой своей стороной, нравственной. Какъ литературный памятникъ, дипломатическая переписка петербургскаго двора въ это время безукоризнена; въ этомъ отношеніи она поднималась высоко надъ дипломатіей другихъ дворовъ. Среди тогдашнихъ дипломатическихъ интригъ и безсовѣстной борьбы за право силы, русская дипломатія была единственной, сохранившей нѣкоторую политическую стыдливость. Въ ней только можно встрѣтить слова, которыхъ терпѣть не могла дипломатія того времени: добросовѣстность, чистосердечность, гуманность и т. п.; только Панинъ во все время доказывалъ, что нечестно мѣшать Полякамъ выйти изъ хаоса и варварства, въ какое погрузило ихъ политическое устройство; только Панинъ хлопоталъ о такой политической комбинаціи, о такомъ союзѣ, въ которомъ сильныя государства должны были защищать слабыя. По тому-же договору 1774 года Россія выговорила себѣ право ходатайствовать передъ Портой по дѣламъ Молдавіи. Такимъ образомъ, внѣшняя политика Екатерины выдѣлялась въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ присутствіемъ нравственнаго начала. Бѣда въ томъ, что эти нравственныя начала не оставили почти никакого слѣда въ тогдашней европейской жизни. За то недостатки этой политики сказывались очень тяжелыми послѣдствіями въ жизни Россіи. Екатерининская дипломатія отличалась широтою плана, сложностью построенія, возвышенностью цѣлей, какія она

себѣ ставила. Но рядомъ съ этими качествами въ ней было недостаточно практическаго пониманія своихъ задачъ, умѣнья пользоваться наличными средствами, настойчивости въ доведеніи до конца того, что начато, и вниманія къ ближайшимъ, достижимымъ цѣлямъ. Въ этой дипломатіи замѣтна охота поиграть въ высокіе принципы; но она вообще при этой игрѣ плохо держала карты, что было очень дурно въ тогдашнемъ дипломатическомъ мірѣ, любившемъ заглядывать въ чужія карты. Въ ней много стремленій, но мало практической разработки; много идей, но недостаточно техники, трудолюбія; много принциповъ, осуществленіе которыхъ желательно въ будущемъ, но мало не только знанія прошедшаго, но и трезваго пониманія настоящаго положенія дѣла. Отъ того ей не доставало вѣрнаго историческаго глазомѣра.

Внутренняя политика Екатерины II.

Особенности, которыми отличалась внѣшняя политика правительства Екатерины, не чужды были и его внутренней дѣятельности. Можно указать и главные источники этихъ особенностей, т. е. недостатковъ. Такимъ источникомъ было, во-первыхъ, самое происхожденіе власти Екатерины, т. е. путь, которымъ эта власть была достигнута; надо было заставить забыть объ іюньскомъ переворотѣ, оправдать захватъ власти. Для этого *нужно было сдѣлать много шумнаго, если не великаго, нужно было поднять шумъ, ставя отдаленныя цѣли, широкіе планы. Но при этомъ упускались изъ виду цѣли ближайшія, болѣе скромныя и практически достижимыя.* Такимъ образомъ, самое положеніе создавало этотъ недостатокъ въ дѣятельности Екатерины.

Съ другой стороны, къ тому же вела и обстановка, въ какой себя чувствовала Екатерина въ первое время царствованія. Въ первую минуту послѣ переворота она не могла скрыть своего восторга, была въ чаду отъ успѣха, какимъ сопровождалось ея предпріятіе. Но это обаяніе достигнутой власти отравлялось безпокойствомъ, какое внушалось мыслью о непрочности этой власти. Екатерина скоро почувствовала, что труднѣе удержать власть, чѣмъ ее пріобрѣсти. Вотъ почему она иногда проговаривалась въ бесѣдахъ съ иностранными посланниками, что еще не вполнѣ счастлива, что все ей что-то не по себѣ. Мелкія, но тревожныя событія поддерживали эту боязнь быть низвергнутой. Успѣхъ іюньскаго переворота многимъ кружилъ головы; смотря на то, какъ сотрудники переворота поднялись, многіе изъ гвардіи хотѣли попробовать успѣха, тѣмъ болѣе, что былъ вопросъ, за который можно было уцѣпиться. Въ Шлиссельбургской крѣпости еще жилъ старый узникъ, Іоаннъ Антоновичъ, минутный Императоръ. Теперь онъ былъ уже не ребенокъ по лѣтамъ, но продолжительное заключеніе, въ которомъ онъ и сталъ впервые сознавать себя, посаженный въ крѣпость еще ребенкомъ, подѣйствовало на его умственныя способности; онъ вышелъ юродивымъ. Панину поручено было охранять этого узника. Приставленнымъ къ нему офицерамъ Панинъ велѣлъ склонять узника къ монашеству; Іоаннъ Антоновичъ только заспорилъ со своими стражами объ имени (ему рекомендовали имя Геласія, а ему хотѣлось Ѳеодосія); да притомъ онъ припоминалъ, какъ онъ будетъ монахомъ, если онъ безплотный. Въ первое время послѣ переворота Екатеринѣ совѣтовали упрочить власть замужествомъ съ этимъ Императоромъ. Екатерина видѣлась съ нимъ, посмотрѣла на него и съ грустью должна была отказаться отъ этого средства

упрочить власть. Затѣмъ въ гвардіи поговаривали, что послѣ іюньскаго переворота слѣдовало бы короновать ея сына, наслѣдника. Гвардейскіе офицеры братья Гурьевы начали даже составлять заговоръ во имя Шлиссельбургскаго заточника, при чемъ говорили и о правахъ великаго князя Павла. Заговоръ открылся, виновные были наказаны; но слѣдствіе показало, что агитаторы не церемонились въ своихъ отзывахъ объ Екатеринѣ и даже распаляли солдатъ въ пользу своего предпріятія. При такихъ обстоятельствахъ Екатерина должна была чувствовать себя на угольяхъ. За границей вообще не вѣрили, что она долго усидитъ на престолѣ. Казалось невѣроятнымъ укрѣпиться на немъ иностранкѣ, случайно попавшей въ Россію, ничѣмъ съ ней не связанной, за которой не было даже и памяти великаго отца, какъ за ея предшественницей, Елисаветой. Екатерина хорошо чувствовала свое положеніе; вотъ почему она въ первое время и дѣйствуетъ какъ чиновникъ, ежедневно ждущій отставки. Она всѣхъ выслушиваетъ, принимаетъ разнообразныя мнѣнія, боится кого нибудь оскорбить рѣзкимъ отказомъ. Отсюда ея уступчивость и тревожное настроеніе, не покидавшее ее даже въ большомъ обществѣ, несмотря на ея умѣнье владѣть собой и держаться. Она часто на вечернихъ собраніяхъ вдругъ впадала въ раздумье, становилась разсѣянной; когда ее спрашивали о причинѣ, она признавалась, что не совсѣмъ довольна своимъ положеніемъ. *Она должна была постоянно напрягаться, быть настороже, дѣлать усилія, чтобы не потерять завоеванной популярности.* Чтобы упрочить свое положеніе, ей надобно было опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ и потомъ угодить всему обществу, исполнивъ его первыя желанія.

Екатерину окружали въ первое время послѣ переворота люди двухъ родовъ; общество ея состояло изъ

старыхъ придворныхъ, доставшихся ей отъ елисаветинскаго времени, старыхъ и опытныхъ знатоковъ искусства жить при дворѣ, и, потомъ, изъ новыхъ избранниковъ судьбы, которые выдвинулись помощью переворота и старались подражать старымъ, усвоить искусство жить при дворѣ. Къ первому кругу принадлежали елисаветинскіе дѣльцы: бывшій канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, бывшій посланникъ Никита Панинъ, бывшій генералъ-прокуроръ князь Трубецкой. Во главѣ новаго круга людей стояли многочисленные братья Орловы съ другими дѣльцами іюньскаго переворота, Дашковой, Ласунскимъ и т. д. Орловы заняли самое видное мѣсто при дворѣ. Во время коронаціи, которая была въ сентябрѣ, три старшихъ брата возведены были въ графское достоинство. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великаго происшествія, какъ они величали іюньское дѣло, и они были возбуждены, и они были въ чаду. Иностранцамъ оні казались вообще ниже Екатерины по уму и образованію; еще любопытнѣе, что они казались ниже по уму, образованію и талантамъ даже елисаветинскихъ дѣльцовъ. Иноземцы вообще отдавали преимущество въ свѣтскости, выправкѣ и познаніяхъ старикамъ, Бестужеву, Панину и др., передъ этими Ласунскими, Орловыми и т. п. Теперь восторжествовала казарма надъ прежней канцеляріей Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и новый слой дѣльцовъ настолько же и въ томъ же отставалъ отъ стараго, насколько и въ чемъ казарма отставала отъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ.

Эти лица спѣшили пожинать плоды своего дѣла. Они не довольствовались наградами, полученными за участіе въ переворотѣ, хотя эти награды были довольно значительны (имъ роздано было 18 тысячъ крестьянъ и болѣе 180 тысячъ р. въ видѣ наградъ, не

считая постоянной пенсіи въ 5 тысячъ р. и ниже [1]). Теперь, воспользовавшись положеніемъ Екатерины, они осаждали ее, старались навязать ей свои мнѣнія, даже просто безъ церемоніи просили денегъ. Сама Екатерина въ разговорѣ съ однимъ иноземнымъ посломъ сравнила себя съ зайцемъ, котораго поднимаютъ и гонятъ со всѣхъ сторонъ. Она чувствовала себя обязанной этимъ людямъ и потому не могла имъ рѣзко отказывать. Въ письмѣ къ Понятовскому, писанномъ въ первые дни царствованія, мы читаемъ, между прочимъ, такія слова: «я знаю, меня заставятъ сдѣлать тысячи странностей. Если я исполню, меня будутъ обожать; если нѣтъ, я не знаю, что̀ и случится». Она послѣ только могла убѣдиться въ томъ, что даже при болѣе твердомъ образѣ дѣйствій съ ней бы ничего не случилось. Но теперь она должна была уступать; отсюда ея нерѣшительность и робость даже въ каждомъ мелочномъ внутреннемъ дѣлѣ, которое откуда нибудь вызывало возраженіе. Это замѣтили даже иностранцы. Пользуясь боязливостью Екатерины, ей при каждомъ рѣшительномъ шагѣ пѣли со всѣхъ сторонъ въ уши, что извѣстная мѣра вызоветъ ропотъ въ народѣ; а ей всего горше было потерять любовь народа.

Трудность ея положенія увеличивалась и безцеремонностью обращенія съ ней окружающихъ. Она вообще въ первое время не умѣла заставить относиться къ себѣ съ почтительностью. При Елисаветѣ, когда она была великой княгиней, съ ней всѣ придворные обращались фамильярно; теперь ближайшіе ея сотрудники по перевороту не могли отвыкнуть отъ простого обращенія, усвоеннаго конспираціей. На такое простое об-

---

[1]) Такія пятитысячныя пенсіи получали, напр., гетманъ Разумовскій, Никита Панинъ и др.

ращеніе указываетъ одна маленькая записка, адресованная къ ней Бецкимъ, послѣднимъ по своему значенію въ этомъ приближенномъ кругу. Бецкій даже въ 1767 г. не могъ отстать отъ конспиративныхъ привычекъ въ обращеніи съ Екатериной; записочка эта вызвана соперничествомъ Бецкаго съ Панинымъ: «вижу, что Никита великъ сталъ у Вашего Величества; ѣду къ нему поклониться, да и другимъ то-же посовѣтую». Но Екатерина умѣла ладить съ этими людьми; они были не столько опасны, сколько тяжелы. Теперь ей нужно было пустить въ оборотъ свое непобѣдимое терпѣніе въ выслушиваніи этихъ людей, неизмѣнную любезность въ отвѣтахъ и уступчивость, когда того требовали обстоятельства. Въ запискахъ Дашковой есть одинъ выразительный разсказецъ, который показываетъ, что съ этими людьми легко было ладить, хотя и не было пріятно быть въ ихъ обществѣ. На четвертый день переворота обѣ дамы сидятъ вдвоемъ и бесѣдуютъ о послѣдствіяхъ событія. Вдругъ къ нимъ вторгается Иванъ Ивановичъ Бецкій и обращается къ Екатеринѣ съ неожиданнымъ вопросомъ: «скажите, кому Вы обязаны Вашимъ возвышеніемъ»?— «Богу и избранію моихъ подданныхъ», отвѣчаетъ Екатерина.—«Такъ я несчастный человѣкъ», воскликнулъ Бецкій въ слезахъ; стоя на колѣняхъ, онъ снимаетъ съ себя ленту и кладетъ къ ногамъ Екатерины. «Что это значитъ?», спрашиваетъ Екатерина. «Я—несчастнѣйшій человѣкъ, если Вы не признаете меня единственнымъ виновникомъ воцаренія. Развѣ не я подстроилъ умы гвардіи, развѣ не я бросалъ деньги въ народъ?» Екатерина сначала была смущена этой неожиданностью, но потомъ сообразила и отвѣтила: «я признаю васъ единственнымъ виновникомъ воцаренія; и такъ какъ я вамъ одному обязана своимъ коронованіемъ, то кому же, какъ

не вамъ, поручить изготовленіе коронаціи и всего, во что я буду одѣта во время коронаціи». И онъ, дѣйствительно, былъ церемоніймейстеромъ во время коронаціи.

Гораздо труднѣе было дать почувствовать пользу новаго правительства всему русскому обществу. Екатерина плохо знала это общество, какъ и вообще положеніе дѣлъ въ Россіи, вопросы, стоявшіе на очереди. Житейская опытность дала ей мало средствъ, чтобы знать его. Она вращалась до тѣхъ поръ въ тѣсномъ кругу петербургскаго двора, а послѣдній былъ слишкомъ далекъ отъ русскаго народа и географически и нравственно, и нравственно, можетъ быть, еще дальше, чѣмъ географически. Вотъ почему Екатерина принялась усердно изучать положеніе страны; она стала чаще посѣщать засѣданія Сената, была внимательной слушательницей сенатскихъ преній, сама прочитывала сенатскія дѣла, разспрашивала обо всемъ всѣхъ и каждаго. Отъ первыхъ лѣтъ ея царствованія до насъ дошелъ рядъ откровенныхъ записочекъ и замѣтокъ, въ которыхъ она излагала результаты своихъ прилежныхъ наблюденій. Любопытно узнать изъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ, въ какомъ видѣ представлялось ей положеніе дѣлъ по этимъ наблюденіямъ.

Русская армія, стоявшая въ Пруссіи, восемь мѣсяцевъ не получала жалованья. Русской внѣшней торговлей совсѣмъ завладѣли иностранцы. Главныя статьи русскаго производства превратились въ частную монополію. Русскій кредитъ совсѣмъ палъ. Елисавета во время Семилѣтней войны никакъ не могла вымолить у голландскихъ банкировъ 2 милл. рублей подъ высокіе проценты. Управленіе было въ конецъ разстроено. Сенатъ рѣшалъ дѣла необыкновенно медленно; цѣлыя шесть недѣль онъ слушалъ доклады только о выгонѣ города

Мосальска и подгородныхъ лугахъ. Областные управители (губернаторы и воеводы) не получали жалованья, кормились отъ дѣлъ по-старому, т. е. брали взятки, несмотря на строгіе указы, ихъ запрещавшіе. Сенатъ назначалъ областныхъ управителей, а между тѣмъ сенаторы не знали, сколько провинцій въ Россійской Имперіи; атласа Русскаго государства въ Сенатѣ не бывало съ самаго его основанія. Въ Сенатѣ не было даже списка русскихъ городовъ, въ которые онъ назначалъ управителей, и управителей, которыхъ онъ былъ обязанъ контролировать. Когда на одномъ засѣданіи Екатерина попросила такой списокъ, его не оказалось; она попросила навести справку о городахъ по атласу,—атласа не оказалось; она вынула 5 р., послала секретаря купить атласъ и подарила его Сенату. Государственныхъ доходовъ значилось по вѣдомостямъ 16 милл. р. въ годъ. Екатерина сосчитала ежегодные доходы; по счету оказалось, что ихъ 28 милл. р.; 12 милл. куда то дѣвались между пальцами. Въ 1765 г. Екатерина назначила смотръ балтійскому флоту. Флотъ, любимое дѣтище Петра, предсталъ предъ ея глазами въ самомъ жалкомъ видѣ: корабли наѣзжали другъ на друга, ломали снасти, не могли выстроиться въ линію, никакъ не могли при стрѣльбѣ попасть въ цѣль. Екатерина, кончивши смотръ, сказала, что этотъ флотъ годится развѣ только для ловли сельдей.

Въ такомъ видѣ представилось ей положеніе дѣлъ. Чтобы войти глубже въ общество, чтобы наблюдать его не свысока, не изъ Петербурга, она предприняла въ первые годы рядъ путешествій. Такъ, въ 1763 г. она ѣздила въ Ярославль и Ростовъ; въ 1764 г. объѣхала прибалтійскія губерніи; весной 1767 г. предприняла поѣздку въ Азію, т. е. рѣшилась проплыть по Волгѣ. Она отправилась съ многочисленной свитой, тысячи въ

двѣ человѣкъ, и со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ; въ Твери сѣла на барку и спустилась до Симбирска. Это путешествіе было для нея въ высшей степени назидательно. Она боялась переворота, не знала, достанетъ ли у нея средствъ упрочить народную любовь, успѣетъ ли она сладить съ общественнымъ мнѣніемъ. Поѣздка показала ей, какой гибкій матеріалъ находится въ ея рукахъ, какъ мало нужно сдѣлать для этого народа, чтобы вызвать съ его стороны самую искреннюю преданность; когда еще не было ничего сдѣлано, а много обѣщано, Екатерину всюду встрѣчали съ неописаннымъ восторгомъ. Далѣе Екатерина отмѣчаетъ въ своихъ путевыхъ письмахъ, что по дорогѣ она всюду встрѣчала города, «прекрасные по ситуаціи и мерзкіе по постройкѣ». Особенно поразило ее разнообразное населеніе Казани. «Это особое царство», писала она съ дороги, «какое множество объектовъ, достойныхъ вниманія, а идей на 10 лѣтъ набрать здѣсь можно». Съ такимъ собраніемъ свѣдѣній, наблюденій, Екатерина и предприняла рядъ внутреннихъ преобразованій, которыя должны были, согласно съ обѣщаніемъ іюльскаго манифеста 1762 г., сдѣлать счастливыми ея подданныхъ.

Законодательная дѣятельность Екатерины II.

Путешествія, наблюденія и разспросы помогли Екатеринѣ нѣсколько войти въ положеніе дѣлъ, и какъ только она начала входить въ него, ей представились главные недостатки, которыми страдалъ государственный порядокъ. Недостатки эти состояли, прежде всего, въ безпорядочности законодательства. Въ самомъ дѣлѣ, старый кодексъ, составленный еще при царѣ Алексѣѣ (Уложеніе 1649 г.), давно устарѣлъ; накопился огром-

ный новый законодательный запасъ. Еще при Петрѣ сдѣлана была попытка привести въ порядокъ этотъ запасъ, и составлена въ 1700 г. комиссія, которая должна была разобрать изданные законы, сличить ихъ съ Уложеніемъ и составить новый кодексъ. Съ тѣхъ поръ эта кодификаціонная работа нѣсколько разъ возобновлялась и все неудачно. Въ потокѣ новыхъ законовъ, притомъ часто выходившихъ изъ противоположныхъ источниковъ, при постоянныхъ смѣнахъ правителей, невозможно было составить порядочное уложеніе. Недостатки эти обратили Екатерину къ мысли, что привести въ порядокъ законодательство — ея первая обязанность. Съ тѣхъ поръ начинается ея работа, которую она шутливо въ письмѣ къ Гримму назвала своимъ «законобѣсіемъ».

Приближенные указывали ей на необходимость привести въ порядокъ дѣйствующее русское законодательство, въ которомъ рядомъ лежали различные законы, изданные въ разное время, съ разныхъ точекъ зрѣнія, ставившихъ себѣ различныя цѣли. Нужно было, такимъ образомъ, собрать и расположить въ порядкѣ весь этотъ законодательный хаосъ, пополнить его пробѣлы, устранить противорѣчія. Это была скучная, черная, продолжительная, но полезная работа. Екатерина уклонилась отъ нея; не вникнувъ въ изученіе дѣйствующаго законодательства, она прямо рѣшила, что все оно никуда не годится. Въ ея письмѣ есть житейскіе отзывы о русскомъ законодательствѣ; она говоритъ, что законы эти извели множество народа, что благодаря имъ народное благосостояніе все падало, а не поднималось, — что̀ было даже не совсѣмъ справедливо.

Осудивъ такъ рѣзко дѣйствующее законодательство, Екатерина остановилась на блестящей цѣли — составить совершенно новое уложеніе, которое бы не имѣло ни-

чего общаго съ дѣйствующимъ законодательствомъ и было бы построено на иныхъ началахъ. Можно удивляться, почему Екатерина рѣшила такъ и почему выбрала себѣ такую далекую цѣль, которая была еще труднѣе достижима, чѣмъ первая, т. е. простое собраніе и приведеніе въ порядокъ дѣйствующихъ законовъ. Но это объясняется ея положеніемъ. Чтобы привести въ порядокъ дѣйствующее законодательство, нужно знать его и знать также потребности времени, чтобы съ ихъ помощью пополнить пробѣлы оставшіеся въ законодательствѣ; но Екатерина многаго не знала, она даже совсѣмъ не знала дѣйствующаго русскаго законодательства. Чтобы пополнить пробѣлы, въ этомъ послѣднемъ и устранить противорѣчія, нужно было коснуться очень многихъ щекотливыхъ интересовъ современнаго общества; такъ, напр., при изученіи дѣйствующаго законодательства оказалось бы, что оно не касалось самыхъ основъ крѣпостного права, что послѣднее развилось больше какъ фактъ,а не какъ законъ. Устраняя пробѣлы, нужно было, такимъ образомъ, точно опредѣлить отношенія, господствовавшія въ сельскомъ мірѣ. А между тѣмъ этотъ щекотливый вопросъ затронулъ бы многихъ лицъ, опираясь на которыхъ Екатерина взошла на престолъ. Итакъ, она многаго не знала, но и изъ того, что̀ знала, она многаго не могла коснуться, потому что слишкомъ тѣсно была связана съ людьми, интересы которыхъ этимъ затрогивались.

Такимъ образомъ, Екатерина постепенно была сбита въ своей законодательной работѣ съ почвы практическихъ интересовъ, насущныхъ потребностей. Что ей оставалось? Ей оставалась открытой одна возвышенная сфера общихъ идей и благожеланій. Ей и самой пріятно было вращаться въ этой возвышенной области: туда влекли ее понятія и вкусы, ею усвоенные. Мы знаемъ,

что еще дома, въ Германіи, она получила чисто французское воспитаніе. Въ Россіи она познакомилась съ тогдашней политической и философской литературой Франціи и увлеклась этой литературой; она перечла не только Бейля, но и Вольтера, и Монтескьё, и другихъ современныхъ французскихъ публицистовъ. Изъ этого прилежнаго чтенія она вынесла тотъ гуманный либерализмъ, какимъ вообще отличались всѣ поклонники тогдашней французской политической литературы. Этотъ либерализмъ она выражала и въ своихъ литературныхъ трудахъ, и въ бесѣдахъ съ окружающими. Бесѣды эти, вмѣстѣ съ отрывочными записочками, позволяютъ намъ войти въ кругъ ея политическихъ понятій и симпатій. Такъ, она называла себя «рыцаремъ свободы и законности», она считала себя призванной на престолъ «на благо общества, чтобы обезпечить народу свободу, честь и собственность». Она прочитала разъ дѣло Артемія Волынскаго, осужденнаго и казненнаго, какъ извѣстно, въ угоду Бирону; несправедливостью процесса, жестокостью кары это дѣло поразило Екатерину, и она сгоряча, подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, даетъ такой завѣтъ сыну и всѣмъ потомкамъ въ запискѣ 1765 г.: «всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣриться на этотъ аршинъ». Екатерина не пророчила счастья ни одному изъ своихъ преемниковъ, кто забудетъ этотъ завѣтъ. Въ числѣ записанныхъ ею мыслей въ первыя лѣта царствованія мы читаемъ: «противно христіанской религіи обращать въ рабство людей, которые родились свободными; свобода—душа всѣхъ вещей; безъ нея все мертво; я хочу, чтобы повиновались законамъ, но не хочу рабовъ. Не знаю, мнѣ кажется, я всю жизнь буду чувствовать презрѣніе къ суднымъ комиссіямъ. Снисхожденіе, примирительный духъ государя сдѣлаетъ

больше, чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода дастъ душу всему». Это, конечно, были «эксцессы», говоря языкомъ того времени; но такой неопредѣленный, сентиментальный либерализмъ чрезвычайно вторилъ политическому настроенію, какимъ тогда прониклись и петербургскіе либералы. Они также жадно усвоивали себѣ новыя политическія идеи, но въ такомъ общемъ видѣ, такъ неопредѣленно, что эти идеи не могли имѣть практическаго приложенія, — дѣйствовали лишь на нервы, создавали настроеніе, но не отражались въ ежедневныхъ поступкахъ этихъ людей.

Въ такомъ настроеніи Екатерина и принялась за преобразовательную дѣятельность. Согласно съ общимъ характеромъ усвоенныхъ ею политическихъ идей, новые законы она хотѣла создать при содѣйствіи общества. Безъ содѣйствія общества не могъ обойтись тогдашній либерализмъ. Новый кодексъ долженъ былъ выйти не изъ канцеляріи, а изъ рукъ самого народа.

Въ концѣ 1766 г. Екатерина обнародовала манифестъ, которымъ созывала представителей разныхъ классовъ русскаго общества въ «комиссію для составленія проекта новаго русскаго уложенія». Само русское общество должно было создать себѣ законы; но Екатерина не хотѣла оставить этихъ составителей безъ руководства; она хотѣла изложить имъ основныя начала, которыя должны были лечь въ основу новаго русскаго кодекса. Такое руководство она предложила комиссіи въ своемъ Наказѣ.

1. Наказъ.

Наказъ — первый актъ преобразовательной дѣятельности Екатерины, съ которымъ мы должны познакомиться. Она сама довольно подробно разсказываетъ о томъ, какъ

составлялся этотъ Наказъ. Въ одной изъ ея записокъ, писанной около 1779 года, мы читаемъ: «Усматривая въ первые три года, что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ, изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самые гражданскіе законы не могутъ получить направленіе инако, како установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ Имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы и счастья Имперіи; преуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать, по частямъ, статьи, мною заготовленныя, разнымъ людямъ, всякому по его способностямъ: болѣе одного или двухъ листовъ не показывала вдругъ». Наконецъ заготовила она манифестъ о созывѣ депутатовъ, помѣченный 14 декабря 1766 г. Въ одномъ письмѣ къ своей парижской пріятельницѣ М-ше Жоффренъ, отъ 22 марта 1765 г., она пишетъ, что ежедневно встаетъ рано и часа два, три посвящаетъ работѣ надъ составленіемъ законодательнаго руководства, т. е. надъ Наказомъ. Работа эта продолжается, де, у нея уже два мѣсяца. Къ началу 1767 г. Наказъ былъ готовъ, т. е. онъ писался съ начала 1765 г. до конца 1766 г.

Когда въ 1767 г. стали съѣзжаться въ Москву депутаты, Екатерина выбрала изъ нихъ нѣкоторыхъ персонъ весьма «разномыслящихъ» и дала имъ прочитать свой Наказъ. Какъ прежде того люди, которымъ она показывала по одному или по два листа, такъ и эти депутаты были поражены тѣмъ, что прочитали въ Наказѣ. Екатерина начала истреблять неодобренныя

читателями части Наказа. Она пишетъ къ М-me Жоффренъ, что еще послѣ предварительной секретной цензуры, которой она подвергла свое произведеніе, она изорвала или сожгла болѣе половины написаннаго. Теперь наступила вторичная цензура со стороны избранныхъ депутатовъ. Екатерина предоставила имъ чернить и марать, что имъ захочется, и они зачеркнули болѣе половины того, что прочитали. Уцѣлѣвшія статьи и были напечатаны лѣтомъ 1767 г., ко дню открытія комиссіи. Значитъ то, что мы читаемъ въ печатномъ Наказѣ, есть не болѣе четверти того, что было написано Екатериной. Такая строгая двойная цензура объясняется характеромъ и содержаніемъ Наказа. Наказъ былъ написанъ въ пору того увлеченія французскими политическими идеями, какое мы видѣли по нѣкоторымъ признаніямъ и записочкамъ Екатерины. Не слѣдуетъ думать, что Наказъ — практическая инструкція, которой должны были руководиться депутаты въ ихъ сложной и трудной работѣ. Нѣтъ, это философско-политическій трактатъ; такой его характеръ объясняется источниками. Источниками его послужили тѣ книги, которыми Екатерина тогда увлекалась. Прежде и шире всего она воспользовалась книгой Монтескьё «О духѣ законовъ». Собираясь послать экземпляръ составленнаго Наказа къ одному изъ энциклопедистовъ, д'Аламберу, она пишетъ М-me Жоффренъ: «я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ намъ служить геніальные люди, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе». Книгу Монтескьё она сама называла «молитвенникомъ государей», у которыхъ «уцѣлѣлъ здравый смыслъ». «Это—мой молитвенникъ», нѣсколько разъ повторяетъ она въ письмѣ къ д'Аламберу; она пишетъ ему въ половинѣ 1765 г.: «вы увидите изъ Наказа, какъ для пользы своей Имперіи

я обобрала президента Монтескьё, не называя его; надѣюсь, что, если онъ съ того свѣта увидитъ мою работу, то проститъ мнѣ этотъ литературный грабежъ для блага 20 милл. людей, какое изъ того должно послѣдовать». Наказъ состоялъ изъ 20 главъ, раздѣленныхъ каждая на статьи, или отдѣльныя краткія положенія. Такихъ статей въ немъ 526; 250 изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, прямо заимствованы изъ «Духа законовъ». Екатерина не упоминаетъ и другого философа криминалиста, ею обобраннаго; то былъ итальянскій философъ по уголовному праву, Беккарій, который незадолго передъ тѣмъ, въ 1764 г., издалъ свою книгу «О преступленіяхъ и наказаніяхъ»; книга эта тогда же была переведена на французскій и нѣмецкій языки и надѣлала много шуму въ Европѣ. Книга эта была протестомъ противъ средневѣковаго права и всѣхъ его формъ; она вооружалась противъ пытки и другихъ судебныхъ доказательствъ средневѣковаго процесса, настаивая на необходимости взвѣшивать степень вмѣняемости, нравственнаго побужденія въ преступленіи и т. д. Екатерина широкими руками воспользовалась и книгой Беккарія. Самая обширная глава Наказа, десятая, трактуетъ объ уголовномъ правѣ, или объ обрядѣ криминальнаго суда; болѣе 100 статей этой главы, т. е. почти вся она заимствована изъ книги Беккарія. Процессъ составленія Наказа легко открывается изъ сличенія его съ его источниками. Читая «Духъ законовъ» и «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», Екатерина отмѣчала карандашемъ наиболѣе рѣзко, афористически формулированныя положенія ихъ авторовъ; потомъ, приводя эти мѣста въ нѣкоторый порядокъ, она ихъ излагала или въ дословномъ переводѣ, или въ легкой парафразѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и изрѣдка вставляла свою статью, свою строчку, даже свое оди-

нокое слово. Такъ составился Наказъ. Екатерина въ письмахъ къ людямъ, отъ которыхъ нельзя было скрыть такого авторства, открыто признавалась въ немъ. Такъ, посылая экземпляръ Наказа Фридриху II, своему политическому союзнику, она пишетъ: «Вы увидите, что я здѣсь, какъ ворона въ баснѣ, нарядилась въ павлины перья; въ этомъ сочиненіи мнѣ принадлежитъ только расположеніе матеріала, да развѣ по мѣстамъ одна строчка, одно слово». Она сама думала, что всего оригинальнаго, ею написаннаго, «не наберется въ Наказѣ и двухъ листовъ». Вотъ почему странно, что Екатерина впослѣдствіи перевела Наказъ на разные языки и въ отлично переплетенныхъ экземплярахъ любила дарить знатнымъ путешественникамъ, пріѣзжавшимъ изъ Франціи, Германіи и другихъ странъ. Какое назиданіе могли извлечь изъ Наказа эти люди, давно читавшіе подлинники?

Содержаніе Наказа очень разнообразно, обнимаетъ почти всѣ стороны законодательства; въ 20 главахъ его мы читаемъ о естественномъ положеніи государства, объ образѣ правленія, объ учрежденіяхъ, о судопроизводствѣ, объ общественныхъ классахъ; о размноженіи народа, о торговлѣ и ремеслахъ, о воспитаніи, о порядкѣ наслѣдованія, о составленіи и слогѣ законодательства, т. е. о правилахъ кодификаціи и, наконецъ, о разныхъ статьяхъ, требующихъ особеннаго изъясненія, какъ-то: о преступленіи по оскорбленію Величества, о чрезвычайныхъ судахъ, учрежденныхъ особо для извѣстныхъ преступленій, о вѣротерпимости и, наконецъ, находимъ отвѣтъ на вопросъ, какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію и къ конечному разрушенію. Послѣ, въ 1768 г., къ 20 главамъ Наказа прибавлены были 2 новыя—о полиціи и о государственномъ хозяйствѣ.

Таково содержаніе Наказа въ общихъ чертахъ. Изложенъ онъ, какъ мы сказали, афористически, отдѣльными и краткими статьями. Наказъ построенъ на довольно тонко соображенномъ силлогизмѣ. Во вступленіи мы читаемъ: «Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро. Желаніе каждаго честнаго человѣка – видѣть свое отечество на высшей ступени благополучія, а своихъ согражданъ—подъ охраною закона; чтобы скорѣй осуществить это общее желаніе, надо войти въ естественное положеніе сего государства, потому что наиболѣе естественные законы это тѣ, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ расположенію народа, для котораго они составлены. Законы должны быть основаны на условіяхъ народной жизни». Въ 1-ой и 2-ой главѣ изложены условія жизни русскаго народа. Этихъ условій, впрочемъ, указано только два: 1) Россія есть европейская держава; 2) Россія есть государство, управляемое самодержавной властью. Что Россія есть европейская держава, доказывается успѣхомъ Петра во введеніи европейскихъ обычаевъ и нравовъ, успѣхомъ, который объясняется несоотвѣтствіемъ древнерусскихъ обычаевъ и нравовъ съ климатомъ страны. Древне-русскіе обычаи и нравы принесены къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніемъ разныхъ областей; значитъ, древне-русскіе нравы были неестественны, искусственно созданы. Вотъ почему Петръ, вводя обычаи и нравы европейскіе, нашелъ такое удобство, какого и самъ не ожидалъ. Необходимость для Руси самодержавнаго образа правленія доказывается 1) тѣмъ, что лучше повиноваться одному господину, нежели угождать многимъ; 2) тѣмъ, что государство это по самой обширности пространства своего предполагаетъ необходимость самодержавной власти. Надлежитъ, чтобы дѣла рѣшались настолько скорѣе, насколько мед-

ленно текутъ они къ центру по обширнымъ разстояніямъ государства. Значитъ, самодержавная власть есть условіе наиболѣе быстраго рѣшенія дѣлъ.

Разбирая этотъ рядъ мыслей, легко извлечь изъ него слѣдующіе силлогизмы. Законы для каждаго народа должны соотвѣтствовать его положенію. Россія по своему положенію есть государство Европы; слѣдовательно, законы, предназначенные для русскаго народа, должны имѣть обще-европейскія основы. Эти основы и предлагаются въ Наказѣ въ видѣ идей, извлеченныхъ изъ западно-европейской литературы, представлявшихъ послѣднее слово западно-европейской политической мысли. Какъ видимъ, силлогизмъ съ логической стороны построенъ довольно искусно. Въ комиссіи для составленія проекта уложенія могло возникнуть такое недоумѣніе: насъ созвали составить русскій кодексъ, а въ руководство предлагаютъ Монтескьё и Беккарія; зачѣмъ это? Наказъ отвѣчаетъ: ваши законы должны соотвѣтствовать вашему положенію; вы по своему положенію европейскій народъ; слѣдовательно, ваши законы должны быть основаны на тѣхъ же началахъ, какія лежатъ въ основаніи западно-европейскихъ законовъ. Но, не лишенная искусности въ логическомъ построеніи, основная мысль Наказа грѣшитъ одной исторической ошибкой. Совершенно вѣрно, что русское законодательство въ то время должно было развивать начала обще-европейскаго права, которое есть, между прочимъ, и право христіанское, но то право, которое развивалось въ книгахъ Монтескьё и Беккарія, не лежало еще въ основѣ ни одного европейскаго законодательства. То былъ законодательный идеалъ, а не законодательный фактъ; его еще нужно было путемъ долгой борьбы вводить въ европейское право. Какимъ же образомъ въ основу русскаго права могъ лечь тотъ идеалъ,

который не лежалъ въ основѣ ни одного европейскаго права, и могъ лечь потому, что русскій народъ есть народъ европейскій? Эта историческая ошибка, которая замѣчается въ построеніи Наказа, и опредѣлила значеніе этого памятника въ исторіи нашего законодательства.

Далѣе, Наказъ, независимо отъ этой исторической погрѣшности, былъ неудобенъ, какъ руководство, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по самому изложенію—онъ состоитъ изъ афоризмовъ, вырванныхъ изъ разныхъ мѣстъ указанныхъ книгъ. Между этими афоризмами разорвалась та связь, въ какой отвлеченныя мысли стояли въ подлинникѣ; отсюда темнота Наказа, трудность его усвоенія, безсвязность мыслей, поставленныхъ рядомъ. Мы не говоримъ объ изложеніи Наказа, тяжеломъ, не всегда точно передающемъ подлинникъ, хотя опытная рука Козицкаго или другого литератора того времени, безъ сомнѣнія, прошлась по тому тексту, который мы читаемъ. Второе неудобство Наказа заключалось въ его «эксцессѣ». Наказъ, даже въ томъ урѣзанномъ видѣ, какъ мы его читаемъ, долженъ былъ поразить русское общество рядомъ отважныхъ мыслей, которыя до тѣхъ поръ не рѣшались высказывать вслухъ, онъ долженъ былъ поразить и массой предметовъ, до тѣхъ поръ не подвергавшихся гласному обсужденію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Наказѣ мы встрѣчаемъ опредѣленіе равенства, опредѣленіе политической свободы, рѣзкія статьи противъ пытки, какъ установленія противорѣчащаго здравому разсудку, не менѣе рѣзкія статьи противъ привычки подвергать карамъ за слова противъ правительства. «Тотъ все опровергаетъ и разрушаетъ», читаемъ мы въ Наказѣ, «кто изъ словъ дѣлаетъ преступленіе, смертной казни достойное». Рѣзко высказывается Екатерина противъ не-

терпимости въ дѣлахъ вѣры: «гоненіе людскіе умы раздражаетъ, а дозволеніе каждому вѣровать по своему закону умягчаетъ и жестоковыйныя сердца». Прочитавъ за высочайшею подписью рядъ такихъ смѣлыхъ идей, какъ долженъ былъ поступить депутатъ, пріѣхавшій изъ какого-нибудь отдаленнаго города? Въ какія точныя законодательныя формулы могъ онъ облечь эти мысли, шедшія въ разрѣзъ не только съ его понятіями, но и со всѣми государственными и политическими стремленіями Россіи? Очевидно, нужно было много подготовительныхъ усилій надъ русскими умами, чтобы эти мысли можно было облечь въ законы. Вотъ почему, вѣроятно, депутаты при чтеніи каждой статьи поднимали жаркія пренія и выкинули болѣе половины того, что прочитали. Даже либеральный Никита Панинъ, поклонникъ аристократической шведской конституціи, прочитавъ Наказъ, шутливо замѣтилъ Екатеринѣ: «о, эти аксіомы способны опрокинуть стѣны». Чтобы оцѣнить значеніе Наказа въ исторіи нашего законодательства, т. е. его значеніе не какъ памятника литературы, а какъ памятника права, его надобно изучать въ связи съ дѣятельностью той комиссіи, которой онъ данъ былъ въ руководство. Поэтому мы и обратимся къ составу и работамъ этой комиссіи.

2. Комиссія 1767 г. Ея составъ.

Сознавъ необходимость привести въ порядокъ русское законодательство и начертавъ руководство для этой работы, Екатерина издала манифестъ, которымъ созывалась въ Москву комиссія, долженствовавшая составить проектъ новаго уложенія; манифестъ былъ помѣченъ 14 декабря 1766 г. Комиссія должна была собраться въ Москвѣ лѣтомъ слѣдующаго года. Эта комиссія о

составленіи проекта новаго уложенія вызвала въ свое время большой шумъ, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи. О ней много говорили, еще больше отъ нея ждали. Далекій отзвукъ этихъ толковъ можно услышать и теперь; и теперь комиссія 1767 г. остается чуть-ли не самой яркой точкой въ нашей политической исторіи XVIII в., едва-ли не самымъ шумнымъ событіемъ царствованія Екатерины. Вотъ почему, думаю я, событіе это заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія, сравнительно съ другими явленіями времени.

Составъ комиссіи былъ чрезвычайно сложенъ: она состояла изъ депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій, отъ сословій и городовъ, даже отъ племенъ, населявшихъ Россію. Именно, въ комиссію должно было явиться по одному депутату отъ Правительствующаго Сената, отъ Святѣйшаго Синода и отъ центральныхъ коллегій и канцелярій. Областныя учрежденія не были представлены въ комиссіи. Далѣе, сословія должны были послать въ комиссію своихъ депутатовъ, а именно, дворянство отъ каждаго уѣзда по одному, города также по одному. По тогдашнему областному дѣленію, губернія—большой округъ—подраздѣлялась на провинціи, соотвѣтствующія современнымъ губерніямъ, а провинціи раздѣлялись на уѣзды, также соотвѣтствующіе нашимъ уѣздамъ. Слѣдовательно, губернія того времени похожа была на генералъ-губернаторство. Отъ каждой провинціи посылали депутата государственные, или черносошные крестьяне, жившіе не на частно-владѣльческой, а на государственной землѣ; однодворцы и разные мелкіе служилые землевладѣльцы, пахотные солдаты, помѣщенные давно уже на южной и частью западной окраинѣ государства—остатки старинныхъ мелкихъ помѣщиковъ, которые густыми массами помѣщены были на границахъ для ихъ обороны.

Они теперь—эти однодворцы, пахотные солдаты и разные разряды лицъ, несшихъ пограничную милиціонную службу, составляли переходный классъ между податными крестьянами и дворянами. Они несли подушную подать вмѣстѣ съ крестьянами, но вмѣстѣ съ дворянами пользовались правомъ личнаго землевладѣнія и правомъ владѣть крѣпостными. Наконецъ, каждое инородческое племя, какой бы религіи оно ни было, только осѣдлое, не кочевое, посылало по депутату отъ каждой провинціи, въ которой оно жило. Такъ, напр., черемисы, разсѣянные по провинціямъ Казанской и Нижегородской, посылали по одному депутату отъ каждой изъ этихъ провинцій. Число депутатовъ отъ казаковъ донскихъ и днѣпровскихъ не было опредѣлено; это число, какъ и порядокъ ихъ выбора, предоставлено было опредѣлить ихъ казачьимъ командирамъ-атаманамъ. Такимъ образомъ, представительство въ комиссіи построено было на очень разнообразныхъ основаніяхъ. Это не было представительство сословное: какъ мы видѣли, въ ней присутствовали и депутаты отъ высшихъ центральныхъ учрежденій, представлены были также мѣста жительства, а не общественные классы. Такъ, каждый городъ посылалъ по депутату, которыхъ выбирали всѣ городскіе обыватели, но это не были депутаты одного средняго или купеческаго сословія, ибо въ городахъ нашихъ домовладѣльцами бываютъ люди разныхъ классовъ. Значитъ, городской депутатъ представлялъ не классъ, а мѣсто жительства. Наконецъ, и племенное дѣленіе Руси легло въ основаніе представительства въ комиссіи; депутаты пришли и отъ разныхъ осѣдлыхъ инородцевъ, входившихъ въ составъ населенія Россійской Имперіи безъ различія вѣры. *Мы не знаемъ представительнаго собранія, въ которомъ представительство было бы столь сложно. Учрежденія, сословія, мѣстожи-*

тельства, племена, родъ оружія (казачество не сословіе, а родъ оружія) — это должно было сообщить комиссіи необыкновенно пестрый составъ.

Пестрота состава можетъ навести на мысль, что, организуя выборы, правительство хотѣло дать голосъ всѣмъ элементамъ русскихъ сословій. Однако, легко замѣтить, что *нѣсколько классовъ совсѣмъ не были представлены, именно, не было депутатовъ отъ дворцовыхъ крестьянъ, не было депутатовъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ, далѣе отъ крестьянъ даже не крѣпостныхъ, а свободныхъ, такъ называемыхъ экономическихъ* *). Еще болѣе странный пробѣлъ замѣчаемъ мы въ ея составѣ: *мусульманскіе и языческіе инородцы были представлены въ комиссіи, а православное духовенство нѣтъ,* выборные депутаты отъ приходскаго духовенства не были призваны. Разсматривая происхожденіе столь замѣтнаго пробѣла въ составѣ комиссіи, мы находимъ, что тогда руководствовались особымъ взглядомъ на народное представительство. По нашему мнѣнію, каждый общественный элементъ, имѣющій значеніе въ народной жизни, долженъ быть представленъ голосами изъ его среды. Очевидно, тогда считали достаточнымъ, если въ комиссіи будутъ депутаты не отъ самаго общественнаго элемента, или класса, а отъ такого учрежденія, которое имъ управляло. Вотъ почему экономическіе крестьяне не были призваны въ комиссію: здѣсь присутствовалъ членъ отъ

*) Незадолго передъ тѣмъ Екатерина осуществила попытку Петра III секуляризировать обширныя церковныя земли съ поселенными на нихъ крестьянами. Въ началѣ царствованія Екатерины окончена была опись этихъ церковныхъ крестьянъ; они были отобраны у церковныхъ учрежденій, ими владѣвшихъ, значитъ, получили характеръ государственныхъ крестьянъ. Управляло ими особое государственное учрежденіе, такъ называемая Коллегія Экономіи, почему эти бывшіе церковные крестьяне и получили названіе экономическихъ. Къ 1767 г. секуляризація церковныхъ недвижимыхъ имуществъ была уже окончена, однако экономическіе крестьяне не были представлены въ комиссіи.

Коллегіи Экономіи. Вотъ почему не было представителей и отъ приходскаго духовенства: въ комиссіи засѣдалъ членъ отъ Святѣйшаго Синода, управлявшаго всѣмъ духовенствомъ. Вотъ почему не было представителей дворцовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ: первыхъ представлялъ депутатъ отъ дворцоваго управленія, вторыхъ — помѣщикъ, ибо помѣщикъ замѣнялъ собою мѣстное управленіе, былъ чиновникомъ-управителемъ. Такимъ образомъ, количество голосовъ, вышедшихъ изъ общества, имѣло второстепенное значеніе. Хотѣли не спросить мнѣніе того или другого класса, хотѣли имѣть лицо, у котораго можно было бы навести справку о томъ или другомъ классѣ.

Такое же второстепенное значеніе числа депутатовъ открываемъ мы и изъ разбора численныхъ отношеній депутатовъ разныхъ элементовъ. Разумѣется, въ составѣ общества важнѣйшее значеніе принадлежало дворянству, между тѣмъ количество дворянскихъ депутатовъ вовсе не было самымъ бо̀льшимъ въ составѣ комиссіи. Комиссія состояла изъ 564 депутатовъ; въ томъ числѣ депутатовъ отъ дворянъ было 30%, депутатовъ отъ городовъ 39% (огромное большинство депута̀товъ отъ городовъ, разумѣется, принадлежало къ купеческому и мѣщанскому сословію, такъ какъ эти сословія составляли большинство городскихъ домовладѣльцевъ); значитъ, классы, далеко не первостепенные, въ комиссіи были представлены бо̀льшимъ числомъ голосовъ, чѣмъ сословіе господствующее. Черносошныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ однодворцами, въ составѣ комиссіи было 14%. Остальное число депутатовъ принадлежало остальнымъ элементамъ, призваннымъ въ составъ комиссіи (племенамъ, депутатамъ отъ учрежденій, которыхъ всего было 28 человѣкъ). Таковъ былъ этотъ сложный, пестрый до нельзя составъ комиссіи.

Возникаетъ вопросъ, что̀ же это такое, на что это похоже изъ извѣстныхъ намъ государственныхъ учрежденій? Надъ этимъ вопросомъ думали повѣствователи разсказовъ о дѣятельности этой комиссіи. Разрѣшить его довольно трудно; иные говорятъ, что это собраніе походило на представительное собраніе западное, наприм., генеральные штаты Франціи, если не на англійскій парламентъ. Англійскій парламентъ учрежденіе постоянное; такимъ собраніемъ не была русская комиссія 1767 г.; но постояннымъ учрежденіемъ не были и генеральные штаты Франціи, однако послѣдніе имѣютъ очень мало общаго съ русской комиссіей 1767 г. Генеральные штаты Франціи составлялись только изъ депутатовъ трехъ крупныхъ политическихъ корпорацій или сословій: духовенства, дворянства и tiers état. Въ нашей комиссіи, какъ мы видѣли, представлены были далеко не одни сословія, но и учрежденія, и мѣстожительства, и племена, и даже нѣкоторыя части вооруженныхъ силъ страны (казаки). Итакъ, наша комиссія не генеральные штаты. Но, говорятъ другіе повѣствователи, стало быть это старинный московскій Земскій Соборъ. Сравнивая оба собранія (древне-русскій Земскій Соборъ и комиссію 1767 г.), находимъ также мало сходства между ними. Древне-русскій Земскій Соборъ былъ представительствомъ чиновъ, а не сословій, т. е. онъ представлялъ собой тѣ различные служилые разряды, на которые раздѣлено было русское общество по роду государственнаго служенія и по свойству государственныхъ повинностей, на нихъ падавшихъ. Въ древнемъ Земскомъ Соборѣ были представители отъ чиновъ: стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дворянъ провинціальныхъ; все это былъ одинъ служебный классъ, раздѣленный на разные разряды, или чины, и каждый чинъ посылалъ по одному или нѣ-

сколько депутатовъ на Земскій Соборъ. Но на древнемъ Земскомъ Соборѣ не было представителей отъ учрежденій; правда, на немъ являлось два учрежденія, но цѣликомъ, въ полномъ своемъ составѣ, а не въ лицѣ представителей; именно, на Земскомъ Соборѣ, какъ руководящія силы, являлись патріархъ со своимъ церковнымъ Освященнымъ Соборомъ, епископами, архимандритами и т. д., и Боярская Дума съ государемъ во главѣ, но не было представителей отъ учрежденій, напр., Приказовъ, соотвѣтствовавшихъ Коллегіямъ XVIII в. Далѣе, въ комиссіи 1767 года были представлены не чины, т. е. разные служилые разряды, на которые распадалось общество, потому что уже теперь не было и этихъ разрядовъ, а все русское общество стянуто было въ нѣсколько крупныхъ сословій: дворянство, купечество съ другими городскими классами, крестьяне и духовенство. Мы видѣли, что въ комиссіи, кромѣ дворянъ собственно не было представителей ни одного сословія, потому что купцы и мѣщане представляли города, а не сословія. Депутаты отъ сельскаго населенія представляли только одинъ слой въ составѣ крестьянъ, именно крестьянъ черносошныхъ. Духовенство, какъ сословіе, вовсе не было представлено, а скрывалось за депутатами отъ учрежденія, отъ Синода. Итакъ *комиссія 1767 года не была похожа ни на генеральные штаты Запада, ни на наши Земскіе Соборы.*

Откуда же взялась столь пестрая форма? Происхожденіе этой формы мало замѣтно. Она постепенно выработалась въ той самой сферѣ государственной дѣятельности, которая послужила задачей комиссіи 1767 г., т. е. выработалась изъ исторіи нашей кодификаціи. Работа надъ приведеніемъ въ порядокъ русскаго законодательства начата была еще въ царствованіе Петра Великаго, когда оказалось уже устарѣлымъ старое Уложеніе

царя Алексѣя 1649 г. Петръ для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ, изданныхъ со времени Уложенія, составилъ комиссію въ 1700 г. Комиссія эта состояла изъ членовъ, назначенныхъ правительствомъ, именно, изъ 12 членовъ Боярской Думы (бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ съ думными дьяками), изъ 28 стольниковъ, высшаго слоя служилаго класса, какой слѣдовалъ за думными чинами (въ арміи это были полковники), двухъ московскихъ дворянъ (столичныхъ, не провинціальныхъ) и 6 простыхъ дьяковъ, секретарей разныхъ Приказовъ. Эта комиссія не была представительнымъ учрежденіемъ: здѣсь всѣ члены были назначенные правительствомъ, а не выборные; но эти члены были либо чиновники, дѣйствовавшіе въ центральныхъ учрежденіяхъ, либо люди изъ высшихъ слоевъ общества. Напр., бояре, окольничіе, стольники, дворяне московскіе—это были высшіе разряды русскаго дворянства. Комиссіи этой поручено было собрать и привести въ порядокъ изданные послѣ Уложенія указы и сличить ихъ съ шведскимъ уложеніемъ, чтобы такимъ образомъ составить уложеніе новое, болѣе полное, чѣмъ уложеніе 1649 г. Комиссія проработала все царствованіе Петра и ничего не сдѣлала, несмотря на строгія предписанія Петра. Работа оказалась не подъ силу этому 48-ми членному собранію. Но она продолжалась послѣ Петра. Далѣе, эта кодификаціонная комиссія начала получать новый составъ. Такъ, при Екатеринѣ I комиссія эта была составлена изъ сенатскихъ оберъ-секретарей, къ которымъ, однако, рѣшили присоединить представителей общества, только не выборныхъ, а назначенныхъ Сенатомъ, а именно, оберъ-секретари должны были выработать черновой проектъ уложенія, а для окончательнаго редактированія его велѣно было назначить Сенату по двѣ «персоны» изъ

духовныхъ и гражданскихъ людей и отъ Магистрата, т. е. главнаго городового учрежденія, дѣйствовавшаго въ Петербургѣ и руководившаго магистратами всѣхъ другихъ городовъ. При Петрѣ II представительство общества было расширено; велѣно было для окончательной выработки новаго уложенія пригласить депутатовъ изъ офицеровъ и депутатовъ отъ дворянства каждой провинціи, по выбору сословія, въ количествѣ 5 человѣкъ отъ провинціи «людей добрыхъ и знающихъ», какъ гласилъ указъ. Когда эти «добрые и знающіе» представители дворянства явились въ Петербургъ, здѣсь увидѣли, что они никуда не годятся: то были отставные, старые и увѣчные дворяне, служившіе въ полкахъ и вышедшіе за негодностью въ отставку. Мѣстное дворянство, щадя свои силы, послало этихъ инвалидовъ законодательствовать. Предписано было выслать новыхъ, по два изъ провинціи, но уже—«людей знатныхъ и добрыхъ». Когда вступила на престолъ Императрица Анна, эти депутаты были вызваны въ Петербургъ, но они не помогли дѣлу. Выхваченные изъ дворянской среды «двѣ персоны добрые и знающіе» не знали, что̀ дѣлать, ибо въ первый разъ имъ представлялся вопросъ о русскомъ законодательствѣ; они служили, но не законодательствовали и не кодифицировали. Съ царствованія Елисаветы порядокъ веденія дѣла измѣняется. Нашли, что представители отъ общества ни въ чемъ не помогутъ чиновникамъ, которымъ поручена работа. Тогда рѣшили расширить комиссію чиновниковъ, именно, составить ее изъ представителей разныхъ учрежденій, занимающихъ разныя правительственныя должности. Потомъ велѣно было по вопросамъ, касающимся Коллегіи Юстиціи и Вотчинной, приглашать эти Коллегіи въ полномъ составѣ. Значитъ, соединенная работа представителей канцелярій и обще-

ства, оказавшаяся неудачной, теперь замѣнена была работой болѣе однообразной комиссіи, состоявшей изъ знатоковъ правительственнаго дѣла, изъ представителей разныхъ административныхъ вѣдомствъ. Только по окончаніи работъ для выслушиванія новаго уложенія велѣно было призвать депутатовъ отъ дворянства и купечества. Эти депутаты и были созваны при Елисаветѣ, но не успѣли дослушать уложенія, ибо оно еще и не было приготовлено.

Такъ шло дѣло кодификаціи русскихъ законовъ съ начала XVIII в., лучше сказать, съ послѣдняго года XVII в. и до царствованія Екатерины II. Очевидно, правительство пробовало разныя средства для успѣшнаго окончанія дѣла, разнообразя составъ работавшей надъ нимъ комиссіи. Легко видѣть эти формы: онѣ были или простыя, или смѣшанныя. Сначала надѣялись достигнуть цѣли съ помощью смѣшанной комиссіи; затѣмъ сообщили комиссіи болѣе однообразный составъ, какой она имѣла при Петрѣ, т. е. составили ее изъ однихъ представителей учрежденій. Эта форма кодификаціонной комиссіи, развившаяся въ продолженіе половины столѣтія, и послужила руководствомъ правительству Екатерины II при составленіи комиссіи 1767 г. Эта комиссія отличалась двойственностью состава: она состояла изъ представителей учрежденій и изъ представителей разныхъ классовъ общества,—но не сословій, а либо городскихъ обществъ, либо племенъ, которыя по своимъ этнографическимъ особенностямъ составляли особые классы населенія, но не племенъ въ цѣломъ ихъ составѣ, а разрѣзанныхъ по провинціямъ. *Итакъ, форма Екатерининской комиссіи 1767 г. по составу не была заимствована ни изъ-за границы, ни изъ русской политической старины; она была составлена по образцу кодификаціонныхъ комиссій, дѣйствовавшихъ съ*

Петра и до Екатерины. Теперь перейдемъ къ изображенію дѣятельности комиссіи 1767 года.

3. Дѣятельность комиссіи. Причины ея неудачи.

Для чего собственно созвана была комиссія? Манифестъ гласитъ, что депутаты призывались заявить нужды и желанія населенія. Но къ этому было прибавлено, что они будутъ допущены и въ комиссію, которой поручено составить проектъ новаго уложенія. Изъ этого неяснаго выраженія видно, что депутаты не только имѣли быть приглашенными въ комиссію, но и составляли ее. Комиссіи указана была двойная цѣль: заявить нужды и желанія населенія и потомъ принять участіе въ кодификаціонной работѣ, въ составленіи уложенія. Но манифестъ не указывалъ точно взаимнаго отношенія этихъ задачъ, не говорилъ, которая изъ нихъ главная, которая второстепенная, и одинаково ли обязательны для комиссіи обѣ поставленныя ей цѣли.

Комиссія получила чрезвычайно сложное устройство, соотвѣтствовавшее ея пестрому составу; она была раздѣлена на множество частныхъ комиссій. Эти комиссіи были двухъ родовъ: однѣ распорядительныя, а другія собственно законодательныя, или кодификаціонныя, какъ бы лучше сказать. *Распорядительныя комиссіи* должны были руководить дѣйствіемъ общаго собранія и его частей; *комиссіи законодательныя, или кодификаціонныя,* должны были вырабатывать части уложенія.

Распорядительными комиссіями были: дирекціонная, экспедиціонная и подготовительная. *Дирекціонная комиссія* собственно направляла кодификаціонную работу: она предлагала общему собранію составить ту или другую частную комиссію для выработки какой-нибудь части уложенія; общее собраніе, по предложенію дирекціонной комиссіи, выбирало изъ своей среды по

5 членовъ; съ этой цѣлью, далѣе, дирекціонная комиссія направляла дѣятельность этихъ частныхъ комиссій, просматривала составленные ими проекты частей уложенія, смотрѣла, нѣтъ ли въ этихъ проектахъ противорѣчія, несогласія съ Наказомъ; далѣе, просмотрѣнные проекты она вносила на обсужденіе общаго собранія. *Экспедиціонная комиссія* скорѣе могла бы быть названа редакціонной: она должна была устранять въ проектѣ мѣста «неудобовразумительныя» и выраженія двусмысленныя; обязанность ея состояла въ просмотрѣ выработаннаго проекта со стороны слога и языка. *Подготовительная комиссія* имѣла другую задачу. Каждый депутатъ являлся въ комиссію съ наказомъ отъ своихъ избирателей; въ этихъ наказахъ избиратели должны были изложить свои нужды и желанія. Это нѣчто въ родѣ «cahiers» французскихъ депутатовъ собранія 1789 г. Подготовительная комиссія должна была разсмотрѣть эти наказы, сдѣлать изъ нихъ извлеченія и извлеченія эти передать въ общее собраніе, какъ руководство для работъ. Значитъ, она должна была выработать сводъ депутатскихъ наказовъ.

Для выработки разныхъ частей уложенія образовано было 16 частныхъ комиссій по разнымъ отраслямъ законодательства. Задачи нѣкоторыхъ комиссій касались очень специальныхъ частей уложенія. Такъ, напр., была образована комиссія «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей» (о сословіяхъ—по нашему), но рядомъ съ ней дѣйствовала комиссія «о среднемъ родѣ людей», т. е. среднемъ сословіи. Первая должна была выработать проектъ положеній обо всѣхъ сословіяхъ въ Россіи; вторая—спеціальный проектъ уложенія о среднемъ, или городскомъ сословіи. Точно также существовала частная комиссія, которая должна была выработать торговый уставъ. Но рядомъ съ этимъ было нѣсколько частныхъ комиссій, разрабатывавшихъ спеціальныя

отрасли хозяйства, напр., комиссія о рудокопахъ, или горномъ дѣлѣ; комиссія о размноженіи народа, земледѣліи, домостроительствѣ, о рощеніи и сбереженіи лѣсовъ и пр. Благодаря этой дробной организаціи комиссіи, въ ней установилось очень сложное и медленное дѣлопроизводство. Каждый вопросъ предварительно обсуждался въ общемъ собраніи; затѣмъ для его разработки формировалась особая частная комиссія; эта комиссія, получая указанія отъ дирекціонной, вырабатывала проектъ возложенной на нее части уложенія; выработанный проектъ дирекціонная комиссія провѣряла, а иногда возвращала въ комиссію; разсмотрѣвъ и провѣривъ проектъ съ законодательной стороны, дирекціонная комиссія передавала его въ экспедиціонную для выправки изложенія, для приведенія проекта въ приличный внѣшній видъ; сдѣлавъ свое дѣло, экспедиціонная комиссія возвращала проектъ въ дирекціонную, которая уже вносила его въ общее собраніе, а послѣднее разсматривало, дебатировало его рядомъ преній. Сколько ступеней, иногда повторительныхъ, долженъ былъ проходить въ своей разработкѣ каждый законодательный вопросъ! Этимъ объясняется необыкновенная медленность, съ какой вела комиссія свои работы. Вотъ краткій очеркъ хода этой работы.

Комиссія созвана была къ 30 іюля 1767 г. и 31 іюля открыла свои дѣйствія въ Москвѣ, въ Грановитой Палатѣ. Первыя 8 засѣданій посвящены были предварительнымъ работамъ. Прежде всего читался Наказъ. Комиссія открылась при нѣсколько возбужденномъ состояніи правительства и общества. Это понятно: совершалось на Руси небывалое дѣло; встрѣтились въ одной работѣ люди, которые ни въ чемъ и никогда не встрѣчались прежде. Это возбужденное настроеніе выразилось и въ ходѣ первыхъ занятій въ комиссіи. Наказъ

былъ выслушанъ съ неописаннымъ восхищенiемъ; это настроенiе еще усилилось, когда прочли 520 статью, которая гласила: «все сiе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако жъ Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для нашего народа... Ибо Боже сохрани, чтобы послѣ окончанiя сего законодательства былъ какой народъ болѣе справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣренiе законовъ нашихъ было бы не исполнено»... Все собранiе зарыдало. Затѣмъ комиссiя начала устраиваться, избрала маршала, или предводителя комиссiи. Президентомъ оказался въ числѣ выборныхъ графъ Григорiй Орловъ, но онъ это отклонилъ отъ себя, и утвержденъ былъ въ качествѣ маршала представитель костромского дворянства—Алексѣй Ивановичъ Бибиковъ, впослѣдствiи дѣйствовавшiй при усмиренiи Пугачева. Затѣмъ стали читать наказы депутатовъ, и начали съ наказовъ крестьянскихъ—государственныхъ, черносошныхъ крестьянъ. Первымъ былъ читанъ наказъ отъ крестьянъ каргопольскихъ. Этотъ наказъ вызвалъ 24 рѣчи со стороны дворянскихъ депутатовъ; рѣчи эти произносились въ трехъ засѣданiяхъ. Въ продолженiе 14 засѣданiй прочитали незначительное число наказовъ, именно, 12. Этихъ наказовъ было слишкомъ 500. Не окончивъ чтенiя наказовъ, комиссiя занялась разработкой вопроса о правахъ высшаго сословiя, дворянъ. Начали читать изданные прежде законы о дворянствѣ; эти разновременные законы оказались очень запутанными и неясными. Не докончивъ чтенiя и передавъ ихъ въ частную комиссiю «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей», которой переданъ былъ вопросъ о дворянствѣ, перешли къ чтенiю законовъ о купечествѣ. Обсужденiе правъ дворян-

ства заняло десять засѣданій, чтеніе законовъ о купечествѣ—37 засѣданій. Не кончивъ чтенія изданныхъ законовъ о купечествѣ, перешли къ чтенію привилегій эстляндскихъ, лифляндскихъ, вообще, остзейскихъ провинцій; впрочемъ, по временамъ возвращались къ обсужденію и правъ купечества, хотя маршалъ и заявилъ, что пренія по этому предмету окончены. Такъ продолжались работы въ Москвѣ до конца года. Тогда комиссія перешла въ Петербургъ и открыла здѣсь свои занятія 18 февраля. Въ продолженіе 5 мѣсяцевъ читались законы о юстиціи, о судопроизводствѣ. Не кончили чтенія законовъ о юстиціи и возвратились къ обсужденію правъ дворянства, такъ какъ въ это время частная комиссія «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей», внесла проектъ «правъ благородныхъ»; не кончили обсужденія этого проекта и перешли къ обсужденію изданныхъ законовъ о дворянскомъ землевладѣніи, о вотчинахъ и помѣстьяхъ. Это было предметомъ послѣднихъ засѣданій комиссіи. 18 декабря 1768 года общее собраніе комиссіи было закрыто на неопредѣленное время. Эти засѣданія уже не возобновлялись. Въ началѣ 1769 г., по случаю открывшейся первой войны съ Турціей, многіе депутаты должны были ѣхать въ полки, гдѣ они служили. Но, по прекращеніи засѣданій общаго собранія, остались нѣкоторыя частныя комиссіи, которыя и продолжали свою работу до 1774 г. Вся комиссія работала 1½ г. и имѣла 203 засѣданія. Такъ кончилась дѣятельность этого собранія. *Возложенная на комиссію задача не была исполнена; она не составила новаго уложенія*, она даже окончательно не выработала и не обсудила ни одного частнаго проекта, который бы касался той или другой отрасли законодательства, который могъ бы послужить готовой главой въ составѣ будущаго уложенія.

Переходимъ къ вопросу о причинахъ неудачнаго исхода работъ комиссіи 1767 г. Причинъ этихъ было нѣсколько. Прежде всего *неудача обусловливалась самымъ составомъ комиссіи.* Комиссія состояла изъ 564 депутатовъ; никогда такимъ многочисленнымъ собраніемъ не вырабатывались проекты уложенія, требующіе извѣстныхъ знаній, технической подготовки, юридическаго знанія, извѣстнаго кодификаціоннаго умѣнья, не говоря уже о знаніи дѣйствующаго законодательства. Огромное большинство комиссіи состояло изъ людей, не имѣвшихъ ни подготовки, ни этихъ знаній; притомъ, что за пестрый людъ собрался въ комиссіи! Мы не можемъ представить себѣ собранія болѣе пестраго; въ наше время такого пестраго собранія не бываетъ даже въ частномъ общежитіи; такое собраніе не можетъ составиться даже для частныхъ увеселеній. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ его сіятельствомъ графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ сидѣлъ какой нибудь крестьянинъ, депутатъ черносошныхъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда. Какъ они могли сойтись въ совокупной дружной дѣятельности? Рядомъ съ его высокопреосвященствомъ, депутатомъ отъ Синода, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, владыкой Дмитріемъ, сидѣлъ мулла Мансуръ Ибрагимъ, депутатъ отъ казанскихъ татаръ, который долженъ былъ основываться на книгѣ Монтескьё и Беккарія. Здѣсь являлись представителями люди, стоявшіе на самомъ низу европейской культуры, съ уровнемъ, ниже котораго не стояли люди нигдѣ въ Европѣ, а новое русское законодательство должно было создаться на вершинѣ западно-европейской мысли, столь недосягаемой, что ни одно изъ дѣйствовавшихъ законодательствъ Западной Европы не могло и помышлять объ этомъ уровнѣ. Итакъ, составъ комиссіи былъ слишкомъ

пестръ, чтобы люди, которые должны были составить законодательную работу, могли сойтись въ своихъ понятіяхъ, нуждахъ и желаніяхъ.

Далѣе, причиной неуспѣха была и самая задача, возложенная на комиссію, такъ какъ эта задача была двойственная, а *двойственность задачи* въ такомъ дѣлѣ всегда – условіе неуспѣха. Комиссія должна была выразить нужды и желанія населенія и въ то же время исполнить трудную законодательную работу—составить проектъ уложенія. Чѣмъ она должна была руководствоваться въ этой работѣ? Ей указано было три основанія: 1) она должна была руководствоваться Наказомъ Императрицы, излагавшимъ самыя послѣднія мысли западно-европейской политической литературы; 2) она должна была руководствоваться дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ, котораго большинство членовъ комиссіи не знало; 3) она должна была руководствоваться въ работѣ нуждами и желаніями населенія. Такъ депутаты попали между трехъ огней, должны были вращаться въ кругу идей и стремленій троякаго рода, которыхъ никакъ нельзя было помирить, даже приблизить одни къ другимъ. Наказъ развивалъ одинъ порядокъ законодательныхъ идей; дѣйствующее русское законодательство представляло другой порядокъ, а нужды и желанія населенія—третій, несогласный съ двумя первыми. Значитъ, законодательство, основанное на Наказѣ, было бы несогласно ни съ дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ, ни, можетъ быть, съ нуждами и желаніями населенія; проектъ, составленный на основаніи русскаго дѣйствующаго законодательства, не былъ бы согласенъ съ Наказомъ и нуждами населенія, а проектъ, построенный на послѣднемъ основаніи, не былъ бы согласенъ ни съ первымъ, ни со вторымъ основаніемъ. По самому свойству задачи, она

была неисполнима, и въ ходѣ преній депутатовъ до очевидности выразилась эта неисполнимость. Не для чего передавать хода этихъ преній; большая часть ихъ напечатана. Пока не были изданы бумаги комиссіи, въ нихъ подозрѣвали чудеса, надѣялись найти въ нихъ полную картину политическаго, общественнаго и экономическаго быта Россіи, встрѣтить полное выраженіе нуждъ и желаній населенія, слѣдовательно, заглянуть въ самые умы депутатовъ. Теперь эти бумаги издаются и уже изданы въ значительномъ количествѣ. Были произнесены любопытныя рѣчи, особенно депутатомъ ярославскаго дворянства, Щербатовымъ и нѣкоторыми депутатами изъ дворянъ, говорившихъ о положеніи крестьянъ. Нѣкоторыя рѣчи живо затронули правительство и укололи Императрицу. Но въ этихъ преніяхъ выразилась вся нескладица того, что̀ тогда называли нуждами и желаніями населенія, и особенно вся непримиримость ихъ съ Наказомъ. Наказъ провозглашалъ принципъ равенства; въ комиссіи, которая должна была согласоваться съ Наказомъ, дворяне требовали расширенія крѣпостного права; купечество потребовало себѣ: 1) дворянской привилегіи владѣть крѣпостными и 2) носить шпагу на патріотическомъ бедрѣ. Однимъ словомъ, разные классы далеко разнились въ своихъ нуждахъ и желаніяхъ; въ то время, какъ одни требовали расширенія крѣпостного права, представители провинціальнаго дворянства и даже нѣкоторые депутаты учрежденій заявили о невозможности положенія крестьянъ и необходимости законовъ, которые бы опредѣлили точно ихъ отношеніе къ господамъ. Такимъ образомъ, по свойству самой задачи комиссіи, послѣдняя не могла совершить порученной ей работы.

Затрудненія, представившіяся комиссіи, увеличились неясностью отношеній ея къ Наказу Императрицы. Де-

путаты, которые послѣ перваго прочтенія Наказа должны были повторять его чтеніе каждый мѣсяцъ, никакъ не могли уяснить себѣ, что̀ значитъ для нихъ Наказъ— есть ли это обязательный руководящій законъ, или что нибудь другое, напр., частный совѣтъ депутатамъ. Сама Императрица опредѣлила это отношеніе совершенно неясно; она въ одной изъ своихъ записокъ замѣчаетъ: «Я запретила на оный инако взирать, какъ единственно онъ есть, т. е. правила, на которыхъ основать можно мнѣнія и для того по дѣламъ не выписывать, яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено». Итакъ, Наказъ излагалъ, повидимому, лишь основаніе, на которомъ могло держаться мнѣніе депутатовъ, но Наказъ не имѣлъ обязательной силы. Однако дирекціонная комиссія возвратила обратно тѣ проекты, въ которыхъ замѣчалось несогласіе съ Наказомъ; слѣдовательно, Наказъ имѣлъ въ дѣлопроизводствѣ комиссіи обязательную силу. Благодаря тому, Наказъ, волновавшій депутатовъ, лишавшій ихъ самообладанія, только затруднялъ и спутывалъ работы комиссіи. Вотъ главная причина, почему не удалась эта работа. И невозможно было ожидать успѣшнаго ея окончанія. Небольшого запаса практической опытности достаточно было, чтобы видѣть эту неисполнимость. 60 слишкомъ лѣтъ правительство работало надъ выработкой новаго проекта уложенія, поручая это дѣло оберъ-секретарямъ и другимъ опытнымъ «персонамъ», и работа не удалась; а пестрое общество, созванное изъ разныхъ концовъ Россіи въ Грановитую палату, разныхъ вѣръ, понятій, національностей, съ разными чувствами и интересами, считалось способнымъ составить проектъ. Впослѣдствіи обширный, ловкій, изворотливый умъ Сперанскаго, съ его обширнымъ образованіемъ, съ трудомъ могъ составить Сводъ Законовъ, дѣйствуя съ помощью огромной

*

канцеляріи; а сбродъ считался способнымъ исполнить такую работу въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Однако, работы комиссіи не пропали даромъ, не остались совершенно безплодны. Нѣкоторыя части законодательства были подготовлены, по крайней мѣрѣ, вчернѣ, и послужили основаніемъ изданныхъ потомъ Екатериной законовъ. Такъ, областное управленіе, какъ оно устроено было Екатериной, и губернскія учрежденія 1775 г. въ значительной степени основаны были на работахъ комиссіи. Далѣе, изданныя потомъ городовое положеніе, какъ и дворянская грамота 1785 г., суть лишь передѣлка проекта, выработаннаго частными комиссіями «о среднемъ родѣ людей» и «о дворянствѣ».

4. Значеніе комиссіи и Наказа.

Итакъ, работы комиссіи 1767 г. не прошли безслѣдно въ развитіи нашего законодательства; комиссія не выработала полнаго уложенія, но работы ея послужили основаніемъ нѣкоторыхъ законовъ. Кромѣ того, она имѣетъ большое историческое значеніе. Бумаги комиссіи, рѣчи, въ ней произнесенныя, мнѣнія, поданныя разными депутатами, хотя и не оправдали слишкомъ напряженнаго ожиданія, все же остаются любопытнымъ матеріаломъ для характеристики политическаго настроенія русскаго общества, разныхъ его классовъ. При томъ комиссія эта дала большой запасъ назидательныхъ уроковъ Екатеринѣ. Передъ Екатериной явились представители всѣхъ частей русскаго общества, и она еще болѣе, чѣмъ во время своего путешествія, могла убѣдиться въ нуждахъ и желаніяхъ своего народа, а также и въ его свойствахъ, и въ томъ, какой это удобный матеріалъ для управленія.

Дѣятельностью комиссіи опредѣляется значеніе Наказа, даннаго ей въ руководство. Этотъ Наказъ по-

строенъ на хорошо обдуманномъ силлогизмѣ, который однако съ исторической стороны есть только законодательный софизмъ. Софизмъ этотъ выражался такъ: законы должны быть согласованы съ положеніемъ народа, русскій народъ—европейскій, слѣдовательно, его законы должны быть построены на европейскихъ основаніяхъ. Основаніями этими были указанные послѣдніе выводы политики Запада, которые не лежали въ основаніи ни одного западно-европейскаго кодекса. Намъ понятно значеніе этого софизма. Призвана была комиссія для составленія новаго свода, и ей нужно было дать руководство, но не зная ни дѣйствующихъ русскихъ законовъ, ни условій, въ которыхъ находилась страна, Екатерина могла дать въ руководство рядъ мыслей, заимствованныхъ изъ книгъ. Значитъ, указанный софизмъ былъ средствомъ, съ помощью котораго Екатерина выходила изъ великаго затрудненія, въ какое она становилась передъ лицомъ комиссіи. Наказъ былъ политической исповѣдью Екатерины; она сама писала, что она здѣсь «все сказала и больше во всю жизнь ничего не сказала». Наказъ исполненъ тѣхъ общихъ мыслей, которыя тогда были пущены въ оборотъ французской политической литературой. Мы видимъ, что нѣкоторыя мысли не лишены были рѣзкости, радикализма. Но при всемъ томъ Наказъ имѣетъ очень скромное значеніе и въ нашей литературѣ, и въ нашемъ законодательствѣ. Какъ памятникъ литературы, онъ есть первая изъ русскихъ компиляцій, срывавшихъ верхушки западно-европейской цивилизаціи. Онъ завелъ дурную привычку, отъ которой мы не можемъ излѣчиться,—привычку на каждый жгучій вопросъ, поставленный русской дѣйствительностью, искать готоваго отвѣта, выработаннаго чужими мыслями. Вмѣсто того, чтобы на вопросъ о законахъ дать отвѣтъ изъ исто-

ріи русскаго законодательства, вмѣсто этого данъ былъ отвѣтъ, заимствованный изъ книгъ, которыя нигдѣ не дѣйствовали, и начала которыхъ нигдѣ не были испытаны даже на Западѣ. Наказъ могъ бы имѣть нѣкоторое воспитательное значеніе, какъ памятникъ литературы, но вскорѣ послѣ составленія Наказа приняты были мѣры, которыя пріостановили его распространеніе въ обществѣ, отложивъ до болѣе благопріятнаго времени созданіе кодекса; чтобы любопытные чиновники не могли читать его, Сенатъ приказалъ въ канцеляріяхъ и комиссіяхъ держать Наказъ подъ замкомъ. Еще скромнѣе значеніе Наказа въ ходѣ нашего законодательства. Наказъ былъ признанъ запретнымъ плодомъ и законодательству не далъ ничего новаго. Вотъ почему Наказъ есть не историческій, а психологическій моментъ въ исторіи нашего законодательства. *То, что было сдѣлано законодательствомъ Екатерины, было развитіемъ не идей Наказа, а фактомъ жизни. Словомъ, Наказъ не есть фактъ въ исторіи нашего законодательства, а черта изъ біографіи Екатерины.* Онъ выразилъ собою разъ почувствованное верховной властью сознаніе негодности порядка и необходимости его исправленія.

Губернскія учрежденія 1775 г. и ихъ значеніе.

Комиссія 1767 г. не исполнила дѣла, для котораго была созвана. Мы видѣли, что она и не могла исполнить этого дѣла по своему составу и самому существу возложенной на нее работы. Но она не прошла безплодным и безслѣднымъ явленіемъ въ исторіи нашего государства. Она дала нѣкоторый матеріалъ и даже указала частью направленіе преобразовательной дѣятельности Екатерины; благодаря ей, вскрылись нужды и желанія населенія, потребности времени, средства, ка-

кими правительство располагало для удовлетворенія этихъ потребностей. Такое значеніе комиссіи понимала и сама Екатерина. Въ одной изъ ея записокъ, написанной по распущеніи комиссіи, мы читаемъ: «комиссія уложенія подала Мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе по всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Практическое примѣненіе наблюденій, какія собрала Екатерина, и тѣхъ попеченій, какія она считала обязанностью для себя, мы находимъ въ обнародованныхъ ею губернскихъ учрежденіяхъ 1775 года. Это очень важный памятникъ въ исторіи русскаго государственнаго устройства и потому заслуживаетъ внимательнаго разбора.

Чтобы понять значеніе перемѣнъ, внесенныхъ Екатериной въ областное управленіе, надо припомнить нѣкоторыя явленія въ исторіи русскаго государственнаго устройства прежняго времени; надо прежде всего припомнить, какую администрацію наслѣдовалъ Петръ отъ своихъ предшественниковъ и какъ ее перестроилъ. Государственное управленіе, какое досталось Петру отъ стараго Московскаго государства, отличалось довольно своеобразнымъ характеромъ по свойству дѣятельности, по своимъ отношеніямъ къ верховной власти и къ управляемому обществу. Московская администрація была бюрократической, т. е. ея орудія дѣйствовали, какъ назначенные правительствомъ чиновники, безъ участія общества или съ участіемъ очень слабымъ. Это было приказно-канцелярское управленіе, не земское; но по личному составу правительственныхъ учрежденій это управленіе было сословное. Чиновники, дѣйствовавшіе въ учрежденіяхъ по назначенію правительства, не были разночинцами, случайными людьми; они всѣ выходили изъ одного класса, именно, служилаго, который мы можемъ назвать дворянствомъ. Въ этихъ учрежденіяхъ попадались и люди другихъ классовъ (изъ купечества,

поповичей) въ качествѣ приказныхъ дьяковъ; но, попавъ въ эти учрежденія, они становились служилыми людьми, получали значеніе и права дворянъ. Итакъ, старая московская администрація по характеру своей дѣятельности была бюрократической, а по происхожденію личнаго ея состава—сословной, слѣдовательно, аристократической; поэтому ее можно назвать сословно-бюрократической.

Такой двойственный характеръ администраціи измѣнился при Петрѣ. Перемѣна состояла въ томъ, что Петръ раздѣлилъ прежде слитыя ея свойства, сословный и бюрократическій ея характеръ, и тому и другому свойству онъ указалъ мѣсто въ особыхъ, различныхъ сферахъ управленія. Центральному управленію Петръ указалъ задачей — огражденіе и развитіе государственнаго казеннаго интереса. Для этой цѣли не нужны были люди породы, а требовались люди навыка, знанія, подготовки; этихъ людей знанія, административнаго мастерства, онъ и призвалъ въ центральныя учрежденія. Такимъ образомъ, центральное управленіе, преобразованное Петромъ, съ его Сенатомъ и Коллегіями, получило исключительно бюрократическій характеръ, въ которомъ не замѣтно сословнаго элемента. Изъ какихъ классовъ ни набиралъ онъ дѣятелей въ центральныя учрежденія! Въ нихъ рядомъ съ княземъ Голицинымъ сидѣлъ и Меньшиковъ (послѣдній, хотя и былъ пожалованъ въ князья, но, вѣдь, онъ былъ сыномъ придворнаго конюха). Напротивъ, управленію областному Петръ указалъ задачей развитіе народнаго хозяйства. Здѣсь предметомъ заботливости правительства были интересы двухъ классовъ, получившихъ при Петрѣ особое значеніе въ народномъ хозяйствѣ,—землевладѣльческаго, дворянства, и промышленнаго, купечества. Интересы этихъ двухъ классовъ и должно было

ограждать и развивать областное управленіе. Поэтому Петръ открылъ широкій просторъ для дѣятельности представителей обоихъ этихъ классовъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Значитъ, областное управленіе при Петрѣ получило преимущественно сословный характеръ. Таковы были перемѣны, произведенныя Петромъ въ управленіи. Въ старомъ Московскомъ государствѣ все управленіе по характеру своему было сословно-бюрократическимъ; при Петрѣ центральное управленіе стало бюрократическимъ, а областное—сословнымъ.

Преемники и преемницы Петра во многомъ измѣнили созданный имъ правительственный механизмъ. Они находили этотъ механизмъ слишкомъ сложнымъ и дорогимъ, находили вѣдомства слишкомъ раздробленными и начали стягивать администрацію, сокращать штаты, отмѣнять учрежденія, какія имъ казались лишними. Такъ, напр., Петръ очень хлопоталъ объ отдѣленіи суда отъ администраціи; преемники и преемницы начали опять сливать оба эти вѣдомства, судебное и административно-полицейское. Петръ учредилъ во главѣ губернскихъ городовъ надворные суды, дѣйствовавшіе независимо отъ губернатора; при Екатеринѣ I надворные суды были упразднены, а весь судъ и расправа поручены административнымъ чиновникамъ, губернаторамъ и воеводамъ. Петръ очень хлопоталъ о развитіи самоуправленія, дворянскаго и городского, но уже къ концу царствованія онъ самъ началъ стѣснять дворянское самоуправленіе. Такъ, прежде дворяне губерній выбирали изъ своей среды коллегію при губернаторѣ не съ совѣщательнымъ только, но и рѣшающимъ голосомъ: это были ландраты. Въ 1719 году ландраты были упразднены; на мѣстѣ ландратовъ остались лишь выборные представители уѣзднаго дворянства, земскіе комиссары, завѣдывавшіе сборомъ податей и полицей-

скими дѣлами въ уѣздѣ. Преемники Петра начали стѣснять и городское самоуправленіе. Самоуправленіе это выражалось въ системѣ городскихъ магистратовъ съ выборными членами и Главнымъ Магистратомъ во главѣ. При Екатеринѣ I городскіе магистраты были подчинены губернскимъ, отъ которыхъ они прежде не зависѣли, а при Петрѣ II закрытъ былъ Главный Магистратъ въ Петербургѣ, который руководилъ всѣми губернскими. Значитъ, при преемникахъ и преемницахъ Петра ослабленъ сословный элементъ въ областномъ управленіи, участіе господствующихъ классовъ мѣстнаго общества въ правительственныхъ дѣлахъ.

Совсѣмъ другая перемѣна замѣчается въ судьбѣ центральнаго управленія при Петрѣ. Преобразователь, какъ мы сказали, сообщилъ ему бюрократическій, дѣловой, мастеровой характеръ. При Петрѣ старое московское боярство, уже раньше начавшее разрушаться, окончательно разстроилось; отъ него уцѣлѣли только нѣкоторыя генеалогическія развалины въ видѣ немногихъ, сохранившихъ свой блескъ фамилій, какихъ нибудь князей Голицыныхъ, Шереметевыхъ и т. п. Но при Петрѣ изъ этихъ развалинъ и изъ новыхъ слоевъ, выдвинутыхъ Преобразователемъ, сложился новый пестрый чиновничій классъ государственныхъ дѣльцовъ. Этотъ пестрый по происхожденію классъ былъ собственно чиновничій, не составлялъ плотнаго сословія. Но частью уцѣлѣвшія преданія о старомъ политическомъ значеніи дворянства, частью знакомство съ Европой, помогли этому классу усвоить себѣ мысль, что онъ есть плотное сословіе, долженствующее стоять во главѣ общества, что онъ—политическая сила, которая должна руководить русскимъ обществомъ. Вотъ когда зародилась идея, что петровская чиновная бюро-

кратія есть аристократія: это — недоразумѣніе, но недоразумѣніе, продолжающееся и доселѣ; и доселѣ этотъ міръ не въ шутку считаетъ себя аристократіей.

Этотъ чиновный міръ и оказалъ рѣшительное вліяніе на перестройку центральнаго управленія, созданнаго Петромъ. При Петрѣ во главѣ управленія стоялъ чисто бюрократическій Сенатъ. Сенатъ этотъ былъ составленъ изъ разночинцевъ и вовсе не похожъ былъ по своему составу на старую аристократическую Думу. Чиновная аристократія, пользуясь открывшимся ей при преемникахъ Петра просторомъ, не стѣсняется Сенатомъ, какъ учрежденіемъ бюрократическимъ, и начинаетъ надстраивать надъ Сенатомъ рядъ учрежденій съ аристократическимъ пошибомъ. Такъ, при Екатеринѣ I, въ 1726 г., надъ Сенатомъ сталъ Верховный Тайный Совѣтъ, составившійся изъ знатнѣйшихъ сановниковъ. При Аннѣ, вмѣсто этого Верховнаго Совѣта, такъ скомпрометировавшаго себя въ 1730 г., воздвигнутъ Кабинетъ Министровъ, также составившійся изъ знатнѣйшихъ сановниковъ. При Елисаветѣ на мѣсто упраздненнаго Кабинета Министровъ становится Конференція, по выбору Императрицы, съ такимъ же характеромъ. Въ короткое царствованіе Петра III дѣйствуетъ съ законодательнымъ авторитетомъ такое же чиновно-аристократическое учрежденіе, девяти-членный Совѣтъ. Эти учрежденія, возвышавшіяся надъ Сенатомъ и старавшіяся усвоить себѣ руководящее законодательное значеніе, всѣ вызывались стремленіемъ новосозданной чиновной аристократіи открыть себѣ особое и самостоятельное поприще государственной дѣятельности. Тѣ же политическія притязанія этого новаго чиновничества обнаружились и въ преобразованіи другого ряда учрежденій. Въ высшихъ учрежденіяхъ Петра представителями государя, блюстителями законовъ поставлены были прокуроры

(генералъ-прокуроръ съ оберъ-прокурорами при Сенатѣ, и простые прокуроры—при Коллегіяхъ и нѣкоторыхъ губернскихъ учрежденіяхъ). Обязанность прокурора—ограждать государственные интересы; значитъ, прокуратура была учрежденіемъ, въ которомъ съ особенной силой сказывался бюрократическій характеръ центральной администраціи. Это учрежденіе, очевидно, должно было стѣснять новое высшее чиновничество, которое стало смотрѣть на себя, какъ на политическую аристократію. И что же случилось? То, что рѣдко бываетъ въ исторіи учрежденій. Въ 1730 г. вдругъ, ни для кого не замѣтно, оказалось, что нѣтъ прокуроровъ; они дѣвались куда-то; сама Императрица Анна въ манифестѣ, которымъ она установила прокуратуру, откровенно признается, что, «когда оный чинъ по кончинѣ дяди отставленъ, кѣмъ отрѣшенъ?»—ей неизвѣстно. Прокуроры были провалены подъ вліяніемъ политическихъ притязаній стѣсняемой ими чиновной аристократіи. Анна Іоанновна возстановила прокуратуру. Послѣ нея правительство Анны Леопольдовны опять отмѣнило ее; и любопытно, кто настоялъ на этой отмѣнѣ: графъ Остерманъ, который носилъ названіе генералъ-адмирала, а занимался особенно иностранными дѣлами Россіи, былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Какое, повидимому, дѣло ему, моряку и дипломату, до прокурора? Итакъ, по смерти Петра центральная администрація стремилась стать сословно-аристократической, а областную хотѣли сдѣлать бюрократической, канцелярской. Избавившись отъ надзора со стороны господствующихъ сословій въ мѣстномъ управленіи и завоевавъ себѣ поле дѣятельности въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, новая чиновная аристократія развила такой несдерживаемый личный произволъ, который спуталъ теченіе правительственныхъ дѣлъ, по-

ставилъ все въ зависимость не отъ закона, а отъ личнаго каприза. Правительственныя учрежденія утратили свои основанія; забыли назначить имъ закономъ границы дѣйствія; водворился полный хаосъ. Этой хаотичностью высшаго и областного управленія отличается время Императрицъ до переворота 1762 года.

Екатерина чувствовала недостатки управленія, ей доставшагося. Въ секретной инструкціи генералъ-прокурору князю Вяземскому она пишетъ, что «всѣ правительственныя мѣста и самый Сенатъ вышли изъ своихъ основаній», т. е. сбились съ своей законной колеи. Причиной этого Екатерина выставляетъ частью нерадѣніе къ дѣламъ со стороны ея предшественницъ, а частью пристрастіе случайныхъ при нихъ лицъ, т. е. капризы могущественныхъ временщиковъ. Въ іюльскомъ манифестѣ 1762 г., излагая свою правительственную программу, Екатерина торжественно обѣщала поставить правительственныя учрежденія на твердыя основанія и указать имъ точныя границы дѣйствія для поддержки добраго во всемъ порядка; а близкій человѣкъ къ Екатеринѣ, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, былъ тутъ какъ тутъ съ проектомъ одного изъ такихъ поставленныхъ на твердыхъ основаніяхъ и съ точными границами дѣйствія учрежденій, съ проектомъ постояннаго Императорскаго совѣта. Основная мысль этого проекта очень любопытна. По мнѣнію Панина, для того чтобы Государь могъ дѣйствовать съ пользою, его власть должна быть раздѣлена между «нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому персонъ», т. е. около государя, въ качествѣ участника верховной власти, долженъ явиться совѣтъ, составленный изъ особо избранныхъ къ тому лицъ. Графъ Панинъ указывалъ слѣдующіе главные недостатки въ дѣйствовавшемъ центральномъ управленіи: прежде всего, отсутствіе твердо установлен-

наго порядка дѣятельности учрежденій; потомъ, отсутствіе твердаго закона. «Все зависитъ, писалъ онъ, отъ силы персоны, а не отъ государственныхъ учрежденій»; говоря проще, Панинъ видѣлъ недостатки въ отсутствіи твердыхъ основныхъ законовъ, которые бы сдерживали силу «персонъ». Никита Панинъ былъ вельможа не чуждый аристократическихъ преданій 1730 г., т. е. политическихъ притязаній высшей аристократіи. Шведскій Сенатъ былъ для него идеаломъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Этотъ идеалъ онъ и хотѣлъ осуществить въ проектѣ постояннаго Императорскаго совѣта. Легко понять значеніе этого учрежденія. Оно становилось во главѣ управленія съ обязательнымъ для Императора значеніемъ, потому что авторитетъ его былъ признанъ закономъ. Этотъ совѣтъ долженъ былъ получить характеръ высшаго законодательнаго учрежденія, которое связывало руки верховной власти. Екатерина приняла было проектъ постояннаго Императорскаго совѣта и даже имѣла неосторожность подписать манифестъ объ этомъ, назначила уже членовъ совѣта. Но кто-то растолковалъ ей, куда ведетъ ее Панинъ, и она попридержала подписанный ею манифестъ, который такъ и не былъ никогда обнародованъ. Такимъ образомъ, центральное управленіе при Екатеринѣ осталось безъ перемѣны, въ прежнемъ хаотическомъ состояніи. Опять, слѣдовательно, должна была возобновиться «сила персонъ».

Итакъ, Екатеринѣ оставалось, какъ поприще для преобразовательной дѣятельности, сфера управленія областного. Она и обратила всѣ свои преобразовательныя усилія въ эту сторону. Въ инструкціи губернаторамъ, разосланной ею въ 1774 году, она пишетъ, что «губерніи суть такія части государства, которыя наиболѣе поправленія требуютъ». Такимъ образомъ,

областная администрація была объявлена наиболѣе нуждающеюся въ перестройкѣ. Разныя причины побуждали Екатерину обратить вниманіе на эту низшую сферу дѣятельности и ею ограничить свою преобразовательную дѣятельность. Во-первыхъ, вскорѣ послѣ распущенія кодификаціонной комиссіи, въ 1773 и 1774 г.г., разразился громадный народный бунтъ, Пугачевскій, и дѣйствовавшее тогда областное управленіе не сумѣло ни предупредить этого мятежа, ни пресѣчь его во-время. Итакъ, интересы государственной безопасности заставили подумать объ устройствѣ болѣе совершеннаго областного органа управленія. Во-вторыхъ, если бы Екатерина попыталась примѣнить свою политическую теорію къ центральному управленію, это могло бы связать ей руки, а она и въ Наказѣ выражала мысль о необходимости полнаго самодержавія въ Россіи; напротивъ, преобразованіе областного управленія въ новомъ, книжномъ, французскомъ духѣ не грозило никакой опасностью, даже никакимъ стѣсненіемъ: неудобно въ столицѣ поставить конституціонный совѣтъ, но по губерніямъ это возможно. Въ-третьихъ, только на перестройкѣ областного управленія настаивали дворянскіе депутаты 1767 г., а Екатерина слушала внимательно заявленія этихъ дворянскихъ депутатовъ. Таковы были три побужденія, заставившія Екатерину прежде всего перестроить областное управленіе. Составивъ проектъ этого управленія, Екатерина обнародовала его манифестомъ 7 ноября 1775 г. Это—извѣстное *Учрежденіе для управленія губерній*. Изложимъ его содержаніе.

При Петрѣ государство было раздѣлено на 12 крупныхъ областей, каждая изъ которыхъ вмѣщала въ себѣ нѣсколько нынѣшнихъ губерній. Эта петровская губернія подраздѣлялась на провинціи, которыя въ свою очередь раздѣлялись на уѣзды. Послѣ этого раздѣленія,

когда государство сдѣлало значительныя территоріальныя пріобрѣтенія (по окончаніи Сѣверной и дальнѣйшихъ войнъ), всѣхъ губерній стало 20. Екатерина въ манифестѣ 7 ноября 1775 г. отмѣтила три главные недостатка дѣйствующаго областного управленія: 1) областные, административные округа губерній слишкомъ крупны; 2) эти губерніи снабжены недостаточнымъ количествомъ учрежденій, а учрежденія—недостаточнымъ количествомъ личнаго состава чиновниковъ, наконецъ, 3) въ этихъ учрежденіяхъ смѣшались различныя вѣдомства: одно и то же мѣсто вѣдало и администрацію съ полиціей, и судъ, и финансы. Учрежденіе 1775 г. устраняло всѣ эти недостатки.

Прежде всего, Екатерина ввела новое областное дѣленіе. Границы прежней крупной губерніи опредѣлялись частью географически, свойствами мѣстности, частью исторически. Екатерина приняла единственнымъ основаніемъ новаго губернскаго дѣленія статистику, количество населенія, безъ всякаго вниманія къ пространству и къ прежнему историческому дѣленію страны, къ мѣстнымъ бытовымъ связямъ и особенностямъ населенія. Губернія Екатерины — округъ съ населеніемъ въ 300 или 400 тыс. жителей. Онѣ подраздѣлялись на уѣзды съ населеніемъ въ 20 или 30 тыс. жителей. Новыхъ губерній, созданныхъ такимъ дѣленіемъ, вышло 50. Онѣ и до сихъ поръ остались почти въ тѣхъ же границахъ, какія были проведены Екатериной. Каждая губернія получила однообразное правительственное устройство, въ которомъ строго раздѣлены были разныя вѣдомства, административное, судебное и финансовое.

Во главѣ административныхъ учрежденій поставлено было губернское правленіе. Это учрежденіе исполнительное, полицейское и распорядительное; во главѣ его

стоитъ губернаторъ. Губернское правленіе передаетъ мѣстнымъ учрежденіямъ законы и указы высшаго центральнаго управленія, наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ губернскихъ учрежденіяхъ, поощряетъ ихъ къ исполненію своихъ обязанностей, смотритъ за порядкомъ и тишиной въ губерніи. Губернское правленіе руководитъ также исполнительными полицейскими уѣздными учрежденіями, называвшимися *нижними земскими судами.* Во главѣ нижнихъ земскихъ судовъ въ уѣздахъ стоитъ *исправникъ* или *капитанъ.* Капитанъ-исправникъ—блюститель полицейскаго порядка въ уѣздѣ; онъ принимаетъ мѣры противъ заразы, заботится, по выраженію положенія, «о сохраненіи и излѣченіи рода человѣческаго», наблюдаетъ за безопасностью и политической благонадежностью обывателей уѣзда, предупреждаетъ и пресѣкаетъ преступленія, помогаетъ суду, т. е. производитъ предварительное слѣдствіе и т. д. Все это, по положенію, исправникъ долженъ дѣлать усердно, «съ доброхотствомъ и человѣколюбіемъ къ народу, съ осторожною кротостью». Финансовое управленіе вела губернская *Казенная палата;* она завѣдывала казенными сборами, постройками и подрядами; отъ нея зависѣли казначейства губернскія и уѣздныя, которыя собирали и хранили казенные доходы. Такъ устроена была администрація полицейская и финансовая.

Особенно сложную организацію получилъ судъ. Уголовныя дѣла вѣдала *Палата уголовныхъ дѣлъ,* дѣла гражданскія — *Палата гражданскихъ дѣлъ.* Обѣ палаты составляли верхній слой судебныхъ губернскихъ учрежденій; подъ нимъ лежалъ второй слой судебныхъ учрежденій. Въ первомъ слоѣ строго раздѣлены были дѣла по существу; во второмъ слоѣ они смѣшаны были по существу, но раздѣлены были по сословіямъ. Это былъ *Верхній земскій судъ* — по дѣламъ дворянъ, *Губернскій*

магистратъ—по дѣламъ купечества и мѣщанъ и *Верхняя земская расправа*—по дѣламъ земскихъ хлѣбопашцевъ, очень пестраго состава, изъ однодворцевъ, крестьянъ дворцовыхъ, государственныхъ и экономическихъ, т. е. бывшихъ церковныхъ, и изъ всѣхъ занимавшихся хлѣбопашествомъ вольныхъ людей. Эти оба слоя судебныхъ мѣстъ сосредоточивались въ губернскомъ городѣ. Въ уѣздныхъ городахъ дѣйствовалъ третій, низшій слой губернскихъ учрежденій, также съ сословнымъ характеромъ. Это были *Уѣздный судъ*—по дѣламъ дворянства, *Городовой магистратъ* (въ отличіе отъ губернскаго)—по дѣламъ купечества и мѣщанъ, *Нижняя земская расправа*—по дѣламъ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Какъ при губернскихъ, такъ и при уѣздныхъ судебныхъ мѣстахъ, образованы были еще учрежденія спеціальнаго характера. Такъ, въ губернскихъ городахъ устроенъ былъ всесословнымъ *Совѣстный судъ*, съ участіемъ выборныхъ засѣдателей отъ дворянства, купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ; онъ вѣдалъ какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, но особаго характера. Изъ уголовныхъ дѣлъ его вѣдѣнію подлежали такія, гдѣ источникомъ преступленія была не сознательная воля преступника, а несчастіе, печальныя стеченія обстоятельствъ, малолѣтство, безуміе, суевѣріе, фанатизмъ и т. д. Всѣ такія уголовныя дѣла вѣдалъ Совѣстный судъ. Изъ дѣлъ гражданскихъ его вѣдѣнію подлежали дѣла, вѣдаемыя теперь мировыми учрежденіями, именно, дѣла гражданскія, по которымъ сами тяжущіеся обращались къ Совѣстному суду, если хотѣли; въ этихъ дѣлахъ Совѣстный судъ прежде всего долженъ былъ мирить обѣ стороны.

Далѣе, рядомъ съ судебными дворянскими учрежденіями возникаетъ представительство мѣстнаго дворянства. Для выбора депутатовъ въ комиссію 1767 г. уѣзд-

ному дворянству велѣно было предварительно выбрать руководителя на выборахъ, который получилъ названіе *уѣзднаго предводителя дворянства.* По окончаніи выборовъ уѣздные предводители не сложили съ себя должности, а остались руководителями мѣстнаго дворянства. Точно такое же право и по тому же случаю дано было и городскому населенію, выбиравшему *городскихъ головъ.* Теперь при сословныхъ судебныхъ учрежденіяхъ возникаютъ опекунскія учрежденія; именно, при уѣздномъ судѣ въ уѣздѣ — *Дворянская опека* съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства во главѣ; при Городовомъ магистратѣ—*Сиротскій судъ* съ городскимъ головой во главѣ. Дворянская опека вѣдала дѣла по опекѣ вдовъ и дѣтей дворянства; Сиротскій судъ — дѣла по опекѣ вдовъ и сиротъ купеческихъ и мѣщанъ. Въ губернскомъ городѣ для завѣдыванія школами, сиротскими домами и другими благотворительными учрежденіями возникъ *Приказъ общественнаго призрѣнія,* составленный изъ депутатовъ двухъ сословій, дворянскаго и городского населенія.

Таковъ былъ сложный административно-судебный механизмъ, созданный положеніями 1775 г. Разберемъ составныя части этого механизма. Какими началами руководилось правительство, создавая его? Легко замѣтить, прежде всего, что составителями проекта руководило начало раздѣленія вѣдомствъ, строгое разграниченіе дѣлъ административно-полицейскихъ, судебныхъ и финансовыхъ. Начало этого раздѣленія въ тогдашней французской литературѣ было модной идеей, пущенной въ ходъ извѣстной книгой Монтескьё; тогда не мыслили правильнаго государственнаго устройства безъ строгаго раздѣленія власти законодательной, судебной и административной. Очевидно, въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г. составители заплатили щедрую дань этой идеѣ.

Но совершенно не согласно было съ этой идеей, какъ и вообще съ политическими воззрѣніями тогдашней французской литературы, устройство сословныхъ судебныхъ учрежденій; отъ этого устройства пахло чѣмъ то феодальнымъ, средне-вѣковымъ, когда, какъ извѣстно, каждое сословіе имѣло свой сословный судъ, т. е. не были всѣ подчинены одинаковому закону; а тогда подъ равенствомъ, именно, понимали подчиненіе всѣхъ гражданъ одинаковому суду и одинаковому закону. Откуда явилось въ губернскихъ учрежденіяхъ это неожиданное противорѣчіе? Очевидно, источникъ его надо искать не въ административныхъ воззрѣніяхъ самой Екатерины, воспитанной на французской политической литературѣ; источникъ этого противорѣчія надо искать дома. Онъ открывается при разсмотрѣніи наказовъ и заявленій дворянскихъ депутатовъ комиссіи 1767 г. Эти депутаты настойчиво требовали отъ правительства, чтобы оно устроило дворянство въ мѣстныя корпораціи и предоставило ему дѣятельное участіе въ мѣстномъ управленіи; дворяне многихъ уѣздовъ даже требовали, чтобы дворянству предоставленъ былъ выборъ уѣздныхъ управителей, воеводъ. Въ наказѣ Боровскаго дворянства мы встрѣчаемъ желаніе, чтобы дворяне уѣздовъ собирались каждые два года для разсмотрѣнія, все ли въ уѣздѣ чинится въ порядкѣ и по закону, а также для выбора предводителей съ помощниками. Уѣздное дворянство должно выбирать *ландрата* и на помощь къ нему отъ каждаго стана или «дистрикта» *дистриктнаго комиссара*. Выбранный дворянствомъ ландратъ долженъ чинить судъ и расправу по дѣламъ; дистриктный комиссаръ помогаетъ ему въ отправленіи судебныхъ дѣлъ, т. е. производитъ предварительное слѣдствіе. Эти заявленныя дворянствомъ желанія и были проведены въ губернскихъ учрежденіяхъ. Очевидно, капитанъ-исправ-

никъ это—ландратъ, котораго требовали дворяне; капитанъ-исправникъ избирался мѣстнымъ дворянствомъ и руководилъ нижними земскими судами; дистриктный комиссаръ былъ отсроченъ пока, чтобы потомъ, въ царствованіе Николая, явиться въ видѣ становового пристава. Итакъ, вотъ гдѣ источникъ противорѣчія въ учрежденіяхъ 1775 г.; практическія стремленія дворянъ столкнулись съ политическими воззрѣніями Императрицы, и оба начала помѣстились рядомъ въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г., несмотря на взаимное несогласіе. Теперь посмотримъ, какъ были проведены въ учрежденіяхъ другія желанія, выраженныя дворянствомъ. Это видно изъ устройства не только судебныхъ, но и другихъ губернскихъ учрежденій. Какъ мы видѣли, верхній слой учрежденій въ губерніи составляли губернское правленіе и палаты: уголовная, гражданская и казенная. Эти учрежденія не сословныя: весь ихъ личный составъ назначался правительствомъ. Второй слой состоялъ изъ сословныхъ судебныхъ учрежденій. Предсѣдателей въ верхнемъ земскомъ судѣ, въ губернскомъ магистратѣ, въ верхней земской расправѣ назначало правительство, засѣдателей или товарищей, членовъ коллегіи, назначали сословія (въ верхнемъ земскомъ судѣ—дворяне, въ губернскомъ магистратѣ—купцы съ мѣщанами и т. д.). Повидимому, здѣсь, въ этомъ второмъ слоѣ судебныхъ учрежденій, равномѣрно проведено было сословное представительство. Третій уѣздный слой судебныхъ мѣстъ также состоялъ изъ сословныхъ учрежденій. Здѣсь всѣ члены (и предсѣдатели, и засѣдатели) были выборные отъ разныхъ сословій. Но полицейское учрежденіе — нижній земскій судъ — вѣдалъ въ полицейскомъ отношеніи все населеніе уѣзда, за исключеніемъ уѣзднаго города, гдѣ мѣсто капитанъ-исправника занималъ городничій или капитанъ, при чемъ

капитанъ-исправникъ и засѣдатели нижняго земскаго суда выбирались одними дворянами. Правда, въ дѣлахъ, касавшихся вольныхъ хлѣбопашцевъ, съ дворянскими уполномоченными дѣйствовали и выборные отъ этого класса, но только тамъ, гдѣ была нижняя земская расправа, а нижнія земскія расправы были далеко не во всѣхъ уѣздахъ, потому что не во всѣхъ уѣздахъ было достаточное число вольныхъ хлѣбопашцевъ. Значитъ, черезъ нижній земскій судъ съ исправникомъ во главѣ дворяне простирали свою власть на все населеніе, безъ раздѣленія сословій. Такимъ образомъ, въ уѣздѣ дворянство получило рѣшительное преобладаніе надъ остальными классами общества.

Далѣе, высшія губернскія учрежденія, судебныя и административныя, были учрежденіями коронными, а не земскими. Всѣ члены ихъ назначались правительствомъ; но личный составъ этихъ учрежденій выходилъ по назначенію правительства изъ того же дворянства, которое выбирало засѣдателей и предсѣдателей въ сословныя дворянскія учрежденія. Какъ въ центрѣ, такъ и въ губернскихъ органахъ центральнаго управленія, не имѣвшихъ сословнаго характера, дѣйствуетъ все то же дворянство, которое замѣщало по выборамъ должности сословныхъ учрежденій. Значитъ, все управленіе губерніей, прямо или косвенно, отдано было въ руки дворянства; его правительственное значеніе здѣсь выражалось въ двоякой формѣ: въ замѣщеніи выборныхъ должностей въ дворянскихъ судебныхъ учрежденіяхъ и, потомъ, въ личномъ составѣ высшихъ губернскихъ учрежденій, не сословныхъ. Значитъ, губернскія учрежденія 1775 г. поставили дворянство во главѣ губернскихъ обществъ съ руководящимъ значеніемъ, по выборамъ и по назначенію отъ правительства. Такъ окончательно опредѣлилось положеніе этого

сословія въ государствѣ при Екатеринѣ. Оно стало правящимъ классомъ русскаго общества, только не изъ столицы, а по губерніямъ, въ сферѣ областного управленія; оно не руководило государствомъ по закону, но оно и по закону, и на дѣлѣ руководило мѣстными обществами.

Черезъ нѣсколько времени устройство областного управленія завершено было двумя жалованными сословными грамотами, данными дворянству и городамъ. Обѣ эти грамоты были подписаны въ одинъ день, 21 апрѣля 1785 г. Вотъ главныя черты того и другого акта.

Въ «жалованной грамотѣ», данной дворянству, завершено было корпоративное устройство этого сословія и изъ дворянъ каждой губерніи образованы были *дворянскія общества*. Сверхъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній, собранныхъ впервые для выбора депутатовъ въ комиссію 1767 г., теперь возникли губернскія дворянскія собранія съ губернскими предводителями во главѣ. Въ этой же грамотѣ окончательно опредѣлены права дворянства, какъ личныя, такъ и общественныя. Дворянинъ пользуется своимъ недвижимымъ имуществомъ и крестьянами на правахъ полной собственности и имѣетъ право заводить фабрики и заводы и заниматься торговлей. Онъ передаетъ свое званіе женѣ и дѣтямъ и лишается этого званія не иначе, какъ по суду, за извѣстныя преступленія, при чемъ судится «своими равными», и самый приговоръ получаетъ силу только по утвержденіи его верховной властью. Кромѣ того, дворянинъ свободенъ и отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности. Общественныя права сословія осуществлялись черезъ посредство дворянскихъ собраній, губернскихъ и уѣздныхъ, созываемыхъ черезъ каждые 3 года. Эти собранія съ

своими председателями, выборными губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства: 1) принимали участіе въ общемъ губернскомъ управленіи, выбирая «изъ дворянъ, на мѣстѣ живущихъ», должностныхъ лицъ, избраніе которыхъ предоставлено было дворянству; 2) вели дѣла внутренняго сословнаго самоуправленія, предоставленнаго дворянскимъ обществамъ; 3) могли представлять губернатору «о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» и приносить чрезъ депутатовъ «представленія и жалобы» какъ Сенату, такъ и самой верховной власти. Впослѣдствіи эти права были еще расширены. По Учрежденію 1775 г., какъ уже было указано, дворянство наравнѣ съ двумя другими сословіями выбирало членовъ въ свои сословные суды первой и второй инстанціи (*Уѣздный судъ* и *Верхній земскій судъ*).

Точно также получили окончательное устройство и городскіе классы общества. Въ 1775 г. купечество, раздѣленное на три гильдіи, освобождено было отъ подушной подати и обложено взамѣнъ того гильдейской пошлиной въ размѣрѣ 1% съ заявленнаго по совѣсти капитала. Учрежденіе о губерніяхъ предоставило купечеству и мѣщанству участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ, даже совмѣстное съ дворянствомъ (въ Совѣстномъ судѣ и Приказѣ общественнаго призрѣнія). *Жалованная грамота* городамъ, изданная въ одно время съ дворянской, установила составъ, управленіе и права «градскаго общества». Она раздѣлила городскихъ обывателей на шесть классовъ: то были 1) *настоящіе городскіе обыватели*, лица всякаго званія, владѣвшія какой-либо недвижимой собственностью въ городѣ; 2) *купцы* трехъ гильдій (первой—съ объявленнымъ капиталомъ не менѣе 10 тыс., второй — не менѣе 5 тыс., третьей — не менѣе 1.000); 3) ремесленники, вписавшіеся *въ цехи*;

4) *иногородные и иностранные гости*, приписавшіеся къ городу для промышленныхъ занятій; 5) *именитые граждане*, лица, занимавшія высшія должности по городскимъ выборамъ, ученые съ академическими или университетскими аттестатами, художники и артисты, капиталисты съ объявленнымъ капиталомъ не менѣе 50 тыс. руб., и 6) *посадскіе*, жившіе какимъ-либо промысломъ въ городѣ и не вошедшіе въ составъ какой-либо другой группы городскихъ обывателей. Разъ въ три года городскіе обыватели всѣхъ шести классовъ созываются на общее городское собраніе для выбора членовъ сословнаго суда (магистрата), городского головы и другихъ должностныхъ лицъ городского выборнаго управленія, а также для представленія губернатору объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ города; но дворянскаго права «дѣлать представленія и жалобы» верховной власти городскія общества не получили. Хозяйство и благоустройство города вѣдали двѣ городскія думы, *общая*, состоявшая изъ выборныхъ *гласныхъ* отъ всѣхъ званій городского населенія, отъ каждой гильдіи, каждаго цеха и т. д., и *шестигласная*, состоявшая изъ 6 гласныхъ, которыхъ избирала общая дума изъ своей среды по одному отъ каждаго изъ шести разрядовъ городскихъ обывателей. Общая дума, выбравъ шестигласную на 3 года, потомъ собиралась, когда того требовала «общественная нужда и польза», и имѣла распорядительное значеніе. Шестигласная дѣйствовала постоянно и вела текущія дѣла города. Городской голова былъ председателемъ обѣихъ. Въ городскомъ са́моуправленіи, такъ устроенномъ, участвовали всѣ городскіе обыватели не моложе 25 лѣтъ, владѣвшіе капиталомъ, проценты съ котораго не ниже 50 рублей. Личныя права распредѣлялись между гражданами не съ такою равномѣрностью, какъ въ дворянствѣ. Въ этомъ отно-

шеніи шесть классовъ городского общества имѣли характеръ особыхъ *сословій*, какъ они и называются въ Жалованной грамотѣ. *Настоящіе городскіе обыватели*, какими могли быть люди всякаго званія, духовные, дворяне, служащіе въ военной или гражданской службѣ, пользовались правами своего состоянія независимо отъ своей принадлежности къ городскому обществу. Такъ, о дворянахъ, имѣвшихъ въ городѣ недвижимую собственность, грамота говоритъ, что они отъ городскихъ тягостей не освобождаются, но «ради дворянскаго достоинства» свободны отъ личныхъ податей и службъ. Купцы всѣхъ трехъ гильдій сверхъ общихъ правъ городского состоянія пользовались еще свободой отъ подушной подати и личной рекрутской повинности съ условіемъ указнаго взноса въ казну, чего не было предоставлено ни посадскимъ, ни цеховымъ, не объявившимъ за собою гильдейскаго капитала. Купцы первой и второй гильдіи сверхъ того были еще свободны отъ тѣлесныхъ наказаній и имѣли право содержать фабрики и заводы, чѣмъ не пользовались ни посадскіе, ни купцы третьей гильдіи. Наконецъ, именитые граждане сверхъ всѣхъ этихъ правъ могли еще имѣть загородные дворы и сады, ѣздить по городу въ каретѣ четверней и при извѣстныхъ условіяхъ даже просить о возведеніи въ дворянство, если ихъ отцы и дѣды имѣли и безпорочно сохраняли именитость. Такая дробность въ распредѣленіи правъ лишала городское общество надлежащей цѣльности и единства. Въ исторіи уравненія и сближенія русскихъ сословій городовая грамота Екатерины II была замѣчательной попыткой—изъ людей, разъединенныхъ правами и обязанностями, даже общественными предразсудками и соединенныхъ только мѣстомъ жительства, образовать нѣчто цѣльное, связанное общими интересами. Но сознаніе общихъ интересовъ воспиты-

вается одинаковыми правами и обязанностями, чувствомъ общественной солидарности, а въ этомъ отношенiи классы городского общества были тогда еще такъ далеки другъ отъ друга, что екатерининскiй городъ на дѣлѣ не сталъ всесословнымъ обществомъ, а остался такимъ же торгово-промышленнымъ сословнымъ *посадомъ*, какимъ былъ прежде.

Вслѣдъ за дворянствомъ и городскимъ состоянiемъ предстояло устроить и крестьянство. По Учрежденiю 1775 г. и свободное сельское населенiе получило, какъ уже было указано, свой сословный судъ въ *нижней* уѣздной и *верхней* губернской *расправѣ* и нѣкоторое участiе въ общемъ губернскомъ управленiи совмѣстно съ двумя другими сословiями. Былъ составленъ проектъ жалованной грамоты и свободному сельскому сословiю, но не былъ приведенъ въ исполненiе. По отношенiю къ этому сословiю законодательству предстояла болѣе сложная задача, чѣмъ простое опредѣленiе сословныхъ правъ. Учрежденiе о губернiяхъ соединило въ вѣдомствѣ расправъ и казенныхъ палатъ однодворцевъ и крестьянъ *государственныхъ*, *дворцовыхъ* и *экономическихъ*, отобранныхъ у Церкви въ 1764 г. Предстояло не только опредѣлить права, но и устроить самый бытъ этихъ классовъ на одинаковыхъ основанiяхъ и притомъ обезпечить его цѣлесообразно обдуманнымъ порядкомъ надзора и защиты, безъ чего эти классы не были бы въ состоянiи справиться ни съ какими правами. При Екатеринѣ II и двухъ ея преемникахъ были принимаемы мѣстныя или частичныя мѣры для устройства управленiя и быта этихъ крестьянъ.

Но городское и крестьянское самоуправленiе дѣйствовало при Екатеринѣ вяло и развивалось туго; причиной этого была тяжелая рука губернаторовъ. Напротивъ, съ большимъ успѣхомъ развивалось самоупра-

вленіе дворянское. Введеніе губернскихъ учрежденій вызвало необычайное оживленіе въ мѣстномъ дворянствѣ. Въ трехлѣтніе періоды выборные дворяне съѣзжались въ губернскіе города и здѣсь среди пировъ и увеселеній производили выборы, устрояли мѣстное управленіе; обыкновенно этими увеселеніями и пирами угощалъ съѣхавшееся дворянство свой же братъ—губернаторъ. Эти дворянскіе съѣзды быстро сплотили мѣстное дворянское общество. Припомнимъ, что дворянство только недавно прибыло въ губернію изъ продолжительной службы, изъ столичной казармы, уволенное по закону 18 февраля 1762 года; явившись теперь по полученіи чистой отставки въ мѣстность, куда оно заглядывало рѣдко, дворянство долго не могло осмотрѣться, найтись среди мѣстнаго общества. Введеніе губернскихъ учрежденій помогло ему скоро оглядѣться и устроиться въ губерніи. Наблюдатели со стороны были поражены оживленіемъ, которое приняла жизнь дворянства подъ вліяніемъ новыхъ учрежденій. Эти наблюдатели даже преувеличивали потомъ значеніе этихъ учрежденій. На губернаторскихъ пирахъ, разумѣется, дворянскіе языки развязывались; прислушиваясь къ толкамъ и рѣчамъ сословія на этихъ оживленныхъ сходкахъ подъ руководствомъ его набольшого, хотя и коронняго чиновника, иностранные наблюдатели пророчили политическую бѣду для Россіи. Въ одномъ французскомъ мемуарѣ мы встрѣчаемъ такую замѣтку: «рано или поздно эти дворянскія собранія подадутъ сигналъ для революціи». Такими послѣдствіями для сословія сопровождалось новое губернское учрежденіе.

Постараемся теперь объяснить, почему только дворянское самоуправленіе успѣшно развивалось, хотя, повидимому, одинаковыя начала были положены и въ

основу самоуправленія другихъ двухъ классовъ, городского и вольныхъ хлѣбопашцевъ. Рѣшеніе этого вопроса и приведетъ насъ къ оцѣнкѣ того значенія, какое губернскія учрежденія имѣютъ въ исторіи нашего государственнаго устройства. Для этого прежде всего необходимо сдѣлать краткій обзоръ исторіи дворянскаго самоуправленія до Екатерины.

Въ нашей литературѣ господствуетъ мнѣніе, что мѣстныя дворянскія общества имѣютъ недавній возрастъ, начали возникать не раньше областныхъ учрежденій Петра I; что въ старой московской Руси служилые люди, изъ которыхъ потомъ образовалось дворянство, связаны были по своей службѣ исключительно съ центромъ, со столицей, и потому не имѣли связи съ мѣстными обществами, не участвовали въ мѣстномъ управленіи и сами не были сложены въ мѣстныя корпораціи. Мысль эта совершенно не оправдывается общественными явленіями старой московской Руси. Прежде всего, мы встрѣчаемъ слабое, правда, но важное по своему значенію участіе служилыхъ людей, дворянъ, въ мѣстномъ управленіи и общественной дѣятельности. Дворянство, вмѣстѣ съ другими классами общества, и до Петра выбирало главнаго блюстителя общественнаго порядка въ провинціи, въ уѣздѣ, губного старосту, который преслѣдовалъ разбойниковъ, воровъ, вообще нарушителей общественнаго порядка. Этотъ уѣздный полицеймейстеръ выбирался всѣми классами общества, но обыкновенно изъ служилыхъ людей. Значитъ, дворянству предоставлено было главное участіе черезъ своего собрата, губного старосту, въ поддержаніи общественной безопасности. Далѣе, служилые люди уѣзда, какъ и люди посадскіе и мѣстное духовенство, собирались, чтобы избирать депутатовъ на Земскій Соборъ, созывавшійся въ XVII вѣкѣ отъ времени до

времени. Итакъ, у дворянства, кромѣ его государственной службы, привязывавшей сословіе къ центру, были дѣла и на мѣстѣ. Затѣмъ, дворяне уже до Петра являются сложенными въ довольно прочно организованныя сословныя корпораціи, служебныя общества. Связью, которая соединяла дворянъ въ такія мѣстныя корпораціи, были отношенія служебно-землевладѣльческія. Для устройства правильнаго отбыванія службы и правильнаго «испомѣщенія» служилыхъ людей, они по уѣздамъ выбирали изъ своей среды служилыхъ окладчиковъ, показаніями которыхъ руководилось центральное правительство въ устроеніи служебнаго землевладѣнія по каждому уѣзду. Коллегіи этихъ окладчиковъ, обыкновенно вступавшихъ въ должность съ принесеніемъ присяги, были предшественницами послѣдующихъ дворянскихъ собраній съ ихъ уѣздными и губернскими предводителями. Впрочемъ, всякій разъ, когда являлся въ уѣздъ столичный «разборщикъ», производившій смотръ уѣздному дворянству, съѣзжались въ уѣздный городъ не только выборные окладчики, но и всѣ дворяне для дачи показаній ревизору о томъ, какъ они служатъ, сколько у нихъ крестьянъ, земли, сколько дѣтей, недорослей и взрослыхъ, служатъ ли послѣдніе и т. д. При томъ, дворяне уѣзда ручались другъ за друга въ исправномъ отбываніи службы. Это была та же порука, которой связаны были городскія и крестьянскія общества; только эта порука была устроена иначе, чѣмъ въ послѣднихъ. Какъ извѣстно, въ сельскихъ обществахъ порука круговая, т. е. всѣ члены общества ручаются за каждаго и каждый за всѣхъ. Дворянская порука устроена была не такъ: нѣкоторые дворяне ручались только за нѣкоторыхъ, очевидно, по мѣсту жительства, по сосѣдству помѣстій и вотчинъ; одинъ ручался, напримѣръ, за 3-хъ, но и за него ручались трое и т. д.—

цѣпью. Вотъ почему эту поруку можно назвать въ отличіе отъ круговой крестьянской — цѣпной, служилой. Если представить себѣ серіозныя обязанности, которыя лежали на дворянскихъ обществахъ и ихъ выборныхъ окладчикахъ, серіозные интересы, которые устроялись на этихъ дворянскихъ съѣздахъ въ присутствіи столичнаго ревизора, то легко понять, что древне-русскія дворянскія корпораціи были гораздо почтеннѣе по своему составу и серіознѣе, чѣмъ дворянскія собранія XVIII в. съ ихъ обѣдами и сладкими рѣчами. Итакъ, уже до Петра служилые дворяне по уѣздамъ не только участвовали въ мѣстномъ управленіи, въ мѣстной общественной службѣ, но связаны были въ мѣстные союзы, ничуть не менѣе крѣпкіе сравнительно съ союзами городскими и крестьянскими.

Съ Петра эти мѣстные служебные союзы измѣнились, ослабли, потому что рядомъ съ ними возникли другіе. Служба и земля служилыхъ людей въ древней Руси устроены были по мѣстности: каждый провинціальный дворянинъ служилъ обыкновенно въ томъ уѣздѣ, въ которомъ находились его вотчины и помѣстья. Созданіе регулярной арміи оторвало дворянъ отъ мѣста. Прежде дворяне уѣзда при нападеніи непріятеля составляли гарнизонъ уѣзднаго города, въ дальній походъ шли уѣзднымъ, территоріальнымъ полкомъ. Регулярные полки не имѣли такого территоріальнаго значенія; они набирались изъ всѣхъ людей безъ различія ихъ мѣста жительства, дѣйствовали на одной границѣ, на которой шла продолжительная война, вдали отъ уѣзда, гдѣ находились ихъ имѣнія. Взамѣнъ прежнихъ мѣстныхъ союзовъ образовались союзы полковые; офицеры полка составляли извѣстный союзъ, которому предоставлены были нѣкоторыя права. Это не были простыя застольныя или какія-нибудь иныя товарищества; это были союзы,

признанные правительствомъ, и самый выборъ офицеровъ полка изъ рядовыхъ (ибо дворяне начинали службу рядовыми) производился баллотировкой и по ручательству генерала и офицеровъ всей дивизіи. Такимъ образомъ, рядомъ съ прежними мѣстными, землевладѣльческими союзами теперь, съ образованіемъ регулярной арміи, явились союзы военные. Но и прежніе, мѣстные, не были разрушены; Петръ, напротивъ, поддерживалъ ихъ. При немъ, какъ мы знаемъ, получило важное значеніе въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ дворянское, землевладѣльческое сословіе. Жившіе на дворянской землѣ крестьяне составляли главную массу податныхъ плательщиковъ. Землевладѣльцы были, такимъ образомъ, финансовыми и полицейскими орудіями высшаго правительства по отношенію къ этимъ крестьянамъ, избавляя казну отъ огромныхъ расходовъ, какихъ бы потребовало устройство полиціи и финансоваго управленія. Итакъ, дворяне, по службѣ оторванные отъ мѣста, по землевладѣнію оставались къ нему привязанными. Это мѣстное значеніе дворянъ выразилось въ той роли, какую Петръ предоставилъ ему въ губернскомъ управленіи. Мы видѣли, что дворяне выбирали изъ своей среды ландратовъ, совѣтниковъ при губернаторѣ, который велъ дѣла по совѣщанію съ ними, коллегіальнымъ порядкомъ; мы видѣли, что полицейскій надзоръ по указу 1719 года порученъ былъ также уѣздному дворянству, которое изъ своей среды выбирало полицейскаго чиновника, уѣзднаго земскаго комиссара.

Послѣ Петра начинаютъ падать образованные имъ военные союзы; это разрушеніе ихъ объясняется постепеннымъ ходомъ освобожденія дворянства отъ обязательной службы. Дворяне съ каждымъ почти царствованіемъ получали новыя льготы по службѣ, сначала

отпускались на побывку, потомъ былъ ограниченъ срокъ обязательной службы; наконецъ закономъ 1762 г. оно было совсѣмъ уволено отъ службы. Такимъ образомъ дворянство становится все болѣе осѣдлымъ. Далѣе, огромное количество земли принадлежало служилымъ людямъ до Петра на помѣстномъ правѣ, которое дѣлало ихъ временными владѣльцами этихъ земель. Петръ, какъ извѣстно, установилъ одинъ порядокъ наслѣдованія для вотчинъ и помѣстій, стѣснивъ право дворянъ располагать ими по завѣщанію (законъ 1714 г.). Императрица Анна по вступленіи на престолъ, въ благодарность дворянству, поддерживавшему ее противъ притязаній верховниковъ, указомъ 1731 г. отмѣнила этотъ стѣснительный порядокъ и, признавъ однородными всѣ дворянскія имѣнія (помѣстья и вотчины), обратила ихъ въ полную наслѣдственную собственность дворянъ. Этотъ законъ окончательно сдѣлалъ дворянство осѣдлымъ классомъ, а не временнымъ владѣльцемъ своихъ земель. Все это отрывало дворянство отъ центра и привязывало къ уѣзду, къ мѣстному міру, къ землевладѣнію. Прежде дворянинъ былъ больше служилый человѣкъ, чѣмъ землевладѣлецъ; теперь онъ сталъ землевладѣльцемъ, переставъ быть служилымъ человѣкомъ.

Сообразно съ этими измѣненіями государственнаго положенія, измѣнились и политическіе вкусы сословія. Припомнимъ, что дворянство послѣ Петра черезъ свою гвардію неоднократно дѣлало правительства. Вмѣстѣ съ обязательной военной службой, эта политическая роль, пріобрѣтенная дворянствомъ въ дворцовыхъ переворотахъ, привязывала политическія стремленія сословія къ столицѣ, къ двору, развила въ немъ желаніе принимать участіе въ дѣлахъ высшаго центральнаго правительства. Посмотримъ, напр., чего желало дворянство, которое уничтожило ограниченіе власти Импе-

ратрицы Анны. Можно думать, что сословіе стоитъ за полный абсолютизмъ. Ничуть. Оно уничтожило условія ограниченія верховной власти, навязанныя верховниками; но оно желало принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ высшаго правительства. Въ петиціи, въ которой дворянство просило Императрицу принять власть, оно выражало желаніе избирать изъ своей среды членовъ Сената и Верховнаго Тайнаго Совѣта, а также и президентовъ Коллегій, т. е. выражало желаніе, чтобы центральное управленіе устроилось съ участіемъ дворянства; о мѣстномъ управленіи дворянство не промолвило ни слова. Очевидно, мѣстныя отношенія, провинціальные интересы его нисколько не занимали. Въ комиссіи 1767 г. мы встрѣчаемъ выраженіе уже совсѣмъ иныхъ политическихъ стремленій сословія. Дворянскіе депутаты ничего не говорили о своемъ отношеніи къ центральному правительству, не вмѣшивались въ его дѣла. Самые горячіе защитники дворянскихъ интересовъ, находившіе, что дворянство по самому своему государственному значенію должно быть правящимъ классомъ общества (какъ, напр., кн. Щербатовъ), не промолвили ничего объ участіи дворянъ въ центральномъ управленіи; всѣ ихъ политическія стремленія связаны съ уѣздомъ. «Дайте намъ въ руки уѣздъ», вотъ чего требовало дворянство въ комиссіи, «и давъ намъ въ руки уѣздъ, правьте, какъ знаете, столицею». Дворянскіе депутаты выразили также желаніе устроиться въ мѣстныя, уѣздныя общества, выбирать изъ своей среды уѣзднаго блюстителя общественнаго порядка, даже выбирать изъ своей среды уѣзднаго управителя, воеводу. Такъ измѣнились политическіе вкусы сословія; очевидно, эта перемѣна произошла вслѣдствіе измѣненія въ положеніи дворянства; оно теперь стало свободно отъ службы, теперь оно усѣлось въ своихъ имѣніяхъ и желало руководить мѣстнымъ управленіемъ.

Легко замѣтить, какіе интересы удовлетворялись губернскими учрежденіями 1775 г. съ дополнительной къ нимъ дворянской жалованной грамотой. Эти губернскія учрежденія признали и закрѣпили стремленіе дворянства руководить мѣстнымъ управленіемъ и нисколько не опредѣляли отношенія сословія къ центральному правительству, къ верховной власти. Губернскія учрежденія исполнили то, чего желало сословіе, облекли въ учрежденія эти заявленныя дворянствомъ стремленія. Значитъ, губернскія учрежденія были завершеніемъ того мѣстнаго устройства дворянства, къ какому оно стремилось издавна.

Итакъ, до Петра дворянство служило, не правило; служило въ центрѣ и въ провинціи. При Петрѣ дворянство служило въ центрѣ и начинало править въ провинціи. Съ изданіемъ губернскихъ учрежденій 1775 г., дворянство не служило ни въ центрѣ, ни въ провинціи, но правило провинціей. Вотъ 3 главные момента въ ходѣ развитія мѣстнаго, правительственнаго значенія дворянства. *Эти моменты необходимо имѣть въ виду, потому что правительственное значеніе дворянства, какъ руководящаго класса въ мѣстномъ обществѣ—одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ нашей политической и общественной исторіи послѣднихъ столѣтій.*

При чемъ же были въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 года политическія идеи Екатерины? Эти идеи закрѣпили старый и важный фактъ нашей исторіи, когда не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ не было помину объ этихъ идеяхъ. Что принадлежитъ этимъ идеямъ, т. е. политическимъ учебникамъ Екатерины, въ учрежденіяхъ 1775 г.? Одна техника, выработка административныхъ и судебныхъ формъ со строгимъ раздѣленіемъ вѣдомствъ, съ учрежденіемъ разныхъ судебныхъ инстанцій и т. д. Техника, формы—вотъ

что принадлежитъ законодательницѣ. Политическое содержаніе тѣхъ отношеній, которыя скрывались за этими формами, были въ нихъ выражены и скрѣплены,—нисколько не принадлежало книжкамъ, которыми руководилась создательница законовъ. Здѣсь встрѣчаемъ тотъ же ходъ, тѣ же пріемы дѣятельности, какіе мы видѣли въ другихъ предпріятіяхъ Екатерины. Въ устройствѣ мѣстнаго управленія, какъ и во всемъ, впереди шла идея, заимствованная со стороны, чуждая русскому обществу, но привлекательная для его вершинъ, а подъ покровительствомъ этой идеи развивался и закрѣплялся старый, очень старый фактъ нашей исторіи, не имѣвшій съ этими идеями ничего общаго. Таково значеніе этихъ учрежденій по отношенію къ управляемому обществу.

Какое значеніе имѣли эти учрежденія въ исторіи нашего управленія, административно-судебнаго механизма? Развитая техника этого механизма, тонко очерченныя сложныя формы его не были большимъ шагомъ впередъ въ исторіи нашихъ учрежденій по многимъ своимъ особенностямъ. Во-первыхъ, управленіе хорошо тогда, когда оно во всѣхъ своихъ частяхъ (въ центрѣ, какъ и въ провинціи), построено на однихъ и тѣхъ же началахъ. Губернскія учрежденія 1775 г. усилили, если не ввели, противорѣчіе началъ центральнаго и областного управленія. Центральное управленіе при Екатеринѣ оставалось, какъ и прежде, чисто бюрократическимъ, дѣйствовало безъ всякаго признаннаго закономъ участія общества; напротивъ, областное управленіе стало болѣе прежняго сословнымъ, шло при дѣятельномъ участіи двухъ классовъ общества, впрочемъ, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ одного изъ нихъ, дворянства. Во-вторыхъ, губернскія учрежденія 1775 г. установили несоотвѣтствіе между правами классовъ и

ихъ обязанностями. Прежде дворянство обязательно служило и пользовалось за то нѣкоторыми правами; теперь оно перестало служить, но стало пользоваться бо́льшими правами, стало править мѣстнымъ обществомъ тогда, когда перестало служить государству. Такъ нарушено было основное требованіе политической правды, равновѣсіе между правомъ и обязанностью. Въ-третьихъ, губернскія учрежденія стали въ противорѣчіе съ признанными Екатериной началами; сословно-судебныя учрежденія, ею устроенныя, противорѣчили ея же собственному Наказу, въ которомъ выражалось желаніе, чтобы люди всѣхъ состояній судились и управлялись себѣ равными: мы видѣли, что мѣстное общество судилось и управлялось людьми одного класса—дворянствомъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, губернскія учрежденія, благодаря ихъ техническимъ особенностямъ, ввели необыкновенную сложность въ мѣстное управленіе. Сколько построено было разныхъ административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ мѣстъ. Тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало 10—15 чиновниковъ, теперь явилась сотня; гдѣ дѣйствовало одно учрежденіе, теперь ихъ явилось 10. Это увеличивало дороговизну администраціи, а дороговизна администраціи сама по себѣ, независимо отъ исправнаго ея дѣйствія, есть уже вѣрный недостатокъ. Къ числу недостатковъ тѣхъ же учрежденій можно отнести и ихъ практику, не оправдавшую ни положенныхъ въ ихъ основаніе началъ, ни возлагавшихся на нихъ ожиданій. Впрочемъ, вина этого лежитъ не столько на законодательствѣ, сколько на обществѣ, въ которомъ трудно было найти достаточно людей, годныхъ къ дѣятельности въ новыхъ учрежденіяхъ, и которое, будучи призвано къ участію въ мѣстномъ управленіи, не показало, по свидѣтельству современныхъ наблюдателей, ни должнаго вниманія къ этому при-

зыву, ни надлежащаго пониманія своихъ интересовъ.

Таково значеніе этихъ учрежденій. Теперь отъ административныхъ преобразованій перейдемъ къ изученію общества, какъ оно было устроено законодательствомъ Екатерины, сдѣлавъ предварительно краткій очеркъ исторіи крѣпостного права.

Историческій очеркъ развитія крѣпостного права.

Важнѣйшіе интересы государства были связаны съ двумя классами общества, дворянствомъ и крестьянствомъ. Съ изученія положенія этихъ двухъ классовъ и слѣдуетъ начать изученіе положенія общества въ царствованіе Екатерины. Правительственная роль, указанная дворянству въ мѣстномъ управленіи учрежденіями 1775 г., основывалась на землевладѣльческомъ значеніи дворянства, на положеніи его въ селѣ. Огромное большинство подушныхъ плательщиковъ состояло изъ крестьянъ, жившихъ на дворянскихъ земляхъ. Большинство мѣстныхъ уѣздныхъ обывателей связаны были съ дворянами-землевладѣльцами частными поземельными отношеніями, независимо отъ правительственнаго значенія дворянства. Дворянство потому и стало руководить мѣстнымъ управленіемъ, что въ его рукахъ находилось наибольшее количество мѣстнаго населенія.

Отношенія, существовавшія между дворянами землевладѣльцами и жившими на ихъ земляхъ крестьянами, выражались въ одномъ терминѣ: *крѣпостное право*. Имъ и опредѣляется государственное положеніе и взаимныя отношенія обоихъ классовъ, дворянства и крестьянства. Мы знаемъ, какая перемѣна произошла въ положеніи крестьянъ со времени первой ревизіи; холопы были привлечены къ государственной повинности вмѣстѣ съ

крестьянами; это—одна перемѣна, внесенная или закрѣпленная указомъ о первой ревизіи. Въ отношенія какъ холоповъ, такъ и крестьянъ къ землевладѣльцамъ теперь стало вмѣшиваться правительство, тогда какъ прежде, опредѣляя положеніе податныхъ крестьянъ, правительство не вмѣшивалось въ отношенія холоповъ къ господамъ, потому что холопы составляли ихъ частную собственность. Такимъ образомъ, перемѣна, происшедшая въ положеніи сельскихъ классовъ, холоповъ и крестьянъ, состояла въ извѣстномъ новомъ сочетаніи юридическихъ особенностей, какими отличались оба класса, въ извѣстномъ обмѣнѣ юридическихъ признаковъ. Крестьяне прежде были податными плательщиками, но не были лично-крѣпостными; холопы были лично-крѣпостными людьми, но не были податными плательщиками. Теперь подушная подать съ крестьянъ была распространена и на холоповъ; за то личная крѣпость холопей распространена была и на крестьянъ. Изъ соединенія этихъ особенностей и образовалось новое юридическое состояніе, которое и обозначается терминомъ «крѣпостныя души». *Крѣпостное право послѣ Петра, со времени первой ревизіи, развивается въ двухъ направленіяхъ: количественно и качественно*, т. е. постепенно все большее количество людей становится въ положеніе крѣпостныхъ, и въ то же время усиливается власть господина надъ крѣпостными людьми. Прослѣдимъ оба эти процесса.

Крѣпостное населеніе размножалось двумя юридическими способами, *припиской* и *пожалованіемъ*. Путемъ приписки въ крѣпостное состояніе зачислялись постепенно мелкіе общественные слои, которыхъ не захватила перепись первой ревизіи. Въ дальнѣйшихъ ревизіяхъ, которыя обыкновенно производились черезъ 20 лѣтъ, всѣ люди, не имѣвшіе опредѣленнаго занятія,

постояннаго мѣста жительства, постепенно записывались за учрежденіями или лицами и попадали въ крѣпостную зависимость. Такъ, указами о дальнѣйшихъ ревизіяхъ велѣно было записывать за кѣмъ либо, кто пожелаетъ, непомнящихъ родства и бродягъ, вольноотпущенныхъ, т. е. бывшихъ холопей, нищихъ, незаконнорожденныхъ, плѣнныхъ, инородцевъ, солдатскихъ дѣтей и т. п. Даже малолѣтнія дѣти вольноотпущенныхъ, оставшіяся безъ родителей, записывались въ крѣпостное состояніе за тѣмъ, кто пожелаетъ ихъ принять, если они не старше 10 лѣтъ и не могли сказать, кому служили ихъ родители. Значитъ, правительство стремилось записывать за учрежденіями или лицами всѣхъ, кого въ древней Руси называли гулящими людьми, кто не пристроился къ какому либо общественному состоянію. Легко понять, какое обширное поле для злоупотребленій открываетъ это распоряженіе правительства, какъ много лицъ попадало въ крѣпостные, какое множество, напр., дѣтей заштатныхъ священнослужителей было записано за помѣщиками. Сенатъ, руководитель управленія, смотрѣлъ сквозь пальцы на эти злоупотребленія, дѣйствуя въ интересахъ того сословія, къ которому принадлежали его члены; такъ, напр., когда появилось много жалобъ на незаконную приписку послѣ второй ревизіи, производившейся въ царствованіе Елисаветы, Сенатъ постановилъ оставить всѣ эти жалобы безъ послѣдствій и запретилъ всѣмъ записаннымъ въ ревизскія сказки жаловаться на незаконность приписки. Такимъ образомъ, множество лицъ и семействъ, которыя по своему общественному положенію не принадлежали къ крѣпостнымъ, попали въ крѣпостное состояніе. Этимъ правительство XVIII в. продолжало старую работу московскаго правительства XVII ст., работу очистки общества, уничтоженія переходныхъ слоевъ,

которые оставались въ промежуткахъ между главными классами. Правительство хотѣло стянуть общество въ три замкнутые класса, не говоря о духовенствѣ, – въ дворянство, городское состоянiе и крѣпостное крестьянство.

Еще болѣе содѣйствовало количественному развитiю крѣпостного состоянiя пожалованiе, т. е. дача земель съ прикрѣпленными къ нимъ людьми въ частную собственность. Обыкновенно обширныя казенныя земли съ приписанными къ нимъ крестьянами служили источникомъ этой раздачи. Пожалованiе было продолженiемъ старыхъ помѣстныхъ дачъ. Прежде служилые люди получали отъ правительства земли въ помѣстье. Что означали тогда эти дачи, какъ онѣ назывались, т. е. что давалось во владѣнiе? Прежде, когда крестьяне не были еще прикрѣплены къ землѣ, землевладѣльцу давали только землю; когда, съ Уложенiемъ, крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, владѣлецъ, получившiй помѣстную дачу, получалъ собственно поземельный оброкъ съ прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ. Когда поземельное прикрѣпленiе превратилось въ крѣпостную личную зависимость, пожалованiе получило другой характеръ. Помѣстная раздача прекратилась съ Петра, такъ какъ помѣстья и вотчины смѣшались въ одинъ родъ землевладѣнiя. Теперь, слѣдовательно, человѣкъ, получившiй населенную землю, получалъ во владѣнiе рабочiя руки вмѣстѣ съ землей, на которой онѣ работали.

Эти пожалованiя совершались по различнымъ побужденiямъ. Земли съ крестьянами жаловались за государственныя заслуги, даже просто за службу, на ряду съ денежнымъ жалованьемъ или какъ пополненiе жалованья. Такъ, напр., по указу 1737 г. правительство, желая прикрѣпить къ службѣ на горныхъ казенныхъ заводахъ офицеровъ-техниковъ, назначило офицерамъ

изъ дворянъ, въ пополненіе къ денежному жалованью, по 10 крестьянскихъ дворовъ, что равнялось приблизительно тогдашнимъ 40 душамъ; офицерамъ изъ разночинцевъ, не дворянамъ, вполовину меньше, но съ тѣмъ, чтобы эти офицеры и ихъ дѣти оставались всегда на заводахъ служить. Такимъ образомъ, и служба при заводѣ, какъ и владѣніе пожалованными дворами, становилась наслѣдственной. Далѣе, земли съ крестьянами раздавались по разнымъ менѣе уважительнымъ причинамъ; напр., на крестъ, или «на зубокъ новорожденному», «для увеселенія», какъ выражалась грамота графу Румянцеву, на столъ и т. п. Каждая война сопровождалась раздачей населенныхъ земель массами; каждая побѣда обходилась русскому обществу въ извѣстное количество крѣпостныхъ душъ. Но особенно часты и значительны были пожалованія по фавору, по «случаю», т. е. любимцамъ. Эти любимцы, случайные люди, часто очень бѣдные, получали обширныя земли съ множествомъ крестьянскихъ душъ; крупнѣйшія состоянія XVIII вѣка образовались путемъ именно такихъ пожалованій. Въ царствованіе Петра роздано болѣе 177 т. крестьянъ, и это было сравнительно немного съ позднѣйшими пожалованіями: князь Меньшиковъ, сынъ дворцоваго конюха, завершилъ свою государственную службу землевладѣльцемъ, имѣвшимъ до 100 т. крестьянъ; извѣстный графъ Разумовскій, простой казакъ, тоже сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ путемъ пожалованій, онъ также владѣлъ сотнею тыс. душъ. Даже казаки, женившіеся на сестрахъ Разумовскаго, на дочеряхъ извѣстнаго въ Малороссіи Разумовскаго, содержателя питейнаго заведенія, сдѣлались землевладѣльцами. Зятьями Разумихи были: ткачъ Будлянскій, портной Закревскій; у сына Будлянскаго въ царствованіе Екатерины было три тысячи душъ крестьянъ, пріобрѣтенныхъ путемъ пожало-

ванія отцу. Каждое вступленіе на престолъ, обыкновенно соединенное съ переворотомъ, также сопровождалось щедрыми раздачами населенныхъ имѣній. Вступленіе Екатерины II на престолъ стоило государству 18 т. душъ, розданныхъ разнымъ сподвижникамъ дѣла. Вступленіе на престолъ Императора Павла сопровождалось раздачей до 100 милл. десятинъ земли съ 100 т. крестьянъ—вотъ во что обошелся одинъ день 5 апрѣля 1797 г., когда короновался Павелъ. Особенно щедро раздавала землю Екатерина своимъ фаворитамъ, офицерамъ и не офицерамъ. Потемкинъ, бѣдный смоленскій дворянинъ, который въ молодости мечталъ составить карьеру путемъ монашества, говорятъ, имѣлъ въ концѣ своей дѣятельности до 200 тысячъ душъ, пріобрѣтенныхъ преимущественно путемъ пожалованія. Теперь приведены въ извѣстность неполныя цифры крестьянъ, розданныхъ Екатериной въ частное владѣніе, преимущественно изъ дворцовыхъ; цифра эта достигаетъ 400 тысячъ ревизскихъ душъ, слѣдовательно, до милліона людей всѣхъ возрастовъ. Нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы сосчитать, въ какой степени увеличилось крѣпостное населеніе въ государствѣ путемъ обоихъ указанныхъ средствъ, приписки и пожалованья. Но несомнѣнно, что къ концу XVIII в. Россія была несравненно болѣе крѣпостной, чѣмъ какой она была въ началѣ столѣтія.

Теперь обратимся ко второму процессу—къ качественному развитію права, т. е. къ ходу усиленія помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми. Это очень трудный историко-юридическій вопросъ. Что такое крѣпостное право и какъ оно сложилось? Какъ возникла и опредѣлилась власть помѣщика надъ крѣпостными людьми? Отвѣтить на это довольно трудно по извѣстнымъ намъ даннымъ. Если бы спросить объ этомъ

людей XVIII в., знающихъ законы и отечественную исторію, они были бы затруднены не менѣе насъ. Законъ нигдѣ не постановлялъ прямо, какую власть имѣетъ землевладѣлецъ надъ крѣпостными людьми. Слѣдовательно, надо брать фактическія явленія, чтобы составить себѣ понятіе о крѣпостномъ правѣ. Власть помѣщика, по закону, слагалась изъ двухъ элементовъ, согласно съ двоякимъ значеніемъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Дворяне-землевладѣльцы по отношенію къ своимъ крестьянамъ были: во-первыхъ, отвѣтственными полицейскими, финансовыми управителями, обязательно наблюдающими за порядкомъ между крестьянами и собирающими съ нихъ казенныя подати, во-вторыхъ, землевладѣльцами, которые облагали жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ оброкомъ за землю, которой тѣ пользовались. Оба эти значенія землевладѣльцевъ-дворянъ можно опредѣлить по закону. Но къ этимъ двумъ элементамъ власти, элементу полицейско-правительственному и элементу землевладѣльческому, присоединялись и нѣкоторые другіе. Такъ, напр., землевладѣлецъ, какъ полицейскій надзиратель, судилъ своихъ крестьянъ и наказывалъ за проступки; это былъ старинный обычай, признанный древне-русскимъ законодательствомъ—что съ землевладѣніемъ соединялась извѣстная юрисдикція, право суда надъ крестьянами, обрабатывавшими землю; здѣсь землевладѣлецъ являлся судебнымъ органомъ правительства. Но въ XVII столѣтіи помѣщичья юрисдикція ограничивалась собственно крестьянскими дѣлами гражданскаго характера, не простираясь на дѣла уголовныя; притомъ, крестьяне могли жаловаться на незаконное обращеніе землевладѣльцевъ съ ними; о правѣ жалобы говоритъ прямо подъячій XVII в., Котошихинъ—надобно думать—хорошо знавшій правительственные и судебные порядки. Далѣе, крестьяне по Уложенію были

прикрѣплены къ землѣ, и такъ какъ множество земли не принадлежало помѣщику на правѣ полной собственности, то ясно, что законъ не отдавалъ и жившихъ на этихъ земляхъ крестьянъ въ частную собственность землевладѣльцу. Но мы видѣли, что вскорѣ послѣ Уложенія начались уклоненія отъ установленнаго порядка отношеній землевладѣльца къ крестьянамъ. И само Уложеніе часто оправдывало эти уклоненія; какъ мы знаемъ, оно непослѣдовательно проводило принципъ поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ. Въ интересахъ казны законъ запрещалъ отрывать крестьянъ отъ земли, переводить изъ помѣстья въ вотчину; многіе землевладѣльцы всѣхъ бы крестьянъ своихъ перетаскали съ своихъ временныхъ владѣній на свои наслѣдственныя земли. Но обратнаго перехода крестьянъ Уложеніе не запрещало, какъ и не запрещало отпускать вотчинныхъ крестьянъ на волю, запрещая только отпускать на волю крестьянъ помѣстныхъ. Ужъ если прикрѣплялся крестьянинъ къ землѣ, то, слѣдовательно, прикрѣплялся какъ къ помѣстью, такъ и къ вотчинѣ. Такимъ образомъ, вотчинники получали право обезземеливать крестьянъ, отпуская ихъ на волю; въ XVII в. это было бы хозяйственной тупостью, но въ XVIII в. положеніе дѣлъ измѣнилось. Съ другой стороны, какъ то незамѣтно, что трудно даже прослѣдить по актамъ, вскорѣ послѣ Уложенія крестьянъ стали мѣнять, продавать безъ земли, какъ будто законъ и не прикрѣплялъ ихъ къ землѣ, какъ будто они были лично крѣпостными холопами. Правительство даже стало признавать такую незаконную продажу, и Петръ засталъ такое положеніе дѣлъ въ селѣ, что даже не нашелъ возможнымъ прекратить продажу крестьянъ не только безъ земли, но и въ разбивку съ семействомъ. Въ инструкціи Сенату 1721 г. Петръ внушалъ сенаторамъ, чтобы

они при составленіи новаго уложенія приняли мѣры пресѣченія этихъ продажъ безъ земли, «буде же это невозможно, то запретить, по крайней мѣрѣ, продажу въ розницу, какъ продаютъ скотъ», т. е. Петръ выразилъ только свое отчаяніе поправить положеніе дѣлъ, ибо, несмотря на свое значеніе, какъ законодателя, онъ совѣтовалъ, а не приказывалъ. Да и самъ Петръ незадолго передъ тѣмъ косвенно поддержалъ торговлю крестьянами безъ земли; въ 1720 г. указомъ онъ разрѣшилъ купечеству и другимъ вольнымъ людямъ не изъ шляхетства вмѣсто себя ставить въ военную службу подставныхъ рекрутовъ, для того покупая людей. Дворянство, особенно мелкопомѣстное, пользуясь этимъ указомъ, устроило настоящую торговлю рекрутами, которая стала очень выгодной операціей ихъ сельскаго хозяйства. Въ такомъ положеніи оставилъ дѣло Петръ. Ревизія его не опредѣлила точнѣе отношеніе обоихъ классовъ; въ указѣ о ревизіи обезпечивались казенные интересы, т. е. опредѣлялись только тѣ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, которыя касались этихъ интересовъ; юридическая сторона дѣла не занимала Петра. Вотъ почему въ указѣ мы не находимъ опредѣленія ни границъ власти помѣщика надъ крестьянами, ни тяжести повинностей послѣднихъ по отношенію къ первымъ. Но въ указѣ, который Петръ формулировалъ вообще на-спѣхъ, неточно, встрѣчаемъ выраженія, которыя могли подать поводъ къ широкимъ притязаніямъ помѣщиковъ. Указы о ревизіи не отдавали крестьянъ въ собственность владѣльцамъ, не дѣлали ихъ сельскохозяйственнымъ инвентаремъ послѣднихъ, наравнѣ со скотомъ, рабочими орудіями и т. д.; однако указъ гласилъ, что всѣмъ попавшимъ въ ревизскія сказки «быть вѣчно за тѣмъ, за кѣмъ записаны», что «владѣльцамъ владѣть ими вѣчно». *На основаніи*

этихъ неопредѣленныхъ указовъ первой ревизіи и развивается широкая власть землевладѣльцевъ надъ крестьянами. Она развивается въ двухъ направленіяхъ: 1) постепенно усиливается власть помѣщика надъ личностью крѣпостного; 2) постепенно расширяется право землевладѣльца на хозяйственныя сбереженія крѣпостныхъ.

Теперь прослѣдимъ ходъ того и другого процесса съ начала первой ревизіи до Екатерины II, а потомъ въ царствованіе послѣдней.

Разберемъ первый процессъ. Какъ мы знаемъ, еще въ XVII в. землевладѣлецъ имѣлъ право судить и наказывать крестьянъ. Со введеніемъ подушной подати къ этому присоединилось и право полицейскаго надзора надъ крестьянами. Законодательство XVII в. не опредѣляло точно границы власти помѣщика надъ личностью крестьянина; но и законодательство XVIII в. также не заботилось объ этомъ опредѣленіи предѣловъ помѣщичьей юрисдикціи. Легко видѣть основаніе, на которомъ держалась судебно-полицейская власть помѣщика; этимъ основаніемъ было правительственное порученіе. Правительство нашло удобнѣйшимъ сдѣлать помѣщика судьей и полицейскимъ наблюдателемъ надъ крестьянами и только. Разумѣется, это порученіе по смыслу своему не отдавало крестьянъ въ собственность землевладѣльца, не уничтожало личныхъ правъ его, какъ судья въ наше время не уничтожаетъ нашихъ личныхъ правъ. Вотъ почему еще въ концѣ XVII в., какъ и въ началѣ XVIII, крестьянинъ признавался лично свободнымъ, имѣющимъ право собственности, распоряжающимся ею по своему усмотрѣнію. При Петрѣ, какъ и при его ближайшихъ предшественникахъ, крестьянинъ имѣлъ право наниматься на работу къ чужому землевладѣльцу, занимать деньги подъ обезпеченіе своего имущества, брать на себя казенные подряды. Все это было бы не-

возможно, если бы за крестьяниномъ не признавалось право собственности на его имущество.

Но требованія полицейскаго порядка рано стали стѣснять право крестьянъ распоряжаться своимъ трудомъ и имуществомъ. Свободный уходъ крестьянина для работы на сторонѣ могъ иногда принимать видъ бѣгства, если онъ совершался безъ согласія землевладѣльца. Этотъ побѣгъ могъ лишить и казну плательщика, если бы послѣдній скрылся невѣдомо куда. Вотъ почему правительство уже въ XVII в. стало требовать, чтобы крестьяне уходили отъ землевладѣльца на работу на сторону съ какимъ нибудь свидѣтельствомъ, съ отпускными билетами, такъ чтобы наниматель ихъ не былъ «пріемщикомъ бѣглыхъ», т. е. не принялъ бы бѣглаго крестьянина на свою работу. При царѣ Ѳеодорѣ и послѣ стали требовать, чтобы крестьяне, уходя на сторону, брали съ собой либо *поручныя записи*, въ которыхъ было засвидѣтельствовано, что они не бѣжали, а уходили на работу и воротятся на родину, либо *кормежныя памяти*, какъ назывались отпускные билеты, выдаваемые помѣщиками крестьянамъ. «Кормежная память» — своего рода паспортъ, въ которомъ значилось, что крестьяне уходятъ работать на сторону, чтобы кормиться. При Петрѣ постановлено было, чтобы всякій крестьянинъ, отлучившійся изъ вотчины или помѣстья, бралъ съ собой выданный землевладѣльцемъ паспортъ.

Далѣе, помѣщикъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ семейную жизнь крестьянина; но семейныя отношенія крестьянъ были тѣсно связаны съ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ, а хозяйственное положеніе близко касалось землевладѣльца, на землѣ котораго жили крестьяне. Сынъ крестьянина, напримѣръ, достигалъ возраста, когда онъ могъ жить своимъ особымъ хозяйствомъ, т. е. быть особой платежной единицей, но онъ не хотѣлъ жениться,

обзавестись семьей; помѣщикъ въ такомъ случаѣ понуждалъ его стать семьяниномъ и основать особый дворъ. Это было выгодно и казнѣ, которая въ отдѣлившейся силѣ получала новую податную единицу, при господствовавшемъ подворномъ обложеніи. Отсюда понемногу утвердился обычай, въ силу котораго семейная жизнь крестьянъ становилась подъ надзоръ помѣщика вмѣстѣ съ жизнью хозяйственной. Въ XVIII в. помѣщики присваиваютъ себѣ право женить своихъ крестьянъ, на женитьбу стало требоваться разрѣшеніе землевладѣльца. Дѣвица, выходя замужъ за крестьянина другого помѣстья или вотчины, должна была получать увольнительное свидѣтельство отъ своего прежняго владѣльца, который за это бралъ деньги.

Дальше, судебная и полицейская власть помѣщика не дѣлала крестьянина его собственностью, не давала ему права располагать имъ, какъ другими статьями своего хозяйства, напр., земледѣльческими орудіями, рабочимъ скотомъ; но законъ позволялъ помѣщику за его крестьянина, убитаго крестьяниномъ другого помѣщика, брать съ послѣдняго въ видѣ вознагражденія либо убійцу, либо другого крестьянина. Это было формой вознагражденія имущественнаго вреда, нанесеннаго владѣльцу, но легко понять, что здѣсь крестьянинъ становился въ положеніе рабочаго скота, и законъ давалъ поводъ смотрѣть на него, какъ на собственность. *Благодаря этому смѣшенію различныхъ отношеній, т. е. смѣшенію правъ собственника-землевладѣльца и правъ правительственнаго судебно-полицейскаго агента, въ XVIII в. и развились широкія притязанія землевладѣльца на личность крестьянина.* До Петра, какъ прямо говоритъ законъ, помѣщикъ судилъ крестьянъ только въ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ и не имѣлъ права судить и наказывать ихъ, напр., въ дѣлахъ уголовныхъ. По Уло-

женію, если помѣщикъ убивалъ своего крестьянина, совершившаго разбой, не представивъ его въ губной судъ, онъ лишался помѣстья и платилъ вознагражденіе за вредъ, причиненный разбойникомъ; если это совершалъ служилый человѣкъ, безпомѣстный, то его, по закону, били кнутомъ и изъ имущества также вознаграждали потерпѣвшихъ отъ разбоя. Въ XVIII вѣкѣ землевладѣльцы, какъ правительственные уполномоченные, начинаютъ присваивать себѣ и уголовную юрисдикцію надъ крестьянами, примѣняя широкое право наказывать крестьянъ за ихъ проступки и преступленія. Въ 1727 г. отмѣнено было важное право дворовыхъ людей поступать въ военную службу, не спрашиваясь у своихъ господъ; теперь дворовый человѣкъ не могъ безъ позволенія господина записаться въ военную службу; кто просилъ объ этомъ безъ разрѣшенія господина, того велѣно жестоко наказывать и возвращать владѣльцу. При Елисаветѣ расширено право помѣщиковъ наказывать крестьянъ; по указу 1760 г. помѣщикъ могъ за «продерзостные проступки» сослать своего крѣпостного на поселеніе въ Сибирь. Это право предоставлено было, впрочемъ, изъ казеннаго соображенія: этимъ путемъ хотѣли усилить колонизацію Сибири. Законъ прямо говорилъ, что «этого и государственные интересы требуютъ, понеже въ Сибири есть многія хлѣбопашеству и поселенію удобныя мѣста». Это право, впрочемъ, обставлено было извѣстными условіями. Такъ, помѣщикъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію, т. е. ссыльный являлся какъ рекрутъ, исполняющій невольно государственную повинность; ссылать можно было на поселеніе здоровыхъ работниковъ не старше 45 лѣтъ, иначе помѣщикъ всѣхъ старыхъ отправлялъ бы въ Сибирь и получалъ бы за нихъ рекрутскія квитанціи. Далѣе, по церковному закону, жена была неразлучна съ мужемъ и должна была слѣ-

довать за нимъ въ Сибирь; но малолѣтнія, не отдѣлившіяся дѣти могли быть оставлены помѣщикамъ, разлучены съ родителями. Если помѣщикъ отпускалъ ихъ со ссыльными, онъ получалъ за это вознагражденіе по установленной таксѣ, которая, очевидно, должна была служить косвеннымъ побужденіемъ для помѣщика отпускать и малолѣтнихъ дѣтей. Выгода, представляемая этимъ закономъ помѣщику, была не особенно велика: онъ лишался рабочей семьи. Далѣе, ссыльный въ Сибири становился свободнымъ и не могъ быть возвращенъ изъ ссылки господиномъ. Вотъ почти все, что находимъ въ законодательствѣ XVIII в. о власти помѣщика на личность крестьянина.

Теперь разсмотримъ право землевладѣльца распоряжаться крестьянскимъ трудомъ. По Уложенію, крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ, содержитъ своего землевладѣльца, обязаннаго къ постоянной государственной службѣ, къ военной повинности; но Уложеніе уже допускаетъ случаи, когда крестьянинъ могъ быть оторванъ отъ земли. Вслѣдствіе этой нетвердости закона, уже до Петра развилось широкое право свода и продажи крестьянъ, т. е. право переселять крестьянина изъ одного имѣнія въ другое и отчуждать ихъ отдѣльно отъ земли, посредствомъ мѣны, продажи, завѣщанія. Въ концѣ XVII в. крестьянина перевозятъ уже безъ всякаго стѣсненія со стороны правительства. При Петрѣ своз ъеще былъ обставленъ стѣснительными условіями, вызванными казенными интересами. Такъ, желавшій переселять крестьянъ, подавалъ о томъ прошеніе въ Камеръ-Коллегію, въ вѣдомство государственныхъ доходовъ; Коллегія разрѣшала перевозъ, но съ условіемъ, чтобы помѣщикъ за свезенныхъ платилъ подушную подать до новой ревизіи по старому ихъ мѣстожительству.

Эти стѣсненія были уничтожены при Петрѣ III сенатскимъ указомъ 1762 г. «Изобрѣтая, къ удовольствію владѣльцевъ, легчайшій способъ», Сенатъ предоставилъ имъ право перевозить крестьянъ, подавая о томъ лишь простое заявленіе въ мѣстныя учрежденія, не обращаясь къ центральной Камеръ-Коллегіи.

Наиболѣе тяжелый характеръ сообщали крѣпостному праву продажи крестьянъ безъ земли и въ розницу; этотъ обычай всего болѣе дѣлалъ крѣпостныхъ похожими на рабовъ. Право это, или скорѣе обычай, былъ широко развитъ до Петра I, и какъ онъ развился, какіе интересы его вызвали и укоренили, сказать довольно трудно. Однако, Петръ считалъ себя безсильнымъ искоренить этотъ обычай и, какъ уже было замѣчено, въ инструкціи Сенату 1721 г. только *совѣтовалъ* ввести въ новое уложеніе постановленіе, которое бы стѣснило право продавать крестьянъ безъ земли и въ розницу, дѣтей отдѣльно отъ родителей. Послѣ Петра вплоть до Екатерины II не видимъ ни одного указанія, которое было бы направлено противъ этого обычая. Крестьянъ продаютъ безъ земли, разбивая семейства, безъ всякаго возраженія со стороны правительства.

Мы видѣли, что еще при Петрѣ I крестьянинъ признавался собственникомъ своего имущества, которымъ онъ могъ располагать независимо отъ владѣльца. Послѣ Петра это право крестьянина на свое имущество практически стѣсняется владѣльцемъ, но не опредѣляется законодательствомъ. Самовольное распоряженіе имуществомъ, напр., сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, могло часто затрагивать интересы землевладѣльца, который поэтому вмѣшивался въ нѣкоторыя хозяйственныя операціи крестьянъ. Но законодательство не опредѣляло границы, на которой можно было остановить это вмѣшательство землевладѣльца въ хозяйственныя дѣла

крестьянъ. Точно также не было никогда опредѣлено закономъ, какое количество крестьянскаго труда можетъ землевладѣлецъ требовать съ крестьянина въ свою пользу за землю, которую обрабатывалъ крестьянинъ. До Петра это было предоставлено борьбѣ спроса и предложенія; крестьянинъ предлагаетъ свой трудъ, землевладѣлецъ предлагаетъ землю. Обоюднымъ соглашеніемъ и опредѣлялось количество повинностей и платежей, какіе падали на крестьянина за пользованіе чужой землей. Такъ какъ землевладѣльцы нуждались въ рабочихъ рукахъ, то во многихъ мѣстахъ складывались очень льготныя для крестьянъ хозяйственныя отношенія къ землевладѣльцу. Если землевладѣлецъ былъ слишкомъ требователенъ, то крестьяне бѣжали; у правительства было слишкомъ мало полицейскихъ средствъ мѣшать этимъ побѣгамъ. Всѣмъ этимъ устанавливались сносныя отношенія между обѣими сторонами.

Въ XVIII в. положеніе дѣла измѣняется. Теперь нужно было болѣе точное опредѣленіе помѣщичьяго права на крестьянскій трудъ, особенно послѣ измѣненія системы прямыхъ налоговъ, т. е. со введеніемъ подушной подати. Однако ни при Петрѣ, ни послѣ законодательство даже не ставило вопроса о томъ, сколько платить или работать долженъ крестьянинъ на помѣщика за его землю; какъ мы увидимъ, въ первый разъ правительство попыталось опредѣлить эти отношенія лишь въ царствованіе Павла. Точно также законодательство XVIII в., какъ и законодательство XVII в., ничего не говоритъ объ обязательномъ земельномъ обезпеченіи крестьянъ землевладѣльцемъ; не было закона, который бы указывалъ, какой участокъ земли и угодій обязанъ землевладѣлецъ отводить крестьянамъ.

Въ старой Руси не было нужды въ такомъ опредѣленіи; помѣщикъ, какъ и правительство, былъ бы радъ, если бы крестьянинъ попросилъ у него больше земли для обработки; но крестьяне, которые платили прежде съ земли, старались обрабатывать какъ можно меньше пашни, чтобы платить меньше налоговъ. Правительство, зная, что ни у него, ни у помѣщика нѣтъ средствъ заставить крестьянина пахать много, не вмѣшивалось въ это дѣло. Крестьянинъ бралъ себѣ участокъ по силамъ, обрабатывалъ его и пользовался обширными угодьями, лѣсными и луговыми, которыми мало дорожилъ землевладѣлецъ. Такой порядокъ дѣлъ будетъ совершенно понятенъ, если припомнить, что въ огромномъ большинствѣ частныхъ имѣній XVI и XVII в. развѣ одна десятая доля земли обрабатывалась; встрѣчались имѣнія, въ которыхъ обрабатывалась меньшая доля, напр., одна двадцатая; встрѣчалось множество имѣній, въ которыхъ не обрабатывалось ни одной десятины. Но въ XVIII в. была принята важная мѣра, служившая косвеннымъ побужденіемъ для крестьянъ пахать больше,—подушная подать, которая, оставаясь однообразною для крестьянъ (все равно много ли, или мало они пахали), разумѣется, заставляла ихъ пахать больше. Итакъ, вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею даже не возникалъ въ продолженіе XVIII в.

Разсмотрѣвъ существенныя стороны отношеній землевладѣльца къ крестьянамъ, мы находимъ, что законодательство игнорировало ихъ, не ставило для нихъ точныхъ опредѣленій. Законодательство опредѣляло лишь одну сторону этихъ отношеній—ту, которой крестьяне были обращены къ казначейству. Оно старалось опредѣлить отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ настолько, чтобы этимъ опредѣленіемъ

обезпечивался казенный интересъ, чтобы исправно собиралась подушная подать съ крѣпостныхъ людей. Поэтому въ законодательствѣ Петра, какъ и его преемниковъ до Екатерины II, встрѣчаются частныя указанія разрѣшеній отдѣльныхъ затрудненій, особенно для казны, возникавшихъ изъ отношеній обѣихъ сторонъ сельскаго общества; но правительство не ставило общихъ основаній, не вносило въ сельскія отношенія права. Поэтому, на вопросъ, создано ли было закономъ крѣпостное право, какъ мы его знаемъ, надо отвѣтить: нѣтъ. Законъ не выражалъ прямо всѣхъ тѣхъ правъ землевладѣльца на крестьянъ, которыя входятъ въ составъ крѣпостного права. Законодательство нигдѣ не признавало крестьянъ простою частною собственностью землевладѣльца; оно и не могло признать за нимъ такого значенія, потому что крестьяне были государственными плательщиками. Значитъ, если бы мы спросили, существовало ли крѣпостное право по закону около половины XVIII в.,—мы должны были бы сказать: нѣтъ. Нельзя собрать въ памятникахъ законодательства достаточнаго основанія и для другого отвѣта; законъ нигдѣ прямо не признавалъ землевладѣльцевъ частными собственниками своихъ крестьянъ, хотя и предоставлялъ имъ, какъ правительственнымъ орудіямъ и полицейскимъ наблюдателямъ, широкую власть надъ крестьянами.

Между тѣмъ съ начала царствованія Екатерины мы встрѣчаемъ въ правительственной сферѣ рядъ неожиданностей. Екатерина въ Наказѣ своемъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что «не можетъ земледѣліе тамъ процвѣтать, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго». Екатерина разумѣла крестьянъ, т. е. крестьяне, по ея взгляду, не имѣли права собственности. Какъ это случилось? Когда законъ объявилъ имущество крестьянъ собственностью землевладѣльца? Никогда. А между тѣмъ

Екатерина признаетъ фактъ; она хочетъ сказать, что въ ея время имущество крестьянъ принадлежитъ землевладѣльцамъ. Она скорбитъ объ этомъ давно; но отчего она не попытается справиться, на чемъ основанъ такой порядокъ, не пошлетъ порыться въ старыхъ законахъ, гдѣ имущество крестьянъ объявлено было собственностью землевладѣльцевъ. Не сдѣлавъ этой справки, она только старается предотвратить вредныя послѣдствія этого факта. Въ томъ же Наказѣ она замѣчаетъ, что «законъ можетъ сдѣлать нѣчто полезное и для собственнаго рабовъ имущества». Она хочетъ сказать, что законъ можетъ нѣсколько оградить право рабовъ надъ имуществомъ; подъ этими рабами разумѣлись крѣпостные люди, какъ дворовые, такъ и крестьяне. Какимъ образомъ могло случиться, что крестьяне стали называться рабами? Рабъ, по древне-русскому праву,— частная собственность господина и, какъ таковая собственность, не несетъ на себѣ никакихъ государственныхъ повинностей; лошадь не платитъ подати, такъ не платитъ ея и рабъ. Но крестьяне платятъ подать, составляютъ массу арміи, защищаютъ государство; какимъ образомъ носительница верховной власти называетъ этихъ государственныхъ дѣятелей рабами? Очевидно, она опять признавала фактъ: рабами считали крестьянъ въ общежитіи. Комиссіи 1767 г. представленъ былъ наказъ отъ Юстицъ-Коллегіи, въ которомъ выражалось желаніе, чтобы изданъ былъ точный законъ о томъ, какъ поступать съ помѣщикомъ, отъ побоевъ котораго умеръ крестьянинъ. Мы опять съ изумленіемъ спрашиваемъ: развѣ не было такого закона, что вѣдомство юстиціи требуетъ новаго? Въ XVII в., по Уложенію и по другимъ законамъ, за убійство крестьянина землевладѣлецъ наказывался такъ же, какъ за убійство всякаго вольнаго человѣка. Какимъ образомъ

могло случиться, что одно и то же преступленіе иначе вмѣнялось землевладѣльцу? Далѣе, одинъ изъ депутатовъ комиссіи, говоря о положеніи крестьянъ, требовалъ, между прочимъ, чтобы признано было за крестьянами нѣкоторое право собственности на пріобрѣтаемое ими имущество. Новая неожиданность! Еще при Петрѣ крестьянинъ признавался способнымъ брать казенные подряды, т. е. отвѣчать передъ казной собственнымъ имуществомъ. Какимъ образомъ въ законодательномъ собраніи никто не возразилъ, что законъ никогда не отмѣнялъ этого права, что поэтому нѣтъ надобности законодательству признавать крестьянъ правоспособными? Значитъ, на дѣлѣ они давно перестали быть правоспособными.

Таково было положеніе дѣлъ. Когда законодательство, съ начала царствованія Екатерины, стало думать объ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, вдругъ *оказалось, что крестьяне составляютъ частную собственность землевладѣльцевъ. Это совершилось безъ дѣйствія правительства, помимо дѣйствующаго закона.*

Теперь мы и подошли прямо къ вопросу о томъ, какъ и изъ какого источника развилось крѣпостное право, какъ оно получило тотъ складъ, въ какомъ перешло изъ XVIII в. въ XIX в.

Повторимъ юридическое опредѣленіе крѣпостного права, какое можно сдѣлать на основаніи законодательства до половины XVIII в. Это право слагалось изъ двухъ элементовъ: во-1) изъ власти помѣщика надъ крестьянами, какую онъ имѣлъ какъ судебно-правительственный уполномоченный; эта власть не была его собственностью, а была слѣдствіемъ правительственныхъ порученій; во-2) оно слагалось изъ права помѣщика, какъ землевладѣльца, на трудъ крестьянина, пользовавшагося его землею; это право было такою же собственностью

помѣщика, какъ и самая земля, какъ всякая статья помѣщичьяго хозяйства. Значитъ, личность крестьянина не была по закону собственностью землевладѣльца, потому что всѣ права на эту личность вытекали изъ правительственныхъ порученій; такимъ образомъ, собственностью землевладѣльца оставалась часть крестьянскаго труда, служившаго землевладѣльцу вознагражденіемъ за землю, какую онъ уступалъ въ пользу крестьянина, но то была лишь часть труда, потому что тотъ же трудъ принадлежалъ и государству, которое съ него получало доходъ въ видѣ подушной подати.

На практикѣ нужно строго различать эти два рода отношеній: отношеніе землевладѣльца къ личности крестьянина и его отношеніе къ труду послѣдняго. Въ общежитіи, однако, люди рѣдко различаютъ столь тонко свои отношенія; въ такомъ случаѣ на помощь имъ должно приходить законодательство; оно должно настойчиво обозначать и поддерживать различныя людскія отношенія. Русское же законодательство до половины XVIII в. не давало общежитію никакой помощи, оставляя множество отношеній между обѣими сторонами неопредѣленными, т. е. предоставляя опредѣлить ихъ самимъ этимъ сторонамъ. Легко замѣтить, что сильнѣйшая сторона должна была опредѣлить ихъ въ свою пользу. Отношенія землевладѣльца къ крестьянину опредѣлялись согласно съ привычками и пріемами, какіе выработались древне-русскимъ землевладѣніемъ. Извѣстно, что древне-русское землевладѣніе, при существованіи вольнаго крестьянскаго труда, держалось на рабовладѣніи; основаніемъ его были рабы, посаженные на пашню. Это были наиболѣе прочные хлѣбопашцы въ имѣніи древне-русскаго вотчинника. Пріемы и привычки, сложившіеся въ землевладѣльческой средѣ подъ вліяніемъ рабовладѣнія, теперь были перенесены

и на крестьянъ. Иныхъ привычекъ и пріемовъ не было у землевладѣльцевъ; иные пріемы должно было бы воспитать законодательство, а законодательство само предоставляло выработку подробностей въ этихъ отношеніяхъ землевладѣльцамъ; понятно, что они, предоставленные самимъ себѣ, не воспитываемые законодательствомъ, старались стать въ такое отношеніе къ крестьянамъ, въ какомъ ихъ предки XV и XVI в. стояли къ рабамъ, своимъ холопамъ.

Отсюда съ начала XVIII в. мы видимъ двоякое движеніе, которое тянуло крестьянъ въ разныя стороны. Съ введеніемъ подушной подати, правительство, распространивъ государственныя повинности и на бывшихъ холопей, старалось послѣднихъ приблизить къ крестьянамъ, облагая тѣхъ и другихъ одинаковой подушной податью; съ другой стороны, землевладѣльцы, согласно съ воспитанной въ продолженіе вѣковъ привычкой, старались крестьянина приблизить къ холопу, чтобы распоряжаться одинаково тѣмъ и другимъ, какъ своею собственностью; правительство тянуло сельское населеніе въ одну сторону, землевладѣлецъ—въ другую.

Теперь ясна задача, которую предстояло разрѣшить Екатеринѣ. Она должна была прекратить эту вредную борьбу двухъ силъ, которыя тягались между собой за сельское населеніе; она должна была точно опредѣлить, на какой границѣ останавливаются права землевладѣльца, и гдѣ начинаются права государственныя. Повидимому, приближенные къ Екатеринѣ люди настойчиво указывали ей на необходимость дать законодательству такое направленіе, и она сама сочувствовала этимъ внушеніямъ. Въ первые годы царствованія ее занимала мысль о лучшемъ устройствѣ сельскаго населенія. Когда въ комиссіи 1767 г. послышались рабовладѣльческія притязанія, когда нѣкоторые депу-

таты потребовали права владѣть крѣпостными для духовенства, для казачества, для купечества, эти требованія выводили Екатерину изъ себя; она была возмущена этими рабовладѣльческими поползновеніями, ее раздражала мысль о томъ, какъ трудно будетъ дать правильное разрѣшеніе крѣпостному вопросу. Отъ того времени сохранилась маленькая ея записочка, въ такихъ, приблизительно, лаконическихъ выраженіяхъ: «Если крѣпостного нельзя персоною считать, слѣдовательно, онъ не человѣкъ; ну, такъ скотомъ извольте его называть, что къ немалой славѣ и человѣколюбію намъ приписано будетъ». Очевидно, эта записка вырвалась въ одну изъ тѣхъ патетическихъ минутъ, какія не разъ находили на Екатерину.

Вліятельные люди, стоявшіе близко къ Екатеринѣ, съ первыхъ лѣтъ ея царствованія настаивали на необходимости внести точное законодательное опредѣленіе въ отношенія землевладѣльца къ крѣпостнымъ людямъ. Генералъ Петръ Панинъ, братъ извѣстнаго намъ Никиты Панина, въ 1763 г. представилъ Екатеринѣ записку, гдѣ говорилось о томъ, что помѣщики обременяютъ крестьянъ непосильными сборами и работами, что правительство должно точно опредѣлить количество платежей и повинностей крестьянина въ пользу землевладѣльца. Панинъ даже предложилъ и норму этихъ платежей и повинностей; по его мнѣнію, надо выработать проектъ положенія о крестьянахъ, по которому помѣщикъ могъ требовать съ крестьянина работы не больше 4-хъ дней въ недѣлю или же оброка въ размѣрѣ 2-хъ рублей съ ревизской души. Панинъ только боялся, какъ бы обнародованіе этого положенія не взволновало крестьянъ несбыточной надеждой; потому онъ совѣтовалъ такой проектъ сообщить по секрету губернаторамъ, которые бы передавали его, также

по секрету, помѣщикамъ своей губерніи. Другой видный администраторъ того времени, считавшійся образцовымъ и очень цѣнимый Екатериной, новгородскій губернаторъ Сиверсъ, человѣкъ степенный, не легкомысленный либералъ, также представилъ Екатеринѣ записку, въ которой писалъ, что помѣщичьи поборы и работы, которыми землевладѣльцы обременяютъ своихъ крестьянъ, превосходятъ всякое вѣроятіе; власть помѣщика надъ крестьяниномъ неограничена. Произволъ и жестокое обращеніе, по Сиверсу,—главныя причины чрезвычайнаго развитія крестьянскихъ побѣговъ. Пресѣченіе этихъ побѣговъ и заставило Сиверса, какъ администратора, подать Императрицѣ записку. Онъ также требовалъ точнаго законодательнаго опредѣленія крестьянскихъ платежей и повинностей въ пользу помѣщика. Значитъ, Екатерина могла найти опору и въ близкихъ людяхъ, если бы попыталась прійти на помощь запутавшимся отношеніямъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Слѣдуетъ сказать, что точное законодательное опредѣленіе этихъ отношеній вызывалось и справедливостью. Когда дворянство несло на себѣ обязательную ратную повинность, власть его надъ крестьянами имѣла нѣкоторое оправданіе; крестьянскія повинности въ пользу помѣщиковъ были для нихъ вознагражденіемъ за государственную повинность, падавшую на нихъ. *Манифестъ предшественника Екатерины (18 февраля 1762 г.), даровавъ вольность дворянству, снялъ съ него обязательную военную службу. Такимъ образомъ крѣпостное право лишалось основанія, становилось слѣдствіемъ безъ причины.*

Теперь возникалъ вопросъ, уцѣлѣетъ ли это право, или нѣтъ. Прежде, какъ бы ни была широка власть землевладѣльца надъ крестьяниномъ, она была правомъ, вы-

текавшимъ изъ государственной повинности дворянства; слѣдовательно, крѣпостное право имѣло своимъ основаніемъ государственный интересъ, крестьянинъ былъ обязательнымъ слугой землевладѣльца, какъ землевладѣлецъ былъ обязательнымъ слугой государства. Теперь если крѣпостное право будетъ удержано, оно измѣнитъ свой характеръ, такъ какъ крестьянинъ останется обязательнымъ слугой землевладѣльца, уже независимо отъ государственнаго интереса, т. е. превратится въ частную собственность помѣщика. Итакъ, одно рѣшеніе вопроса должно было бы отмѣнить или ослабить крѣпостное право; другое рѣшеніе должно было бы перевести его изъ области права государственнаго въ гражданское, т. е. превратить крестьянина изъ обязательнаго слуги землевладѣльца въ его частную собственность.

Законодательство Екатерины II о крѣпостномъ правѣ и его значеніе.

Изъ приведеннаго историческаго очерка развитія крѣпостного права видно, какія задачи предстояло разрѣшить законодательству Екатерины II въ вопросѣ объ отношеніяхъ крѣпостного населенія къ землевладѣльческому классу. Крѣпостной трудъ крестьянина былъ для дворянства средствомъ нести обязательную военную службу; слѣдовательно, съ прекращеніемъ этой повинности, должна была сама собой прекратиться раздача населенныхъ казенныхъ земель въ частное владѣніе. Далѣе, крѣпостной крестьянскій трудъ не весь былъ отданъ дворянамъ въ частное владѣніе: часть этого труда была обложена государственною податью; слѣдовательно, крестьянскій крѣпостной трудъ былъ въ совмѣстномъ владѣніи у по-

мѣщиковъ съ государствомъ. Поэтому законодательству предстояло провести точныя границы между правомъ помѣщика и властью государства.

Какъ разрѣшенъ былъ крестьянскій вопросъ въ царствованіе Екатерины? Она издала нѣсколько распоряженій, которыя устранили мелкія злоупотребленія землевладѣльцевъ; такъ, напр., она запретила приписывать въ крѣпостную зависимость незаконнорожденныхъ, которые въ прежнія ревизіи обыкновенно записывались за кѣмъ нибудь въ крѣпость. Однако, Екатерина не прекратила раздачи казенныхъ земель съ крестьянами въ частное владѣніе; напротивъ, она стала раздавать ихъ еще болѣе щедрой рукой, чѣмъ ея предшественники. Объ этихъ щедрыхъ раздачахъ уже говорилось въ историческомъ очеркѣ развитія крѣпостного права.

Кромѣ всего этого, Екатерина не устояла передъ условіями, которыя заставили ее даже расширить пространство, на которомъ дѣйствовало крѣпостное право, т. е. ввести его тамъ, гдѣ его не было. На окраинѣ государства крестьяне были въ другомъ положеніи. Такъ, на южной границѣ государства, въ такъ называемой тогда Слободской Украйнѣ (въ нынѣшнихъ губерніяхъ Харьковской, Курской, Воронежской и Екатеринославской), были тогда поселены мелкіе помѣщики, служилые люди, обязанные защищать границы; на ихъ земляхъ, какъ и на казенныхъ, осѣдали выходцы изъ Московскаго государства, искавшіе приволья. Въ Малороссіи населеніе состояло также изъ двухъ главныхъ слоевъ, изъ казачества и посполитаго крестьянства. Казаки были надѣлены землей на правѣ, близкомъ къ помѣстному праву, за что несли ратную повинность; по значенію своему они были очень близки къ мелкимъ помѣщикамъ Московскаго государства, превратившимся

потомъ въ однодворцевъ. Казаками, какъ военной силой, командовали военачальники, составлявшіе «казацкую старшину». Это были наиболѣе зажиточные изъ казаковъ, которые потому и были способны къ занятію начальническихъ должностей; ихъ можно было бы назвать казацкой знатью. Посполитые крестьяне, населявшіе либо казацкія, либо государственныя земли, находились совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ были наши крестьяне XVI в. до поземельнаго прикрѣпленія. Земли въ Малороссіи или принадлежали государству, или были въ пользованіи казаковъ и казацкихъ старшинъ. Казацкіе старшины рано, еще въ XVII в., стали обнаруживать дворянскія притязанія и старались превратить посполитыхъ крестьянъ, даже самихъ казаковъ въ своихъ крѣпостныхъ людей. Въ XVIII вѣкѣ, когда казацкая служба при регулярной арміи получила второстепенное значеніе въ государствѣ, казаки оставались уже безъ дѣла, не несли прежней ратной повинности. Какъ мелкіе землевладѣльцы, они, подобно нашимъ однодворцамъ, стали близко къ крестьянамъ, съ той только разницей, что владѣли землей на правѣ собственности. Русское правительство старалось сдерживать притязанія казацкихъ старшинъ, напр., запрещало покупать земли у казаковъ, мѣшать переселенію крестьянъ, т. е. поддерживало ихъ право перехода. До половины XVIII ст. крестьяне въ Малороссіи, какъ и на южной Слободской Украйнѣ, пользовались безпрепятственнымъ правомъ перехода. Гетманство Кирилла Разумовскаго, простого казака по происхожденію, во многомъ подготовило прикрѣпленіе и даже успѣхъ крѣпостного права въ Малороссіи. Онъ, какъ гетманъ, распоряжался полновластно въ Малороссіи и началъ раздавать государственныя земли во владѣніе своимъ родственникамъ и

друзьямъ, даже не спрашивая разрѣшенія у петербургскаго правительства. Въ XVIII вѣкѣ возможно еще было такое совмѣщеніе полновластія мѣстнаго правителя съ центральнымъ самодержавіемъ; гетманъ былъ полновластнѣй любого средневѣковаго рыцаря. Благодаря этой свободѣ, казенныхъ земель въ Малороссіи къ концу его гетманства, которое кончилось въ 1764 г., оставалось такъ немного, что не насчитывали и двухъ тысячъ дворовъ. Новые землевладѣльцы, разумѣется, стѣсняли крестьянъ правомъ перехода и просили правительство о прекращеніи его. Переходъ крестьянъ создавалъ затрудненія и для казны, т. е. дѣлалъ неисправнымъ платежъ податей. Для обезпеченія казеннаго интереса, Екатерина въ 1763 г. издала законъ, въ силу котораго крестьянинъ не могъ перейти къ другому землевладѣльцу, не получивъ письменнаго отпуска отъ прежняго; отпускныя свидѣтельства велѣно было выдавать безъ затрудненія; но легко понять, что землевладѣльцы старались воспользоваться этимъ правомъ, чтобы удержать крестьянъ на своей землѣ. Возникшія отсюда затрудненія повели къ тому, что въ 1783 г. изданъ былъ указъ, безусловно запрещавшій переходъ малороссійскихъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Какъ скоро изданъ былъ этотъ указъ, посполитые крестьяне и казаки, успѣвшіе продать свои земли, стали въ одинаковое положеніе съ великорусскими крѣпостными крестьянами. Потомъ этотъ порядокъ былъ распространенъ на Слободскую Украйну, а далѣе и на Донскую область, гдѣ крестьяне потеряли право перехода по указу Павла въ 1796 году. *Такимъ образомъ, при Екатеринѣ II весь югъ Россіи, гдѣ еще сохранилось вольное крестьянство, сталъ крѣпостнымъ краемъ.* Но и въ положеніи великорусскихъ крѣпостныхъ крестьянъ произошли нѣкоторыя перемѣны: эти

перемѣны не только не улучшили, но еще ухудшили положеніе крестьянъ.

Законодательство Екатерины II объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ отличается той же неопредѣленностью и неполнотой, какъ и законодательство ея предшественниковъ. Вообще оно было направлено въ пользу землевладѣльцевъ. Мы видѣли, что Елисавета, въ интересахъ заселенія Сибири, закономъ 1760 года предоставила помѣщикамъ право «за продерзостные поступки» ссылать крѣпостныхъ здоровыхъ работниковъ въ Сибирь на поселеніе безъ права возврата. Екатерина, закономъ 1765 года, превратила это ограниченное право ссылки на поселеніе въ право ссылать крѣпостныхъ на каторгу безъ всякихъ ограниченій, съ возвратомъ сосланнаго, по желанію, къ прежнему владѣльцу; значитъ, въ новомъ законѣ уже исчезъ и тотъ государственный интересъ (заселеніе Сибири), на которомъ построенъ былъ указъ Елисаветы. Теперь ссылка въ каторгу не освобождала ссыльнаго отъ крѣпостной зависимости; притомъ, не были опредѣлены ни возрастъ ссылаемаго, ни случаи, въ которыхъ помѣщикъ могъ прибѣгнуть къ этому виду наказанія; законъ Елисаветы превращенъ былъ въ постановленіе, которое обезпечивало безусловный произволъ землевладѣльца.

Екатерину смущало право продажи крестьянъ безъ земли; въ 1771 году изданъ былъ для прекращенія неприличной публичной торговли указъ, запрещавшій продавать крестьянъ за помѣщичьи долги съ публичнаго торга; законъ этотъ остался безъ дѣйствія, и Сенатъ не настаивалъ на его исполненіи. Въ 1792 году новый указъ возстановилъ право продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга, но прибавлялъ, что при этомъ не долженъ быть употребленъ молотокъ,

т. е. новый указъ сообщалъ только болѣе приличную форму аукціонной продажѣ.

Далѣе, и при Екатеринѣ не были точно опредѣлены границы вотчинной юрисдикціи. Въ указѣ 18 октября 1770 года было сказано, что помѣщикъ могъ судить крестьянъ только за тѣ проступки, которые по закону не сопровождались лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; но размѣръ наказаній, какими могъ карать за эти преступленія землевладѣлецъ, не былъ указанъ. Пользуясь этимъ, за маловажные проступки землевладѣльцы карали крѣпостныхъ крестьянъ такими наказаніями, которыя полагались только за самыя тяжкія уголовныя преступленія.

Въ Наказѣ Екатерина припомнила, что еще при Петрѣ I былъ изданъ указъ, по которому деревни безумныхъ или жестокихъ помѣщиковъ отдавались «подъ смотрѣніе опекуновъ». Екатерина говоритъ, что этотъ указъ исполнялся, насколько онъ касался безумныхъ, но его постановленіе о жестокихъ помѣщикахъ не приводилось въ исполненіе, и она выражаетъ недоумѣніе, почему было стѣснено дѣйствіе указа. Однако, она не только не возстановила его въ прежней полной силѣ, но и затруднила его примѣненіе, уничтоживъ право крестьянъ жаловаться на своего помѣщика.

До тѣхъ поръ важнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ крестьянскую личность, служило право жалобы на притѣсненія землевладѣльца. Въ XVII в. правительство принимало жалобы отъ сельскихъ обществъ на землевладѣльцевъ за жестокое ихъ обращеніе, производило слѣдствіе по этимъ жалобамъ и наказывало виновныхъ. Въ царствованіе Петра былъ изданъ рядъ указовъ, запрещавшихъ людямъ всѣхъ состояній обращаться съ просьбами на Высочайшее имя помимо правительственныхъ учрежденій; эти указы подтвер-

ждались преемниками Петра. Однако, правительство продолжало принимать крестьянскія жалобы на помѣщиковъ отъ сельскихъ обществъ. Съ этимъ правомъ жалобы въ царствованіе Екатерины и случилась исторія, можетъ быть, наиболѣе характеризующая процессъ развитія крѣпостного права. Въ 1767 году, когда Екатерина отправилась въ путешествіе, на дорогѣ ей подавались иногда крестьянскія челобитья на помѣщиковъ; она передавала эти жалобы Сенату. Сенатъ предложилъ Екатеринѣ издать новый законъ, который бы безусловно запрещалъ крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ, и въ основаніе этого запрещенія Сенатъ привелъ одну статью Уложенія. Екатерина приняла предложеніе; 22 августа 1767 года Высочайше утвержденъ былъ указъ, который гласилъ, что если кто изъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ впредь отважится подать недозволенное закономъ челобитье на помѣщика, особенно въ собственныя руки Ея Императорскаго Величества, то, въ силу 13 ст. 2-й гл. Уложенія, челобитчикъ, а также и составитель челобитья, будутъ сосланы въ Нерчинскъ въ каторжную работу, съ зачетомъ землевладѣльцамъ вмѣсто рекрутовъ. Этотъ указъ велѣно было въ продолженіе мѣсяца читать по всѣмъ церквамъ въ воскресные и праздничные дни. Итакъ, законъ, утвержденный съ Высочайшаго соизволенія, запрещалъ крестьянамъ жаловаться на землевладѣльцевъ, основываясь на Уложеніи царя Алексѣя.

Раскроемъ это Уложеніе и, читая знаменитую ст. 13-ю, находимъ, что она говоритъ совсѣмъ о другомъ; эта статья излагаетъ мѣры для обереганія государева здоровья, безопасности. Ст. 13-я гласитъ, что «если кто изъ дворовыхъ людей и крестьянъ подаетъ извѣтъ о государевомъ здоровьѣ или о другомъ великомъ государевомъ дѣлѣ (т. е. объ измѣнѣ) на своего помѣ-

щика или вотчинника и извѣта того не докажетъ, такому извѣту не вѣрить, доносчика бить кнутомъ и возвращать владѣльцу; во всѣхъ же другихъ дѣлахъ, кромѣ этого великаго государева дѣла, также извѣтчику не вѣрить». Сенатъ истолковалъ статью эту, какъ запрещавшую крестьянамъ жаловаться на помѣщика. «Извѣтомъ» въ древней Руси называлась особенная форма иска; кто хотѣлъ возстановить свое право помимо обычныхъ судебныхъ инстанцій, тотъ обращался къ правительству, обыкновенно на имя государя; въ такомъ случаѣ дѣло рѣшалось не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ. Въ наше время также дѣйствуютъ двѣ эти формы; обыкновенно мы возстановляемъ свое право, обращаясь въ судебныя учрежденія; но есть случаи, когда даже при гласномъ судѣ невозможно установить право обычнымъ установленнымъ порядкомъ; особенно такіе случаи часто бываютъ въ семейной средѣ. Съ царствованія Императора Николая I предоставлено было въ такихъ исключительныхъ случаяхъ обращаться въ III Отдѣленіе, которое негласно производило слѣдствіе. Какъ, напр., искать отцу на взрослаго сына за нетерпимый поступокъ его, въ которомъ уличить его нельзя? Отцамъ и предоставлена была въ царствованіе Николая помощь III Отдѣленія, которое негласно устраняло опасность. Теперь это, какъ извѣстно, превратилось въ административную процедуру по политическимъ преступленіямъ. Такіе два порядка дѣлопроизводства существовали и въ древней Руси. Можно было искать своего права судомъ и можно было искать его извѣтомъ, т. е. помимо судебныхъ учрежденій; такія дѣла рѣшались, какъ бы мы сказали теперь, административнымъ порядкомъ, а не судебнымъ. О такомъ извѣтѣ по политическимъ или другимъ тайнымъ дѣламъ и говоритъ 13-я ст. 2-й гл. Уложенія;

извѣтъ—не жалоба, а доносъ; слѣдовательно, 13-я ст. запрещала не жалобу крестьянъ на помѣщика, а доносъ на своего господина. Люди XVII в., какъ и канцелярскія дѣла, свидѣтельствуютъ намъ, что крестьяне очень часто жаловались на своихъ помѣщиковъ обычнымъ судебнымъ порядкомъ. Такія жалобы принимались даже въ царствованіе Петра. Потомъ прямо говорится, что крестьяне жаловались на помѣщика, ихъ разорившаго, и если слѣдствіе оправдывало челобитчика, землевладѣлецъ подвергался взысканію. Точно также и въ случаяхъ, когда землевладѣлецъ убивалъ своего крестьянина, то по челобитію крестьянина-родственника убитаго или односельчанина, убійца подвергался наказанію по Уложенію; если же не было челобитчика на такого убійцу, то, по словамъ Котошихина, «въ такихъ дѣлахъ за мертвыхъ истецъ самъ государь». Такимъ образомъ, Сенатъ, недостаточно знакомый съ терминологіей древне-русскаго права, указомъ уничтожилъ главное юридическое средство, которое оставалось въ распоряженіи крестьянъ противъ произвола помѣщиковъ. Эта филологическая ошибка и сдѣлала крестьянъ послѣ указа 1767 года полною собственностью землевладѣльцевъ.

Вотъ всѣ важнѣйшія постановленія, какія мы находимъ въ царствованіе Екатерины. Значитъ, крѣпостное право не только сохранено было въ своемъ прежнемъ объемѣ, но получило еще дальнѣйшее развитіе.

Теперь, указавъ отдѣльныя постановленія Екатерины касательно этого вопроса, отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что̀ сдѣлалось съ этимъ крѣпостнымъ правомъ, какая перемѣна произошла въ немъ подъ вліяніемъ законодательства Екатерины. До нея было собственно два крѣпостныхъ права: одно — по закону, другое — по обычаю, на дѣлѣ; лучше сказать, рядомъ

съ крѣпостнымъ правомъ до половины XVIII ст. дѣйствовалъ еще крѣпостной фактъ, въ составъ котораго входили притязанія землевладѣльцевъ, не признанныя прямо закономъ, а только терпимыя правительствомъ. *Законодательство Екатерины II сгладило эту разницу между обоими этими правами, законнымъ и обычнымъ, или, говоря другими словами, между крѣпостнымъ правомъ и крѣпостнымъ фактомъ. Право обычное было признано и закономъ,* но не прямо, т. е. законъ не говорилъ прямо, что всѣ притязанія землевладѣльцевъ на личность и трудъ крестьянина признаются закономъ. Взглядъ землевладѣльца на крестьянина, какъ на свою частную собственность, противорѣчилъ политическому значенію крестьянина, какъ государственнаго плательщика. Этотъ взглядъ и не былъ прямо признанъ закономъ, не былъ нигдѣ въ немъ выраженъ; но законъ признавалъ послѣдствія этого взгляда, то право распоряженія крестьянскою личностью и трудомъ, какое вытекало изъ взгляда на крестьянина, какъ на частную собственность землевладѣльца. Можно опредѣлить значеніе законодательства Екатерины въ развитіи крѣпостного права слѣдующимъ образомъ: Екатерина не была виновницей его, не она создала это право, но *взглядъ помѣщиковъ на крестьянъ, какъ на свою собственность, держался не на томъ, что̀ говорилъ законъ, а на томъ, о чемъ онъ умалчивалъ, т. е. что молчаливо признавалъ.* Эти умолчанія и стали законной опорой крѣпостного права со времени законодательства Екатерины II.

Въ чемъ была сущность крестьянскаго вопроса? Какъ можно было поставить въ законодательствѣ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и какъ они должны были стоять по требованію нѣкоторыхъ государственныхъ людей того времени? Можно было тремя способами

разрѣшить этотъ вопросъ, т. е. вопросъ объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ. Крестьяне были первоначально прикрѣплены къ землѣ, а потомъ очутились прикрѣплёнными къ лицамъ. Слѣдовательно, можно было, во-первыхъ, оторвать крестьянъ отъ помѣщиковъ, не привязавъ ихъ къ землѣ, т. е. дать имъ волю безъ земли. О такомъ освобожденіи мечтали либеральные дворяне временъ Екатерины, но такое освобожденіе едва ли было возможно; оно внесло бы совершенный хаосъ въ народно-хозяйственныя отношенія и, можетъ быть, повело бы къ страшной политической катастрофѣ. Во-вторыхъ, можно было, открѣпивъ крѣпостныхъ отъ землевладѣльца, прикрѣпить ихъ къ землѣ, т. е., сдѣлавши ихъ независимыми отъ господъ, привязать ихъ къ землѣ, выкупленной казной. Это поставило бы крестьянъ въ положеніе, очень близкое къ тому, какое создало для нихъ 19 февраля 1861 года: оно превратило бы крестьянъ въ крѣпкихъ къ землѣ государственныхъ плательщиковъ. Въ XVIII в. едва ли возможно было совершить такое освобожденіе, соединенное со сложной финансовой операціей выкупа земли. Затѣмъ, можно было, не отрывая крестьянъ отъ лица землевладѣльцевъ, прикрѣпить ихъ къ землѣ, т. е. сохранить извѣстную власть землевладѣльца надъ крестьянами, поставленными въ положеніе прикрѣпленныхъ къ землѣ государственныхъ хлѣбопашцевъ. Это создало бы временно обязательныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ; законодательство въ такомъ случаѣ должно было опредѣлить точно поземельныя и личныя отношенія обѣихъ сторонъ. Такой способъ разверстки отношеній былъ всего удобнѣе, и на немъ именно настаивали близкіе къ Екатеринѣ практическіе люди, хорошо знавшіе положеніе дѣлъ въ селѣ, какъ, напримѣръ, Петръ Панинъ или Сиверсъ.

Екатерина не избрала ни одного изъ этихъ способовъ. Наконецъ, можно было привязать крестьянъ къ землевладѣльцамъ, не привязавъ ихъ къ землѣ; это и сдѣлала практика. *Крестьяне при Екатеринѣ II оказались прикрѣпленными исключительно къ помѣщикамъ, и не были нисколько опредѣлены отношенія крѣпостныхъ хлѣбопашцевъ къ землѣ, которую они пахали.*

Такой видъ и получило крѣпостное право во вторую половину XVIII в. Теперь поземельная связь крестьянина совершенно исчезла; въ немъ перестали видѣть государственнаго плательщика и стали его считать исключительно работникомъ на помѣщика. Это была важная юридическая перемѣна, совершившаяся въ положеніи крестьянина; прежде онъ былъ предметомъ государственнаго права, частью и права частнаго, землевладѣльческаго; теперь онъ очутился только со значеніемъ предмета права частнаго, т. е. крестьянскій вопросъ изъ области государственнаго права перешелъ въ область права гражданскаго, какъ и всякій предметъ владѣнія. Этотъ переходъ совершился, благодаря умолчанію законодательства Екатерины, однако же признавшаго послѣдствія, какія вытекали изъ взгляда на крестьянъ, какъ на частную собственность. До тѣхъ поръ власть помѣщика надъ крестьянами была частью фактомъ, признаннымъ закономъ, частью злоупотребленіемъ, которое оправдывалось нѣкоторыми государственными соображеніями, напр., недостаткомъ полицейскихъ орудій, вмѣсто которыхъ правительство пользовалось самими помѣщиками. Теперь крѣпостное право стало государственнымъ учрежденіемъ, которое отдавало лицо и трудъ крестьянина въ частное владѣніе безъ всякаго оправданія. Въ этомъ состояла ошибка законодательства Екатерины; оно не должно было превращать факта въ право, т. е. должно было, если не хотѣло производить

коренной перемѣны въ положеніи крестьянъ, оставить власть помѣщика въ прежнемъ колеблющемся положеніи, не признавать ее закономъ. Однако, исчисляя въ жалованной грамотѣ дворянству (1785 г.) предметы владѣнія, которые принадлежатъ помѣщику на правѣ частной собственности, законъ не выдѣляетъ крестьянъ изъ этого перечня, слѣдовательно, утверждаетъ за помѣщикомъ право на нихъ, какъ на всѣ другія статьи сельскаго хозяйства, какъ на сельскохозяйственный инвентарь.

Такимъ образомъ, крѣпостное право при Екатеринѣ II вступило въ третій фазисъ своего развитія, приняло третью форму. Первой формой этого права была личная зависимость крѣпостныхъ отъ землевладѣльцевъ по частнымъ сдѣлкамъ; такую форму имѣло крѣпостное право до половины XVII вѣка. По Уложенію и законодательству Петра I это право превратилось въ потомственную зависимость крѣпостныхъ отъ землевладѣльцевъ, по закону, обусловленную обязательной службой землевладѣльцевъ. При Екатеринѣ крѣпостное право получило третью форму: оно превратилось въ полную зависимость крѣпостныхъ, ставшихъ частной собственностью землевладѣльцевъ, такъ какъ обязательная служба была уже снята съ дворянства.

Послѣдствія крѣпостного права.

Теперь предстоитъ изучить послѣдствія крѣпостного права въ этой третьей и послѣдней формаціи, имъ усвоенной. Эти послѣдствія были чрезвычайно разнообразны. Крѣпостное право было скрытой пружиной, которая двигала и давала направленіе самымъ различнымъ сферамъ народной жизни. Мы даже не преувеличимъ его значеніе, если скажемъ, что съ половины XVIII ст. вся

внутренняя жизнь Россіи есть исторія крѣпостного права съ его послѣдствіями; крѣпостное право не только опредѣляло политическую и хозяйственную жизнь страны, но также наложило рѣзкую печать на жизнь общественную, умственную и нравственную. Прежде всего разсмотримъ, какое дѣйствіе оказало крѣпостное право на помѣщичье сельское хозяйство.

1. Помѣщичье сельское хозяйство.

Подъ покровомъ крѣпостного права въ помѣщичьемъ селѣ сложились во второй половинѣ XVIII вѣка своеобразныя отношенія и порядки. Остановимся сперва на способахъ помѣщичьей эксплоатаціи крѣпостного труда, на двухъ видахъ помѣщичьяго хозяйства, оброчномъ и барщинномъ.

Крѣпостное крестьянство составляло очень значительную часть рабочаго населенія въ Имперіи, т. е. очень важный рычагъ народнаго хозяйства. По четвертой ревизіи, произведенной въ 1782 г., все крѣпостное населеніе Имперіи, не считая крестьянъ дворцовыхъ, представляло массу почти въ 7 милл. (въ 6 милл. 600 слишкомъ тысячъ); всего населенія по этой ревизіи считалось до 28 милл.; слѣдовательно, крѣпостное населеніе, даже безъ дворцовыхъ крестьянъ, которые въ сущности были тѣ же крѣпостные, равнялось почти 1/4 всего населенія. По пятой ревизіи, 1796 г., общее населеніе Имперіи опредѣлялось въ 36 милл.; въ томъ числѣ считалось крѣпостныхъ крестьянъ 9 милл. съ небольшимъ, т. е. ровно четверть. Отсюда выходитъ, что крѣпостное населеніе пропорціонально возрастало между 4-ой и 5-ой ревизіей. Но, можетъ быть, это возрастаніе—чисто оптическій обманъ, происшедшій отъ неточнаго счета 4-ой ревизіи; во всякомъ случаѣ изъ четырехъ обывателей Имперіи въ

концѣ XVIII в. одинъ былъ крѣпостной, не считая крестьянъ дворцовыхъ; послѣднихъ считалось въ концѣ XVIII в., впрочемъ, не болѣе полъ-милліона.

Какъ устроена была въ народномъ хозяйствѣ такая значительная экономическая сила, или такое важное экономическое орудіе? До XVIII вѣка въ помѣщичьемъ хозяйствѣ господствовала смѣшанная система эксплоатаціи земли и крѣпостного труда. За участокъ земли, предоставленный въ пользованіе крестьянъ, послѣдніе частью обрабатывали землю на помѣщика, частью платили ему оброкъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія эта смѣшанная система стала раздѣляться: обязательная служба дворянства, привязывавшая его къ столицѣ, не позволяла ему принимать дѣятельное непосредственное участіе въ сельскохозяйственныхъ дѣлахъ; поэтому нѣкоторые помѣщики, предоставивъ почти всю свою землю крестьянамъ, облагали ихъ за это оброкомъ; другіе, оставаясь на мѣстахъ, отдѣливши крестьянамъ часть своей земли, обрабатывали остальную посредствомъ барщиннаго труда. Трудно сказать, въ какой степени распространены были обѣ эти системы—барщинная и оброчная; можно только предположить, что барщинная система была распространена меньше оброчной. Съ половины XVIII в. дворянство вышло на волю, освободилось отъ службы; оно должно было отлить изъ столицы въ деревню; досугъ, какой оно получило со времени манифеста 1762 г. о вольности, повидимому, долженъ былъ обратить большинство дворянъ къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ. Являясь самъ распорядителемъ крестьянскаго труда, дворянинъ долженъ былъ, очевидно, замѣнить оброчное хозяйство барщиной, т. е. извѣстную часть долженъ былъ обрабатывать самъ помощью крестьянскихъ рукъ, а другую отдавать въ пользованіе крестьянамъ. Надо было думать,

что оброчное хозяйство, господствовавшее до половины XVIII в., теперь должно было уступить первое мѣсто хозяйству барщинному. Въ дѣйствительности мы замѣчаемъ совершенно обратное явленіе.

По мѣрѣ того, какъ наши статистическія свѣдѣнія становятся болѣе полными и точными, все яснѣе выступаетъ наружу тотъ фактъ, что *оброчное хозяйство рѣшительно господствуетъ въ дворянскихъ имѣніяхъ надъ хозяйствомъ барщиннымъ во второй половинѣ XVIII в.*; объ этомъ говорятъ и заслуживающіе довѣрія люди того времени, какъ и дошедшія до насъ немногія надежныя статистическія цифры. Въ Наказѣ Екатерина жалуется, что «почти всѣ деревни на оброкѣ». Въ концѣ столѣтія то же самое говорятъ агрономъ Рычковъ и статистикъ Шторхъ, который въ концѣ XVIII ст. издалъ обширное статистическое описаніе Россіи. Рычковъ очень горько жалуется на вредъ, какой причиняетъ народному и государственному хозяйству оброчная система въ дворянскихъ имѣніяхъ; онъ признаетъ эту систему господствующей. Нѣкоторые современники объясняли это преобладаніе оброчнаго порядка въ дворянскихъ имѣніяхъ надъ барщиннымъ тѣмъ, что служба военная и гражданская привлекала дворянъ въ города, а довѣрить хозяйство приказчику не всегда было можно; это и заставляло дворянъ отдавать почти всю землю въ непосредственное распоряженіе крестьянъ, облагая ихъ оброкомъ. Но такое объясненіе не оправдывается данными, которыя собраны были правительствомъ. Въ 1777 году, по словамъ Екатерины (въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Сегюромъ), на государственной службѣ состояло всего около 10 тысячъ дворянъ, т. е. незначительная часть этого сословія. Но въ то же время рѣшительное большинство дворянъ, даже покинувшихъ службу послѣ указа о воль-

ности, не жило въ своихъ деревняхъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дворянскіе списки, составленные въ 1777 году. Дворяне попрежнему сосредоточивались въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, оставаясь классомъ городскихъ, а не сельскихъ обывателей. Отчего дворяне, даже послѣ указа о вольности, не переселяются въ деревни? Причиной этого были многочисленныя мѣстныя возстанія крестьянъ; эти возстанія скоро слились въ одинъ громадный Пугачевскій мятежъ. Эти волненія дѣлали деревню опасной для дворянина; тамъ было жутко оставаться, и масса дворянства жалась въ городахъ поближе къ своей властной братіи, губернатору и капитанъ-исправнику. Пугачевскій бунтъ особенно напугалъ сословіе; то привольное житье въ деревняхъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ литературѣ, какъ и въ устныхъ сказаніяхъ, наступило для дворянъ уже нѣсколько позже.

Была также другая причина преобладанія оброчнаго хозяйства надъ барщиннымъ, причина чисто хозяйственная. Эту причину отмѣчаетъ сама Екатерина; въ Наказѣ мы читаемъ: «хозяева, не бывшіе вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ себѣ деньги». Оброчное хозяйство, очевидно, было выгоднѣе для дворянина, чѣмъ барщина. Самъ занимаясь дѣлами, распредѣляя земли и работы въ имѣніи, заставляя крестьянъ нести барщину, помѣщикъ, можетъ быть, и не получилъ бы такихъ доходовъ, какъ назначивъ однообразный оброкъ на душу; можетъ быть, при собственномъ веденіи хозяйства, онъ и не получилъ бы по 5 р. съ души. Оброкъ можно было возвышать гораздо значительнѣе, чѣмъ доходность имѣнія при барщинномъ хозяйствѣ. Вотъ въ чемъ сказывалось недостаточное

опредѣленіе закономъ нормы крестьянскихъ повинностей въ пользу землевладѣльца; оброкъ можно было налагать, не соображаясь съ хозяйственными средствами крестьянъ.

Помѣщичій оброкъ измѣнялся въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ. Въ 1770-хъ годахъ, въ первую половину царствованія Екатерины, чаще всего встрѣчался оброкъ въ 2, въ 3 р. съ души; во вторую половину царствованія онъ нѣсколько возвышается до 4—5 р.; впрочемъ, въ этомъ отношеніи имѣнія разнообразились до безконечности. Петръ Панинъ въ своихъ запискахъ о положеніи крестьянъ предлагаетъ назначить однообразный оброкъ въ пользу помѣщика въ 2 р.; это показываетъ, что 2 р. были наиболѣе распространенной нормальной формой подушнаго оброка въ первую половину царствованія Екатерины. Во вторую половину оброкъ всюду возвысился; Екатерина признаетъ сама, что въ 1783 г. «всемѣстно оброкъ до 4 р. простирается, большею же частью гораздо сіе число превышаетъ». Около 1794 г., по свидѣтельству Шторха, наиболѣе обычной нормой оброка съ души было 5 р.; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ крестьянскій трудъ обставленъ былъ особенно благопріятно, оброкъ возрасталъ до громадныхъ цифръ 20 или 25 р., а въ промышленныхъ селахъ Шереметева во Владимірской губ. этотъ оброкъ съ нѣкоторыхъ торговыхъ крестьянъ простирался до 100 и 200 р. съ души. Чтобы понять экономическую, рыночную цѣну этого оклада, надо припомнить, что рубль половины XVIII в. и первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины относился къ нашему рублю, какъ 8:1; рубль второй половины царствованія Екатерины, съ увеличивающимся все выпускомъ ассигнацій, палъ въ цѣнѣ и относился къ нашему рублю какъ 4:1; слѣдовательно, крестьянинъ, платя въ концѣ царствованія 5 р. оброка, давалъ помѣщику доходъ, равнявшійся приблизительно нашимъ 20 р. съ души.

Трудно сказать, возвысился ли подушный окладъ оброка въ царствованіе Екатерины сравнительно съ прежнимъ временемъ; мы имѣемъ слишкомъ мало извѣстій объ этомъ, чтобы можно было сравнить оброчную тяжесть за какія нибудь разныя эпохи XVIII в. До насъ дошли хозяйственныя записи извѣстнаго историографа Татищева, писанныя въ 1742 г. Татищевъ полагаетъ, что не тяжело будетъ крестьянину платить 10 р. оброка съ тягла, т. е. съ каждаго домохозяина или съ каждаго семейства, состоящаго изъ мужа и жены съ дѣтьми; какъ мы видѣли, рубль половины XVIII в. въ 8 разъ былъ дороже нашего; слѣдовательно, Татищеву казалось, что не тяжело для крестьянина платить съ рабочаго семейства по 80 р. Выдѣлившаяся семья, живущая своимъ дворомъ, заключала въ себѣ тогда двѣ съ половиной ревизскихъ души круглымъ числомъ (иногда двѣ, иногда три души). Не трудно теперь расчитать, сколько считалось возможнымъ брать оброка съ ревизской души. Татищевъ указывалъ и нормальный поземельный надѣлъ крестьянъ; въ этомъ отношеніи записки его сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ. Земля разверстывалась по тягламъ (тягло—это мужъ съ женой, разумѣется, и малолѣтнія дѣти); каждое тягло, по плану Татищева, должно обрабатывать по одной десятинѣ въ полѣ, т. е. три десятины во всѣхъ поляхъ; остальную землю надлежитъ помѣщику всю отдать въ пользу крестьянъ, если только ее останется довольно; иначе всю землю помѣщикъ долженъ раздѣлить пополамъ, одну половину обрабатывать на себя крестьянскими руками, а другую отдать въ пользованіе крестьянъ, но такъ, чтобы на каждое тягло приходилось не меньше трехъ десятинъ во всѣхъ поляхъ, т. е. озимомъ, яровомъ и паровомъ. Вотъ меньшій поземельный надѣлъ, какой считаетъ возможнымъ Татищевъ. Если у помѣщика, за такимъ

разделомъ земли на двѣ половины, не придется на крестьянское тягло и трехъ дес., такія имѣнія, по его мнѣнію, непремѣнно должны быть на оброкѣ, т. е. помѣщикъ долженъ всю землю отдать въ пользованіе крестьянамъ, обложивши ихъ оброкомъ. Если помѣщику, за отлучкой, самому нельзя наблюдать за хозяйствомъ, полезнѣе всего отдать землю крестьянамъ, нежели назначать старосту или приказчика для руководства барщиной. Расчитавъ это отношеніе нормальнаго поземельнаго надѣла, по Татищеву, съ тѣмъ оброкомъ, какой онъ считаетъ возможнымъ назначить, гдѣ нѣтъ барщины, мы можемъ опредѣлить, сколько, по Татищеву, должна была приносить дохода помѣщику каждая его десятина; при составѣ тягла изъ трехъ ревизскихъ душъ, по Татищеву, каждая душа должна была платить около 3 р., каждая десятина давать дохода около 2 р. Отсюда видно, что оброкъ въ первую половину царствованія Екатерины оставался вообще прежнимъ и увеличился лишь къ концу его; впрочемъ, трудно сказать, какъ велико было дѣйствительно его увеличеніе. Дѣло въ томъ, что курсъ ассигнаціоннаго рубля началъ падать съ 1780 г., такъ что къ концу царствованія на рынкѣ рубль потерялъ болѣе 30% и стоилъ всего 68 к. металла; значитъ, подъемъ оброка былъ собственно не увеличеніемъ оброчной тяжести, а только слѣдствіемъ упадка курса. Можно думать, что *во все царствованіе Екатерины II тяжесть оброка, если и увеличилась, то въ очень незначительной степени.*

Такъ устроено было оброчное хозяйство помѣщика. Но рядомъ съ нимъ во многихъ имѣніяхъ существовало и хозяйство барщинное. Въ этомъ барщинномъ хозяйствѣ особенно наглядно отражаются слѣдствія той новой обстановки, какую получило крѣпостное право въ законодательствѣ при Екатеринѣ II.

Въ 1765 г. по почину нѣкоторыхъ приближенныхъ ко двору лицъ, съ Григоріемъ Орловымъ во главѣ, въ Петербургѣ было основано Вольное Экономическое Общество; цѣлью этого общества было поощрять земледѣліе, содѣйствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Общество поспѣшило собрать свѣдѣнія о положеніи сельскаго хозяйства и разослало по губерніямъ вопросы, на которые мѣстныя власти должны были собрать отвѣты. Всѣ эти вопросы касались положенія крестьянъ и земледѣлія. Въ присланныхъ изъ губерній отвѣтахъ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что въ барщинныхъ имѣніяхъ у крестьянъ бралась въ пользу помѣщика половина рабочаго времени. Повидимому, это было довольно справедливое разверстаніе крестьянскаго труда; но барщина тѣмъ была тяжелѣе для крестьянъ, даже при такихъ условіяхъ, что въ хорошую погоду все время у крестьянина шло на работу помѣщика; вотъ почему земледѣліе, по указаніямъ изъ губерній, противъ прежняго пришло въ упадокъ по причинѣ непрестанныхъ работъ и большихъ поборовъ господъ. Значитъ, важно не то, что въ пользу помѣщика бралась половина времени, важно то, что въ его пользу бралась лучшая часть этого времени; крестьянинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь время неудобное для работъ. Впрочемъ, три дня въ недѣлю были условіемъ барщины далеко не повсемѣстно; иные помѣщики заставляли работать на себя четыре и пять дней въ недѣлю, иногда работа продолжалась даже по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ иныхъ барщинныхъ имѣніяхъ мы встрѣчаемъ даже черты, сближавшія ихъ съ сѣверо-американскими плантаціями до отмѣны рабства; иные помѣщики совсѣмъ обезземеливали крестьянъ и превращали ихъ въ простыхъ батраковъ. Извѣстія о такихъ имѣніяхъ находимъ у агро-

нома Рычкова; онъ говоритъ: «есть и такіе строгіе помѣщики, которые своимъ крестьянамъ и одного дня работать не даютъ, а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскія работы повседневно». Значитъ, крестьяне здѣсь превращаются въ простыхъ безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, вполнѣ зависимыхъ отъ землевладѣльца; такой крестьянинъ—даже не крѣпостной, это—негръ. Впрочемъ, и тамъ, гдѣ не было такихъ крѣпостныхъ плантацій съ безземельнымъ рабочимъ населеніемъ, барщина иногда достигала чрезвычайной тяжести; въ упомянутой уже нами запискѣ Петра Панина мы читаемъ: «поборы и работы не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько выступаютъ и изъ сносности человѣческой».

При такомъ веденіи хозяйства, при такомъ отношеніи къ деревнямъ и къ крестьянамъ помѣщики организовали стройную систему сельской администраціи: ближайшими орудіями этого помѣщичьяго управленія были дворовые люди. Дворня къ концу XVIII ст. развилась чрезвычайно на счетъ рабочаго крестьянства; такъ какъ былъ отмѣненъ законъ, запрещавшій брать крестьянъ съ пашни на дворъ, то землевладѣльцы въ продолженіе XVIII в. все болѣе отрывали рабочія руки для дворовой службы. Въ помѣщичьемъ домѣ того времени наблюдатели встрѣчали втрое или впятеро больше слугъ, чѣмъ въ любомъ помѣщичьемъ нѣмецкомъ домѣ одинаковой зажиточности; въ домѣ вельможи эти дворовые составляли огромный штатъ, которому дивились иноземцы. Одинъ иностранецъ замѣчаетъ: «въ другихъ странахъ такого числа дворовыхъ людей, которое встрѣчаемъ въ русскихъ помѣщичьихъ домахъ, и представить себѣ не могутъ». Посредствомъ дворовыхъ людей помѣщикъ правилъ кре-

*

стьянами, и управленіе это было организовано на строгихъ началахъ. Помѣщику принадлежала верховная власть въ имѣніи; онъ не только устраивалъ крестьянскій трудъ, онъ регулировалъ и частныя отношенія крестьянъ, помимо ихъ отношеній къ землѣ; онъ имѣлъ полицейскій надзоръ за крестьянами, судилъ ихъ и наказывалъ за проступки и преступленія. Во вторую половину XVIII в. не было уже и рѣчи о предѣлахъ помѣщичьей юрисдикціи, т. е. не говорилось, въ какихъ дѣлахъ помѣщикъ судитъ крестьянъ, и въ какихъ дѣлахъ судъ надъ ними принадлежитъ правительственнымъ учрежденіямъ. Помѣщикъ вообще обладалъ и уголовной юрисдикціей, за исключеніемъ только самыхъ важныхъ уголовныхъ дѣлъ.

Какъ мы знаемъ, законодательство предоставляло помѣщику даже право «за преступленія и продерзостные поступки» ссылать крестьянъ безъ апелляціи въ каторжныя работы; за ссылаемыхъ помѣщикъ получалъ рекрутскія квитанціи. Благодаря небрежности, съ какой власть относилась къ практикѣ этого важнаго права, изъ него развились страшныя злоупотребленія въ царствованіе Екатерины; помѣщики часто ссылали въ Сибирь неспособныхъ къ работѣ крестьянъ, получая за нихъ рекрутскія квитанціи. Эти ссылки переводили крестьянъ массами изъ имѣній за Уралъ. Въ 1773 г. Сиверсъ писалъ, что при послѣднемъ наборѣ, путемъ этихъ ссылокъ, потеряно было для арміи до 8 тыс. солдатъ, т. е. помѣщики сослали въ Сибирь негодныхъ къ работѣ крестьянъ до 8 тыс., получивъ за нихъ рекрутскія квитанціи. Сиверсъ сомнѣвается, дошла ли въ Сибирь и четверть этого количества; остальные погибли въ дорогѣ. Ученый Палласъ, путешествуя около того же времени по Сибири съ научной цѣлью, видѣлъ поселенія этихъ крѣпостныхъ,

сосланныхъ въ Сибирь большею частью безъ вины. Эти поселенцы со слезами говорили, какъ они тоскують по родственникамъ, оставшимся въ Европейской Россіи. Разлука съ родными была единственной бѣдой, которая портила ихъ положеніе въ Сибири; безъ того сосланные считали бы себя очень счастливыми, очутившись на волѣ въ Сибири, вдали отъ своихъ помѣщиковъ. До какой степени неумѣренно пользовались землевладѣльцы этимъ правомъ, видно изъ того, что около 1772 г. въ Тобольской и части Енисейской провинцій такихъ сосланныхъ считалось 20 съ половиною тысячъ обоего пола.

Какъ судилъ и рядилъ помѣщикъ въ своемъ имѣніи? Мы можемъ составить себѣ понятіе объ этомъ по одному памятнику, который относится ко времени нѣсколько раньше царствованія Екатерины. Это наказъ для управленія имѣніями извѣстнаго генерала, героя екатерининскаго времени, П. А. Румянцева, составленный имъ еще въ 1751 г. въ царствованіе Елисаветы, когда Румянцевъ былъ еще молодымъ офицеромъ. Этотъ наказъ—цѣлый кодексъ, на основаніи котораго должны были управляться и жить крестьяне; здѣсь перечислялись виды преступленій, которыя судитъ помѣщикъ, и виды наказаній, какимъ подвергаются крестьяне за проступки и преступленія. Помѣщикъ судитъ за воровство и другія уголовныя преступленія, за неисправность, за нерадѣніе къ церкви, за непочтительность къ дворянству и т. п.; наказанія, какія онъ налагаетъ, это—штрафы, цѣпи, заключенія въ тюрьму, батоги; розогъ еще нѣтъ, можетъ быть потому, что батоги были болѣе энергическимъ видомъ тѣлеснаго наказанія. Румянцевъ, очевидно, привыкъ къ военной строгости; за малый проступокъ онъ налагаетъ очень тяжелое наказаніе: за незначительную

кражу, напримѣръ, отбираютъ все имѣніе, а самого виновнаго приказчикъ отдаетъ въ солдаты, безъ доклада барину. По Русской Правдѣ подобное наказаніе носило названіе «потока и разграбленія»; но оно назначалось за самыя тяжкія уголовныя преступленія: разбой, поджогъ и конокрадство; помѣщикъ XVIII в. сумѣлъ, такимъ образомъ, быть строже Русской Правды. За непосѣщеніе церкви крестьяниномъ безъ уважительной причины полагается штрафъ—10 коп. въ пользу церкви; за обиду, нанесенную крестьяниномъ дворянину, по требованію обиженнаго, виновный подвергается батогамъ, «пока тотъ доволенъ будетъ», т. е. безъ опредѣленія границы; притомъ наказываемый долженъ былъ уплатить своему владѣльцу 2 руб. штрафа.

Наказъ Румянцева своему управляющему строгъ, но еще понятенъ. Совсѣмъ не понятенъ порядокъ, какой мы встрѣчаемъ въ одномъ любопытномъ памятникѣ, дошедшемъ отъ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины; къ сожалѣнію, мы не можемъ назвать его автора, т. е. сказать, въ какомъ имѣніи былъ водворенъ такой строгій порядокъ; это журналъ домового управленія, составленный какимъ-то помѣщикомъ въ 1763—1765 г. для своихъ крестьянъ. Журналъ этотъ такой же кодексъ, какъ и наказъ Румянцева; здѣсь не только за преступленія, но и за ослушаніе налагалось ужасное наказаніе розгами или плетьми, при чемъ установлена была точная пропорція между количествомъ ударовъ розгами и батогами. Господинъ жилъ въ Москвѣ, куда пріѣзжали и его крѣпостные; каждый крестьянинъ или дворовый, явившись въ Москву изъ имѣнія, обязательно долженъ былъ показаться въ господскомъ домѣ. Многіе дворовые люди жили въ столицѣ, обучались ремесламъ; по праздникамъ эти крѣпостные должны были также являться на поклонъ къ помѣщику. За неявку въ пер-

вомъ или второмъ случаѣ назначалось 1,000 розогъ. Если крестьяне или дворовые не причащались безъ уважительной причины, за это назначалось 5,000 розогъ; за каждый проступокъ назначались розги тысячами, даже часто переходили за 10 тыс. Понятно, что высѣченный такъ жестоко долго не могъ быть способенъ къ работѣ, долженъ былъ лежать дома или въ больницѣ. Помѣщикъ боялся, что этимъ будутъ злоупотреблять, крестьяне его будутъ отлеживаться дольше, чѣмъ слѣдуетъ; онъ опредѣлилъ срокъ, сколько долженъ былъ находиться въ больницѣ наказанный: получившій 100 ударовъ плетью на дровняхъ или 17 тыс. розогъ могъ лежать дома или въ больницѣ не болѣе половины недѣли; получившій больше 100 ударовъ или больше 17 тыс. розогъ могъ лежать недѣлю. Тѣ и другіе по истеченіи указаннаго срока обязательно должны были приниматься за работу; если они передержали сроки, то соотвѣтственно у дворовыхъ вычиталось ихъ содержаніе, причемъ тѣ, которые передержали срокъ въ помѣщичьемъ домѣ, лишались хлѣба. Этотъ журналъ производитъ удручающее впечатлѣніе; можно даже сомнѣваться, въ здравомъ ли умѣ находился его авторъ. Помѣщичьи жестокости были, впрочемъ, нерѣдкимъ явленіемъ въ то царствованіе. Прежнія законодательства принимали мѣры противъ этого. Такъ, напр., Петръ I издалъ законъ, по которому крестьяне сумасшедшаго или жестокаго помѣщика отдавались въ опеку его родственникамъ. Екатерина II уже не застала дѣйствія этого закона; крестьяне сумасшедшаго еще отдавались въ опеку, но за жестокость опеку не назначали. Впрочемъ, не принявъ мѣръ противъ жестокости, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда эта жестокость выражалась въ вопіющихъ формахъ, Екатерина наказывала иногда помѣщика церковнымъ покаяніемъ, иногда ссылкою съ лишеніемъ чина; но это

были рѣдкіе случаи. Чаще всего жестокому помѣщику дѣлался выговоръ отъ мѣстнаго общества; это было чрезвычайное дѣло, когда извѣстную Салтычиху за чрезмѣрную жестокость подвергли пожизненному заключенію въ одномъ изъ московскихъ монастырей.

Во вторую половину XVIII в. помѣщики совершали всякія хозяйственныя операціи съ крестьянами съ землей, какъ и безъ земли; крестьяне и дворовые были обычнымъ товаромъ на тогдашнемъ рынкѣ; о продажѣ ихъ, мѣнѣ и т. д. публиковали въ газетахъ такъ же, какъ и о продажѣ всякой движимой собственности. Нерѣдко можно было тогда прочитать въ газетѣ: «за отъѣздомъ продается лошадь, двѣ горничныхъ дѣвушки» и т. п. Вслѣдствіе этого крѣпостная душа имѣла свою цѣну на тогдашнемъ рынкѣ и колебалась вмѣстѣ съ цѣной другихъ товаровъ. Казна, чтобы регулировать это колебаніе, обыкновенно назначала свою казенную цѣну за душу; крѣпостная душа безъ земли въ началѣ царствованія Екатерины стоила всего чаще 10 руб., т. е. 80 нынѣшнихъ; душа съ землею 30 руб., т. е. около 250 руб. Впослѣдствіи эти цѣны возвысились, благодаря учрежденію Ссуднаго банка, который возникъ вмѣстѣ съ Государственнымъ ассигнаціоннымъ въ 1768 г. Помѣщики могли брать изъ этого банка ссуды подъ залогъ имѣнія, платя по 5%; уплата капитала разсрочивалась на 20 лѣтъ. Благодаря этому, помѣщики могли легко достать деньги на покупку крестьянъ; это оживило торговлю крѣпостными душами, усилило спросъ на нихъ; вотъ почему онѣ вздорожали. По свидѣтельству Сиверса, въ 1770-хъ г.г. уже нельзя было купить крѣпостную душу съ землей за 30 руб.: цѣна ея поднялась до 50; въ концѣ царствованія рѣдко можно было купить крѣпостную душу съ землей дешевле 100 руб., это равняется нашимъ 400.

Мы видѣли, какъ было организовано сельское хозяйство помѣщика; его характеръ и основныя черты цѣликомъ опредѣляются крѣпостнымъ правомъ. Но крѣпостное право оказало существенное дѣйствіе и на землевладѣльческое положеніе дворянства. Оно прежде всего создало своеобразныя и ненормальныя отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ. Землевладѣлецъ, освободившись отъ обязанностей государственной службы, долженъ былъ стать сельскимъ хозяиномъ; такъ какъ въ рукахъ дворянства сосредоточилось огромное количество населенной земли, которая была главнымъ источникомъ народнаго богатства, то дворянство должно было бы сдѣлаться главнымъ рычагомъ народнаго хозяйства. Но крѣпостное право и помѣшало дворянству сдѣлаться классомъ сельскихъ хозяевъ и руководителями народнаго хозяйства. На что обращена была дѣятельность землевладѣльцевъ при крѣпостномъ правѣ? На эксплоатацію земли, на сельское хозяйство? Совсѣмъ нѣтъ. Землевладѣлецъ совсѣмъ не имѣлъ побужденій стать агрономомъ, заботиться о лучшей обработкѣ земли, о примѣненіи къ ней лучшихъ сельскохозяйственныхъ орудій и пріемовъ. Земля его населена была крѣпостными и обработана ихъ руками; вся его дѣятельность должна была обратиться на управленіе этими крѣпостными, въ особенности при ихъ тогдашнемъ неспокойномъ настроеніи. Все сельское хозяйство, слѣдовательно, сводилось къ администраціи крѣпостныхъ душъ. Такъ смотрѣли на себя сами помѣщики второй половины XVIII вѣка. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что онъ смотритъ на помѣщиковъ, какъ на наслѣдственныхъ чиновниковъ, которымъ правительство, давъ землю для населенія, «ввѣрило черезъ то попеченіе о людяхъ, на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность». Такимъ образомъ, *дворянинъ изъ сельскаго хо-*

зяина превратился въ полицейскаго управителя, изъ землевладѣльца въ рабовладѣльца; онъ не эксплоатировалъ свою землю помощью крестьянскихъ рукъ, къ ней привязанныхъ, а эксплоатировалъ крестьянскія руки, съ помощью земли, къ которой онѣ были привязаны.

Далѣе, крѣпостное право оказало еще одно вредное дѣйствіе на сельское хозяйство дворянина. Сельское хозяйство невозможно безъ оборотнаго капитала, а капиталъ создается бережливостью; крѣпостныя руки замѣняли помѣщику оборотный капиталъ, поэтому отнимали побужденіе дѣлать сбереженія. Крѣпостное право создало ненормальное хозяйственное явленіе, своего рода политико-экономическій софизмъ. Мы обыкновенно строго различаемъ оборотный капиталъ и трудъ въ сельскохозяйственномъ устройствѣ; а благодаря крѣпостному праву, крестьянскій трудъ замѣнялъ собою для помѣщика оборотный капиталъ. Всякій разъ, когда въ имѣніи возникала у помѣщика новая потребность, вызывавшая затрату капитала, помѣщикъ налагалъ на крѣпостныхъ новую работу, новую повинность, и тѣмъ кончалось дѣло. Нужно было возвести новую постройку,—крестьянъ наряжали безъ платы; нужно было купить сельскохозяйственныя орудія, на крестьянъ налагали новый сборъ; дворяне губерніи рѣшили устроить учебныя заведенія,—для этого налагали на крѣпостныхъ новый налогъ въ пользу этихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, *готовый даровой трудъ избавлялъ дворянское сословіе отъ необходимости сберегать.* Вотъ почему крѣпостное право надо считать главной причиной того затрудненія, въ какомъ очутилось дворянство послѣ эмансипаціи: у него не оказалось оборотнаго капитала, который теперь былъ взятъ у сословія. Въ этомъ вліяніи крѣпостного права люди, наиболѣе знакомые съ дѣломъ, могли видѣть источникъ и другихъ недостатковъ сель-

скаго хозяйства дворянъ; этимъ объясняютъ они недостатокъ предусмотрительности, оборотливости, предпріимчивости, какъ этимъ же объясняютъ они и равнодушіе землевладѣльцевъ къ техническимъ усовершенствованіямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, къ изобрѣтеніямъ, какія появляются въ другихъ странахъ. Помѣщикъ хорошо зналъ, какія улучшенія вводятся въ сельскомъ хозяйствѣ другихъ странъ; но ему эти улучшенія не были нужны при даровомъ трудѣ: машины оставляли бы безъ работы часть его крѣпостныхъ. Это вліяніе крѣпостного права особенно наглядно выражается въ словахъ помѣщика уже XIX-го столѣтія. Ему показали привезенную изъ-за границы молотилку; онъ ее одобрилъ, находя, что орудіе это вполнѣ достигаетъ своей цѣли; но помѣщикъ прибавилъ, что такія орудія ему не нужны: орудіе это одно обрабатываетъ столько, сколько дѣлаютъ десятки крѣпостныхъ рукъ, значитъ, эти десятки крѣпостныхъ останутся безъ дѣла; «введу я эту машину», говоритъ помѣщикъ, «а мои бабы что будутъ дѣлать зимою?»

Съ другой стороны, крѣпостное право неблагопріятно подѣйствовало и на хозяйство самихъ крестьянъ. Какъ скоро помѣщикъ превратился въ управителя крѣпостныхъ душъ, притомъ часто не жившаго въ имѣніи, сельское хозяйство въ имѣніи предоставлено было самимъ крестьянамъ. Они должны были эксплоатировать землю, какъ знаютъ; помѣщикъ не пришелъ къ нимъ на помощь со своей наукой или грамотой, съ сельскохозяйственной книжкой, не вооружилъ крестьянскій трудъ лучшими пріемами производства. Эксплоатація земли, предоставленная крестьянамъ, велась по старому, какъ она велась въ XVI или XVII ст.; т. е. *крѣпостное право помѣшало водворить въ русскомъ земледѣліи новые, лучшіе пріемы производства.* Вотъ чѣмъ

отчасти надо объяснить недостатокъ техническихъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній и въ крестьянствѣ, его наклонность пахать возможно больше и хуже; это было послѣдствіемъ крѣпостного права, сказавшимся въ тѣсной сравнительно средѣ сельскаго хозяйства.

Итакъ, мы видѣли, что крѣпостное право подѣйствовало одинаково неблагопріятно какъ на помѣщиковъ, такъ и на крестьянъ. У первыхъ оно отняло возможность, по освобожденіи отъ обязательной службы, сдѣлаться классомъ сельскихъ хозяевъ и въ то же время лишило ихъ самаго энергичнаго побужденія дѣлать сбереженія, копить оборотный капиталъ; вторыхъ, крестьянъ, крѣпостное право лишило техническаго руководства со стороны помѣщиковъ и, при недостаткѣ у послѣднихъ оборотнаго капитала, лишало ихъ также достаточнаго землевладѣльческаго инвентаря; помѣщики, не сберегая сами, въ большинствѣ случаевъ не могли снабжать своихъ крѣпостныхъ достаточными земледѣльческими орудіями, вводить усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ.

2. Вліяніе крѣпостного права на народное хозяйство.

Крѣпостное право простирало свое дѣйствіе далеко за предѣлы сельскаго хозяйства; оно оказало вліяніе на народное хозяйство вообще. Къ изученію этого вліянія мы и переходимъ. Здѣсь мы вступаемъ въ область явленій, которыя становятся осязательными и понятными лишь съ помощью цифръ.

Прежде всего *крѣпостное право неблагопріятно подѣйствовало на географическое размѣщеніе земледѣльческаго труда,* которымъ жило огромное большинство населенія страны, хотя не оно его создало. Такое размѣщеніе было дѣломъ нашей исторіи, начатымъ задолго до крѣпостного права. Припомнимъ, что внѣшнія обстоятельства издавна

сгоняли массу русскаго населенія въ центральное пространство Европейской Россіи. Внѣшніе враги, въ борьбѣ съ которыми народъ истощилъ свои силы, заставили его подаваться съ окраинъ въ болѣе безопасный центръ, въ то пространство, которое опредѣляется теченіемъ средней и нижней Оки и верхней Волги. Но окраины, съ которыхъ должно было отступать населеніе, большей частью были плодородны, тогда какъ болѣе безопасный центръ представлялъ земледѣльцу мало плодородную почву—суглинокъ. Отсюда и вышло, что земледѣльческій трудъ долженъ былъ покинуть края, гдѣ онъ былъ бы прилагаемъ съ особенной пользой, и обратиться къ почвѣ, сравнительно меньше его вознаграждавшей. Внѣшнія обстоятельства нашей исторіи сложились такъ, что древне-русскій земледѣлецъ прилагалъ свой трудъ тамъ, гдѣ онъ могъ быть наименѣе производителенъ. Вотъ неблагопріятный народно-хозяйственный результатъ, къ которому приведено было населеніе внѣшними обстоятельствами. Въ XVIII столѣтіи покинутые нѣкогда черноземные края Европейской Россіи опять были возвращены для народнаго труда, слѣдовательно, явилась возможность уничтожить ненормальное размѣщеніе земледѣльческаго населенія. Если бы ходъ народнаго хозяйства предоставленъ былъ естественнымъ условіямъ, не былъ ничѣмъ стѣсненъ, достаточно было бы, можетъ быть, двухъ-трехъ поколѣній для того, чтобы возстановить нормальное отношеніе земледѣльческаго труда къ почвѣ, т. е. перемѣстить излишнее количество земледѣльческаго населенія изъ мало плодородныхъ мѣстностей въ болѣе плодородныя. Это нормальное отношеніе труда къ почвѣ возстановлено было бы само собою путемъ крестьянскихъ переселеній. Крестьяне сами нашли бы болѣе благопріятную для себя почву, какъ они находятъ

ое теперь, что̀ имѣло бы мѣсто, если бы передвиженіе крестьянскаго населенія не было ничѣмъ стѣснено.

Возстановилось ли это нормальное отношеніе труда къ почвѣ и въ какой степени возстановилось, по мѣрѣ того, какъ въ XVIII столѣтіи отвоевывалось у внѣшнихъ враговъ черноземное пространство Южной и Юго-Восточной Руси? Отвѣта на этотъ вопросъ мы должны поискать въ цифрахъ, статистическихъ данныхъ. Легко замѣтить, что около половины XVIII ст. нѣкоторыя губерніи Россіи неестественно густо населены, другія же, напротивъ, населены столь же неестественно рѣдко. Напр., даже по 4-ой ревизіи, произведенной въ 1782 г., оказалось, что въ неплодородной Калужской губерніи на каждую душу мужского пола приходилось почти 7½ десятинъ, считая все пространство губерніи и все населеніе безъ различія классовъ. Напротивъ, въ плодородной Воронежской губерніи приходилось 15 дес. на мужскую душу всего населенія губерніи. Итакъ, плодородная Воронежская губернія была ровно вдвое рѣже населена, сравнительно съ Калужской; такъ какъ громадное большинство населенія состояло изъ крестьянъ-земледѣльцевъ, то отсюда можно заключить, что на неплодородной калужской почвѣ сидѣло вдвое больше земледѣльческаго населенія, чѣмъ на плодородной воронежской. Если бы трудъ имѣлъ возможность передвигаться туда, гдѣ онъ могъ быть прилагаемъ съ наибольшею производительностью, то мы должны были бы увидѣть, что земледѣльческое населеніе быстро растетъ въ черноземныхъ губерніяхъ, большая часть которыхъ была недавно пріобрѣтена для государства; напротивъ, населеніе должно было бы убывать въ неплодородныхъ центральныхъ губерніяхъ. Принявъ во вниманіе разницу въ плодородіи почвы здѣсь и тамъ, мы должны были бы ожидать, что умноженіе земледѣльческаго населенія на югѣ

должно итти въ усиленной прогрессіи. Обращаясь къ даннымъ, мы встрѣчаемъ явленія, которыя не оправдываютъ этихъ ожиданій: возьмемъ цифры 3-ей ревизіи, произведенной въ началѣ царствованія Екатерины (1761—1767 г.). Въ Калужской губерніи сельское населеніе, по даннымъ этой ревизіи, составляло 93% всей массы населенія губерніи; на каждую сотню обывателей губерніи приходилось 93 сельскихъ жителя, т. е. крестьянъ и дворовыхъ. Въ Воронежской губерніи сельское населеніе составляло 96%, если только не меньше, т. е. если только можно положиться на данныя ревизіи. Какая разница въ почвѣ той и другой губерніи и какой незначительный излишекъ въ процентѣ сельскаго населенія для Воронежской губерніи, сравнительно съ Калужской.

Далѣе, если бы народный трудъ размѣщался свободно, мы бы замѣтили, что въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ преимущественно развивались городскія ремесла и фабричная промышленность, постепенно и быстро стало бы возрастать населеніе городское на счетъ сельскаго; напротивъ, въ черноземныхъ губерніяхъ, удаленныхъ отъ искусственныхъ удобныхъ путей сообщенія, какъ и отъ главныхъ мѣстъ сбыта, городское населеніе должно было бы расширяться съ меньшей быстротой, уступать въ этомъ населенію сельскому. Этого надо было бы ожидать при естественномъ развитіи народнаго хозяйства. Обратимся опять къ даннымъ, чтобы видѣть, оправдываются ли эти ожиданія. Возьмемъ ту же губернію Калужскую и сравнимъ въ ней отношенія городского населенія къ сельскому по 4-ой и 6-ой ревизіи. 4-ая ревизія продолжалась съ 1781 по 1787 г.; 6-ая ревизія начата была въ 1811 г., наканунѣ нашествія французовъ, и окончена вскорѣ послѣ ихъ изгнанія въ 1813 г.; слѣдовательно, разстояніе между обѣими ревизіями 30 лѣтъ. По 4-ой ревизіи, въ

Калужской губерніи крестьянъ въ 12 разъ больше, чѣмъ городского населенія (купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ, т. е. свободныхъ обывателей, не платившихъ податей, но не принадлежавшихъ ни къ дворянству, ни къ духовенству). При естественномъ движеніи народнаго хозяйства мы должны были бы ожидать, что во время 6-ой ревизіи эта пропорція уменьшится въ пользу городского населенія, т. е. что крестьянъ въ Калужской губерніи окажется не въ 12 разъ больше горожанъ, а меньше. По 6-ой ревизіи узнаемъ, что сельскаго населенія, т. е. казенныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ, въ 16 разъ больше, чѣмъ горожанъ. На калужскомъ суглинкѣ и песчаникѣ оказалось къ 6-ой ревизіи больше земледѣльцевъ, сравнительно съ горожанами, чѣмъ даже 30 л. назадъ. Это произошло не оттого, что крестьянъ стало больше, а оттого, что количество горожанъ уменьшилось. Такое странное явленіе не повторяется во всѣхъ губерніяхъ; въ Московской, напр., видимъ обратное явленіе. Московская губернія тогда была центромъ городского ремесла и фабричной промышленности; здѣсь, надо думать, городъ долженъ былъ успѣшнѣе воевать съ деревней, въ смыслѣ отнятія у нея населенія. По 4-ой ревизіи, сельскаго населенія въ Московской губерніи въ 15 разъ больше, чѣмъ городского (это много: вѣдь, въ этой губерніи находится столица, одинъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ). По 6-ой ревизіи, сельскаго населенія въ 8 разъ больше, чѣмъ городского; 7% городъ отвоевалъ у села; и то хорошо.

Теперь обратимся къ черноземнымъ губерніямъ. Тамъ должно было быть обратное явленіе; тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться количественное преобладаніе сельскаго населенія надъ городскимъ. Припомнимъ, что промышленное и торговое движеніе искусственными средствами съ Петра напра-

влено было къ гавани Балтійскаго моря, къ новой столицѣ, выстроенной въ сѣверо-западномъ углу Имперіи; при томъ, въ продолженіе большей части царствованія Екатерины, Черное море еще не было открыто для русской торговли, по крайней мѣрѣ, не было вполнѣ безопасно; слѣдовательно, черноземная полоса Россіи еще не имѣла свободной, проторенной дороги къ черноморскимъ рынкамъ, а рынки балтійскіе были для нея слишкомъ отдалены. Здѣсь, слѣдовательно, должно было успѣшно развиваться сельское населеніе, отливая отъ центра. Въ Воронежской губерніи по 4-ой ревизіи сельскаго населенія въ 24 раза больше, чѣмъ городского; по 5-ой ревизіи въ 50 разъ больше: здѣсь черноземъ удачно воюетъ съ городомъ, преимущественно привлекая къ себѣ народный трудъ. Харьковская губернія должна бы представлять еще болѣе крупные результаты этого торжества села надъ городомъ; однако здѣсь успѣхи его были менѣе значительны: по 4-ой ревизіи сельскаго населенія только въ 14 разъ больше городского; это, какъ мы видимъ, почти московская пропорція. Къ 6-ой ревизіи черноземъ здѣсь сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, но незначительные, сравнительно съ успѣхами Воронежской: сельскаго населенія здѣсь оказывается въ 19 разъ больше городского. Отсюда видно, что народный трудъ стремился размѣститься естественнѣе прежняго, стремился найти себѣ болѣе благодарную почву, мѣсто, гдѣ онъ могъ быть производительнѣе. Однако, возстановленіе нормальнаго отношенія, какъ мы видимъ, шло неправильно, неравномѣрно. Въ губерніяхъ, одинаковыхъ по плодородію, земледѣльческій трудъ торжествовалъ надъ городскимъ не съ одинаковымъ успѣхомъ.

Что же мѣшало болѣе равномѣрному и правильному размѣщенію земледѣльческаго труда съ половины

XVIII в.? Мы поймемъ условія, которыя мѣшали этому, какъ скоро разсмотримъ соціальный составъ населенія въ разныхъ губерніяхъ. Дѣло въ томъ, что крѣпостное населеніе съ наибольшей густотой сосредоточивалось въ самомъ центрѣ государства, на неплодородномъ суглинкѣ. До новаго раздѣленія Россіи по губерніямъ, по Учрежденію 1775 г., Московская губернія представляла область, вмѣщавшую въ себѣ нѣсколько позднѣйшихъ губерній; именно, она состояла изъ губерніи Московской и сосѣднихъ, кромѣ Тверской и Смоленской, но со включеніемъ Костромской и Ярославской. Въ этой центральной губерніи государства, по 3-ей ревизіи, жило болѣе трети всего крѣпостного населенія Имперіи; поэтому и въ Калужской губерніи мы встрѣчали огромный процентъ крѣпостного населенія; оно простиралось до 83% всего податного населенія губ.: на 100 ревизскихъ душъ въ этой губерніи приходилось 83 крѣпостныхъ. Совсѣмъ другое явленіе представляла тогда губернія Воронежская: тамъ на 100 ревизскихъ душъ считалось всего 37 крѣпостныхъ. Далѣе, мы не только не замѣчаемъ убыли крѣпостного населенія въ центральныхъ губерніяхъ по разнымъ ревизіямъ, но даже видимъ, что оно какъ будто растетъ въ нихъ. Напр., въ Московской и сосѣднихъ губерніяхъ по 2-ой ревизіи, которая была въ началѣ царствованія Елисаветы, крѣпостное населеніе составляло 70% всего податного населенія; по 5-ой ревизіи оно составляло здѣсь уже 74%. Напротивъ, крѣпостное населеніе, сравнительно съ некрѣпостнымъ, въ плодородныхъ губерніяхъ какъ будто становится еще меньше въ XVIII в. Напр., въ Орловской и Курской губерніяхъ по 2-ой ревизіи крѣпостного населенія считалось 58%; а по 5-ой всего 56%. Что это значитъ? Плодородныя южно-русскія пустыни начали заселяться

при Екатеринѣ; но кѣмъ онѣ заселяются? Очевидно, туда преимущественно текло то крестьянское или вообще рабочее населеніе, которое оставалось внѣ крѣпости, т. е. то были преимущественно государственные крестьяне и всѣ вольные городскіе люди. Очевидно, землевладѣлецъ, такъ давно и прочно усѣвшійся въ центральной губерніи, не выпускалъ крѣпостного населенія на южно-русскій черноземъ, если только не пріобрѣталъ тамъ имѣнія. Онъ не могъ не знать о томъ, что на верхне-волжскомъ суглинкѣ крестьянскій трудъ менѣе производителенъ; но онъ самъ не занимался сельскимъ хозяйствомъ, онъ облагалъ души оброкомъ, и предоставлялъ крестьянамъ добывать средства для уплаты этого оброка, какъ знаютъ. Вотъ чѣмъ объясняется и незначительная убыль процента крѣпостного населенія въ Московской губерніи и даже прибыль его въ губерніи Калужской. Обѣ эти нечерноземныя губерніи принадлежали къ числу самыхъ крѣпостныхъ; слѣдовательно, здѣсь масса крѣпостного населенія наиболѣе задерживалась, не могла передвигаться на южнорусскій черноземъ.

Эта причина, мѣшавшая возстановленію нормальнаго отношенія сельскаго труда къ почвѣ, долго, до послѣднихъ годовъ, сохраняла свои дѣйствія. Возьмемъ данныя, относящіяся къ годамъ передъ самой крестьянской эманципаціей, и взглянемъ на размѣщеніе крѣпостного населенія по разнымъ губерніямъ. Мы увидимъ, что оно размѣщалось, приблизительно, такъ же, какъ и въ XVIII в., т. е. безъ всякаго соотвѣтствія съ качествомъ почвы. Мы должны были бы думать, что, чѣмъ выгоднѣе почва, тѣмъ болѣе привлекаетъ она къ себѣ частныхъ капиталистовъ, т. е. тѣмъ больше должно было явиться земель въ частномъ дворянскомъ владѣніи и, слѣдовательно, тѣмъ больше должно было

бы быть тамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но мы знаемъ, что дворянское землевладѣніе развивалось не по качеству почвы, а по государственнымъ потребностямъ, что оно было гуще тамъ, гдѣ нуженъ былъ дворянинъ (точнѣе, — его боевыя руки) и рѣже тамъ, гдѣ онъ былъ ненуженъ государству. Въ 1858 г. была окончена послѣдняя (10-я) ревизія; слѣдовательно, данныя этой ревизіи представляютъ размѣщеніе сельскаго населенія наканунѣ освобожденія крестьянъ. Отсюда мы узнаемъ, что въ Воронежской губерніи крѣпостныхъ было тогда 27% всего населенія губерніи, въ Калужской, напротивъ, 62%; въ Смоленской, одной изъ самыхъ скудныхъ по почвѣ, крѣпостного населенія считалось 69%, а въ Харьковской, принадлежащей къ числу самыхъ плодородныхъ, всего 30%. Такимъ образомъ, *крѣпостное право задерживало насильственно крѣпостное населеніе на старыхъ, менѣе плодородныхъ мѣстахъ, не позволяло ему передвигаться на мѣста болѣе плодородныя съ тѣхъ поръ, какъ эти мѣста были отвоеваны у татаръ.* Если бы мы имѣли достаточно точныхъ данныхъ, мы вѣрно увидѣли бы, что и теперь еще чувствуется въ народномъ хозяйствѣ это неблагопріятное дѣйствіе крѣпостного права. Теперь обратимся къ другому послѣдствію, которое обнаружилось въ развитіи собственно городского населенія.

Напередъ обозначимъ то вредное дѣйствіе, какое оказало крѣпостное право на городское населеніе: *оно подорвало ростъ городского населенія, успѣхи городскихъ ремеслъ и фабричныя производства.* Въ началѣ XVIII ст., когда еще заводились новые роды промышленности, городское населеніе составляло очень незначительную долю всей массы населенія въ государствѣ; именно, по первой ревизіи городскихъ торгово-промышленныхъ обывателей (купцовъ, цеховыхъ и мѣщанъ) насчиты-

валось болѣе 172 т. душъ на 6 почти милл. всего податного населенія Имперіи; значитъ, городской, торгово-промышленный классъ составлялъ едва 1/34 долю всего податного населенія. Петръ очень много заботился о развитіи городскихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, т. е. о развитіи городского класса, но дѣло его не было продолжено его преемниками; городское ремесло и фабричное производство падаютъ послѣ него. Петру, съ помощью казенныхъ субсидій и принужденій, удалось образовать небольшой кружокъ крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ; но этотъ кружокъ не разростается послѣ него. Русская промышленность и торговля, о которыхъ такъ хлопоталъ Преобразователь, послѣ него не становятся на свои ноги и попадаютъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становится замѣтно, что внутренними ремеслами руководятъ иностранныя фирмы. Въ царствованіе Екатерины это господство иноземныхъ капиталовъ становится даже подавляющимъ; всѣ крупные обороты находятся въ рукахъ преимущественно голландскихъ и англійскихъ капиталистовъ. Петру удалось создать значительное преобладаніе вывоза надъ ввозомъ; это преобладаніе остается и послѣ него. До конца XVIII ст. Россія вывозила за границу значительно больше товаровъ, чѣмъ привозила, но барышъ, какой происходилъ отъ этого преобладанія, доставался не русскому труду, а шелъ въ руки руководителей — иностранныхъ капиталистовъ. Вотъ почему мы не замѣчаемъ значительнаго роста городского, промышленно-ремесленнаго класса со смерти Петра. Мы видѣли, что этотъ классъ по 1-й ревизіи составлялъ едва 1/34 часть всего податного населенія. Въ 1769 г. насчитано было городскихъ обывателей 228 т. ревизскихъ душъ; сравнивая эту цифру съ количествомъ податного населенія

въ то время, находимъ, что она составляетъ также едва $1/34$ долю: городской классъ со смерти Петра въ продолженіе почти полувѣка не дѣлалъ замѣтныхъ успѣховъ.

Екатерина много хлопотала о такъ называемомъ третьемъ сословіи. Это третье сословіе, т. е. городское, промышленно-ремесленное, тогда, какъ извѣстно, было моднымъ словомъ въ Западной Европѣ; о немъ много писали въ тѣхъ книжкахъ, которыя читала Екатерина; на третьемъ сословіи покоились всѣ надежды тогдашнихъ либераловъ. Понятны заботы, какія прилагала Екатерина къ развитію этого класса. Слѣды этой заботы встрѣчаются и въ любопытной перепискѣ ея съ ея французской знакомой *М-me* Жоффренъ. Эта дама, пропитанная вся политико-экономическими идеями времени, неотступно просила Екатерину позаботиться о созданіи третьяго сословія въ Россіи. Екатерина ей отвѣчала: «обѣщаю вамъ, *М-me*, еще разъ позаботиться объ этомъ, но какъ же мнѣ трудно будетъ устроить это третье сословіе въ Россіи». Мы не можемъ опредѣлить, насколько успѣхи, сдѣланные городскимъ классомъ при Екатеринѣ, произошли отъ ея заботъ, насколько ими была обязана Россія естественному ходу дѣлъ; однако эти успѣхи становятся замѣтны, только они не оправдываютъ нашихъ ожиданій, какъ не оправдали бы ожиданій *М-me* Жоффренъ. Къ концу царствованія Екатерины городскихъ обывателей считалось до 755 тыс. ревизскихъ душъ; сравнивъ эту цифру съ податнымъ населеніемъ Имперіи, сосчитаннымъ 5-й ревизіей, узнаемъ, что городской классъ составлялъ $1/25$ всего податного населенія Имперіи.

Разсматривая причины такого тугого развитія городского класса, мы должны поставить на первомъ мѣстѣ крѣпостное право; оно имѣло двоякое вредное дѣйствіе на успѣхи городского класса, какъ и город-

ской промышленности. Прежде всего, оно создавало опасныхъ соперниковъ городскому производству; каждый значительный помѣщикъ, основавшійся въ своемъ селѣ или своемъ городскомъ домѣ, спѣшилъ обзавестись всѣми удобствами, пользуясь крѣпостнымъ трудомъ. Изъ крѣпостного населенія онъ создавалъ себѣ всякихъ ремесленниковъ и мастеровъ, начиная отъ кучера и кузнеца и кончая живописцемъ, музыкантомъ, артистомъ и даже учителемъ дѣтей. Такимъ образомъ, *крѣпостное село со своимъ дворовымъ ремесломъ явилось соперникомъ города съ его свободнымъ городскимъ ремесломъ.* Вслѣдствіе этого у городского промышленнаго труда исчезъ наиболѣе зажиточный и крупный потребитель, какимъ былъ дворянинъ. Дворянину мало нуженъ былъ городской магазинъ: то, что̀ могъ онъ здѣсь получить, большею частью доставляло ему дворовое ремесло; то, что̀ не могло ему доставить послѣднее, доставлялъ иностранецъ. На помѣщика одно дѣлалъ дворовый ремесленникъ, а другое ремесленникъ парижскій; свой русскій городской ремесленникъ оставался безъ хорошаго заказчика. Съ другой стороны, чѣмъ больше развивалась власть помѣщика надъ личностью крестьянина, тѣмъ больше стѣснялась свобода послѣдняго въ распоряженіи движимымъ имуществомъ, при чемъ это движимое имущество, благодаря возвышавшимся помѣщичьимъ требованіямъ, становилось все скуднѣе; *крестьянинъ все меньше потреблялъ въ городѣ, потому что имѣлъ и меньше свободы для этого, и меньше средствъ.* Одновременно съ исчезновеніемъ крупныхъ и зажиточныхъ заказчиковъ у городского труда исчезли и потребители мелкіе, но многочисленные. Вотъ чѣмъ объясняются незначительные успѣхи городского класса и промышленнаго ремесленнаго труда въ продолженіе XVIII ст.

Это вредное вліяніе крѣпостного права живо чувствовали наблюдатели того времени. Одинъ изъ нихъ, нашъ русскій посолъ въ Парижѣ, князь Дмитрій Голицынъ, много занимавшійся политико-экономическими вопросами, въ письмахъ своихъ замѣчаетъ, что торговля не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ крестьяне лишены права собственности на свое движимое имущество. Онъ ставилъ успѣхъ торговли въ прямую связь съ имущественной свободой крестьянъ; онъ указываетъ и на соперничество двороваго ремесла съ городскимъ народнымъ трудомъ. Онъ говоритъ: «если въ обѣихъ столицахъ исключить барскіе дома съ ихъ дворовыми ремесленниками, сколько останется людей, на которыхъ могъ бы работать городской ремесленникъ?» Таковы послѣдствія крѣпостного права, сказавшіяся въ области народнаго хозяйства, и послѣдствія весьма важныя. Часто въ организмѣ чувствуется какая-то неловкость, которую однако же трудно опредѣлить; неловкость эта происходитъ отъ скрытаго недуга, который распознать можно только внимательнымъ тонкимъ діагнозомъ, то же самое бываетъ и съ обществами, которыя не даромъ называютъ соціальными организмами. Въ продолженіе XVIII в. не было минуты, когда бы русское общество чувствовало себя по себѣ, и рѣдко удавалось опредѣлить источникъ этого чувства; очевидно, оно происходило отъ какого-нибудь скрытаго недуга соціальнаго. Этимъ недугомъ было крѣпостное право.

3. Вліяніе крѣпостного права на государственное хозяйство.

Приведенныя данныя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ строилось русское общество XVIII в. подъ вліяніемъ восторжествовавшаго тогда факта крѣ-

постного права. Мы видѣли, какъ это строеніе было неправильно, какъ оно опредѣлялось старыми, искусственными условіями; теперь мы поймемъ и вліяніе крѣпостного права на государственное хозяйство, говоря проще, на финансы.

Государственное хозяйство всегда отражаетъ состояніе хозяйства народнаго; послѣднее относится къ первому, если можно такъ выразиться, какъ кровообращеніе къ кожѣ: если кровообращеніе правильно, если кровь здорова, это здоровье отражается и въ наружныхъ покровахъ; какъ скоро портится кровь, сейчасъ же это обнаруживается и на кожѣ. То же представляетъ исторія государственнаго хозяйства въ Россіи. Не смотря на значительныя средства, которыми располагало правительство, русскіе финансы XVIII в., какъ и послѣ, всегда составляли самое больное мѣсто государственнаго организма; въ этомъ сказалось неправильное движеніе народнаго хозяйства. При Петрѣ государство, какъ извѣстно, получало свои доходы изъ двухъ главныхъ источниковъ: однимъ служилъ налогъ на трудъ и на капиталъ, независимо отъ оборотовъ послѣдняго, это налогъ личный; другой источникъ — налогъ на оборотъ капитала, или, какъ чаще говорятъ политико-экономы, налогъ на потребленіе, независимо отъ личнаго труда и капитала. Первый родъ налоговъ называется прямымъ, второй—косвеннымъ. При Петрѣ налоги прямые и косвенные были почти одинаково обильными источниками государственныхъ доходовъ. Не имѣя точныхъ данныхъ, мы можемъ приблизительно думать, что послѣ первой ревизіи путемъ прямыхъ налоговъ получили почти столько же, сколько путемъ налоговъ косвенныхъ. Петръ, заботясь о развитіи промышленности и торговли, довольно замѣтно обнаружилъ стремленіе дать перевѣсъ въ государственномъ хозяйствѣ нало

гамъ косвеннымъ, которые тогда считались менѣе обременительными, слѣдовательно, болѣе хозяйственными; но онъ не достигъ этой цѣли. Народно-хозяйственные обороты послѣ него развивались туго, если только развивались, а не падали. Довольно осязательнымъ признакомъ этого тугого развитія оборотовъ служитъ исторія прямыхъ налоговъ въ XVIII ст.; несмотря на постоянное увеличеніе государственныхъ расходовъ и даже на упадокъ курса денегъ, *прямой налогъ увеличивается чрезвычайно медленно*. Какъ мы знаемъ, подушная подать по первой ревизіи простиралась до 74 к. съ души, что равняется нашимъ семи рублямъ. Послѣ Петра этотъ окладъ былъ нѣсколько уменьшенъ, назначенъ ровно въ 7 гривенъ; этотъ подушный окладъ оставался неизмѣннымъ до 1794 г., когда его возвысили до рубля. Это былъ трудный шагъ, показавшій, какъ государство стѣснено было въ возвышеніи прямыхъ налоговъ. Далѣе, кромѣ однообразнаго 7-гривеннаго оклада, нѣкоторые плательщики обложены были оброкомъ, замѣнявшимъ доходъ съ крѣпостныхъ въ пользу ихъ владѣльца; это былъ оброкъ съ дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, какъ и съ городскихъ обывателей, не состоявшихъ въ личной крѣпости. Этотъ оброкъ по первой ревизіи былъ опредѣленъ для государственныхъ крестьянъ въ 40 к., а для городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ подушнымъ окладомъ, въ 1 р. 20 к., т. е. оброкъ съ городского обывателя 46 к. Въ XVIII в. и этотъ добавочный сборъ возвышался очень медленно; только въ 1760 г. его увеличили до 1 р. Екатерина въ 1783 г. подняла его до 3 р.

Очевидно, государство не расчитывало на успѣхъ сбора при болѣе сильномъ возвышеніи. Что стѣсняло его при его увеличивающихся потребностяхъ? Неужели народный трудъ такъ слабо увеличилъ свой оборотъ,

такъ мало возросло его производство, что правительство въ продолженіе 65 лѣтъ не отважилось даже удвоить подушнаго налога? Въ крѣпостномъ правѣ мы находимъ объясненіе этой финансовой робости правительства. Можетъ быть, трудъ сталъ доходнѣе, но изъ этой доходности казна не могла извлечь себѣ выгоды; *между народнымъ трудомъ и казной сталъ неудобный посредникъ—душевладѣлецъ, дворянинъ; онъ и перехватывалъ у народнаго труда всѣ излишки, какіе оказывались при успѣхѣ народнаго хозяйства;* перехватывая ихъ, онъ не давалъ возможности казнѣ пользоваться ими. Мы знаемъ, что помѣщику предоставлено было неограниченное право облагать крѣпостныхъ людей платежами и работами; чѣмъ болѣе крѣпостной трудъ становился производителенъ, тѣмъ болѣе возрастали требованія его владѣльца. Государственное же казначейство не получало отъ народно-хозяйственныхъ успѣховъ значительной прибыли. Надо припомнить, что крѣпостное населеніе въ Имперіи около половины XVIII в. составляло почти половину всего населенія Имперіи (около 50%), и значительно бо̀льшую половину всего податного населенія (около 60%).

При такой невозможности напрягать народный трудъ путемъ прямыхъ налоговъ, какое оставалось у правительства средство выйти изъ финансоваго затрудненія? Крѣпостное право начало дѣйствовать въ полномъ своемъ развитіи съ половины XVIII в., преимущественно съ царствованія Екатерины. Любопытны два средства, къ которымъ обращалось съ этого времени правительство, чтобы вознаградить себя за невозможность возвышать прогрессивно прямые налоги. Если нельзя было увеличить прямого налога, *нужно было обратиться къ косвеннымъ налогамъ;* но возвышеніе косвеннаго налога возможно только

тогда, когда развивается народный оборотъ, т. е. увеличивается народный капиталъ, и капиталъ этотъ начинаетъ работать живѣе. Ни того, ни другого незамѣтно въ царствованіе Екатерины. Какой же источникъ оставался у государства для удовлетворенія его возрастающихъ потребностей? Средство, которымъ пользовалось правительство Екатерины, въ высшей степени характерно для государственнаго хозяйства того времени. Въ началѣ царствованія Екатерины подушный налогъ съ оброкомъ составлялъ меньше половины всего государственнаго дохода; такъ, напр., въ 1764 г. изъ этого финансоваго источника казна получила съ небольшимъ 9 милл., весь же ея доходъ простирался до 21 милл. Екатерина ввела новость въ одномъ косвенномъ налогѣ, въ казенной монополіи: *продажа вина была отдана на откупъ.* Въ началѣ царствованія Екатерины винный откупъ давалъ 5 съ небольшимъ милл. р., какъ мы видимъ, почти вдвое меньше, сравнительно съ общей суммой прямыхъ налоговъ. Постепенно откупные оклады возвышаются въ царствованіе Екатерины, и *винный доходъ растетъ съ ужасной быстротой;* довольно нѣсколько цифръ, чтобы видѣть это. Въ 1787 г., какъ видно изъ обнародованныхъ теперь финансовыхъ вѣдомостей за все царствованіе Екатерины, государственный доходъ простирается почти до 43 милл.; подушнаго сбора въ томъ числѣ около 8 милл., питейный же доходъ давалъ уже 9 милл., т. е. питейный доходъ переросъ подушный сборъ (въ составъ этихъ 8 милл. подушнаго сбора не входитъ добавочный сборъ, т. е. имѣется въ виду только 7-гривенный окладъ). Въ 1795 г. государство получало уже 68 милл. Подушный окладъ былъ возвышенъ до 1 р.; этотъ доходъ давалъ государству съ небольшимъ около 11 милл.; питейный доходъ считался въ 24 милл. Вотъ въ какой пропорціи съ по-

душнымъ окладомъ растетъ этотъ косвенный налогъ: въ началѣ царствованія даетъ вдвое меньше, чѣмъ подушный сборъ, потомъ нѣсколько больше, чѣмъ послѣдній, а въ концѣ царствованія болѣе, чѣмъ вдвое переросъ подушный сборъ. Таково было одно средство, которымъ пользовалось правительство, чтобы выйти изъ затрудненій. Какъ извѣстно, ростъ питейнаго дохода не можетъ служить знакомъ увеличенія народно-хозяйственнаго оборота; это знакъ страсти или несчастія, а не знакъ развитія народно-хозяйственнаго оборота; не имѣя возможности расширить этотъ послѣдній источникъ, государство съ особенной заботливостью разрабатываетъ источникъ очень опасный—страсть.

Другимъ характернымъ финансовымъ средствомъ былъ государственный кредитъ. Старыя русскія правительства почти не знали этого средства. Разъ царь Алексѣй Михаиловичъ попробовалъ его, выпустивъ на время мѣдныя ассигнаціи; но операція сопровождалась такими тревожными послѣдствіями, что правительство, послѣ прекращенія ея, долго къ ней не обращалось. Петръ, не желая знать государственнаго кредита, расплачивался чистыми деньгами, расходуя сколько было въ казнѣ, или переставая платить, когда въ казнѣ ничего не оказывалось. Въ царствованіе Екатерины, когда политико-экономическія и финансовыя идеи Запада стали сильно распространяться въ Россіи, государство обратилось къ этому средству. Екатерина стала первая занимать. Въ 1768 г., въ началѣ 1-й Турецкой войны, былъ учрежденъ Государственный ассигнаціонный банкъ; онъ выпустилъ на 1 милл. р. бумажныхъ денегъ-ассигнацій. Потребность въ бумажныхъ деньгахъ чувствовалась на рынкѣ: для народнаго оборота была тяжела мелкая монета; ее было полезно замѣнить денежными знаками. Правительство положило въ банкъ фондъ тоже

въ 1 милл. р.; значитъ, размѣнъ ассигнацій былъ вполнѣ обезпеченъ. Вотъ почему ассигнаціи ходили на рынкѣ по одной цѣнѣ съ серебряными деньгами; онѣ были даже нѣсколько дороже мѣдныхъ денегъ и давали лажъ. Итакъ, мѣра, предпринятая въ 1768 г., была только выгодна для народнаго оборота. Потомъ выпускъ ассигнацій усилился, въ 1774 г. пущено было въ оборотъ уже 20 милл. бумажныхъ денегъ. Какъ извѣстно, выпускъ бумажныхъ денегъ очень выгодное, но опасное средство для казначейства; здѣсь легко переполнить мѣру и изъ средства облегченія для народнаго оборота создать средство обремененія для народнаго труда. Начиная 2-ю Турецкую войну, правительство, не имѣя наличныхъ средствъ, рѣшило энергически пользоваться кредитомъ и выпустило уже бумажныхъ денегъ на 100 милл. Впрочемъ, въ манифестѣ, сопровождавшемъ этотъ выпускъ, Екатерина давала торжественное обѣщаніе не увеличивать бумажныхъ денегъ ни на 1 коп. болѣе этой суммы. Къ концу 2-й Турецкой войны, какъ извѣстно, очень дорогой, на рынкѣ обращалось уже, однако, 150 милл. р. бумажныхъ денегъ; къ концу царствованія это количество возросло до 157 милл. Выпущенная масса бумажныхъ денегъ почувствовалась на рынкѣ и сопровождалась упадкомъ бумажнаго рубля. Къ концу царствованія Екатерины установился курсъ рубля въ 68 коп., т. е. съ потерей въ 32%; потерю эту оставалось возмѣстить усиленіемъ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ.

Такъ, при Екатеринѣ создался внутренній долгъ, представленный бумажными деньгами; это долгъ безпроцентный. Но Екатерина должна была обращаться и къ заграничнымъ банкамъ, т. е. дѣлать внѣшніе займы на довольно тяжелыхъ условіяхъ. За границей не питали довѣрія къ русскому государственному хо-

зяйству: во время Семилѣтней войны императрица Елисавета напрасно выпрашивала у голландскихъ банкировъ 2 милл. денегъ взаймы; ей никто не далъ. Екатеринѣ давали въ займы, но на тяжелыхъ условіяхъ. Къ концу царствованія внѣшняго долга накопилось 44 милл.; на покрытіе процентовъ по этому долгу государство ассигновывало ежегодно уже безъ малаго 5 милл. р. Если мы сосчитаемъ внѣшній и внутренній долгъ, мы опредѣлимъ сумму, которую правительство забрало въ долгъ у будущаго, ибо задолжавшее государство какъ бы забираетъ въ долгъ у дальнѣйшихъ поколѣній часть ихъ имуществъ. Внѣшній долгъ въ 44 милл., сложенный съ 157 милл. долга внутренняго, составлялъ сумму въ 201 милл.; а государство въ концѣ царствованія Екатерины въ послѣдніе годы получало доходъ среднимъ числомъ 65 милл., т. е. Екатерина, оканчивая свое царствованіе, забрала у потомства 3 бюджетныхъ года.

Таковы были два средства, къ которымъ обращалось казначейство при Екатеринѣ; оба средства были тяжелы: одно обременительно для будущаго, другое разорительно для настоящаго, потому что успѣхъ откупного дохода, очевидно, пріобрѣтался не путемъ обложенія народнаго труда, а путемъ усиленнаго расходованія самыхъ производительныхъ силъ народа; чѣмъ больше росъ этотъ доходъ, тѣмъ меньше становилась народная способность къ производительному труду. Очевидно, оба эти опасныя средства необходимы были для правительства за отсутствіемъ другихъ источниковъ дохода, а другіе источники дохода были закрыты крѣпостнымъ правомъ.

Теперь, разсмотрѣвъ вліяніе крѣпостного права на народное и государственное хозяйство, мы должны обратиться къ такимъ сферамъ народной жизни, куда

еще не заглядывали, изучая царствованіе Екатерины: именно, къ умственной и нравственной жизни общества. Вліяніе крѣпостного права, не только косвенно, но и прямо мы замѣтимъ и въ этихъ интимныхъ сферахъ народной жизни.

4. Умственная и нравственная жизнь общества.

Обращаясь къ изученію умственной и нравственной жизни общества, мы входимъ въ область наиболѣе сложныхъ и въ то же время наименѣе осязательныхъ явленій. Черты, которыя характеризуютъ умственную и нравственную жизнь тогдашняго общества, при первомъ взглядѣ на нихъ, покажутъ очень мало родства съ крѣпостнымъ правомъ; что общаго было, повидимому, между екатерининскимъ вольтеріанствомъ и порядкомъ, заведеннымъ крѣпостнымъ правомъ? А между тѣмъ, и крѣпостные нравы, и вольтеріанство шли изъ одного и того же источника. Явленія, въ которыхъ сказывалась умственная и нравственная жизнь русскаго общества, были тѣсно связаны съ тѣмъ положеніемъ, какое создано было для дворянства крѣпостнымъ правомъ; это право въ первое время и уединило дворянство, и сдѣлало его празднымъ. Въ странѣ, гдѣ господствующій классъ общества сосредоточиваетъ въ себѣ и политическія привилегіи, и экономическія средства, этотъ классъ долженъ быть очень занятъ; политическія привилегіи должны вовлекать его въ политическія дѣла страны, чтобы руководить обществомъ, во главѣ котораго онъ стоитъ; экономическія средства, если это господствующій капиталъ въ странѣ, должны задавать ему большую хозяйственную работу. Въ рукахъ русскаго дворянина второй половины XVIII в. было и то, и другое—и привилегіи, и господствующій капиталъ страны, т. е. землевладѣніе. Дворянству от-

крыто было широкое участіе въ управленіи государствомъ, именно, въ областномъ; въ то же время, владѣя большею частью доходной земли въ странѣ, оно должно было регулировать народное хозяйство. Но крѣпостное право помѣшало ему стать дѣйствительно занятой силой въ томъ и другомъ порядкѣ отношеній.

Предоставленное дворянству участіе въ мѣстномъ управленіи уже при Екатеринѣ перестало быть серіознымъ дѣломъ, превратилось въ каррикатуру. Это дворянское самоуправленіе вело только къ періодическимъ съѣздамъ дворянъ на уѣздныя и губернскія собранія, къ празднествамъ и избирательнымъ интригамъ. Само дворянство принимало очень мало участія въ мѣстныхъ дѣлахъ; разъ въ три года оно съѣзжалось, чтобы выбрать мѣстныхъ управителей, засѣдателей, исправниковъ и т. п. и потомъ до слѣдующаго съѣзда складывало руки. Сами эти избираемые представители дворянства вмѣстѣ съ короннымъ, но дворянскимъ губернаторомъ, были нужны дворянству не столько для того, чтобы руководить дѣлами общества, сколько для того, чтобы поддерживать порядокъ, сдерживать неспокойныхъ крестьянъ въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ; оно не руководило своими избранниками, а избирало послѣднихъ, чтобы обезпечить себѣ спокойный сонъ. Такимъ образомъ, предоставленное дворянству участіе въ мѣстномъ управленіи не задало сословію серіознаго общественнаго дѣла.

Кромѣ того, крѣпостное право оторвало дворянство отъ окружающей среды больше прежняго; оно сдѣлало его чуждымъ той средѣ, которою оно должно было руководить. Мы уже знаемъ, что крѣпостное право нарушило равновѣсіе между правами и обязанностями дворянства; съ дворянства сняты были его старинныя государственныя обязанности, но удержаны и даже

увеличены его старинныя политическія и экономическія преимущества. Такимъ образомъ, общественный порядокъ въ государствѣ очутился на новомъ основаніи. Это основаніе было политической несправедливостью; чувство перемѣны въ самомъ основаніи государственнаго порядка замѣтно уже при Екатеринѣ даже въ народной массѣ. Низшіе, наиболѣе придавленные, классы общества бунтовали нерѣдко какъ въ XVII, такъ и въ XVIII ст.; оба эти вѣка въ нашей исторіи—эпоха народныхъ мятежей. Есть, однако, большая разница въ побужденіяхъ, какими вызывались бунты того и другого вѣка. Противъ чего возстають народныя массы въ XVII вѣкѣ при царѣ Алексѣѣ? Противъ низшихъ органовъ управленія: воеводъ и приказныхъ людей; эти мятежи вызывались негодованіемъ на административные порядки и нравы, но не чувствомъ несправедливости общественнаго строя, который въ XVII вѣкѣ, если угодно, былъ недостаточно выработанъ, но не былъ основанъ на несправедливости. Тогда всѣ классы несли свою службу государству и по свойству этихъ службъ пользовались извѣстными преимуществами, или, лучше сказать, за исключеніемъ одного высшаго боярскаго класса, не пользовались никакими. Въ XVIII в. народные мятежи имѣли другую цѣль, развивались подъ другимъ знаменемъ; народная масса не возстаетъ противъ администраціи, но она идетъ противъ дворянства; мятежи получаютъ соціальный характеръ, котораго они не имѣли въ предшествовавшее столѣтіе. Такъ сказывалось чувство политической несправедливости, на какой держался государственный порядокъ; а эта несправедливость, заключавшаяся въ нарушеніи равновѣсія между обязанностями и правами класса, внесена была въ государственный порядокъ крѣпостнымъ правомъ. Благодаря привилегіямъ, дворянство стало такъ

высоко надъ управляемымъ обществомъ, что порвались его историческія связи, которыми оно прежде было соединено съ послѣднимъ.

Далѣе, даровой трудъ, какимъ дворянство пользовалось, благодаря крѣпостному праву, снялъ съ него тяжелую обязанность непосредственно заниматься хозяйственными дѣлами. Дворянство, какъ мы знаемъ, теперь, на свободѣ, стало даже менѣе сельскохозяйственной силой страны, чѣмъ прежде; такъ случилось, что классъ, который въ продолженіе вѣковъ работалъ на общество и въ послѣдній вѣкъ сталъ имъ руководить, очутился въ одно время и въ сторонѣ отъ этого общества, чуждымъ ему, и безъ дѣла. *Это дворянское бездѣлье вмѣстѣ съ общественнымъ уединеніемъ и составляютъ самую важную черту въ жизни нашего общества.* Отсюда вышли чрезвычайно разнообразныя послѣдствія, которыми опредѣлился не только характеръ общежитія, но и умственная и нравственная жизнь того времени. Какъ скоро классъ отрывается отъ окружающей его среды, въ немъ начинаетъ складываться искусственная жизнь, чуждая дѣйствительнымъ интересамъ, которыми живутъ другіе, жизнь наполненная интересами фальшивыми, призрачными; это несчастье, повторившееся съ нашимъ обществомъ впослѣдствіи еще разъ, быстро развилось въ дворянской средѣ съ половины XVIII в., вслѣдствіе общественнаго уединенія и бездѣлья класса. По мѣрѣ того, какъ дворянство чувствовало досугъ, ему открывавшійся, въ обѣихъ столицахъ и большихъ городахъ мы замѣчаемъ быстрые успѣхи общежитія; въ городахъ развивается привычка собираться и толковать, вырабатывается извѣстная манера обращенія, вкусы, приличія, какихъ не знали прежнія слишкомъ занятыя поколѣнія. Эти успѣхи общежитія замѣчаются только въ дворянскомъ

обществѣ; они дѣйствуютъ и на воспитаніе молодыхъ поколѣній: подростки, вникая въ потребности отцовъ, приготовляются къ той жизни, какую тѣ устанавливали.

Съ царствованія Елисаветы становится замѣтной и перемѣна въ системѣ воспитанія. Петръ, какъ извѣстно, водворилъ техническую, мастеровую школу, хотѣлъ сдѣлать дворянство проводникомъ техническихъ и военныхъ знаній въ русскомъ обществѣ. По смерти его это образованіе падаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ; паденіе это можно замѣтить по ходу дѣлъ созданныхъ имъ военныхъ учебныхъ заведеній. Петръ очень хлопоталъ о развитіи «навигацкой науки», для которой онъ учредилъ Навигаціонную школу въ Москвѣ и Морскую академію въ Петербургѣ. Морская академія при его преемницахъ пришла въ очень жалкое состояніе; по донесенію завѣдывавшаго этимъ заведеніемъ адмирала Коллена, въ 1750 г. академія не могла набрать полнаго комплекта воспитанниковъ; дворяне не отдавали туда своихъ дѣтей, вообще чуждались морской службы. Въ академію поступали только самые бѣдные дворяне, которымъ некуда было дѣваться. Эти молодые люди рѣдко ходили въ школу, сидѣли дома, не имѣя ни платья, ни сапогъ; академія платила имъ маленькое жалованье, сама считая его недостаточнымъ для приличнаго офицерскаго содержанія; а воспитанникъ морской академіи — это будущій офицеръ. Даже солдаты, по донесенію адмирала Коллена, пользовались лучшимъ содержаніемъ, чѣмъ воспитанники этой школы. Школы спеціальныя и техническія вообще падаютъ. Въ царствованіе Елисаветы, въ 1755 г., учрежденъ былъ первый русскій университетъ въ Москвѣ; ему предназначалось сдѣлаться разсадникомъ тѣхъ высшихъ спеціальныхъ знаній, какія требовались

государству, ставшему на европейскую ногу. Въ 1755 г. въ этотъ университетъ набрали 100 студентовъ, черезъ 30 лѣтъ, въ царствованіе Екатерины, въ немъ было только 62 студента. Если бы войти въ тогдашнія университетскія аудиторіи, можно было бы подумать, что попалъ въ иностранную колонію: лекціи читались на латинскомъ, преимущественно на французскомъ языкѣ; на немъ же велись протоколы совѣта. Это учебное заведеніе, которое должно было проводить въ русское общество высшее знаніе, развивалось плохо. Въ 1765 году въ этомъ университетѣ числился одинъ студентъ на юридическомъ факультетѣ; въ 1767 г.—одинъ студентъ на медицинскомъ. Во все время царствованія Екатерины II только одинъ врачъ выдержалъ въ университетѣ экзаменъ на степень доктора. Зато чрезвычайно успѣшно развивался Шляхетскій кадетскій корпусъ, учрежденный по плану Миниха для дворянъ въ 1731 г.: это потому, что Шляхетскій военный корпусъ—военно-учебное заведеніе — всего менѣе занимался военными науками; это былъ свѣтскій университетъ, гдѣ преподавалось все, кромѣ того, что̀ нужно офицеру, а воспитанники корпуса выпускались въ большинствѣ случаевъ офицерами. Въ кадетскомъ корпусѣ преподаватели были сначала почти исключительно нѣмцы, потомъ и французы; всего меньше было здѣсь русскихъ учителей. Здѣсь преподавали геральдику, генеалогію, исторію, географію, юриспруденцію, философію, танцы—все, что̀ угодно, только не военныя науки; военными упражненіями занимались только день въ недѣлю, въ субботу, для того, какъ сказано въ одной инструкціи, чтобы другимъ наукамъ помѣхи не было. Даже Законъ Божій, который въ университетской гимназіи иногда вовсе не преподавался, преподавался въ кадетскомъ корпусѣ, но на нѣмецкомъ языкѣ и нѣмецкимъ учи-

телемъ, лютеранскимъ пасторомъ, докторомъ богословія.

Такимъ образомъ, перемѣна въ образовательныхъ вкусахъ и стремленіяхъ русскаго общества сказалась въ судьбѣ учебныхъ заведеній; общество, очевидно, не хотѣло техника, не хотѣло никакихъ спеціальныхъ знаній; оно хотѣло свѣтскаго образованія. Вотъ почему въ гимназіи, которая состояла при Московскомъ университетѣ, французскій языкъ преподавался 14 часовъ въ недѣлю, а русскій—6 час., какъ и танцы. Само правительство поддерживало такое направленіе образованія; кадеты, изучая общеобразовательные предметы, къ тому же вовлекались въ эстетическія развлеченія, по указу двора. Разъ прислано было въ Петербургскій кадетскій корпусъ приказаніе отъ двора разучить извѣстную драматическую пьесу и поставить ее на сцену; для сего кадеты были освобождены отъ школьныхъ занятій, начиная отъ Рождества до Великаго поста; кадеты играли эту пьесу въ присутствіи двора. Преподаваніе сценическаго искусства даже стало однимъ изъ важныхъ предметовъ, вмѣстѣ съ живописью и ваяніемъ. Такимъ образомъ, правительственная школа отразила въ себѣ новые интересы общества. Общество, почувствовавъ себя празднымъ, старалось наполнить свою жизнь, разумѣется, прежде всего развлеченіями; тутъ зародились тѣ такъ называемые образовательные интересы, которыми долго жило общество. Съ этого времени театръ сталъ важнымъ дѣломъ для образованнаго русскаго человѣка; правда, тогда еще не говорили того, что̀ потомъ стали говорить объ образовательномъ значеніи театра, но и тогда цѣнили его не меньше нашего.

По примѣру правительственной школы устраивалось и частное образованіе. Далеко не все дворянство могло помѣстить дѣтей въ школы, изъ которыхъ иныя, какъ

напр. Московскій университетъ, были никуда негодными; для того, чтобы приготовить дѣтей къ свѣтской жизни, которая могла дать важныя матеріальныя выгоды, старались обзавестись домашними учителями или воспользоваться частными школами. Съ того времени обнаруживается сильный запросъ на учителя-гувернера нѣмца и, преимущественно, француза. Переворотъ 1741 г., возведшій Елисавету на престолъ, положилъ предѣлъ нѣмецкому вліянію; съ этого времени начинается вліяніе французское, т. е. вліяніе французскаго языка, французскихъ обычаевъ и французской литературы. Спросъ вызвалъ сильное предложеніе; съ царствованія Елисаветы начинается усиленный транспортъ французскихъ учителей изъ Франціи въ Россію; учителями этими были всѣ, которые не могли найти себѣ подходящаго дѣла дома. Требованія со стороны русскаго общества были таковы, что имъ могли удовлетворять люди съ самымъ элементарнымъ образованіемъ; въ большіе дома гувернерами шли французы-парикмахеры и другіе ремесленники, даже люди, которые должны были покинуть отечество, не сошедшись въ понятіяхъ съ мѣстной полиціей. Русская сатира второй половины XVIII в., можетъ быть, даже слишкомъ ярко нарисовала намъ французскихъ гувернеровъ того времени, которые вмѣстѣ съ валансьенскими кружевами, апельсинами и др. товарами ежегодно въѣзжали въ Петербургъ въ большомъ количествѣ черезъ Кронштадтскую пристань. Само правительство жалуется на дороговизну и невѣжество преподавателей; въ указѣ 12 января 1755 г., которымъ открытъ былъ Московскій университетъ, мы читаемъ: «великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не токмо учить наукѣ не могутъ, но и сами тому никакого начала не имѣютъ..... а иные, не имѣя званія въ

наукахъ, или по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Указъ сознавалъ необходимость замѣнить такихъ невѣжественныхъ воспитателей достойными и свѣдущими въ наукѣ національными людьми; но по судьбѣ Московскаго университета можно судить, какъ мало было тогда такихъ достойныхъ національныхъ людей.

Нѣкоторые заграничные педагоги, явившіеся въ Россію, открывали частныя учебныя заведенія. Пансіоны, содержимые иностранцами, зарождаются въ исторіи нашей педагогіи только въ царствованіе Елисаветы; эти пансіоны дѣйствовали даже успѣшнѣе многихъ правительственныхъ школъ, благодаря сильному запросу на свѣтскія знанія. Въ мемуарахъ XVIII в. можно полными горстями брать любопытныя черты воспитанія, какое получало русское юношество въ этихъ пансіонахъ. Вотъ что разсказываетъ о своемъ образованіи смоленскій дворянинъ Энгельгардъ, поступившій въ пансіонъ Эллерта въ 1773 г., слѣдовательно, уже послѣ того, какъ былъ начертанъ Наказъ. Эллертъ былъ недалекъ въ наукахъ, но науки и не спрашивались; вся его учебная дѣятельность состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ: грамматики, риторики, исторіи, географіи, миѳологіи и т. п. Первымъ предметомъ былъ французскій языкъ; занятія учениковъ почти исключительно состояли въ вытверживаніи французскихъ фразъ; за малѣйшую вину Эллертъ наказывалъ жестоко, словомъ, по выраженію автора, «былъ настоящій тиранъ». Много было въ пансіонѣ изуродованныхъ, но пансіонъ былъ весь полонъ, несмотря на высокую плату въ 100 р., которая равнялась нашимъ 900 или даже 1000 р. Французскій языкъ, разумѣется, препода-

вался всего успѣшнѣе, потому что подъ страхомъ жестокаго наказанія воспитанникамъ запрещено было говорить на другомъ языкѣ; напр., здѣсь за каждое русское слово били ремнемъ изъ подошвенной кожи. Изъ самихъ пансіонеровъ была создана іерархія высшаго и низшаго начальства, т. е. большихъ и маленькихъ шпіоновъ. И дворянскія дѣвицы должны были итти за братьями искать новаго образованія, какое требовалось въ свѣтѣ. Съ того времени дворянская дѣвица, воспитанная въ старыхъ русскихъ нравахъ, начала перерабатываться въ mademoiselle. Въ пансіонѣ Эллерта было отдѣленіе для образованныхъ дѣвицъ; два раза въ недѣлю въ пансіонѣ открывался танцклассъ, на который изъ города и окрестныхъ деревень съѣзжались дворянскія дѣвицы для изученія тайнъ менуэта и контрданса; за курсъ танцевъ Эллертъ бралъ 30 р. (около 300 на наши деньги). Эллертъ держался одинаковой педагогіи, какъ въ образованіи кавалеровъ, такъ и въ образованіи мадемуазелей, т. е. былъ одинаково жестокъ съ тѣми и другими; одной взрослой дѣвицѣ онъ при всѣхъ отбилъ руки за непонятливость въ танцахъ. Это свѣтское образованіе должно было подготовить людей къ успѣху въ свѣтѣ; русскій дворянинъ, гвардейскій солдатъ и армейскій офицеръ при Петрѣ, теперь долженъ былъ бросить свой курсъ цифири и геометріи и приняться за изученіе свѣтскихъ приличій.

Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ вкусовъ художественныхъ развлеченій уже къ началу царствованія Екатерины II сложилось два типа, которые характеризуютъ тогдашнее дворянское общежитіе. Эти типы — руководители тогдашней свѣтской жизни: одинъ — свѣтскій щеголь, «петиметръ»; другой «свѣтская вертопрашка», «кокетка»; такъ назывались эти типы въ то время. Оба они очень любопытны для характеристики тогдаш-

няго русскаго общества; въ обоихъ сказался важный моментъ въ ходѣ нашего образованія. Достаточно читать сатирическій журналъ первой половины екатерининскаго царствованія, чтобы получить полное понятіе о томъ и о другой. Это—люди, воспитанные французскимъ гувернеромъ, во французскихъ обычаяхъ и на французскомъ языкѣ: у щеголя петиметра нѣтъ отечества, т. е. у него есть отечество, но далеко—Парижъ; къ русской жизни онъ относится съ величайшимъ презрѣніемъ уже потому, что не знаетъ ея, никогда не видѣлъ ея; петиметръ-кавалеръ, для котораго кодексъ свѣтскихъ приличій—святыня; русскій языкъ онъ презираетъ столько же, сколько и нѣмецкій; тотъ и другой—достояніе дѣдовъ, вышедшее изъ моды. Услыхавъ объ Уложеніи царя Алексѣя, онъ говоритъ въ одной изъ комедій Сумарокова: «Уложеніе, это что за звѣрь? Я бы не только не хотѣлъ знать о русскомъ Уложеніи, я бы и русскаго языка знать не хотѣлъ — скаредный языкъ! для чего я родился русскимъ? какъ одѣться, взять шляпу, я тому формально учился, чтобы могъ тѣмъ отечеству своему услугу оказать». «Экое безобразіе», восклицаетъ арлекинъ-наблюдатель: «это, конечно, обезьяна, только не здѣшняя, а заморская». Кокетка совершенно подъ пару петиметру; это свѣтская барыня; ей хорошо вездѣ, только не дома; она интересуется всѣмъ, только не семьей, рѣдко видится съ мужемъ и по возможности не видитъ дѣтей. Бабушки петиметра и кокетки еще воспитывались на нѣмецкомъ языкѣ, говорили страннымъ русскимъ языкомъ: «Мейнъ» мужъ «камъ»—домой, «шпрингъ»—черезъ заборъ и «филь инз»—грязь. Таковъ былъ нѣмецкій языкъ временъ Императрицы Анны. Теперь нравы измѣнились: французскій языкъ далъ новый пошибъ великосвѣтскому жаргону. Люди безъ отечества и убѣжденій, они, выражаясь ихъ

языкомъ, «фельетировали» модныя книжки безъ всякой «дистракціи» и выносили оттуда рѣчь «растеганную и мысль прыгающую». Если мы будемъ читать изображеніе великосвѣтской жизни въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины, насъ смутитъ эта изысканность и нѣкоторая растрепанность языка. Въ великосвѣтской жизни грѣшки были всегда; теперь, приглашая мужчину на свиданіе, женщина выразилась бы: «Придите».. и т. п.; а тогда великосвѣтская дама выражалась такъ: «Мужчина»,—писала она своему поклоннику,—«притащи себя ко мнѣ, я до тебя охоча; ахъ какая ты сладость, ужесть, ужесть, я отъ тебя падаю». Такъ отражались на невоздѣланной русской почвѣ новые привозные вкусы, которые слишкомъ неожиданно понадобились въ житейскомъ оборотѣ.

Легко понять, какое опустошеніе эти вкусы должны были произвести въ старо-русскомъ запасѣ идей и нравственныхъ чувствъ. Русскій образованный дворянинъ не только долженъ былъ пройти принятый дома курсъ великосвѣтскихъ приличій, онъ долженъ былъ для достиженія совершенства побывать за границей. Съ конца царствованія Елисаветы начинается странствованіе русскихъ людей за границу для довершенія образованія; странствовали почти исключительно дворяне и почти исключительно въ Парижъ. Парижскія улицы, кофейни, рестораны были для русскаго дворянина настоящимъ университетомъ; оттуда возвращался онъ въ Петербургъ, обремененный знаніями и приличіями. Какъ русскіе люди вели себя за границей, какъ они жадно всматривались во все, что видѣли, въ чаяніи, не понадобится ли это въ русскомъ петербургскомъ свѣтѣ, это можно видѣть въ картинѣ русскихъ путешественниковъ, нарисованной уже въ эпоху революціи въ извѣстномъ «Nouveau Paris». Что такое русскій дво-

рянинъ за границею? Это человѣкъ вѣчно занятый; онъ все бѣгаетъ, все щупаетъ, не зная, для чего это нужно. Домой онъ возвращался съ такимъ же, вѣроятно, хаотическимъ запасомъ впечатлѣній, какой принесъ домой и Петръ, возвращаясь въ 1698 г.; но Петръ приносилъ съ собой впечатлѣнія фабрикъ, кораблей, а русскій дворянинъ, тотъ, котораго Петръ хотѣлъ сдѣлать настоящимъ дѣльцомъ знаній, возвращался въ Петербургъ съ воспоминаніемъ о кофейняхъ, ресторанахъ, увеселительныхъ заведеніяхъ, модахъ, модисткахъ и т. п. Въ «Трутнѣ», сатирическомъ журналѣ, въ одномъ номерѣ 1769 года мы читаемъ юмористическую публикацію, въ которой, къ сожалѣнію, очень много правды. Эта публикація такова: «Молодого поросенка, путешествовавшаго по чужимъ странамъ, чтобы получить образованіе, и возвратившагося свиньей, можно будетъ видѣть безъ денегъ на всѣхъ улицахъ столицы». Свѣтскіе вкусы содѣйствовали развитію эстетическихъ и литературныхъ развлеченій; это были необходимыя послѣдствія бездѣлія, которое заставляло чѣмъ нибудь наполнить досугъ. Это поразительное явленіе — жажда эстетическихъ развлеченій въ русскомъ обществѣ въ царствованіе Елисаветы. Вмѣстѣ съ этимъ развился и вкусъ къ чтенію. Сначала читали все безъ разбора, что̀ попадетъ подъ руку; есть записки, которыя, можетъ быть, лучше другихъ мемуаровъ рисуютъ намъ русское общество второй половины XVIII в. Это обширныя, простодушныя, не умныя, но добрыя записки Болотова. Болотовъ говоритъ, что онъ, начиная читать, сначала взялся за исторію Александра Македонскаго, потомъ читалъ Ангильберта, «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, потомъ прочиталъ романъ «Жиль-Блазъ», далѣе перешелъ къ Четьямъ-Минеямъ Дмитрія Ростовскаго; наконецъ попадается ему сумароковская траге-

дія «Хоревъ», и онъ выучиваетъ ее наизустъ. Съ конца царствованія Елисаветы пошла въ ходъ модная любовная пѣсенка. Эта пѣсенка и романсы тогда сочинялись во множествѣ стихотворцами, разучивались быстро свѣтскими барынями, барышнями и не сходили съ ихъ языка. Появленіе въ обществѣ любви къ такимъ чувствительнымъ пѣсенкамъ отмѣчаетъ намъ Болотовъ въ половинѣ XVIII в. Сначала, читая безъ разбора, безъ цѣли, не обращали вниманія на содержаніе; при Екатеринѣ новыя условія русскаго образованія указали чтенію цѣль, опредѣлили выборъ произведеній. Содержаніе этихъ произведеній, т. е. тотъ кругъ идей, который выносило русское общество изъ чтенія,— новый любопытный фактъ въ исторіи нашего образованія. До сихъ поръ, до половины царствованія Екатерины, усваивались манеры и пріемы, безъ которыхъ нельзя было обойтись въ свѣтѣ; съ этого времени стали усваивать идеи и убѣжденія, хотя безъ нихъ не только можно, но и должно было обойтись обществу.

Умственная и общественная жизнь, нами изложенная, относится къ первому періоду развитія русскаго образованнаго общества со смерти Петра; періодъ этотъ можно назвать Елисаветинскимъ. При помощи моды, новыхъ вкусовъ и моднаго воспитанія, общежитіе получило около половины XVIII в. своеобразный отпечатокъ. Туземные и чужестранные наблюдатели передаютъ намъ черты этого общежитія. Въ столицахъ и главныхъ провинціальныхъ городахъ, преимущественно изъ дворянскаго элемента, сложилось праздное общество любителей французскаго языка и легкаго романа. Болотовъ точно опредѣляетъ время, съ котораго стали обнаруживаться слѣды успѣховъ общежитія въ дворянскихъ классахъ. Онъ говоритъ,

что именно съ половины вѣка, «съ средины царствованія Елисаветы, вмѣстѣ съ карточной игрой, и вся свѣтская, нынѣшняя жизнь получила свое основаніе, и сталъ входить въ народъ тонкій вкусъ во всемъ». Нѣсколько позднѣе иностранный наблюдатель, французскій посолъ Сегюръ, еще засталъ живые слѣды этого общежитія; онъ подъ внѣшнимъ лоскомъ петербургскаго свѣта подмѣтилъ еще остатки старины; но онъ изумляется успѣхамъ, какихъ достигло высшее общество въ усвоеніи иноземной культуры. «Все, что касается до тонкости обращенія и до свѣтскихъ приличій, усвоено петербургскимъ обществомъ въ совершенствѣ». Сегюръ встрѣчалъ здѣсь модныхъ дамъ и дѣвицъ, которыя говорили на трехъ, четырехъ языкахъ, играли на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ и отлично знали произведенія важнѣйшихъ романистовъ Англіи, Франціи и даже Испаніи. Что же осталось отъ этого общежитія, какой прочный осадокъ отложился въ русскомъ обществѣ? Несомнѣнно, что оно сообщило дворянскому «бомонду» нѣкоторую свѣтскую выправку, которая пришла взамѣнъ старой выправки казармъ; въ этомъ общежитіи, стремившемся такъ заботливо наполнить свою пустоту, эстетическія развлеченія рѣшительно преобладали; они подѣйствовали и на нервы. Любопытно наблюдать развитіе эстетической воспріимчивости и чувствительности въ высшемъ свѣтѣ. Казалось, люди высшаго русскаго общества никогда не были такъ слабонервны, какъ въ это время; они плачутъ при каждомъ случаѣ, даже такомъ, который не вызываетъ слезъ. Депутаты комиссіи 1767 г. плачутъ при слушаніи Наказа, который своими отрывистыми и сухими словами вовсе не располагаетъ къ чувствительности. Высокопоставленный графъ Чернышевъ плачетъ отъ умиленія, видя, какъ костромское дво-

рянство прилично (т. е. не совершивъ никакого скандала) приняло и угостило Императрицу; этотъ же Чернышевъ, человѣкъ очень узкаго міросозерцанія, не могъ безъ слезъ вспомнить о Петрѣ и говорилъ, что это «истинный Богъ на землѣ при нашихъ предкахъ». Таково общество, переданное Елисаветой своей преемницѣ.

Въ царствованіе Екатерины II въ русское свѣтское общество вошли нѣкоторые новые интересы и вкусы, которые сообщили ему нѣкоторыя новыя черты; это — второй періодъ въ развитіи русскаго дворянскаго общежитія XVIII в. *Главной заботой свѣтскаго общества въ первый періодъ было украшеніе жизни, наполненіе досуга изящными развлеченіями, плодами чужой культуры; главной заботой общежитія во второй періодъ было украшеніе ума, усвоеніе чужихъ идей.* Мы уже знаемъ, какъ подготовлено было это новое стремленіе. При Елисаветѣ изученіе французскаго языка было модой, требованіемъ приличія, свѣтской благовоспитанности. Вмѣстѣ съ изученіемъ этого языка распространялся и вкусъ къ изящной литературѣ. Эта литература занимала людей не потому, что сообщала полезныя свѣдѣнія и внушала полезныя чувства, а просто потому, что пріятно наполняла досугъ. Однако, знакомство съ французскимъ языкомъ и наклонность къ безпорядочному чтенію послужили важнымъ средствомъ къ распространенію и политическихъ, и нравственныхъ идей съ половины XVIII в. Прежде читали просто для развлеченія, а теперь для того, чтобы узнать интересныя вещи, о которыхъ пишутъ. Случилось такъ, что для русскаго общества Францiя стала образцовой страной вкуса и общежитія, когда ея литература получила обще-европейскій интересъ. Съ половины XVIII в. въ этой литературѣ появляются произведенія, которыя оказали

наиболѣе сильное дѣйствіе на европейскіе умы. Такъ, праздный вкусъ встрѣтился съ непраздным умственнымъ движеніемъ въ Европѣ. *Отсюда идетъ неожиданное могущественное вліяніе французской просвѣтительной литературы на русское общество;* вліяніе, какого она не оказала ни въ одной странѣ Европы. Этотъ странный фактъ былъ подготовленъ различными условіями; вліяніе проводилось различными путями, которые всѣ довольно искусны.

Прежде всего французскому вліянію покровительствовало правительство; оно еще при Елисаветѣ завязало непосредственное сношеніе съ корифеями французской литературы. Въ царствованіе Елисаветы Вольтеръ добился званія члена нашей Академіи Наукъ и выхлопоталъ себѣ черезъ поклонника французской литературы и очень близкаго къ Императрицѣ человѣка, куратора Московскаго университета Ивана Ивановича Шувалова, официальное порученіе отъ русскаго правительства написать исторію Петра Великаго. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины эти сношенія продолжались и даже стали тѣснѣй. Екатерина, еще въ молодости много читавшая по французски, ставшая поклонницей Вольтера, теперь спѣшила завязать знакомство съ французскимъ литературнымъ «бомондомъ». Здѣсь ею руководилъ не одинъ философскій или литературный интересъ, и, можетъ быть, этотъ интересъ даже руководилъ ею всего меньше: съ лѣтами ея дѣтскіе вкусы охладѣли. Но Екатериной руководили нѣкоторыя дипломатическія соображенія, хотя для насъ не совсѣмъ понятныя; она почему то придавала необыкновенную цѣну мнѣнію модныхъ французскихъ писателей о Россіи и русскихъ дѣлахъ, слѣдовательно, и объ Императрицѣ; она такъ цѣнила это мнѣніе, что иногда даже очень не искусно ухаживала за этими писателями. Екатерина въ Наказѣ

своемъ, какъ извѣстно, пыталась даже воспользоваться послѣднимъ словомъ французской публицистики для практическихъ потребностей русскаго законодательства. Какъ это ни странно, она приглашала даже на должность воспитателя своего сына, наслѣдника Павла, одного изъ самыхъ умныхъ представителей французскаго литературнаго движенія и одного изъ самыхъ крайнихъ, д'Аламбера. Д'Аламберъ, сотрудникъ Дидро по изданію Энциклопедіи, имѣлъ тактъ отказаться отъ этого приглашенія, и Екатерина послала ему упрекъ за то, что онъ отказывается «составить счастіе цѣлаго народа». Хорошъ былъ бы наслѣдникъ русскаго престола, воспитанникъ д'Аламбера, хотя въ этомъ не былъ бы виновенъ ни тотъ, ни другой. Послѣ Екатерина приглашала д'Аламбера и его друзей просто къ себѣ въ гости, обѣщая имъ въ Россіи больше «спокойствія и свободы слова, чѣмъ сколько они пользовались этимъ у себя въ отечествѣ». И Дидро не былъ забытъ ею; узнавъ, что этотъ энциклопедистъ нуждается въ деньгахъ, Екатерина купила его библіотеку, заплативъ за нее 15 т. ливровъ, и оставила бывшаго владѣльца пожизненнымъ хранителемъ этой библіотеки съ ежегоднымъ жалованіемъ въ тысячу франковъ; весь парижскій литературный міръ тогда аплодировалъ этому поступку русской Императрицы.

Сообразно съ новыми вкусами, которымъ покровительствовали сверху, стало измѣняться и направленіе образованія юношества, какъ въ казенныхъ школахъ, такъ и въ частныхъ. Въ тѣхъ же самыхъ кадетскихъ корпусахъ, въ которыхъ вмѣсто военнаго обученія такъ усердно преподавали при Елисаветѣ танцы, французскій языкъ и сценическое искусство, теперь стали усиленно преподавать болѣе возвышенные предметы: о философіи, о политическихъ и нравственныхъ поня-

тіяхъ, какія тогда развивались во французской литературѣ, постоянно и громко говорилось въ этихъ школахъ. Преподавателями здѣсь большею частью оставались французы, только съ новыми взглядами на воспитаніе. Французъ Леклеръ въ кадетскомъ корпусѣ, открывая курсъ естественной исторіи, физики и химіи во вступительной лекціей, разумѣется, на французскомъ языкѣ, говорилъ кадетамъ о философіи и о наступленіи владычества разума. Изъ казенныхъ школъ это направленіе проникло и въ сферу домашняго воспитанія; здѣсь французъ-гувернеръ или учитель сохранилъ прежнее преобладаніе; но онъ теперь самъ измѣнился, т. е. теперь стали гораздо разборчивѣе на домашнихъ учителей; лакея или парикмахера, который прежде училъ дѣтей въ вельможныхъ русскихъ домахъ, теперь смѣнилъ учитель вольнодумецъ, философъ. Учителя эти пользовались почетнымъ и выгоднымъ положеніемъ въ вельможныхъ домахъ; русскіе баре щедро платили имъ за педагогическіе труды. Есть любопытное извѣстіе объ этомъ отъ времени Екатерины. У князей Куракиныхъ гувернеромъ состоялъ образованный по-французски Брикнеръ; онъ за свой 14-лѣтній педагогическій трудъ получилъ отъ хозяина 35 т. тогдашнихъ русскихъ рублей, которые нужно умножить на 5 или на 6, чтобы перевести на нынѣшніе. Другой педагогъ, Граммонъ, чистый французъ, за педагогическую дѣятельность въ домѣ князей Долгоруковыхъ получилъ 25 т.; иные пріобрѣтали этимъ трудомъ пожизненныя пенсіи или выгодныя должности на русской службѣ, если оставались въ Россіи. Все это былъ, по отзыву знавшихъ ихъ современниковъ, образованный народъ; нѣкоторые изъ пріѣзжихъ педагоговъ были даже очень крайняго образа мыслей, принадлежали къ республиканцамъ-демократамъ. Тогда въ вель-

можныхъ домахъ Петербурга не стѣснялись политическимъ образомъ мыслей, и самъ дворъ подавалъ примѣръ этому. Приглашеніе д'Аламбера въ воспитатели наслѣдника престола не удалось, но Екатеринѣ удалось воспитать своихъ старшихъ внуковъ согласно съ своей педагогіей. Въ качествѣ воспитателя великихъ князей Александра и Константина она пригласила швейцарца Лагарпа, который былъ горячимъ поклонникомъ французской политической литературы въ ея послѣднемъ моментѣ развитія и даже не скрывалъ своихъ республиканскихъ убѣжденій. Придворные также старались запастись для своихъ дѣтей гувернерами, которые отличались бы политическими убѣжденіями послѣдняго разбора. Какъ ни странно, а въ одномъ вельможномъ домѣ, у графа Салтыкова, воспитателемъ дѣтей былъ родной братъ Марата, который, правда, не раздѣлялъ убѣжденій парижскаго демагога, однако. не скрывалъ и своихъ республиканскихъ стремленій. Съ дѣтьми Салтыкова этотъ петербургскій Маратъ являлся ко двору, къ великимъ князьямъ-внукамъ. Только когда казнили Людовика XVI, онъ обратился къ русскому правительству съ просьбой перемѣнить ему фамилію, замѣнивъ прежнюю названіемъ родного города Бодри. Иностранные путешественники не нахвалятся французскими гувернерами въ русскихъ дворянскихъ домахъ въ царствованіе Екатерины; они считаютъ этихъ гувернеровъ единственными проводниками философіи въ Россіи и единственными пропагандистами знаній и просвѣщенія. Нѣкоторые наблюдатели, впрочемъ, не безъ удивленія замѣчаютъ, что эти гувернеры почти всѣ усердные демократы, что однако не мѣшаетъ имъ жить въ барскихъ домахъ окруженными роскошью и вниманіемъ высокихъ хозяевъ и ихъ знакомыхъ.

Благодаря вліянію этихъ домашнихъ учителей, французская философія сдѣлала неожиданные быстрые успѣхи въ высшемъ дворянскомъ обществѣ. Эти успѣхи иногда доходили до виртуозности, колоссальной по своей ненужности. Разъ пріѣхавшій изъ Парижа французъ разговорился съ молодымъ графомъ Бутурлинымъ о Парижѣ, и Бутурлинъ изумилъ француза знаніемъ парижскихъ улицъ, театровъ, ресторановъ, зданій и памятниковъ; изумленіе француза достигло крайней степени, когда Бутурлинъ признался, что никогда не бывалъ въ Парижѣ, а все это знаетъ по книжкамъ. Петербургскій и парижскій литературный міръ долго восхищался анонимной пьесой: «Посланіе къ Нинонѣ»; пьеса эта была написана такими превосходными стихами, что ее рѣшились, наконецъ, приписать самому Вольтеру. И каково же было общее удивленіе, когда узнали, что авторомъ пьесы былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, сынъ того Шувалова, который игралъ такую видную роль въ царствованіе Елисаветы, какъ руководитель военныхъ и финансовыхъ дѣлъ. Этотъ Шуваловъ, даже по отзывамъ не любившей его княгини Дашковой, такъ хорошо зналъ французскую литературу, что могъ по пальцамъ перечесть всѣхъ ея поэтовъ XVIII и XVII и даже болѣе раннихъ вѣковъ. Таковы были успѣхи изученія французской литературы въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

Среднее дворянское общество, которое не располагало такими образовательными средствами, какими располагала знать, могло однако питаться столь же обильной трапезой. При Екатеринѣ военная молодежь чаще прежняго стала путешествовать за границу, иногда по правительственной командировкѣ. Это все была молодежь, которая всплыла на верхъ или пробиралась

туда послѣ іюньскаго переворота 1762 года. Сама Екатерина покровительствовала этимъ странствованіямъ; странствованія эти имѣли образовательную цѣль. Паломники направлялись тогда въ первый храмъ наукъ-Ферней Вольтера, который самъ хозяинъ называлъ «постоялымъ дворомъ Европы»; на этомъ постояломъ дворѣ не разъ появлялись и русскіе путешественники. Екатерина въ перепискѣ съ Вольтеромъ старалась увѣрить его, что «русскіе молодые офицеры жаждутъ его видѣть и бесѣды его слышать». Такимъ образомъ, офицеръ-дворянинъ, при Петрѣ ѣздившій за границу для изученія артиллеріи и навигаціонной науки, а при Елисаветѣ для изученія парикмахерскихъ и ресторановъ Парижа, теперь сталъ странствовать туда для изученія таинствъ философіи.

Екатерина офиціально признавала не только безвредность, но и пользу произведеній тогдашней французской литературы. Въ своемъ Наказѣ она даже взяла на себя трудъ пропагандировать идеи этой литературы въ русскомъ обществѣ. Эти произведенія безпрепятственно проникали въ Россію, здѣсь даже покровительствовали такимъ изъ нихъ, которыя не держались въ лавкахъ парижскихъ книжныхъ магазиновъ. Какъ извѣстно, самъ Наказъ — слабое отраженіе этой литературы—во французскомъ переводѣ былъ запрещенъ французской цензурой; тамъ была запрещена и Энциклопедія, какъ и дальнѣйшія изданія сочиненій Вольтера. Екатерина пригласила Дидро продолжать изданіе Энциклопедіи въ предѣлахъ Россіи, именно въ Ригѣ; звала также извѣстнаго Бомарше приготовить къ изданію новое полное собраніе сочиненій Вольтера и даже вызывалась поставить на петербургской сценѣ его «Свадьбу Фигаро», которая была запрещена на парижской сценѣ. Екатерина сама участвовала въ пере-

водѣ на русскій языкъ Мармонтелева «Велизарія», (пьеса была запрещена Парижской Сорбонной, какъ произведеніе, вредное для религіи). Послѣ этого русское общество не могло сомнѣваться въ безвредности произведеній французской литературы; въ Россіи и начали переводить и компилировать эти произведенія. Можно составить значительный каталогъ изъ этихъ переводныхъ произведеній, поступившихъ тогда въ русскія книжныя лавки; мы даже теперь себѣ представить не можемъ, какое огромное количество тогдашнихъ французскихъ сочиненій было переведено при Екатеринѣ на русскій языкъ; ихъ только знаютъ опытные русскіе библіотекари. Въ запискѣ одного изъ малорусскихъ дворянъ, Винскаго, офицера временъ Екатерины, за разныя дѣла потомъ разжалованнаго и сосланнаго въ Оренбургскую губернію, мы узнаемъ одну любопытную подробность, которая показываетъ, съ какою жадностью русское читающее общество, незнающее французскаго языка, ловило эти переводныя сочиненія. Въ ссылкѣ Винскій сблизился съ уфимскимъ губернаторомъ. Вращаясь въ Петербургѣ въ кругу военной и штатской молодежи, Винскій имѣлъ случай познакомиться съ произведеніями французскихъ писателей; тогда служба въ гвардіи, по его словамъ, доставляла обильныя средства любознательному человѣку пріобрѣсти литературныя свѣдѣнія. Въ библіотекѣ уфимскаго губернатора Винскій нашелъ произведенія Вольтера, Руссо и другихъ корифеевъ французской литературы; онъ такъ увлекся ими, что началъ изъ нихъ переводить отрывки и сообщалъ своимъ знакомымъ, какъ любопытную новость. Черезъ нѣсколько лѣтъ Винскій имѣлъ удовольствіе видѣть плоды своихъ литературныхъ занятій; ему подъ рукой сообщили, какъ любопытный секретъ, привезенныя изъ Сибири тетрадки, въ которыхъ онъ про-

читывалъ свои собственные переводы изъ Вольтера, Руссо и др. писателей. Переведенные отрывки такъ быстро распространялись посредствомъ переписыванія, что въ короткое время успѣли сходить въ Сибирь и воротиться обратно въ Уфу. «Въ Казани и Сибири произведенія названныхъ писателей», замѣчаетъ Винскій, «были извѣстны весьма многимъ».

Благодаря всѣмъ этимъ средствамъ, въ русское общество въ царствованіе Екатерины проникъ значительный запасъ политическихъ и нравственныхъ идей, которыя тогда съ такою настойчивостью распространялись изъ Франціи. Французское вліяніе должно было оказать сильное дѣйствіе на образованные русскіе умы. Одинъ тонкій наблюдатель, состоящій въ свитѣ великаго князя Александра, какъ учитель математики, французъ масонъ, передаетъ намъ черты этого вліянія; онъ говоритъ, что молодежь высшаго русскаго общества—самая образованная и самая философская въ Европѣ; что она гораздо образованнѣе многихъ, кто слушаетъ профессоровъ въ нѣмецкихъ университетахъ; что, когда началась революція, и французская знать начала эмигрировать изъ Франціи, люди, пріѣхавшіе въ Россію, были изумлены, что русскіе молодые люди высшаго общества лучше знаютъ сочиненія Руссо и рѣчи Мирабо, чѣмъ даже знаютъ ихъ во Франціи.

Теперь необходимо выяснить, что̀ принесло съ собою это французское вліяніе, что̀ оно оставило прочнаго въ русскихъ умахъ. Мы вовсе не думаемъ произносить сужденіе объ общеобразовательномъ значеніи французской просвѣтительной литературы XVIII в.; но, разсматривая ея вліяніе на наше общество, надобно отмѣтить въ ней одну черту: по происхожденію своему эта литература имѣла очень мѣстное, географическое значеніе. Въ одной, самой феодальной странѣ Европы,

гдѣ весь политическій и общественный порядокъ держался на устарѣломъ преданіи, эта литература была первымъ сильнымъ и беззавѣтнымъ нападеніемъ на преданіе или старину, во имя разума, т. е. во имя отвлеченныхъ понятій; такимъ образомъ, эта литература имѣла оппозиціонное направленіе. Правда, она изобиловала невѣроятнымъ количествомъ общихъ идей, самыхъ отвлеченныхъ положеній, далекихъ отъ любой исторической почвы; но не въ этихъ общихъ идеяхъ, началахъ равенства и свободы, ея сила; сила эта заключалась въ практическомъ развитіи общихъ началъ; а это послѣднее состояло во всесторонней и желчной критикѣ существующаго. Объявлена была война преданію, т. е. дѣйствующему порядку; но для того, чтобы оправдать эту войну, понадобился разумъ, т. е. общія идеи, которыя сами по себѣ не имѣютъ практическаго значенія, а много-много могутъ только служить украшеніемъ ума и средствомъ смягченія людскихъ частныхъ отношеній. Такимъ образомъ, общія идеи тамъ были теоретическимъ оправданіемъ, логической подкладкой очень существеннаго и практическаго стремленія, стремленія пошатнуть и разрушить преданіе. Отдѣленныя отъ этой практической цѣли, сами по себѣ общія понятія, эти гуманныя идеи XVIII в. не могли стать матеріаломъ для постройки какого либо новаго порядка; но ими пользовались для того, чтобы смягчить шероховатость существующихъ историческихъ порядковъ. Идея равенства никогда осуществлена не будетъ, и она важна не какъ практическое требованіе, а какъ смягчающее средство, которое должно сглаживать дурныя послѣдствія неизбѣжнаго неравенства. Такимъ образомъ, эта просвѣтительная литература, какъ практическое движеніе, имѣла чисто мѣстный, французскій, если угодно, западно-европейскій, анти-феодальный инте-

ресъ; она принесла практическую пользу тамъ, гдѣ дѣйствовалъ феодальный порядокъ. Практическаго дѣла ей не было тамъ, гдѣ не существовалъ этотъ порядокъ: слѣдовательно, не феодальная Восточная Европа и, особенно, Россія, могли воспользоваться запасомъ просвѣтительныхъ идей не для практическихъ своихъ потребностей, т. е. не для перестройки на новыхъ основаніяхъ существующаго общественнаго и политическаго порядка.

Что же могло быть заимствовано, внесено французскимъ вліяніемъ въ наше общество? Благодаря ему, мы видимъ въ нашемъ обществѣ екатерининскаго времени ужасный наплывъ общихъ идей и стереотипныхъ затверженныхъ чувствъ. То, чѣмъ на Западѣ люди пользовались, чтобы разграничить практически существующія отношенія, то у насъ затверживалось въ высшихъ кругахъ, какъ хорошее слово, удобная формула, которая можетъ служить пріятною замѣною пустого разговора, удачнымъ экспромтомъ. *Этотъ наплывъ общихъ идей и стереотипныхъ чувствъ, какъ украшеніе ума и свѣтскаго общежитія, и составляетъ характерную черту въ жизни русскаго высшаго общества того времени.* Несомнѣнно, что иныя изъ идей и чувствъ не ограничивались оборотомъ великосвѣтскихъ разговоровъ, но и западали въ душу. Практическаго примѣненія изъ этихъ идей, однако, сдѣлать было невозможно: въ дѣйствовавшихъ тогда на Руси порядкахъ не было того, противъ чего направлены были на Западѣ эти идеи, не было устарѣлаго преданія. Всѣ недостатки русской жизни того времени и происходили оттого, что ничего не было устарѣлаго, т. е. привычнаго, а все еще создавалось на ходу и, какъ все создающееся на ходу, шло дурно; такимъ образомъ, не было противъ чего возставать, не было врага, котораго нужно было бы разгро-

мить; здѣсь нужны были не развалины, а соревнованіе на пустомъ полѣ. Иныя изъ заносныхъ идей западали въ глубину души; но въ какихъ дѣтскихъ формахъ выражалось это увлеченіе! Политическій либерализмъ, которымъ проникнута просвѣтительная литература, овладѣвалъ и нѣкоторыми русскими умами. При дворѣ въ концѣ царствованія Екатерины игралъ нѣкоторую роль одинъ изъ секретарей Императрицы, Соймоновъ. Это былъ хорошо образованный человѣкъ, но, какъ и всѣ тогдашніе образованные люди, человѣкъ неосторожный на языкъ. Эта неосторожность отличала тогда образованный міръ Петербурга до несчастнаго событія съ Людовикомъ XVI; послѣ этого событія образованный міръ Петербурга прикусилъ языкъ. Вѣроятно, въ обществѣ Соймонова шли оживленные и откровенные разговоры, неистощимый матеріалъ для которыхъ давали тогда французскія дѣла. Лѣтомъ 1789 г. разъ Соймоновъ возвращается ночью домой и находитъ въ комнатахъ своихъ блестящую иллюминацію; онъ спрашиваетъ свою семилѣтнюю дочь Соню: «что это значитъ?» Соня объявила, что это она зажгла иллюминацію на радости. «По какому случаю?»—«Да какъ же не радоваться, папа, сказала она, вѣдь взята Бастилія, бастильскіе плѣнники вышли на волю». Дальше этого не шелъ политическій либерализмъ того времени, дальше едва ли онъ и могъ итти. Для насъ важно, впрочемъ, не то, какое употребленіе могъ сдѣлать изъ усвоенныхъ философскихъ политическихъ идей русскій человѣкъ, а то, въ какое отношеніе къ русской дѣйствительности ставили его эти идеи. Между послѣдними и первою не было ничего общаго. Русская дѣйствительность создавалась безъ всякой связи съ дѣйствительностью западно-европейской; русскія народныя понятія текли не изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ вытекали идеи фран-

цузской просвѣтительной литературы. Русскій образованный человѣкъ вращался въ русской дѣйствительности, на его плечахъ тяготѣли факты русскаго прошедшаго, отъ которыхъ онъ никуда не могъ убѣжать, ибо эти факты находились и въ немъ самомъ; а умъ его былъ наполненъ содержаніемъ совсѣмъ другого происхожденія, заимствованнымъ совсѣмъ изъ другого міра. Это очень неестественное положеніе. Обыкновенно общество и отдѣльныя лица, вращаясь среди внѣшнихъ явленій и отношеній, для оцѣнки ихъ имѣютъ и свои понятія и чувства; но эти понятія и чувства родственны по происхожденію съ окружающими явленіями и отношеніями; это просто осадокъ житейскихъ наблюденій и опытовъ, только вскрытыя начала, на которыхъ держится все окружающее. Значитъ, въ каждомъ правильно сложившемся міросозерцаніи факты и идеи должны имѣть одно происхожденіе и только при такомъ родствѣ могутъ помогать другъ другу; факты умѣряютъ идею, а идеи регулируютъ факты. Русскій образованный умъ XVIII в. сталъ въ трагикомическое положеніе; онъ зналъ факты одной дѣйствительности и питался идеями другой; начала у него не сходились и не могли сойтись съ концами. Вотъ когда зародилась умственная болѣзнь или умственный недостатокъ, если угодно, который тяготѣлъ потомъ надъ цѣлымъ рядомъ поколѣній, если мы только не признаемся, что онъ тяготѣетъ и надъ нами. Недостатокъ этотъ заключается въ томъ, что наши общія идеи не имѣютъ ничего общаго съ нашими наблюденіями. Идея—обобщеніе отдѣльныхъ явленій. Мы знаемъ свои явленія, но обобщенія, которыя мы имѣемъ, взяты изъ другихъ явленій; мы знаемъ русскіе факты и не русскія идеи. Значитъ, этотъ недостатокъ можетъ быть только устраненъ пополненіемъ двухъ пробѣловъ. Идеи, оторванныя отъ почвы,

на которой онѣ выросли—безсмысленны, но и факты, которые мы не умѣемъ обобщить, т. е. осмыслить, тоже безсмысленны; слѣдовательно, мы питаемся двойной безсмыслицей, и чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія, мы должны изучить чужіе факты и выработать свои идеи, и то и другое прибавить къ тому, чѣмъ владѣли прежде.

Итакъ, русскій образованный человѣкъ сталъ въ неестественное отношеніе къ русской дѣйствительности; прежде всего онъ не могъ понять ея, онъ даже не могъ размышлять о ней, потому что тѣ понятія, которыя онъ усвоилъ, вовсе не подходили къ тѣмъ явленіямъ, которыя онъ наблюдалъ вокругъ себя. Отсюда любопытная черта образованнаго человѣка екатерининской эпохи: въ его головѣ необыкновенная масса общихъ идей, но онъ совсѣмъ не размышляетъ, и умъ его переполненъ готовыми понятіями; зачѣмъ же въ такомъ случаѣ и размышлять о нихъ. Но не размышляя, онъ совсѣмъ не понимаетъ того, что его окружаетъ; это любопытная патологическая черта, отличающая екатерининскихъ людей. Эта черта прежде всего сказалась въ томъ, что идеи и стереотипныя чувства не оказывали никакого дѣйствія на настроеніе и поступки людей; много-много, если по нервной чувствительности, унаслѣдованной отъ елисаветинскихъ отцовъ, эти идеи потрясали нервы, вызывали слезы, но какъ скоро высыхали онѣ, человѣкъ ничего не измѣнялъ въ своихъ поступкахъ подъ вліяніемъ идей и чувствъ. Въ екатерининскомъ образованномъ человѣкѣ было два яруса: ярусъ идей и ярусъ поступковъ; наверху, въ своемъ умственномъ бельэтажѣ, онъ былъ высоко-образованнымъ европейцемъ, а когда спускался въ нижній этажъ, онъ оправдывалъ острое слово одного француза: «поскоблите русскаго, и передъ вами явится татаринъ». Черствость

гражданскаго и нравственнаго чувства—печальное явленіе, съ которымъ всюду встрѣчается изучающій общественные нравы того времени.

Этотъ недостатокъ размышленія и пониманія дѣйствительности тяготѣлъ даже надъ литературою, надъ ея самыми даровитыми представителями. Литература екатерининскаго времени любопытна для насъ, потому что она вся чисто дворянская; не встрѣтите ни одного знатнаго имени, котораго вы не нашли бы въ бархатной книгѣ. Самымъ даровитымъ и умнымъ изъ ея дѣльцовъ надобно считать Фонвизина; это былъ не только талантъ, но и замѣчательный умъ, и однако онъ понесъ на себѣ всю тяжесть этихъ неестественныхъ отношеній русскаго образованнаго человѣка къ дѣйствительности. Возьмемъ его лучшія комедіи—это отвлеченные трактаты о добродѣтеляхъ и порокахъ; трактаты о добродѣтеляхъ у него облечены въ небывалыя фигуры Стародума и Правдина, взятыхъ Богъ знаетъ съ какой общественной почвы. Да и самъ Недоросль, повидимому, прямо схваченный съ дѣйствительности, есть только пріятное драматическое развлеченіе для дѣтей; это такое же небывалое лицо, какъ и Правдинъ; это не образъ изъ дѣйствительности, а драматическая карикатура, комическій анекдотъ.

Но непониманіе дѣйствительности постепенно развилось въ болѣе горькое чувство, въ отвращеніе къ непонятой дѣйствительности; и чѣмъ успѣшнѣе русскій умъ XVIII столѣтія усвоялъ себѣ плоды чужихъ идей, тѣмъ скучнѣе и непригляднѣе казалась ему своя дѣйствительность. Она была такъ непохожа на міръ, изъ котораго выросли его идеи; онъ никакъ не могъ примириться съ родной обстановкой, и ему не разу не пришла на умъ мысль, что онъ долженъ улучшить эту обстановку упорнымъ трудомъ, чтобы приблизить ее

къ любимымъ идеямъ, что и на Западѣ эти идеи не вычитаны были въ уютномъ кабинетѣ, а выработаны потомъ и политы кровью. Такъ какъ его умственное содержаніе доставалось ему легко, ибо бралъ онъ его просто за деньги, напрокатъ, какъ все бралъ изъ магазина, то онъ не могъ подумать, что идея—это только цвѣтъ, украшеніе, которое является результатомъ продолжительнаго и упорнаго труда поколѣній. Почувствовавъ отвращеніе къ родной дѣйствительности, русскій образованный умъ долженъ былъ почувствовать себя одинокимъ въ мірѣ; у него не стало почвы подъ ногами. Та почва, съ которой онъ срывалъ философскіе цвѣтки, была ему чужда, та почва, на которой онъ стоялъ, совсѣмъ не давала такихъ цвѣтковъ, и образованный человѣкъ того времени не зналъ, куда дѣться. Тогда имъ овладѣла та космополитическая безпредѣльная скорбь, которая потомъ такъ пышно развилась въ образованныхъ людяхъ XIX в. Есть и печальные образчики жертвъ этой скорби, и рядъ ихъ начинается еще въ царствованіе Екатерины II.

На отдѣльныхъ лицахъ изъ образованнаго русскаго общества того времени мы можемъ наглядно наблюдать всѣ указанные результаты французскаго вліянія. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ играли роль и въ нашей политической исторіи, другія оставались въ тѣни, но тѣ и другія одинаково любопытны и, если угодно, одинаково трагичны. Въ первомъ ряду надо поставить княгиню Дашкову. Это очень характерная представительница русскаго образованнаго общества того времени. Она еще въ дѣтствѣ зачитывалась Вольтеромъ, Бейлемъ и др., зачитывалась до головокруженія, до нервнаго разстройства; потомъ, какъ извѣстно, за свое знакомство съ французской философіей, она даже была посажена на президентское кресло въ Академіи Наукъ.

Когда она разошлась съ Екатериной и удалилась въ частную жизнь, она стала нелюдимой и, поселившись въ Москвѣ, рѣдко съ кѣмъ видалась, еще рѣже съ кѣмъ разговаривала и ничѣмъ не интересовалась. Чтобы наполнить свой досугъ, она—президентъ Академіи Наукъ — приручила къ себѣ нѣсколько домашнихъ крысъ, которыя составляли все ея общество. Смерть дѣтей ее трогало мало, но судьба ея крысъ дѣлала ее тревожной на цѣлые дни. Только высокообразованные люди екатерининскаго времени могли начать Вольтеромъ и кончить ручными крысами.

Гораздо печальнѣе другой представитель екатерининскаго вольнодумства. Это былъ богатый помѣщикъ Николай Еремѣевичъ Струйскій. Онъ нѣкогда служилъ губернаторомъ во Владимірѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ огромномъ пензенскомъ имѣніи. Въ этой усадьбѣ онъ построилъ великолѣпный дворецъ, въ которомъ была богато украшенная зала въ два свѣта; кабинетъ свой онъ называлъ Парнасомъ; уже это свидѣтельствуетъ намъ о литературныхъ вкусахъ хозяина. Весь этотъ кабинетъ былъ заваленъ книжками; то были модныя французскія книги и Вольтеръ—наверху всѣхъ. Струйскій былъ самъ литераторъ, писалъ стихи и поклонялся политическому таланту Вольтера. До революціи при Екатеринѣ свободно учреждались частныя типографіи, которыя дѣйствовали безъ цензуры, безъ инспекторскаго надзора. Струйскій завелъ у себя въ деревнѣ типографію, которая была чуть ли не лучшей въ Россіи, на которую онъ тратилъ большую часть своего значительнаго дохода. Вся типографія служила литературнымъ усиліямъ хозяина; онъ только одинъ въ ней и печатался. Свои стихи онъ любилъ раздавать знакомымъ, или, что гораздо хуже, любилъ ихъ читать своимъ гостямъ. Бывало усадитъ посѣтителя около себя

въ креслѣ, возьметъ свое новое произведеніе и начнетъ его читать и читая приходитъ постепенно въ восторгъ, все болѣе щиплетъ своего сосѣда за что ни попало. Это былъ единственный поэтъ XVIII в., который умѣлъ своею бездарностью превзойти Тредьяковскаго. Но это только забавы и довольно безвредныя, если забыть о синякахъ, съ которыми уходили гости. Но у него были болѣе печальныя наклонности. Онъ былъ высокообразованный юристъ, который въ этомъ не даромъ подражалъ своей Императрицѣ. Онъ устроилъ у себя въ деревнѣ настоящій правильно организованный по-европейски судъ надъ крестьянами. Мужиковъ ставили въ кабинетѣ барина, самъ баринъ произносилъ обвинительные акты и защитительныя рѣчи по всѣмъ правиламъ западной юриспруденціи; только эпилогъ этихъ судебныхъ засѣданій былъ въ чисто русскомъ вкусѣ: обвиненнаго крестьянина онъ пыталъ по древне-русскому, для чего имѣлся у него въ подпольѣ огромный арсеналъ орудій пытки. Это былъ отвратительнѣйшій цвѣтъ русско-французской цивилизаціи XVIII столѣтія.

Наконецъ, встрѣчаемъ и одну жертву западно-европейскаго образованія, которая способна на насъ произвести глубокое впечатлѣніе, если только забудемъ, что это была жертва отъ скуки. Въ ярославскомъ своемъ имѣніи проживалъ, скучая въ праздности, зажиточный помѣщикъ Опочининъ; онъ былъ поклонникъ французской философіи и, благодаря этой философіи, сталъ въ непримиримую вражду съ русской дѣйствительностью. Но, повидимому, это былъ не только любознательный читатель, но и чувствительный, честный человѣкъ; онъ не могъ примириться съ этимъ противорѣчіемъ и въ 1793 г. застрѣлился. Послѣ себя онъ оставилъ любопытное завѣщаніе, и это завѣщаніе вскрываетъ весь ужасъ послѣдствій, къ которымъ приводило досужее

образованіе. «Будущее», говоритъ завѣщатель, «обѣщало мнѣ своевольное и пріятное существованіе». Но жизнь ему опротивѣла своею скоропроходимостью; онъ предпочелъ бытію переходъ въ ничто. «А самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить своевольно свою судьбу». Онъ завѣщалъ семейства своихъ дворовыхъ отпустить на волю, хлѣбъ раздать крестьянамъ. Составивъ завѣщаніе, съ пистолетомъ въ рукѣ, онъ бросилъ взглядъ и на покидаемыя книги; онѣ только растрогали его до глубины души. «Книги мои, любимыя книги, не знаю кому завѣщать ихъ; я увѣренъ, что въ здѣшней странѣ онѣ никому не надобны; прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню. Онѣ были первое мое сокровище, онѣ только и питали меня въ моей жизни, онѣ были главнымъ пунктомъ моихъ удовольствій напослѣдокъ; если бы не было ихъ, то моя жизнь текла бы въ безпрерывныхъ огорченіяхъ, и я давно оставилъ бы сей свѣтъ съ презрѣніемъ». Но какъ Струйскій пораженъ былъ ударомъ, лишь только получилъ вѣсть о смерти Екатерины, не умѣвъ перенести ея, какъ человѣкъ чисто екатерининскаго времени, такъ и Опочининъ даже передъ лицомъ смерти, забывая все, не могъ забыть своихъ пріятныхъ литературныхъ упражненій; за нѣсколько минутъ до смерти, онъ имѣлъ духъ начать переводъ стихотворенія Вольтера: «О, Боже, котораго мы не знаемъ». Далѣе слѣдуютъ точки, поставленныя передъ выстрѣломъ.

Припомните теперь русскаго «петиметра», выведеннаго въ одной изъ комедій Сумарокова, того самаго, который такъ огорчался несчастіемъ быть русскимъ и говорить на русскомъ языкѣ. Сравните этого пустого петиметра съ Опочининымъ, и вы найдете, что они — родные братья; они одинаково безполезны для русской

жизни, одинаково ея не понимаютъ и относятся къ ней съ одинаковымъ отвращеніемъ. Таковъ былъ послѣдній моментъ того процесса, который совершился въ нашей общественной и умственной жизни въ царствованіе Екатерины II. Намъ остается теперь подвести послѣдніе итоги дѣятельности этой Императрицы.

Значеніе царствованія Екатерины II.

Мы сдѣлали обзоръ царствованія Екатерины, разсмотрѣли ея внѣшнюю и внутреннюю преобразовательную дѣятельность; въ этой послѣдней отмѣтили важнѣйшія перемѣны, происшедшія какъ въ администраціи, въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ, такъ и въ соціальныхъ отношеніяхъ, въ связи съ которыми видѣли успѣхи общежитія, развитіе идей и образованія. Теперь намъ остается отмѣтить условія, которыя опредѣляли характеръ дѣятельности Екатерины, а потомъ сдѣлать историческую оцѣнку ея царствованія.

Въ дѣятельности Екатерины мы встрѣчаемъ черты, которыхъ не видѣли въ нашей исторіи до тѣхъ поръ; эти черты, впрочемъ, сообщены были дѣятельности правительства не столько личностью Императрицы, сколько происхожденіемъ ея власти и обстоятельствами, среди которыхъ она дѣйствовала. Личность Императрицы имѣетъ болѣе драматическій, чѣмъ историческій интересъ: появленіе ея на русскомъ престолѣ само по себѣ не было новымъ явленіемъ, подобнаго которому мы не встрѣчали прежде. XVIII вѣкъ, когда прервалось старое политическое преданіе Московскаго государства, былъ вѣкомъ случайностей во всемъ; тогда у насъ все было случайно: лица, какъ и порядки, факты, какъ и идеи. Екатерина принадлежала къ тому же порядку явленій;

она была царственной случайностью; но ея дѣятельность представляетъ новое сочетаніе элементовъ, какого мы не встрѣчали прежде въ нашей исторіи. Мы встрѣчали прежде лицъ, которыя, сидя на престолѣ, дѣйствовали черезъ русскихъ, но только не въ національномъ духѣ; встрѣчали руководителей общества, которые дѣйствовали въ національномъ духѣ, но не черезъ русскихъ; встрѣчали власть, соединенную въ лицѣ иностраннаго происхожденія, но пріобрѣтенную законнымъ путемъ. Теперь мы встрѣчаемъ новое сочетаніе, которое можно обозначить такъ: лицо иностраннаго происхожденія съ властью, добытою революціоннымъ путемъ, стремилось дѣйствовать популярно, въ чисто русскомъ духѣ и черезъ русскихъ. Въ этомъ сочетаніи — источникъ особенностей, которыми отличается дѣятельность Екатерины. Происхожденіемъ ея власти обусловлена была ея политика, ея образъ дѣйствій; власть, пріобрѣтенная незаконно, заставляла искать оправданія для захвата въ популярномъ образѣ дѣйствія. Впервые на русскомъ престолѣ встрѣчается носительница верховной власти, которая болѣе всего заискивала популярности; это новый пріемъ, какой усваиваетъ себѣ верховная власть въ нашей исторіи. Старые московскіе государи до Петра смотрѣли на свою власть, какъ на наслѣдственное достояніе, которое они получили отъ предковъ и безъ котораго они не могли себя представить; они пользовались властью, но не въ полной ея мѣрѣ, подобно капиталисту, который не живетъ во всю широту своихъ средствъ; они не напрягали ее, не старались усиленно устраивать общество, какъ могли его устроить, или какъ бы хотѣли. При Петрѣ Великомъ характеръ власти измѣняется. Для этого государя она была такимъ же наслѣдственнымъ достояніемъ, какъ и для его предшественниковъ, но онъ довелъ ее до крайняго напряженія;

онъ пользовался ею шире, чѣмъ сколько обладалъ ею; хотѣлъ регулировать или устроить такія отношенія, которыя недоступны верховной власти. Въ рукахъ Екатерины II власть получила иную физіономію. Обладая ею въ широкихъ размѣрахъ, она какъ будто немного совѣстилась ея, какъ будто старалась оправдать ее; это сообщило ея дѣятельности такія мягкія формы, какихъ верховная власть у насъ не имѣла до тѣхъ поръ. Эти мягкія формы — та сторона, которая наиболѣе подкупаетъ наблюдателей въ исторіи ея царствованія; но за нею скрывается другая.

Екатерина попала въ потокъ русской исторической жизни совершенно случайно, со стороны, и никогда не могла впослѣдствіи войти въ него. Она много старалась объ изученіи этой жизни, ея прошедшаго и настоящаго; но ей не удалось достигнуть такого пониманія потребностей и вопросовъ этой жизни, какое дается наслѣдственной связью съ нею, родствомъ съ управляемымъ обществомъ. Вотъ почему она не представляла себѣ ясно, что̀ нужно сдѣлать и въ какомъ направленіи дѣйствовать; ее часто выручали трудолюбивое изученіе русской дѣйствительности, внимательныя наблюденія; но изъ обзора ея царствованія мы видимъ, что ни одинъ изъ вопросовъ, которые она старалась рѣшить, не былъ рѣшенъ и даже поставленъ ею прямо. Отсюда происходитъ недостаточность отчетливости, ясности въ программѣ ея дѣйствій; происхожденіе власти прибавило къ этому еще нерѣшительность дѣйствій.

Благодаря соединенію этихъ свойствъ, мы наблюдаемъ двойное движеніе въ нашей жизни, которою старалась руководить Екатерина. Не зная хорошо потребностей и очередныхъ вопросовъ, Екатерина отдавалась теченію, какъ его направляли ея предшественники; она не хотѣла ни измѣнить этого теченія, ни замѣнить его

другимъ, ни отклонить его въ сторону; но она была связана извѣстными обстоятельствами, которыя заставили ее дѣйствовать рука объ руку съ одной силой въ обществѣ, а не руководить интересами различныхъ частей общества, примиряя ихъ. Не имѣя возможности примирить ходъ явленій, она отдавала ихъ направленіе въ руки того класса, которому была обязана своимъ возвышеніемъ; она давала свое верховное «да» тому, чего желала эта сила, т. е. дворянство. Вотъ почему въ царствованіе Екатерины довершались тѣ же процессы, какіе мы наблюдали въ нашей исторіи раньше, только развитіе прежнихъ фактовъ получаетъ нѣсколько иной характеръ. Всѣ неразрѣшенные вопросы разрѣшаются, но въ интересахъ одного сословія. Верховная власть не думаетъ о примиреніи его интересовъ съ выгодами другихъ классовъ общества; вотъ почему въ нашей исторіи не было царствованія, которое можно было бы назвать въ такой степени дворянскимъ; можно даже утверждать, что это было единственное дворянское царствованіе въ нашей исторіи. Такимъ образомъ то, что̀ сдѣлано было при Екатеринѣ, сдѣлано было бы и безъ нея рано или поздно; лица въ нашей исторіи всегда значатъ много, но значеніе ихъ—хронологическое, т. е. при извѣстномъ лицѣ дѣлается то же, что̀ сдѣлалось бы и безъ него, но только оно дѣлается раньше или позже; то, что̀ совершилось при Екатеринѣ, совершилось бы и безъ нея, хотя, можетъ быть, совершившіеся факты не имѣли бы такого односторонняго сословнаго развитія.

Другая черта сообщена была ходу явленій обстоятельствами, при которыхъ дѣйствовала Екатерина; разныя причины, намъ уже извѣстныя, связали успѣхъ русскаго образованія и общежитія съ идеями, какія тогда бурнымъ потокомъ шли изъ Франціи. Политическое положеніе, созданное дворянствомъ, развило въ

немъ охоту къ этимъ идеямъ; благодаря этому, факты, созданные нашей давней исторіей, въ царствованіе Екатерины и получили иную наружную окраску; они были, такъ сказать, пріодѣты новыми понятіями, которыя въ сущности съ ними не имѣли ничего общаго. Факты, иногда суровые, непривлекательные сами по себѣ, теперь были только принаряжены тѣми словами или идеями, которыми сопровождалось ихъ закрѣпленіе; достаточно указать на одинъ крупный фактъ времени. Крѣпостное право завязалось и развивалось до Екатерины, но при Екатеринѣ оно закрѣпилось при громѣ хорошихъ словъ о свободѣ; эти слова, по крайней мѣрѣ, отнимали у факта его наружную горечь. Это не было выгодно для успѣха нашего развитія, это смягчало только впечатлѣніе, какое производилъ фактъ на людей того времени. Итакъ, всѣ результаты этого царствованія можно обозначить такъ: *царствованіе Екатерины II развивало и довершало старые факты нашей исторіи, давая имъ нѣсколько одностороннее направленіе (соблюдая интересы одного дворянскаго сословія); въ то же время оно распространяло въ обществѣ цѣлый рядъ новыхъ идей; ни тѣ, ни другія не прошли безслѣдно для нашей дальнѣйшей жизни.* Но встрѣча такихъ внутреннихъ противорѣчій сообщила особый характеръ нашей жизни; въ ней надо различать историческіе процессы — факты въ простомъ смыслѣ — и нравы и понятія. Процессы были старо-русскіе, туземные, чисто національные; нравы представляли смѣсь остатковъ старины съ обычаями, заимствованными со стороны; идеи, какія развились въ высшемъ обществѣ, были всѣ чуждыя, привезенныя и не имѣли ничего общаго съ туземными фактами.

Указавъ условія, которыми опредѣляется характеръ дѣятельности Екатерины, попытаемся на основаніи результатовъ этой дѣятельности сдѣлать историческую

оцѣнку царствованія Екатерины II. Значеніе извѣстной исторической эпохи опредѣляется тѣмъ, насколько увеличились или уменьшились въ эту эпоху подъ вліяніемъ историческаго дѣятеля народныя средства. Средства, которыми располагаетъ народъ, бываютъ матеріальныя и нравственныя. Намъ нужно разрѣшить вопросъ, насколько увеличились или уменьшились матеріальныя и нравственныя средства русскаго государства въ царствованіе Екатерины.

Что касается средствъ матеріальныхъ, то надо сказать, что они увеличились въ громадной пропорціи. Въ царствованіе Екатерины государственная территорія почти достигла своихъ естественныхъ границъ на югѣ и на западѣ. Изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на югѣ, было образовано три губерніи: Таврическая, Херсонская и Екатеринославская, не считая возникшей тогда же Земли войска черноморскаго. Изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на западѣ, со стороны Польши, было 8 губерній. Итакъ изъ 50-ти губерній, на которыя была раздѣлена Россія, цѣлыхъ 11 были пріобрѣтены въ царствованіе Екатерины. Эти матеріальные успѣхи являются еще въ болѣе осязательномъ видѣ, если мы сравнимъ населенность страны въ началѣ царствованія и въ концѣ его. Въ началѣ царствованія Екатерины, въ 1762—63 гг., была произведена 3-я ревизія; по разсчету пропорціи ревизскихъ душъ къ общему количеству населенія, послѣдняго можно считать по даннымъ этой ревизіи около 20 милліоновъ. Въ концѣ царствованія Екатерины въ Имперіи считалось по 5-й ревизіи не менѣе 36 милл. Государственныхъ доходовъ въ 1762 г. считалось 16 милл., въ 1796 г.—68 милл. Итакъ, населеніе государства въ продолженіе царствованія почти удвоилось; сумма государственныхъ доходовъ слишкомъ учетверилась. Значитъ, не только увеличилось число

плательщиковъ, но возвысились и государственные платежи, возвышеніе которыхъ обыкновенно принимается за знакъ усиленія производительности народнаго труда. Итакъ, *матеріальныя средства государства въ царствованіе Екатерины II чрезвычайно усилились.*

Напротивъ, средства нравственныя стали слабѣе. Нравственныя средства, которыми располагаетъ государство, сводятся къ двумъ порядкамъ отношеній. Во-первыхъ, они состоятъ въ единствѣ интересовъ, связывающихъ различныя племенныя и соціальныя части государства другъ съ другомъ, во-вторыхъ, въ способности руководящаго класса руководить обществомъ. Въ свою очередь эта способность зависитъ отъ юридической постановки руководящаго класса въ обществѣ, отъ степени пониманія положенія общества и отъ степени политической подготовки руководить имъ. Эти нравственныя средства государства въ царствованіе Екатерины значительно пали. *Прежде всего усилилась рознь племенныхъ интересовъ составныхъ частей государства.* Въ прежній составъ населенія государства польскими раздѣлами введенъ былъ новый, чрезвычайно враждебный элементъ, который не только не усилилъ, не поднялъ, но значительно затруднилъ наличныя силы государства. Прежде на западной окраинѣ существовалъ одинъ элементъ, на который русское общество должно было тратить значительныя усилія. Этотъ элементъ состоялъ въ нѣмецкомъ населеніи завоеванныхъ Петромъ остзейскихъ провинцій. Теперь къ этому элементу, который съ трудомъ растворялся въ составѣ русскаго населенія, присоединился другой, можетъ быть, столь же неподатливый—польское населеніе провинцій Рѣчи Посполитой. Польскій элементъ въ старинныхъ русскихъ областяхъ не составилъ бы ни малѣйшаго затрудненія для Русскаго государства. Онъ исчезъ бы

подъ вліяніемъ перваго благопріятнаго вѣтра съ востока. Но этотъ элементъ сталъ силой благодаря тому, что въ составъ территоріи Русскаго государства, кромѣ юго-западныхъ областей, введены были и нѣкоторыя части настоящей Польши. Зато одна изъ важныхъ областей Юго-Западной Руси, связанная органически съ остальными, Галиція очутилась за предѣлами Русскаго государства, усиливая разладъ, внесенный въ наши западныя международныя отношенія.

Далѣе, усилилась рознь между соціальными составными элементами коренного русскаго общества; это усиленіе было слѣдствіемъ тѣхъ отношеній, въ какія поставлены были законодательствомъ Екатерины два основныхъ класса русскаго общества—дворянство и крѣпостное крестьянство. Чтобы объяснить значеніе и происхожденіе этой розни, надобно припомнить ходъ нашей внутренней государственной жизни со времени Петра. Петръ разрѣшилъ одинъ рядъ вопросовъ внутренней политики, которые всѣ сводятся, въ сущности, къ одному—къ вопросу объ устройствѣ государственнаго хозяйства въ связи съ поднятіемъ производительности народнаго труда. Вся внутренняя дѣятельность Петра имѣла характеръ экономическій; коренныя основы юридическаго порядка при немъ остались не тронутыми. Но законодательство Петра, устроивъ народную и государственную жизнь, оставило одинъ важный политическій пробѣлъ—этотъ пробѣлъ состоялъ въ уничтоженіи установленнаго обычаемъ стараго порядка престолонаслѣдія. По закону 5 февраля 1722 г. назначеніе наслѣдника было предоставлено личному усмотрѣнію царствующаго государя. Такъ какъ послѣ Петра не осталось обычнаго наслѣдника, то этотъ законъ отдалъ престолъ на волю случая. Съ тѣхъ поръ, благодаря указанному пробѣлу, на нѣсколько десятилѣтій въ го-

сударственномъ управленіи водворился произволъ лицъ, господство случая. Среди этой борьбы случайностей разрушался и государственный порядокъ, завершенный Петромъ. Какъ мы знаемъ, этотъ порядокъ состоялъ въ принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей между всѣми классами общества — въ государственномъ прикрѣпленіи сословій. Благодаря дѣйствію случая, одно сословіе получило возможность нѣсколько разъ распорядиться престоломъ и начало превращаться изъ простого правительственнаго орудія въ правящій классъ, сбрасывая съ себя одну за другой прежнія свои государственныя обязанности, но не теряя прежнихъ правъ и даже пріобрѣтая новыя. Такъ одно сословіе достигло государственнаго раскрѣпленія, получило возможность жить для себя, руководясь сословными или личными интересами. Вслѣдъ за этимъ сословіемъ раскрѣпилось и другое — торгово-промышленное. Оба класса составляли незначительную часть всего населенія, но теперь они стали въ исключительное положеніе. Новое положеніе дворянства было признано закономъ, но оно подготовлено было не вполнѣ законнымъ порядкомъ, революціонными средствами. Освобожденіе дворянства отъ обязательной службы не совершилось бы такъ легко и скоро, если бы сословію не пришлось принять дѣятельное участіе въ дворцовыхъ переворотахъ по смерти Петра. Эти дворцовые перевороты и подготовили законодательное освобожденіе дворянства отъ обязательной службы. Точно такимъ же образомъ думало раскрѣпиться и крѣпостное крестьянское населеніе. Вслѣдъ за дворянствомъ и оно хотѣло достигнуть свободы посредствомъ ряда возстаній. Таковъ смыслъ многочисленныхъ крестьянскихъ мятежей, которые начались въ царствованіе Екатерины II и которые, постепенно распространяясь, слились въ громадный Пуга-

чевскій бунтъ. Во имя общественнаго порядка не слѣдовало допускать этихъ сословій до такого насильственнаго раскрѣпленія: ихъ положеніе слѣдовало устроить законнымъ путемъ, посредствомъ правомѣрнаго опредѣленія отношеній къ землѣ. Этого правомѣрнаго опредѣленія не сдѣлало, однако, правительство Екатерины. Такимъ образомъ, отношенія двухъ основныхъ классовъ русскаго общества къ концу царствованія Екатерины представляли еще менѣе гармоніи, чѣмъ прежде; общественное разъединеніе стало еще рѣзче. Итакъ, въ *царствованіе Екатерины II усилилась рознь какъ въ племенномъ, такъ и въ соціальномъ составѣ государства.*

Съ другой стороны, *понизилась способность руководящаго класса руководить обществомъ.* Руководителемъ общества было одно сословіе—дворянство, именно его верхніе слои; вотъ почему, обращаясь къ изученію дальнѣйшаго времени, намъ нужно еще разъ бросить взглядъ на судьбу дворянскаго сословія и на то, какъ сложилось его общежитіе. Надобно припомнить положеніе сословія въ началѣ вѣка, въ царствованіе Петра. При Петрѣ дворянство еще несло обязательную службу; служба эта требовала мастеровой, военно-морской выучки, которая, впрочемъ, очень часто оставалась безъ примѣненія, потому что лишь незначительная доля дворянства нужна была для военной техники. При преемницахъ Петра дворянство продолжало нести обязательную службу; но теперь уже требовалось свѣтское образованіе, извѣстная салонная выправка, которая не нужна была для интересовъ службы, но составляла важное условіе для успѣха по службѣ. При Екатеринѣ дворянство не несло уже обязательной службы; поэтому отъ него не требовали ни того, что̀ требовалъ Петръ, ни того, что̀ нужно было при его преемницахъ, ни военно-морской выучки, ни салонной выправки. Но въ сосло-

вiи, если не выработалась привычка учиться, то оставалась отъ петровскаго времени смутная мысль о необходимости учиться, помнили, по крайней мѣрѣ, что дворянину, если не нужно быть навигаторомъ, то необходимо усвоить менуэтную галантность и французскую салонную риторику. Это смутное воспоминанiе послужило почвой для дальнѣйшихъ успѣховъ образованiя. Съ такой мыслью или съ такимъ намѣренiемъ сословiе вступило въ положенiе, созданное закономъ о вольности дворянства и оброчнымъ землевладѣльческимъ хозяйствомъ. Характеръ участiя, которое предоставлено было дворянству при Екатеринѣ въ мѣстномъ управленiи, не внушалъ ему мысли о необходимости какого-либо административнаго образованiя; характеръ сельскаго хозяйства, какъ оно сложилось подъ дѣйствiемъ крѣпостного права, точно также не побуждалъ дворянъ-помѣщиковъ къ прiобрѣтенiю какихъ-либо политико-экономическихъ или агрономическихъ свѣдѣнiй. Но это положенiе давало зажиточной части сословiя обширный досугъ, который надо наполнить всѣми послѣдствiями того положенiя, въ какое дворянство стало благодаря крѣпостному праву. Чувство дворянской чести, обычай,—послуживъ въ молодости, выйти въ отставку при наступленiи зрѣлаго возраста,—праздность, соединенная съ властью въ деревнѣ и съ легкостью добываемыхъ средствъ, все это, по отливѣ дворянства изъ столицы, произвело нѣкоторую перемѣну въ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ сословiя, нѣкоторое осложненiе въ программѣ его образованiя. Къ требованiю свѣтской галантности стала присоединяться потребность въ нѣкоторомъ литературномъ лоскѣ, интересъ къ чтенiю, даже безъ заботы о содержанiи и примѣненiи прочитаннаго, такъ, просто, чтобы занять праздный умъ и, много-много, прiобрѣсти матерiалъ

для свѣтскихъ разговоровъ. Такимъ образомъ, петровскій дворянинъ, артиллеристъ и навигаторъ, превращается постепенно въ елисаветинскаго петиметра, а петиметръ въ екатерининскаго *„homme de lettres,“* пока изъ послѣдняго не вышелъ дворянинъ-философъ, масонъ или вольтерьянецъ; это было послѣднимъ моментомъ въ развитіи дворянскаго образованія.

Въ этомъ послѣднемъ моментѣ и сложился тотъ типъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній руководилъ русскимъ обществомъ, давалъ тонъ его понятіямъ и вкусамъ; мы назовемъ этотъ типъ неслужащихъ дворянъ — вольнодумцемъ; мы послѣ увидимъ его важное значеніе, обнаружившееся даже въ цѣломъ рядѣ политическихъ фактовъ; вотъ почему онъ заслуживаетъ вниманія. Положеніе его сплеталось изъ очень противорѣчивыхъ условій; прежде всего, общее положеніе его покоилось на политической несправедливости и вѣнчалось житейскимъ бездѣльемъ. Съ рукъ сельскаго дьячка-учителя онъ переходилъ на руки француза гувернера, довершалъ образованіе въ италіанскомъ театрѣ или французскомъ ресторанѣ, примѣнялъ пріобрѣтенныя познанія въ петербургскомъ салонѣ и доканчивалъ дни въ московскомъ или деревенскомъ кабинетѣ съ книжкой Вольтера въ рукахъ, подобно нашему знакомому Струйскому. Съ этой книжкой въ рукахъ гдѣ-нибудь въ Москвѣ на Поварской или въ тульской деревнѣ онъ представлялъ очень странное явленіе; усвоенные имъ манеры, вкусы, привычки, понятія и симпатіи, самый языкъ — все у него было чужое, привозное, все влекло его въ заграничную даль; а дома у него не было живой органической связи съ окружающимъ, никакого житейскаго дѣла, которое онъ считалъ бы серіознымъ. Онъ принадлежалъ къ сословію, которое, держа въ своихъ рукахъ огромное коли-

чество главныхъ производительныхъ силъ страны, земли и крестьянскаго труда, было могущественнымъ рычагомъ народнаго хозяйства; онъ входилъ въ составъ мѣстной сословной корпораціи, которой предоставлено было широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Но свое сельское хозяйство онъ отдавалъ въ руки крѣпостного приказчика или выписаннаго изъ-за границы управляющаго нѣмца, а о дѣлахъ мѣстнаго управленія не считалъ нужнымъ и думать: вѣдь на то есть выборные предводители и исправники. Такъ ни идеи, ни сочувствія, ни практическіе интересы, ни воспоминанія дѣтства, ни даже сознаніе долга не привязывали его къ родной почвѣ. Всю жизнь помышляя о «европейскомъ обычаѣ», о просвѣщенномъ обществѣ, онъ вѣчно старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими, былъ какимъ то пріемышемъ Европы. Въ Европѣ въ немъ видѣли переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ онъ казался родившимся въ Россіи французомъ. Въ этомъ положеніи культурнаго межеумка, исторической ненужности, было, если угодно, много трагическаго, и мы готовы жалѣть о немъ, полагая, что ему самому становилось подчасъ не по силамъ. Но случай, какой былъ съ Опочининымъ, былъ вообще рѣдокъ; въ екатерининскомъ вольтерьянцѣ не замѣтно грусти; грустить онъ начинаетъ лишь при Александрѣ I, скучаетъ при Николаѣ I, пока, утомленный тревогами эманципаціи, не задремалъ въ царствованіе Александра II. При Екатеринѣ II онъ только празднецъ, весело, бодро празднецъ: онъ празднуетъ свой выходъ въ отставку послѣ вѣковой тяжелой службы и, подобно кадету, только что выпущенному изъ корпуса, не налюбуется на свой сословный мундиръ, полученный по Учрежденію 1775 г. Трезвая работа жизни еще не представляется ему се-

ріозной, онъ еще не успѣлъ вдуматься въ свое положеніе, упоенный медовымъ мѣсяцемъ свободы. Однако, его любимыя идеи, книжки, которыя онъ читалъ на досугѣ съ такимъ восторгомъ, должны были скоро поставить его въ непримиримую вражду со всѣмъ окружающимъ, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Любопытно, что онъ не чувствовалъ этого противорѣчія, ни съ чѣмъ не сталкивался, и въ этомъ его характерная черта, спасавшая его отъ многихъ бѣдъ. Заносныя понятія, вольныя мысли наполняли его голову, сообщали блескъ его уму, украшали его рѣчь, даже порой простирали свое дѣйствіе на его нервы: русскій дворянинъ никогда не былъ такъ впечатлителенъ, такъ воспріимчивъ, никогда не увлекался и не плакалъ такъ охотно, какъ въ царствованіе Екатерины; онъ приходилъ въ восторгъ и плакалъ даже отъ хорошихъ словъ, но плакалъ и только. Слезы, восторженность были только патологическимъ развлеченіемъ, нервнымъ моціономъ, необходимымъ для поддержки душевнаго равновѣсія, но не отражались на волѣ, не переходили въ поступки, не становились дѣломъ. Вольтерьянецъ спокойно читалъ страницы о правахъ человѣка рядомъ съ русскою крѣпостною дѣвичьей, и, оставаясь искреннимъ вольнодумцемъ и гуманистомъ въ душѣ, шелъ на конюшню расправляться съ неисправнымъ слугою. Новый кругъ идей измѣнилъ настроеніе, но не дѣйствовалъ на порядокъ, смягчалъ чувства, но не отношенія. *Это разобщеніе мысли и дѣла—самая глубокая черта, характеризующая дворянское образованное общество временъ Екатерины II.* Къ такому результату привели искусственные интересы, какими необходимо было наполнить оторванную отъ народа жизнь сословія.

Не надо, однако, думать, что дворянскій досугъ, созданный крѣпостнымъ правомъ, былъ лишь безплод-

нымъ бездѣліемъ, остался безъ всякаго вліянія на послѣдующую русскую жизнь. Дворянинъ-вольнодумецъ XVIII в. не былъ полной исторической ненужностью, хотя и получилъ свой сословный мундиръ въ то время, когда пересталъ служить; онъ не безплодно увлекался свободолюбивыми книгами, хотя сталъ читать ихъ въ то время, когда получилъ въ полное владѣніе крѣпостныхъ. Самъ по себѣ онъ психологическій куріозъ, который можетъ занять художника, но онъ имѣлъ и нѣкоторое историческое значеніе: онъ — звено въ цѣпи различныхъ моментовъ, какіе были пройдены нашей жизнью, онъ — передаточный пунктъ, посредникъ умственнаго вліянія, который свой умственный запасъ, безплодно въ немъ лежавшій, по крайней мѣрѣ безплодный для общества, передастъ дальнѣйшему поколѣнію, которое попытается пустить его въ оборотъ, основать на немъ, удачно или нѣтъ, новый порядокъ государственныхъ и общественныхъ отношеній. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться съ поколѣніемъ, которому былъ переданъ этотъ умственный запасъ, и которое впервые попыталось пустить его въ оборотъ, измѣнить съ помощью его дѣйствовавшій порядокъ. Поколѣніе это постепенно выступаетъ на сцену со смерти Екатерины II. Время съ 1796 года продолжаетъ развитіе фактовъ, какіе мы видѣли въ продолженіе XVIII вѣка, выдвигаетъ рядъ новыхъ явленій, которыя, очевидно, служатъ предвѣстникомъ новаго періода нашей исторіи, имѣющаго наступить рано или поздно.

Основные факты русской исторіи XIX вѣка.

Мы переходимъ къ послѣднему отдѣлу новой русской исторіи, который обнимаетъ конецъ XVIII вѣка, начиная со смерти Екатерины II, и XIX столѣтіе. Перечислимъ предварительно тѣ главныя явленія, которыя характеризуютъ этотъ новый періодъ нашей исторіи; въ теченіе его мы встрѣтимъ новые факты какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутренней дѣятельности правительства.

Главной цѣлью внѣшней политики Россіи до конца XVIII в. было національное объединеніе Руси; Русское государство собирало части русскаго народа, оторванныя отъ него въ разное время. Къ концу XVIII вѣка оно стало, наконецъ, въ своихъ національныхъ предѣлахъ; территорія Россійской Имперіи теперь захватывала всѣ части русскаго народа и всю восточную равнину Европы; только одна Галиція осталась и доселѣ остается за предѣлами государства. Но въ то время, какъ территорія государства достигаетъ своихъ естественныхъ границъ, во внѣшней политикѣ Россіи появляется другая цѣль; это та цѣль, которая доселѣ стоитъ передъ нами. Съ тѣхъ поръ, какъ на политической картѣ Европы не стало Польши, Россія осталась единственнымъ славянскимъ государствомъ. Тогда, достигнувъ географической округлости и національнаго объединенія, Россія начинаетъ призывать къ полити-

ческому бытію различныя мелкія народности, имѣющія съ ней родство племенное, либо религіозное, либо религіозно-племенное. Эта новая цѣль освобожденія народовъ славянскихъ и православныхъ вызвала рядъ войнъ, которыя вела Россія въ продолженіе XIX в. Такимъ образомъ, *политика русско-національная, достигнувъ своей цѣли, превратилась въ политику православно-славянскую.*

Новые факты встрѣчаются и во внутренней дѣятельности правительства; чтобы замѣтить ихъ, надо припомнить строй стараго Московскаго государства, какъ онъ сложился къ концу царствованія Петра Великаго. Мы видѣли, что государственный порядокъ держался на принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей между разными классами общества. Каждый изъ этихъ классовъ, неся общегосударственныя тягости, былъ еще прикрѣпленъ къ извѣстному спеціальному служенію. Въ продолженіе XVIII в., со смерти Петра, начинается новое движеніе въ государственномъ устройствѣ; съ общественныхъ классовъ снимаются постепенно ихъ спеціальныя службы, и остаются на нихъ лишь общія государственныя повинности, которыя долженъ нести каждый членъ государства, каждый подданный. Эта постепенная эманципація сословій, раскрѣпленіе общественныхъ классовъ начинается сверху, съ дворянства; въ продолженіе XVIII вѣка оно коснулось и положенія другого класса — городского, съ котораго жалованною грамотою 1785 года также сняты были прежнія городскія обязательныя повинности. Теперь очередь оставалась за сельскимъ населеніемъ, и эманципація этого класса, которая должна была завершить переустройство общества, составила важнѣйшій предметъ внутренней дѣятельности правительства. Итакъ, *въ продолженіе изучаемаго времени во внутрен-*

ней нашей жизни завершилось движеніе, начатое со смерти Петра Великаго; это движеніе должно было привести къ освобожденію всего общества.

Рядомъ съ этимъ совершается постепенно и другой фактъ, который является послѣдствіемъ перваго. Въ старомъ Московскомъ государствѣ XVI в. правительство, нуждаясь въ содѣйствіи общества для государственныхъ цѣлей, призывало всѣ его классы къ совмѣстной дѣятельности, которая и выражалась въ Земскомъ Соборѣ. Въ XVII ст. болѣе точная разверстка государственныхъ повинностей между общественными классами повела къ обособленію сословій. Какъ скоро на каждый классъ легла своя особая, специальная повинность, не стало общихъ интересовъ между сословіями; они обособились, замкнулись каждое въ своей тѣсной сферѣ дѣятельности; какъ скоро между сословіями не стало общихъ интересовъ, прекратилась совмѣстная ихъ дѣятельность, палъ Земскій Соборъ. Земскіе Соборы прекращаются въ XVII ст. не по чьему либо капризному желанію, не вслѣдствіе давленія съ какой нибудь стороны, а вслѣдствіе того, что сословія, обособившись, разошлись другъ съ другомъ, потеряли общую почву, утратили общіе интересы; имъ нечего было дѣлать вмѣстѣ, а потому не для чего было собираться вмѣстѣ. Попытки, сдѣланныя въ XVIII в. для возстановленія этой совмѣстной дѣятельности, не удались; въ губернскихъ учрежденіяхъ Екатерины мы встрѣчаемъ нѣсколько присутственныхъ мѣстъ, гдѣ сходятся выборные отъ разныхъ классовъ общества; такъ, напр., былъ совѣстный судъ и приказъ общественнаго призрѣнія, гдѣ присутствовали выборные засѣдатели отъ дворянства, городского класса, отъ однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Но эти учрежденія, довольно искусственныя по своему устройству, не воскресили

совмѣстной дѣятельности сословій, между которыми попрежнему мало было общихъ интересовъ. Возстановить эту совмѣстную дѣятельность было невозможно уже потому, что одинъ основной классъ общества — крѣпостное крестьянство—былъ отданъ въ личное распоряженіе другого сословія; какъ скоро и съ крѣпостного крестьянина была снята спеціальная государственная повинность, т. е. личная зависимость отъ дворянства, стало возможнѣе возстановленіе совмѣстной дѣятельности всего общества, такъ давно прекратившейся. Земскія учрежденія Александра II и возстановили эту дѣятельность, призвавъ представителей всѣхъ свободныхъ классовъ помогать государству въ извѣстныхъ дѣлахъ. *Вотъ три основныхъ факта нашей внутренней исторіи, начиная съ конца XVIII ст.: завершеніе эмансипаціи сословій, раскрѣпленіе крѣпостного крестьянства и возстановленіе совмѣстной дѣятельности сословій, уничтоженной благодаря ихъ обособленности въ XVIII в.* Эти три факта, преимущественно два послѣднихъ, наиболѣе характеризуютъ нашу внутреннюю жизнь и составятъ поэтому предметъ преимущественнаго нашего изученія.

Такъ какъ задачей внутренней дѣятельности правительства было уравненіе всѣхъ классовъ передъ закономъ, то понятно, что эта дѣятельность должна была получить, какъ мы привыкли выражаться, демократическій характеръ; но, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прежде чѣмъ явилось учрежденіе, призвавшее всѣ свободные классы общества къ совмѣстной дѣятельности, руководство дѣлами должно было принадлежать спеціальнымъ органамъ правительства, то дворянство стало все болѣе терять свое правительственное значеніе, и орудіями правительства должны были стать его представители, мастера; вотъ почему изучаемое время, при

демократической программѣ правительства, отличалось бюрократическимъ управленіемъ. Управленіе XVIII в.— сословное, дворянское; *управленіе въ XIX в. получило чиновничій, бюрократическій характеръ.* Такимъ образомъ, время съ 1796 и по 1855 г. можно назвать въ нашей исторіи эпохой господства бюрократіи.

Укажемъ послѣдовательность, съ какой развивались выше указанныя явленія нашей внутренней жизни. Въ каждый изъ моментовъ сходныя явленія шли почти въ одинаковомъ порядкѣ. Въ извѣстное царствованіе раздавались робкіе или громкіе голоса противъ существующаго порядка, заявляя новыя желанія, новыя стремленія общества; слѣдующее царствованіе усвояло себѣ заявленныя стремленія и начинало робко или рѣшительно проводить ихъ во внутренней преобразовательной дѣятельности. Но обыкновенно случалось такъ, что какое нибудь препятствіе, обыкновенно внѣшнее, именно война, останавливало правительство на полудорогѣ въ его преобразовательной работѣ; тогда начавшееся движеніе уходило въ глубь общества и принимало различныя формы. Уже въ концѣ царствованія Екатерины раздавались одинокіе голоса противъ существующаго порядка, особенно противъ тѣхъ отношеній, какія установились между основными классами общества: дворянствомъ и крѣпостнымъ крестьянствомъ. Правительства Императоровъ Павла и Александра I усвоили себѣ заявленныя стремленія и проводили ихъ, хотя съ неодинаковымъ успѣхомъ. Начавшаяся война остановила Александра I на его пути, который онъ началъ такъ рѣшительно; тогда начавшееся движеніе ушло внутрь общества, усвоено было одною его частью, и это повело къ извѣстной катастрофѣ 14 декабря 1825 года. Императоръ Николай I, подавивши это движеніе, однако усвоилъ себѣ нѣкоторыя стремленія, заявленныя

людьми 14 декабря 1825 г., и попытался по-своему поставить и рѣшить стоявшіе на очереди вопросы внутренней жизни. Неудача этой попытки вызвала въ сороковыхъ годахъ новое броженіе въ обществѣ, возбудила глухой ропотъ; стремленія, заявленныя въ это время, и легли въ основу преобразовательной программы слѣдующаго царствованія.

Павелъ I.

Императоръ Павелъ, сынъ Петра III и Екатерины II, родился въ 1754 г. Екатерина недостаточно внимательно вела его воспитаніе, особенно по вступленіи на престолъ. Павелъ былъ воспитанъ небрежно, и виноватъ въ этомъ всего болѣе человѣкъ, которому поручено было его воспитаніе, извѣстный намъ графъ Никита Панинъ. Панинъ сообщилъ воспитаннику хорошія дипломатическія и историческія знанія о Западной Европѣ, но по своимъ вкусамъ и понятіямъ, по своимъ житейскимъ привычкамъ Панинъ былъ человѣкомъ своего времени, т. е. елисаветинскаго. То было время, когда послѣ ломки, испытанной дворянствомъ при Петрѣ, его нравы становились распущенными. Умный человѣкъ, Панинъ совсѣмъ не понималъ своихъ нравственныхъ обязанностей и развивалъ вкусы, инстинкты и понятія питомца совсѣмъ не по правиламъ педагогіи. Едва начали распускаться чувства великаго князя, Панинъ занималъ его неприличными разсказами изъ придворной жизни или еще менѣе приличнымъ чтеніемъ, какое доставляли тогда французскіе романы. Въ то же время Павелъ довольно рано былъ вытѣсненъ изъ русской придворной сферы, какою окружила себя Екатерина. Мать не любила сына, хотя довольно трудно понять происхо-

жденіе этой нелюбви; рано она стала подозрѣвать въ немъ будущаго мстителя за отца, и, можетъ быть, это подозрѣніе было причиной того, что подроставшій князь усвоилъ себѣ эту роль. Вслѣдствіе этого недовѣрія Павелъ рано сталъ одинокимъ. Какъ только онъ женился во второй разъ, послѣ перваго кратковременнаго брака, Екатерина подарила ему имѣніе Орлова, Гатчину, подарила своей снохѣ другое имѣніе, Павловское, и здѣсь чета должна была вести довольно замкнутую жизнь, имѣя холодныя, формальныя отношенія съ большимъ дворомъ. Екатерина не допускала сына до государственныхъ дѣлъ; изъ разныхъ родовъ оружія она составила ему для развлеченія миніатюрную армію, которая и расположилась въ Гатчинѣ. Армія эта была отдана въ полное распоряженіе великаго князя со своими маленькими баталіонами, батареями, эскадронами и т. д. Великій князь могъ обучать эту армію, муштровать и одѣвать ее, какъ хотѣлъ, быть въ своемъ гатчинскомъ мірѣ полнымъ государемъ, подъ условіемъ не мѣшаться ни во что другое. Здѣсь и прожилъ великій князь болѣе десяти лѣтъ въ удаленіи, но не спокойно: за нимъ былъ установленъ строгій надзоръ; онъ мало зналъ о томъ, что̀ дѣлалось въ Петербургѣ, но въ Петербургѣ отлично знали, что̀ дѣлалось въ Гатчинѣ. Великій князь чувствовалъ надъ собой этотъ надзоръ, и онъ раздражалъ его; еще болѣе раздражало его обязательное бездѣйствіе, соединенное съ мелкими столкновеніями съ фаворитами. Потемкинъ, вообще человѣкъ безцеремонный, обращался съ великимъ княземъ при рѣдкихъ столкновеніяхъ съ нимъ такъ, что могъ подѣйствовать раздражающимъ образомъ и на болѣе крѣпкіе нервы. Когда началась Турецкая война, великій князь, тяготясь своимъ бездѣйствіемъ, просился въ турецкую армію; Екатерина отказала, указывая на семейныя препятствія,

какія мѣшали великому князю отлучиться изъ Гатчины. Великій князь повторилъ просьбу, сказавъ: «вся Европа знаетъ мое желаніе служить отечеству; что̀ она скажетъ, когда увидитъ, что я не въ арміи?» — «А она скажетъ», отвѣчала Екатерина, «что великій князь — покорный сынъ». Когда началась Шведская война, Екатерина съ трудомъ отпустила сына въ армію, дѣйствовавшую въ Финляндіи. Но вся военная дѣятельность великаго князя ограничилась одной рекогносцировкой.

Такимъ образомъ, у великаго князя открылся обширный досугъ, пользуясь которымъ, онъ могъ передумать многое. Легко замѣтить, въ какую сторону должны были направиться его думы; вытѣсненный изъ правительственной сферы, великій князь, разумѣется, на ней и долженъ былъ сосредоточить всѣ свои помыслы. Онъ не былъ лишенъ дарованій. Всѣ знавшіе его въ то время отлично отзывались о его нравственныхъ качествахъ; у него было природное чувство порядка и дисциплины, онъ вынесъ довольно хорошія и разнообразныя свѣдѣнія изъ своей молодости, хотя свѣдѣнія эти и были безпорядочны; его преимущественно учили тому, что̀ требовалось тогда для свѣтскаго воспитанія. Родившись довольно неловкимъ и неуклюжимъ, онъ долженъ былъ заниматься танцами и верховой ѣздой; французскій языкъ онъ усвоилъ въ совершенствѣ; изъ остальныхъ областей знанія въ головѣ его было много разнообразныхъ свѣдѣній, но они не были приведены въ систему. Павелъ былъ очень набожный человѣкъ; въ Гатчинѣ потомъ очень долго указывали на мѣсто, гдѣ онъ молился по ночамъ; здѣсь былъ выбитъ паркетъ. Великій князь отличался живостью ума, хотя соединенной съ нѣкоторой нервностью; отличался благородствомъ чувствъ, «но», — добавляетъ наблюдатель,

характеризующій его, французскій посолъ Сегюръ, — «во всѣхъ поступкахъ, и особенно въ словахъ, великій князь, когда рѣчь заходитъ о настоящемъ и будущемъ его положеніи, обнаруживаетъ какую-то чрезвычайно безпокойную щекотливость»; это просто значитъ, что Павелъ не находилъ себѣ мѣста, постоянно тревожимый отношеніями, какъ и думами. Всѣ усилія его ума обратились на досужую критику того, что̀ дѣлалось въ Россіи: въ Петербургѣ у него было слишкомъ много враговъ, слишкомъ много личныхъ непріятностей, чтобы онъ могъ оторвать нервную мысль отъ столицы. Критикѣ его подверглось все: внѣшняя, какъ и внутренняя дѣятельность правительства, управленіе, какъ и соціальныя отношенія. Разбирая все это, онъ постепенно развивалъ свой планъ управленія; одинъ за другимъ являлись въ его головѣ преобразовательные проекты, являлись безъ достаточной продуманности, безъ практической подготовки, средствъ для которыхъ не было у великаго князя. Благодаря этимъ продолжительнымъ и тревожнымъ помысламъ, Павелъ постепенно впадалъ въ то состояніе, которое можно назвать нравственной лихорадкой; чѣмъ дольше жила мать, тѣмъ сильнѣе росло въ немъ нетерпѣніе замѣнить ее; чѣмъ хуже шли дѣла, тѣмъ сильнѣе желалось ему направить ихъ на новый путь, а дѣятельность правительства въ послѣдніе годы царствованія Екатерины давала обильный матеріалъ для такой безпокойной и желчной критики.

Царствованіе Екатерины кончилось почти банкротствомъ: экономическимъ, какъ и нравственнымъ. Мы бы не повѣрили отзывамъ о положеніи дѣлъ, если бы они шли отъ великаго князя — сына, но мы можемъ вѣрить, потому что они идутъ отъ великаго князя — внука. Великій князь Александръ въ 1796 г., незадолго до смерти

бабушки, въ письмѣ къ Кочубею рисуетъ намъ коротенькую, но яркую картинку положенія дѣлъ. «Въ нашихъ дѣлахъ,—пишетъ онъ, —господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управленія дурны; порядокъ изгнанъ отовсюду; Императрица стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ». Екатерина передъ смертью задумала большой походъ противъ Франціи, рѣшившись вмѣшаться въ европейскія дѣла. Назначенъ былъ новый наборъ по 10 человѣкъ съ 1000; для того чтобы содержать армію при тогдашнихъ разстроенныхъ финансахъ, Екатерина рѣшилась сдѣлать новый выпускъ бумажныхъ денегъ и испортить мѣдную монету, именно перечеканить ее съ повышеніемъ номинальнаго курса вдвое; масса мѣди уже собрана была для этой цѣли на монетномъ дворѣ.

Наконецъ, Павелъ былъ оскорбляемъ даже въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Чѣмъ больше портился его характеръ, тѣмъ больше боялась Екатерина оставить свои дѣла послѣ смерти на плечахъ сына. Въ концѣ ея царствованія созрѣла мысль о назначеніи преемникомъ великаго князя—внука. Екатерина могла сдѣлать такое распоряженіе въ силу закона о престолонаслѣдіи; какъ извѣстно, по закону 1721 г., каждый царствующій государь имѣлъ право назначить преемника по своему усмотрѣнію. Поэтому Екатерина отбирала у Павла старшихъ сыновей по мѣрѣ того, какъ они рождались, чтобы устроить ихъ воспитаніе по-своему, удалить отъ вреднаго гатчинскаго вліянія. Павелъ Петровичъ могъ видѣть своихъ старшихъ дѣтей Александра и Константина лишь въ назначенные дни въ Большомъ Зимнемъ дворцѣ. Теперь намъ станетъ понятно состояніе великаго князя въ минуту, когда ему въ ноябрѣ 1796 г. донесли объ ударѣ, поразившемъ Императрицу. Теперь для него открывалось широкое

поле дѣятельности, ибо онъ узналъ, что актъ, какой задумала Екатерина, не былъ составленъ, а ударъ, лишивъ ее языка, отнялъ у нея возможность устно заявить свою волю.

Великій князь Павелъ вступилъ на престолъ съ обширнымъ запасомъ преобразовательныхъ программъ и съ еще большимъ запасомъ раздраженнаго чувства. Но ему уже было за 40 лѣтъ; онъ такъ долго дожидался престола, что, вступивъ, подумалъ, что вступилъ уже поздно. Во всемъ, что̀ тогда дѣлалось въ Россіи, онъ видѣлъ одни непорядки и упущенія и предвидѣлъ такъ много дѣла, что не надѣялся съ нимъ справиться. Отсюда главныя особенности, которыми отличается его дѣятельность. Это: 1) противодѣйствіе всему, что̀ дѣлалось прежнимъ правительствомъ и 2) торопливость, вытекавшая изъ мысли, что надо спѣшить, чтобы воспользоваться остаткомъ жизни. Эти двѣ особенности, противодѣйствіе прежней политикѣ и торопливость — и были причиной неудачъ, какія терпѣлъ новый Императоръ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней дѣятельности. Онѣ и сообщили первому проявленію новой правительственной программы такой болѣзненный характеръ, который сдѣлалъ ее безплодной.

Настроеніе, съ какимъ Павелъ вступилъ на престолъ, объясняетъ ту торопливость, съ какой онъ принялся за дѣло съ первой минуты царствованія. Потокъ его распоряженій идетъ съ того момента, какъ онъ явился изъ Гатчины въ Зимній дворецъ; новое царствованіе началось еще прежде, чѣмъ прекратилось предшествующее. Первыя распоряженія были направлены къ отмѣнѣ того, что̀ было задумано въ предшествовавшее царствованіе. Екатерина, какъ мы видѣли, въ послѣдніе дни рѣшилась выступить на борьбу съ Франціей, откуда шла тогда республиканская и анар-

хическая пропаганда. Она вступила въ союзъ съ Англіей и Австріей и мобилизировала большой корпусъ; для того предписано было произвести новый рекрутскій наборъ, по 10 человѣкъ съ 1000, чѣмъ очень было недовольно дворянство. Для того чтобы достать средства для кампаніи, задуманъ былъ новый выпускъ ассигнацій и перечеканка (порча) мѣдной монеты. Великая Императрица кончала свое царствованіе, принужденная признать за собой двойное банкротство. Прежде всего государство готово было объявить себя несостоятельнымъ. Бумажныхъ денегъ было въ оборотѣ 157 милл., и курсъ ихъ падалъ до 60%; не довольствуясь этимъ, правительство хотѣло сдѣлать новый выпускъ ассигнацій и испортить монету; предположено было перечеканить мѣдную монету съ повышеніемъ нарицательной цѣны вдвое.

Павелъ началъ свое царствованіе манифестомъ, которымъ провозглашалъ мирную политику; онъ отказался отъ борьбы съ Франціей, объявивъ, что Имперія съ начала Семилѣтней войны вела непрерывую борьбу, и что подданные нуждаются въ отдыхѣ. Рекрутскій наборъ былъ отмѣненъ; приготовленныя бумажки не были выпущены; перечеканка монеты пріостановлена; Павелъ даже скопилъ и сжегъ 6 милл. старыхъ бумажекъ, что благопріятно подѣйствовало на биржу и на курсъ русскаго рубля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ объявилъ, что всякій можетъ обращаться непосредственно къ нему со своими нуждами и просьбами. Послѣ Петра I законодательство все увеличивало разстояніе между верховной властью и подданными, строго запрещая непосредственныя отношенія послѣднихъ къ первой; за подачу прошенія прямо государю грозили строгимъ наказаніемъ. До царя стало далеко, и новый Императоръ хотѣлъ уничтожить это разстояніе. Въ

Зимнемъ дворцѣ назначено было одно окно, въ которое всякій желающій могъ бросать прошенія на Высочайшее имя; ключъ отъ комнаты находился у самого государя, который аккуратно каждое утро самъ собиралъ поданныя просьбы, читалъ ихъ, клалъ на нихъ резолюціи, которыя потомъ печаталъ въ газетахъ. Эти первыя распоряженія поразили петербургское общество. До него доходили слухи о характерѣ великаго князя, о его отношеніяхъ къ матери и ея политикѣ, и жители Петербурга чуяли бѣду съ начала новаго царствованія, ожидая, что все пойдетъ по новому, и такъ какъ старое было такъ пріятно, то отъ новаго не ожидали ничего хорошаго. Первыя распоряженія новаго Императора заставили всѣхъ подумать о томъ, какъ они глубоко въ немъ ошиблись. Впрочемъ, это пріятное разочарованіе продолжалось не долго: слѣдовалъ рядъ распоряженій, въ которыхъ высказался истинный характеръ новаго Правителя. Прежде всего изъ забытой могилы отрытъ былъ Императоръ Петръ III, гробъ его поставили во дворцѣ рядомъ съ покойной Императрицей и они похоронены были вмѣстѣ, какъ будто они скончались одновременно. Сопровождать гробъ Петра III назначили и виновника его смерти Алексѣя Орлова. Затѣмъ Императоръ сталъ послѣдовательно проводить одну мысль въ разныхъ сферахъ управленія и общественной жизни: мысль эта заключалась въ водвореніи строгаго порядка и дисциплины.

Императоръ вступилъ на престолъ съ цѣлью устранить безчисленные упущенія и непорядки, какіе онъ видѣлъ всюду въ царствованіе матери; разумѣется, работа началась съ сферы, стоявшей къ нему всего ближе,—съ войска. Войско, покрывшее себя такими побѣдами при Екатеринѣ, къ концу царствованія дѣйствительно распустилось, т. е. распустилось собственно

офицерство: не было установленнаго порядка въ отчетности полковыхъ командировъ; каждый командиръ части дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, распоряжался, какъ полный хозяинъ, обучалъ, содержалъ, одѣвалъ свою часть, какъ зналъ, не отдавая отчета въ расходованіи казенныхъ суммъ. Не даромъ командованіе полкомъ при Екатеринѣ II равнялось состоянію въ 40 тысячъ душъ: то и другое давало одинаковый доходъ въ 20 тыс. тогдашнихъ рублей (жалованья полковой командиръ тогда получалъ 400 руб.). Особенно строго отнесся Императоръ къ привилегированной и избалованной части арміи, къ гвардейскимъ полкамъ. Какъ извѣстно, у него въ Гатчинѣ, до воцаренія, была своя армія, состоявшая изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи, изъ баталіона пѣхоты и артиллерійской роты. Теперь эти ненавистные для петербургской гвардіи гатчинцы были включены въ составъ гвардейскихъ полковъ съ повышеніемъ въ чинахъ и съ наградами, которыя состояли въ 100 и даже въ 1000 душъ крестьянъ. Настоящіе гвардейцы, въ большинствѣ столбовые русскіе дворяне, были страшно раздражены этой мѣрой, тѣмъ болѣе, что пріобрѣли въ своихъ новыхъ товарищахъ очень чуткихъ шпіоновъ. До 300 офицеровъ гвардіи тотчасъ подали въ отставку; Императоръ нѣсколько встревожился, самъ явился въ казармы, уговаривалъ солдатъ и офицеровъ, издалъ указъ, что всѣ, которые подали или захотятъ подать въ отставку, въ 24 часа будутъ удалены изъ Петербурга и водворены на мѣсто жительства. Полицеймейстеръ не зналъ, что̀ дѣлать съ этимъ указомъ: множество подвергнувшихся карѣ офицеровъ имѣли мѣсто жительства въ Петербургѣ; было пояснено, что во всякомъ случаѣ отставныхъ надо удалить изъ Петербурга. Офицеровъ въ однихъ мундирахъ тотчасъ выбрасывали за заставу при

жестокомъ морозѣ и предоставляли ихъ собственнымъ силамъ; они долго блуждали по окрестностямъ Петербурга, многіе изъ нихъ замерзли. Въ ночь на 6 ноября, когда Императоръ прибылъ въ Зимній дворецъ, однимъ изъ самыхъ первыхъ его распоряженій былъ указъ, въ силу котораго офицеръ не могъ выѣзжать въ закрытомъ экипажѣ, а могъ лишь ѣздить верхомъ или въ саняхъ. Улицы Петербурга на другой день помертвѣли, офицеры и генералы сидѣли дома или робко шли по тротуарамъ.

Въ первые же дни Императоръ принялся за обученіе своего войска. Онъ нашелъ, что солдаты даже не умѣютъ становиться на караулъ; чтобы обучить ихъ, онъ завелъ на дворцовомъ дворѣ ежедневный вахтъ-парадъ, который сталъ едва ли не самымъ важнымъ государственнымъ учрежденіемъ. Императоръ со старшимъ сыномъ Александромъ или Константиномъ на три или четыре часа спускался во дворъ въ одномъ мундирѣ и училъ назначенную часть становиться на караулъ, самъ командовалъ ею. Въ своей треуголкѣ, огромныхъ ботфортахъ и сюртукѣ, загнувъ одну руку за спину, а въ другой держа палку, Государь при 20-ти-градусномъ морозѣ командовалъ: «разъ, два». А мимо него шли тоже въ однихъ мундирахъ генералы, старики съ ревматизмомъ и насморкомъ и другими печальными послѣдствіями слишкомъ строгой и не своевременной службы. Съ тѣхъ поръ никакой военный не могъ показываться на улицѣ въ шубѣ. Одинъ офицеръ отправился на вахтъ-парадъ, передавъ своему деньщику саблю, которая ему мѣшала, а самъ надѣлъ шубу, думая, что при входѣ на дворъ шубу отдастъ деньщику, а шпагу возьметъ себѣ; но Императоръ встрѣтилъ его раньше и деньщика произвелъ въ офицеры, а офицера разжаловалъ въ солдаты. Во время

вахтъ-парада Императоръ издавалъ указы, принималъ рапорты, назначалъ даже аудіенціи; такъ что вахтъ-парадъ, т. е. открытый дворъ, зимой въ 1796—1797 гг., былъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ. Каждое воскресенье назначались большіе парады. Каждая неловкость, невнимательность наказывалась строго; офицеръ, отправившись на парадъ, не былъ увѣренъ, вернется ли онъ домой, не зналъ, гдѣ онъ очутится, въ Петропавловской крѣпости или на дорогѣ въ Сибирь. Иногда цѣлые полки, неловко промаршировавшіе передъ Императоромъ. слышали команду: «Направо кругомъ, въ Сибирь!» Офицерство каждое утро теряло голову, и одна молодая дама, ожидая каждую минуту бѣды, даже на ночь привязывала свою руку къ рукѣ мужа, чтобы знать, когда случится несчастье.

Императоръ занялся и приведеніемъ въ порядокъ наружнаго вида солдатъ. Въ обмундировкѣ при Екатеринѣ существовало большое разнообразіе, благодаря тому, что командиры иногда сами видоизмѣняли мундиры. Императоръ, большой поклонникъ Фридриха Великаго, ввелъ вмѣстѣ съ прусской системой обученія и прусскіе мундиры; велѣно было солдатамъ остричься, затянуться въ узенькій сюртукъ и привязать къ затылку извѣстную косичку, пудриться, носить букли. Возстановлены были старыя принадлежности обмундировки, существовавшія при Петрѣ Ш и отмѣненныя, когда Военной Коллегіей завѣдывалъ Потемкинъ. Суворовъ, который тогда командовалъ собиравшимся противъ французовъ корпусомъ, получивъ предписаніе о новой обмундировкѣ и новой прическѣ солдатъ, не утерпѣлъ, чтобы не сострить: «пудра—не порохъ, косички—не штычки», за что былъ вызванъ въ Петербургъ, отставленъ и отправленъ въ Новгородскую губернію. Дисциплина выразилась въ рядѣ быстро слѣ-

довавшихъ измѣненій; то предпишутъ одинъ покрой прусскаго мундира, то измѣнятъ его, прибавятъ къ нему какую нибудь новую подробность; форма кивера, шляпы, цвѣтъ плюмажа, форма сапогъ, пряжки, застежки— вотъ предметы, которые разрабатывались въ законодательствѣ тѣхъ дней.

Общество подвергалось той же муштровкѣ, что и войско. Петербургское дворянское общество, какъ и армія, привыкло къ привольной жизни въ предшествовавшее царствованіе; роскошь, легкіе нравы и либеральныя идеи—вотъ его характерныя черты. Теперь и его прибрали къ рукамъ. Слѣдуетъ рядъ указовъ, опредѣлявшихъ образъ жизни, выѣзда, даже образъ мыслей. Прежде всего предписано было выѣзжать въ нѣмецкой упряжи и съ кучеромъ, одѣтымъ по-нѣмецки. Съ большимъ горемъ петербургскіе кучера разставались со своими длинными бородами и еще болѣе длинными кафтанами и никакъ не могли приноровиться къ предписаннымъ имъ косичкамъ; шорники зато получили выгодную работу, потому что для нововведеній назначенъ былъ короткій срокъ. Въ древней Руси подданные, видя въ государѣ земного Бога, при встрѣчѣ съ нимъ падали на землю. Съ царствованія Ѳеодора Алексѣевича правительство стало запрещать такое поклоненіе; Петръ I даже бивалъ дубинкой слишкомъ усердныхъ поклонниковъ. Теперь было предписано всѣмъ, при встрѣчѣ съ Императоромъ или членами царской фамиліи, отдавать имъ извѣстное почтеніе: ѣхавшіе въ экипажахъ должны были выходить изъ нихъ, чтобы дѣлать поклоны; отъ этого не избавлялись и дамы, ѣхавшія въ каретахъ; подробно былъ описанъ обрядъ почтенія: нужно было, вышедши изъ кареты, спуститься на подножку, спустить съ плеча верхнюю одежду и сдѣлать реверансъ,—какъ, неизвѣстно. Много

приключеній, забавныхъ и печальныхъ, слѣдовало за этимъ распоряженіемъ. Затѣмъ предпринята была перемѣна костюма. Неизвѣстно, почему Императоръ питалъ отвращеніе къ круглымъ шляпамъ, къ шапкамъ; указомъ онѣ были запрещены; полиція и казаки срывали и рвали круглыя шляпы, на комъ бы ихъ ни замѣчали. Затѣмъ опала была распространена на высокіе сапоги, на старую прическу, которая сбивала волосы на лобъ: велѣно было зачесывать волосы наверхъ. Въ тогдашнихъ модахъ прокрадывалось революціонное вліяніе; новый Императоръ объявилъ войну всѣмъ этимъ революціоннымъ модамъ; постепенно запрещены были фраки, жилеты, застежки на башмакахъ, «кюлотъ» и, наконецъ, всякая трехцвѣтная лента или матерія. Для того, чтобы исправить образъ мыслей, въ которомъ было слишкомъ много либеральныхъ элементовъ, закравшихся благодаря французской литературѣ, предписаны были измѣненія въ самомъ русскомъ лексиконѣ. Въ тогдашнемъ ходячемъ разговорѣ и литературномъ языкѣ встрѣчались термины, очевидно навѣянные французской литературой; рядомъ съ ними были другіе, къ которымъ питали нерасположеніе въ высшихъ сферахъ. Изданъ былъ указъ, запрещавшій цѣлый рядъ словъ и замѣнявшій ихъ другими; напр., запрещено было мѣстоименіе «сей»; велѣно замѣнить его мѣстоименіемъ «этотъ»; далѣе велѣно было замѣнить слова: «врачъ» словомъ «лѣкарь»; «стража»—«караулъ»; «отрядъ» — «деташементъ» или «команда»; «отечество»—«государство»; «общество»—велѣно было вовсе не упоминать, оно запрещено безъ замѣны. Высшее петербургское общество при Екатеринѣ, являясь на придворныя собранія, привыкло вести себя почтительно, но довольно свободно; Императрица желала, чтобы у нея во дворцѣ всѣ веселились, танцовали,

разговаривали, какъ умѣли. Новый Императоръ предписалъ, чтобы въ его присутствіи всѣ танцующія пары были обращены къ нему лицомъ, гдѣ бы онъ ни стоялъ. На аудіенціи каждый представляющійся долженъ былъ преклонять колѣно, но такъ, чтобы всѣмъ былъ слышенъ стукъ, отсюда происходящій; точно также, цѣлуя руку, долженъ былъ сдѣлать это не какъ нибудь, а осязательно для слуха. Князь Голицынъ, не исполнившій предписаннаго обряда, тотчасъ съ аудіенціи былъ отправленъ въ крѣпость. Петербургское общество, подъ вліяніемъ этихъ указовъ, какъ будто что-то встряхнуло.

Мысль, руководившая новой политикой, еще осязательнѣе высказывалась въ мѣрахъ болѣе серіознаго характера; тотчасъ замѣтнымъ стало, что Императоръ — врагъ сословныхъ привилегій, соціальнаго неравенства. Какъ мы знаемъ, въ предшествовавшее царствованіе во главѣ общества стали два привилегированныхъ класса: дворянство и гильдейское купечество. Права этихъ сословій, какъ и область предоставленнаго имъ самоуправленія, точно описаны были въ двухъ жалованныхъ грамотахъ 1785 года. Новый Императоръ сталъ отмѣнять эти грамоты статья за статьей. Прежде всего онъ отмѣнилъ право дворянскаго губернскаго общества обращаться къ правительству съ заявленіемъ нуждъ и вообще съ какими-либо коллективными просьбами. Далѣе, запрещены были губернскія дворянскія собранія; дворянство могло только собираться по уѣздамъ; даже губернскіе предводители дворянства выбирались на уѣздныхъ собраніяхъ. Мы знаемъ, что значеніе дворянства въ мѣстномъ управленіи выражалось въ сословныхъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ, въ верхнемъ земскомъ и уѣздномъ судѣ; точно такъ же, какъ участіе купечества въ мѣстномъ упра-

*

вленіи выражалось въ правѣ избирать членовъ губернскихъ и городскихъ магистратовъ, какъ и другихъ учрежденій, гдѣ были предоставлены мѣста засѣдателямъ отъ городскихъ состояній. Верхній слой сословно-судебныхъ учрежденій былъ упраздненъ указомъ 1797 года: закрыты были верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхняя земская расправа. Далѣе, прежде дворянство выбирало весь личный составъ земскаго суда и главныхъ полицейскихъ учрежденій губерніи; теперь предписано было на убылыя мѣста назначать губернскихъ управителей и даже изъ чиновниковъ не дворянскаго происхожденія. Точно такимъ же стѣсненіямъ подверглась и жалованная грамота городамъ. Такимъ образомъ, когда сословное самоуправленіе было разрушено, оставались только личныя и имущественныя привилегіи сословій. Важнѣйшей изъ этихъ привилегій была свобода отъ тѣлесныхъ наказаній; въ началѣ своего царствованія Павелъ распространилъ эту свободу и на приходское духовенство. Но въ 1798 г. эта привилегія была уничтожена не посредствомъ отмѣны прежняго закона, а помощью его толкованія; въ указѣ говорили, что дворянинъ за извѣстныя преступленія, по закону, лишается своего дворянскаго званія; дворянинъ освобождается отъ тѣлеснаго наказанія за уголовное преступленіе; а коль скоро званіе съ него снято, то и привилегія его не касается; слѣдовательно, дворянинъ, потому что онъ дворянинъ, подвергался двойному наказанію; привилегія была превращена въ нѣчто, совершенно ей противоположное. Это распоряженіе распространено было на гильдейское гражданство и духовенство, только что почувствовавшее себя свободнымъ отъ тѣлеснаго наказанія. Такъ рѣзко была выражена мысль новаго царствованія—уравнять всѣхъ передъ закономъ.

Эта идея была проводима и въ мѣрахъ по управленію. Управленіе, созданное Екатериной, какъ мы видѣли, страдало большими недостатками; надежды, какія она возлагала на новые суды, не оправдались; лихоимство и неурядица царствовала въ нихъ по прежнему. Новый Императоръ поставилъ себѣ главной задачей водворить порядокъ въ управленіи и справедливость въ судахъ; для этого въ каждомъ уѣздномъ городѣ передъ присутственными мѣстами поставлены были висѣлицы, на которыхъ вѣшали за лихоимство,— только не чиновниковъ, а ихъ имена. Екатерина распространяла свои губернскія учрежденія и на области, не принадлежавшія къ стариннымъ владѣніямъ Имперіи, на остзейскія провинціи, на губерніи малороссійскія и присоединенныя отъ Польши. Несомнѣнно, это единообразіе управленія должно было содѣйствовать скорѣйшему сліянію новопріобрѣтенныхъ провинцій съ коренными областями. Императоръ велѣлъ возстановить старыя учрежденія и въ бывшихъ польскихъ областяхъ, и остзейскихъ провинціяхъ, какъ и въ Малороссіи. Екатерина раздѣлила Имперію на 50 намѣстничествъ по количеству населенія; новый Императоръ уничтожилъ это раздѣленіе и ввелъ новое, раздѣливъ Имперію на 41 губернію. Нѣкоторые новые города, возникшіе при Екатеринѣ, носили память о ней; къ числу такихъ городовъ принадлежалъ, напр., городъ, возникшій въ Новороссіи,—Екатеринославъ. Императоръ закрылъ его. Въ управленіи дѣйствовало много лицъ, относившихся съ благоговѣніемъ къ покойной Императрицѣ; эти лица постепенно удалялись отъ должностей; къ концу царствованія Павла насчитывалось до 20 т. отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ. Какъ видите, мысль о водвореніи порядка и справедливости въ управленіи, въ судахъ постепенно пере-

рабатывалась въ другую, — въ уничтоженіе слѣдовъ предшествовавшаго царствованія; очевидно, больше хлопотали о томъ, чтобы преобразовать, чѣмъ о томъ, чтобы улучшить; лишь бы все пошло по новому, а не такъ, какъ было прежде,—вотъ что̀ стало задачей внутренней преобразовательной дѣятельности.

Внѣшняя политика страдала той же особенностью, какъ и внутренняя. Во внутренней политикѣ люди не знали, что̀ будетъ завтра, какое начало восторжествуетъ, и долго ли удержится разъ восторжествовавшее; точно также не могли поручиться за другой день и лица, дѣйствовавшія въ управленіи. Генералъ-прокуроръ Самойловъ въ первые дни царствованія получилъ знаки неожиданной милости, несмотря на то, что былъ приверженцемъ Екатерины; ему подарено было 4000 душъ крестьянъ, сказано нѣсколько ласковыхъ словъ, а черезъ нѣсколько дней онъ былъ отставленъ и секретно заключенъ въ крѣпость. Павелъ, провозгласивъ мирную политику, долженъ былъ однако выступить на борьбу съ Франціей въ союзѣ съ Англіей и Австріей. Русская армія, покрытая на поляхъ Италіи побѣдами, вызвала общее удивленіе въ Европѣ своимъ геройскимъ переходомъ черезъ Сенъ-Готардъ. Но черезъ нѣсколько времени Павелъ разорвалъ со своими союзниками, вступилъ въ дружескіе переговоры съ первымъ консуломъ, Бонапартомъ, и заключилъ съ Франціей тѣсный союзъ, который сопровождался объявленіемъ войны Англіи. Чтобы объяснить этотъ переворотъ во внѣшней политикѣ, петербургскій кабинетъ указывалъ на вѣроломство Австріи, а Императоръ разъ сказалъ: «Мнѣ все равно, кто царствуетъ во Франціи, лишь бы тамъ кто-нибудь царствовалъ». Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, которыя слѣдовали одна за другой безъ видимой связи, въ высшемъ обществѣ водворилось настроеніе,

которое намъ трудно почувствовать; люди, сначала испуганные, потомъ стали проникаться той веселостью, которая обыкновенно овладѣваетъ людьми, когда они почувствуютъ, что имъ нечего терять. Современники разсказываютъ, что не только на частныхъ, но и на придворныхъ балахъ никогда такъ не веселились и не дурачились, какъ въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла; всѣ привыкли къ неожиданностямъ; термометръ жизни понизился, и люди были очень довольны, что онъ не понижался еще больше.

Какое значеніе имѣетъ описываемое царствованіе въ нашей исторіи, и какъ могла принять такое направленіе политика, въ основѣ которой лежали столь добрыя стремленія? Современники оставили намъ много разсказовъ о тѣхъ немногихъ годахъ; всѣ эти разсказы довольно разнообразны; всѣ они—анекдоты; отъ того царствованія дошли до насъ только анекдоты, и почти не дошло крупныхъ правительственныхъ актовъ, которые сопровождались бы въ нашей жизни послѣдствіями. Собравъ всѣ эти анекдоты, подумаешь, что все это—какая-то пестрая и безсвязная сказка; между тѣмъ въ основаніи правительственной политики, внѣшней и внутренней, лежали серіозные помыслы и начала, заслуживающіе нашего полнаго сочувствія. Прежде всего современники отмѣчаютъ много отличныхъ свойствъ въ характерѣ Императора. Одинъ изъ нихъ, долго присматривавшійся къ Государю и къ его дѣятельности, пишетъ: «Павелъ былъ человѣкъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ, любитель правды, ненавистникъ лжи и обмана, заботившійся о правосудіи и гоненіи всякихъ злоупотребленій власти, въ особенности лихоимства и взяточничества». У него былъ, если можно сказать, врожденный инстинктъ порядка; ежедневную жизнь

свою онъ располагалъ по строгой программѣ, которую выдерживалъ съ рѣдкой точностью. Но у него была одна черта въ характерѣ, которая портила всѣ его добрыя свойства; тотъ же современникъ пишетъ: «къ несчастью, всѣ эти добрыя и похвальныя качества становились совершенно безполезными и для него, и для государства, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія мѣры, крайней раздражительности и нетерпѣливой требовательности безусловнаго повиновенія». Малѣйшее колебаніе въ исполненіи приказа, малѣйшая неисправность по службѣ влекли за собой строжайшій выговоръ и даже наказаніе. На Павла не легко было имѣть вліяніе, ибо, считая всегда себя правымъ, онъ всегда упорно держался своего мнѣнія и до того раздражался отъ противорѣчія, что часто казался совершенно внѣ себя. Въ старое время опала, постигшая лицо, простиралась и на всѣхъ его родственниковъ одного имени, а теперь, опала, постигшая Иванова, простиралась на всѣхъ Ивановыхъ въ Имперіи, хотя бы они и не были родственниками. Здѣсь мы встрѣчаемся съ послѣдствіями того общежитія, какое установилось въ предшествовавшее царствованіе; такіе характеры не родятся, а воспитываются; Императоръ былъ представителемъ того порядка явленій, какія укоренились въ предшествовавшее царствованіе; вѣдь несомнѣнно, что онъ былъ дитя Екатерины и екатерининскаго времени, не знавшаго мѣры и цѣлей, жившаго интересами и впечатлѣніями минуты. Павелъ былъ первый противо-дворянскій царь той эпохи, къ изученію которой мы обратились, а господство дворянства и господство, основанное на несправедливости, было больнымъ мѣстомъ русскаго общежитія во второй половинѣ вѣка. Чувство порядка, дисциплины, равенства были руководящимъ побужденіемъ дѣятельности Императора; борьба съ сословной привилегіей—его главной

цѣлью; извѣстны его слова уполномоченному шведскому Стедингу, когда послѣднiй заговорилъ о русской знати. «У меня великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и пока я съ нимъ говорю».

Такъ какъ господство дворянства создавалось и держалось недостаткомъ основныхъ законовъ, преимущественно закономъ о престолонаслѣдiи, что̀ сдѣлало возможнымъ всѣ перевороты, поднявшiе дворянское сословiе,—то Павелъ началъ созданiе такихъ законовъ. Это стремленiе выразилось въ установленiи закона, который стоитъ во главѣ нашего дѣйствующаго кодекса, закона 5 апрѣля 1797 г. о престолонаслѣдiи. Какъ извѣстно, Петръ уничтожилъ прежде дѣйствовавшiй обычай престолонаслѣдiя закономъ 1721 года, который былъ вызванъ его несчастными семейными отношенiями. Съ тѣхъ поръ судьба русскаго престола предоставлена была на волю политическаго вѣтра; каждый царствующiй государь назначалъ себѣ преемника по своему усмотрѣнiю. Любопытенъ одинъ разговоръ, который имѣетъ связь съ закономъ 5 апрѣля; законъ этотъ, дѣйствующiй и доселѣ, опредѣлялъ порядокъ престолонаслѣдiя въ нисходящей мужской линiи и взаимное отношенiе членовъ Императорской фамилiи. Легко замѣтить его цѣль: цѣлью его было устранить на будущее время несчастье, которое грозило самому Императору; говорятъ, что послѣ Екатерины осталось завѣщанiе, устранявшее Павла отъ престола; но завѣщанiе это во-время было выдано канцлеромъ Безбородко, который за то и получилъ 30 тысячъ десятинъ земли и 6 тысячъ душъ крестьянъ. Въ 1789 году, когда великiй князь находился въ извѣстномъ намъ настроенiи, покидалъ свой постъ при петербургскомъ дворѣ французскiй посланникъ Сегюръ; онъ явился въ Гатчину откланяться великому князю. Великiй князь

разговаривалъ съ нимъ о томъ, что̀ дѣлалось въ Россіи, и, между прочимъ, съ большимъ раздраженіемъ замѣтилъ: «объясните мнѣ, наконецъ, почему это во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ одинъ государь спокойно вступаетъ на престолъ за другимъ, а у насъ въ Россіи»... Тутъ великій князь запнулся. «Причину этого», отвѣчалъ дипломатъ, «указать не трудно: во всѣхъ европейскихъ государствахъ существуетъ законъ о престолонаслѣдіи въ нисходящей мужской линіи; этотъ законъ отличаетъ азіатскія государства отъ европейскихъ; онъ служитъ главной опорой порядка въ обществѣ, а у васъ здѣсь все сомнительно, нѣтъ ничего опредѣленнаго: каждый государь назначаетъ наслѣдника по своему усмотрѣнію, что̀ служитъ источникомъ безпокойныхъ замысловъ, честолюбивыхъ интригъ и даже заговоровъ»... «Это такъ», возразилъ великій князь, «но что же дѣлать, къ этому всѣ привыкли; обычай господствуетъ; измѣнить такой порядокъ можно только съ опасностью для того, кто предприметъ это; въ Россіи больше любятъ видѣть юбку на престолѣ, чѣмъ мундиръ». «Но можно», возразилъ Сегюръ, «при какомъ-нибудь особенномъ случаѣ измѣнить этотъ порядокъ, напр., воспользоваться днемъ коронаціи, когда общество настроено особенно радостно». «Да, объ этомъ надо подумать», отвѣчалъ великій князь. Мысль эта и выражена въ законѣ 5 апрѣля 1797 года.

Такимъ образомъ, самыя существенныя государственныя потребности соединялись у Императора съ какими-нибудь чисто личными мотивами. Сословное самоуправленіе, губернскія учрежденія и жалованныя грамоты городамъ и дворянству при Екатеринѣ были подавлены преобладаніемъ послѣдняго; Павелъ уничтожилъ самоуправленіе сословій, отмѣнивъ обѣ жалован-

ныя грамоты въ существенныхъ чертахъ и вытѣснивъ дворянство изъ губернскаго управленія коронным чиновничествомъ. Власть помѣщика надъ крестьянами развилась непомѣрно, благодаря отсутствію точнаго законодательства, которое опредѣлило бы отношенія обѣихъ сторонъ. Павелъ чувствовалъ этотъ пробѣлъ и сдѣлалъ первую попытку такого опредѣленія манифестомъ 5 апрѣля 1797 г. Въ этомъ манифестѣ запрещалось принуждать крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ и предписывалось помѣщику довольствоваться трехдневнымъ трудомъ крестьянъ, трехдневной барщиной. Законъ этотъ не былъ развитъ практически и остался безъ дѣйствія, тѣмъ не менѣе онъ—фактъ въ исторіи нашего законодательства, потому что впервые выразилъ мысль, которой потомъ долго будетъ руководиться правительство; но выраженіе этой мысли даже въ то царствованіе не было послѣдовательно. Порядокъ раздачи крестьянъ въ частное владѣніе и при Павлѣ сохранился прежнимъ; его вступленіе на престолъ сопровождалось награжденіемъ болѣе, чѣмъ 100 приближенныхъ лицъ 100 тысячами крестьянъ, почти съ милліономъ десятинъ земли. Во все царствованіе каждая милость выражалась въ пожалованіи населеннаго имѣнія, и, можетъ быть, при этомъ демократическомъ государѣ раздачи эти производились щедрѣе, чѣмъ когда либо прежде; крестьянами награждали за все, за каждую мелочь, и много гатчинцевъ сдѣлалось крупными душевладѣльцами и землевладѣльцами, благодаря счастливому случаю. Разъ на парадѣ Императоръ отдалъ какой-то приказъ Каннабиху; Каннабихъ сломя голову поскакалъ исполнять приказаніе; на лету съ него слетѣла треуголка. «Каннабихъ, шапку потерялъ!» — «За то голова тутъ», отвѣчалъ Каннабихъ и продолжалъ скакать далѣе. — «Дать ему 1000 крестьянъ».

Мы не раздѣляемъ довольно обычнаго пренебреженія къ значенію кратковременнаго царствованія Павла I. Напрасно считаютъ его исключительнымъ временемъ нашей исторіи, не имѣющимъ внутренней связи съ предшествующимъ временемъ и ничего не давшимъ дальнѣйшему; это царствованіе органически связано съ прошедшимъ, какъ протестъ, съ будущимъ—какъ первая попытка осуществленія той программы, которую диктовалъ ходъ вещей. Чувство порядка, дисциплины и равенства было руководящимъ принципомъ дѣятельности Императора; борьба съ сословными привилегіями—его главной цѣлью. Но это первое царствованіе, которое должно было развивать начала, составляющія сущность нашей исторіи въ XIX в., не было удачнымъ. Павелъ вступилъ на престолъ съ мыслью придать болѣе единства государственному порядку; между тѣмъ изъ-за вражды къ матери онъ отмѣнилъ губернскія учрежденія въ присоединенныхъ къ Россіи остзейскихъ и польскихъ провинціяхъ, чѣмъ ослабилъ дѣйствіе ассимиляціи завоеванныхъ инородцевъ съ кореннымъ населеніемъ. Вступивъ съ мыслію опредѣлить закономъ болѣе справедливыя отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ и улучшить положеніе послѣднихъ, Павелъ не только не ослабилъ крѣпостного права, но и много содѣйствовалъ его развитію, щедро раздавая населенныя имѣнія во владѣніе частнымъ лицамъ. Гдѣ причина такой неудачи дѣятельности Императора Павла? Дѣятельность его лишена была цѣльности и послѣдовательности, и это происходило оттого, что онъ, благодаря обстоятельствамъ, въ какихъ развивался, принесъ на престолъ не обдуманную программу, не точное знаніе дѣла и людей, а только значительный запасъ накипѣвшаго чувства; его политика выходила не столько изъ сознанія несправедливости и негодности существующаго порядка, сколько изъ анти-

патіи къ лицамъ, къ матери и ея сотрудникамъ. Эти послѣдніе принадлежали къ либеральному дворянству, которое отъ скуки и на досугѣ пропиталось либеральными французскими идеями; Павелъ предпринялъ уничтоженіе дворянскихъ привилегій и положилъ опалу на всѣ дворянскія либеральныя идеи, даже на дворянскій языкъ и костюмы. Это участіе чувства, нервовъ въ государственной дѣятельности сообщило ей характеръ не столько политическій, сколько патологическій; въ ней больше минутныхъ инстинктивныхъ порывовъ, чѣмъ сознательныхъ идей; борьба съ существующимъ порядкомъ превратилась въ безцѣльное гоненіе лицъ; вражда къ сословнымъ привилегіямъ получила характеръ стѣсненія самыхъ простыхъ человѣческихъ правъ. Вся демократическая программа разбилась на безсвязныя и капризныя мелочи, переродилась въ припадки жестокаго и великодушнаго каприза, въ простой анекдотъ, и больше анекдота мы ничего не знаемъ объ этомъ царствованіи. Такимъ образомъ, первый приступъ къ новой программѣ былъ очень неудаченъ.

12 марта 1801 года на престолъ вступилъ внукъ Императрицы Екатерины II—Александръ I; это былъ послѣдній дворцовый переворотъ, только совершившійся не на улицѣ. Перемѣна произвела оживляющее дѣйствіе на общество; всѣ точно проснулись отъ сна, въ которомъ что-то сильно давило; современники разсказываютъ, что 12-го марта улицы Петербурга имѣли видъ, какой онѣ принимаютъ только въ Свѣтлое Воскресеніе; люди незнакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, обнимались и цѣловались, поздравляя съ чѣмъ-то другъ друга, точно столица освободилась отъ осады. Новый Императоръ иначе приступилъ къ исполненію программы, которую диктовалъ ходъ событій.

Мы вступаемъ въ XIX столѣтіе. Прежде, чѣмъ приступить къ изученію исторіи этого времени, мы должны сдѣлать одно предостереженіе. Теперь у насъ на пути будутъ стоять явленія, слишкомъ къ намъ близкія, прямыя причины тѣхъ, которыя волнуютъ или волновали насъ; въ сужденіяхъ объ этихъ явленіяхъ довольно трудно сохранять спокойствіе, съ какимъ мы привыкли относиться къ явленіямъ давно минувшихъ дней; прошедшее—что картина; ее разсматривать лучше на извѣстномъ разстояніи; потому въ дальнѣйшемъ изложеніи слѣдуетъ обращать вниманіе больше на связь событій, чѣмъ на мнѣнія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи прежде всего сдѣлаемъ краткій обзоръ хода внѣшней политики, указавъ, какими побужденіями руководилось правительство во внѣшнихъ отношеніяхъ, къ какимъ результатамъ приводили многочисленныя войны, веденныя Россіей въ этомъ вѣкѣ. Въ обзорѣ политики внутренней обратимъ исключительное вниманіе на разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, а также и тѣхъ второстепенныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ должно было предшествовать разрѣшенію главнаго вопроса или сопровождать его.

Внѣшняя политика Россіи въ XIX вѣкѣ.

Царствованіе Императора Павла было первымъ и неудачнымъ приступомъ къ рѣшенію задачъ, ставшихъ на очередь съ конца XVIII ст. Преемникъ его гораздо обдуманнѣе и послѣдовательнѣе проводилъ новыя начала какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Явленія эти чрезвычайно послѣдовательно развиваются изъ процесса, который совершался въ международныхъ отношеніяхъ Россіи въ продолженіе XVIII в. Явленія

эти, впрочемъ, такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что представляется болѣе удобнымъ сдѣлать ихъ обзоръ до послѣдняго времени, не различая царствованій.

Въ продолженіе XVIII в. Россія осуществляетъ давнее свое стремленіе стать въ естественныя этнографическія и географическія границы. Это стремленіе было завершено въ началѣ XIX вѣка пріобрѣтеніемъ всего восточнаго берега Балтійскаго моря, по присоединеніи Финляндіи съ Аландскими островами (на основаніи договора съ Швеціей въ Фридрихсгамѣ въ 1809 г.), присоединеніемъ Царства Польскаго (по акту Вѣнскаго конгресса 1815 г.) и присоединеніемъ Бессарабіи (по Бухарестскому договору 1812 г.). Но какъ скоро государство стало въ свои естественныя границы, внѣшняя политика Россіи раздвоилась: различныя стремленія преслѣдуетъ она на азіатскомъ востокѣ и на европейскомъ юго-западѣ. Различіе этихъ задачъ, главнымъ образомъ, объясняется неодинаковостью тѣхъ географическихъ условій и той исторической среды, какія встрѣтила Россія, достигнувъ своихъ естественныхъ границъ на востокѣ и на юго-западѣ. Русскія границы на востокѣ не отличались рѣзкой опредѣленностью или замкнутостью, во многихъ мѣстахъ онѣ были открыты; притомъ за этими границами не лежали плотныя политическія общества, которыя бы своею плотностью сдержали дальнѣйшее распространеніе русской территоріи. Вотъ почему Россія здѣсь скоро должна была перешагнуть за естественныя границы и углубиться въ степи Азіи, частью даже противъ своей воли. По Бѣлградскому договору 1739 г. владѣнія Россіи на юго-востокѣ дошли до Кубани. На Терекѣ издавна существовали русскія казацкія поселенія. Такимъ образомъ, ставши на Кубани и на Терекѣ, Россія очутилась передъ Кавказскимъ хребтомъ. Въ концѣ XVIII

столѣтія русское правительство совсѣмъ не думало переходить этотъ хребетъ, не имѣя ни средствъ къ тому, ни охоты; но за Кавказомъ среди магометанскаго населенія прозябало нѣсколько христіанскихъ княжествъ, стоявшихъ подъ покровительствомъ Турціи. Эти христіанскія княжества, почуявъ близость Русскихъ, начали обращаться къ нимъ за покровительствомъ. Еще въ 1783 г. грузинскій царь Ираклій, тѣснимый Персіей, отдался подъ покровительство Россіи. Екатерина II принуждена была послать черезъ Кавказскій хребетъ въ Тифлисъ русскіе полки. Со смертью ея Русскіе ушли изъ Грузіи, куда снова вторгнулись Персіане, все опустошая. Но Императоръ Павелъ принужденъ былъ поддержать Грузинъ и въ 1799 г. призналъ царемъ Грузіи преемника Ираклія, Георгія XIII. Этотъ царь, умирая въ 1801 г., завѣщалъ Грузію русскому Императору, и волей не волей пришлось принять завѣщаніе; Грузины усиленно хлопотали о томъ, чтобы русскій Императоръ принялъ ихъ подъ свою власть. Русскіе полки, воротившись въ Тифлисъ, очутились въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи: сообщеніе съ Россіей возможно было только черезъ Кавказскій хребетъ, населенный дикими горными племенами, а отъ Каспійскаго и Чернаго морей русскіе отряды были оторваны различными народностями, изъ которыхъ однѣ—различныя ханства на востокѣ—состояли подъ покровительствомъ Персіи, а другія—различныя княжества на западѣ—подъ покровительствомъ Турціи. Нужно было для безопасности пробиться и на востокъ, и на западъ. Западныя княжества были все христіанскія, то были: Имеретія, Мингрелія и Гурія по теченію Ріона. Слѣдуя примѣру Грузіи, и они одно за другимъ признали, подобно ей, верховную власть Россіи: Имеретія и Мингрелія (при Дадіанѣ) въ 1804 г., Гурія въ 1810 г.

Новыя присоединенія привели Россію въ столкновеніе и съ Персіей, отъ которой пришлось отвоевать многочисленныя ханства: Шемахинское, Бакинское, Эриванское, Нахичеванское и др. Это столкновеніе вызвало двѣ войны съ Персіей, кончившіяся Гюлистанскимъ договоромъ 1813 г. и Туркманчайскимъ 1828 г. Но какъ скоро Русскіе стали на каспійскомъ и черноморскомъ берегахъ Закавказья, они должны были естественно обезпечить свой тылъ завоеваніемъ горныхъ племенъ. Съ момента присоединенія Грузіи и начинается продолжительное завоеваніе Кавказа, кончившееся лишь весьма недавно (въ 1864 г.). Совершенно также расширялась территорія и за Каспійскимъ моремъ, въ глубинѣ Азіи. Южныя границы Западной Сибири издавна безпокоили кочевые Киргизы, населявшіе Сѣверный Туркестанъ. Въ царствованіе Императора Николая I эти Киргизы были усмирены, но усмиреніе это привело Россію въ столкновеніе съ различными средне-азіатскими ханствами: Коканомъ, Бухарой и Хивой и народностями Туркестана. Рядомъ походовъ 1864—1868 г.г. подъ командой Черняева и Веревкина были завоеваны части ханствъ Коканскаго и Бухарскаго. Изъ завоеванныхъ владѣній въ 1867 г. было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство. Затѣмъ въ 1873 г. покорена генераломъ Кауфманомъ Хива; въ 1876 г. присоединена къ Россіи остальная часть Коканскаго ханства; въ 1881 г. генераломъ Скобелевымъ покорены были туркменскія племена Текинцевъ. Съ добровольнымъ вступленіемъ Мерва въ русское подданство (1884 г.), средне-азіатскія владѣнія Россіи распространились до Афганистана, раздѣльной полосы между ними и англійской Индіей. Въ то же время Россія утверждалась и на дальнемъ Востокѣ, на берегахъ Тихаго океана. Еще въ XVII в. сибирскіе казаки

проникли въ область р. Амура и мужественно отстаивали построенную на ней противъ Китайцевъ крѣпость Албазинъ. Но правительство царевны Софіи, по недостатку свѣдѣній о краѣ, уступило Китайцамъ оба берега Амура (по Нерчинскому договору 1689 г.). Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ (по Айгунскому договору 1858 г.) укрѣпилъ за Россіей лѣвый берегъ Амура (Амурская область), къ которому вскорѣ присоединился Уссурійскій край до границъ Кореи съ правымъ берегомъ Амура ниже впаденія въ него р. Уссури (Приморская область), и тамъ быстро стали возникать русскія поселенія (Благовѣщенскъ, Хабаровскъ, Николаевскъ, Владивостокъ; въ обѣихъ областяхъ было 65 т. жителей въ 1870 г., 164 т. въ 1885 г., 250 т. въ 1897 г.). Въ послѣдніе годы политическое вліяніе Россіи распространилось и на сосѣднюю область Китая—Маньчжурію, съ Квантунскимъ полуостровомъ. Итакъ, въ продолженіе XIX в. юго-восточныя и восточныя границы Россіи постепенно отодвигаются за естественные предѣлы неизбѣжнымъ сцѣпленіемъ отношеній и интересовъ.

Совсѣмъ инымъ направленіемъ отличается внѣшняя политика на юго-западныхъ европейскихъ границахъ. Въ XVIII в., въ царствованіе Екатерины II, еще не понимали религіозно-племенныхъ задачъ внѣшней политики и не стремились къ политическому освобожденію родственныхъ славянскихъ и православныхъ народностей. Во внѣшней политикѣ по отношенію къ Турціи и къ Польшѣ господствовала одна простая цѣль, которую можно обозначить словами: территоріальное обрѣзываніе враждебнаго сосѣда съ цѣлью округленія собственныхъ границъ. У враговъ просто отнимали смежныя земли, чтобы исправить собственныя границы; исправляя эти границы, наконецъ, дошли на югъ до

предѣловъ, далѣе которыхъ нельзя было вести прежнюю политику—именно, нельзя было по двумъ причинамъ. Теперь русскія войска остановились передъ такими областями Турціи, которыя либо нельзя было присоединить, не возбудивъ тревоги на Западѣ, либо неудобно было присоединять по отсутствію прямыхъ географическихъ связей съ Имперіей. Присмотрѣвшись же къ Турціи, увидѣли, что это не цѣльное тѣло, а куча разнохарактерныхъ народностей. Тогда и рѣшили постепенно обособить эти составныя части двоякимъ способомъ: или дѣля ихъ между сильными державами Европы, или возстановляя изъ нихъ государства, нѣкогда существовавшія въ предѣлахъ Турціи. Такъ изъ политики территоріальнаго обрѣзыванія сосѣда развивался другой планъ политики раздробленія сосѣда. Отсюда развивается двойная политика по отношенію къ Турціи—политика ея раздѣла, подобнаго польскимъ, и политика историческихъ реставрацій. Оба эти стремленія были, однако, чужды религіозно-племеннымъ тенденціямъ. Любопытный образецъ этого смѣшенія политическихъ цѣлей представляетъ знаменитый «греческій проектъ» Екатерины II. Готовясь ко второй войнѣ съ Турціей въ 1782 г., Россія заключила союзъ съ Австріей на такихъ условіяхъ: изъ дунайскихъ княжествъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи образуется независимое государство Дакійское (терминъ, вычитанный изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ); изъ коренныхъ областей Европейской и, если можно, Азіатской Турціи образуется возстановленная Византійская имперія; Боснія, Сербія и Далмація отдаются Австріи вмѣстѣ съ владѣніями Венеціи на Балканскомъ полуостровѣ, которая въ возмездіе за то получаетъ Морею, Критъ и Кипръ. Нельзя себѣ представить большаго хаоса въ политическихъ комбинаціяхъ: возстановляется несуществовавшее госу-

*

дарство (Дакія); славянскія земли отдаются нѣмецкой Австріи; православно-греческія области присоединяются къ Венеціи. Подобнымъ же хаосомъ отличается и планъ, предложенный въ 1800 г. Растопчинымъ Императору Павлу. Считая Турцію неспособной существовать, Растопчинъ думалъ, что лучше всего раздѣлить ее съ Австріей и Франціей. Россія беретъ себѣ Молдавію, Болгарію и Румелію, отдаетъ Австріи Валахію, Сербію и Боснію, а Франціи — Египетъ; Морея съ островами Архипелага становится независимой республикой. Въ этомъ планѣ есть все: и раздѣлъ Турціи, и политическая реставрація съ границами, не имѣвшими никакой опоры въ исторіи, и пренебреженіе къ религіозно-племеннымъ симпатіямъ. Этотъ произволъ въ политическихъ комбинаціяхъ заставилъ нѣкоторыхъ политиковъ итти противъ всякаго раздѣла Турціи; таковъ былъ нашъ посланникъ въ Константинополѣ графъ Кочубей. Въ 1802 г. онъ писалъ Императору, что всего хуже—раздѣлъ Турціи, всего лучше сохраненіе ея: Турки самые спокойные сосѣди, и потому для блага нашего лучше всего сохранить сихъ естественныхъ нашихъ непріятелей. Итакъ, русская политика во вторую половину XVIII в. еще не ставила себѣ и не понимала религіозно-національныхъ цѣлей.

Но съ начала XIX вѣка различныя условія, частью возникавшія въ самой православно-славянской средѣ, частью навѣянныя со стороны, подсказали русской политикѣ начала, которыми она должна была руководствоваться. Всѣ эти явленія выходили изъ одного источника; этимъ источникомъ было пробужденіе національныхъ чувствъ въ угнетенныхъ народностяхъ Европы. Какъ извѣстно, этотъ фактъ сильно выступаетъ въ европейской жизни съ начала XIX-го вѣка; мы безошибочно можемъ сказать, что въ исторіи международныхъ

отношеній этотъ вѣкъ останется временемъ борьбы національностей. Національный вопросъ имѣетъ очень сложный источникъ; не мы его подняли, да и не всѣ тѣ народности, которыя стремились къ политическому существованію, стали политически существовать. Правда, въ этихъ народностяхъ жили нѣкоторыя преданія о политическомъ бытѣ, нѣкогда онѣ были самостоятельными государствами. Такъ, напр., за Кавказомъ существовало государство Армянское, потомъ утратившее свою самобытность подъ ударами Турокъ и Персовъ; до Екатерины II дожило царство Грузинское; другія области, Мингрелія, Кахетія, сохранили еще остатки мѣстнаго самоуправленія подъ чужимъ владычествомъ; точно также дунайскія княжества составляли нѣсколько государствъ; Молдавія и Валахія пользовались внутренней самостоятельностью; Болгарія и Сербія составляли обширныя царства, долго грозившія существованію Византійской имперіи; Сербское королевство, какъ извѣстно, пало подъ ударами Турокъ въ битвѣ на Коссовомъ полѣ, вскорѣ послѣ того, какъ мы на Куликовскомъ полѣ начали дѣло своего освобожденія отъ татарскаго ига, въ 1389 г. Изъ всѣхъ этихъ православныхъ или славянско-православныхъ племенъ сохранилъ политическое существованіе маленькій осколокъ сербскаго племени—Черногорія, благодаря особенностямъ горной страны, занятой Герцоговинцами. Преданія о боевой славѣ и свободѣ жили еще среди Румынъ, Болгаръ, Сербовъ, какъ и Грековъ, но ихъ недостаточно было бы, чтобы поднять народныя массы на борьбу съ турецкимъ игомъ; прежде всего эти преданія не были достаточны для того, чтобы распространить живое чувство свободы; это чувство было пробуждено толчкомъ со стороны; толчекъ этотъ дало самое крупное событіе XVIII в. съ его послѣдствіями, т. е. французская революція.

Французская революція и завоевательная политика, усвоенная ея преемницей — имперіей, чрезвычайно сильно подѣйствовали на всю Европу, подѣйствовали онѣ различно на различныя народности, смотря по ихъ положенію. Въ этомъ отношеніи европейскія государства можно раздѣлить на три разряда. Одни изъ нихъ, составляя цѣльныя политическія тѣла, были лишены внутренней свободы: таковы были Испанія, Португалія; другія пользовались внѣшней независимостью и также лишены были внутренней свободы, но при этомъ не имѣли еще политической цѣлости, были раздроблены на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ государствъ: таковы были государства Германіи и Италіи. Наконецъ, третьи лишены были какъ внѣшней независимости и внутренней свободы, такъ и національной цѣльности: таковы были православно-славянскія земли и славяно-католическія племена Балканскаго полуострова и Австріи, а также и греческая народность. Французская революція съ имперіей пробудила въ этихъ европейскихъ племенахъ и обществахъ двойное стремленіе: революція вызвала живое движеніе къ внутренней свободѣ, а завоевательная политика, которую потомъ усвоила революціонная Франція и передала имперіи, пробудила въ европейскихъ національностяхъ стремленіе къ внѣшней независимости, которой стала грозить Франція. Въ первыхъ народностяхъ французская революція и имперія пробудили стремленіе къ внутренней свободѣ, во вторыхъ — къ политическому объединенію вмѣстѣ съ свободой внутренней, въ третьихъ — стремленіе къ національно-политическому освобожденію отъ иноземнаго ига. Стремленіе этихъ-то послѣднихъ народовъ и подсказало Россіи новыя начала ея внѣшней политики. Не надо, впрочемъ, думать, что такое дѣйствіе французской революціи проникло въ

православныя или славянско-православныя общества непосредственно: эти народности жили слишкомъ далеко отъ Франціи и отъ вызваннаго ею круговорота политическихъ идей; даже французскія завоеванія слишкомъ слабо отражались на европейскомъ юго-востокѣ, т. е. славянско-православномъ мірѣ; это завоевательное движеніе тяжело отозвалось только на единственномъ самостоятельномъ славянскомъ государствѣ—на Россіи. Но французскія завоеванія произвели общій хаосъ въ европейскихъ международныхъ отношеніяхъ; старыя политическія системы пали, старыя отношенія государствъ разстроились, дипломатія сбилась съ протоіенной колеи; это сопровождалось общимъ ослабленіемъ связей, и, разумѣется, это ослабленіе должно было почувствоваться прежде всего тѣми народами, которыхъ съ особенной болью сжимали эти связи, т. е. народами угнетенными (угнетенное всегда шевелится, когда среди угнетателей водворяется безпокойство). Таково было вліяніе французской революціи на православно-славянскій юго-востокъ; много коронъ въ Европѣ попадало отъ французскаго оружія; много политическихъ силъ и страховъ исчезло.

Россія съ своей стороны содѣйствовала этому пробужденію политическихъ надеждъ въ православно-славянскомъ мірѣ еще ранѣе, чѣмъ усвоила себѣ новую религіозно-національную программу. Русскія побѣды XVIII вѣка ослабили тотъ страхъ, какой наводила Турецкая имперія на Европу; обаяніе, которымъ запугивались покоренныя племена Балканскаго полуострова, теперь стало понемногу разсѣиваться. Припомнимъ, что были сдѣланы опыты поднять народности Балканскаго полуострова противъ Турціи, даже вооружить противъ нея завоеванныя племена Закавказья. Екатерина хвалилась въ началѣ второй Турецкой войны,

какъ она подпалитъ Турцію съ разныхъ сторонъ, вооружитъ противъ нея закавказскіе народы, Грузинъ, Армянъ. Греки въ Мореѣ были подняты, хотя возстаніе потомъ не было поддержано.

Все это вмѣстѣ составило достаточно сильный горючій матеріалъ, помощью котораго и загорѣлся вопросъ объ угнетенныхъ православно-славянскихъ національностяхъ. Какъ скоро этотъ вопросъ былъ возбужденъ, Россія не могла устраниться отъ его разрѣшенія, потому что съ нимъ связано было ея значеніе въ Европѣ, ея существенные внѣшніе интересы. Такимъ образомъ, ходъ событій вызвалъ русскую дипломатію на новую дорогу; понятно, что на новомъ пути Россія получила и новый интересъ, и новое значеніе. До сихъ поръ Россія разрѣшала свои мѣстные, особые вопросы; она объединялась въ національное цѣлое, округляла свои границы, сводила свои старые счеты со своими ближайшими сосѣдями, Польшей, Швеціей; всѣ эти событія оказывали сильное вліяніе, еще сильнѣйшее впечатлѣніе на Западную Европу, но все это были мѣстныя событія, чисто русскіе вопросы. Теперь Россія выходитъ изъ этой мѣстной національной сферы и начинаетъ призывать къ политическому существованію народности, которыя не входили и, быть можетъ, не войдутъ въ составъ Русскаго государства. Такимъ образомъ, русская политика берется за разрѣшеніе вопросовъ обще-европейскаго характера.

Уже съ первыхъ лѣтъ XIX вѣка различныя племена Балканскаго полуострова начали шевелиться; поднимая возстанія, они обращались за помощью къ Россіи, основываясь на своемъ религіозномъ или племенномъ родствѣ. Эти религіозныя и племенныя связи и указали русской политикѣ начала, во имя которыхъ она стала дѣйствовать противъ Турціи. Первое выраженіе этихъ

началъ мы находимъ въ сочиненіи одного славянскаго публициста, вызванномъ возстаніемъ Сербовъ. Въ концѣ 1803 г. поднялись Сербы Восточной Сербіи. Митрополитъ австрійскихъ Сербовъ Стратиморовичъ, чтобы помочь единоплеменникамъ, въ 1804 г. прислалъ въ Петербургъ записку или «начертаніе о возстановленіи новаго славяно-сербскаго государства». Въ этой запискѣ онъ указываетъ на сходство религіи, языка и образа жизни Сербовъ съ Русскими и ставитъ русскому правительству вопросъ: «нельзя ли и не стоитъ ли труда добрыхъ славяно-русскихъ родичей въ политическое бытіе привести, а со временемъ и въ политическое содружество»? Онъ предлагаетъ и форму освобожденія: поднявшаяся часть Сербовъ можетъ оставаться подъ верховной властью Турціи, получивши только независимость внутренняго управленія и находясь подъ покровительствомъ Россіи. Эта программа волей неволей была усвоена русской политикой и повела къ однообразному процессу освобожденія различныхъ мелкихъ національностей Балканскаго полуострова. Приведемъ сухой перечень того, что̀ было сдѣлано на этомъ пути съ начала XIX вѣка.

Всѣхъ раньше поднялись на Балканскомъ полуостровѣ Сербы, которые имѣли всего больше практики въ вооруженной борьбѣ съ Турціей; благодаря сосѣдству съ Австріей, Сербія обыкновенно служила театромъ борьбы во время войнъ ея съ Турціей; Сербы поднимались, Австрійцы вооружали ихъ, образовывали изъ нихъ отрядъ волонтеровъ, который и направляли противъ Турокъ. При Іосифѣ II шла у Австрійцевъ неудачная война съ Турціей; сербскіе волонтеры по окончаніи ея были отпущены, но Сербію наводнили турецкіе гвардейцы—извѣстные янычары, которые, плохо повинуясь центральному правительству Стамбула, стали

распоряжаться по своему. Волонтеры, еще не успѣвшіе бросить оружіе, поднялись и, сосредоточившись въ горныхъ лѣсахъ, начали образовывать отряды гайдуковъ (удальцовъ). У нихъ явился вождь, одинъ изъ участниковъ послѣдней турецко-австрійской борьбы, прежде турецкій лакей, а потомъ свиноторговецъ Кара-Георгій, Георгій Черный; онъ и поднялъ борьбу съ янычарами не только съ согласія, но и съ поддержкою турецкаго правительства, въ 1803 г. Потомъ, когда янычары были побѣждены и изъ Стамбула пригласили сербскихъ повстанцевъ сложить оружіе за его ненадобностью, послѣдніе объявили, что они не даромъ работали въ пользу Турціи и потребовали правъ. Порта отказала, и возстаніе изъ борьбы съ янычарами превратилось въ борьбу съ Турціей. Въ 1805 г. Россія поддержала Сербовъ, пославъ имъ Дунаемъ транспортъ оружія; возстаніе возрасло въ обширное движеніе. Въ Бухарестскомъ трактатѣ 1812 г. Россія выговорила въ пользу Сербовъ внутреннее самоуправленіе, только съ признаніемъ верховной власти султана, что выражалось разъ навсегда опредѣленной данью Сербовъ Турціи. Кара-Георгій былъ признанъ верховнымъ княземъ Сербіи.

Одновременно съ этимъ и другая національность была призвана къ политическому существованію — румынская; въ Бухарестскомъ трактатѣ тоже и ей было выхлопотано самоуправленіе. Прежде Турки назначали для управленія Молдавіи и Валахіи Грековъ изъ стамбульскаго квартала Фанарія, наполненнаго западными и греческими купцами (отсюда названіе торговыхъ грековъ—фанаріоты); они назначались на должности губернаторовъ, или господарей въ этихъ княжествахъ. По Бухарестскому трактату, господари Молдавіи и Валахіи управляютъ самостоятельно, при содѣйствіи совѣта

изъ мѣстныхъ бояръ, и не смѣняются безъ согласія Россіи. Такъ начала русская политика свою дѣятельность на новомъ поприщѣ. Въ 1812 г. Россія вовлечена была въ борьбу съ Франціей; борьба съ Франціей была необходимостью, вытекавшей изъ положенія Россіи въ международной политикѣ. Французскія завоеванія вызывали европейскія народности на отпоръ; наиболѣе угнетенныя изъ этихъ народностей были православно-славянскія; Россія не могла уклониться отъ необходимости поддерживать эти національности; слѣдовательно, она должна была столкнуться съ завоевательной политикой Франціи. Здѣсь дѣйствовала логика событій, независимая отъ соображеній дипломатовъ извѣстнаго времени. Это было стихійное движеніе, продолжающееся и до сихъ поръ, помимо людскихъ соображеній.

Въ 1821 г. поднялись Греки; греческое движеніе, также подготовлявшееся различными вліяніями, опиралось на Россію; начальствовавшій движеніемъ генералъ русской службы, грекъ Александръ Ипсиланти, собралъ свои отряды въ Бессарабіи, которая была присоединена къ Россіи по Бухарестскому трактату. Вождемъ движенія и устроителемъ освобождавшейся Греціи сталъ графъ Каподистрія, долго занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ при Александрѣ I. Александръ по тому положенію, какое онъ занялъ въ международной политикѣ Европы, подъ вліяніемъ консервативно-легитимистическихъ началъ Священнаго союза, не могъ поддерживать прямо и рѣшительно греческое движеніе и, въ ущербъ значенію Россіи на Востокѣ, предоставилъ возставшихъ Грековъ ихъ собственнымъ силамъ (на конгрессѣ въ Веронѣ 1822 г.). Греки долго боролись одни со слабой помощью западно-европейскихъ обществъ. Императоръ Николай I, не связанный обяза-

тельствами Священнаго союза, повелъ дѣло прямо; новая война съ Турціей 1828—1829 г. расширила русскую территорію, включивъ въ нее устье Дуная, и вмѣстѣ съ тѣмъ довершила освобожденіе Грековъ и Сербовъ. Раздавленные въ 1813 и 1814 г.г., Сербы вновь поднялись, на этотъ разъ подъ руководствомъ новаго вождя Милоша Обреновича въ 1815 г. По Адріанопольскому трактату 1829 г. Порта отказалась совершенно отъ власти надъ возставшими Греками и уступила еще болѣе самостоятельности Сербскому княжеству. Независимое Греческое королевство образовалось и было признано Европой по Лондонскому трактату 3 февраля 1830 г.; вскорѣ послѣ того былъ избранъ первый король Греціи—баварскій принцъ Оттонъ. Въ силу Адріанопольскаго же трактата 1829 г. султанъ далъ Сербіи фирманъ, въ которомъ Милошъ Обреновичъ признается верховнымъ княземъ Сербіи, только находящимся въ вассальной зависимости отъ султана. Сербія пользуется полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ; Турки, живущіе въ Сербіи, выселяются, остаются только гарнизоны въ сербскихъ крѣпостяхъ. Такимъ образомъ, два новыя политическія тѣла вызваны были къ бытію при содѣйствіи Россіи. Въ такое же вассальное отношеніе поставлены были и Дунайскія государства, или княжества.

Въ 30-хъ г.г. вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, пріобрѣтенное этими успѣхами, достигло своего высокаго напряженія по очень странному стеченію обстоятельствъ: Турція разваливалась; отдѣльныя части ея отрывались отъ нея или обнаруживали стремленіе оторваться. Такъ, Греція отдѣлилась совершенно; Сербія, Молдавія и Валахія почти оторвались; въ 1831 г. поднялась противъ Турціи ея далекая провинція на югѣ—Египетъ; Мехмедъ-Али-Паша, губернаторъ Египта, много помогавшій Турціи въ борьбѣ съ Греками, теперь

поднялъ возстаніе противъ султана въ 1831 г. Располагая хорошимъ войскомъ, его сынъ Ибрагимъ оторвалъ отъ Турціи всю Сирію, дошелъ до Тавра, прошелъ черезъ этотъ хребетъ, разбилъ Турокъ при Коніи въ 1832 г. и направился къ Константинополю. У султана не оставалось ни одной арміи; если бы Ибрагимъ перешелъ Босфоръ и занялъ Константинополь, который оставался беззащитнымъ, Турецкая имперія пала бы подъ ударами непріятеля, и господство Турокъ замѣнилось бы господствомъ Арабовъ, шедшихъ подъ знаменами египетскаго принца. Трудно сказать, что̀ тогда было бы, въ какое сочетаніе пришли бы политическія отношенія на юго-востокѣ, въ какое отношеніе къ этимъ событіямъ должна была бы стать Россія. Народности Балканскаго полуострова, освободившіяся или еще ждавшія освобожденія, радовались успѣху Мехмедъ-Али; во всякомъ случаѣ съ паденіемъ власти султана возникъ бы вопросъ объ ихъ освобожденіи, а къ Мехмеду они не стали бы въ такое отношеніе, въ какомъ они стояли къ султану. Казалось бы, Россія должна была спокойно смотрѣть на ходъ дѣла, предоставивъ египтянамъ окончить ходъ русскаго дѣла. Политика Императора Николая отнеслась къ событію иначе. Николай I, припомня ли правило, которое было высказано въ книгѣ Монтескьё, или руководствуясь своими особыми возрѣніями, рѣшилъ не допустить сосѣднее слабое государство до разрушенія, ибо слабое государство въ сосѣдствѣ всегда полезно и полезнѣе, чѣмъ отдѣльныя провинціи, на которыя разобьется это государство, хотя бы эти провинціи были присоединены къ сильному сосѣду; онъ рѣшилъ поддержать султана. Черноморскій флотъ подъ командой адмирала Лазарева, по просьбѣ султана, явился въ Босфоръ не громить Константинополь, а защищать его отъ магометанъ. Русская дивизія

подъ начальствомъ генерала Муравьева высадилась на азіатскомъ берегу для того, чтобы загородить египтянамъ путь къ Стамбулу; Ибрагимъ-паша не отважился бороться съ Русскими и отступилъ. Таково неожиданное сочетаніе обстоятельствъ. Россія уже болѣе вѣка стремилась добить Турцію, а когда явилась опасность ея паденія, она заступилась за нее первая. Турки были очень испуганы появленіемъ страшныхъ защитниковъ, и, кажется, боялись ихъ больше, чѣмъ египтянъ; услуга была вознаграждена договоромъ, заключеннымъ въ мѣстечкѣ Гункьяръ-Скелесси (8 мая 1833 г.); этотъ договоръ обезпечилъ рѣшительное преобладаніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Россія признана была единственной защитницей православно-славянскаго населенія Турціи съ правомъ вмѣшиваться въ дѣла Порты по этому предмету. Формально Россія и Турція обязались защищать взаимно другъ друга, но въ секретной статьѣ договора было постановлено, чтобы военные корабли западно-европейскихъ державъ не пропускались черезъ Дарданеллы, тогда какъ русскій флотъ получалъ свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Это былъ моментъ наибольшаго торжества русской дипломатіи на Востокѣ.

Такое преобладаніе Россіи казалось западнымъ державамъ грозной опасностью для политическаго равновѣсія Европы и они старались ослабить его своимъ вмѣшательствомъ въ восточныя дѣла. Императоръ Николай I поддержалъ султана и во второе, еще болѣе опасное, возстаніе египетскаго намѣстника (въ 1839 г.), но принужденъ былъ раздѣлить это дѣло съ Англіей, Австріей и Пруссіей. Лондонскій договоръ четырехъ державъ (1840 г.) заставилъ мятежнаго пашу покориться султану. Въ оба раза русская поддержка Турціи имѣла цѣлью помѣшать политическому возрожденію магоме-

танства, замѣнѣ падавшаго османскаго господства на Востокѣ арабско-египетскимъ, которое могло сообщить магометанству новую политическую силу и затруднить освобожденіе восточныхъ христіанъ отъ магометанскаго ига. Такъ установилась политика Россіи въ восточномъ вопросѣ: не допуская ни раздѣла Турціи между европейскими державами, ни политическаго усиленія магометанства посредствомъ внутренняго переворота, она, пользуясь исключительнымъ правомъ покровительства восточныхъ христіанъ, содѣйствовала освобожденію покровительствуемыхъ отъ турецкаго ига, но оставляла до времени освобождаемыхъ въ вассальной зависимости отъ султана. Западная дипломатія ставила другія цѣли своей восточной политикѣ, признавая необходимымъ для охраны цѣлости Турціи уничтожить это исключительное право Россіи и противодѣйствовать освобожденію покровительствуемыхъ ею христіанъ. Эта политика при новомъ столкновеніи Россіи съ Турціей изъ-за святыхъ мѣстъ въ 1853 г. и привела къ союзу западныхъ державъ съ Турціей противъ Россіи.

Исходъ этой новой коалиціонной восточной войны (1853—1856 г.) произвелъ крутой поворотъ въ постановкѣ восточнаго вопроса. Россія лишилась одной изъ главныхъ опоръ своего вліянія на Востокѣ: превосходный черноморскій флотъ ея погибъ, затопленный въ Севастопольской бухтѣ самими Русскими, а по условіямъ Парижскаго мира (18 марта 1856 г.) Россія обязалась не заводить новаго и не строить никакихъ военно-морскихъ сооруженій по черноморскимъ берегамъ. Черное море было нейтрализовано, открыто для торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Восточные христіане были поставлены подъ общее покровительство великихъ державъ Европы, и сама Турція, существованіе которой было формально признано необходимымъ для поддер-

жанія европейскаго равновѣсія, была принята въ систему европейскихъ державъ, т. е. стала подъ опеку своихъ покровительницъ. Такъ восточный вопросъ въ предѣлахъ Европы изъ русско-турецкаго превратился въ международный, обще-европейскій и въ этой новой фазѣ своего развитія получилъ новую постановку и новый характеръ.

Совмѣстный протекторатъ великихъ державъ не умиротворилъ Востока, не примирилъ турецкихъ христіанъ съ магометанами, хотя Парижскій трактатъ обязалъ Порту уравнять въ правахъ первыхъ съ послѣдними. Виды западно-европейской дипломатіи на возрожденіе Турціи посредствомъ реформъ и на удержаніе христіанскихъ народностей подъ ея властью сокрушились о косность и религіозный фанатизмъ Турокъ и о неудержимое стремленіе христіанъ къ свободѣ. Разложеніе Турціи пошло еще быстрѣе прежняго. Вассальныя дунайскія княжества, Молдавія и Валахія, соединились противъ воли турецкаго правительства въ одно государство Румынію, избравъ своимъ общимъ господаремъ молдавскаго дворянина Ал. Кузу (1859 г.), а по изгнаніи его принца Карла Гогенцоллерна (1866 г.). Вассальная Сербія, руководимая преданной Россіи національной партіей младосербовъ (вожди ея Вучичъ и Гарашанинъ), возстановила династію Обреновичей и добилась очищенія своихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, чѣмъ почти была упразднена власть султана надъ Сербіей (1867 г.). Греки на о. Критѣ поднялись противъ Турціи (1866 г.), желая присоединиться къ Греческому королевству, ихъ поддерживавшему. Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, поддержанное сербскими и черногорскими добровольцами (1875 г.) и сильно отозвавшееся въ другихъ частяхъ Балканскаго полуострова, особенно въ Болгаріи, повело къ войнѣ Сербіи

и Черногоріи съ Турціей, а потомъ къ новой русско-турецкой войнѣ, окончившейся Санъ-Стефанскимъ договоромъ (19 февраля 1878 г.). Западныя державы, особенно Англія и Австрія, охраняя Турцію, противодѣйствовали, сколько могли, этимъ движеніямъ среди восточныхъ христіанъ, и это противодѣйствіе особенно явственно обнаружилось на Берлинскомъ конгрессѣ (іюнь 1878 г.), на которомъ по настоянію тѣхъ же двухъ державъ подвергнуты были пересмотру условія Санъ-Стефанскаго договора. По этому договору Россія получала отъ Турціи сверхъ денежнаго вознагражденія клочокъ Бессарабіи (на сѣверъ отъ Дуная), отторгнутый отъ нея по Парижскому трактату 1856 г., и часть Арменіи съ крѣпостью Карсомъ и портомъ Батумомъ на Черномъ морѣ, признавалась полная независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи съ расширеніемъ ихъ границъ; Болгарія въ предѣлахъ отъ Дуная до Эгейскаго моря становилась княжествомъ съ независимымъ національнымъ управленіемъ подъ главенствомъ султана и съ платежомъ ему дани; Боснія и Герцеговина также получали автономное внутреннее управленіе. Берлинскій конгрессъ ограничилъ Болгарское княжество сѣверной Болгаріей до Балканъ, оставивъ южную (Восточную Румелію) подъ непосредственной властью султана и подъ управленіемъ назначаемаго имъ, съ согласія европейскихъ державъ, христіанскаго губернатора, т. е. сдѣлалъ необходимымъ новый переворотъ для возсоединенія разорванныхъ половинъ страны (1885 г.) съ новыми волненіями на полуостровѣ, а Боснію и Герцеговину отдалъ въ управленіе Австро-Венгріи, армія которой при занятіи этихъ провинцій встрѣтила, однако, упорное сопротивленіе. Англія, своей безполезной поддержкой Турціи продлившая послѣднюю войну и тѣмъ увеличившая число ея жертвъ, въ вознагражденіе за то,

независимо отъ Берлинскаго конгресса и даже неожиданно для него, особымъ договоромъ съ Турціей отняла у нея о. Кипръ (іюнь 1878 г.).

Улаживая такимъ образомъ восточныя дѣла, европейская дипломатія урѣзывала территорію Турціи, стѣсняла предѣлы власти ея султана, предписывала ей обязательныя реформы, диктовала правила и назначала международныя наблюдательныя и вспомогательныя комиссіи для внутренняго устройства ея областей, указывала ей условія ея дальнѣйшаго существованія, сдерживала угрожавшія ей движенія восточныхъ христіанъ,—словомъ, поступала съ ней, какъ съ существомъ несовершеннолѣтнимъ, безпомощнымъ и неправоспособнымъ. Такъ со времени принятія Турціи въ концертъ европейскихъ державъ совмѣстный протекторатъ ихъ надъ восточными христіанами для защиты ихъ отъ Турціи превратился на дѣлѣ въ совмѣстную опеку надъ Турціей для защиты ея отъ восточныхъ христіанъ. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно сомнѣваться, что рано или поздно всѣ славяно-православныя, а потомъ и славяно-неправославныя племена, среди которыхъ уцѣлѣли зачатки политической самостоятельности, будутъ къ ней призваны при содѣйствіи Россіи. Эта задача осуществится, захочетъ ли Россія или нѣтъ, ибо это дѣло не людей и не обычаевъ, а хода событій.

Итакъ, на юго-западныхъ границахъ внѣшняя политика Россіи разрѣшала совсѣмъ не такую задачу, какая разрѣшалась ею на границахъ юго-восточныхъ. Эту задачу можно выразить такими словами: призваніе къ политическому бытію славянскихъ и православныхъ племенъ Балканскаго полуострова по мѣрѣ ихъ политическаго пробужденія. Это стремленіе вноситъ новое начало въ международную жизнь Европы. Россія постепенно вводитъ въ семью европейскихъ государствъ

мелкія племена, давая имъ политическое существованіе. Трудно сказать, есть ли это стремленіе дѣйствительно новое международное начало, или оно только является первымъ моментомъ того же процесса, какой совершается на Западѣ. Можетъ быть, эти мелкія православно-славянскія государства положатъ начало политическому раздробленію Европы; а можетъ быть они сами со временемъ сольются въ одну огромную православно-славянскую державу. Это вопросъ, разрѣшеніе котораго лежитъ за предѣлами политическаго кругозора.

Александръ I. Его біографія.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи царствованія Александра I, разсмотримъ, изъ какихъ отдѣльныхъ вопросовъ и движеній складывался основной фактъ нашей внутренней политики въ XIX в. Главный фактъ, который наполняетъ собой нашу внутреннюю исторію съ начала XIX вѣка, по существу своему соціально-политическій; онъ состоялъ въ постепенномъ уравненіи сословій, сближеніи ихъ и призваніи къ совокупной дѣятельности. Но это фактъ сложный; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ движеній, изъ нѣсколькихъ вопросовъ, которые еще не всѣ разрѣшены. Обозначимъ эти отдѣльные вопросы. Чтобы устроить общество на новыхъ основаніяхъ, нужно было стройное и достаточно дѣятельное управленіе; чтобы устроить общественный порядокъ, нужно было поставить его на новомъ основаніи, на законѣ, который бы уравнялъ сословныя привилегіи съ сословными обязанностями. Такого, одинаковаго для всѣхъ, стройнаго закона не существовало въ нашемъ государствѣ. Поэтому задачей правительства должно было стать преобразованіе упра-

*

вленія и кодификація, т. е. выработка стройнаго, для всѣхъ одинаковаго закона изъ кучи разновременныхъ и разнохарактерныхъ частныхъ указовъ. Далѣе, перестройка общества, уравненіе сословій требовало прежде всего разрѣшенія крѣпостного, или крестьянскаго вопроса; крѣпостное право, какъ мы знаемъ, и вносило то неравенство во взаимное положеніе и взаимныя отношенія сословій, которое противорѣчило понятію объ одинаковомъ для всѣхъ законѣ. Значитъ, рядомъ съ вопросомъ объ управленіи и кодификаціи долженъ былъ разрѣшаться вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Но вопросъ этотъ, благодаря внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ, не могъ быть первоначально поставленъ прямо, во всемъ своемъ объемѣ; къ нему нужно было подготовить не только отношенія и интересы, но и умы, понятія. Вопросъ разрѣшался не всегда послѣдовательно и непрерывно; правительство иногда какъ будто бы останавливалось на нѣкоторое время, задумываясь даже передъ самою необходимостью разрѣшенія. Тогда начиналось возбужденіе въ обществѣ, нетерпѣливо требовавшемъ разрѣшенія задачи; но въ то время какъ одни были недовольны тѣмъ, что слишкомъ медленно вводится новое, другіе были недовольны тѣмъ, что разрушается старое. Отсюда является тревожная практическая задача: устраивая управленіе и общество, подготовлять однихъ къ неминуемому факту, а другихъ сдерживать до поры до времени. Мы назовемъ этотъ вопросъ вопросомъ о полиціи умовъ; полиція умовъ—это явленіе, которое становится рядомъ съ полиціей нравовъ, только съ начала XIX ст.; правительство XVIII в. знало лишь полицію нравовъ. Это наблюденіе надъ умами проводилось различными путями, прежде всего литературной цензурой. (Литературная цензура возникла только съ конца XVIII столѣтія, съ царствованія Павла). Но

болѣе всего вниманіе правительства въ этомъ направленіи обращено было на подготовку умовъ, т. е. на выработку удобной системы воспитанія. Учебныя системы всѣ были направлены въ эту сторону, т. е. ставили себѣ задачей извѣстнымъ образомъ воспитывать умы, чтобы они не мѣшали правительству въ его движеніи. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ указанный мною фактъ нашей внутренней жизни. Мы будемъ слѣдить прежде всего за ходомъ работы надъ управленіемъ и надъ кодификаціей, потомъ надъ ходомъ разрѣшенія крѣпостного вопроса и въ связи съ нимъ надъ исторіей полиціи умовъ. Затѣмъ мы коснемся еще ряда явленій, источникъ которыхъ былъ смѣшанный; эти явленія имѣли связь какъ съ ходомъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлъ. Внѣшнія войны и внутреннія преобразованія (соціальнаго, а не экономическаго характера) увеличивали государственныя издержки; это ставило вопросъ финансовый.

Первый прямой приступъ къ постановкѣ столь сложной задачи сдѣланъ былъ въ царствованіе Александра I. Какъ поставленъ былъ этотъ вопросъ, какъ онъ разрѣшался и къ какимъ привелъ результатамъ, — все это много зависѣло отъ личныхъ понятій и характера этого государя; поэтому предварительно мы должны познакомиться съ этимъ лицомъ, имѣвшимъ такое важное значеніе въ исторіи нашего государственнаго порядка и даже движенія нашихъ понятій.

Императоръ Александръ I родился 12 декабря 1777 г. Онъ былъ сынъ Павла отъ второго брака съ виртембергской принцессой Маріей Θеодоровной. Мы не раздѣляемъ довольно распространеннаго мнѣнія, что Александръ, благодаря хлопотамъ бабушки, получилъ хорошее воспитаніе; онъ былъ воспитанъ очень заботливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слиш-

комъ заботливо. Вскорѣ послѣ рожденія, бабушка, которая считала себя большой педагогичкой, оторвала внука отъ матери, чтобы воспитать его по правиламъ тогдашней философской педагогіи, т. е. «по законамъ разума и въ принципѣ добродѣтели». Тогда «Эмиль» Руссо считался ходячимъ учебникомъ такой педагогіи; этотъ учебникъ требовалъ, чтобы человѣку давалось воспитаніе крѣпкое, закаливавшее противъ всѣхъ житейскихъ и физическихъ невзгодъ. Согласно съ этимъ, Екатерина помѣстила маленькаго внука въ комнатѣ Зимняго дворца, обращенной окнами къ Адмиралтейству, чтобы заранѣе пріучить его ухо къ пушечнымъ выстрѣламъ; но слуховой нервъ дитяти не вынесъ преждевременнаго закала, и великій князь на всю жизнь остался тугъ на одно ухо. Когда внукъ сталъ подростать, она составила планъ воспитанія, по обычаю своему довольно полными пригоршнями зачерпнувъ правила въ буквальномъ переводѣ изъ сочиненій Локка. Вмѣстѣ съ тѣмъ образованъ былъ штатъ воспитателей; главнымъ изъ наставниковъ былъ избранъ полковникъ Лагарпъ, швейцарскій республиканецъ, восторженный, но осторожный поклонникъ тогдашнихъ французскихъ философскихъ идей, ходячая и очень говорливая французская книжка. Учить великаго князя русскому языку призванъ былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, очень почтенный и образованный человѣкъ и очень недурной писатель въ либерально-комическомъ и сентиментально-дидактическомъ направленіи. Наконецъ, общій надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу Салтыкову, одному изъ вельможъ екатерининской школы, который зналъ твердо только одно, какъ жить при дворѣ, дѣлалъ, что̀ скажетъ жена, и подписывалъ, что̀ подастъ секретарь; впрочемъ, его партитура въ этомъ педагогическомъ оркестрѣ состояла только въ томъ, чтобы предохранять

великаго князя отъ сквозного вѣтра и засоренія желудка. Лагарпъ, по его собственному признанію, принялся за свою задачу очень серіозно, какъ человѣкъ, сознающій свою обязанность передъ великимъ народомъ. Онъ началъ читать съ великими князьями, Александромъ и Константиномъ, которые были ему поручены, латинскихъ и греческихъ классиковъ: Демосѳена, Плутарха, Тацита; англійскихъ и французскихъ историковъ, философовъ и публицистовъ: Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д. Во всемъ, что̀ онъ говорилъ и читалъ питомцамъ, шла рѣчь о человѣческомъ разумѣ, о человѣческомъ благѣ, о происхожденіи общества, о равенствѣ людей, о справедливости и настойчивости, о свободѣ человѣка, о нелѣпости и вредѣ деспотизма, о гнусности рабства и т. п. Добрый и умный Михаилъ Муравьевъ подливалъ масла въ огонь, читая дитяти свои идилліи о любви къ человѣчеству, о законѣ мысли, заставляя переводить все тѣхъ же Локка, Гиббона, Руссо и т. д., и замѣтьте, — все это читалось и говорилось будущему самодержцу россійскому въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, т. е. довольно преждевременно. Въ эти годы, когда люди живутъ непосредственно впечатлѣніями и инстинктами, отвлеченныя идеи превращаются у нихъ въ политическіе образы, моральные принципы— въ чувства. Преподаваніе Лагарпа и Муравьева не давало ни реальныхъ знаній, ни логической дрессировки ума, не вводило въ историческую дѣйствительность и немогло еще серіозно возбуждать и направлять мысли; высокія идеи въ умѣ двѣнадцатилѣтняго политика и моралиста отлагались, какъ политическая и моральная сказка, наполнявшая дѣтское воображеніе не дѣтскими образами и волновавшая его незрѣлое сердце очень зрѣлыми чувствами. Если мы прибавимъ къ этому графа Салтыкова съ его доморощеннымъ курсомъ придворной

гигіены и придворныхъ манеръ, то легко замѣтимъ, какой пробѣлъ оказался въ воспитаніи великаго князя. Его учили, какъ чувствовать и какъ держать себя, но не учили, какъ мыслить и дѣйствовать; ему не задавали ни житейскихъ, ни научныхъ вопросовъ, которые бы онъ разрѣшалъ самъ, ошибаясь и поправляясь; ему на все давали готовый отвѣтъ, политическіе и нравственные догматы, непререкаемыя истины, которыхъ не нужно, да и нельзя продумать, а оставалось только прочувствовать да затвердить; его не заставляли ломать голову; его не воспитывали, а какъ сухую губку пропитывали дистиллированной и общечеловѣческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Великій князь не познакомился со школьнымъ трудомъ, съ его миніатюрными горемъ и радостями; онъ не вѣдалъ борьбы школьника съ учебникомъ, не испыталъ побѣдъ на холодныхъ поляхъ ученическихъ тетрадей, тѣхъ побѣдъ и пораженій, которыя, можетъ быть, одни только и даютъ школѣ серіозное воспитательное значеніе. Александръ много читалъ, еще больше слушалъ, но онъ мало учился. Въ запискахъ одного изъ второстепенныхъ русскихъ учителей великаго князя мы встрѣчаемъ нерѣдко горькія жалобы на его праздность, медленность и лѣнь, нелюбовь его къ такъ называемымъ упражненіямъ. Когда великій князь подросъ настолько, чтобы понимать, а не чувствовать лишь возвышенные уроки Лагарпа, онъ искренно привязался къ идеалисту республиканцу и сталъ слушать его съ наслажденіемъ, но и только; то былъ художественный моціонъ, а не умственная работа. Это большое несчастье, когда между ученикомъ и учителемъ образуются отношенія зрителя къ артисту, когда урокъ послѣдняго становится эстетическимъ развлеченіемъ и только. Легко понять, какой обильный пріемъ политическихъ и нрав-

ственныхъ идиллій былъ данъ великому князю, благодаря преподаванію Лагарпа и Муравьева. Эти идилліи подѣйствовали на его вкусы; великій князь рано сталъ думать о сельскомъ уединеніи, не могъ безъ восторга пройти мимо полевого цвѣтка, крестьянской избы и т. п.; онъ рано привыкъ скользить по житейскимъ явленіямъ легкимъ взглядомъ того человѣка, для котораго жизнь—пріятное препровожденіе времени, а міръ—обширный кабинетъ для эстетическихъ и политическихъ наслажденій.

Съ лѣтами все это измѣняется; мечты смѣнились бы трезвымъ наблюденіемъ, чувства обратились бы въ убѣжденія. Случилось такъ, что этотъ необходимый и полезный процессъ въ Александрѣ былъ прерванъ. Зная по опыту, какъ добродѣтель таетъ подъ палящими лучами страсти, Императрица Екатерина поспѣшила застраховать своего внука, женивъ его въ 1793 г., когда ему не исполнилось еще 16 лѣтъ. Для этого была призвана баденская принцесса Елисавета Алексѣевна. Каковъ бы ни былъ взглядъ на бракъ, но правъ фонвизинскій Недоросль, сказавъ, что «женитьба или замужество—конецъ ученью»; тамъ пойдутъ другіе интересы, начнется другое развитіе, не похожее на прежнее юношество, и если прежнее будетъ прервано преждевременно, это на всю жизнь останется невознаградимой потерей, болѣзненнымъ переломомъ. Греція и Римъ, республика, свобода, равенство какое же мѣсто, спрашивается, въ этомъ калейдоскопѣ героическихъ образовъ и политическихъ идеаловъ занимаетъ Россія со своимъ невзрачнымъ прошедшимъ, съ неограниченной монархіей, съ крѣпостнымъ правомъ и подобными особенностями, политическими и соціальными; какъ въ головѣ великаго князя родная дѣйствительность могла укладываться съ тѣмъ, что̀ проповѣдывалъ гувернеръ

республиканецъ? Очень просто. Ее, эту дѣйствительность, признавали, какъ фактъ низшаго разбора, какъ стихійное, неразумное явленіе, признавали ее и игнорировали, т. е. ничего объ ней больше знать не хотѣли. Лагарпъ въ этомъ отношеніи поступалъ съ великимъ княземъ, какъ въ былое время поступала гувернантка съ дѣвушкой. Воспитательница, дѣвица не первой молодости, нарисуетъ, бывало, воспитанницѣ очаровательный міръ благовоспитанныхъ людскихъ отношеній, основанныхъ на правилахъ строгой морали, строжайшей вѣжливости, въ которомъ даже показать кончикъ носка изъ подъ платья грѣхъ, и вдругъ обѣ дѣвы тутъ же въ домѣ налетятъ на натуральную сцену; юная устремитъ на старую изумленный и сконфуженный взглядъ, а та успокоитъ ее и скажетъ: «ничего, иди къ себѣ». Лагарпъ осторожно обходилъ больныя мѣста русскаго государственнаго и общественнаго порядка, а впослѣдствіи совѣтывалъ питомцу и не лѣчить ихъ.

Съ грузомъ античнаго образованія и самоновѣйшихъ политическихъ идей Александръ вступилъ въ дѣйствительную жизнь. Она встрѣтила его не то, чтобы сурово, а какъ-то безсмысленно. Бабушкинъ внукъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сыномъ своего отца и сталъ въ очень неловкое положеніе между отцомъ и бабушкой. То были два двора, два особые міра; нравственное разстояніе между ними было несравненно шире географическаго. Каждую пятницу старшіе великіе князья, Александръ и Константинъ, должны были отправляться въ Гатчину; по субботамъ бывалъ парадъ, гатчинскій вахтъ-парадъ, слѣдовательно, не шутка. Старшій великій князь былъ командиромъ второго баталіона, младшій— третьяго. Вечеромъ они возвращались въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ Александръ слушалъ жестокую команду, суровыя слова, видѣлъ казарменные жесты и раз-

махиванія, а вечеромъ, возвратясь въ Петербургъ, попадалъ въ салонъ Екатерины, въ тѣ залы Зимняго дворца, которые назывались эрмитажемъ, уединеніемъ, и гдѣ Императрица проводила вечера въ избранномъ обществѣ; здѣсь шли толки о самыхъ важныхъ политическихъ предметахъ, велись самыя остроумныя бесѣды, шутились самыя изящныя шутки, смотрѣлись самыя отборныя французскія пьесы, а грѣшныя дѣла и чувства облекались въ самыя опрятныя прикрытія. Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, онъ долженъ былъ жить на два ума, держать двѣ парадныя физіономіи, кромѣ ежедневной, домашней, имѣть два разные прибора манеръ, чувствъ, даже словъ. Какая школа для выработки натянутости, осторожности, скрытности, неискренности, и какъ она мало была похожа на школу Лагарпа и Муравьева! Со смерти Екатерины кончилась эта двусмысленная жизнь; она замѣнилась однообразными, но очень суровыми тревогами; эти трѣвоги происходили изъ старинныхъ отношеній отца къ сыну; отецъ рано сталъ питать недовѣріе къ сыну, рано отъ него оторванному; сынъ сталъ рано питать нѣкоторое недовѣріе къ отцу. Оба они были неправы и оба не были виноваты. Съ воцареніемъ Павла, Александръ назначенъ былъ на постъ военнаго губернатора въ Петербургѣ и командиромъ расположенныхъ въ округѣ войскъ; онъ долженъ былъ испытывать ежедневныя тревоги, трепетать вмѣстѣ съ обществомъ передъ новыми замыслами государя. Эти тревоги, среди которыхъ завязалась популярность великаго князя, надолго набросили тѣнь на его настроеніе. Надо признаться, что Александръ шелъ къ престолу не особенно гладкой и ровной дорогой; съ пеленокъ надъ нимъ перепробовали не мало мудреныхъ и причудливыхъ воспитательныхъ экспериментовъ: его не во-время оторвали отъ матери для опы-

товъ разной естественной педагогіи, изъ недоконченнаго Эмиля преобразовали преждевременно въ политика-философа; едва начавшаго размышлять студента превратили въ незрѣлаго семьянина, а тихая семейная жизнь и недоконченныя учебныя занятія прерывались развлеченіями вѣтреннаго эрмитажнаго общества, а потомъ казарменными тревогами гатчинской дисциплины. Все это было не во-время, или не то, что было нужно. Великому князю нужна была привычка къ дѣльному труду, а болѣе всего знаніе той жизни, которой онъ долженъ былъ руководить со временемъ. Но ни въ бабушкиномъ салонѣ, ни на отцовскомъ вахтъ-парадѣ, ни въ лагарповской аудиторіи его даже не выучили, какъ слѣдуетъ, родному языку; современники свидѣтельствуютъ, что Александръ до конца жизни не могъ вести по-русски разговора о какомъ нибудь сложномъ предметѣ.

Такъ воспитывался великій князь и съ такимъ запасомъ понятій, чувствъ и наблюденій онъ вступилъ на престолъ. Давно уже у него сложился политическій идеалъ, который онъ высказывалъ въ бесѣдѣ съ рѣдкими людьми, къ которымъ относился откровенно; къ числу ихъ принадлежалъ молодой образованный полякъ князь Адамъ Чарторыйскій, котораго приставила къ нему мать. Адамъ Чарторыйскій позже вспоминалъ эти бесѣды съ великимъ княземъ, отъ которыхъ онъ былъ въ большомъ восторгѣ. Александръ, встрѣтивъ въ окружающемъ обществѣ единственнаго человѣка, передъ которымъ онъ могъ открыться, кажется, старался вынести изъ души все, что̀ тамъ лежало. Онъ открыто признавался, что ненавидитъ деспотизмъ, въ какихъ бы формахъ онъ ни проявлялся, и слѣдилъ съ живымъ участіемъ за ходомъ французской революціи, зарожденіемъ французской республики и желалъ ей всякаго

успѣха; онъ высказывалъ также, что считалъ наслѣдственную власть нелѣпымъ учрежденіемъ, что выборъ лица, носителя верховной власти, долженъ принадлежать не рожденію, а голосу націи, которая всегда выберетъ лучшаго управителя.

Съ этимъ идеаломъ онъ вступилъ на престолъ; тутъ впервые онъ, вѣроятно, долженъ былъ встрѣтиться съ русской дѣйствительностью; прежде онъ зналъ либо салонъ, либо казарму. Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ почувствовать страшную пропасть между его привычными любимыми идеями и между столь же привычными, хотя и нелюбимыми, фактами русской жизни. Отсюда, изъ такого воспитанія онъ и вынесъ свой главный недостатокъ: отсутствіе чутья дѣйствительности, практическаго глазомѣра; это чутье и глазомѣръ не даются даромъ, они даются только человѣку, много возившемуся съ непосредственными фактами жизни. Александръ зналъ факты, но искусственные; пробовалъ грязь, но дѣланную; онъ зналъ грязь салона, грязь казармы, но незнакомъ былъ съ той житейской грязью, на которую обрекъ человѣка самъ Создатель, сказавъ, «въ потѣ лица добывай хлѣбъ свой». Онъ не вынесъ ни привычки, ни любви къ процессу труда; отсюда идиллическій взглядъ на ходъ людскихъ дѣлъ; онъ вступилъ на престолъ съ истиннымъ желаніемъ добра всѣмъ людямъ, но онъ былъ увѣренъ, что достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей; что благоденствіе водворится среди человѣчества какъ-то вдругъ и притомъ не будетъ сопровождаться ни напряженіемъ, ни стѣсненіемъ для личной власти Александра; свобода какъ-то водворится безъ всякой потери для власти, власть какъ-то устоитъ безъ ущерба для свободы; однимъ словомъ, то была политическая идиллія. Практическій человѣкъ никогда не задаетъ жизни широкихъ

задачъ, зная, что не въ силахъ разрѣшить ихъ, но онъ никогда не пугается передъ препятствіями, какія ставить жизнь; онъ знаетъ мѣру и силамъ, и безсилію жизни. У Александра не было знанія ни того, ни другого; онъ вступилъ въ правительственную дѣятельность съ слишкомъ широкими мечтами, но при встрѣчѣ съ первыми препятствіями пугался, думалъ, что ошибался; онъ не зналъ ни степени опасности враговъ, ни степени силы препятствій. Его первыя попытки обыкновенно охлаждались; неудачи вызывали въ Александрѣ досаду, но досаду не на себя, а на жизнь и на людей. Нерѣшительность, происходившая отъ испуга передъ препятствіями, сопровождалась уныніемъ, наклонностью опускать руки, легкою утомляемостью. Еще прежде чѣмъ Александръ приступалъ къ серіозному труду, онъ уже пугался затрудненій, смотрѣлъ уже на конецъ, а если конецъ не былъ близокъ, онъ готовъ былъ себя чувствовать утомленнымъ. Это обычное свойство незнакомыхъ съ жизнью людей. Досада, неудачи, преждевременное утомленіе вызывали раздраженіе, и Александръ чѣмъ дальше, тѣмъ нетерпѣливѣе относился къ своимъ неудачамъ и къ возраженіямъ, какія онъ встрѣчалъ въ своихъ сотрудникахъ. Это все вытекало изъ коренного недостатка, я не скажу природы, а его характера, т. е. того, что̀ сдѣлало воспитаніе. Изобиліе чувства и воображенія при недостаточномъ развитіи воли—все это соединилось въ настроеніе, въ какое попалъ Александръ съ 1815 г. и которое около того же времени получило названіе разочарованія; проще говоря, это—нравственное уныніе. Благодаря этому, Александръ охладѣлъ къ задачамъ внутренней политики; русская жизнь, которой онъ не зналъ, стала ему представляться неподготовленной. Съ 1815 г. стало даже обнаруживаться чрезвычайно раздражительное, скептическое отношеніе ко

всему русскому. Какъ скоро сталъ онъ въ такое отношеніе къ родной дѣйствительности, его идеи должны были переселиться въ Польшу и даже дальше, за границу.

Во вторую половину царствованія Александръ жилъ умомъ и сердцемъ по ту сторону Вислы. Но какъ скоро эти идеалы переселились на другую почву, можетъ быть, болѣе родственную имъ по происхожденію, они должны были измѣниться. Первая молодость прошла, силы были утомлены, юношескій порывъ охлажденъ, французское свободомысліе стихло, смѣнившись религіознымъ настроеніемъ, но особаго, также романтическаго свойства, безъ той суровой догматики и дисциплины, какую даетъ Церковь. Такимъ образомъ, прежняя политическая идиллія превратилась въ мирно-религіозную; эта то идиллія и выразилась въ фактѣ Священнаго союза, въ попыткѣ построить въ борьбѣ европейскихъ силъ международную политику на заповѣди Евангелія, на правилахъ морали, на тѣхъ правилахъ, одно изъ которыхъ гласитъ: «если кто тебя ударитъ по щекѣ, подставь ему другую». Легко понять, что̀ было бы, если бы это правило было проведено въ жизнь одного государства.

Таковъ былъ ходъ идей и чувствъ въ Александрѣ; эти идеи и чувства оказали рѣшительное дѣйствіе на его политику. Александръ былъ прекрасный цвѣтокъ, но тепличный, не успѣвшій акклиматизироваться на русской почвѣ; онъ росъ и цвѣлъ роскошно, пока стояла хорошая погода, наполняя окружающую среду благоуханіемъ; а какъ подула сѣверная буря, какъ настало наше русское осеннее ненастье, этотъ цвѣтокъ завялъ и опустился. Эта исторія внутренней, нравственной жизни повторилась и въ политической дѣятельности Александра. Къ ней мы теперь и обратимся.

Преобразовательные опыты первыхъ лѣтъ царствованія Александра I.

Вступленіе Александра на престолъ было встрѣчено безумнымъ восторгомъ петербургскаго общества, который легко объясняется патологическимъ состояніемъ его въ предшествовавшее царствованіе. Восторгъ этотъ выражался въ очень комичныхъ формахъ: на улицахъ столицы появлялись запрещенные костюмы, высокіе сапоги съ отворотами, упряжь, экипажи и т. д. Зубовъ на другой вечеръ по смерти Императора Павла устроилъ въ своемъ домѣ попойку, на которую явился во всемъ запрещенномъ: во фракѣ, въ жилетѣ изъ трехцвѣтной матеріи и т. п. и началъ метать банкъ, недавно запрещенный. Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести новый Императоръ на столь взволнованное общество; это было нѣчто невиданное въ Россіи. Молодой государь, которому только что пошелъ 24 годъ, являлся на улицахъ столицы безъ свиты, не носилъ никакихъ украшеній, даже часовъ; при встрѣчѣ съ подданными довольствовался только поклонами, жилъ очень скромно, впередъ назначая себѣ извѣстную сумму денегъ, и если расходовалъ ее до срока, жилъ въ долгъ.

Съ первыхъ минутъ царствованія Александръ спѣшилъ рѣзко заявить свою программу, направленіе дѣятельности. На это направленіе указывалъ уже манифестъ 12 марта о вступленіи на престолъ. Въ манифестѣ было заявлено, что новый Императоръ будетъ управлять порученнымъ Богомъ народомъ «по законамъ и по сердцу своей великой бабки»; а имя Екатерины еще оставалось символомъ либеральныхъ и гуманныхъ идей. Это направленіе заявлено было цѣлымъ потокомъ

новыхъ указовъ, полившимся съ первыхъ дней новаго царствованія. Всѣ эти указы были направлены въ одну сторону, всѣ они торопливо подметали слѣды, оставленные прошедшимъ царствованіемъ; каждый изъ нихъ отмѣнялъ какое нибудь стѣсненіе, заглаживалъ память о какомъ нибудь насиліи. Трудно даже перечислить рядъ этихъ указовъ, изданныхъ въ первые три-четыре мѣсяца царствованія. Приведу главные изъ нихъ, чтобы показать характеръ новаго правительства. Возстановлена была жалованная грамота дворянству, какъ и грамота городамъ; возвращены права гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, лишеннымъ правъ по приговору военнаго суда или по указу въ минувшее царствованіе (такихъ чиновниковъ, отставленныхъ съ лишеніемъ правъ, безъ возможности воротиться на службу, было свыше 10 тысячъ); разрѣшенъ былъ свободный вывозъ русскихъ произведеній за границу, свободный выѣздъ русскихъ людей въ чужіе края, какъ и въѣздъ иностранцевъ въ Россію; открыты частныя типографіи, закрыта Тайная экспедиція, т. е. тайная полиція, учрежденная Екатериной II; Сенату внушено не допускать въ правительственныя вѣдомости печатаніе публикацій о продажѣ крѣпостныхъ безъ земли; наконецъ, строжайше запрещена пытка, которая, несмотря на запрещеніе ея въ прошедшее царствованіе, еще практиковалась въ тогдашнихъ русскихъ судахъ; мелочныя стѣсненія, касавшіяся частныхъ отношеній, домашняго быта, пали сами собой, безъ особыхъ указовъ. Въ личныхъ бесѣдахъ, какъ и въ письмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были тогда же напечатаны, Императоръ также ясно выражалъ свою программу, или цѣль, какую онъ поставилъ для своей дѣятельности. Цѣль эта состояла въ водвореніи строгаго закона на мѣсто царившаго прежде произвола. Эта мысль высказана была

довольно рѣзко въ отвѣтѣ, какой далъ Императоръ на просьбу княгини Голицыной о чемъ то, недозволенномъ закономъ. Въ просьбѣ было заявлено, что государь выше закона; Императоръ отвѣчалъ, что онъ не признаетъ на землѣ никакой власти, которая не вытекаетъ изъ закона.

Согласно съ заявленнымъ направленіемъ, Государя окружили люди, которые могли вести дѣла въ этомъ направленіи. То были все представители образованнаго дворянства, стоявшіе на высотѣ идей своего времени. Эти люди, давно уже знакомые Александру, разбросанные по разнымъ мѣстамъ въ царствованіе Павла, теперь призваны помогать новому Государю; это были Новосильцевъ, графъ Кочубей, графъ Строгановъ и полякъ князь Адамъ Чарторыйскій. Это были сыновья образованныхъ вельможъ, блиставшихъ при дворѣ Екатерины. Кочубей былъ племянникъ князя Безбородко; Строгановъ — сынъ Строганова, который былъ вліятельнымъ лицомъ при Екатеринѣ II; Новосильцевъ — его близкій родственникъ. Все это были люди, воспитанные въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ воспитанъ былъ самъ Государь; припомнимъ, что учителемъ Строганова былъ французъ Роскъ, республиканецъ, дѣйствовавшій при Конвентѣ и создавшій извѣстный республиканскій календарь. У этихъ людей былъ одинъ политическій идеалъ—это государственное устройство Англіи, съ которымъ близко познакомиться успѣли Кочубей и Новосильцевъ, живя въ той странѣ. Они и составили тѣсный кружокъ, съ которымъ новый Императоръ предпринялъ тяжелую преобразовательную работу. Не занимая сначала никакого офиціальнаго положенія, эти люди собирались по вечерамъ въ кабинетѣ Александра и здѣсь обсуждали преобразовательныя мѣры. Учрежденія и законы, которыми ознаменовались первые годы

царствованія, всѣ были выработаны въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, въ этомъ неофиціальномъ комитетѣ, надъ которымъ очень много смѣялись въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ. Самъ Государь въ шутку давалъ ему республиканское названіе, звалъ его «Комитетомъ Общественнаго Блага». Благодаря тому, что одинъ изъ членовъ комитета, графъ Строгановъ, велъ на французскомъ языкѣ протоколы его засѣданій, мы можемъ слѣдить за дѣятельностью этого комитета. Онъ сразу затронулъ самые разнообразные государственные вопросы. Задачей комитета было помогать Императору «въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія Имперіей»,—такъ была выражена эта задача въ одномъ протоколѣ. Положено было предварительно изучить настоящее положеніе Имперіи, потомъ преобразовать отдѣльныя части администраціи, и эти отдѣльныя реформы завершить «Уложеніемъ (такъ мы переводимъ *constitution*), установленнымъ на основаніи истиннаго народнаго духа». Такимъ образомъ, неофиціальный комитетъ съ поспѣшностью, понятной при тогдашнемъ настроеніи Александра, затронулъ одновременно самые разнообразные политическіе вопросы: о реформахъ управленія, о перестройкѣ соціальныхъ отношеній, о распространеніи просвѣщенія, о составленіи новаго кодекса и т. д.

Прежде всего занялись устройствомъ центральнаго управленія. Какъ мы знаемъ, центральное управленіе осталось нетронутымъ вопросомъ въ царствованіе Екатерины II; это царствованіе еще болѣе его разстроило; въ центрѣ дѣла вели Коллегіи подъ руководствомъ Сената—законодательнаго, судебнаго и наблюдающаго учрежденія; при Сенатѣ дѣйствовалъ, со значеніемъ блюстителя закона и представителя дѣйствующей власти, генералъ-прокуроръ. Сенатъ и Коллегіи посте-

пенно теряли свое первоначальное значеніе въ продолженіе XVIII вѣка, благодаря господству сильныхъ лицъ надъ учрежденіями и законами, какими были, напр., при Екатеринѣ II президентъ Военной Коллегіи князь Потемкинъ или генералъ-прокуроръ князь Вяземскій. Генералъ-прокуроръ велъ всѣ дѣла внутренней политики; за Сенатомъ и Коллегіями остались лишь текущія дѣла. Всѣ важные вопросы законодательнаго свойства разсматривались въ тѣсномъ кружкѣ, который составился изъ лицъ, призванныхъ къ тому Императрицей. Благодаря этому господству лицъ, Сенатъ и Коллегіи превратились въ послушныя орудія личной воли. Притомъ со введеніемъ губернскихъ учрежденій 1775 г. большинство петровскихъ Коллегій (Юстицъ-Коллегія, Ревизіонъ-Коллегія, Штатсъ-Контора и др.) было закрыто, и дѣла ихъ, судебныя и финансовыя, перешли изъ центра въ губернскія палаты гражданскаго и уголовнаго суда и въ казенныя, т. е. были децентрализованы. Это дѣлало центральное управленіе еще менѣе цѣльнымъ и стройнымъ.

Надо было создать стройный механизмъ высшаго центральнаго управленія, основанный на точныхъ и твердыхъ законахъ. Такова была первая задача, надъ которой работалъ неофиціальный комитетъ. Слѣдствіемъ этихъ работъ была первая попытка устройства центральнаго управленія. Она выразилась прежде всего въ новомъ законодательномъ учрежденіи, какимъ сталъ въ 1801 г. Непремѣнный Совѣтъ, ставшій на мѣсто Совѣта, собиравшагося по личному усмотрѣнію Екатерины II. Непремѣнный Совѣтъ, составившійся изъ 12 членовъ, получилъ значеніе высшаго законодательнаго мѣста; каждый новый законъ долженъ былъ здѣсь обсуждаться. Учрежденіе законодательнаго Совѣта должно было измѣнить прежнее значеніе Сената; теперь Се-

натъ былъ преобразованъ; онъ сталъ высшей судебной инстанціей и учрежденіемъ, руководящимъ всѣмъ управленіемъ; Сенату принадлежалъ контроль надъ всѣми подчиненными мѣстами и наблюденіе за государственными доходами и расходами.

Отдѣльныя отрасли администраціи распредѣлены были между Министерствами, которыя замѣнили собою старыя Коллегіи; этихъ Министерствъ указомъ 8 сентября 1802 г. учреждено было 8: Иностранныхъ Дѣлъ, Военно-сухопутныхъ Силъ, Морскихъ Силъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Финансовъ, Коммерціи и Народнаго Просвѣщенія. Среди нихъ послѣднее Министерство являлось новымъ вѣдомствомъ, какое не существовало въ русской центральной администраціи XVIII в. (Коллегіи, соотвѣтствовавшей ему, прежде не было). Министерства отличались отъ прежнихъ Коллегій болѣе правильнымъ распредѣленіемъ дѣлъ между вѣдомствами и самымъ своимъ устройствомъ. Какъ извѣстно, въ Коллегіяхъ дѣла велись совѣщательнымъ порядкомъ, вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ присутствія, слѣдовательно и отвѣтственность за веденіе дѣлъ въ Коллегіяхъ была коллективная, падала на всѣхъ членовъ коллегіи. Министерства были учрежденія единоличныя; управленіе извѣстнымъ вѣдомствомъ сосредоточивалось въ одномъ лицѣ министра, который и несъ на себѣ всю отвѣтственность за веденіе дѣла. Эта отвѣтственность выражалась въ томъ, что каждое Министерство должно было представлять отчеты Сенату. Дѣла, касавшіяся нѣсколькихъ вѣдомствъ и требовавшія общихъ соображеній, рѣшались Комитетомъ Министровъ. Такъ было устроено на первое время центральное управленіе.

Неофиціальный комитетъ коснулся и соціальнаго порядка положенія и взаимныхъ отношеній разныхъ

сословій. Разумѣется, здѣсь тотчасъ долженъ былъ всплыть вопросъ, составлявшій больное мѣсто въ тогдашнемъ нашемъ общественномъ порядкѣ — вопросъ объ отношеніяхъ крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Императоръ вступилъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ такъ или иначе развязать это дѣло; на первое время онъ ограничился, однако, мыслью о необходимости опредѣленія закономъ повинностей крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Лагарпъ, какъ и практическіе люди тогдашней администраціи, пугались радикальнаго рѣшенія крѣпостного вопроса; самъ Новосильцевъ, старшій изъ названныхъ сотрудниковъ Александра, былъ того мнѣнія, что къ этому дѣлу надо приступать исподволь и вести его съ большой постепенностью, съ большой осторожностью; но другіе сотрудники не раздѣляли такой робости; они думали, что къ этому вопросу надо подступать прямо и рѣшительно. Графъ Кочубей, напр., на засѣданіи неофиціальнаго комитета высказалъ мнѣніе, что постепенное и медленное веденіе дѣла только распространитъ агитацію въ помѣщичьей средѣ, что всего лучше разомъ развязать узелъ. Чарторыйскій и Строгановъ были того же мнѣнія. Чарторыйскій говорилъ, что крѣпостное право такъ ужасно само-по-себѣ, что ни передъ чѣмъ не слѣдуетъ останавливаться, чтобы уничтожить его, и эти толки выразились въ цѣломъ рядѣ законовъ, произведшихъ сильное впечатлѣніе на дворянское общество.

12 декабря 1801 года былъ изданъ указъ, который предоставлялъ людямъ всѣхъ свободныхъ состояній право пріобрѣтать покупкой земли въ собственность; это право было распространено и на государственныхъ крестьянъ. Это былъ фактъ новый въ исторіи нашего законодательства. До сихъ поръ земельная собствен-

ность была привилегіей лишь одного сословія; землею населенною или ненаселенною могли владѣть только дворяне. Теперь землевладѣніе стало уже правомъ всѣхъ свободныхъ состояній. 20 февраля 1803 г. послѣдовалъ еще болѣе рѣшительный указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Въ обществѣ было очень много толковъ о томъ, какъ устроить освобожденіе крестьянъ,—привлечь ли къ этому дѣлу землевладѣльцевъ, или разрѣшить вопросъ правительственною властью, безъ всякаго общественнаго содѣйствія; въ названномъ году одинъ изъ вельможъ, графъ Румянцевъ, обратился къ правительству съ просьбой разрѣшить ему отпустить на волю крестьянъ одного имѣнія съ землею. Въ первый разъ явился такой случай въ исторіи крѣпостного права; до тѣхъ поръ помѣщики отпускали на волю отдѣльныхъ лицъ или цѣлыя семейства крѣпостныхъ, но безъ земли. Могъ ли землевладѣлецъ отпустить крестьянъ всего своего имѣнія на волю съ землею,—этотъ вопросъ не поднимался въ продолженіе XVIII в., не поднимался просто потому, что не бывало случая, который бы его возбудилъ. Эта просьба Румянцева вызвала новый законъ 20 февраля 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Законъ предоставлялъ помѣщикамъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ цѣлыми селеніями или отдѣльными семействами съ землею на условіяхъ, на которыя согласятся обѣ стороны, т. е. по добровольному соглашенію; вышедши на волю такимъ образомъ, крестьяне не причислялись къ государственнымъ крестьянамъ, но составляли особый классъ *вольныхъ хлѣбопашцевъ*. Законъ 20 февраля былъ первымъ рѣшительнымъ приступомъ къ разрѣшенію крѣпостного вопроса; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ дворянскому обществу, что разрѣшеніе это недалеко. Понятно, какъ должно было взволноваться общество, такъ не-

ожиданно почуявъ приближеніе развязки, которой оно боялось уже въ XVIII в.

Таковы были преобразовательныя работы первыхъ лѣтъ. Онѣ страдали многими недостатками; прежде всего онѣ были торопливы, вводились спѣшно, безъ точныхъ положеній; новыя учрежденія, новые законы недостаточно обдумывались, плохо разрабатывались и очень мало гармонировали между собой и съ общимъ строемъ управленія; реформы расчитаны были больше на то, чтобы все было какъ у другихъ, у просвѣщенныхъ народовъ, чѣмъ на то, что̀ было нужно и возможно по ходу туземныхъ дѣлъ и по туземному уровню развитія. Это понятно, если обратить вниманіе на характеръ вождей этого новаго движенія, на государя и его сотрудниковъ. Все это были люди, вооруженные обильнымъ запасомъ либеральныхъ идей, но обладавшіе слабымъ знакомствомъ съ той дѣйствительностью, въ которую они призваны были внести новыя начала. Новыя учрежденія были довольно плохо устроены и дѣйствовали недостаточно правильно; новыя Министерства не имѣли даже устава. Первый уставъ, который послужилъ руководствомъ для администраціи, былъ уставъ, выработанный въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ графомъ Кочубеемъ, правившимъ этимъ Министерствомъ, но уставъ появился уже два года спустя по открытіи Министерства.

Преобразовательныя работы Александра I были прерваны на полудорогѣ внѣшними событіями. Какъ извѣстно, въ 1805—1806 г. Александръ долженъ былъ вступить въ коалицію противъ Наполеона. Въ обѣихъ войнахъ, веденныхъ въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей, русская армія потерпѣла пораженія. Это были первые практическіе опыты для Александра; они впервые ознакомили его съ дѣйствительностью, какъ она была; въ

походахъ Александръ присмотрѣлся къ людямъ, съ которыми онъ долженъ былъ дѣйствовать, и, не встрѣтивъ въ нихъ того, что̀ онъ въ нихъ предполагалъ, онъ быстро въ нихъ разочаровался. По окончаніи войны, прежніе сотрудники стали удаляться отъ него; Новосильцевъ, Строгановъ уѣхали за границу, Кочубей вышелъ изъ Министерства, Чарторыйскій покинулъ столицу и перенесъ свою дѣятельность въ Западный край, ставъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Съ удаленіемъ всѣхъ этихъ лицъ кончилось господство англомановъ. При Александрѣ является новое лицо, которое сообщаетъ нѣсколько новый характеръ возобновившейся преобразовательной дѣятельности Императора. Этимъ лицомъ былъ Сперанскій.

Сперанскій и его преобразовательный планъ.

Сперанскій — достаточно видное лицо въ исторіи правительственныхъ учрежденій и политическихъ идей, чтобы познакомиться нѣсколько съ его біографіей. Онъ былъ немного старше Александра I, родился въ 1772 г. Онъ вышелъ изъ духовенства, былъ сыномъ сельскаго священника Владимірской губерніи. Получивъ первое образованіе въ мѣстной Суздальской семинаріи, онъ потомъ перешелъ въ главную Александро-Невскую семинарію, вскорѣ преобразованную въ Петербургскую духовную академію. Блестяще окончивъ въ ней курсъ, онъ остался профессоромъ академіи и преподавалъ самые разнообразные предметы: риторику, философію, физику, иностранные языки, наконецъ, математику; любопытно то, что все это онъ преподавалъ съ большимъ успѣхомъ. Онъ написалъ курсъ высшаго краснорѣчія. Руководство это, составленное, очевидно, изъ

его академическихъ лекцій, поражаетъ насъ изяществомъ и выработкою языка, какая рѣдко встрѣчалась въ нашей тогдашней литературѣ, еще не тронутой вліяніемъ Карамзина. Но преподавательская карьера не удовлетворяла Сперанскаго, и случай помогъ ему перейти на гражданскую службу; онъ сдѣлался частнымъ секретаремъ одного изъ вліятельныхъ вельможъ, князя Куракина, и кстати преподавалъ Законъ Божій его дѣтямъ. Пользуясь поддержкой магната, Сперанскій и перешелъ на гражданское поприще, перечислился изъ магистра богословія въ 1797 г. въ титулярные совѣтники. Онъ поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора; эту должность тогда занялъ именно князь Куракинъ. Сперанскій показалъ на гражданской службѣ таланты, которые открыли ему дорогу къ быстрому повышенію. Это былъ чрезвычайно расторопный чиновникъ, способный къ неутомимому труду, умѣвшій понять и отлично изложить мысль начальника, облечь ее въ такія изящныя формы, въ какія не сумѣлъ бы облечь самъ авторъ. Сперанскаго скоро замѣтили, и онъ началъ быстро подниматься по чиновной лѣстницѣ. Съ вступленіемъ на престолъ Александра, таланты его, разумѣется, должны были найти еще болѣе широкое приложеніе. Въ новообразованномъ Непремѣнномъ Совѣтѣ онъ сдѣлался статсъ-секретаремъ по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ. Первые законы новаго царствованія были редактированы Сперанскимъ. Когда закономъ 1802 г. учреждены были Министерства, Кочубей, которому было поручено самое важное и обширное по вѣдомству Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, перезвалъ Сперанскаго изъ канцеляріи Непремѣннаго Совѣта и сдѣлалъ его начальникомъ одного изъ департаментовъ своего Министерства. Сперанскій сталъ извѣстенъ государю, какъ отличный дѣлопроизводитель

и редакторъ указовъ; онъ даже принималъ участіе въ изданіи Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, который былъ основанъ въ 1804 г. Въ этомъ С.-Петербургскомъ Журналѣ (какъ называлось изданіе) появлялись отъ времени до времени и статьи самого Сперанскаго. Въ 1806 г. Кочубей, уже не пользовавшійся прежнимъ довѣріемъ Императора, разъ заболѣвъ, послалъ къ нему съ докладомъ вмѣсто себя Сперанскаго. Сперанскій, котораго дотолѣ Александръ зналъ какъ хорошаго дѣльца, явился здѣсь передъ нимъ съ новыми талантами: онъ такъ отлично прочиталъ докладъ, развивалъ такія прекрасныя мысли, что впечатлительный государь былъ очарованъ. Съ тѣхъ поръ началось ихъ сближеніе. Въ 1808 г. Императоръ долженъ былъ ѣхать въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ; онъ взялъ съ собою для доклада по гражданскимъ дѣламъ Сперанскаго. Сперанскій внимательно присматривался на конгрессѣ къ французамъ и къ французскимъ понятіямъ. Разъ Александръ на балу спросилъ его, какъ ему показались чужіе края сравнительно съ отечествомъ; Сперанскій отвѣчалъ: «здѣсь учрежденія, а у насъ люди лучше». «Хорошо», отвѣчалъ государь, «когда мы воротимся домой, мы съ тобой много объ этомъ будемъ говорить». Какъ мы видѣли, въ то время уже опустѣлъ кругъ, въ средѣ котораго до тѣхъ поръ работалъ Александръ; для продолженія преобразовательной дѣятельности ему нужны были новые сотрудники; такимъ сотрудникомъ и сталъ Сперанскій. По возвращеніи изъ-за границы начались тѣсныя отношенія Александра I со Сперанскимъ; они часто и подолгу бесѣдовали, занимались какимъ-то важнымъ дѣломъ, которое хранили втайнѣ и о которомъ ходили въ Петербургѣ самые смутные толки. Сперанскій въ концѣ 1808 г. былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи.

Такова была карьера Сперанскаго до того времени, когда онъ получилъ политическое значеніе. Со времени возвращенія изъ Эрфурта онъ занимаетъ положеніе главнаго руководителя внутренней политики, самаго довѣреннаго сотрудника Императора; о немъ было много толковъ въ свое время, о немъ очень различно судили и впослѣдствіи. Большой свѣтъ столицы трунилъ надъ нимъ, какъ надъ выскочкой; масса дворянства, сначала ему сочувствовавшая, потомъ стала пугаться его смѣлыхъ преобразовательныхъ замысловъ. Во всякомъ случаѣ Сперанскій очень замѣтное явленіе въ нашей политической исторіи; это былъ цвѣтокъ духовно-академическаго воспитанія и цвѣтокъ очень рѣдкій, потому что старая духовная академія не каждый годъ выращивала такія диковинки. Сперанскій былъ идеологъ, какъ говорили въ то время, или теоретикъ, какъ говоримъ мы. Умъ его выросъ на отвлеченныхъ понятіяхъ и привыкъ относиться съ пренебреженіемъ къ простымъ житейскимъ явленіямъ, къ тому, что на философскомъ языкѣ называется эмпирическими, конкретными фактами. Философія XVIII в. много породила такихъ умовъ; но у Сперанскаго при этомъ былъ умъ не только философскій, но и крѣпкій, здоровый умъ, какихъ мало бываетъ во всякое время, а въ этотъ философскій вѣкъ было меньше, чѣмъ когда нибудь. Мы едва ли ошибемся, сказавъ, что въ исторіи нашего управленія съ тѣхъ поръ не появлялось другого такого ума. Въ его умѣ, быстромъ и гибкомъ, привыкшемъ къ работѣ надъ отвлеченными предметами, сложные государственные вопросы разрѣшались легко даже при скудныхъ данныхъ для ихъ рѣшенія, запутанныя отношенія какъ-то сами собой складывались въ стройный планъ, въ цѣльную систему; самыя трудныя и причудливыя сочетанія идей давались ему такъ же легко, какъ паль-

цамъ виртуоза даются на клавишахъ самыя трудныя вещи Листа.

Неутомимый чиновникъ, Сперанскій много работалъ надъ собственнымъ образованіемъ и пріобрѣлъ огромный запасъ разнообразныхъ идей и знаній; въ этомъ обильномъ запасѣ было много роскоши, удовлетворявшей самымъ изысканнымъ требованіямъ умственнаго комфорта, было даже много лишняго, хотя и мало того, что̀ нужно было для простыхъ, низменныхъ нуждъ человѣка; въ этомъ Сперанскій походилъ на Александра I, и на этомъ они потомъ сошлись другъ съ другомъ. Но министръ отличался отъ государя тѣмъ, что въ головѣ перваго все это было прибрано и стройно разставлено по мѣстамъ, какъ разставлены дорогія бездѣлушки въ уборной опрятной свѣтской женщины. Сперанскій былъ воплощенная система, онъ удивлялъ умѣніемъ все привести въ порядокъ, всему дать стройныя формы, все развить послѣдовательно. Если прибавить къ этому огромную нравственную силу, таившуюся въ этомъ человѣкѣ, его способность къ продолжительному и упорному труду, вы поймете вліяніе, какое онъ могъ пріобрѣсти въ высшихъ административныхъ сферахъ. Ворвавшись со своими крѣпкими мозговыми нервами въ вялое и разслабленное аристократическое общество износившагося отъ дѣловаго бездѣлія дворянства, Сперанскій встревожилъ и напугалъ это общество, какъ струя свѣжаго воздуха, прокравшагося въ закупоренную комнату хвораго человѣка, который привыкъ дышать атмосферой, наполненной благовоніями и міазмами. Понятно, какъ такой умъ долженъ былъ отнестись къ русской государственной дѣятельности. Привыкши къ отвлеченной логической работѣ, онъ смотрѣлъ на учрежденія, какъ на логическія построенія, на людей, какъ на математическія величины; у него не доставало исто-

рическаго чутья, т. е. знакомства съ механизмомъ дѣйствительной жизни; онъ думалъ, что ее можно построить на чисто логическихъ началахъ. Преданіе, прошедшее для него не существовало; онъ бралъ человѣка въ его математической простотѣ, какъ величину, изъ которой можно дѣлать всѣ тѣ различныя сочетанія, какія дѣлаетъ математикъ изъ своей единицы. Вотъ почему существующій русскій порядокъ представлялся ему, какъ совершенная политическая безсмыслица, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, замѣнивъ новымъ порядкомъ, построеннымъ по правиламъ логики. Такія начала внесъ Сперанскій въ ту секретную работу, которую онъ велъ съ Александромъ, по возвращеніи изъ-за границы. Этой работой былъ грандіозный проектъ преобразованій, который долженъ былъ обновить весь политическій и соціальный строй Россіи. Проектъ этотъ былъ готовъ къ концу 1809 г.; его не знали современники, къ сожалѣнію, не знаемъ его и мы; до насъ дошли отъ него лишь отрывки, сдѣланные современниками, обнародованные уже по окончаніи царствованія Александра I. Проектъ этотъ предназначенъ былъ къ подробной разработкѣ; онъ излагалъ лишь общія начала, на которыхъ долженъ былъ быть построенъ новый государственный порядокъ. Несмотря на то, что проектъ Сперанскаго никогда не былъ осуществленъ, онъ все же представляетъ важное явленіе въ нашей политической исторіи. Онъ, впрочемъ, настолько сложенъ, что его трудно передать въ немногихъ словахъ.

Общій планъ государственнаго устройства, составленный Сперанскимъ, не былъ его исключительнымъ дѣломъ по своему содержанію. Александръ I, воротясь изъ-за границы, передалъ своему статсъ-секретарю нѣкоторые матеріалы, оставшіеся отъ прежняго неофи-

ціальнаго комитета, сообщилъ ему также нѣкоторыя свои соображенія, такъ что самъ Сперанскій считалъ свой планъ только работой, которая привела въ порядокъ идеи Императора; нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что ему принадлежала система этого плана. Это даетъ возможность представить себѣ то впечатлѣніе, какое произвела на Императора положенная на его столъ тетрадь, содержавшая въ себѣ этотъ планъ. Работа эта была совершена въ удивительно короткое время; начатая въ концѣ 1808 г., она была уже готова къ октябрю 1809 и въ два слѣдующіе мѣсяца была уже просмотрѣна и исправлена Государемъ; послѣдній, кажется, былъ очень доволенъ этимъ трудомъ. Это понятно: онъ увидѣлъ въ тетрадкѣ свои собственныя идеи, но такъ обработанныя, такъ убранныя, какъ онъ не предполагалъ возможнымъ сдѣлать самъ. Онъ взглянулъ на планъ, какъ чадолюбивая мать смотритъ на свою дочь, убранную ловкимъ парикмахеромъ.

Мнѣ нѣсколько страшно приниматься за изложеніе преобразовательнаго плана Сперанскаго; я больше всего боюсь, что онъ выйдетъ въ изложеніи хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Прежде всего, мы знаемъ только извлеченія изъ этого проекта, правда, сдѣланныя очень умнымъ современникомъ Сперанскаго, хотя его и недолюбливавшимъ; то былъ извѣстный писатель, публицистъ своего времени Николай Тургеневъ, участвовавшій въ тайномъ обществѣ, но вышедшій изъ него раньше катастрофы 14 декабря. Уѣхавъ за границу, онъ не возвращался оттуда. Онъ читалъ планъ Сперанскаго и сдѣлалъ изъ него нѣсколько извлеченій, частью буквальныхъ, частью переложеній. Я излагаю содержаніе этого плана только потому, что онъ, никогда неосуществленный, представляетъ поучительный историческій документъ; онъ даетъ намъ возможность

наблюдать одно любопытное положеніе, имѣвшее мѣсто въ нашей исторіи. Въ началѣ XIX в. русскій Императоръ съ однимъ изъ своихъ статсъ-секретарей, пришедши въ отчаяніе отъ положенія дѣлъ въ отечествѣ, рѣшилъ водворить въ немъ порядокъ, основанный на законѣ; любопытно видѣть, какъ они хотѣли это сдѣлать. Сперанскій обозначаетъ сущность своего плана такъ: «разумъ, смыслъ сего плана,—писалъ онъ потомъ,—состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить правительственную власть на твердыхъ основаніяхъ и тѣмъ сообщить ея дѣйствіямъ болѣе достойной и истинной силы».

Сперанскій объясняетъ необходимость общаго преобразованія государственнаго устройства; необходимость эта создана историческими преданіями и практическими условіями; Сперанскій показываетъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ, что уже съ царствованія Алексѣя Михаиловича въ Россіи жили и развивались идеи государственнаго порядка, основаннаго на законѣ, проще говоря, конституціонныя идеи; раньше царствованія Алексѣя Михаиловича Сперанскій въ нашемъ темномъ прошедшемъ не ощущалъ подобныхъ идей. Несмотря на уклоненія, Россія, по его мнѣнію, все-таки шла къ свободѣ; законный порядокъ необходимъ и по современному положенію Россіи, потому иначе и жить нельзя; въ Россіи всѣ существующіе законы, гражданскіе, уголовные—ничего незначущіе призраки, потому что нѣтъ законовъ политическихъ. Къ чему служитъ, напр., законъ, обезпечивающій права собственности, когда самая собственность можетъ быть уничтожена произволомъ лица? Какъ можетъ распространиться просвѣщеніе, когда оно въ Россіи только вредно? Зачѣмъ просвѣщать раба, если просвѣщеніе еще горше дастъ ему почувствовать всю тяжесть его положенія? Отчего всѣ

умы находятся въ тягостномъ неспокойствіи. Отчего? Оттого, что сталъ невыносимъ существующій порядокъ, слѣдовательно, существующій порядокъ уже не соотвѣтствуетъ общественному мнѣнію.

Сперанскій излагаетъ далѣе теоретическія основанія своего проекта; познакомившись съ ними, легко догадаться, изъ какого источника они заимствованы. Вотъ общія основы правильнаго законодательнаго государственнаго порядка: всякое правительство законно только тогда, когда основано на волѣ народа; каждое правительство дѣйствуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и перестаетъ быть законнымъ, если ихъ не исполняетъ; условія эти выражены въ основныхъ законахъ страны. Отсюда слѣдуетъ: такъ какъ источникъ всякой власти есть воля государства, страны, то основные законы могутъ быть только дѣломъ народа; цѣль основныхъ законовъ— ставить въ извѣстные предѣлы дѣятельность верховной власти. Развивая отсюда подробности государственнаго порядка, Сперанскій говоритъ, что весь народъ не можетъ блюсти за правильностью дѣйствія основныхъ законовъ; долженъ быть особый органъ наблюденія; такимъ органомъ можетъ быть только высшій классъ. Этотъ высшій классъ долженъ быть настолько образованъ, чтобы понимать сущность основныхъ законовъ и условія правильнаго дѣйствія власти; настолько независимъ, чтобы не бояться власти, и настолько связанъ интересами съ народомъ, чтобы не покушаться на его свободу. Очевидно, такимъ наблюдающимъ органомъ должна быть политическая аристократія; но эта аристократія пользуется своими полномочіями лишь по довѣренности народа. Сперанскій формулируетъ свои мысли извѣстной фразой Монтескьё: «нѣтъ знати, нѣтъ и монарха», т. е. монархъ безъ знати быть не можетъ. Какъ должна быть устроена аристократія, чтобы дѣй-

ствовать правильно? Стоя между властью и народомъ, не потакая первой и не угнетая второй, она должна быть составлена изъ старшихъ сыновей извѣстныхъ фамилій, значеніе которыхъ держится на майоратѣ; кромѣ старшаго, всѣ остальные сыновья принадлежатъ къ народу. Вотъ правильно устроенное общество, какъ оно представлялось Сперанскому: свободный народъ, впереди его дѣйствующая по его довѣренности знать и во главѣ общества связанная основными законами верховная власть. Чтобы возможенъ былъ такой строй общества, должны быть уничтожены существующія сословія. Что такое эти сословія? Классы общества, раздѣленные интересами, слѣдовательно, одинъ другому враждебные; на враждѣ классовъ и выростаетъ произволъ; слѣдовательно, чтобы не было произвола, должно устранить вражду классовъ, т. е. объединить общество; первое условіе правильнаго государственнаго порядка и есть общественное объединеніе; безъ этого условія не возможенъ ни одинъ элементъ правильнаго общественнаго порядка: ни свободный народъ, ни пользующаяся его довѣріемъ аристократія, ни соблюдающая основные законы верховная власть.

Съ высоты такого идеала Сперанскій спускался въ русскую дѣйствительность и съ трудомъ сдерживалъ въ себѣ презрительное чувство; только чуть слышно звучащая въ немъ патріотическая нотка смягчаетъ горечь изложенія этой части проекта. Въ Россіи нѣтъ ничего: есть законы, но они ничѣмъ не обезпечены; есть сословныя грамоты, но онѣ ничего не значатъ, ибо въ Россіи нѣтъ сословій, а есть два класса рабовъ: одни—рабы верховной власти, а другіе—рабы этихъ рабовъ, т. е. дворяне и крѣпостные. Эти два класса непримиримо разъединены между собою, и на непримиримости ихъ интересовъ держится абсолютная власть.

Интересы дворянства—держать въ повиновеніи крестьянъ, чтобы дворяне были рабами короны; такимъ образомъ, обоюдный интересъ — общее рабство. Этотъ обоюдный интересъ производитъ общую летаргію, убиваетъ народную энергію; при такомъ порядкѣ народъ въ 1000 лѣтъ не сдѣлаетъ шага впередъ. Итакъ, въ Россіи нѣтъ ни закона, ни народа, нѣтъ и монархіи, ибо абсолютная власть не монархія, а произволъ. «Всего меньше», добавляетъ Сперанскій съ удареніемъ, «въ Россіи истинной монархіи» (подъ монархіей тогда разумѣлось ограниченное единодержавіе).

Съ чего надо начинать преобразованіе государственнаго порядка въ Россіи? Съ коренного источника, изъ котораго вытекаютъ всѣ неправильности существующаго порядка, т. е. съ устраненія общественнаго разъединенія, вражды общественныхъ интересовъ. Эта вражда общественныхъ интересовъ имѣетъ корень въ крѣпостномъ правѣ; поэтому, всякая реформа въ Россіи, расчитанная на успѣхъ и искренняя, должна начаться съ преобразованія соціальныхъ отношеній. Первый разъ такъ просто и рѣзко поставленъ былъ этотъ вопросъ въ исторіи политическаго сознанія въ Россіи. Прежде конституціи, реформы начинаются сверху, съ преобразованія того, другого, третьяго учрежденія и рѣдко спускаются въ полетѣ своихъ преобразовательныхъ мыслей ниже столицы. Сперанскій первый взглянулъ на дѣло снизу, т. е. съ корней. Итакъ, первая задача преобразователя—устроить правильныя, на законѣ основанныя, изъ началъ равенства передъ закономъ выведенныя отношенія сословій. Довольно трудно сказать, какъ у Сперанскаго построенъ былъ планъ освобожденія крестьянъ; въ томъ, чтò мы читаемъ, планъ является очень неудовлетворительнымъ. Освобожденіе крестьянъ должно было совершиться въ два

пріема. Прежде всего должны быть точно опредѣлены повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ; для урегулированія отношеній обоихъ классовъ должны быть учреждены особые суды, которые бы разбирали столкновенія крестьянъ съ землевладѣльцами. Потомъ постепенно долженъ быть возстановленъ свободный переходъ крестьянъ, существовавшій въ XVI в. Подробности того и другого пріема не развиты въ доставшемся намъ извлеченіи. Если планъ переданъ полно и вѣрно, то Сперанскій думалъ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; но это освобожденіе представлялось ему возможнымъ только въ далекомъ будущемъ; проектируемый имъ государственный порядокъ долженъ быть водворенъ раньше минуты, когда станетъ возможенъ этотъ фактъ.

Какъ же, спрашивается, конструируетъ Сперанскій русское общество при крѣпостномъ правѣ? Онъ дѣлитъ общество на три класса, которые довольно трудно согласить съ его общимъ теоретическимъ, соціальнымъ строеніемъ. Русское общество должно состоять изъ трехъ сословій: изъ дворянъ, изъ средняго сословія и рабочаго класса. Дворянство, хотя пользуется своими землевладѣльческими правами на основаніи закона, т. е. продолжаетъ править прикрѣпленными къ землѣ крестьянами, но оно обязано службой. Сперанскій возстановляетъ обязательную службу для дворянства; каждый дворянинъ долженъ служить въ арміи или на гражданскомъ поприщѣ не менѣе 10 лѣтъ. Среднее сословіе состоитъ изъ свободныхъ классовъ, не принадлежащихъ къ дворянству; это—купцы, мѣщане и государственные крестьяне; это среднее сословіе можетъ даже проникать въ составъ дворянства, напр., пріобрѣтая земельную собственность. Рабочій классъ состоитъ изъ не свободныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, слугъ и мелкихъ реме-

сленниковъ, которые не могутъ пользоваться политическими правами наравнѣ съ двумя высшими классами. Куда же дѣвалась наблюдающая аристократія, и думалъ ли Сперанскій создать ее изъ русскихъ общественныхъ элементовъ? У него есть проектъ созданія такой аристократіи и очень характерный; онъ предлагалъ взять табель о рангахъ, да списокъ всѣхъ чиновъ 14 классовъ, затѣмъ провести пальцемъ подъ 4-мъ классомъ и то, что̀ окажется сверху, зачислить въ аристократію; онъ съ горемъ замѣчаетъ, что попадетъ много негодныхъ людей, которые ничего не понимаютъ, ничѣмъ не докажутъ государству своего права на это положеніе, но что же дѣлать? Наличное поколѣніе вымретъ, и его смѣнитъ, быть можетъ, болѣе подготовленное къ дѣлу потомство. Много скрытой грусти звучитъ въ этихъ строкахъ Сперанскаго. Впрочемъ, аристократія первыхъ 4-хъ классовъ осталась какъ-то одинокой въ проектѣ Сперанскаго, ни къ чему не пріуроченной; можетъ быть, впрочемъ, это объясняется скорѣе неполнотой извлеченія, чѣмъ неполнотой постройки.

Такимъ расчлененнымъ обществомъ должна была управлять цѣлая сѣть новыхъ учрежденій; всѣ эти учрежденія земскаго характера, избирательныя; они охватываютъ общество сверху донизу, отъ государева кабинета до волостного правленія. Россія раздѣляется на губерніи, уѣзды и волости; въ каждой волости земельные собственники, къ которымъ причислялись и казенные крестьяне, собираются разъ въ три года и составляютъ волостную думу; волостная дума избираетъ изъ своей среды членовъ волостного правленія, провѣряетъ волостные доходы и расходы и избираетъ депутатовъ въ уѣздную думу. Расходясь, дума оставляетъ послѣ себя постоянно-дѣйствующее волостное правленіе съ исполнительною властью. Итакъ, волостная дума—

эго волостной сходъ, волостное правленіе—исполнительная управа. Разъ въ три года, слѣдовательно, послѣ того, какъ разойдутся волостныя думы, собирается уѣздная земская дума; она состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ волостными думами; она избираетъ членовъ уѣзднаго правленія, или совѣта, членовъ уѣзднаго суда и депутатовъ въ губернскую думу. Такъ же устроена губернская дума, которая, контролируя расходы и доходы губерніи, выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго суда и, наконецъ, депутатовъ въ Государственную Думу. Государственная Дума собирается ежегодно сама собою, въ извѣстный срокъ, безъ особаго призыва; она состоитъ изъ депутатовъ губернскихъ думъ, число коихъ опредѣляется закономъ. Государственная Дума—законодательное учрежденіе; право предложенія закона въ этой думѣ принадлежитъ Министерствамъ, т. е. Комитету Министровъ (впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Государственная Дума пользуется инициативой; такъ, она можетъ привлечь къ отвѣтственности министра, нарушающаго законъ); каждый законъ утверждается Государемъ. Дума распускается или засѣданія ея отсрочиваются по рѣшенію Государственнаго Совѣта; послѣдній—высшее учрежденіе, хранящее законы; кажется, туда предполагалъ Сперанскій помѣстить аристократическихъ маіоровъ, т. е. старшихъ сыновей; въ такомъ случаѣ Государственный Совѣтъ—палата лордовъ. Во главѣ судебнаго строя, который начинается волостными судами съ характеромъ мировыхъ учрежденій и развивается въ рядъ инстанцій, какими были суды уѣздные и губернскіе, стоитъ Сенатъ, блюститель не закона, а законнаго порядка въ дѣлопроизводствѣ, т. е. судопроизводствѣ; при немъ въ качествѣ высшаго прокурора стоитъ министръ юстиціи. Такимъ образомъ, во главѣ центральнаго управле-

нія, по плану Сперанскаго, стоятъ троякаго рода учрежденія: законодательныя—Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, исполнительныя—Министерства и Комитетъ Министровъ и судебное—Сенатъ. Вотъ весь планъ Сперанскаго, сколько мы его знаемъ.

Разсмотрѣнный нами планъ Сперанскаго производитъ различное впечатлѣніе, поражаетъ необычайной смѣлостью и колоссальностью; мысли, встрѣчаемыя въ немъ, даже въ томъ разорванномъ видѣ, въ какомъ мы ихъ читаемъ, врѣзываются въ память; мы не ошибемся, если скажемъ, что во весь XVIII и XIX вв. всѣми русскими публицистами не было сказано и сотой доли того умнаго, что̀ сказалъ о положеніи Россіи и исторіи ея переустройства проектъ Сперанскаго. Но если не было сказано столько умнаго, зато не было сказано и сто́лько печальнаго. Проектъ Сперанскаго поражаетъ при первомъ чтеніи своей грандіозностью; вотъ почему любопытно бы имѣть хотя смутное извѣстіе и о томъ впечатлѣніи, которое произвело его чтеніе на Александра; никогда никто не говорилъ государю такъ прямо и откровенно. Потомъ, вчитываясь въ проектъ, мы получаемъ другое впечатлѣніе; мы узнаемъ его элементы, лучше сказать, его источники, которые очень разнообразны. То были: 1) политическія идеи XVIII в.; 2) консульская французская конституція XVIII в., изъ которой взяты многія черты плана, напр., вся эта іерархія думъ, какъ и строй высшихъ учрежденій, и, наконецъ, 3) источникомъ была и русская дѣйствительность. Сперанскій сообразовалъ свои отвлеченныя построенія съ существующими отношеніями, и когда представишь себѣ все разнообразіе этихъ источниковъ, то становится жаль Сперанскаго. Его заставили выработать стройный проектъ государственнаго порядка для Россіи; онъ сталъ собирать элементы этого порядка

прежде всего дома, а потомъ въ своей головѣ; въ этомъ послѣднемъ музеѣ онъ нашелъ хорошіе элементы, но въ первомъ ничего не нашелъ, и вотъ онъ, какъ испуганный, мечется изъ стороны въ сторону, съ тоской ожидая, не найдется ли чего-нибудь годнаго; бросится къ Монтескьё, похититъ что-нибудь оттуда; заглянетъ въ бумаги Камбасереса, тамъ отмѣтитъ что-нибудь годное; наконецъ, заглянетъ въ прошедшее Россіи, тамъ не находитъ ничего годнаго, и въ этой тоскѣ, кое-чего понабравшись, онъ лѣпитъ изъ своихъ жалкихъ элементовъ планъ, который поражаетъ своею стройностью, въ которомъ всѣ швы замазаны, и въ основаніи котораго лежитъ очень дѣльная и глубокая мысль, и глубокая, можетъ быть, больше, чѣмъ дѣльная. Таково двойственное впечатлѣніе или, лучше сказать, два впечатлѣнія, которыя послѣдовательно переживаешь, изучая этотъ планъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ его общественномъ значеніи.

Что такое изложенный проектъ? Политическая мечта или планъ, который могъ стать историческимъ фактомъ? Мы не отвѣтимъ прямо на этотъ вопросъ, а предварительно поставимъ другой: какъ могъ сложиться въ головѣ законодателя такой проектъ? Весь этотъ планъ построенъ на одномъ цѣльномъ политическомъ взглядѣ, который даже можно назвать цѣльнымъ политическимъ міросозерцаніемъ. Сущность этого взгляда такова: люди ничего не значатъ въ исторической жизни, они — пассивный матеріалъ; дѣйствующая, движущая сила— учрежденія; разъ порядокъ будетъ данъ людямъ,—правильный законный порядокъ, — они будутъ хорошо вести себя; но даже хорошіе люди, вращаясь въ дурномъ порядкѣ, будутъ дурны. Вотъ этотъ политическій взглядъ: порядокъ, а не люди—вотъ что̀ дѣйствуетъ въ исторіи.

Когда начали осуществляться части проекта Сперанскаго, въ русскомъ обществѣ поднялась глухая оппозиція, которая рѣшила отстаивать старый порядокъ; представителемъ этой оппозиціи явился нашъ тогдашній исторіографъ Карамзинъ съ своей запиской, поданной въ 1811 г. Императору. Эта записка («о древней и новой Россіи») намъ извѣстна; это не менѣе проекта Сперанскаго откровенный памятникъ, гдѣ прямо, начистоту, высказано все, что̀ тогда имѣлъ сказать противъ дѣятельности Александра русскій консервативный человѣкъ. Есть однако рѣзкая разница между проектомъ Сперанскаго и запиской Карамзина; въ первой—только однѣ идеи, во второй—только жалобы и порицанія. Первый—очень умное произведеніе и доброжелательное, вторая—очень взволнована и очень ожесточена. Карамзинъ стоитъ на противоположномъ взглядѣ, который можно выразить такъ: люди, а не порядокъ; порядокъ, учрежденія ничего не значатъ, все значатъ люди; хороши люди,—они установятъ хорошій порядокъ; хороши порядки,—дурные люди испортятъ ихъ. Вы поймете практическіе результаты. Планъ, вытекавшій изъ взглядовъ Сперанскаго, таковъ: чтобы сдѣлать людей хорошими, надо заставить ихъ вращаться въ хорошемъ порядкѣ. Планъ Карамзина иной: не нужно новыхъ порядковъ, нужно сначала сдѣлать новыхъ людей. Правъ ли былъ Сперанскій? Нѣтъ; проектъ его, если бы осуществился, сталъ бы тысячу первымъ доказательствомъ, какъ превосходные порядки портятся и падаютъ среди неподготовленныхъ людей. Правъ ли былъ Карамзинъ? Еще меньше; общежитіе состоитъ изъ порядка и изъ людей; хорошіе люди воспитываются порядками; откуда же они появятся, если нѣтъ хорошаго порядка? Народятся сами, какъ счастливая случайность? Карамзинъ говоритъ: «не

нужно намъ конституціи, дайте намъ 50 умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ, и все пойдетъ хорошо». Правда, умный и добродѣтельный губернаторъ— это что хлѣбъ насущный; но вѣдь онъ и капризенъ, какъ хлѣбъ насущный: въ иной годъ родится, а въ иной нѣтъ; что же дѣлать, когда будетъ неурожай на умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ? Карамзинъ напоминаетъ нѣсколько ту слишкомъ осторожную мать, которая запрещаетъ своему сыну влѣзать въ воду, пока онъ не выучится плавать. Итакъ, оба публициста вошли въ безысходный кругъ: правильный, хорошій порядокъ не можетъ дѣйствовать безъ подготовленныхъ и добрыхъ людей, а добрые люди не могутъ явиться безъ правильнаго и законнаго порядка. Какъ же быть? Что должно итти впереди? Что чего старше: люди или порядокъ, кто кого долженъ приготовлять? Никто и никого, ибо порядокъ и люди сверстники, а не находятся въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ.

Намъ нѣтъ надобности разбирать проектъ Сперанскаго со стороны практической, т. е. рѣшать вопросъ, былъ ли онъ осуществимъ? Онъ не былъ осуществленъ, какъ не былъ осуществленъ проектъ 50 добродѣтельныхъ губернаторовъ. Дѣло не въ порядкахъ и не въ людяхъ, а дѣло въ томъ, что̀—раньше общества и общественнаго порядка, т. е. въ частныхъ людскихъ отношеніяхъ;—не въ чувствахъ и понятіяхъ, а именно въ отношеніяхъ. Общественныя отношенія могутъ создаваться одинаково при какихъ угодно порядкахъ, и мы 40 разъ наблюдаемъ, что при дурныхъ порядкахъ воспитываются хорошія отношенія, даже при дурныхъ чувствахъ и людяхъ; а при правильныхъ порядкахъ иногда воспитываются тяжелыя и дурныя отношенія. Есть еще третья сила, которая стоитъ сзади политическаго порядка и политической свободы лицъ; эта сила есть

просто политика. Сперанскій, какъ и Государь, нѣсколько механически смотрѣлъ на учрежденія; они думали, что ихъ надо создать и потомъ надѣть на общество, какъ надѣваютъ сшитый портнымъ костюмъ. Это—капитальная ошибка, которая воспитана была философскимъ самомнѣніемъ XVIII вѣка; порядки растутъ, не сочиняются и не надѣваются, какъ костюмъ, порядки растутъ, какъ растутъ нервы и жилы человѣческіе, т. е. они растутъ и складываются изъ отношеній; отношенія устанавливаются закономъ; законъ создается верховной властью; хорошій законъ имѣетъ источникомъ доброжелательную волю власти; нѣтъ такой воли,—и не будетъ установлено правильныхъ отношеній. Отношенія устанавливаются постепенно, незамѣтно; они не навязываются, но какъ бы подкидываются людямъ, такъ какъ только то прочно, что̀ не навязывается, а что̀ незамѣтно подкинуто людямъ; въ основаніи прочности этихъ отношеній всегда лежитъ сознаніе ихъ необходимости; законодатель великъ, если онъ раскроетъ эту необходимость; если не раскроетъ, пусть не берется ни за законодательство, ни за преобразованіе.

Александръ I получилъ отъ Сперанскаго подробный планъ порядка, въ которомъ должны были осуществиться реформы. Планъ этотъ былъ очень остороженъ; статсъ-секретарь совѣтывалъ вводить новыя учрежденія только постепенно, предварительно вполнѣ ихъ приготовивши, чтобы при встрѣчѣ съ неодолимыми препятствіями можно было тотчасъ отступить. Осуществленіе всего плана расчитано было на два года такъ, чтобы все зданіе было выведено къ осени 1811 г. Нельзя безъ улыбки читать эту программу; для Сперанскаго историческіе моменты были то же, что линіи въ геометрическомъ треугольникѣ; онъ знаетъ, когда начертить

одну линію, когда другую, какой вывести уголъ, тупой или острый, сколько мѣсяцевъ надо на созданіе областного управленія, сколько дней нужно на воспитаніе свободомыслящаго гражданина и т. д. Здѣсь звучитъ то самоувѣренное чувство бюрократа, который отлично зналъ механизмъ канцеляріи, и, надо признаться, не зналъ хода органической жизни, или, говоря проще, не зналъ того, какъ люди живутъ. Въ этомъ его коренной недостатокъ: онъ—творческій умъ въ предѣлахъ канцеляріи. Но Александръ отказался отъ всего плана и осуществилъ только нѣкоторыя прикладныя его части. Изъ этого вышла перестройка центральнаго управленія.

Устройство центральнаго управленія по плану Сперанскаго.

Осуществленныя части преобразовательнаго плана Сперанскаго всѣ относятся къ центральному управленію, и осуществленіе ихъ сообщило послѣднему болѣе стройный видъ. Это былъ второй, болѣе рѣшительный приступъ къ устройству новаго государственнаго порядка. Приступу этому предпосланы были двѣ частныя мѣры, имѣвшія внутреннюю связь съ готовившимися реформами; онѣ какъ бы намѣчали духъ и направленіе реформы, указывая, какіе дѣльцы требуются для новыхъ правительственныхъ учрежденій. Въ 1809 году изданы были два мелкіе, но надѣлавшіе много шума закона: 3 апрѣля 1809 г. изданъ былъ указъ о придворныхъ званіяхъ; при дворѣ въ званіяхъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ состояли знатные люди, которые, не занимая никакихъ дѣйствительныхъ должностей, между тѣмъ пользовались разными служебными правами. (Императоръ

звалъ этихъ сановниковъ дворцовыми полотерами). Законъ 1809 г., сохранивъ эти званія, лишилъ ихъ сопряженныхъ съ ними преимуществъ, если облеченные ими люди не занимали дѣйствительной должности; придворныя званія остались теперь почетными отличіями, не дававшими никакихъ правъ. Понятно чувство, съ какимъ отнеслась придворная среда къ Сперанскому, который считался авторомъ закона.

Указъ 6-го августа того же года направленъ былъ противъ самихъ чиновниковъ. Въ Россіи уже существовало нѣсколько университетовъ, но стѣны ихъ аудиторій были довольно пусты—за ненадобностью, ибо движеніе по службѣ совершалось быстро и безъ университетскаго образованія. Сперанскій, справедливо находя, что университеты эти учреждены не для забавы, что спеціальное образованіе, какое должны были получить учащіеся въ университетѣ, необходимо государству, выработалъ новый порядокъ производства въ гражданскіе чины VIII и V класса, коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника. Эти чины, которыми въ значительной степени обусловливалось назначеніе на болѣе важныя должности, пріобрѣтались не только заслугой, но и простой выслугой, т. е. установленнымъ срокомъ службы. Новый указъ запретилъ производить въ эти чины служащихъ, которые не имѣли свидѣтельства объ окончаніи курса въ одномъ изъ русскихъ университетовъ или не выдержали въ университетѣ экзамена по установленной программѣ, которая и была приложена къ указу. По этой программѣ отъ желающаго получить чинъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника требовалось знаніе русскаго языка и одного изъ иностранныхъ, знаніе права естественнаго, римскаго и гражданскаго, государственной экономіи и уголовныхъ законовъ, основательное знакомство съ отече-

ственной исторіей и элементарныя свѣдѣнія изъ исторіи всеобщей, изъ статистики русскаго государства, географіи, даже математики и физики. Много почтенныхъ стариковъ, которые уже постучались въ двери статскаго совѣтника, остались ни при чемъ на вѣки, ибо не имѣли утвержденнаго диплома и не могли имѣть надежды выдержать экзаменъ. Оба указа произвели тѣмъ большій переполохъ въ придворномъ обществѣ и чиновной средѣ, что были изданы совершенно неожиданно. Оба они были выработаны и составлены Сперанскимъ тайно отъ высшихъ правительственныхъ сферъ. Указы ясно и твердо выражали требованіе, какимъ должны удовлетворять служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ; законъ требовалъ исполнителей, «опытностью и постепеннымъ прохожденіемъ службы пріуготовленныхъ», «минутными побужденіями не развлекаемыхъ», по выраженію указа 3-го апрѣля, «исполнителей свѣдущихъ», «обладающихъ твердымъ и отечественнымъ образованіемъ», т. е. воспитанныхъ въ національномъ духѣ, возвышающихся не выслугой лѣтъ, а дѣйствительными заслугами и отличными познаніями, какъ гласитъ указъ 6-го августа. Дѣйствительно, требовались новые дѣльцы, чтобы дѣйствовать въ духѣ тѣхъ началъ, какія старались провести въ правительственныхъ учрежденіяхъ, открытыхъ съ 1810 г. Эти учрежденія назывались скромнымъ именемъ «новыхъ образованій прежнихъ учрежденій», возникшихъ въ первые годы царствованія. Однако начала и формы, внесенныя въ управленіе этими «новыми образованіями», были такъ новы для Россіи, что преобразованіе сообщило правительственнымъ мѣстамъ характеръ новыхъ учрежденій.

1-го января 1810 г. открытъ былъ преобразованный *Государственный Совѣтъ*. Это учрежденіе въ основа-

ніяхъ своихъ дѣйствуетъ доселѣ по плану Сперанскаго, настолько своеобразному, что онъ заслуживаетъ вниманія даже въ короткомъ обзорѣ царствованія. Значеніе его въ системѣ управленія выражено въ манифестѣ 1-го января опредѣленіемъ, что въ немъ «всѣ части управленія въ ихъ главномъ отношеніи къ законодательству сообразуются и чрезъ него восходятъ къ верховной власти». Это значитъ, что Государственный Совѣтъ обсуждаетъ всѣ подробности государственнаго устройства, насколько они требуютъ новыхъ законовъ, и свои соображенія представляетъ на усмотрѣніе верховной власти. Итакъ, Государственный Совѣтъ — не законодательная власть, а только ея орудіе и притомъ единственное, которое собираетъ законодательные вопросы по всѣмъ частямъ управленія, обсуждаетъ ихъ и свои заключенія возноситъ на усмотрѣніе верховной власти. Такимъ образомъ, устанавливается твердый порядокъ законодательства. Въ этомъ смыслѣ и опредѣляетъ значеніе Совѣта Сперанскій въ отчетѣ государю о дѣятельности учрежденія за 1810 г., говоря, что Совѣтъ «учрежденъ для того, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разбросанной, дать новое начертаніе постоянства и единообразія». Такое постоянство и единообразіе сообщалось законодательству тремя основными началами устройства Государственнаго Совѣта: 1) Совѣтъ разсматриваетъ проекты законовъ, уставовъ и учрежденій по всѣмъ отраслямъ управленія; 2) онъ одинъ ихъ разсматриваетъ, и 3) ни одинъ законъ, имъ разсмотрѣнный, не обращается къ исполненію безъ утвержденія верховной властью. Этими чертами указывается двоякое значеніе Совѣта—законодательное и объединительное: онъ, во-первыхъ, обсуждаетъ возбуждаемые по всѣмъ отраслямъ управленія законодательные вопросы; во-вто-

рыхъ, утвержденными верховной властью рѣшеніями онъ объединяетъ дѣятельность всѣхъ этихъ отраслей въ области законодательства; сообщая имъ одинаковое направленіе. Но тому и другому значенію поставлены были извѣстные предѣлы. Въ законодательныхъ актахъ слѣдуетъ различать законодательную норму, устанавливающую извѣстныя отношенія въ государствѣ, и законодательный авторитетъ, сообщающій этимъ нормамъ силу закона. Авторитетъ принадлежитъ верховной власти, выработка нормы — есть дѣло Совѣта. Но не раздѣляя законодательнаго авторитета, Совѣтъ, такъ сказать, соприкасается съ нимъ; такимъ соприкосновеніемъ служатъ мнѣнія Совѣта—большинства и меньшинства, какъ и отдѣльныхъ членовъ, представляемыя на разсмотрѣніе верховной власти. Высказанныя разногласія вмѣстѣ съ заключеніями, т. е. проектами, и принимаются верховной властью во вниманіе при окончательномъ рѣшеніи дѣла. Совѣтъ нельзя назвать простой машиной для изготовленія законопроектовъ въ заранѣе предназначенномъ смыслѣ: онъ разрѣшаетъ законодательные вопросы не по указанной программѣ, а по собственному разуму, «пользуются всей свободой мнѣній», по выраженію закона. Но съ другой стороны, его нельзя назвать законодательнымъ учрежденіемъ въ смыслѣ западныхъ законодательныхъ собраній. Когда декретъ, принятый законодательнымъ представительнымъ собраніемъ, отвергается короной, государство остается безъ закона до новаго возбужденія законодательнаго вопроса; въ Россіи верховная власть, признавши рѣшеніе Совѣта неудобнымъ, можетъ предписать ему разсмотрѣть дѣло вновь и выработать новое рѣшеніе, не подсказывая его, а обращая вниманіе Совѣта на упущенныя имъ обстоятельства дѣла. На Западѣ законъ есть политическая сдѣлка двухъ

властей—короны и законодательнаго собранія; у насъ онъ есть воля одной верховной власти, но обыкновенно внушаемая Совѣтомъ, что̀ и выражается въ самой формѣ высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта: «внявъ мнѣнію Совѣта», «быть по сему». Западный порядокъ законодательства основанъ на мысли о равенствѣ властей, на нежеланіи дать одной изъ нихъ перевѣсъ надъ другой; у насъ въ основаніе этого порядка положена мысль о средствахъ и условіяхъ для наиболѣе правильной и осмотрительной выработки новыхъ законодательныхъ нормъ. Къ дѣламъ собственно законодательнымъ присоединялись и другія, съ ними соприкасающіяся: общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, «когда по усмотрѣнію обстоятельствъ могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію», а также руководство всѣми частями управленія; руководство это, впрочемъ, выражается не въ надзорѣ за подробностями управленія и исполненіемъ законовъ, что̀ есть дѣло Сената, а въ соображеніи общихъ условій, обезпечивающихъ правильное исполненіе законовъ; поэтому Государственному Совѣту принадлежитъ разъясненіе истиннаго смысла законовъ, принятіе общихъ мѣръ къ ихъ успѣшному дѣйствію, распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ, наконецъ, разсмотрѣніе отчетовъ всѣхъ Министерствъ по управленію ввѣренными имъ частями. Всѣ эти особенности дѣлаютъ организацію Государственнаго Совѣта довольно своеобразнымъ явленіемъ въ государственномъ правѣ. Такому значенію Совѣта соотвѣтствуетъ и данное ему устройство. Совѣтъ составлялся изъ членовъ по назначенію государя и изъ членовъ по званію, министровъ, и былъ раздѣленъ на четыре департамента: *законовъ*, *дѣлъ воен-*

ныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и государственной экономіи, съ особыми предсѣдателями въ каждомъ департаментѣ. Въ общемъ собраніи, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ Государь или одинъ изъ членовъ, ежегодно имъ для того назначаемый, рѣшались дѣла, предварительно разсмотрѣнныя въ подлежащемъ департаментѣ или прямо въ него внесенныя. Для веденія дѣлопроизводства Совѣта при немъ учреждена *Государственная Канцелярія* съ особыми отдѣленіями для каждаго департамента. Во главѣ каждаго отдѣленія поставленъ статсъ-секретарь, докладывающій свои дѣла въ своемъ департаментѣ, а всей канцеляріей Совѣта руководитъ *государственный секретарь,* докладывающій дѣла въ общемъ собраніи и представляющій журналъ Совѣта на высочайшее усмотрѣніе. Государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ, разумѣется, Сперанскій, главный организаторъ учрежденія, что̀, при новости дѣла, дало ему значеніе руководителя Совѣта и какъ бы первенствующаго министра.

Вслѣдъ за Государственнымъ Совѣтомъ преобразованы были по плану Сперанскаго и Министерства, учрежденныя манифестомъ 8-го сентября 1802 года. Сперанскій находилъ двойной недостатокъ въ этихъ Министерствахъ: отсутствіе точнаго опредѣленія отвѣтственности министровъ и неправильное распредѣленіе дѣлъ между Министерствами. Теперь они были преобразованы двумя актами: манифестомъ 25 іюля 1810 г. «о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія» и «Общимъ учрежденіемъ Министерствъ», изданнымъ 25 іюня 1811 г. По новому распорядку упразднялось одно изъ восьми прежнихъ Министерствъ, а именно, Министерство Коммерціи, дѣла котораго распредѣлялись между Министерствами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ; зато изъ вѣдѣнія послѣдняго выдѣлены были дѣла о

внутренней безопасности, для которыхъ было образовано Министерство Полиціи. Кромѣ того, учреждено было нѣсколько особыхъ центральныхъ вѣдомствъ, подъ названіемъ «Главныхъ Управленій», съ значеніемъ отдѣльныхъ Министерствъ: Главное Управленіе Ревизіи Государственныхъ Счетовъ или Государственный Контроль, Главное Управленіе Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій и, наконецъ, Главное Управленіе Путей Сообщенія. Такимъ образомъ, отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, между которыми были распредѣлены дѣла въ порядкѣ исполнительномъ, т. е. административномъ, явилось всѣхъ 11 вмѣсто прежнихъ восьми. Въ Общемъ учрежденіи опредѣлены были составъ и порядокъ управленія Министерствъ, границы власти министровъ, ихъ отвѣтственность и другія подробности министерскаго управленія. Оба акта, которыми были преобразованы Министерства, по стройности плана, логической послѣдовательности его развитія, по своеобразности и точности изложенія доселѣ признаются образцовыми произведеніями нашего законодательства, которыми не безъ основанія гордился самъ авторъ; а административный порядокъ, имъ установленный, даже во многихъ подробностяхъ существуетъ донынѣ.

Предположено было преобразовать и Сенатъ. Проектъ преобразованія приготовленъ былъ къ началу 1811 г. и въ іюнѣ внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ. Сенатъ имѣлъ двойное значеніе: онъ руководилъ управленіемъ—контролировалъ его и онъ составлялъ высшую судебную инстанцію. Новый проектъ былъ основанъ на строгомъ раздѣленіи дѣлъ административныхъ и судебныхъ. Согласно съ этимъ Сенатъ преобразовывался въ два особыхъ учрежденія, изъ которыхъ одно, названное Сенатомъ Правительствующимъ и сосредоточивавшее въ себѣ правительственныя дѣла, состоитъ

изъ министровъ съ ихъ товарищами и главноуправляющихъ отдѣльными частями управленія; очевидно, это—Комитетъ Министровъ; другое, сосредоточивавшее всѣ судебныя функціи прежняго Сената, подъ названіемъ Сената Судебнаго, распадается на 4 мѣстныхъ отдѣленія, которыя размѣщены по четыремъ судебнымъ округамъ Имперіи: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани. Особенностью этого Судебнаго Сената была двойственность его состава: одни члены его назначались отъ короны, другіе выбирались дворянствомъ. Въ этомъ особенно блеститъ искра тѣхъ идей, на которыхъ построенъ былъ общій преобразовательный планъ Сперанскаго. Этотъ проектъ вызвалъ рѣзкія возраженія въ Государственномъ Совѣтѣ; сильнѣе всего, разумѣется, нападали на право выборовъ дворянствомъ членовъ Сената, видя въ этомъ ограниченіе самодержавной власти. Несмотря на то, при подачѣ голосовъ большая часть членовъ Совѣта высказалась за проектъ, и Государь утвердилъ мнѣніе большинства. Но различныя препятствія, внѣшнія и внутреннія, помѣшали осуществленію новой реформы, и самъ Сперанскій совѣтывалъ Государю ее отсрочить. Благодаря этому, Сенатъ сохранилъ прежнее смѣшанное вѣдомство, внося нѣкоторую нестройность въ общій складъ центральнаго управленія. Значитъ, изъ трехъ отраслей высшаго управленія, законодательной, исполнительной и судебной, были преобразованы только двѣ первыхъ; третьей не коснулась реформа. Къ преобразованію губернскаго управленія не было и приступлено. Вотъ все, что̀ было приведено въ осуществленіе изъ преобразовательныхъ плановъ Сперанскаго.

Однако, преобразовательный планъ не прошелъ безслѣдно для Сперанскаго. Онъ вооружилъ противъ него высшее общество, не самъ собою, а нѣкоторыми ча-

стями его, получившими практическое примѣненіе еще раньше 1810 года. Это были названные уже выше указы 3-го апрѣля и 6 августа 1809 года (о придворныхъ званіяхъ и о порядкѣ производства въ гражданскіе чины). Они вооружили противъ Сперанскаго придворную и чиновничью среду, двѣ могущественныя силы въ столицѣ. Кромѣ того, самъ государь потерялъ довѣріе къ Сперанскому. Трудно объяснить ходъ перемѣны, происшедшей въ его отношеніяхъ къ государственному секретарю; ни онъ самъ, ни Сперанскій потомъ никогда не объясняли того, что̀ случилось между ними. Можно составить предположеніе, что Александръ, обдумавъ прочитанный имъ планъ, самъ испугался той минуты, когда онъ пытался его исполнить, а въ такихъ случаяхъ чувство обыкновенно отвлекается и переносится на виновника этого ощущенія. Наконецъ, противъ Сперанскаго возстало общественное мнѣніе, т. е. большое общество; виной того были его *финансовыя мѣры*. Сперанскому было поручено устройство финансоваго хозяйства, и онъ долженъ былъ устроить его изъ самыхъ безнадежныхъ элементовъ. Приближалась огромная война, бюджетъ былъ поколебленъ прежними войнами. Положеніе дѣлъ въ 1811 г. было таково: ассигнацій въ обращеніи было 577 милл.; внѣшняго долга было больше 100 милл. На 1812 годъ государственный доходъ вычисленъ былъ въ размѣрѣ 127 милл., а смѣта расходовъ требовала сумму въ 193 милліона; значитъ, для покрытія расходовъ не доставало 66 мил. Курсъ рубля былъ 33 коп. Сперанскому было поручено возстановить равновѣсіе въ этомъ бюджетѣ; изъ чего? Онъ предложилъ, что̀ могъ. Планъ его былъ основанъ на двухъ началахъ,—на совершенномъ прекращеніи выпуска новыхъ ассигнацій и постепенномъ изъятіи изъ обращенія старыхъ и, далѣе, на возвышеніи

всѣхъ налоговъ прямыхъ и косвенныхъ. Законами 2 февраля 1810 года и 11 февраля 1812 года и возвышены были всѣ налоги; иные были удвоены, другіе болѣе чѣмъ удвоены. Такъ, цѣна пуда соли съ 40 коп. была поднята до рубля; подушная подать была возвышена съ рубля на два, а потомъ на три; оброкъ съ государственныхъ крестьянъ—съ двухъ до трехъ рублей; подушная подать съ мѣщанъ—до пяти рублей; сборъ съ купеческаго капитала—до трехъ процентовъ. Въ виду расходовъ, какіе должна была потребовать предстоящая война, эти налоги были еще временно возвышены. Сперанскому принадлежала первому мысль о подоходномъ налогѣ, притомъ падающемъ на привилегированное сословіе, на дворянъ. Какъ временная мѣра на 1812 годъ, введенъ былъ налогъ на дворянскія имѣнія, не на крѣпостныхъ крестьянъ, но на самыя земли; размѣръ этого налога росъ пропорціонально съ доходомъ. Налогу подвергались имѣнія, приносившія не менѣе 500 р.; съ такихъ взимался одинъ процентъ; имѣнія, которыя приносили доходу не менѣе 18 тыс., платили 10%. Всѣ плательщики и возстали на Сперанскаго. Едва ли стоитъ упоминать о тѣхъ слухахъ, которые присоединялись къ этому ропоту и которые говорили о какихъ-то сношеніяхъ Сперанскаго съ французами, о какихъ-то бумагахъ, которыя онъ пересылалъ Наполеону; все это величайшій вздоръ, о которомъ не стоитъ и упоминать.

Въ мартѣ 1812 г. Сперанскій, давно не ходившій къ Императору, былъ призванъ къ нему. Сдѣлавъ ему свой докладъ, Сперанскій хотѣлъ уходить; Императоръ удержалъ его и неожиданно сталъ упрекать его въ своеволіи, съ какимъ онъ бралъ себѣ нѣкоторыя государственныя бумаги, въ посягательствѣ на вѣковыя русскія учрежденія, напр., на Сенатъ, созданный Пе-

тромъ и т. п. Затѣмъ онъ отпустилъ его, замѣтивъ, что онъ передастъ его должность другимъ. Когда Сперанскій воротился домой, онъ встрѣтилъ министра полиціи Балашева, который уже приготовилъ ему кибитку, и Сперанскій, не простившись съ дочерью, отправленъ былъ въ Нижній-Новгородъ, напутствуемый самой искренней бранью со стороны высшаго общества и глубокой ненавистью со стороны народа. Потомъ онъ былъ переведенъ на жительство въ Пермь, откуда былъ назначенъ сперва губернаторомъ въ Пензу, а затѣмъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь.

Насталъ новый перерывъ во внутренней преобразовательной дѣятельности Александра. Это былъ рядъ лѣтъ, полныхъ шумныхъ военныхъ и дипломатическихъ событій. Россія подверглась нашествію врага; прогнавъ его и идя по его стопамъ, принявшись освобождать одно за другимъ разныя государства Европы отъ французскаго ига, русская армія прошла почти до самаго западнаго края Европы, водворила тамъ законный порядокъ, собрала развѣнчанныхъ государей, усадила ихъ на покинутыхъ престолахъ, дала имъ въ руки конституціонныя хартіи и, разутая и раздѣтая, воротилась домой. Съ 1815 г., когда кончились эти шумныя событія, Императоръ воротился изъ-за границы, чтобы продолжать прерванныя внутреннія работы; но эти работы получили уже иное направленіе, такъ какъ Государь воротился съ похода совсѣмъ иной, не похожій на того, какимъ онъ началъ свою дѣятельность.

Вторая половина царствованія Александра I.

Внѣшнія дѣла 1812—1815 гг. оказали могущественное вліяніе на ходъ дѣлъ внутреннихъ; можно даже сказать, что рѣдко когда внѣшняя политика такъ измѣ-

няла направленіе внутренней жизни въ Россіи; можетъ быть, это произошло оттого, что Россія рѣдко переживала такія событія, какія испытала въ тѣ годы. Событія эти очень неодинаково дѣйствовали на русское общество и на русское правительство. Въ первомъ они вызывали необыкновенное политическое и нравственное возбужденіе. Русскіе люди, только что пережившіе такія опасности, вышли изъ нихъ съ болѣе живымъ ощущеніемъ своихъ силъ. Возбужденіе это сказывалось и въ тогдашней литературѣ, даже офиціальной; въ періодическихъ офиціальныхъ изданіяхъ, продолжая прежній тонъ, съ начала царствованія установившійся въ печати, встрѣчались статьи о такихъ вопросахъ, какъ свобода печати и т. п. Еще живѣе сказывалось это возбужденіе въ неофиціальной періодической литературѣ; здѣсь прямо печатались статьи подъ заглавіемъ: «о конституціи», въ которыхъ доказывалась «доброта представительныхъ учрежденій». Попечители учебныхъ округовъ на торжественныхъ актахъ произносили рѣчи о политической свободѣ, называя ее «послѣднимъ и возвышеннѣйшимъ даромъ Бога». Итакъ, высшіе руководители общества, военные и гражданскіе, расположены были къ самымъ широкимъ ожиданіямъ, надѣялись теперь, что правительство не только продолжитъ, но и расширитъ свою прежнюю программу.

Между тѣмъ правительство относилось уже не попрежнему къ преобразованіямъ; оно не расположено было проводить и прежней программы. На правительствѣ отразилось то настроеніе, съ которымъ вышелъ изъ пережитыхъ опасностей его глава. Императоръ Александръ очень утомился въ эти годы; быстрая смѣна побѣдъ и пораженій нарушила въ немъ прежнее нравственное равновѣсіе; не даромъ онъ въ 1814 г., возвращаясь изъ-за границы, привезъ домой сѣдые

волосы. Пережитыя событія поселили въ правительствѣ чувство утомленія, охлажденія къ энергичной внутренней дѣятельности, даже нѣкоторое разочарованіе въ прежнихъ политическихъ идеалахъ; къ тому же ходъ внѣшнихъ событій поставилъ его въ упорную борьбу съ послѣдствіями французской революціи, волей или неволей сдѣлалъ его представителемъ консерватизма въ международныхъ отношеніяхъ, возстановителемъ и охранителемъ законнаго порядка, основаннаго на преданіяхъ старины. Это охранительное направленіе изъ внѣшней политики необходимо переносилось и на внутреннюю; нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, одной рукой за границей поддерживать консервативныя начала, а дома продолжать преобразовательную, революціонную, какъ говорили тогда, дѣятельность. Какъ бы отвѣчая на измѣнившееся положеніе дѣлъ, правительство слабо продолжало дѣятельность прежняго направленія; да и эта ослабленная дѣятельность сосредоточивалась не на коренныхъ областяхъ Россіи, а на окраинахъ, находящихся ближе къ Западной Европѣ; очевидно, центръ тяготѣнія внутренней политики также перемѣстился ближе къ западной русской границѣ.

Слабый отблескъ прежняго направленія сказывался во вторую половину царствованія Александра въ тѣхъ мѣрахъ правительства, которыя касались Царства Польскаго и остзейскихъ провинцій *). Образованное Наполеономъ герцогство Варшавское теперь переименовано

*) По опредѣленіямъ Вѣнскаго конгресса Россія, какъ бы въ награду за все то, что она сдѣлала для освобожденія европейскихъ народовъ отъ французскаго ига, получила герцогство Варшавское; это Варшавское герцогство, какъ извѣстно, образовано было Наполеономъ послѣ войны съ Пруссіей 1806—1807 г. изъ тѣхъ провинцій бывшей Польской республики, которыя по тремъ раздѣламъ при Екатеринѣ II отошли къ Пруссіи.

было въ Царство Польское съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ частей Польскаго государства, по раздѣлу доставшихся Россіи, именно Литвы. Царство Польское отдано было Россіи безъ всякихъ условій, но самъ Александръ I настоялъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, чтобы въ международный актъ конгресса внесено было постановленіе, обязывавшее правительства тѣхъ государствъ, въ которыхъ находились бывшія польскія провинціи, дать этимъ провинціямъ конституціонное устройство. Это обязательство Александръ принялъ и на себя; по этому обязательству польскія области, находившіяся въ предѣлахъ Россіи, должны были получить представительство и такія учрежденія, которыя русскій Императоръ найдетъ полезнымъ и приличнымъ дать имъ; въ силу этого была выработана конституція Царства Польскаго, утвержденная Императоромъ въ 1815 г. На основаніи этой конституціи въ 1818 г. открытъ былъ первый польскій сеймъ. Польша управлялась подъ руководствомъ намѣстника, которымъ сталъ братъ Александра I, Константинъ; законодательная власть въ Польшѣ принадлежала сейму, распадавшемуся на двѣ палаты: на сенатъ и палату депутатовъ. Сенатъ состоялъ изъ представителей церковной іерархіи и государственной администраціи, т. е. изъ епископовъ и воеводъ по назначенію Государя; палата депутатовъ состояла изъ представителей шляхетства, городской и свободной сельской общины. Первый сеймъ былъ открытъ рѣчью Императора, въ которой было объявлено, что представительныя учрежденія были всегда предметомъ заботливыхъ помысловъ Государя, и что примѣненныя съ добрымъ намѣреніемъ и чистосердечностью они могутъ послужить основаніемъ истиннаго народнаго благоденствія. Такъ случилось, что завоеванная страна получила учрежденія болѣе свободныя, чѣмъ какими управлялась

страна-завоевательница. Варшавская рѣчь 1818 г. болѣзненно отозвалась въ сердцахъ русскихъ патріотовъ. Ходили слухи, что и для Имперіи вырабатывается новое государственное устройство; проектъ этотъ былъ порученъ, будто бы, бывшему сотруднику Императора Новосильцеву.

Продолженіемъ дѣятельности въ прежнемъ направленіи могло казаться и освобожденіе остзейскихъ крестьянъ. Еще въ 1811 г. эстляндское дворянство предложило правительству освободить своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; тогда была образована особая комиссія для выработки положенія о крестьянахъ, выходившихъ на волю. Въ 1814 г. возобновлена была дѣятельность этой комиссіи, прерванная войною; слѣдствіемъ этой дѣятельности была выработка положенія объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ. Положеніе это было утверждено въ 1816 году. Вопросъ объ освобожденіи возбужденъ былъ также въ Курляндіи и Лифляндіи; выработанныя положенія объ освобожденіи этихъ крестьянъ утверждены въ 1817 и въ 1819 гг. Всѣ эти положенія построены были на одинаковыхъ началахъ. Остзейскіе крестьяне получили личную свободу, но эта свобода была стѣснена запрещеніемъ переселяться въ другія губерніи и приписываться къ городскимъ обществамъ. Прежде, когда дѣйствовалъ въ остзейскихъ губерніяхъ еще старый шведскій уставъ, крѣпостные остзейскіе крестьяне наслѣдственно пользовались своими участками, которыхъ у нихъ не могъ отнять землевладѣлецъ. Теперь этотъ порядокъ былъ измѣненъ. Извѣстная часть земли у каждаго помѣщика, по положенію, должна была обязательно находиться въ постоянномъ пользованіи крестьянъ; но каждый отдѣльный участокъ помѣщикъ отдавалъ крестьянину на извѣстный срокъ въ аренду, по добровольному соглаше-

нію съ нимъ, т. е. каждый помѣщикъ могъ согнать своего крестьянина съ участка, только съ обязательствомъ замѣнить согнаннаго другимъ. Помѣщичья земля была раздѣлена на двѣ половины: одной онъ могъ пользоваться самъ, другую отдавалъ обязательно въ аренду крестьянамъ; но выборъ и условія соглашенія представлялись договаривавшимся сторонамъ, изъ которыхъ перевѣсъ, разумѣется, принадлежалъ сильному. Значитъ, остзейскіе крестьяне освобождены были отъ личной зависимости, но безъ земли и въ поземельныхъ отношеніяхъ предоставлены были усмотрѣнію произвола землевладѣльцевъ. Для разбора тяжебъ между крестьянами и землевладѣльцами устроены были особые суды, но предсѣдателями въ нихъ были землевладѣльцы; точно также вотчинная полиція осталась въ рукахъ землевладѣльцевъ. Смыслъ остзейской эманципаціи былъ таковъ: землевладѣлецъ удерживалъ надъ крестьяниномъ на дѣлѣ всю прежнюю власть, но по закону освобождался отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ крестьянамъ; это былъ одинъ изъ художественныхъ актовъ остзейскаго дворянства. Положеніе остзейскихъ крестьянъ тотчасъ ухудшилось.

Понятно, что остзейская эманципація не могла быть желательнымъ образцомъ для разрѣшенія крѣпостного вопроса въ коренныхъ областяхъ Россіи. Благомыслящіе и знакомые съ положеніемъ дѣла люди думали, что лучше не возбуждать вопроса объ освобожденіи крестьянъ, чѣмъ разрѣшать его по-остзейски. Однако, вопросъ обсуждался въ правительственныхъ кругахъ. Правительству былъ представленъ цѣлый рядъ проектовъ; большая часть ихъ построена на мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; немногіе понимали необходимость освобожденія съ землей. Любопытно, какъ распредѣлялись государственные дѣльцы

на стороны, на партіи въ этомъ вопросѣ. Изъ всѣхъ проектовъ особенный интересъ представляютъ два: одинъ изъ нихъ принадлежитъ либеральному и талантливому дѣльцу—адмиралу Мордвинову, другой—не либеральному и не талантливому дѣльцу — графу Аракчееву, имя котораго тогда уже стало однимъ изъ ненавистныхъ именъ въ Россіи. Какъ же предполагали освобожденіе крестьянъ эти дѣльцы? Трудно напередъ угадать придуманные ими способы рѣшенія; по качеству своему они обратно пропорціональны умамъ и талантамъ обоихъ дѣльцовъ.

Адмиралъ Мордвиновъ находилъ справедливымъ и возможнымъ даже выкупъ личной свободы; объ освобожденіи съ земельнымъ надѣломъ у него нѣтъ и рѣчи; земля должна была вся остаться во владѣніи помѣщика; но крестьяне получали право выкупить личную свободу; для этого авторъ проекта составилъ таксу: сумма выкупа соотвѣтствуетъ возрасту выкупающагося, т. е. его рабочей способности. Напр., дѣти отъ 9—10 лѣтъ платятъ по 100 р.; чѣмъ старше возрастъ, тѣмъ выше плата: работникъ 30 — 40 лѣтъ платитъ 2,000 (на тогдашнемъ рынкѣ это равняется нашимъ 6 — 7 тысячамъ рублей), работникъ 40 — 50 лѣтъ платитъ меньше и т. п., по мѣрѣ рабочей силы. Понятно, какіе крестьяне по этому проекту вышли бы на волю: это — сельскіе кулаки, которые получили бы возможность накопить необходимый для выкупа капиталъ. Словомъ, трудно было придумать проектъ менѣе практическій и болѣе несправедливый, чѣмъ тотъ, какой развивается въ запискѣ Мордвинова.

Неизвѣстно, кто составилъ проектъ для Аракчеева, которому это было поручено Императоромъ; едва ли подписавшійся подъ нимъ былъ его авторомъ; этотъ проектъ отличался нѣкоторыми достоинствами. Арак-

чеевъ предполагалъ освобожденіе крестьянъ провести подъ руководствомъ правительства; оно покупаетъ постепенно крестьянъ съ землею у помѣщиковъ по соглашенію съ ними, по цѣнамъ данной мѣстности. Для этого оно назначаетъ капиталъ въ 5 милл. руб. ежегодно; капиталъ этотъ образуется или посредствомъ отчисленія извѣстной суммы изъ питейнаго дохода, или посредствомъ выпуска соотвѣтственнаго количества 5% облигацій государственнаго казначейства. Крестьяне выпускаются съ землею въ размѣрѣ двухъ десятинъ на душу. Въ проектѣ Аракчеева изложены были выгоды такой операціи для землевладѣльцевъ; о выгодѣ операціи для крестьянъ авторъ благоразумно умалчивалъ. Землевладѣльцы, очень пострадавшіе въ войну, посредствомъ такого освобожденія крестьянъ освобождались отъ долговъ, которые обременяли ихъ имѣнія, получали оборотный капиталъ, котораго у нихъ не было, и не лишались рабочихъ рукъ для той земли, какая оставалась за ними, потому что крестьяне, получивъ столь малый надѣлъ, принуждены были бы брать въ аренду помѣщичьи земли. Много недостатковъ можно указать въ этомъ проектѣ; можетъ быть, въ немъ было мало доброжелательства къ крестьянамъ, но проектъ нельзя назвать не практичнымъ; въ немъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ безсмыслицы; осуществленіе этого проекта не сопровождалось бы разгромомъ государства, къ которому привелъ бы непремѣнно проектъ Мордвинова. Все это показываетъ только, какъ мало государственные умы были подготовлены къ разрѣшенію этого вопроса, о которомъ, кажется, уже давно пора было подумать.

Самый лучшій проектъ принадлежалъ дѣльцу безъ цвѣта, котораго нельзя было назвать ни либераломъ, ни консерваторомъ; этотъ проектъ былъ составленъ по

волѣ Государя и въ основѣ своей противорѣчилъ взглядамъ послѣдняго; авторомъ его былъ Канкринъ, потомъ ставшій министромъ финансовъ. Проектъ былъ построенъ на постепенномъ выкупѣ крестьянской земли у помѣщиковъ въ достаточномъ размѣрѣ; вся операція расчитана была на 60 лѣтъ, такъ что къ 1880 году окончательно разверстывались отношенія между крестьянами и помѣщиками безъ долговъ, т. е. безъ новаго налога на крестьянъ для уплаты процентовъ по казенной выкупной суммѣ, заплаченной за крестьянъ землевладѣльцамъ.

Нѣкоторые государственные люди даже пугались самой мысли объ освобожденіи крестьянъ, которая представлялась имъ страшнымъ переворотомъ. Къ такимъ предусмотрительнымъ людямъ принадлежалъ извѣстный въ свое время государственный человѣкъ, считавшійся въ числѣ первыхъ политическихъ головъ, графъ Ростопчинъ. Своимъ обычнымъ лаконическимъ языкомъ онъ наглядно описывалъ опасности, которыя произойдутъ по освобожденіи крестьянъ: Россія испытаетъ всѣ бѣдствія, какія перенесла Франція во время революціи и, можетъ быть, худшія, — какія перенесла Россія при нашествіи Батыя.

Изъ всѣхъ этихъ проектовъ и толковъ, возбужденныхъ въ правительствѣ, не вышло ничего практическаго; вопросъ былъ оставленъ, какъ оставлены были и другія преобразовательныя предположенія. На это рѣшеніе оказали нѣкоторое вліяніе и внѣшнія событія, которыя преимущественно поглощали вниманіе Государя. Основатель политическаго Священнаго союза, т. е. религіозно-политическаго консерватизма въ международной политикѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе убѣждался, какъ шатки основанія, на которыхъ тогда держался европейскій политическій порядокъ; то тамъ,

то здѣсь прорывались вспышки, народы не хотѣли мирно сидѣть на мѣстахъ, на которыхъ ихъ усадилъ Вѣнскій конгрессъ. Въ 1818 г. германскіе студенты производятъ безпорядки и празднуютъ въ Вартбургѣ 300-лѣтній юбилей реформаціи. Они надѣлали много юношескихъ выходокъ, на что взглянули руководители германской политики чрезвычайно серіозно, т. е., говоря проще, трусливо; для германскихъ университетовъ выработаны были новыя правила, которыя подчиняли надзору не только поведеніе молодежи, но и преподавателей. Въ 1820 году произошла революція въ Испаніи, которая отозвалась движеніями на Апеннинскомъ полуостровѣ, въ Неаполѣ и Піемонтѣ. Въ 1827 г. возстали Греки противъ Турокъ. Зданіе Вѣнскаго конгресса разваливалось съ разныхъ сторонъ.

По мѣрѣ того, какъ усиливались на Западѣ волненія, возникали опасенія подобныхъ же волненій въ Россіи. Съ этого времени получаетъ серіозное значеніе полиція народнаго просвѣщенія; полиція умовъ становится серіознымъ вопросомъ; она выразилась въ цѣломъ рядѣ тревожныхъ мѣръ, принятыхъ для того, чтобы дать надлежащее направленіе литературѣ и народному образованію, т. е. школамъ. Какъ извѣстно, при Павлѣ учреждена была цензура преимущественно для книгъ, приходящихъ изъ-за границы; но она скоро прекратила свои дѣйствія, потому что запрещенъ былъ ввозъ книгъ, кромѣ написанныхъ на тунгузскомъ языкѣ. Въ царствованіе Александра изданъ былъ цензурный уставъ 1804 года, очень обдуманный и вообще доброжелательный къ успѣхамъ россійской словесности; только этотъ уставъ оказался неудовлетворительнымъ, потому что плохо сдерживалъ разгулъ мысли. Создана была новая организація надзора за печатью. Но этотъ надзоръ, по свойству своему, требовалъ опытныхъ и размышляю-

щихъ орудій; смотрѣть за порядкомъ бумагъ гораздо труднѣе, чѣмъ наблюдать за порядкомъ на улицѣ, а орудіями этого надзора были сдѣланы лица не лучше тѣхъ, которыя стояли на постахъ на улицахъ. Вмѣсто должнаго направленія въ литературѣ вышелъ рядъ смѣшныхъ или печальныхъ анекдотовъ, которые безпокоили или веселили самыхъ консервативныхъ людей. Шишковъ, министръ просвѣщенія въ концѣ царствованія Александра, представитель консерватизма, самъ разсказываетъ анекдотъ объ одномъ цензорѣ, котораго смутили такіе стихи въ подлежавшей его суду книгѣ; печальный поэтъ жаловался на свою судьбу, говоря: «Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мнѣ—и смерть и рокъ царитъ». Цензоръ нашелъ, что доброму христіанину неприлично жаловаться на рокъ, зачеркнулъ слово «рокъ» и отдалъ въ печать; вышло: «что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мнѣ и смерть царитъ». Шишковъ прибавляетъ, что цензура должна быть не только строга, но и умна. Одинъ писатель напечаталъ книгу, самое названіе которой, повидимому, освобождало цензора отъ обязанности читать ее; это—«Бесѣда о безсмертіи души при гробѣ младенца», книга добрая, назидательная. Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, нашелъ въ ней несогласіе съ христіанскимъ ученіемъ и поднялъ цѣлую бурю; авторъ былъ высланъ за границу, книга была отобрана изъ магазиновъ, а цензоръ, инспекторъ духовной академіи, архимандритъ Иннокентій, получилъ выговоръ, а потомъ отставку отъ должности. При Шишковѣ дѣло это возобновилось; было поручено нѣсколькимъ духовнымъ лицамъ вновь просмотрѣть книгу «Бесѣда о безсмертіи души», и священники, разсматривавшіе ее, нашли, что она не только согласна съ христіанскимъ ученіемъ, но даже обнаруживаетъ горячую ревность о вѣрѣ и Церкви.

Книга была напечатана вновь на казенный счетъ и пущена была въ обращеніе.

Новое направленіе еще тяжелѣе отозвалось на высшей школѣ, которая всегда платилась за грѣхи общества. Въ царствованіе Александра возникло три новыхъ университета: Казанскій, Харьковскій и Петербургскій, первоначально образованные въ видѣ институтовъ для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія. Среднихъ учебныхъ заведеній въ царствованіе Александра было много. Еще при Екатеринѣ II былъ составленъ проектъ среднихъ и низшихъ школъ, оставленный неосуществленнымъ; въ началѣ царствованія Александра этотъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе съ измѣненіями; возникъ рядъ гимназій и приходскихъ школъ. Для приготовленія учителей въ новыя учебныя заведенія и основанъ былъ въ Петербургѣ Главный Педагогическій институтъ, который въ 1819 г. преобразованъ былъ въ университетъ. Впервые теперь было обращено вниманіе на университетъ; но вниманіе это было направлено не на то, чему учили, а на то, какъ мыслили и чувствовали. Для того, чтобы дать должное направленіе школѣ, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія образовано было Главное Правленіе Училищъ, а при Главномъ Правленіи Училищъ—Учебный комитетъ, который долженъ былъ спеціально слѣдить за учебными руководствами, выходящими въ Россіи. Манифестомъ 24 октября 1817 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія даже соединено было съ вѣдомствомъ духовныхъ дѣлъ, т. е. съ вѣдомствомъ Св. Синода; министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ назначенъ былъ князь Голицынъ. Это соединеніе двухъ вѣдомствъ объяснялось въ манифестѣ такою цѣлью, чтобы «истинно-христіанское благочестіе всегда служило основаніемъ просвѣщенію умовъ». Для

Учебнаго комитета была составлена инструкція, въ которой указывалось, какое направленіе должно было получить народное образованіе. Послѣднее должно быть направлено къ тому, чтобы «посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ водворить постоянное и спасительное согласіе между вѣрою, вѣдѣніемъ и разумомъ», т. е. между религіознымъ сознаніемъ, между образованіемъ умственнымъ и между порядкомъ политическимъ. Эти добрыя начала, которыя составляютъ идеалъ всякаго образованія, практически были разработаны такъ, что «вѣра, вѣдѣніе и разумъ» почувствовали себя еще большими врагами, чѣмъ прежде.

Въ числѣ бойкихъ сотрудниковъ Сперанскаго во время его дѣятельности въ Государственномъ Совѣтѣ былъ нѣкій Магницкій, кончившій курсъ не безъ успѣха въ Московскомъ университетѣ, а потомъ служившій въ гвардейскомъ Преображенскомъ полку. Магницкій этотъ палъ вмѣстѣ со Сперанскимъ въ 1812 г., но потомъ раскаялся въ своихъ увлеченіяхъ и, занявъ должность симбирскаго губернатора, показалъ большую ревность въ противоположномъ, не либеральномъ направленіи. Эта ревность не по разуму послужила даже причиной потери губернаторскаго мѣста. Почуявъ перемѣну вѣтра, Магницкій поступилъ на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія и сталъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ. До министра дошли слухи о томъ, что преподаваніе въ Казанскомъ университетѣ идетъ по ложной дорогѣ; назначена была ревизія университета, и ревизоромъ посланъ Магницкій. Онъ налетѣлъ на университетъ, пошарилъ кое-что, пробылъ всего 6 дней въ Казани и, воротившись, доложилъ, что университетъ по всей справедливости и строгости законовъ подлежитъ уничтоженію, притомъ въ видѣ публичнаго его разрушенія. Императоръ положилъ на докладѣ резо-

люцію: «зачѣмъ разрушать, можно исправить». Исправлять университетъ былъ посланъ тотъ же Магницкій, назначенный попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Для него, при его участіи, составлена была инструкція ректору и директору Казанскаго университета (директоръ соотвѣтствовалъ нынѣшнему инспектору). Инструкція эта утверждена была въ 1820 г.; она направлена была къ тому, чтобы поставить преподаваніе и студентовъ на прямую дорогу. Главный порокъ, замѣченный Магницкимъ въ преподаваніи, это—«духъ вольнодумства и лжемудрія», грозящій разрушеніемъ общественному порядку. Магницкій съ инструкціей въ рукахъ возвратился въ Казань, чтобы поставить преподаваніе, какъ онъ говорилъ, «на началахъ Священнаго союза».

Инструкція для начальства Казанскаго университета, привезенная Магницкимъ, опредѣляла подробно направленіе преподаванія каждаго предмета и бытъ студентовъ; она получаетъ значеніе даже факта въ исторіи нашего просвѣщенія, потому что примѣнена была и къ другимъ университетамъ. Магницкій, разсматривая списки почетныхъ членовъ Казанскаго университета, съ ужасомъ встрѣтилъ имя аббата Грегуара, который, какъ извѣстно, былъ депутатомъ Конвента и подавалъ голосъ за смерть Людовика XVI. По недосмотру университетъ забылъ зачеркнуть это завалявшееся имя; Магницкій и выставилъ его ребромъ, какъ доказательство маратизма и робеспьеризма, овладѣвшаго Казанскимъ университетомъ. Инструкція указывала, какъ и по какимъ руководствамъ должны быть преподаваемы предметы университетскаго курса; напр., философія должна руководиться болѣе всего Посланіями апостола Павла; начала политическихъ наукъ должны быть извлекаемы изъ твореній Моисея, Давида и Соломона, и только въ случаѣ какого недостатка — изъ сочиненій

Аристотеля и Платона; преподаватель всеобщей исторіи долженъ былъ больше говорить о первоначальномъ обществѣ и долженъ былъ показать, какъ отъ одной пары все человѣчество развилось; преподаватель русской исторіи обязанъ былъ показать, что при Владимірѣ Мономахѣ русское государство упреждало всѣ прочія государства на пути просвѣщенія, и онъ долженъ былъ доказать это законодательствомъ Мономаха о народномъ просвѣщеніи, хотя инструкція не указывала, изъ какихъ источниковъ преподаватель долженъ былъ извлечь извѣстіе объ этомъ законодательствѣ. Въ такомъ духѣ направлено было преподаваніе всѣхъ предметовъ. Опредѣленъ былъ точно порядокъ жизни студентовъ, значительная часть которыхъ, по тогдашнему устройству высшихъ учебныхъ заведеній, жила въ самомъ университетѣ. Такъ какъ главная обязанность христіанина состоитъ въ повиновеніи властямъ, то начальство должно было, по инструкціи, являть примѣръ наистрожайшаго подчиненія. Директоръ, наблюдавшій за студентами, подбираетъ штатъ богобоязненныхъ помощниковъ; наводитъ у полиціи справки о домашней жизни студентовъ, жившихъ не въ университетѣ. Казеннокоштные студенты устроены были въ иноческую общину, въ которой должны были господствовать столь строгіе нравы, сравнительно съ которыми строго устроенные женскіе институты казались распущенными. Студенты распредѣлялись по разрядамъ не по курсамъ, а по степенямъ нравственнаго содержанія; каждый разрядъ жилъ въ особомъ этажѣ университетскаго зданія; обѣдали отдѣльно, чтобы порочные не могли заражать, и, вѣроятно, обратно; если студентъ провинится, то онъ долженъ вынести извѣстный курсъ нравственнаго исправленія. Онъ называется не виноватымъ, а грѣшнымъ; его сажали въ особую комнату, называемую «комнатой

уединенія» (въ позднѣйшемъ переводѣ эта комната называется карцеромъ); окна и дверь этой комнаты были заставлены желѣзной рѣшеткой; надъ ходомъ виднѣлась надпись изъ Священнаго Писанія; въ самой комнатѣ на одной стѣнѣ висѣло распятіе, на другой—картина Страшнаго суда, на которой наказываемый долженъ былъ отмѣтить будущее мѣсто свое среди грѣшниковъ. Студента вводили въ комнату въ лаптяхъ, въ крестьянскомъ армякѣ; онъ долженъ былъ находиться въ комнатѣ, пока исправится. Въ продолженіе его заключенія товарищи каждое утро передъ лекціями должны были молиться за него; заключеннаго каждый день посѣщалъ священникъ, который, по окончаніи курса испытанія, исповѣдывалъ и причащалъ его. Теченіе университетской жизни получило духовную, монашескую окраску; этой окраской отличались и нѣкоторыя лекціи. На торжественныхъ актахъ пѣлись духовные гимны, читались рѣчи все о нравственномъ совершенствѣ, о согласованіи образованія съ истинами вѣры; эти почтенныя слова помыкались на каждомъ шагу. Нѣкоторые преподаватели, входя въ духъ инструкціи, согласно съ нею перестраивали свои курсы, даже тѣ курсы, которые по содержанію своему имѣли мало отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности. Одинъ преподаватель даже задумалъ построить чистую математику на принципахъ нравственности и въ этомъ направленіи читалъ однажды рѣчь, доказывая, что математика вовсе не содѣйствуетъ развитію вольнодумства, подтверждая высочайшія истины вѣры, напр.: какъ безъ единицы не можетъ быть числа, такъ и міръ не можетъ быть безъ единаго Творца. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть не что иное, какъ символъ соединенія земного съ божественнымъ, горняго съ дольнимъ. Доносы само собою входятъ въ воспитательную программу, какъ дополнитель-

ное средство надзора. Профанація святыни сопровождалась развитіемъ лицемѣрія и легкомысленнѣйшаго отношенія къ предметамъ, которыми вообще дорожатъ всѣ. Подобное направленіе проводилось и въ другихъ университетахъ. Въ Петербургскомъ университетѣ, на первыхъ шагахъ его дѣятельности по преобразованіи его въ университетъ, это направленіе вызвало даже соблазнительнѣйшій процессъ 4 профессоровъ, который надѣлалъ много шуму въ свое время. Процессъ состоялъ въ томъ, что 4 профессора: философіи — Галичъ, всеобщей исторіи – Раупахъ и статистики —Германъ и Арсеньевъ заподозрѣны были въ неблагонамѣренномъ направленіи и подверглись суду, столь несправедливому и безпорядочному, что высшее правительство отмѣнило его рѣшеніе, а въ слѣдующее царствованіе прекращенъ былъ и самый процессъ; впрочемъ, всѣ четыре профессора были уволены, а это были благонамѣреннѣйшіе и консервативнѣйшіе преподаватели, отличавшіеся отъ другихъ только тѣмъ, что больше другихъ знали; ихъ благонамѣренность даже оцѣнилась преемникомъ Александра I—Императоромъ Николаемъ I, который одного изъ преподавателей, Арсеньева, назначилъ преподавателемъ Наслѣдника Престола.

Такъ хотѣли поставить русское печатное слово и русскую мысль. То же направленіе проводилось и въ другихъ сферахъ государственной жизни. Знаменемъ этого новаго направленія былъ извѣстный Аракчеевъ. Съ 1814 года онъ становится близко къ Государю, облекается его полнымъ довѣріемъ и дѣлается чѣмъ-то вродѣ перваго министра. Съ 1823 г. онъ является единственнымъ докладчикомъ при Государѣ по всѣмъ дѣламъ, даже по вѣдомству Св. Синода; начальники отдѣльныхъ частей управленія являлись съ докладомъ къ графу Аракчееву, который и представлялъ сообщенія ихъ Госу-

дарю. Чтобы не входить въ подробности, достаточно обозначить дѣятельность Аракчеева словами одного современника, который сказалъ, что Аракчеевъ хотѣлъ изъ Россіи построить казарму, да еще поставить фельдфебеля къ дверямъ. Слѣдствіемъ всего этого было тягостное настроеніе, которое все болѣе овладѣвало обществомъ. Настроеніе это живо намъ передаютъ люди того времени безъ различія образа мыслей. Можетъ быть, такое настроеніе не было новостью въ исторіи нашего общества, но никогда оно не сопровождалось такими послѣдствіями; оно повело къ печальной катастрофѣ 14 декабря 1825 года.

14 декабря 1825 года.

У насъ доселѣ господствуютъ не совсѣмъ ясныя, не совсѣмъ согласныя сужденія насчетъ событія 14 декабря; одни видятъ въ немъ политическую эпопею, другіе считаютъ его великимъ несчастіемъ. Для того, чтобы установить правильный взглядъ на это событіе, намъ надо разсмотрѣть процессъ, подготовившій общество къ нему; это возвратитъ насъ къ исторіи общества, т. е. къ исторіи чувствъ и мыслей, господствовавшихъ въ извѣстное время. Движеніе 14 декабря вышло изъ одного сословія, изъ того же, которое доселѣ дѣлало нашу исторію — изъ высшаго образованнаго дворянства. Но не весь этотъ классъ принималъ въ немъ прямое участіе; событіе это было дѣломъ части этого класса, въ которой господствовалъ извѣстный образъ мыслей, извѣстное настроеніе. Но эта часть представляла собственно извѣстный возрастъ, извѣстное поколѣніе; катастрофа 14 декабря сдѣлана была дворянской образованной молодежью. Это легко замѣтить,

просматривая графу о возрастѣ въ спискѣ лицъ, которыя судились по дѣлу 14 декабря. Всѣхъ лицъ къ отвѣтственности было привлечено 121; изъ нихъ только 12 имѣли болѣе 34 лѣтъ; значительное большинство остальныхъ не имѣло и 30 лѣтъ.

Мы знаемъ, какое настроеніе утвердилось въ высшемъ образованномъ дворянствѣ, благодаря умственнымъ вліяніямъ, какія проникали въ наше общество съ половины XVIII столѣтія. Сравнивъ послѣднія поколѣнія екатерининскаго времени съ тѣмъ поколѣніемъ, представители котораго подверглись карѣ за дѣло 14 декабря, мы встрѣчаемъ между ними сходство и различіе. Родство между ними было и нравственное, и генеалогическое; образъ мыслей, который усвоили себѣ отцы, раздѣляли и дѣти: люди 14 декабря, даже въ буквальномъ смыслѣ,—дѣти людей, принадлежавшихъ къ вольнодумцамъ при Екатеринѣ II. Но между ними есть одно существенное различіе. Вольнодумство воспитало въ вольтеріанцахъ XVIII в. холодный раціонализмъ, сухую мысль, вмѣстѣ съ тѣмъ отчужденную отъ окружающей жизни; холодныя идеи въ головѣ оставались безплодными, не обнаруживались въ стремленіяхъ, даже въ нравахъ вольнодумцевъ. Совсѣмъ иной чертой отличалось поколѣніе, изъ котораго вышли люди 14 декабря. Въ нихъ мы замѣчаемъ удивительное обиліе чувства, перевѣсъ его надъ мыслью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обиліе доброжелательныхъ стремленій, даже съ пожертвованіемъ личныхъ интересовъ. Отцы были просто вольнодумцами; дѣти были свободомыслящіе дѣльцы. Откуда произошла эта разница? Вопросъ этотъ имѣетъ нѣкоторый интересъ въ исторіи нашей общественной физіологіи.

По высшему обществу въ началѣ царствованія Александра I пробѣжала одна тѣнь, которую часто за-

бываютъ въ исторіи общества того времени. Мы знаемъ, что въ воспитаніи, которое получало высшее русское дворянство XVIII столѣтія, смѣнились два рода руководителей; то были гувернеры двухъ разныхъ привозовъ: первый—ни о чемъ не думавшій гувернеръ, парикмахеръ, второй—вольнодумецъ демократъ, республиканецъ и атеистъ. Въ концѣ XVIII в. начинается приливъ въ Россію французскихъ эмигрантовъ, которые должны были разстаться со своимъ революціоннымъ отечествомъ; то были все либо аббаты, либо представители французскаго дворянства: графы, маркизы, все роялисты и католики. Въ Россію они спасались отъ бѣдствій революціи, приносили, съ ожесточеніемъ противъ новыхъ политическихъ идей, чрезвычайное количество католическихъ чувствъ, которое всплыло въ нихъ послѣ философскаго раціонализма, какъ извѣстно, долго составлявшаго салонную забаву французскаго дворянства. Эти эмигранты, привѣтливо принятые Россіей, съ ужасомъ увидѣли успѣхъ религіознаго и политическаго раціонализма въ русскомъ образованномъ обществѣ. Тогда началась смѣна воспитателей русской дворянской молодежи. На мѣсто гувернера философскаго чекана, становится аббатъ-консерваторъ и католикъ; это былъ гувернеръ третьяго привоза. При Павлѣ, какъ извѣстно, Мальтійскій орденъ, территорія котораго была завоевана Англіей, выхлопоталъ себѣ покровительство русскаго Императора. Рядъ мальтійцевъ явился въ Петербургъ съ тѣми же католическими и вмѣстѣ аристократическими чувствами: это еще болѣе усилило вліяніе пришельцевъ. Въ XVIII в. подъ вліяніемъ либеральныхъ идей папа Климентъ XIV закрылъ іезуитскій орденъ, но іезуиты остались подъ разными предлогами и званіями и стали прокрадываться черезъ Польшу въ Россію. Много такихъ

іезуитовъ явилось въ Петербургъ подъ именемъ мальтійцевъ. Католическое, именно іезуитское, вліяніе и становится теперь на смѣну вольтерьянства. Въ числѣ родовитыхъ эмигрантовъ, пріѣхавшихъ въ Россію еще при Екатеринѣ II, былъ и графъ Шуазель-Буфье. Онъ пріѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ; воспитателемъ при его сынѣ состоялъ нѣкто аббатъ Николь. Шуазель выставлялъ этого домашняго учителя великосвѣтскимъ барынямъ, какъ превосходнаго педагога; барыни стали просить у графа позволенія ихъ сыновьямъ слушать Николя вмѣстѣ съ сыномъ графа. Постепенно учебная комната Шуазеля младшаго превратилась въ великосвѣтскую аудиторію, которая даже не могла вмѣстить всѣхъ своихъ слушателей. Николя заставили основать учебное заведеніе для высшаго дворянства; іезуиты пристроились къ этому дѣлу, разумѣется, подъ чужой вывѣской. Николь сталъ ихъ орудіемъ; онъ пріобрѣлъ домъ рядомъ съ великолѣпнымъ дворцомъ Юсупова, близъ Фонтанки, и въ этотъ пансіонъ повалила русская дворянская молодежь. Чтобы не пустить сюда разночинцевъ и мелкое дворянство, назначена была безбожная плата за воспитаніе—отъ 1½ до 2 тысячъ рублей въ годъ, что равнялось нынѣшнимъ 4—5 тыс. Списокъ пансіонеровъ блисталъ аристократическими именами; здѣсь видимъ: Орловыхъ, Меньшиковыхъ, Волконскихъ, Бенкендорфовъ, Голицыныхъ, Нарышкиныхъ, Гагариныхъ и т. д. Но и родители не оставались безъ вліянія новыхъ педагоговъ; католическая пропаганда растетъ съ поразительнымъ успѣхомъ. Началось дѣло съ одной печальной вдовы, княгини Голицыной, жены одного либеральнаго и безбожнаго вельможи екатерининскаго времени, который запретилъ даже произносить въ своемъ домѣ имя Бога; овдовѣвъ въ 70 лѣтъ, княгиня искала религіознаго утѣшенія;

религіознымъ утѣшеніемъ къ ней явился нѣкій кавалеръ Догардтъ изъ эмигрантовъ; это былъ очень ловкій іезуитъ. Утѣшеніе кончилось переходомъ княгини въ католицизмъ, и вслѣдъ за нею потянулись ея сестры, и Протасова, и княгиня Вяземская, и другія; цѣлая толпа великосвѣтскихъ барынь стала прозелитками католицизма. При Павлѣ на это смотрѣли сквозь пальцы, потому что іезуиты успѣли при дворѣ утвердить мысль, что существенной разницы между католицизмомъ и православіемъ не существуетъ, а что католицизмъ есть исповѣданіе, наиболѣе умѣющее воспитывать народъ въ консервативныхъ, монархическихъ стремленіяхъ и принципахъ. Случилось такъ, что въ одной болѣзни Императору помогъ нѣкто Груберъ; ему была предложена награда, отъ которой онъ отказался, объявивъ, что онъ пользуется своей медициной не для корысти, а для славы имени Бога. Этотъ Груберъ и былъ направителемъ цѣлаго ряда іезуитовъ, ставшихъ воспитателемъ великосвѣтской молодежи и руководителемъ пансіона Николя. Значительная часть людей, находящихся въ спискѣ осужденныхъ по дѣлу 14 декабря, вышли изъ этого пансіона или воспитаны были такими гувернерами. Это очень любопытная черта, которой мы не ожидали бы въ людяхъ 14 декабря. Кажется, католическое іезуитское вліяніе, встрѣтившись въ этихъ молодыхъ людяхъ съ вольтерьянскими преданіями отцовъ, смягчило въ нихъ и католическую нетерпимость и холодный философскій раціонализмъ; благодаря этому вліянію, сдѣлалось возможнымъ сліяніе обоихъ вліяній, а изъ этого сліянія вышло теплое патріотическое чувство, т. е. нѣчто такое, чего не ожидали воспитатели. Только при этомъ предположеніи становится возможнымъ прослѣдить нравственный ростъ того поколѣнія, представители котораго вышли на площадь 14 декабря.

По окончаніи наполеоновскихъ войнъ общество было возбуждено болѣе, чѣмъ въ началѣ царствованія, и ждало отъ правительства продолженія начатой имъ внутренней дѣятельности, а правительство было утомлено и не хотѣло его продолженія. Общество и правительство разошлись между собой больше, чѣмъ расходились когда-либо; вслѣдствіе этого, поднятое движеніе ушло внутрь общества и здѣсь получило революціонное направленіе. Эта перемѣна въ общественномъ движеніи объясняется новой чертой въ настроеніи образованнаго русскаго общества: вліяніе философской французской литературы XVIII столѣтія теперь стало смѣняться въ немъ католической и іезуитской пропагандой. Эта пропаганда, соединенная съ попытками іезуитовъ овладѣть воспитаніемъ русскаго великосвѣтскаго общества, привела къ результату, который не могъ входить въ цѣли пропагандистовъ,—къ пробужденію патріотическаго чувства. Можетъ показаться страннымъ такой результатъ, столь несоотвѣтствующій источнику, изъ котораго онъ выходилъ; но католическо-іезуитская пропаганда могла подготовить его прямо и косвенно. Прежде всего она должна была измѣнить, если можно такъ выразиться, температуру общественнаго настроенія; она въ образованныхъ кругахъ прекратила и ослабила прежнюю великосвѣтскую игру въ либеральныя идеи, замѣнивъ ее пробудившимся интересомъ къ вопросамъ вѣры и нравственности. Молодое поколѣніе, подроставшее въ то время, должно было выносить изъ дѣтства иныя впечатлѣнія, сравнительно со своими отцами; на мѣсто безцѣльно и безтолково вольнодумствующихъ отцовъ и матерей, теперь явились отцы и матери, искавшіе какого-то неопредѣленнаго, не то православнаго, не то католическаго Бога. Далѣе, подростая, это поколѣніе, вслѣдствіе успѣховъ іезуитской пропаганды,

должно было спросить себя,—долго ли русскій умъ будетъ жертвой чуждыхъ вліяній? Значитъ, успѣхъ іезуитской пропаганды долженъ былъ пробуждать смутную потребность попробовать, наконецъ, жить своимъ умомъ. Многіе молодые люди большого свѣта получили воспитаніе подъ руководствомъ іезуитовъ, смѣнившихъ прежнихъ гувернеровъ-вольнодумцевъ. Я думаю, и эта перемѣна учителей могла быть полезной такъ же, какъ перемѣна идеаловъ; іезуитъ, какъ извѣстно,—хорошій учитель во всемъ, что не касается религіозной пропаганды; онъ умѣетъ отлично вызывать и эксплоатировать умственную силу ученика, тогда какъ прежній французъ-гувернеръ только напитывалъ своего питомца высокими и ненужными идеями, не возбуждая работы мысли. Я думаю, что люди, выходившіе изъ пансіона Николя, могли быть исковерканные характеры, но болѣе привычные къ мысли, сравнительно со своими отцами, питомцами Бодри или Лагарповъ. Наконецъ, новые педагоги не только поддержали, но и усилили въ питомцахъ интересъ къ политическимъ вопросамъ, возставая противъ демократическихъ понятій, какія распространяли педагоги стараго, дореволюціоннаго привоза. Несомнѣнно, при ихъ участіи въ молодомъ поколѣніи праздныя эстетическія влеченія и отвлеченныя идеи отцовъ стали смѣняться нравственными побужденіями и практическими идеалами съ политическою окраской, обростать живою плотью.

Такимъ образомъ, поколѣніе, которое вступило въ дѣятельность къ концу царствованія Александра I, я думаю, воспитывалось при иномъ настроеніи общества и воспитывалось лучше своихъ отцовъ; правда, и ему воспитаніе давало очень мало знакомства съ дѣйствительностью; просматривая въ спискѣ привлеченныхъ къ отвѣтственности по дѣлу 14 декабря графу о воспита-

ніи каждаго, мы видимъ, что большинство декабристовъ учились въ кадетскихъ корпусахъ: сухопутныхъ, морскихъ, пажескихъ, а кадетскіе корпуса были тогда разсадниками общаго либеральнаго образованія и всего менѣе были похожи на техническія и военно-учебныя заведенія; нѣкоторые воспитывались за границей, въ Лейпцигѣ, въ Парижѣ; другіе—въ многочисленныхъ русскихъ пансіонахъ, содержимыхъ иностранцами, и въ пансіонѣ Николя; изъ послѣдняго вышли, напр., декабристъ князь Голицынъ и Давыдовы. Очень многіе изъ 121 обвиненныхъ учились дома, но тоже подъ руководствомъ иностранцевъ. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ выдающихся членовъ тайнаго общества съ помѣткой ихъ лѣтъ и замѣчаніемъ объ ихъ воспитаніи. Одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ общества—князь *Сергѣй Трубецкой*, полковникъ гвардейскаго Преображенскаго полка въ 1825 г., послѣ ареста—34 лѣтъ, учился дома, учителями были иностранцы. Князь *Евгеній Оболенскій*, поручикъ гвардейскаго Финляндскаго полка, 28 лѣтъ, учился дома подъ руководствомъ гувернеровъ французовъ, которыхъ у него смѣнилось отъ 16 до 18 человѣкъ. Братья *Муравьевы-Апостолы*, дѣти нашего б. испанскаго посланника, оба учились въ Парижѣ въ пансіонѣ Гикса. *Пановъ*, поручикъ Преображенскаго полка, 22 л., учился дома, учителями были иностранцы; докончилъ образованіе въ петербургскомъ пансіонѣ Жакино, и т. д., все въ этомъ родѣ.

Но это воспитаніе, такъ мало приближавшее воспитанниковъ къ окружающей дѣйствительности, встрѣтилось съ сильно пробужденнымъ національнымъ движеніемъ, какое продолжалось и послѣ 1815 г. Страна не даромъ испытала нашествіе французовъ; многія иллюзіи, внушенныя французскимъ гувернеромъ или французской литературой, должны были разсѣяться. Эти

усилія сбросить съ себя иго французской мысли и книжки выразились, напр., въ стихотвореніи тогда еще молодого Аксакова, автора «Семейной хроники»; стихотвореніе это писано въ 1814 г. Поэтъ разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, что французское нашествіе совсѣмъ освободитъ насъ отъ французскаго рабства, что «испытанныя бѣдствія навѣки поселятъ къ французамъ отвращеніе», что мы «подражанія смѣлаго устыдимся и къ обычаю, языку родному обратимся». Авторъ сѣтуетъ, что «рукой—побѣдя, но въ рабствѣ мы умами, клянемъ французовъ мы французскими словами». Этотъ порывъ къ изученію родной дѣйствительности сказывается тогда наверху, какъ и внизу общества. Притомъ надобно припомнить историческое впечатлѣніе, подъ дѣйствіе котораго попало молодое поколѣніе, вступивъ въ дѣйствительную жизнь. Многіе изъ этихъ людей помнили еще ту восторженную тревогу, какая овладѣла образованною молодежью при первыхъ шагахъ новаго царствованія; потомъ этимъ людямъ пришлось пережить много испытаній; почти все это были военные, преимущественно гвардейцы. Они сдѣлали походъ 1812—1815 гг.; многіе изъ нихъ вернулись ранеными. Защищая отечество на австрійскихъ, прусскихъ и, наконецъ, родныхъ поляхъ, они должны были съ оружіемъ въ рукахъ стать противъ той самой Франціи, которая для отцовъ многихъ изъ нихъ была «отечествомъ сердца и воображенія». Эта борьба приподняла ихъ духъ. Они прошли Европу, отъ Москвы и почти до западной ея окраины, участвовали въ шумныхъ и великихъ событіяхъ, которыя рѣшали судьбу западноевропейскихъ народовъ, чувствовали себя освободителями европейскихъ національностей отъ чужеземнаго ига; все это приподнимало ихъ, возбуждало мысль. При этомъ заграничный походъ далъ имъ обильный мате-

ріалъ для наблюденій. Съ возбужденною мыслью, съ сознаніемъ только что испытанныхъ силъ, они увидѣли за границей иные порядки; никогда такая масса молодого поколѣнія не имѣла возможности непосредственно наблюдать иноземные политическіе порядки; но все, что они увидѣли и наблюдали, имѣло для нихъ значеніе не само по себѣ, какъ для ихъ отцовъ, а только по отношенію къ Россіи. Все, что они видѣли, и все, что они вычитывали изъ иноземныхъ книгъ, они прилагали къ своему отечеству, сравнивали его порядки и преданія съ заграничными. Такимъ образомъ, даже непосредственное знакомство съ чужимъ міромъ только поддерживало интересъ къ родному. Воротившись изъ похода домой, они почувствовали, что ушли отъ своихъ стариковъ «на сто лѣтъ впередъ».

Измѣнившаяся ли семейная среда, изъ которой они выходили, или свойство пережитыхъ впечатлѣній сообщили имъ особый характеръ, я бы сказалъ, особый отпечатокъ. Большею частью то были добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству; они были проникнуты самыми чистыми побужденіями и глубоко возмущались при встрѣчѣ съ каждой, даже съ самой привычной, несправедливостью, на которую равнодушно смотрѣли ихъ отцы. Очень многіе изъ нихъ оставили послѣ себя автобіографическія записки; нѣкоторые даже вышли недурными писателями. На всѣхъ произведеніяхъ лежитъ особый отпечатокъ, особый колоритъ, такъ что, вчитавшись въ нихъ, даже безъ особыхъ автобіографическихъ справокъ, можно угадать, что данное произведеніе писано декабристомъ. Я не знаю, какъ назвать этотъ колоритъ. Это соединеніе мягкой и ровной, совсѣмъ не рѣжущей, мысли съ задушевнымъ и опрятнымъ чувствомъ, которое чуть окрашено грустью; у нихъ всего меньше соли и желчи

ожесточенія; такъ пишутъ хорошо воспитанные молодые люди, въ которыхъ жизнь еще не опустошила юношескихъ надеждъ, въ которыхъ первый пылъ сердца зажгли не думы о личномъ счастьѣ, а стремленіе къ общему благу. Впрочемъ, мнѣ едва ли нужно много говорить объ этомъ тонѣ; мы его очень хорошо знаемъ по самому серіозному политическому произведенію русской литературы XIX в. Этотъ типъ, какъ живой, стоитъ передъ нами въ неугомонной и говорливой, вѣчно негодующей и непобѣдимо бодрой и при этомъ неустанно мыслящей фигурѣ—Чацкаго; декабристъ послужилъ оригиналомъ, съ котораго списанъ Чацкій.

При такомъ личномъ настроеніи, которое явилось результатомъ лучшаго воспитанія и обстоятельствъ характера чисто политическаго, интересъ къ окружающей дѣйствительности у людей первой четверти XIX ст. долженъ былъ получить особое напряженіе и вести къ особымъ впечатлѣніямъ, какихъ не переживали ихъ отцы. Эти люди все же мало знали окружающее, какъ и ихъ отцы, но у нихъ сложилось иное отношеніе къ дѣйствительности; отцы игнорировали ее, т. е. и знать ея не хотѣли; дѣти продолжали не знать ея, но перестали игнорировать. Военныя событія, тягости похода, заграничныя наблюденія, интересъ къ родной дѣйствительности—все это должно было чрезвычайно возбуждать мысль; эстетическія наблюденія отцовъ должны были превратиться въ болѣе опредѣленное и практическое стремленіе быть полезными родинѣ. Легко понять, въ какомъ видѣ должна была представиться имъ окружающая дѣйствительность, какъ только эти люди стали вникать въ нее. Она должна была представить имъ самую мрачную картину: рабство, неуваженіе къ правамъ личности, презрѣніе общественныхъ интере-

совъ,—все это должно было удручающимъ образомъ подѣйствовать на молодыхъ наблюдателей, производить въ нихъ уныніе; но они были слишкомъ возбуждены, чтобы уныніе могло ихъ заставить складывать руки. Мысль «о злѣ существующаго порядка и о возможности его измѣненія» стала исходною точкой всѣхъ ихъ думъ и размышленій. Одинъ изъ немногихъ не военныхъ участниковъ движенія 14 декабря, Кюхельбекеръ, на допросѣ верховной слѣдственной комиссіей, откровенно признавался, что главной причиной, заставившей его принять участіе въ тайномъ обществѣ, была скорбь его объ обнаружившейся въ народѣ порчѣ нравовъ, какъ слѣдствіи угнетенія. «Взирая, говоритъ онъ, на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ русскій народъ, единственный въ свѣтѣ по славѣ и могуществу, по сильному и мощному языку, которому нѣтъ подобнаго въ Европѣ, по радушію, мягкосердечію, я скорбѣлъ душой, что все это задавлено, вянетъ и, быть можетъ, скоро падетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ». Вотъ какая важная перемѣна совершилась въ томъ поколѣніи, которое смѣнило екатерининскихъ вольнодумцевъ; веселая космополитическая сентиментальность отцовъ превратилась теперь въ дѣтяхъ въ патріотическую скорбь. Отцы были русскими, которымъ страстно хотѣлось стать французами; сыновья были по воспитанію французы, которымъ страстно хотѣлось стать русскими. Вотъ и вся разница между отцами и дѣтьми. Настроеніемъ того поколѣнія, которое сдѣлало 14 декабря, и объясняется весь ходъ дѣла.

Исторію тайнаго общества и возбужденнаго имъ мятежа можно передать въ немногихъ словахъ. Масонскія ложи, терпимыя правительствомъ, давно пріучили русское дворянство къ такой формѣ общежитія. При Александрѣ I тайныя общества составлялись такъ

же легко, какъ теперь акціонерныя компаніи, и даже революціоннаго въ нихъ было не больше, какъ въ послѣднихъ. Члены тайнаго общества собирались на секретныя засѣданія, но сами были всѣмъ извѣстны и прежде всего полиціи. Само правительство предполагало возможнымъ не только для гражданина, но и для чиновника принадлежать къ тайному обществу и не видѣло въ этомъ ничего преступнаго. Только указомъ 1822 года отъ чиновниковъ велѣно было отобрать показанія, не принадлежатъ ли они къ тайному обществу, и взять подписку, что впредь они ни къ какому обществу принадлежать не будутъ. Молодые люди, офицеры, во время похода, на бивуакахъ, на поляхъ Прейсишъ-Эйлау, Бородино, Лейпцига, подъ стѣнами Парижа, привыкли заводить рѣчь о положеніи отечества, за которое они льютъ свою кровь; это было обычнымъ содержаніемъ офицерскихъ бесѣдъ вокругъ походнаго костра. Воротившись домой, они продолжали составлять кружки, похожіе на мелкіе клубы. Основаніемъ этихъ кружковъ обыкновенно былъ общій столъ; собираясь за общимъ столомъ, они обыкновенно читали по окончаніи обѣда. Иностранный журналъ, иностранная газета были потребностями для образованнаго гвардейскаго офицера, привыкшаго зорко слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось за границей. Чтеніе прерывалось обыкновенно разсужденіями о томъ, что дѣлать, какъ служить. Никогда въ исторіи нашей арміи не встрѣчались и не извѣстно, встрѣтятся ли когда-нибудь такія явленія, какія тогда были обычны въ арміяхъ и гвардейскихъ казармахъ. Собравшись вмѣстѣ, обыкновенно заговаривали о язвахъ Россіи, о закоснѣлости народа, о тягостномъ положеніи русскаго солдата, о равнодушіи общества и т. д. Разговорившись, офицеры вдругъ рѣшатъ не употреблять съ солдатами тѣлеснаго нака-

занія, даже браннаго слова; и безъ указа, помимо начальства, въ полку вдругъ исчезнутъ тѣлесныя наказанія. Такъ было въ гвардейскихъ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ. По окончаніи похода солдаты здѣсь не подвергались побоямъ; офицеръ остался бы на службѣ не болѣе часа, если бы позволилъ себѣ кулакъ или даже грубое слово по отношенію къ солдату. Образованный, т. е. гвардейскій, офицеръ исчезъ изъ петербургскаго общества; въ театрахъ нельзя было встрѣтить семеновца; онъ сидѣлъ въ казармѣ, училъ солдатъ грамотѣ. Семеновскіе офицеры уговорились не курить, потому что шефъ ихъ, Государь, не куритъ. Никогда не существовало среди офицерскихъ корпорацій такихъ строгихъ нравовъ. Офицеры привыкли собираться и разговаривать; эти кружки незамѣтно превратились въ тайныя общества.

Въ 1816 г. въ Петербургѣ образовалось тайное общество изъ нѣсколькихъ офицеровъ, преимущественно изъ гвардейскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ руководствомъ Никиты Муравьева, сына извѣстнаго намъ учителя Александра, и князя Сергѣя Трубецкого. Общество названо было «*Союзъ спасенія*» или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества»; оно поставило себѣ довольно неопредѣленную цѣль—«содѣйствовать въ благихъ начинаніяхъ правительству въ искорененіи всякаго зла въ управленіи и въ обществѣ». Это общество, расширяясь, выработало въ 1818 г. уставъ, образцомъ котораго послужилъ статутъ извѣстнаго патріотическаго нѣмецкаго общества Тугендбунда, который подготовилъ національное возстаніе противъ Французовъ. Общество тогда приняло другое имя—«*Союзъ благоденствія*»; задача его опредѣлена была нѣсколько точнѣе. Поставивъ себѣ ту же цѣль—«содѣйствовать благимъ начинаніямъ правительства»,—оно вмѣстѣ съ

тѣмъ рѣшило добиваться конституціоннаго порядка, какъ удобнѣйшей для этой цѣли формы правленія. Оно однако же не считало себя революціоннымъ; въ обществѣ долго обдумывалась мысль обратиться съ просьбой о разрѣшеніи къ самому Государю, въ увѣренности, что онъ будетъ сочувствовать ихъ цѣлямъ. Расширяясь въ составѣ, общество разнообразилось въ мнѣніяхъ; появились въ немъ бѣшеныя головы, которыя предлагали безумные насильственные проекты, но надъ этими проектами или улыбались, или отступали въ ужасѣ. Это разнообразіе мнѣній повело въ 1821 г. къ распаденію Союза благоденствія.

Когда распался Союзъ благоденствія, тогда изъ развалинъ его возникли два новые союза, Сѣверный и Южный. *Сѣверный союзъ* въ первое время имѣлъ руководителемъ Никиту Муравьева, офицера генеральнаго штаба, и извѣстнаго статскаго совѣтника Николая Тургенева. Онъ былъ въ то время извѣстенъ, какъ авторъ превосходной книжки теоріи налоговъ; онъ много занимался политико-экономическими вопросами; его задушевной мечтой было работать надъ освобожденіемъ крестьянъ. Въ 1823 году въ Сѣверное общество вступилъ Кондратій Рылѣевъ, отставной артиллеристъ, служившій по выборамъ петербургскаго дворянства и вмѣстѣ управлявшій дѣлами Сѣверо-американской торговой компаніи. Онъ сталъ вождемъ Сѣвернаго общества, гдѣ господствовали конституціонно-монархическія стремленія. Гораздо рѣшительнѣе было *Южное общество;* оно составилось изъ офицеровъ второй арміи, расположенной въ Кіевской и Подольской губерніяхъ. Главная квартира этой арміи находилась въ Тульчинѣ (Подольской губерніи). Вождемъ Южнаго общества сталъ командиръ пѣхотнаго Вятскаго полка, Пестель, сынъ бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора, чело-

вѣкъ образованный, умный и съ очень рѣшительнымъ характеромъ; благодаря этому вождю, въ Южномъ обществѣ получили преобладаніе республиканскія стремленія. Впрочемъ, Пестель не создавалъ опредѣленной формы правленія въ увѣренности, что ее выработаетъ общее земское собраніе; онъ надѣялся быть членомъ этого собранія и готовилъ себѣ программу, обдумывая предметы, о которыхъ будутъ говорить на соборѣ.

Довольно трудно сказать, вышли ли бы общества, Сѣверное и Южное, на улицу подъ революціоннымъ знаменемъ, если бы не одна несчастная случайность. Императоръ Александръ I былъ бездѣтенъ; престолъ послѣ него по закону 5-го апрѣля 1797 г. долженъ былъ перейти къ слѣдующему брату, Константину, а Константинъ былъ также несчастенъ въ семейной жизни, развелся съ первой женой и женился на полькѣ. Такъ какъ дѣти отъ этого брака не могли имѣть права на престолъ, то Константинъ сталъ равнодушенъ къ этому праву и въ 1822 г. въ письмѣ къ старшему брату отказался отъ престола. Старшій братъ принялъ отказъ и манифестомъ 1823 г. назначилъ Наслѣдникомъ престола слѣдующаго за Константиномъ брата—Николая. Все это было довольно просто, потому что было необходимо. Но странно, что этотъ манифестъ не былъ обнародованъ и даже не доведенъ до свѣдѣнія самого новаго Наслѣдника. Въ трехъ экземплярахъ этотъ манифестъ за печатью былъ положенъ: въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ, въ Петербургѣ—въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ, съ собственноручной надписью Государя: «вскрыть послѣ моей смерти». Такимъ образомъ, Николай I, говорятъ, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній объ ожидавшей его судьбѣ. Кромѣ Государя и Константина, знали объ этомъ только Императрица-вдова, Императрица-мать, да князь А. Н. Голицынъ, да еще Фила-

ретъ, митрополитъ Московскій, который редактировалъ текстъ манифеста. Ничѣмъ разумнымъ нельзя объяснить таинственность, въ какую облечено было распоряженіе о престолонаслѣдіи. Надо прибавить къ тому, что дѣйствовавшее тогда общество никогда не было тайной для Александра. Разсказы о доносчикахъ, которые будто бы выдали секретъ, ничего не значатъ. Александръ все зналъ: главныхъ членовъ обоихъ союзовъ, ихъ цѣли, читалъ даже нѣкоторые ихъ проекты. Когда Н. Тургеневъ былъ вождемъ Сѣвернаго общества, разъ ему передано было отъ имени Императора увѣщаніе бросить заблужденіе; увѣщаніе было передано не какъ приказаніе, а какъ «совѣтъ одного христіанина другому». Повинуясь этому доброму совѣту и равнодушный къ формамъ правленія, къ политической программѣ тайнаго общества, занятый только мыслью объ освобожденіи крестьянъ,—Тургеневъ покинулъ Россію и вышелъ изъ общества. Тогда Рылѣевъ сталъ вождемъ Сѣвернаго союза.

Въ 1825 году Императоръ Александръ I поѣхалъ на югъ Россіи провожать больную Императрицу и 19 ноября умеръ въ Таганрогѣ отъ тифозной горячки. Благодаря таинственности, которой облеченъ былъ вопросъ о престолонаслѣдіи, смерть эта сопровождалась важнымъ замѣшательствомъ: великій князь Николай принесъ присягу Константину, а въ Варшавѣ старшій братъ, Константинъ, принесъ присягу младшему, Николаю. Начались сношенія, при тогдашнихъ дорогахъ занявшія много времени. Этимъ временемъ междуцарствія и воспользовалось Сѣверное тайное общество. Сами участники говорили, что никогда не было бы 14 декабря, если бы генералъ-губернаторъ Петербурга принялъ предупредительныя мѣры, или манифестъ о престолонаслѣдіи былъ заявленъ заранѣе. Генералъ-

губернаторъ графъ Милорадовичъ старался увѣрить себя, что частныя собранія Сѣвернаго союза имѣли только литературную цѣль; онъ хорошо зналъ цѣль этого общества.

Николай Павловичъ согласился принять престолъ, и 14 декабря была назначена присяга войскъ и общества. Члены Сѣвернаго общества распространяли въ нѣкоторыхъ казармахъ, гдѣ популярно было имя Константина, слухъ, что Константинъ вовсе не хочетъ отказаться отъ престола, что приготовляется насильственный захватъ власти, и даже, что великій князь арестованъ. Этими слухами и увлечены были нѣкоторые гвардейскіе солдаты; значительная часть Московскаго гвардейскаго полка 14 декабря отказалась дать присягу. Съ распущенными знаменами, въ однихъ сюртукахъ, солдаты бросились на Сенатскую площадь и построились здѣсь въ карре; къ нимъ присоединилась часть гвардейскаго гренадерскаго полка и весь гвардейскій морской экипажъ; всего собралось на Сенатской площади тысячи двѣ. Члены тайнаго общества наканунѣ рѣшили дѣйствовать, по настоянію Рылѣева, который, впрочемъ, былъ увѣренъ въ неуспѣхѣ дѣла, но только твердилъ: «все-таки надо начать, что-нибудь выйдетъ». Диктаторомъ назначенъ былъ князь С. Трубецкой; но онъ не явился на площадь, и напрасно его искали; всѣмъ распоряжался бывшій въ отставкѣ и носившій простой сюртукъ Пущинъ, частью Рылѣевъ. Впрочемъ, карре мятежниковъ стояло въ бездѣйствіи въ продолженіе значительной части декабрьскаго дня. Императоръ Николай I, собиравшій около себя полки, оставшіеся ему вѣрными и расположенные у Зимняго дворца, также оставался въ бездѣйствіи въ продолженіе значительной части дня. Одна рота, приставшая къ мятежникамъ, стремясь на Сенатскую площадь, за-

бѣжала на внутренній дворъ Зимняго дворца, но встрѣтилась съ солдатами, которые остались вѣрными Николаю; тогда они кинулись на площадь; Николай спросилъ, куда они? «Туда», сказали солдаты, и Николай указалъ имъ дорогу, какъ пробраться къ мятежникамъ. У одного мятежника была мысль о томъ, что онъ можетъ рѣшить дѣло насильственно; положивъ въ оба кармана по заряженному пистолету, онъ помѣстился на Адмиралтейскомъ бульварѣ; мимо него нѣсколько разъ прошелъ Николай, нѣсколько разъ обращался за справкой; офицеръ хорошо зналъ, что въ обоихъ карманахъ лежитъ по пистолету, но у него не хватило духу на насиліе. Такъ обѣ стороны спорили великодушіемъ. Наконецъ, Николая уговорили въ необходимости кончить дѣло до наступленія ночи: въ противномъ случаѣ, другая декабрьская ночь дастъ мятежникамъ возможность дѣйствовать. Пріѣхавшій только что изъ Варшавы графъ Толь и подступилъ къ Николаю: «Государь, прикажите площадь очистить картечью или откажитесь отъ престола». Дали холостой залпъ, онъ не подѣйствовалъ; выстрѣлили картечью,— карре разсѣялось; второй залпъ увеличилъ число труповъ. Этимъ окончилось движеніе 14 декабря. Вожди были арестованы; на югѣ Муравьевъ-Апостолъ увлекъ за собою кучку солдатъ, но былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Верховная слѣдственная комиссія разслѣдовала дѣло, а чрезвычайный судъ произнесъ приговоръ, который былъ смягченъ новымъ Государемъ. По этому приговору 5 участниковъ дѣла были наказаны смертью черезъ повѣшеніе, а остальные сосланы были въ Сибирь. Всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію было 121 человѣкъ. Повѣшены были вожди обоихъ союзовъ: Пестель, Рылѣевъ, Коховскій (у котораго хватило духу застрѣлить Милорадовича, когда тотъ, послѣ неудачной попытки

уговорить мятежниковъ, возвращался къ Николаю), Бестужевъ-Рюминъ (одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ распорядителей на площади 14 декабря) и С. Муравьевъ-Апостолъ, взятый на югѣ, въ Кіевской губерніи, съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ кончилось это движеніе, которое, какъ мы видѣли, стало возможнымъ только благодаря стеченію неожиданныхъ обстоятельствъ *).

Событію 14 декабря придавалось значеніе, какого оно не имѣло; приписывались ему послѣдствія, которыя не изъ него вытекали. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить его, не слѣдуетъ прежде всего забывать его наружность. По наружности это—одинъ изъ дворцовыхъ гвардейскихъ переворотовъ, какіе происходили по смерти Петра въ продолженіе XVIII в. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе вышло изъ гвардейскихъ казармъ, руководили имъ почти одни гвардейскіе офицеры, представители коренного, столбового русскаго дворянства. Движеніе было поднято по вопросу о престолонаслѣдіи, какъ поднимались всѣ движенія XVIII в., и на знамени движенія было написано личное имя. Въ движеніи 14 декабря столько сходства съ гвардейскими переворотами XVIII в., что современники, наблюдавшіе это событіе, не могли не вспомнить о гвардейскихъ переворотахъ. Въ любопытнѣйшей запискѣ пріѣхавшаго около того времени въ Петербургъ родственника Императрицы-матери принца Евгенія Вюртембергскаго мы находимъ слѣдующій ха-

*) Я изложилъ событіе 14 декабря кратко, имѣя въ виду книгу, къ которой можно обратиться для болѣе близкаго знакомства съ событіемъ: это—«Восшествіе Императора Николая I на престолъ», барона Корфа (сочиненіе, изданное по Высочайшему повелѣнію); книга очень вѣрно воспроизводитъ событія, только не всѣ; подробнѣе изложена замѣтка о престолонаслѣдіи; мимоходомъ описывается исторія тайнаго общества, какъ и условія, его подготовившія. Книга эта была составлена по желанію Императора Александра II, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, и долго хранилась въ рукописи, потомъ была нѣсколько разъ напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не выходила изъ стѣнъ дворца; она была обнародована только по вступленіи на престолъ Александра II.

рактерный разсказъ. Когда получена была въ Петербургѣ вѣсть о кончинѣ Государя, незадолго до 14 декабря, принцъ Евгеній встрѣтилъ во дворцѣ петербургскаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича, который, разговорившись о положеніи дѣлъ, выразилъ принцу сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла, т. е. въ успѣхѣ присяги великому князю Николаю, такъ какъ гвардія, по словамъ Милорадовича, очень привязана къ Константину. «О какомъ успѣхѣ говорите вы, графъ?» сказалъ Евгеній, «я жду естественнаго перехода престола къ великому князю Николаю, въ случаѣ, если Константинъ будетъ настаивать на отреченіи; при чемъ тутъ гвардія?» «Я съ вами согласенъ», отвѣчалъ Милорадовичъ, «гвардіи, понятно, не слѣдовало бы мѣшаться въ это, но она уже испоконъ вѣка привыкла къ этому и сроднилась съ такимъ понятіемъ». Итакъ, люди 14 декабря сдѣлали дѣло, какъ не разъ дѣлали его въ продолженіе XVIII в. Теперь въ послѣдній разъ русская дворянская гвардія хотѣла распорядиться престоломъ, а потомъ гвардія перестала быть дворянской.

Несмотря на все сходство движенія 14 декабря съ дворцовыми переворотами XVIII в., оно вмѣстѣ съ тѣмъ существенно и отличается отъ послѣднихъ. Отличіе это заключается не только въ характерѣ вождей движенія, но и въ цѣли. Знамя, на которомъ было написано личное имя Константина, выкинуто было только для солдатъ, которыхъ увѣряли, что они возстаютъ за угнетенныхъ—великаго князя Константина и за его супругу «Конституцію» (великій князь былъ женатъ на полькѣ, а польки, де, иногда носятъ очень странныя имена). Вожди движенія были одинаково равнодушны къ обоимъ именамъ: они дѣйствовали не во имя лица, а во имя порядка. Ни одно гвардейское движеніе XVIII в. не имѣло цѣлью новаго государственнаго по-

рядка. Впрочемъ, это было только стремленіе къ новому порядку; самый порядокъ не былъ выработанъ вождями движенія. Выходя на улицу, они не несли за собою опредѣленнаго плана государственнаго устройства; они просто хотѣли воспользоваться замѣшательствомъ при дворѣ для того, чтобы вызвать общество къ дѣятельности. Но планъ таковъ: въ случаѣ удачи, обратиться къ Государственному Совѣту и Сенату съ предложеніемъ образовать временное правительство изъ 5 членовъ; были даже намѣчены эти члены; между ними, рядомъ съ Пестелемъ, самой дѣльной головой въ тайномъ обществѣ, долженъ былъ сѣсть и знакомый намъ М. М. Сперанскій. Временное правительство должно было руководить дѣлами до собранія Государственной Земской думы, той самой Государственной Думы, планъ которой проектировалъ Александръ со Сперанскимъ въ преобразовательномъ проектѣ. Земская Дума, какъ учредительное собраніе, и должна была выработать новое государственное устройство. Такимъ образомъ, вожди движенія поставили себѣ цѣлью новый порядокъ, предоставивъ выработку этого порядка представителямъ земли; значитъ, движеніе было вызвано не опредѣленнымъ планомъ государственнаго устройства, а болѣе накипѣвшими чувствами, которыя побуждали какъ бы то ни было направить дѣло по другой колеѣ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ надобности приписывать этому движенію особенно важныя послѣдствія. Одинъ высокопоставленный сановникъ, встрѣтивъ одного изъ арестованныхъ декабристовъ, своего добраго знакомаго, князя Евгенія Оболенскаго, съ ужасомъ воскликнулъ: «Что вы надѣлали, князь! Вы отодвинули Россію, по крайней мѣрѣ, на 50 лѣтъ назадъ». Это мнѣніе утвердилось впослѣдствіи; событіе 14 декабря считали великимъ несчастіемъ, которое опредѣлило характеръ

слѣдующаго царствованія, какъ извѣстно очень не либеральнаго. Это — совершенно ложное представленіе; характеръ слѣдующаго царствованія опредѣлился не 14 декабря; это царствованіе имѣло бы тотъ же характеръ и безъ 14 декабря; оно было прямымъ продолженіемъ послѣдняго десятилѣтія царствованія Александра I. Еще ранѣе 14 декабря предшественникъ Николая уже рѣшительно вступилъ на ту дорогу, по которой шелъ его преемникъ. Притомъ мысль, чтобы мятежъ 14 декабря могъ отодвинуть Россію на 50 лѣтъ назадъ, невѣроятна уже потому, что въ послѣднія 50 лѣтъ она не много сдѣлала шаговъ впередъ: отодвинуться некуда было. Такое значеніе 14-му декабрю придавали также, помня фразу, которая не разъ срывалась съ языка Николая I въ продолженіе его царствованія; при встрѣчѣ съ какимъ нибудь досаднымъ проявленіемъ вольнаго духа въ обществѣ, онъ иногда говаривалъ: «*Ah! ce sont toujours mes amis de quatorze*». Но напрасно было придавать этимъ словамъ буквальное значеніе. *14 декабря не было причиной направленія слѣдующаго царствованія, оно само было однимъ изъ послѣдствій той причины, которая сообщила такое направленіе слѣдующему царствованію.* Причина эта заключалась въ исходѣ, какой имѣли всѣ преобразовательныя начинанія Александра I.

Намъ извѣстны начинанія Александра I; всѣ они были безуспѣшны. Лучшія изъ нихъ тѣ, которыя остались безплодными, другія имѣли худшій результатъ, т. е. ухудшили положеніе дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, мечты о конституціонномъ порядкѣ осуществлены были на западномъ краѣ Россіи, въ Царствѣ Польскомъ. Дѣйствіе этой конституціи причинило неисчислимый вредъ исторіи. Вредъ этотъ имѣлъ случай почувствовать самъ виновникъ польской конституціи. За пожалованную конституцію Поляки вскорѣ отплатили упор-

ной оппозиціей на сеймѣ, которая заставила отмѣнить публичность засѣданій и установить въ Польшѣ, помимо конституціи, управленіе въ чисто русскомъ духѣ. Однимъ изъ лучшихъ законовъ первыхъ лѣтъ былъ указъ 20 февраля 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ; на этотъ законъ возлагали большія надежды, думали, что онъ подготовитъ постепенно и мирно освобожденіе крестьянъ. Лѣтъ въ 20 со времени изданія закона вышло на волю по добровольному соглашенію съ помѣщиками 47 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, т. е. около 0,5% всего крѣпостного населенія Имперіи (по 6 ревизіи въ 1818 г. его считалось до 10 милл. ревизскихъ душъ). Къ такому микроскопическому результату привелъ законъ, надѣлавшій столько движенія! Даже и административныя реформы, новыя центральныя учрежденія, вовсе не внесли ожидаемаго обновленія въ русскую жизнь, зато усилили очень замѣтно нескладицу въ русскомъ административномъ механизмѣ. До тѣхъ поръ въ центрѣ, какъ и въ провинціи, дѣйствовали, по крайней мѣрѣ по наружности, коллегіальныя учрежденія. Теперь Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Комитетъ Министровъ были построены на томъ же коллегіальномъ началѣ, какое проведено было въ губернскихъ учрежденіяхъ Екатерины, а учрежденія, служившія посредниками между тѣми и другими, Министерства и Главныя управленія, были основаны на началѣ единоличной власти и единоличной отвѣтственности своихъ управителей; верхъ и низъ управленія построены были на иномъ началѣ, не на томъ, на какомъ держалась средина управленія. Вообще, если бы сторонній наблюдатель, который имѣлъ случай ознакомиться съ русскимъ государственнымъ порядкомъ и съ русской общественной жизнью въ концѣ царствованія Екатерины II, потомъ воротился бы въ Россію

въ концѣ царствованія Александра I и внимательно вглядѣлся бы въ русскую жизнь, онъ не замѣтилъ бы, что была эпоха правительственныхъ и соціальныхъ преобразованій; онъ не замѣтилъ бы царствованія Александра I.

Въ чемъ заключалась причина этой безуспѣшности преобразовательныхъ начинаній? Она заключалась въ ихъ внутренней непослѣдовательности, на что уже было указано. Въ этой непослѣдовательности—историческая оцѣнка дѣятельности Александра. Новыя правительственныя учрежденія, осуществленныя или только задуманныя, основаны были на началѣ законности, т. е. на идеѣ твердаго и для всѣхъ одинаковаго закона, который долженъ былъ стѣснить произволъ во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни, въ управленіи, какъ и въ обществѣ. Но по молчаливому или гласному признанію дѣйствующаго закона, цѣлая половина этого населенія Имперіи, котораго тогда считалось свыше 40 милліоновъ душъ обоего пола, цѣлая половина населенія зависѣла не отъ закона, а отъ личнаго произвола владѣльца; слѣдовательно, частныя гражданскія отношенія не были согласованы съ основаніями новыхъ государственныхъ учрежденій, которыя были введены или задуманы. По требованію исторической логики новыя государственныя учрежденія должны были стать на готовую почву новыхъ согласованныхъ съ ними гражданскихъ отношеній, должны были выростать изъ этихъ отношеній, какъ слѣдствіе выростаетъ изъ своихъ причинъ. Императоръ и его сотрудники рѣшили вводить новыя государственныя учрежденія раньше, чѣмъ будутъ созданы согласованныя съ ними гражданскія отношенія, хотѣли построить либеральную конституцію въ обществѣ, половина котораго находилась въ рабствѣ, т. е. они надѣялись добиться послѣд-

ствій раньше причинъ, которыя ихъ производили. Мы знаемъ и источникъ этого заблужденія; онъ заключается въ преувеличенномъ значеніи, какое тогда придавали формамъ правленія. Люди тѣхъ поколѣній были увѣрены, что всѣ части общественныхъ отношеній измѣнятся, всѣ частные вопросы разрѣшатся, новые нравы водворятся, какъ только будетъ осуществленъ нарисованный смѣлой рукой планъ государственнаго устройства, т. е. система правительственныхъ учрежденій. Они расположены тѣмъ болѣе были къ такому мнѣнію, что гораздо легче ввести конституцію, чѣмъ вести мелкую работу изученія дѣйствительности, подготовляя преобразованія. Первую работу можно начертать въ короткое время и пожать славу; результаты второй работы никогда не будутъ оцѣнены, даже замѣчены современниками и представляютъ очень мало пищи для историческаго честолюбія.

На той же точкѣ зрѣнія, на какой стояли Александръ I и его сотрудники, стояли и люди 14 декабря; если они о чемъ размышляли и толковали много, то о тѣхъ формахъ, въ какія долженъ облечься государственный порядокъ,—о той же конституціи. Правда, все, что они проектировали опредѣленнаго и практически исполнимаго, все было уже сказано раньше ихъ въ проектѣ Сперанскаго. Они касались и частныхъ гражданскихъ отношеній, т. е. взаимныхъ отношеній лицъ и сословій, но ихъ мысли касались этого, какъ язвъ отечества, не зная, какъ устранить, какимъ строемъ отношеній замѣнить дѣйствующій общественный порядокъ. *Какъ сотрудники Александра I, такъ и люди 14 декабря, односторонне увлеченные идеей личной и общественной свободы, совсѣмъ не понимали экономическихъ отношеній, которыя служатъ почвой для политическаго порядка.* Эта односторонность тѣхъ и другихъ

и воспитателей и воспитанниковъ (ибо декабристы были воспитанниками Александра и Сперанскаго), особенно рѣзко выразилась въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ; какъ правительство Александра, такъ и декабристы были въ полной увѣренности, что стоитъ дать крестьянамъ личную свободу, чтобы обезпечить ихъ благоденствіе; о матеріальномъ ихъ положеніи, объ отношеніи ихъ къ землѣ, объ обезпеченіи ихъ труда, они или не думали, или думали очень мало.

Итакъ, я не приписываю движенію 14 декабря ни того значенія, ни тѣхъ послѣдствій, которыя ему приписываютъ. Но было одно послѣдствіе, очень важное въ исторіи одного сословія, именно дворянства; до тѣхъ поръ дворянство было классомъ правящимъ въ русскомъ обществѣ; какъ мы знаемъ, такое политическое положеніе его создано было главнымъ образомъ участіемъ дворянской гвардіи въ дворцовыхъ переворотахъ XVIII в. *Движеніе 14 декабря было послѣднимъ гвардейскимъ дворцовымъ переворотомъ; имъ кончается политическая роль русскаго дворянства.* Оно еще остается нѣкоторое время при дѣлахъ, какъ сословіе, будетъ принимать дѣятельное участіе въ областныхъ учрежденіяхъ, но оно уже перестанетъ быть правящимъ классомъ и превратится въ такое же орудіе правительства, въ такое же вспомогательное средство бюрократическихъ учрежденій, какимъ оно было въ старыя времена, въ XVII ст. Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, самое важное послѣдствіе 14 декабря. Не только по закону, но и по нравственнымъ средствамъ, дворянство должно было потерять послѣ того прежнее значеніе. Послѣ 14 декабря пошли за Уралъ лучшіе люди сословія, послѣ которыхъ осталось много мѣстъ, не занятыхъ въ продолженіе всего слѣдующаго царствованія. Это была потеря, которую было трудно вознаградить

и при болѣе обильномъ запасѣ нравственныхъ силъ сословія. Изъ него выбыло столько дѣльцовъ, которые могли возстановить и усилить политическій авторитетъ сословія, если бы остались въ рядахъ! Въ слѣдующее царствованіе дворянство не могло имѣть прежняго значенія уже потому, что оскудѣло силами послѣ катастрофы 14 декабря. Теперь обратимся къ краткому обзору слѣдующаго царствованія и прежде всего укажемъ тѣ истинные источники, изъ которыхъ вытекало его направленіе.

Царствованіе Императора Николая I.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ главныхъ явленій въ царствованіе Николая I, ограничиваясь, впрочемъ, только событіями жизни правительственной и соціальной. Съ этими двумя процессами, измѣненіемъ правительственнаго порядка и перестройкой общественныхъ отношеній, связаны всѣ главнѣйшія явленія этого времени. Царствованіе Николая I обыкновенно считаютъ реакціей, направленной не только противъ стремленій, которыя были заявлены людьми 14 декабря, но и противъ всего предшествовавшаго царствованія. Такое сужденіе едва ли вполнѣ справедливо; предшествовавшее царствованіе въ разное время преслѣдовало неодинаковыя стремленія, ставило себѣ неодинаковыя задачи. Какъ мы видѣли, въ первую половину его господствовало стремленіе дать Имперіи политическій порядокъ, построенный на новыхъ основаніяхъ, а потомъ уже подготовить частныя отношенія, согласуя ихъ съ новымъ политическимъ порядкомъ; говоря проще, въ первой половинѣ господствовала надежда, что можно дать странѣ политическую свободу, сохранивъ на время

рабство. Потомъ, когда обнаружилась нелогичность этой задачи, надо было бы перейти отъ первой ея половины ко второй, т. е. къ предварительной перестройкѣ частныхъ общественныхъ отношеній; но тогда уже не хватило энергіи, и вторая задача разрѣшалась безъ надежды и безъ желанія разрѣшить первую. Эту вторую задачу и усвоилъ себѣ преемникъ Александра I. Отказавшись отъ перестройки государственнаго порядка на новыхъ основаніяхъ, онъ хотѣлъ устроить частныя общественныя отношенія, чтобы на нихъ можно было потомъ выстроить новый государственный порядокъ. *Я считаю царствованіе Николая I прямымъ логическимъ продолженіемъ второй половины предшествовавшаго царствованія.* Такая, болѣе скромная, задача царствованія Николая I объясняется отчасти и личными свойствами новаго Императора.

Императоръ Николай I родился 25 іюня 1796 года, слѣдовательно, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своей бабушки; онъ принадлежалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Михаиломъ ко второму поколѣнію сыновей Павла и получилъ поэтому иное воспитаніе, не похожее на то, какое дано было старшимъ братьямъ—Александру и Константину. Онъ воспитанъ былъ кое-какъ, совсѣмъ не по программѣ Руссо. Третій братъ, онъ готовилъ себя къ очень скромной военной карьерѣ; его не посвящали въ вопросы высшей политики, не давали ему участія въ серіозныхъ государственныхъ дѣлахъ. До 18 лѣтъ онъ даже вовсе не имѣлъ опредѣленныхъ служебныхъ занятій; только въ этомъ году его назначили директоромъ инженернаго корпуса и дали ему въ команду одну гвардейскую бригаду, слѣдовательно, два полка.

Но, не имѣя серіозныхъ занятій, великій князь каждое утро проводилъ по нѣсколько часовъ въ двор-

цовыхъ передняхъ, теряясь въ толпѣ ждавшихъ аудіенціи или доклада. При немъ, какъ при третьемъ братѣ, не стѣснялись; великій князь могъ наблюдать людей въ томъ видѣ, какъ они держались въ передней, т. е. въ удобнѣйшемъ для наблюденія ихъ видѣ. Онъ здѣсь узналъ отношенія, лица, интриги и порядки, такъ какъ въ той сферѣ, гдѣ онъ вращался, интриги были синонимомъ порядка. Эти мелкія познанія очень понадобились ему на престолѣ; онъ вступилъ на престолъ съ очень скромнымъ запасомъ политическихъ идей, которыхъ такъ много принесъ сюда его старшій братъ. Вотъ почему онъ могъ взглянуть на существующій порядокъ съ другой стороны, съ какой рѣдко удается взглянуть на него монарху. Александръ I смотрѣлъ на Россію сверху, со своей философской политической высоты; а какъ мы знаемъ, на извѣстной высотѣ реальныя очертанія или неправильности жизни исчезаютъ. Николай имѣлъ возможность взглянуть на существующее снизу, оттуда, откуда смотрятъ на сложный механизмъ рабочіе, не руководствуясь идеями, не строя плановъ. Николай поставилъ себѣ задачей ничего не перемѣнять, не вводить ничего новаго въ основаніяхъ, а только поддерживать существующій порядокъ, восполнять пробѣлы, чинить обнаружившіяся ветхости помощью практическаго законодательства и все это дѣлать безъ всякаго участія общества, даже съ подавленіемъ общественной самодѣятельности, одними правительственными средствами. Такова была его программа, но онъ не снялъ съ очереди и тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые были поставлены въ прежнее царствованіе, и, кажется, понималъ ихъ жгучесть даже еще сильнѣе, чѣмъ его предшественникъ. Итакъ, *консервативный и бюрократическій образъ дѣйствія, поддержка существующаго съ помощью чиновниковъ—вотъ характеристика новаго царствованія.*

Въ первое время, можетъ быть, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавно пережитыхъ событій новый Императоръ былъ близокъ къ мысли о реформахъ, но онъ поставилъ себѣ ближайшей задачей предварительно войти въ положеніе дѣлъ и принялся усердно изучать самыя грязныя подробности. Онъ самъ лично ревизовалъ ближайшія столичныя учрежденія; бывало, налетитъ въ какую нибудь казенную палату, напугаетъ чиновниковъ и уйдетъ, давъ всѣмъ почувствовать, что онъ знаетъ не только ихъ дѣла, но и ихъ продѣлки. Въ губерніи онъ разослалъ довѣренныхъ сановниковъ для производства строгой ревизіи. Вскрывались ужасающія подробности; обнаруживалось, напр., что въ Петербургѣ, въ центрѣ, ни одна касса никогда не провѣрялась; всѣ денежные отчеты составлялись завѣдомо фальшиво; нѣсколько чиновниковъ съ сотнями тысячъ пропали безъ вѣсти. Въ судебныхъ мѣстахъ Императоръ нашелъ въ производствѣ свыше 2 милліоновъ дѣлъ, по которымъ въ тюрьмахъ сидѣло 127 тысячъ человѣкъ. Сенатскіе указы оставлялись безъ послѣдствій подчиненными учрежденіями. Губернаторамъ назначенъ былъ годовой срокъ для очистки неисполненныхъ дѣлъ; Императоръ сократилъ его до трехъ мѣсяцевъ, давъ неисправнымъ губернаторамъ положительное и прямое обѣщаніе отдать ихъ подъ судъ. Чтобы поправить дѣйствіе правительственнаго механизма, столь разстроеннаго, составлена была комиссія, извѣстная подъ именемъ комиссіи сенатора Энгеля. Комиссія должна была выработать проектъ новаго судебнаго устройства. Выработанный проектъ отличался очень либеральными началами: уничтожалось тайное канцелярское производство, вводилась несмѣняемость судей и болѣе строгое отдѣленіе судебныхъ дѣлъ отъ административныхъ. Императоръ вполнѣ одобрилъ эти

проекты, но нашелъ ихъ болѣе расчитанными на будущее, чѣмъ на настоящее время, и оставилъ ихъ безъ послѣдствій. Въ этомъ отношеніи Императора къ преобразовательнымъ проектамъ и выразилось основное начало, которымъ онъ руководился; онъ одобрялъ всѣ хорошія предложенія, которыя могли поправить дѣло, но никогда не рѣшался ихъ осуществить. Итакъ, *поддерживать существующій порядокъ—вотъ программа новаго правительства.*

Для того, чтобы существующій порядокъ дѣйствовалъ правильно, надобно было дать учрежденіямъ строгій кодексъ. Надъ созданіемъ такого кодекса работали съ 1700 г., и дѣло не удавалось. При указанной консервативной программѣ, такой кодексъ могъ быть выработанъ слѣдующимъ образомъ: если рѣшено поддерживать существующій порядокъ, то въ сводъ законовъ должны быть взяты существующія узаконенія; новый сводъ законовъ долженъ быть сводомъ законовъ дѣйствующихъ, а не кодексомъ, созданнымъ отвлеченной мыслью. Эту задачу прежде всего и взялся разрѣшить Николай I. Для этого онъ учредилъ при себѣ особое отдѣленіе Собственной Канцеляріи (II Отдѣленіе) и въ руководители дѣла призвалъ лицо, давно искусившееся въ этой работѣ, знакомаго намъ М. М. Сперанскаго. Сперанскій послѣ ссылки былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ, потомъ генералъ-губернаторомъ Сибири, изучилъ обширную Сибирь и составилъ проектъ новаго ея устройства, съ которымъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1821 г. Его оставили въ Государственномъ Совѣтѣ, хотя онъ не пользовался прежнимъ вліяніемъ. Николай рѣшительно признавалъ его жертвою политическихъ интригъ и при этомъ ссылался на признаніе своего старшаго брата, будто бы когда-то сказавшаго ему, что онъ въ долгу у Сперанскаго, что онъ

тогда не могъ сладить съ интригой, хотя зналъ, что обвиненіе, взводимое на Сперанскаго, — клевета. Сперанскій еще въ 1811 г. началъ каяться въ своихъ широкихъ политическихъ затѣяхъ, сознавая всю ихъ преждевременность и непригодность, а теперь онъ къ тому же прошелъ отличную административную школу, ибо что можно представить себѣ лучше для назиданія и знакомства съ дѣломъ, какъ ссылка и губернаторство. Сперанскому и было поручено составленіе свода законовъ. Вылѣчившись отъ затѣй, Сперанскій сохранилъ трудолюбіе своей молодости и теперь въ короткое время совершилъ изумительныя дѣла по программѣ, ему заданной. Прежде всего изъ разныхъ канцелярій и архивовъ онъ стянулъ къ себѣ всѣ узаконенія, начиная съ Уложенія 1649 г. и кончая послѣднимъ указомъ Императора Александра I. Всѣ эти указы, уставы и регламенты онъ расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ и напечаталъ ихъ, давъ сборнику заглавіе «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи». Это — сборникъ въ 45 громадныхъ томовъ, каждый изъ которыхъ не всякій осилитъ поднять. Въ этотъ сборникъ вошло 30,920 номеровъ. Сборникъ, за составленіе котораго Сперанскій принялся въ 1826 г., изданъ былъ въ 1830 г., съ приложеніемъ рисунковъ, табелей и различныхъ указателей. До сихъ поръ это Полное Собраніе Законовъ остается основнымъ для исторіи русскаго законодательства. Это Полное Собраніе Законовъ онъ и положилъ въ основаніе свода дѣйствующихъ законовъ; изъ различныхъ узаконеній онъ бралъ годныя къ дѣйствію узаконенія, облекалъ ихъ въ короткія статьи, примѣняясь къ тексту подлинника, и съ ссылками на источникъ эти статьи расположилъ въ систематическомъ порядкѣ, сводя ихъ въ особые уставы. Такъ составился «Сводъ Законовъ Россійской Имперіи»,

изданный въ 1833 г. въ 15 томахъ. Въ бóльшей части своего состава этотъ памятникъ доселѣ остается дѣйствующимъ у насъ кодексомъ.

«*Сводъ Законовъ Россійской Имперіи*» расположенъ въ систематическомъ порядкѣ. Въ первыхъ 3-хъ томахъ изложены законы «основные и учредительные», т. е. опредѣляющіе предѣлы власти и порядокъ дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій: Государственнаго Совѣта, Сената, Министерствъ, губернскаго управленія и т. д. Въ дальнѣйшихъ 5-ти томахъ (въ 4, 5, 6, 7 и 8) изложены законы «государственныхъ силъ», т. е. средствъ, которыми питается государство, законы о государственныхъ повинностяхъ, доходахъ и имуществахъ. Въ 9-мъ томѣ изложены законы «о состояніяхъ» т. е. о сословіяхъ. Въ 10-мъ томѣ изложены законы гражданскіе и межевые. Въ 4-хъ дальнѣйшихъ (11, 12, 13 и 14-мъ)—законы «государственнаго благоустройства и благочинія», т. е. полицейскіе, и въ послѣднемъ (15-мъ томѣ)—законы уголовные. Вотъ строй Свода Законовъ, въ которомъ каждая статья не представляетъ ничего новаго, а извлечена изъ изданнаго закона и только нашла мѣсто въ общей системѣ. Такимъ образомъ, Сводъ Законовъ составился изъ 45 тыс. статей; это слишкомъ много законовъ, чтобы знать ихъ; обиліе законовъ есть главный недостатокъ Свода и самъ Сперанскій сознавалъ это. Дальнѣйшія узаконенія присоединялись къ Своду, какъ дополненіе, и теперь такихъ статей свыше 100 тысячъ. Сперанскій смотрѣлъ на Сводъ Законовъ только какъ на подготовительную, черновую работу для выработки удобопримѣнимаго кодекса. Трудно представить себѣ памятникъ, болѣе выражающій основную мысль царствованія: ничего не вводить новаго и только чинить, и приводить въ порядокъ старое. Сводъ Законовъ изданъ былъ въ 1833 году,

но кромѣ того Сперанскій привелъ въ порядокъ цѣлый рядъ спеціальныхъ и мѣстныхъ законодательствъ; такъ, ему принадлежитъ Сводъ Военныхъ Постановленій въ 12 томахъ; Сводъ законовъ Остзейскихъ и Западныхъ губерній; Сводъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сводъ Законовъ и долженъ былъ стать руководствомъ для дѣятельности правительственныхъ учрежденій.

Легко предвидѣть, въ какомъ направленіи долженъ былъ измѣниться правительственный порядокъ. Основанія правительственнаго строя остались прежнія, но, взявшись руководить громадной Имперіей безъ всякаго участія общества, Николай I долженъ былъ усложнить механизмъ центральнаго управленія. Вотъ почему въ его царствованіе создалось громадное количество либо новыхъ департаментовъ въ старыхъ учрежденіяхъ, либо новыхъ канцелярій, комиссій и т. д. Все это время было эпохой необозримаго количества комитетовъ и комиссій, которые создавались для каждаго новаго государственнаго вопроса. Всего лучше выразилась мысль этихъ правительственныхъ перемѣнъ въ созданіи цѣлаго сложнаго новаго учрежденія. Самъ руководя важнѣйшими дѣлами, входя въ нхъ разсмотрѣніе, Императоръ долженъ былъ имѣть собственную канцелярію; такая канцелярія и создана была съ 4-мя отдѣленіями, подъ названіемъ—*Собственная Его Величества Канцелярія*, существующая и доселѣ, только не въ полномъ комплектѣ отдѣленій. Вотъ перечень этихъ отдѣленій, изъ котораго можно видѣть, какимъ кругомъ дѣлъ хотѣлъ непосредственно руководить носитель государственной власти. I Отдѣленіе подготовляло бумаги для доклада Императору и слѣдило за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній; II Отдѣленіе образовалось изъ бывшей Комиссіи составленія законовъ, занималось коди-

фикацiей законовъ и состояло подъ управленiемъ Сперанскаго до смерти его въ 1839 г.; III Отдѣленiю поручены были дѣла высшей полицiи, подъ управленiемъ начальника, который былъ вмѣстѣ и шефомъ жандармовъ (теперь это Отдѣленiе упразднено); IV Отдѣленiе управляло благотворительными и воспитательными заведенiями, начало которымъ положено было Императрицей-вдовой Марiей Θеодоровной; это — Вѣдомство Императрицы Марiи. При Николаѣ I существовало даже V Отдѣленiе Собственной Е. В. Канцелярiи—для подготовки новаго порядка управленiя государственными имуществами.

Областное управленiе при Николаѣ I осталось на прежнихъ основанiяхъ, даже въ прежнемъ видѣ; оно не было усложнено, подобно центральному; подверглось нѣкоторымъ измѣненiямъ только управленiе сословное, дворянское. Какъ мы знаемъ, дворянству было предоставлено Учрежденiемъ 1775 г. о губернiяхъ рѣшительное господство въ мѣстномъ управленiи. При Императорѣ Павлѣ упразднены были нѣкоторыя изъ судебныхъ губернскихъ учрежденiй; при Александрѣ I было даже нѣсколько расширено участiе дворянства въ мѣстномъ управленiи. Не передавая всѣхъ подробностей, укажу, что по Учрежденiю 1775 г. судебныя палаты—уголовная и гражданская, служившiя высшей инстанцiей для сословныхъ высшихъ учрежденiй, напр. губернскаго магистрата, верхняго земскаго суда, не имѣли сословнаго характера, состояли изъ членовъ отъ короны. По закону, изданному при Александрѣ I, предоставлено дворянству и купечеству выбирать по два засѣдателя въ обѣ палаты, которыя дѣйствовали вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и совѣтникомъ отъ короны. Теперь, по закону 1831 г., дворянству предоставлено было право выбирать и предсѣдателей обѣихъ палатъ.

Такимъ образомъ, и общій судъ, не сословный, въ губерніи отданъ былъ въ руки дворянства. Сверхъ того, положеніе 1831 г. давало дворянскимъ обществамъ право дѣлать высшему начальству представленія не только о своихъ сословныхъ нуждахъ, но и о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій и вообще объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, и такимъ образомъ дѣлало губернское дворянское общество ходатаемъ о нуждахъ всей губерніи, а дворянство—представителемъ всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Зато было ограничено право участія дворянства въ губернскомъ управленіи установленіемъ ценза. По закону 1785 года на дворянскихъ съѣздахъ право выбора имѣли дворяне не моложе 25 л., получающіе не менѣе 100 р. дохода съ деревень и имѣющіе чинъ. Положеніе 1831 года точнѣе опредѣлило участіе дворянъ въ съѣздахъ и выборахъ; именно, одни дворяне могли участвовать въ съѣздахъ съ правомъ голоса, другіе безъ права голоса. Право участвовать съ голосомъ имѣлъ потомственный дворянинъ, достигшій 21 года, имѣвшій недвижимую собственность въ губерніи, получившій на дѣйствительной службѣ, по крайней мѣрѣ, чинъ 14 класса, или служившій три года по дворянскимъ выборамъ; вотъ главныя условія. Неудовлетворявшіе имъ потомственные дворяне участвовали въ съѣздахъ безъ права голоса. Притомъ и право голоса было двоякое: одни дворяне подавали голосъ во всѣхъ дѣлахъ, обсуждавшихся въ собраніи, другіе во всѣхъ, кромѣ выборовъ; право участвовать во всѣхъ дѣлахъ и въ выборахъ предоставлено было потомственнымъ дворянамъ, которые имѣли въ губерніи не менѣе 100 душъ крестьянъ или не менѣе 3,000 десятинъ удобной, хотя и незаселенной земли. Голосъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ выбора, принадлежалъ потомственнымъ дворянамъ, ко-

торые имѣли въ губерніи не менѣе 5 душъ крестьянъ или 150 десятинъ земли. Одинъ разрядъ дворянъ имѣлъ право непосредственнаго голоса, другой посредственнаго голоса, черезъ уполномоченныхъ; именно, мелкіе участки складывались въ одно, такъ чтобы ихъ совокупность составляла нормальный участокъ въ 100 душъ, и выбирали одного уполномоченнаго на дворянскій съѣздъ. Закономъ 1837 г. усложнено было устройство земской полиціи, какъ извѣстно, также руководимой дворянствомъ. Исправникъ, начальникъ уѣздной полиціи, дѣйствовалъ попрежнему, но каждый уѣздъ раздѣленъ былъ на станы, и во главѣ стана поставленъ былъ становой приставъ; но становой — уже коронный чиновникъ, который назначается губернскимъ правленіемъ, только по рекомендаціи дворянскаго собранія. Принимая во вниманіе всѣ перемѣны, внесенныя въ губернское управленіе, слѣдуетъ сказать, что вліяніе дворянства на мѣстное управленіе не было замѣтно усилено; расширено было участіе дворянства въ этомъ управленіи, но вмѣстѣ и ослаблено введеніемъ цензовъ и сочетаніемъ выборныхъ должностей съ коронными. *До сихъ поръ дворянство было руководящимъ классомъ въ мѣстномъ управленіи; въ царствованіе Николая I дворянство стало скорѣе вспомогательнымъ средствомъ коронной администраціи, полицейскимъ орудіемъ правительства.*

Вотъ и всѣ важныя перемѣны, какія были внесены въ центральное и губернское управленіе. Легко замѣтить, что этими перемѣнами нарушено было равновѣсіе между тѣмъ и другимъ; центральное управленіе было страшно расширено, и въ немъ получила необыкновенное развитіе канцелярія; мѣстное управленіе осталось въ прежней формѣ. Если мы представимъ усиленную дѣятельность, какая внесена была Императоромъ въ учрежденія, то намъ понятенъ будетъ главный не-

достатокъ управленія. Всѣ дѣла велись канцелярскимъ порядкомъ, черезъ бумагу; размноженныя центральныя учрежденія ежегодно выбрасывали въ провинціальныя канцеляріи и палаты десятки - сотни тысячъ бумагъ, по которымъ эти палаты и канцеляріи должны были чинить исполненіе. Этотъ непрерывный бумажный потокъ, лившійся изъ центра въ губерніи, наводнялъ мѣстныя учрежденія, отнималъ у нихъ всякую возможность обсуждать дѣла; всѣ торопились «очищать» ихъ; не исполнить дѣло, а очистить бумагу,—вотъ что стало задачей мѣстной администраціи; всѣ цѣли общественнаго порядка, который охранялся администраціей, свелись къ опрятному содержанію писаннаго листа бумаги; общество и его интересы отодвинулись передъ бумагой далеко на задній планъ. Все управленіе представляло громадный и несовсѣмъ правильный механизмъ, который безъ устали работалъ, но который былъ гораздо шире, тяжелѣе наверху, чѣмъ внизу, такъ что нижнія части и колеса подвергались опасности треснуть отъ слишкомъ усиленной дѣятельности въ верхнихъ. Чѣмъ больше развивался такой механизмъ, тѣмъ менѣе оставалось у руководителей его возможности слѣдить за дѣйствіемъ его частей. Нельзя было усмотрѣть за работой всѣхъ колесъ, за ихъ поломкой и своевременной починкой. Такимъ образомъ, руководство дѣлами уходило съ центра внизъ; каждый министръ могъ только, посмотрѣвъ на всю эту громадную машину государственнаго порядка, махнуть рукой и предоставить все волѣ случая; настоящими двигателями этого порядка стали низшіе чиновники, которые «очищали» бумаги. Этотъ недостатокъ и выраженъ былъ самимъ наблюдательнымъ Императоромъ, который сказалъ разъ, что Россіей правитъ не Императоръ, а столоначальники. Такой видъ представляло зданіе бюрократизма,

какъ оно было поставлено въ это царствованіе, т. е. какъ оно было тогда завершено.

Достигъ ли этотъ бюрократическій механизмъ государственной цѣли лучше, чѣмъ прежній,—на это даетъ простой отвѣтъ одна цифра. Въ началѣ царствованія Императоръ пришелъ въ ужасъ, узнавъ, что только по вѣдомству юстиціи во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ было произведено 2.800,000 дѣлъ. Въ 1842 году министръ юстиціи представилъ Государю отчетъ, въ которомъ значилось, что во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ Имперіи не очищено еще 3.300,000 дѣлъ, которыя изложены, по меньшей мѣрѣ, на 33.000,000 писанныхъ листахъ. Вотъ какихъ результатовъ достигло бюрократическое зданіе, завершенное въ это царствованіе. Накопленіе бумагъ, однако, вовсе не улучшило исправности и отчетности учрежденій. Подъ покровомъ канцелярской тайны совершались дѣла, которыя даже теперь кажутся чистыми сказками. Въ концѣ 20-хъ годовъ и въ началѣ 30-хъ производилось одно громадное дѣло о нѣкоемъ откупщикѣ; это дѣло вели 15 для того особо назначенныхъ секретарей, не считая писцовъ; дѣло разрослось до ужасающихъ размѣровъ, до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ листовъ. Одинъ экстрактъ дѣла, приготовленный для доклада, изложенъ былъ на 15 тысячахъ листовъ. Велѣно было, наконецъ, эти бумаги собрать и препроводить изъ Московскаго департамента въ Петербургъ; наняли нѣсколько десятковъ подводъ и, нагрузивъ дѣло, отправили его въ Петербургъ, но оно все, до послѣдняго листа, пропало безъ вѣсти, такъ что никакой исправникъ, никакой становой не могъ ничего сдѣлать, несмотря на строжайшій приказъ Сената; пропали листы, подводы и извозчики.

Столь развитой правительственный механизмъ требовалъ множества рабочихъ рукъ. *Царствованіе Нико-*

лая I было временемъ развитія чиновничества, знати табели о рангахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, чтобы судить о размноженіи чиновничества; можно только понять, чего стоило казнѣ содержаніе этого административнаго рабочаго люда. Сверхъ окладовъ, за особыя заслуги, чиновникамъ раздавали изъ казенныхъ земель аренды обыкновенно на 12 лѣтъ, какъ дѣлается и доселѣ. До 1844 г. арендъ выдавалось ежегодно разнымъ чиновникамъ 30 т.; опредѣляя поземельный доходъ по 4%, мы найдемъ, что эта арендная сумма равнялась 750 тыс. руб. (это только добавочное вознагражденіе, особое отличіе чиновникамъ). Кромѣ того, чиновникамъ раздавали за заслуги въ собственность незаселенныя, но доходныя казенныя земли и угодья; до 1844 г. такихъ земель было роздано свыше одного милліона десятинъ. Вотъ что стоило государству содержаніе той администраціи, которая умѣла терять дѣла, изложенныя на нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ листовъ.

Я замѣтилъ, что новое правительство, дѣйствуя въ консервативномъ духѣ и бюрократическими средствами, не сняло съ очереди поставленныхъ вопросовъ внутренняго устройства. Новый Императоръ съ начала царствованія имѣлъ смѣлость приступить и къ крестьянскому вопросу; но онъ рѣшилъ вести его тайно отъ общества, чисто бюрократическими средствами. Въ началѣ царствованія, подъ вліяніемъ движенія 14 декабря, въ крестьянскомъ населеніи распространились слухи о скоромъ освобожденіи. Чтобы прекратить ихъ, новый Императоръ издалъ манифестъ, въ которомъ прямо заявилъ, что въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ сдѣлано никакой перемѣны, но при этомъ секретно было внушено черезъ губернаторовъ помѣщикамъ, чтобы они соблюдали «законное и христіанское

обращеніе» съ крестьянами. Мысль объ освобожденіи крестьянъ занимала Императора въ первые годы царствованія, и онъ внимательно высматривалъ людей, которые бы могли совершить это важное дѣло. Присутствіе этой мысли у Императора обнаруживалось не разъ; такъ, въ 1834 г., бесѣдуя съ Киселевымъ, Императоръ указалъ на большіе картоны, стоявшіе у него въ кабинетѣ; онъ прибавилъ, что въ этихъ картонахъ съ начала царствованія онъ собралъ всѣ бумаги, касающіяся процесса, «какой,— говорилъ Николай,— я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ по всей Имперіи». Для разработки этого вопроса въ продолженіе царствованія составлялось нѣсколько секретныхъ или весьма секретныхъ комитетовъ; они обсуждали тяжелое дѣло, просматривая положеніе не только крѣпостныхъ, но и всѣхъ крестьянъ, вырабатывали проекты, большая часть которыхъ оставалась неосуществленными.

Нѣтъ надобности передавать дѣятельность этихъ секретныхъ или весьма секретныхъ комитетовъ; достаточно только сказать, что въ 1826 г. составленъ былъ первый секретный комитетъ для выработки новаго положенія «объ устройствѣ всѣхъ состояній людей». Комитетъ этотъ вырабатывалъ проектъ устройства сословій; вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ возбужденъ былъ запиской Сперанскаго, который теперь яснѣе смотрѣлъ на дѣло, чѣмъ въ 1808—1809 г. Проектъ этотъ былъ уже приготовленъ для подписи, но предварительно былъ отосланъ въ Варшаву къ намѣстнику, великому князю Константину, который вооружился противъ него, надѣлалъ много замѣчаній и тѣмъ остановилъ его утвержденіе. Комитеты эти, впрочемъ, оставили слѣды своей дѣятельности въ законодательствѣ по крѣпостному вопросу. Чтобы понять эти слѣды, надобно представить

себѣ въ главныхъ чертахъ составъ русскаго общества того времени.

Возьмемъ данныя 8-ой ревизіи, произведенной въ 1836 г.; по этимъ даннымъ оказалось, что въ Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго и безъ Финляндіи, но съ Сибирью, народонаселеніе простиралось до 52-хъ милл. Сельское населеніе попрежнему рѣшительно преобладало численностью надъ остальными классами; именно, въ составѣ его считалось до 25 милл. крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ или дворянамъ, или нѣкоторымъ благотворительнымъ и учебнымъ заведеніямъ, или частнымъ фабрикамъ и заводамъ (по закону Петра 1721 г.). Крестьянъ государственныхъ съ удѣльными считалось милл. 17 или 18 *); послѣднихъ, по 8-й ревизіи, было слишкомъ 1 милл. душъ обоего пола. Всѣ цифры, которыя я излагаю, означаютъ души настоящія, а не ревизскія, т. е. души обоего пола. На всѣ остальные классы, слѣдовательно, приходилось милл. 9—10, считая здѣсь и военныхъ; дворянства въ томъ числѣ считалось 272 тысячи. Трудно опредѣлить количество городского населенія, состоявшаго изъ купцовъ, фабрикантовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ; купцовъ 3-хъ гильдій считалось около 128 тыс. Если представить себѣ по этимъ цифрамъ, какъ расчленено было общество, легко замѣтить, какой странный видъ оно представляло. Высшія сословія,— гильдейскіе граждане, гильдейскіе купцы, духовенство и дворянство,—представляли въ численномъ отношеніи маленькія неровности, чуть замѣтные нарывы на народномъ тѣлѣ; между тѣмъ только эти маленькія неровности и пользовались полнотою гражданскихъ правъ;

---

*) Какъ извѣстно, удѣльные крестьяне образовались изъ прежнихъ дворцовыхъ по Учрежденію объ Императорской Фамиліи 1797 г.

масса сельскаго населенія была стѣснена въ этихъ правахъ, была прикрѣплена либо къ лицамъ, либо къ учрежденіямъ, такъ что на дѣлѣ было мало разницы между помѣщичьими и государственными крестьянами. Такъ какъ всюду господствовалъ крѣпостной принципъ, то и казенные крестьяне относились къ дворянскимъ исправникамъ или къ коронным чиновникамъ-становымъ почти такъ же, какъ крѣпостные крестьяне—къ своему господину. Теперь вспомнимъ, что все это сельское населеніе въ большей части своихъ дѣлъ вѣдалось особой своей администраціей, или землевладѣльцами, или чиновниками земской полиціи, и что общія правительственныя учрежденія вѣдали только высшія свободныя сословія. Какой же соціальный матеріалъ былъ у описаннаго сложнаго правительственнаго механизма, чѣмъ собственно правили эти бюрократическія учрежденія,—Государственный Совѣтъ, Министерства и т. д.? Они правили ничтожной кучкой народа, можетъ быть, милліономъ съ небольшимъ душъ; вся остальная масса вѣдалась своими особыми властями, и дѣла ея не доходили до общихъ учрежденій. Одинъ администраторъ того времени, принявши въ расчетъ это численное неравенство между свободными и несвободными людьми, расчиталъ, что такъ какъ правительственныя учрежденія вѣдаютъ только вполнѣ свободныхъ людей, то русское государство по количеству свободныхъ людей въ 45 разъ меньше Франціи.

Важнѣйшій результатъ дѣятельности комитетовъ, составленныхъ для устройства крестьянскаго населенія, состоялъ въ учрежденіи особаго управленія для государственныхъ крестьянъ. Чтобы приготовить развязку крѣпостного вопроса, правительство Николая I задумало облегчить ее косвеннымъ средствомъ, дать казеннымъ крестьянамъ такое устройство, которое, поднявъ

ихъ благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ служило бы и образцомъ для будущаго устройства крѣпостныхъ крестьянъ. Казенныхъ крестьянъ считалось тогда милліоновъ 16—17, если исключить изъ нихъ дворцовыхъ. Кромѣ земель, которыми пользовались эти крестьяне, въ непосредственномъ обладаніи казны было еще множество населенныхъ земель и лѣсовъ; земли такой считалось около 60 милл. десятинъ, а казеннаго лѣса около 119 милл. десятинъ. Прежде казенные крестьяне, какъ и земли съ лѣсами, вѣдались въ особомъ департаментѣ Министерства Финансовъ; теперь рѣшено было выдѣлить этотъ громадный государственный капиталъ въ особое управленіе. Министерство Финансовъ, занятое другими дѣлами и преслѣдовавшее одну цѣль—извлеченіе изъ всѣхъ статей наибольшаго дохода,—не могло надлежащимъ образомъ слѣдить за бытомъ казенныхъ крестьянъ; вотъ почему они оставались безъ защиты въ рукахъ дворянской администраціи, которая эксплоатировала ихъ преимущественно передъ помѣщичьими крестьянами. Самыя тяжелыя натуральныя повинности, починку мостовъ, дорогъ складывали на крестьянъ казенныхъ, щадя помѣщичьихъ. Благодаря всему этому, бытъ казенныхъ крестьянъ разстроился: они обѣднѣли и стали тяжелымъ бременемъ на плечахъ правительства. Каждый неурожай заставлялъ казну выдавать огромныя суммы на пропитаніе этихъ крестьянъ и на обсѣмененіе полей.

Итакъ, казенныхъ крестьянъ рѣшено было устроить такъ, чтобы они имѣли своихъ защитниковъ и блюстителей ихъ интересовъ. Удача устройства крестьянъ казенныхъ должна была подготовить успѣхъ освобожденія и крѣпостныхъ крестьянъ. Для такого важнаго дѣла призванъ былъ администраторъ, котораго я не боюсь назвать лучшимъ администраторомъ того времени, вообще

принадлежащимъ къ числу лучшихъ государственныхъ людей нашего вѣка. Это былъ графъ Киселевъ, который въ началѣ царствованія Императора Александра II, по заключеніи Парижскаго мира, назначенъ былъ посломъ въ Парижѣ; при Императорѣ Николаѣ I ему поручено было устроить новое управленіе государственныхъ крестьянъ и имуществъ. По его плану открыто было въ 1838 г. новое *Министерство Государственныхъ Имуществъ*, во главѣ котораго онъ и былъ поставленъ. Для управленія государственными имуществами на мѣстахъ созданы были палаты государственныхъ имуществъ. Киселевъ, дѣлецъ съ идеями, съ большимъ практическимъ знаніемъ дѣла, отличался еще большою доброжелательностью, тою благонамѣренностью, которая выше всего ставитъ общую пользу, государственный интересъ, чего нельзя сказать о большей части администраторовъ того времени. Онъ въ короткое время создалъ отличное управленіе государственными крестьянами и поднялъ ихъ благосостояніе. Въ нѣсколько лѣтъ государственные крестьяне не только перестали быть бременемъ для государственнаго казначейства, но стали возбуждать зависть крѣпостныхъ крестьянъ. Рядъ неурожайныхъ годовъ, 1843-й годъ и слѣдующіе, не только не потребовалъ ссуды государственнымъ крестьянамъ, но даже Киселевъ не израсходовалъ на эти ссуды и запаснаго капитала, имъ образованнаго. Киселеву принадлежало то устройство сельскихъ и волостныхъ обществъ, основныя черты котораго были потомъ перенесены въ положеніе 19-го февраля для вышедшихъ на волю крѣпостныхъ крестьянъ. Поселенія государственныхъ крестьянъ были раздѣлены на волости до 8,000 душъ въ каждой, съ подраздѣленіемъ на сельскія общества, по 1,500 душъ въ каждомъ. Образованы были мірскіе сходы, выбор-

ныя волостныя и сельскія управленія по административнымъ дѣламъ, расправы для суда; крестьяне надѣлены землей, подати переложены съ душъ на землю; устроены сельскія школы, продовольственные запасные магазины, сельскіе банки съ сберегательными и вспомогательными кассами.

Кромѣ всего этого, Киселеву принадлежала также и мысль одного важнаго закона, касавшагося крѣпостныхъ крестьянъ. Какъ мы знаемъ, 20 февраля 1803 г. изданъ былъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ; по этому закону землевладѣльцы могли отпускать на волю крѣпостныхъ крестьянъ съ земельными надѣлами по добровольному съ ними соглашенію. Этотъ законъ, плохо поддержанный правительствомъ, оказалъ незначительное дѣйствіе на бытъ крѣпостныхъ; въ продолженіе 40 лѣтъ на волю вышло такимъ образомъ очень немного крестьянъ. Больше всего останавливала помѣщиковъ необходимость отдавать землю въ собственность крестьянъ. Киселевъ думалъ поддержать дѣйствіе этого закона, устранивъ это главное препятствіе. Въ его нѣсколько мечтательной головѣ (недостатокъ, отъ котораго не свободны всѣ доброжелательныя головы) мелькнула мысль, что можно совершить постепенное освобожденіе крестьянъ, предоставивъ это дѣло частной инициативѣ. Мысль проектированнаго имъ закона состояла въ томъ, что помѣщики могутъ, по добровольному соглашенію съ крестьянами, уступать имъ свои земли въ постоянное наслѣдственное пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, за опредѣленныя повинности. Эти условія, разъ составленныя и утвержденныя правительствомъ, не должны были мѣняться; такимъ образомъ, крестьяне будутъ прикрѣплены къ землѣ, но лично свободны, а помѣщикъ сохранитъ за собою права собственности на землю, къ которой прикрѣплены

крестьяне. Помѣщикъ сохранялъ судебную власть надъ крестьянами, но уже терялъ власть надъ ихъ имуществомъ и трудомъ; крестьяне работали на помѣщика или платили ему столько, сколько было поставлено въ условіи. Зато помѣщикъ освобождался отъ обязанностей, какія на немъ лежали по владѣнію крѣпостными: отъ отвѣтственности за ихъ подати, отъ обязанности кормить крестьянъ въ неурожайные годы, ходатайствовать за нихъ въ судахъ и т. д. Киселевъ расчитывалъ, что такимъ образомъ, понявъ выгоду такихъ сдѣлокъ, помѣщики сами поспѣшатъ ими воспользоваться. Образецъ устройства крестьянъ, выходившихъ, такимъ образомъ, на волю, былъ уже готовъ въ сельскомъ устройствѣ крестьянъ государственныхъ. Проектъ Киселева подвергся поправкамъ и облеченный въ *законъ 2 апрѣля 1842 г.* не оправдалъ ожиданій; это *законъ объ обязанныхъ крестьянахъ;* ему дана была такая редакція, которая почти уничтожила его дѣйствіе. Къ тому же на другой день по изданіи закона послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ тогда былъ графъ Перовскій; этотъ циркуляръ и «разъяснилъ» законъ; въ немъ было подтверждено съ удареніемъ, что права дворянъ на крѣпостныхъ крестьянъ остаются неприкосновенными, что они не потерпятъ ущерба въ этихъ правахъ, если въ силу новаго закона не пойдутъ на сдѣлки съ крестьянами. Помѣщики встревожились въ ожиданіи указа; они уже давно привыкли смотрѣть на Киселева, какъ на революціонера; въ Москвѣ и губернскихъ городахъ этотъ законъ вызвалъ живые толки. Когда же прочитали циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, всѣ успокоились, всѣ увидали, что это буря въ стаканѣ воды, что правительство такъ только, изъ приличія, издало этотъ указъ, чтобы «очистить» бумагу. Въ самомъ дѣлѣ, до конца царствованія Николая I по

закону 2 апрѣля 1842 г. перешло въ состояніе обязанныхъ крестьянъ всего только 24,708 душъ.

По крестьянскому вопросу изданъ былъ рядъ другихъ законовъ, которые также частью выработаны были комитетами. Перечислимъ важнѣйшіе изъ нихъ. Не опредѣляя размѣра работъ крестьянъ на землевладѣльцевъ, законъ не опредѣлялъ и обязательнаго участка земли, какой долженъ помѣщикъ давать крестьянамъ. Правда, былъ изданъ еще въ 1797 г. законъ о трехдневной барщинѣ, но онъ оставался безъ дѣйствія; но закона о размѣрѣ обязательнаго надѣла не существовало вовсе; вслѣдствіе этого иногда происходили печальныя недоразумѣнія. Въ 1827 г. одна обладательница 28 душъ заложила почти всю землю изъ-подъ своихъ крестьянъ, такъ что у крестьянъ осталось всего только 10 десятинъ. Этотъ случай и вызвалъ законъ 1827 г., который гласилъ, что если въ имѣніи за крестьянами меньше 4½ дес. на душу, то такое имѣніе слѣдуетъ брать въ казенное управленіе, или же предоставлять такимъ крѣпостнымъ крестьянамъ право перечисляться въ свободныя городскія состоянія. Это былъ первый важный законъ, которымъ правительство наложило руку на дворянское право душевладѣнія. Въ 40-хъ годахъ издано было, частью по внушенію Киселева, еще нѣсколько узаконеній, и нѣкоторыя изъ нихъ столь же важны, какъ законъ 1827 г. Такъ, напр., въ 1841 г. запрещено было продавать крестьянъ въ розницу; въ 1843 г. запрещено было пріобрѣтать крестьянъ дворянамъ безземельнымъ; такимъ образомъ, безземельные дворяне лишались права покупать и продавать крестьянъ безъ земли; въ 1847 г. было предоставлено министру государственныхъ имуществъ пріобрѣтать на счетъ казны населеніе дворянскихъ имѣній. Киселевъ еще раньше представилъ проектъ выкупа въ

продолженіе 10 лѣтъ всѣхъ однодворческихъ крестьянъ, т. е. крѣпостныхъ, принадлежавшихъ однодворцамъ, извѣстному классу въ южныхъ губерніяхъ, которые соединяли въ себѣ нѣкоторыя права дворянъ съ обязанностями крестьянъ. (Платя подушную подать, однодворцы, какъ потомки бывшихъ служилыхъ людей, сохраняли право владѣть крѣпостными). Этихъ однодворческихъ крѣпостныхъ Киселевъ и выкупалъ по $^1/_{10}$ долѣ въ годъ. Въ томъ же 1847 г., 8 октября, издано было еще болѣе важное постановленіе, предоставлявшее крестьянамъ имѣній, продававшихся за долгъ, выкупаться съ землей на волю. Наконецъ, 3 марта 1848 г. изданъ былъ законъ, предоставлявшій крестьянамъ право пріобрѣтать недвижимую собственность.

Легко замѣтить, какое значеніе могли получить всѣ эти законы. До сихъ поръ въ дворянской средѣ господствовалъ взглядъ на крѣпостныхъ крестьянъ, какъ на простую частную собственность владѣльца наравнѣ съ землей, рабочимъ инвентаремъ и т. д. Мысль, что такою собственностью не можетъ быть крестьянинъ, который платитъ государственную подать, несетъ государственную повинность, напр. рекрутскую,—мысль эта забывалась въ ежедневныхъ сдѣлкахъ, предметомъ которыхъ служили крѣпостные крестьяне. Совокупность законовъ, изданныхъ въ царствованіе Николая I, должна была кореннымъ образомъ измѣнить этотъ взглядъ; всѣ эти законы были направлены къ тому, чтобы охранять государственный интересъ, связанный съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Обладаніе крѣпостными душами эти законы переносили съ почвы гражданскаго права на почву права государственнаго; во всѣхъ нихъ заявлена мысль, что крѣпостной человѣкъ—не простая собственность частнаго лица, а прежде всего подданный государства. Это важный результатъ, который самъ

по себѣ могъ бы оправдать всѣ усилія, потраченныя Николаемъ I на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Но былъ и другой столь же важный результатъ, который вышелъ незамѣтно изъ основной мысли закона 2 апрѣля 1842 года. Результатъ этотъ надо весь поставить на счетъ графа Киселева. Законъ просто говорилъ, что землевладѣлецъ можетъ входить съ крестьяниномъ въ добровольное соглашеніе, уступая ему право постояннаго пользованія землей на извѣстныхъ условіяхъ, послѣ чего крестьянинъ переставалъ зависѣть отъ землевладѣльца, а послѣдній освобождался отъ обязанностей, сопряженныхъ съ владѣніемъ крѣпостными. Только это и говорилъ законъ. Между тѣмъ, можно было посмотрѣть на законъ и съ другой стороны. По смыслу этого закона крѣпостной крестьянинъ, становясь *обязаннымъ* по добровольному соглашенію, переставалъ быть *крѣпостнымъ*; самый актъ такого соглашенія, какъ дѣйствіе свободнаго лица, снималъ съ него крѣпостную неволю; этимъ актомъ его обязательный трудъ на помѣщичьей землѣ превращался изъ собственности помѣщика по закону въ простое поземельное обязательство по *договору*; повинности, какія принималъ онъ на себя по этому обязательству, служили вознагражденіемъ за пользованіе землей, которой при договорѣ помѣщикъ *долженъ* былъ надѣлить крестьянина, безъ чего и самый договоръ не могъ состояться, а не за *личную свободу*, которую при этомъ получалъ крестьянинъ, такъ какъ личность крестьянина законъ молчаливо признавалъ не подлежащей выкупу и оцѣнкѣ. Помѣщики, говоря о неудачѣ закона, смѣялись надъ нимъ, но они не замѣтили, какой переворотъ совершился въ законодательствѣ: свобода крестьянской личности, слѣдовательно, не оплачивалась; а мы помнимъ, какъ государственные люди, даже очень умные, въ родѣ адмирала Мордвинова, таксировали

крестьянскую личность, назначая извѣстную сумму за возрастъ. Какъ скоро молчаливо было признано закономъ это начало, тотчасъ же изъ закона могли вывести, что личность крестьянина не есть частная собственность землевладѣльца, что ихъ связываютъ отношенія къ землѣ, съ которой нельзя согнать большую часть государственныхъ плательщиковъ. На почвѣ закона 1842 г. только и стало возможно Положеніе 19 февраля, первая статья котораго гласитъ, что крестьяне получаютъ личную свободу «безъ выкупа». Повторяю, что этотъ законъ надо отнести весь на счетъ графа Киселева.

Итакъ, въ царствованіе Николая I законодательство о крѣпостномъ правѣ стало на новую почву и достигло важнаго результата—общаго молчаливаго признанія, что крѣпостной крестьянинъ не есть частная собственность землевладѣльца; законъ 1842 г. достигъ перемѣщенія въ правѣ, но не въ положеніи крестьянъ. Законодательство, однако, могло достигнуть при этомъ и практическихъ результатовъ, и эти результаты вышли бы изъ законодательства Николая I, если бы законы примѣнялись иначе; однако, въ нашей внутренней исторіи XIX в. нѣтъ ничего любопытнѣе примѣненія законовъ о крѣпостныхъ крестьянахъ въ царствованіе Николая, ничто такъ не наводитъ на размышленіе о свойствѣ государственнаго порядка. Приведемъ отдѣльный случай. Мы видѣли, какое важное значеніе имѣетъ законъ 1827 года о четырехъ съ половиною десятинахъ земли; этотъ законъ былъ внесенъ въ первое изданіе Свода Законовъ. Послѣ Сперанскаго II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи издало второе изданіе Свода Законовъ. Заглянули въ него: закона 1827 г. нѣтъ какъ нѣтъ; онъ не былъ отмѣненъ, а просто пропалъ безъ вѣсти, какъ пропало извѣстное дѣло объ откупщикѣ.

Легко понять, какое важное значеніе могъ бы имѣть законъ 8 октября 1847 г., предоставлявшій крестьянамъ имѣній, продававшихся съ публичнаго торга, выкупаться съ землей. $^2/_3$ дворянскихъ имѣній состояли въ неоплатныхъ долгахъ казеннымъ учрежденіямъ. Сумма этихъ долговъ близко подходила къ милліарду. Собственно говоря, освобожденіе крестьянъ можно было бы совершить чисто финансовой операціей, назначивъ срокъ для уплаты долговъ и потомъ конфисковавъ имѣнія, какъ они конфискуются и теперь частными банками. Но не хотѣли прибѣгать къ такой политической стратегемѣ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ дворянства. Имѣній, которыя продавались съ публичнаго торга, было множество; но чтобы крестьяне могли выкупаться, нужно было устроить удобный для нихъ порядокъ аукціона, устроить извѣстный порядокъ оповѣщенія крестьянъ о продажѣ, наконецъ, устроить имъ возможность получать ссуды (въ рѣдкомъ имѣніи крестьяне могли тотчасъ собрать достаточное количество своихъ денегъ); ничего этого не было предусмотрѣно. Законъ просто былъ брошенъ въ аукціонную залу; со всѣхъ сторонъ полились представленія о затрудненіяхъ, какія встрѣчались при примѣненіи закона. Правительство могло поступить двояко; сознавая недостатокъ выработаннаго закона, оно могло гласно отмѣнить его; сознавая пользу этого закона, оно могло развить и поправить его; то и другое оно могло сдѣлать по праву, ибо каждое правительство можетъ и отмѣнить законъ, и поправить его, сознаваясь въ ошибкѣ; все это было бы въ порядкѣ вещей. Но поступили иначе. Высочайшая власть не отмѣняла закона, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышло новое изданіе Свода Законовъ; закона 8 октября 1847 г. тамъ не оказалось. Имѣнія продавались съ торговъ, крестьяне обращались съ ходатайствомъ къ правительству;

имъ говорили, что закона объ этомъ нѣтъ; имъ показывали новое изданіе, и просители не находили его тамъ. Высшая власть никогда не отмѣняла закона; бюрократія, устроенная для установленія строгаго порядка во всемъ, представляла единственное въ мірѣ правительство, которое крадетъ у народа законы, изданные высшей властью; этого никогда не было ни въ одну эпоху, кромѣ царствованія Николая I и, вѣроятно, никогда не повторится.

Точно такой же участи подвергся и законъ 1848 г., предоставлявшій крестьянамъ право пріобрѣтать недвижимую собственность; онъ былъ такъ выраженъ, что крестьяне въ концѣ концовъ отказались отъ пользованія этимъ закономъ. Крестьяне могли пріобрѣтать недвижимую собственность съ согласія помѣщика; они должны были заявлять помѣщику свое желаніе и возможность пріобрѣсти собственность; землевладѣлецъ могъ и отказать въ этомъ согласіи, но онъ уже зналъ, что у крестьянина есть капиталъ, и, пользуясь своимъ правомъ, могъ отнять его, или могъ дать согласіе на покупку собственности, а потомъ взять ее у крестьянина, ибо оставалась еще въ полномъ дѣйствіи статья, которая гласила, что крестьянинъ не имѣетъ права начинать искъ. Значить, законъ одной рукой давалъ сословію право, а другой подчинялъ пользованіе этимъ правомъ безграничному произволу. Такъ умѣла выражать мысли верховной власти тогдашняя бюрократія; выразивъ столь своеобразно мысль закона, она тѣмъ самымъ отмѣняла высочайшую волю. Это нужно знать, чтобы понять печальную справедливость словъ Императора, который сказалъ, что Имперіей правитъ столоначальникъ. *Благодаря недостатку рѣшительности, все законодательство Николая I о крестьянахъ осталось безъ практическихъ послѣдствій, которыя надо отли-*

чать отъ перемѣнъ въ правѣ. Трудно объяснить эту непослѣдовательность и эту нерѣшительность; даже крѣпостники-землевладѣльцы удивлялись ей. Среди толковъ, вызванныхъ закономъ 2 апрѣля, въ бумагахъ Киселева записано и одно любопытное возраженіе, которое тогда часто повторяли. Нѣкій дворянинъ говорилъ: «зачѣмъ насъ мучаютъ этими полумѣрами? Развѣ въ Россіи нѣтъ верховной власти, которая можетъ приказать землевладѣльцамъ отпустить своихъ крестьянъ на волю съ землей, или безъ земли? это въ правѣ сдѣлать верховная власть. Дворянство, всегда вѣрно преданное престолу, получивъ приказъ исполнить это, исполнило бы его». Что можно было сказать противъ этого возраженія, шедшаго изъ среды помѣщиковъ, которые были противъ освобожденія крестьянъ? Надо думать, что недостатокъ рѣшимости и послѣдовательности, боязнь пользоваться въ полной мѣрѣ властью, объясняется недостаткомъ знакомства со средой и настоящимъ положеніемъ того класса, интересы котораго преимущественно были связаны съ крѣпостнымъ правомъ. Дворянство при Николаѣ I внушало болѣе страха, чѣмъ при Александрѣ I. Разсматривая бумаги неофиціальнаго комитета, который собирался при Александрѣ въ началѣ его царствованія, мы тамъ встрѣчаемъ такія сужденія графа Строганова о дворянствѣ, которыя показываютъ, что государственные люди того времени вовсе не считали его средой, способной дать правительству оппозицію.

Итакъ, законодательство Императора Николая I о крѣпостномъ правѣ не имѣло сколько-нибудь важныхъ прямыхъ практическихъ послѣдствій; но *тѣмъ важнѣе были его послѣдствія косвенныя: не измѣняя значительно положенія дѣла, указы этого царствованія подготовляли умы къ неизбѣжной реформѣ и клали*

юридическія основанія для новаго устройства быта крѣпостныхъ людей. Въ законодательствѣ и въ сознаніи самого дворянства выяснялись и составъ крѣпостного права, и основныя начала предстоявшей реформы: изъ состава крѣпостной собственности выдѣлена личность крѣпостного; съ помѣщичьимъ правомъ на трудъ крѣпостного неразрывно соединено надѣленіе его землей; это надѣленіе поставлено непремѣннымъ *условіемъ* раскрѣпленія, а добровольное соглашеніе обѣихъ сторонъ—главнымъ юридическимъ *средствомъ* опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. На этихъ началахъ и были составлены утвержденныя 19 февраля 1861 г. *Положенія* о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

На 18 февраля 1855 года, т. е. днѣ смерти Императора Николая I, можно положить конечный рубежъ цѣлаго періода нашей исторіи, который начался съ воцареніемъ новой династіи послѣ Смутнаго времени. Въ этотъ періодъ дѣйствовали извѣстныя начала, которыя служили основаніемъ нашей политической и общественной жизни. Съ 19 февраля 1855 г. начинается новый періодъ, въ который выступаютъ иныя начала жизни. Начала эти мы знаемъ, знаемъ ихъ происхожденіе и свойства, но не знаемъ ихъ послѣдствій, и потому они не могутъ еще быть предметомъ историческаго изученія. Излагаемый ниже очеркъ царствованія Императора Александра II не будетъ поэтому полнымъ историческимъ обзоромъ; это будетъ изложеніе только нѣкоторыхъ историческихъ единичныхъ явленій.

Царствованіе Императора Александра II.

Новое царствованіе началось 19 февраля 1855 года вступленіемъ на престолъ Императора Александра II,

которому было тогда 36 лѣтъ. Онъ родился 17 апрѣля 1818 г. Когда онъ вступилъ на престолъ, Россія вела на Востокѣ одну изъ упорнѣйшихъ войнъ. Эта война отличалась рѣзкими особенностями. И въ XVIII и въ XIX вѣкѣ Россія вступала въ войну съ Турціей; она быстро переносила свою армію въ предѣлы Турціи и такимъ образомъ войны были наступательныя. Когда Александръ II вступилъ на престолъ, въ Крыму, въ Евпаторіи, въ предѣлахъ Россіи, стоялъ турецкій корпусъ подъ начальствомъ Омера-паши и только въ Азіи русское войско находилось въ предѣлахъ Турціи. Это небывалое явленіе объясняется тѣмъ, что подъ стѣнами Севастополя находились три арміи: англійская, французская и сардинская. Дипломаты Западной Европы поддерживали и прежде Турцію, но теперь эта поддержка впервые дошла до вооруженной коалиціи. Какимъ образомъ Восточный вопросъ былъ поставленъ въ такое положеніе? Явленія, прежде небывалыя, начались вскорѣ послѣ Адріанопольскаго мира 1829 г., которымъ окончилась война съ Турціей. Противъ султана въ 1831 году возмутился египетскій вассалъ Мехмедъ-Али-Паша, пошелъ противъ Турціи, и армія его подошла съ торжествомъ къ Константинополю. Императоръ Николай, подалъ руку помощи и русскій флотъ пошелъ на защиту нашего злѣйшаго врага — султана противъ египтянъ, которые отступили. Въ 1839 году было другое возстаніе, и Россія вмѣстѣ съ Англіей и Австріей снова поддержала султана. Революція 1848 года обошла почти всѣ страны Европы. Естественно, вездѣ правительства боролись съ этимъ народнымъ движеніемъ; Императоръ Николай I объявилъ, что онъ не вмѣшается въ эти дѣла, потому что увѣренъ въ своемъ народѣ. Но случилось какъ разъ наоборотъ, и русское правительство вмѣшивалось почти во всѣ эти дѣла. Без-

порядки въ Пруссіи, угрожавшіе слабому Фридриху Вильгельму IV, обратили его тревожные взоры къ Петербургу, и правительство и юнкерство ожидали помощи, въ борьбѣ съ мятежнымъ движеніемъ, единственно изъ Петербурга. Наблюдатель тогдашнихъ событій, Карлъ Варнгагенъ фонъ-Энзе, пишетъ въ своемъ дневникѣ отъ 21 марта 1848 г.: «послѣдняя надежда нашихъ консерваторовъ на русскихъ». Николай I былъ сердитъ на своего друга Фридриха-Вильгельма IV за уступки революціонному движенію и, въ случаѣ побѣды послѣдняго, намѣренъ былъ двинуть войска, чтобы дѣйствовать противъ революціи въ Германіи. Въ Австріи возстали венгры. Императоръ Фердинандъ отказался отъ престола, а его молодой племянникъ Францъ-Іосифъ выпросилъ въ Варшавѣ у Николая въ помощь противъ мадьяръ армію въ 30 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ князя Паскевича. Въ Молдавіи и Валахіи населеніе возстало противъ господарей. Императоръ Николай послалъ корпусъ въ 35 тысячъ человѣкъ подъ командой генерала Лидерса для поддержки господарей. Во Франціи республиканское движеніе привело къ избранію Луи Наполеона президентомъ республики. Современники этихъ событій разсказываютъ, съ какою радостью это было встрѣчено русскимъ правительствомъ. Императоръ Николай послалъ русскіе ордена министру Фуше и префекту полиціи; зятю Фуше, поляку Волынскому, выплатили цѣнность польскаго имѣнія, отнятаго у него за участіе въ мятежѣ. Слѣдствіемъ этого вмѣшательства было усиленное вліяніе или, лучше сказать, давленіе русскаго кабинета на европейскія дѣла. Въ 1850 г., когда въ Варшавѣ съ неслыханною пышностью праздновался юбилей намѣстника князя Паскевича, на свиданіе съ Императоромъ съѣхались важнѣйшіе изъ государей германскихъ. Фонъ-Энзе замѣчаетъ: «Всѣ у ногъ Импе-

ратора и ждутъ отъ него рѣшенія своей судьбы». Среди этихъ замѣтокъ мы замѣчаемъ одну, которая была вставлена мимоходомъ, но имѣетъ значеніе: 19-го сентября посланникомъ прусскаго двора при Германскомъ союзѣ во Франкфуртскомъ сеймѣ былъ назначенъ Бисмаркъ, вмѣсто Рохау. Фонъ-Энзе замѣчаетъ: «Одинъ дуракъ сѣлъ на мѣсто другого. Дѣло отъ этого не пойдетъ хуже». Съ теченіемъ времени народныя движенія улеглись, правительства сошлись съ народами, и вездѣ установился болѣе или менѣе сносный общественный порядокъ. Движеніе 1848 и 1849 годовъ было борьбою народовъ съ правительствами. Всюду эти движенія встрѣтили отпоръ отъ правительствъ; одно только правительство не вело борьбы, это—русское. Движеніе улеглось къ 1850 г. Въ Пруссіи 31 января 1850 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV признаъ и подписалъ конституцію, и съ тѣхъ поръ увеличилось вліяніе Пруссіи на Германію и стало подготовляться ея объединеніе. Въ Австріи мадьярское движеніе было подавлено. Утихли и Славяне. Въ началѣ 1850-хъ годовъ, когда въ Западной Европѣ правительства отдыхали отъ погрома, Россія безгранично пользовалась господствомъ на Востокѣ, покровительствуя христіанамъ. Ни одно изъ государствъ Западной Европы не раздѣляло съ ней этого вліянія. Но такое господство стало возбуждать сильную тревогу на Западѣ. Дѣйствіе этого исключительнаго вліянія было легко предвидѣть. Турція разложилась бы безъ борьбы. Постепенно одно христіанское племя за другимъ добивалось бы самоуправленія, а потомъ и независимости. Было много племенъ, которыя прошли этотъ путь освобожденія. Греція, Сербія и Черногорія считали сами себя свободными, а Молдавія и Валахія были вассальными государствами. Такимъ образомъ, Турецкая имперія постепенно растаи-

вала, какъ снѣгъ подъ лучами вешняго солнца. Но это постепенное разложеніе затрагивало массу интересовъ, которыми дорожили на Западѣ. Когда утихли политическія волненія, то всѣ взоры обратились на политику Россіи 1848 и 1849 годовъ, которая возбуждала недовѣріе, чтобы не сказать больше. Это вызвало коалицію, съ которой и пришлось бороться новому Императору.

Русское вліяніе на Востокѣ затрагивало одинаково политическіе интересы странъ Западной Европы, которые были враждебно разъединены, и лишь это разъединеніе помогло Россіи устраивать свои дѣла на Востокѣ. Но потеря вліянія на Востокѣ больше всего грозила Англіи. Когда Константинополь выйдетъ изъ ея вѣдѣнія, она превратится въ Норвегію. Когда славянскія племена составятъ общій союзъ,—перестанетъ существовать Австрія. Англія боялась нападенія Франціи, въ которой послѣ 2-го декабря 1851 г. установилось видимо прочное правительство. Новому главѣ Французской республики Наполеону III, который провозгласилъ себя сначала президентомъ на 10 лѣтъ, а на другой годъ императоромъ, нужно было отвлечь вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ. Лучшимъ развлеченіемъ была война, разумѣется, успѣшная. Сначала предполагалась Англія, какъ предметъ отвлеченія, но, когда Англія указала выгоды, которыя можно пріобрѣсти на Востокѣ, Наполеонъ III согласился дѣйствовать за-одно съ ней противъ Россіи.

Съ конца 1852 г. русское вліяніе на Востокѣ стало ощущать одинъ уколъ за другимъ. Новое французское правительство настояло на признаніи важныхъ правъ и преимуществъ за католиками въ Святой землѣ; это была первая попытка парализовать религіозно-политическое вліяніе Россіи. Въ 1852 г. Черногорія, которая

*

раньше управлялась владыками, изъ фамиліи Нѣгошей, превратилась въ свѣтское княжество. Владыку этого посвящалъ русскій Синодъ. По смерти одного изъ Нѣгошей Петра, племянникъ его Даніилъ не захотѣлъ принять духовный санъ и остался свѣтскимъ княземъ. Тогда усилилось тяготѣніе Босніи и Герцоговины къ этому княжеству, что было опасно для Австріи и Турціи. Правительство Турціи отправило туда корпусъ Омера-паши; Австрія потребовала прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Черногоріи, и Турція послушалась. Эти два событія укололи Петербургскій кабинетъ и тутъ увидѣли, что эти двѣ державы стоятъ противъ Россіи. Въ Константинополь былъ посланъ посломъ князь Меньшиковъ съ требованіемъ признать права и преимущества, данныя католикамъ, и за православными христіанами и формальнымъ актомъ утвердить вліяніе Россіи. Это и вызвало противодѣйствіе на Западѣ. Не мало надѣлалъ тревоги и неосторожный разговоръ Императора Николая съ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Сеймуромъ. Остроумный Императоръ, разговаривая о Турціи, сказалъ, что это—больной человѣкъ, и что надо позаботиться о раздѣлѣ наслѣдства, въ случаѣ его возможной близкой смерти. Императоръ предложилъ устроить раздѣлъ вмѣстѣ съ Англіей. Когда Сеймуръ указалъ на другія державы, Императоръ отвѣчалъ: «Пруссія—это я, Австрія сдѣлаетъ, какъ я хочу, а о Франціи и говорить нечего». Когда все это было передано, съ частными приправами, на Западѣ встрѣтили это извѣстіе весьма враждебно. Турція отвѣтила отказомъ на ультиматумъ Меньшикова. Тогда Императоръ Николай велѣлъ занять Молдавію и Валахію въ обезпеченіе исполненія своихъ требованій. Это было понято, какъ вызовъ, и Турція въ 1853 году потребовала очищенія княжествъ въ непродолжи-

тельномъ времени. Это вызвало въ свою очередь манифестъ Николая I, 20-го ноября, въ которомъ онъ объявилъ войну. Въ Азіи въ 2-хъ битвахъ при Ахалцыхѣ и Башъ-Кадыларѣ Турки были разбиты. Въ томъ же ноябрѣ было морское сраженіе, оказавшее сильное вліяніе на событія. На юго-восточномъ берегу Чернаго моря находилась турецкая гавань Синопъ. Тамъ остановился турецкій флотъ, который везъ въ Малую Азію на помощь войска и запасы. 18 ноября русскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Нахимова напалъ и истребилъ турецкій. Адмиралъ Османъ-паша съ остатками экипажа былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда Англія и Франція, боясь нападенія русскаго флота на Константинополь, ввели свой флотъ въ Дарданеллы, а когда Меньшиковъ уѣхалъ изъ Константинополя, то провели его въ Босфоръ. Синопская побѣда такъ встревожила Западную Европу, что вызвала союзъ Англіи и Франціи, съ цѣлью помочь Турціи, и 28 марта 1854 г. была объявлена ими Россіи война. Легко догадаться, кто больше всего хлопоталъ объ этомъ. Когда сильныя державы приходятъ въ столкновеніе, мирить ихъ берется Австрія. Еще раньше австрійскій министръ графъ Буоль предложилъ возникшій между Россіей и Турціей споръ отдать на судъ всей Европы. Затаенная цѣль коалиціи состояла въ томъ, чтобы уничтожить исключительный протекторатъ Россіи на Востокѣ. Конференція въ Вѣнѣ составила ноту, которая должна была быть подписана султаномъ (котораго между тѣмъ отговаривали отъ подписи), и эта нота дѣлала уступки Россіи. Султанъ отказался ее подписать, а затѣмъ послѣдовало объявленіе войны Англіей и Франціею. Союзники высадились на берегахъ Дуная и черезъ Бессарабію ворвались въ предѣлы Россіи. Но одинъ переходъ черезъ болота Добруджи стоилъ Франціи многихъ полковъ. Это за-

ставило перемѣнить планъ. Маршалъ Сентъ-Арно, военный министръ Наполеона III, уже умиравшій, предложилъ нападеніе съ Крыма. Главная сила русскаго флота была въ Крыму, въ гавани Севастополя. Важно было ее взять. Перваго сентября союзники высадились въ Крыму, въ Евпаторіи. Русскими силами (въ 30 т.) командовалъ князь Меньшиковъ; у союзниковъ было войска вдвое больше. Меньшиковъ встрѣтилъ союзниковъ при Альмѣ. Зуавы генерала Боске обошли съ лѣваго фланга и заставили отступить. Глубокая бухта наша была укрѣплена съ сѣвера, а не съ южной стороны. Окольными путями вокругъ Севастополя съ востока союзники перешли на южную сторону и здѣсь осадили Севастополь. Русскіе не скрывали, что если бы сейчасъ же онъ былъ штурмованъ, то его бы взяли, потому что русскіе не успѣли правильно укрѣпиться, но непріятель предпочелъ правильную осаду. 5-го апрѣля началась бомбардировка, которая не повела ни къ чему. Капитанъ Тотлебенъ опоясалъ южную сторону Севастополя образцовыми укрѣпленіями. Тогда началась упорная борьба, которая велась посредствомъ минъ и штуцерныхъ ружей, не дававшихъ промаха. Эта затянувшаяся борьба поставила союзниковъ въ затруднительное положеніе, и ихъ флотъ могъ только разгромлять берега. Мысль напасть на крѣпость оказалась мечтою. Послѣ октябрской бомбардировки и двухъ вылазокъ русскихъ, которыя были придуманы очень хитро и грозили истребленіемъ англійскаго лагеря, но которыя не удались потому только, что командиры частей не поспѣли во-время, наступила осень и союзники стали сильно страдать отъ непогоды и отъ недостатка провіанта. Вотъ какъ рисуетъ это положеніе (1854 г.) письмо англійскаго офицера въ газетѣ: «Каждый день стоитъ намъ 80 человѣкъ убитыхъ, въ каждую недѣлю забо-

лѣваетъ до 1,000 человѣкъ, изъ 40,000 войска оказалось только 14,000 и только 2,000 могутъ носить ружья. Вообще наша армія—армія лазарета». Между тѣмъ вторженіе въ Крымъ заставило Николая I двинуть свою армію за Дунай и осадить Силистрію. Начиная войну, Николай видѣлся съ королями прусскимъ и австрійскимъ, которые обѣщали нейтралитетъ, если онъ не перейдетъ за Дунай. Но когда Паскевичъ, назначенный на мѣсто князя Горчакова, перешелъ Дунай, Австрія рѣшила открыто примкнуть къ союзникамъ, Пруссія же сохранила свой нейтралитетъ. Въ то время сардинскій король Карлъ-Альбертъ хотѣлъ стать во главѣ Италіи и отдѣлить отъ Австріи Ломбардію и Венецію, но въ битвахъ при Кустоццѣ и Новарѣ потерпѣлъ пораженіе отъ Австріи. Преемникъ его Викторъ-Эмануилъ II хотѣлъ взять роль объединителя. Графъ Кавуръ предложилъ этотъ вопросъ на усмотрѣніе Наполеона III, который потребовалъ за то участія въ коалиціи, и Сардинія послала 15 т. войска.

Въ февралѣ 1855 года русскій генералъ Хрулевъ хотѣлъ напасть на турецкій корпусъ Омера-паши, но паша его отразилъ. Въ то же время пронеслись слухи о значительномъ подкрѣпленіи союзниковъ присылкою новой арміи въ 145 т. человѣкъ. Съ весною долженъ былъ усилиться напоръ осаждающихъ на крѣпость. Эта мрачная перспектива такъ подѣйствовала на привыкшаго къ власти самолюбиваго государя, что онъ умеръ 18 февраля 1855 г. вслѣдствіе паралича.

Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ 19 февраля 1855 года. Понятно, вся Европа ждала первыхъ шаговъ его, чтобы узнать, какое направленіе приметъ война, опредѣляющая положеніе Россіи. На первомъ пріемѣ дипломатическаго корпуса, въ составѣ котораго не было уполномоченныхъ отъ враждебныхъ

державъ, новый Императоръ объявилъ, что онъ останется вѣренъ тѣмъ дипломатическимъ началамъ, которымъ слѣдовалъ его дядя, Александръ I. Это начало Священнаго Союза, т. е. строй, которымъ поддерживался порядокъ законный и религіозный. Не онъ виноватъ, что этотъ Союзъ не существуетъ болѣе; отецъ всегда держался прямой политики, и если эта политика не была оцѣнена по достоинству, то Богъ и исторія воздадутъ Россіи должное. При этомъ Императоръ упорно смотрѣлъ на австрійскаго посла, чтобы поставить его въ затрудненіе. Въ Европѣ ожидали, что война скоро окончится съ большими уступками со стороны Россіи, и на главныхъ биржахъ Европы поднялись всѣ фонды. Эти расчеты основывались на предположеніи о характерѣ новаго Императора: онъ держалъ себя чрезвычайно уступчиво при отцѣ и извѣстенъ былъ Европѣ мягкостью характера. На Западѣ казалось невѣроятнымъ упорное продолженіе войны при новомъ Императорѣ, но борьба продолжалась, и царствованіе началось 50-милліоннымъ займомъ, выпущеннымъ за границей на голландской и германской биржахъ, на покрытіе новыхъ военныхъ расходовъ. Правительства Англіи и Франціи старались помѣшать успѣху займа, но въ Амстердамѣ и Берлинѣ подписка шла хорошо.

Новый Императоръ долженъ былъ бороться съ силами, какихъ не имѣлъ противъ себя отецъ его. Союзники рѣшили начать усиленную кампанію; весною ихъ силы доведены были въ Крыму до 220,000, въ гарнизонахъ же севастопольскихъ и въ арміи, расположенной въ Крыму, было всего около 150,000; но, кромѣ численнаго перевѣса, на сторонѣ союзниковъ было техническое превосходство. За нихъ работали паръ и электричество, воспользоваться которыми тогда еще

только думали русскіе. Двухнедѣльная бомбардировка, начавшаяся въ день Благовѣщенія 1855 года, была встрѣчена со стороны Севастополя такимъ сильнымъ огнемъ, что нападеніе было невозможно. Въ день битвы при Ватерлоо, 6-го іюня, французы приготовились и повели приступъ, но были отбиты. Зато минная борьба была такъ успѣшна, что союзники подошли къ передовымъ севастопольскимъ редутамъ. Чтобы остановить эту работу, Горчаковъ сдѣлалъ вылазку 4-го августа. Такъ какъ 3-го августа день Наполеона, т. е. день повальнаго пьянства во французскомъ лагерѣ, то Горчаковъ надѣялся застать французовъ хмѣльными, врасплохъ, и повелъ аттаку съ Черной рѣчки, къ которой примыкалъ восточный флангъ французскаго ополченія. Аттака грозила страшнымъ погромомъ, но, разумѣется, русскіе генералы перепутали распоряженія. Командовавшій наступавшимъ отрядомъ генералъ Реадъ былъ убитъ; это разстроило ряды нападающихъ, семь или восемь тысячъ русскихъ легло. На другой день началась бомбардировка и шла до самаго взятія Севастополя 27-го августа 1855 г. Она продолжалась день и ночь, и осажденные такъ привыкли къ грому орудій, что боялись тишины. 27-го августа бомбардировка вдругъ смолкла. Офицеры, передававшіе объ этомъ, находили тишину тяжелѣе всякаго адскаго огня. Французы кинулись на Малаховъ курганъ — господствующее укрѣпленіе—и послѣ штурма, который дѣлаетъ честь ихъ отвагѣ, взяли его. Англичане ворвались въ другое мѣсто (на Редантъ), но были встрѣчены внутреннимъ огнемъ, положили 2,420 человѣкъ и должны были бѣжать. Взятіе Малахова кургана рѣшило дѣло. Горчаковъ давно приготовился перевести остатки по плавающему мосту на сѣверную сторону и минировалъ укрѣпленія южной стороны, которую французы не

взяли, боясь взрыва. Сѣверную часть Севастополя нельзя было взять, и осада кончилась. Это была ужасная осада, которая не повторится, вѣроятно, въ нашемъ вѣкѣ. Въ послѣдніе 5 дней до штурма, Севастополь обливали огнемъ и желѣзомъ изъ 814 орудій. Съ начала послѣдней бомбардировки у русскихъ выбыло изъ строя 13 тысячъ. Въ продолженіе осады французы и англичане бросили на Севастополь 1½ милліона снарядовъ и 25 милліоновъ ружейныхъ пуль. Разумѣется, отъ южной части города ничего не осталось: изъ 2,000 домовъ уцѣлѣло не болѣе 14 домовъ, въ которыхъ можно было жить. Но этотъ успѣхъ обошелся союзникамъ тоже не дешево. Взятіе Севастополя собственно кончило войну,— дальше союзникамъ нечего было добиваться: мысль отнять у Россіи территоріальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя ею въ XIX вѣкѣ, еще въ началѣ кампаніи была признана неосуществимой. Несмотря на хлопоты Австріи и Пруссіи, Россія не поддавалась на переговоры, тѣмъ болѣе, что 15-го ноября сдалась осажденная русскими войсками турецкая крѣпость Карсъ. Паденіе этой крѣпости дало возможность заключить войну съ честью для Россіи. Особенно старался объ окончаніи войны Наполеонъ III; его войска покрылись славой; все, что сдѣлано было въ эту войну союзниками — сдѣлано французами. Далѣе, русскій флотъ въ Черномъ морѣ—главная опора вліянія Россіи на Востокѣ—былъ уничтоженъ и потопленъ въ Севастопольской бухтѣ; бо̀льшаго добиться было невозможно. Англія не раздѣляла плановъ Наполеона и осенью и зимою 1856 года она дѣлала громадныя приготовленія, чтобы возобновить войну и залѣчить раны, нанесенныя ея войскамъ и военной репутаціи. Трудно себѣ представить раздраженіе противъ Наполеона, когда послѣдній настоялъ на начатіи мирныхъ пере-

говоровъ. Взятіе Севастополя сдѣлало его представителемъ европейской политики. Онъ устроилъ конгрессъ, разумѣется, въ Парижѣ, 13-го февраля 1856 года. Предсѣдателемъ на немъ былъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій, полякъ-эмигрантъ. Россія представлена была княземъ Орловымъ и барономъ Бруновымъ. Пруссіи сначала не пускали, какъ державы, не имѣющей интересовъ на Востокѣ, но маленькая Сардинія послала представителемъ графа Кавура. 18-го марта кончились переговоры и подписанъ миръ. Вотъ его условія: Россія отказывалась отъ устьевъ Дуная и отъ небольшой полосы земли, примыкавшей къ этимъ устьямъ и къ Черному морю; обязалась возвратить Турціи Карсъ, за что получила разрушенный Севастополь; Россія не должна заводить арсеналовъ на Черномъ морѣ, держать на этомъ морѣ кораблей больше того, сколько будетъ держать ихъ Турція, т. е. сколько нужно для охраны купеческихъ кораблей отъ разбоевъ; должна была отказаться отъ исключительнаго покровительства турецкимъ христіанамъ, которые поступили теперь подъ коллективный протекторатъ европейскихъ державъ. Условія, обезпечивающаго цѣлость Турецкой имперіи, Россія не приняла. Договоромъ 3-го апрѣля, Австрія и Англія обязались защищать цѣлость Турецкой имперіи въ случаѣ нужды оружіемъ. Пруссія не пристала къ этому союзу. Судоходство по Дунаю объявлялось открытымъ для всѣхъ. Таковы главныя условія мира 18-го марта 1856 года. Окончившаяся война привела къ двумъ главнымъ слѣдствіямъ: во-1-хъ, она страшно спутала взаимныя отношенія европейскихъ державъ, а во-2-хъ, поставила Россію въ положеніе, дотолѣ ею неиспытанное. Настроеніе, которое овладѣло русскимъ обществомъ по окончаніи этой войны, было общее уныніе. Въ самомъ

дѣлѣ, Россія понесла большія не матеріальныя, а нравственныя потери. Не считая жертвъ, павшихъ въ Крыму, матеріальныя потери были ничтожны; ничего не стоилъ клочекъ Бессарабіи, уступленный Турціи. Главная потеря заключалась въ новомъ отношеніи къ Востоку. Вліяніе, созданное цѣлымъ рядомъ войнъ XVII и XVIII вѣковъ, пало, потому что было раздѣлено. Восточный вопросъ сталъ обще-европейскимъ. Выиграло ли отъ этого восточное христіанство, которое было предметомъ спора? Выиграла ли Европа отъ того, что нравственное покровительство восточнымъ христіанамъ изъ односторонняго стало коллективнымъ? Нисколько. Восточные христіане потеряли, ибо вмѣсто одной няньки у нихъ стало шесть. Покровительство, принадлежавшее Россіи, вскрывало всѣмъ извѣстную мысль: освободить христіанъ можно, только уничтоживъ Турцію. Коллективный же протекторатъ, замѣнившій русскій, имѣлъ цѣлью поддержать цѣльность Турецкой имперіи. Слѣдовательно, этотъ вопросъ изъ поддержки христіанъ превратился въ поддержку турецкаго ига надъ христіанами. Таковую перестановку сдѣлала Европа,—это нужно твердо помнить, чтобы понять политику въ слѣдующее десятилѣтіе. Такимъ образомъ, Наполеонъ III продолжалъ дѣло Османовъ и Магометовъ XV вѣка. Для всей Европы протекторатъ сталъ бичемъ, и она будетъ страдать безсонницей, пока не будетъ поддерживать христіанъ на Востокѣ. Всѣхъ больше виноваты въ такой перестановкѣ отношеній Англія и Австрія. Притомъ Парижскій миръ страшно перепуталъ отношенія между державами. Наполеонъ III долженъ былъ исполнить обязательства, данныя имъ во время войны Сардиніи. Вся Италія волновалась, стремясь къ національно-политическому объединенію. Чтобы удовлетворить этимъ стремленіямъ Италіи, нужно было выбить оттуда Ав-

стрію, а вѣдь Австрія больше всего помогала во время войны съ Россіей. Наполеонъ старался сблизиться съ Россіей, и она обѣщала Франціи нейтралитетъ въ предстоявшей борьбѣ съ Австріей. Успѣхъ національно-политическаго объединенія въ Италіи возбудилъ и воспріимчивыя головы поляковъ. Война за Италію дала толчекъ къ возстанію поляковъ. А при тѣсной связи польскихъ эмигрантовъ съ французскимъ обществомъ, возстаніе ихъ должно было поссорить Россію съ Франціей. Такимъ образомъ, Парижскій миръ, разрушивъ старыя связи, поставилъ державы въ невозможныя отношенія. Ложь этихъ отношеній наиболѣе раскрылась въ возстаніи поляковъ.

Если восточная война дала толчекъ внутреннему движенію, которое началось въ Россіи съ 1856 года, то польское возстаніе создало внѣшнюю обстановку и дало тонъ и характеръ этому движенію. Польское движеніе сопровождалось одинаково важными послѣдствіями, какъ для Россіи, такъ и для Европы. Чтобы понять внутреннія движенія въ Россіи, нужно познакомиться съ происхожденіемъ и ходомъ этого возстанія. Послѣ паденія Варшавы, вторично завоеваннымъ Царствомъ Польскимъ управлялъ намѣстникъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Онъ управлялъ такъ, что Поляки прозвали его время—временемъ военной диктатуры, гнета, тираніи. Но русскіе довольно странные угнетатели. Когда Франція господствовала (при Наполеонѣ I) въ Царствѣ Польскомъ, обращенномъ въ герцогство Варшавское, французы производили разныя преобразованія: давали много идей и брали еще больше людей въ солдаты и много денегъ. Распространяя идеи свободы, они разоряли поляковъ. Русскіе молчали о свободѣ; когда стали господствовать въ Польшѣ, они клали руку на мысли и чувства, но давали ходъ труду и хозяйству. Русскіе

офицеры, пришедшіе въ 1863 году усмирять поляковъ, глазамъ своимъ не вѣрили, глядя на благосостояніе жителей. Варшава никогда не жила такъ весело, какъ при Паскевичѣ; городъ обстроился и украсился; та красивая Варшава, которую мы теперь знаемъ,—Варшава Паскевича, а не поляковъ. Благодаря всему этому, въ Польшѣ установились довольно сносныя отношенія между поляками и русскими, какія только могли установиться между такими плохими друзьями. Вотъ почему поляки пальцемъ не тронули во время Крымской кампаніи; напротивъ, много польской молодежи служило въ русскихъ полкахъ подъ Севастополемъ. Новый Императоръ хотѣлъ быть благодарнымъ за это и сталъ оказывать Польшѣ отмѣнное благоволеніе. Посѣтивъ Варшаву 10 мая 1856 года, онъ сказалъ депутаціи отъ Сената, дворянства и духовенства: «я прибылъ къ вамъ съ полнымъ забвеніемъ прошедшаго, одушевляемый благодарностью. Вы такъ же близки мнѣ, какъ финляндцы и другіе мои подданные, но... не надо мечтать, мечтать не надо», повторилъ Императоръ. Впрочемъ, это было приглашеніемъ. Поляки начали мечтать, какъ только Паскевичъ закрылъ глаза 20 января 1856 г. Его смѣнилъ князь Горчаковъ—старикъ, аристократъ, боявшійся ошибиться во французскомъ языкѣ гораздо больше, чѣмъ въ стратегіи. Онъ пріѣхалъ отдыхать въ Варшаву отъ севастопольскаго погрома 27 августа. Поляки, съ обычною чуткостью побѣжденныхъ, замѣтили его упадокъ духа и не преминули имъ воспользоваться. Они представили намѣстнику просьбу о разрѣшеніи собираться для обсужденія сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Такъ, въ ноябрѣ 1857 года въ Варшавѣ основалось земледѣльческое общество, въ которомъ къ 1860 году считалось уже до 5 тысячъ членовъ. Разумѣется, земледѣльческое общество, имѣвшее такъ много

членовъ, собравшись въ Варшавѣ, всего меньше разсуждало о сельскомъ хозяйствѣ. Предсѣдателемъ этого общества былъ блестящій и богатый щеголь, графъ Андрей Замойскій. Это былъ громадный клубъ, въ которомъ разсуждали объ освобожденіи Польши отъ завоевателей. Это общество и стало очагомъ агитаціи; въ немъ сосредоточивалась знать края, которая хотѣла возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ. Но не всѣ поднявшіеся подъ руководствомъ земледѣльческаго общества думали о такомъ возстаніи. Вслѣдъ за знатью зашумѣла варшавская молодежь: студенты медицинской академіи, гимназисты, кадеты, реалисты; у нихъ явились вожди, не раздѣлявшіе замысловъ аристократіи. Новое русское правительство простило всѣхъ поляковъ, замѣшанныхъ въ прежнихъ политическихъ движеніяхъ. Пользуясь амнистіей, изъ-за границы, а также изъ глубины Сибири воротилось много дѣльцовъ прежняго времени. Это были все демократы, дѣйствовавшіе въ 1830 году подъ руководствомъ Лелевеля или унаслѣдовавшіе его идеи. Они хотѣли не прежней Польши, а новой—республиканской, съ свободными крестьянами, потому что за ихъ душей не было ни одной крѣпостной души.

Эти демократы, завладѣвъ польской молодежью, пошли прямо противъ «бѣлыхъ», какъ звали членовъ земледѣльческаго общества. Представляя горючій матеріалъ, состоящій все изъ патріотовъ не старше 21 года, вожди «красныхъ» подняли цѣлый рядъ безпорядковъ. Уличными безпорядками, демонстраціями, процессіями они вздумали взволновать общество, скомпрометировать равнодушныхъ и тѣмъ заставить ихъ принять участіе въ движеніи. Демонстраціи начались еще въ 1860 году. 17 ноября 1830 года началось первое польское возстаніе, 17 ноября 1860 года вожди-коноводы рѣши-

лись отпраздновать годовщину этого возстанія. Имъ хотѣлось узнать, какъ отнесется столичное общество къ этому празднеству. Устроена была сходка, подальше отъ замка, гдѣ жилъ намѣстникъ, въ отдаленномъ костелѣ Кармелитовъ; отслужили панихиду по убіеннымъ въ возстаніи и разошлись, осматриваясь: не узнали ли русскіе объ ихъ продѣлкѣ. Русскіе ничего не узнали. Тогда одинъ вожакъ движенія, студентъ академіи художествъ, Карлъ Новоковскій, собралъ толпу на площади возлѣ статуи Богоматери и, обладая громаднымъ голосомъ, затянулъ гимнъ: «Боже, который Польшу» и т. д.; за этимъ гимномъ были пропѣты другія пѣсни и, между прочимъ, «Еще Польска не згинела»; съ пѣніемъ этихъ гимновъ прошли процессіи по улицѣ и потомъ разошлись. Русская полиція ничему не мѣшала и въ замкѣ ничего не узнали. Тогда рѣшили подвинуться къ центру столицы; центръ Варшавы, какъ извѣстно, составляютъ Саксонская площадь и двѣ улицы: Новый Свѣтъ и Краковское предмѣстье. 13 февраля 1831 года Дибичъ страшно разбилъ польскую армію при селѣ Гроховѣ; 13 февраля 1861 года «красные» рѣшили повторить демонстрацію. Они собрались въ «Старомъ мѣстѣ», близко къ центру, и стали шутить съ полиціей. Полиція, видя, что что-то затѣвается на зло «Москалямъ», вмѣшалась. Огромная толпа двинулась къ замку. Тутъ намѣстникъ впервые узналъ о движеніи, когда ему доложилъ оберъ-полицеймейстеръ Треповъ. Трепову велѣно было разсѣять сходку, не употребляя оружія. Онъ отправился, но потерпѣлъ на пути нѣкоторыя непріятности и воротился назадъ. Затѣмъ уже жандармы встрѣтились съ толпою, и произошла кровопролитная схватка. 15 февраля повторили демонстрацію, но уже въ большихъ размѣрахъ. Толпа отправилась прямо къ намѣстнику, но была остановлена войскомъ. Князь Гор-

чаковъ растерялся; онъ бѣгалъ по обширнымъ заламъ своего дворца, отмахиваясь отъ каждаго, пристававшаго къ нему съ вопросами о распоряженіяхъ: «подождите, подождите, дайте мнѣ подумать, подумать...» Казаки съ трудомъ сдерживали уличную толпу. Видя это, русскій генералъ Заболоцкій взялъ роту солдатъ безъ всякаго полномочія, привелъ на Краковское предмѣстье и, видя, что въ русскихъ солдатъ бросаютъ изъ оконъ камни, скомандовалъ: «пли». Толпа разсѣялась, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и русская полиція. На улицѣ осталось пять труповъ: два помѣщика, два работника и одинъ гимназистъ. Поляки, выглянувъ на Краковское предмѣстье изъ закоулковъ, нѣтъ ли генерала Заболоцкаго, забрали эти трупы. Возили, возили по улицамъ и наконецъ привезли въ Европейскую гостинницу. Эти пять труповъ и произвели взрывъ, повѣдшій къ настоящей революціи. Такъ, движеніе, начатое мальчиками, вовлекло скоро и взрослыхъ. Русская власть въ Варшавѣ перестала дѣйствовать. Возникли, частью произвольно, туземныя польскія правительственныя власти. Въ земледѣльческомъ обществѣ составленъ былъ адресъ, который намѣстникъ рѣшился послать въ Петербургъ. Въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, адресъ этотъ требовалъ всего и прежде всего автономіи Польши. Разумѣется, на него присланъ былъ отрицательный отвѣтъ. Но въ Петербургѣ не хотѣли принимать рѣшительныхъ мѣръ. Первоначальное расположеніе Императора къ Польшѣ еще не остыло. Въ Польшѣ обнародованъ былъ указъ, которымъ преобразовывалось управленіе Польши. Управленіе это отдѣлялось отъ общаго управленія Имперіи. Царство получало особыя правительственныя учрежденія, дѣйствовавшія подъ непосредственнымъ руководствомъ Императора. То былъ Государственный Совѣтъ, составленный изъ гражданскихъ и духовныхъ санов-

никовъ, нѣсколькихъ представителей знати по назначенію Государя. Въ городахъ въ составъ муниципальныхъ учрежденій входили выборные члены отъ поляковъ. Варшавскій учебный округъ, подчиненный до тѣхъ поръ русскому Министерству Народнаго Просвѣщенія, выдѣлялся теперь въ отдѣльный департаментъ при польскомъ Государственномъ Совѣтѣ. И во главѣ этого департамента нашли возможнымъ поставить настоящаго поляка, одного изъ магнатовъ, маркиза Вѣлепольскаго. Но всѣ эти важныя реформы не привели къ лучшему отношенію между поляками и русскими; тогда въ Петербургѣ наступило довольно странное время. Настроеніе, тамъ господствовавшее, поддерживалось общимъ настроеніемъ Россіи; главныя черты его были тѣ, что никто ничего не зналъ, никто не хотѣлъ ничего понимать и никто ни о чемъ не имѣлъ ни опредѣленнаго понятія, ни твердаго убѣжденія. Милости, присланныя изъ Петербурга, были приняты холодно, даже дерзко. Генералъ, пріѣхавшій изъ Варшавы въ Петербургъ, всплеснулъ руками и сказалъ: «да, вѣдь, тутъ совсѣмъ не знаютъ, что дѣлается въ Варшавѣ,—вѣдь тамъ революція, настоящая революція». Начальникъ пригрозилъ ему, велѣлъ молчать и отправилъ обратно въ Варшаву съ приказомъ: «служить и сидѣть смирно». Однако же земледѣльческое общество, старавшееся встать во главѣ движенія, нашли нужнымъ закрыть 25 марта. Уступки правительства только подбодрили поляковъ. Къ уличнымъ демонстраціямъ присоединилась пропаганда костеловъ и тайныхъ листовъ. Никогда поляки не были такъ богомольны, какъ въ этотъ годъ, потому что каждая литургія въ любомъ костелѣ сопровождалась политической проповѣдью ксендза. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда князь Горчаковъ умеръ въ маѣ 1861 года. Нѣсколько намѣстниковъ смѣнились за

нимъ въ Варшавѣ одинъ за другимъ: сначала временно занялъ его постъ генералъ Сухозанетъ, его смѣнилъ графъ Ламбертъ, больной человѣкъ; скоро онъ потихоньку, впрочемъ, скрылся изъ Варшавы; въ газетахъ было напечатано, что онъ отпущенъ за границу лѣчиться. Его мѣсто занялъ временно генералъ Лидерсъ; но противъ него сдѣлано было покушеніе, въ него выстрѣлили изъ пистолета. Въ Петербургѣ не хотѣли принимать суровыхъ мѣръ и прибѣгли къ послѣднему знаку довѣрія. Управлять Царствомъ назначенъ былъ братъ Государя, великій князь Константинъ Николаевичъ; онъ пріѣхалъ съ милостями: Вѣлепольскій сдѣланъ былъ главнымъ правителемъ по гражданской части. Онъ былъ настоящій полякъ: молчаливый, образованный, хотя и бездарный, неглупый, но злой, какъ всѣ поляки. Вѣлепольскій долго пользовался довѣріемъ новаго намѣстника, и поляки даже стали подозрѣвать его въ сочувствіи къ русскимъ. Въ августѣ 1862 г. было сдѣлано нѣсколько покушеній на Вѣлепольскаго, его хотѣли умертвить всѣми способами, даже ядомъ. Движеніе распространилось и въ Литвѣ, а изъ Литвы проникло и въ западно-русскія губерніи. Съ 1831 года въ Сѣверо-Западной и Юго-Западной Россіи полонизація сдѣлала страшные успѣхи. Губерніи Витебская, Минская и Подольская въ 1831 г. почти не принимали участія въ возстаніи, польскій элементъ здѣсь былъ слабъ. Эти успѣхи полонизаціи можно объяснить, можетъ быть, слабостью управленія, а, можетъ быть, силой и настойчивостью польскаго общества. Въ 1861 году на дворянскомъ собраніи въ Подольской, а потомъ и въ Минской губерніяхъ дворяне составили адресы съ просьбой присоединить ихъ къ Царству Польскому. Разумѣется, эти адресы были отвергнуты, какъ незаконные, но минское дворянство даже и не вычеркнуло его изъ протокола, а только приписало на поляхъ:

«запрещено по Высочайшему указу Государя Императора». Но движеніе уходило изъ рукъ дворянства. Пока дворяне совѣщались объ адресахъ, красные успѣли сплотиться и получить вождя, даже двухъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый агитаторъ, дѣйствовавшій во время польскихъ волненій въ Познани въ 1849 году,—Мѣрославскій; въ 1861 году онъ состоялъ предсѣдателемъ центральнаго революціоннаго комитета въ Парижѣ; онъ былъ совсѣмъ не военный, но такъ много говорилъ о военныхъ планахъ и постоянно носился съ стратегіей, что кончилъ тѣмъ, что сначала самъ, а потомъ и окружающіе повѣрили въ его военныя дарованія. Это былъ уличный крикунъ, до нельзя трусливый и продажный, служившій за деньги въ революціонныхъ рядахъ. Бездарный самохвалъ, онъ исповѣдывалъ самыя крайнія коммунистическія идеи, вездѣ выступалъ на первый планъ—до минуты опасности, но тотчасъ исчезалъ, какъ только являлась опасность. Это было какое-то польское соединеніе Хлестакова и Лепорелло. Онъ сталъ во главѣ революціоннаго польскаго движенія, разсылая распоряженія изъ Парижа.

Указомъ 24 сентября 1862 года въ Царствѣ Польскомъ былъ объявленъ рекрутскій наборъ, который съ особенной силой падалъ на городскую молодежь, особенно волновавшуюся. Русское правительство имѣло здѣсь цѣлью забрать безпокойныхъ и удалить ихъ вглубь Имперіи. Оно прямо объявило, что знаетъ о возстаніи, которое готовится къ веснѣ 1863 г., и что оно намѣрено предупредить его. Молодые люди, которымъ грозила солдатская служба, бросились всѣ изъ городовъ. Наборъ былъ произведенъ ночью съ 2-го на 3-е января 1863 г., но не захватилъ многихъ, предупрежденныхъ, которые успѣли скрыться изъ Варшавы. 15 января предположено было произвести наборъ въ другихъ

городахъ Польши. Для быстроты дѣйствія нуженъ былъ телеграфъ; но бѣглецы изъ Варшавы перерѣзали всѣ проволоки, и наборъ не удался. Вся молодежь, которой грозила служба, бросилась въ лѣса, гдѣ и образовались банды. Можно себѣ представить, какъ потирали руки въ центральномъ комитетѣ въ Парижѣ, когда узнали о наборѣ и его послѣдствіяхъ. Между тѣмъ въ Варшавѣ образовалось незримое революціонное управленіе, получившее названіе «ржонда народоваго», т. е. національнаго правленія. Ржондъ съ удивительнымъ искусствомъ разсылалъ распоряженія. Главнымъ матеріаломъ для революціоннаго движенія стала шляхта. Польская шляхта, до паденія Польши, была на службѣ и на корму у магнатовъ; русское владычество разорвало ея связи съ аристократіей. Теперь шляхта больше всего поставила людей въ лѣсныя банды. У этихъ бандъ скоро явился вождь Маріанъ Лангевичъ. Это былъ полякъ, родомъ изъ Познани, служившій унтеръ-офицеромъ въ прусскомъ лагерѣ, а потомъ бывшій соучастникомъ Гарибальди въ его сицилійской высадкѣ. Настоящій солдатъ, онъ имѣлъ нѣкоторыя военныя свѣдѣнія. Явившись въ Царство, Маріанъ Лангевичъ, при помощи дворянства, организовалъ нѣсколько шаекъ, которыя, пользуясь разсѣянностью русскаго отряда, одержали нѣсколько побѣдъ. Онъ былъ орудіемъ дворянства. Его провозгласили диктаторомъ; тогда онъ объявилъ низложенными всѣ власти и повелъ открытую борьбу противъ Имперіи. Мѣрославскій, представитель демократовъ и коммунизма, поспѣшилъ предупредить своего соперника: изъ Пруссіи вторгся въ Польшу, но здѣсь скоро потерпѣлъ неудачу и скрылся. Лангевичъ, торжествуя свои первые успѣхи, стягивалъ банды и удивлялся, что русскіе не мѣшаютъ ему. Русскій командиръ нарочно бездѣйствовалъ, чтобы дать

возможность бандамъ соединиться и потомъ разбить ихъ сразу. Лангевичъ попалъ въ ловушку и 5 марта былъ разбитъ наголову послѣ трехдневнаго боя. Самъ Лангевичъ едва могъ скрыться въ Австрію, захвативъ предварительно казну революціонеровъ и своего адъютанта, который, не имѣя болѣе надобности скрываться, поспѣшилъ переодѣться въ дамское платье.

Такъ началось возстаніе: оно привело изъ городовъ шляхетскихъ усадьбъ тысячъ шесть молодыхъ людей, къ которымъ присоединились толпы поляковъ, жившихъ за границей. Возстаніе захватило весну и лѣто 1863 г. Сила его объясняется неподготовленностью русской власти, хотя и трудно повѣрить тому, что польское возстаніе застало русскихъ врасплохъ, несмотря на всѣ манифестаціи, предшествовавшія ему. Неудача мягкихъ мѣръ великаго князя заставила отозвать его. Въ Петербургѣ рѣшили прибѣгнуть къ болѣе суровымъ мѣрамъ и послали въ Польшу графа Берга, а въ Литву—бывшаго министра государственныхъ имуществъ графа Муравьева. Въ Петербургѣ преувеличивали значеніе возстанія, тамъ начали бояться не только за Литву, но и за невскую столицу. Когда Муравьевъ уѣзжалъ изъ Петербурга, его провожали съ напутствованіями: «О, если бы намъ удалось удержать за собою хоть Литву». Бергъ и Муравьевъ быстро покончили съ возстаніемъ: шайки были разсѣяны, и движеніе превратилось въ простой разбой: занялись грабежомъ селъ и оставленныхъ усадьбъ; награбивъ провіанту и денегъ, банды убѣгали за границу. Возстаніе собственно ни на одну минуту не получало національнаго характера: оно было революціоннымъ и только. Масса поляковъ оставалась къ нему равнодушна. Польскіе крестьяне не вѣрили имъ, тѣмъ болѣе, что въ то время въ Имперіи была въ полномъ ходу настоящая крестьянская реформа. Но

пока не стало очевиднымъ ничтожество силъ возстанія, въ Европѣ оно поддерживало широкія надежды. Все западно-европейское общество съ радостью привѣтствовало малѣйшій успѣхъ возстанія. Слава Польши росла съ каждымъ часомъ. Это была сложная сѣть лжи, которая поддерживалась западными публицистами и самими поляками. Тяжело припомнить настроеніе русскаго читателя западныхъ газетъ этого времени. Общее впечатлѣніе выражалось въ вопросѣ, который задавали себѣ всѣ: «неужели Россія единственная лишняя страна въ Европѣ, крупное бѣльмо на глазу всѣхъ остальныхъ державъ?» Кто переживалъ то время и потомъ одумался и разобралъ всѣ нити этихъ грандіозныхъ мистификацій, распущенныхъ по поводу возстанія, тотъ никогда не отрѣшится отъ извѣстнаго отношенія къ Западной Европѣ,—соединеннаго съ пренебреженіемъ. Послѣ этого возстанія Польша умерла нравственно. Трудно представить себѣ зло, которое причинила тогда Западная Европа Польшѣ. Надежды поляковъ на ея сочувствіе поддерживали возстаніе. Самый ржондъ началъ разореніе страны. Патріоты, служившіе въ бандахъ, не хотѣли служить даромъ. Ржондъ платилъ жалованье. Онъ старался всѣми способами достать деньги; главнымъ источникомъ его бюджета была подать, которую онъ собиралъ по всему Царству. Эта подать собиралась не вездѣ и не всегда легко. Для того, чтобы усилить свои доходы и напугать робкихъ соотечественниковъ, организовано было новое учрежденіе жандармовъ-вѣшателей, главной обязанностью которыхъ было наказаніе поляковъ, которые отказывались платить подать или оказывали сочувствіе русскому правительству. Жандармы эти никому не дѣлали пользы. Польское общество было подвержено тираніи, какой оно никогда не испытывало подъ господ-

ствомъ русскихъ. Этимъ способомъ выжато было съ Польши свыше 80 милліоновъ франковъ въ продолженіе одного 1863 года. Польскій мятежъ погасъ, какъ только увидали, что онъ остался не поддержаннымъ на Западѣ. Наполеонъ III поднялъ движеніе на защиту Польши, поднялъ Англію и Австрію, сдѣлалъ представленіе европейскимъ кабинетамъ и только вызвалъ рядъ блестящихъ литературныхъ нотъ Александра Горчакова, который тогда руководилъ иностранными дѣлами Россіи. Русское правительство, боясь новой коалиціи, поставило на военную ногу свыше милліона арміи. Русская армія быстро охладила пылъ Наполеона III; къ тому же союзники его вышли изъ концерта, и Наполеонъ впервые почувствовалъ себя одинокимъ. Вотъ въ общихъ чертахъ ходъ мятежа, который былъ почти совсѣмъ подавленъ въ концѣ 1863 г. Оставалось только нѣсколько шаекъ бродягъ до конца 1864 года, которыя потомъ также исчезли. Но впечатлѣніе, произведенное этимъ возстаніемъ на русское правительство и общество, было гораздо значительнѣе, чѣмъ оно того заслуживало само по себѣ. Мы увидимъ, какое вліяніе оно имѣло на послѣдующія реформы, предпринятыя Императоромъ.

Польское возстаніе было движеніемъ революціоннымъ, но не національнымъ. Ни по средствамъ, ни по цѣлямъ оно не подавало никакой надежды на успѣхъ. Оно было вызвано польскими эмигрантами и поддерживалось не многочисленными и не самыми сильными классами польскаго общества, преимущественно мелкопомѣстной шляхтой. Знать примкнула къ нему неохотно и поддерживала его, можетъ быть, усердно, но неумѣло. Временный успѣхъ возстанія обусловливался просто слабостью русскихъ властей. Притомъ и цѣли, которыя поставило себѣ возстаніе, ни въ какомъ случаѣ

не могли привести къ успѣху. Польское общество, вовлеченное въ возстаніе, предприняло его ни больше, ни меньше, какъ съ цѣлью возстановленія «старой Польши» въ границахъ, какія она имѣла до раздѣловъ прошлаго столѣтія. Польская молодежь требовала возстановленія Польши «отъ моря и до моря», требовала всего или ничего. Такой безумный планъ объясняется дурнымъ политическимъ воспитаніемъ, которое получила польская молодежь подъ вліяніемъ литературы эмигрантовъ. Эмиграція, очутившись внѣ родины послѣ возстанія 1830 года, осталась безъ почвы, утратила всякій глазомѣръ, всякое чутье дѣйствительности. Бредъ, который овладѣлъ ею, сообщился и части польскаго общества. Это былъ бредъ умирающаго, который забываетъ все существующее и при послѣднихъ вспышкахъ жизни обыкновенно принимаетъ несвязныя мечты бреда за дѣйствительность. Для Россіи польское возстаніе было полезно въ политическомъ отношеніи. Если нельзя было рѣшить вопросъ возстановленіемъ мирныхъ отношеній, то польское возстаніе приблизило рѣшеніе вопроса: оно заставило русское правительство принять мѣры, которыя на значительное время затруднили его повтореніе.

Перейдемъ къ изученію главнѣйшихъ внутреннихъ реформъ Александра II. Политическій и общественный бытъ въ предшествовавшій періодъ характеризовался двумя чертами. Чертами этими были: невольный, обязательный трудъ въ пользу государства всѣхъ сословій; съ половины XVIII в. этотъ обязательный, крѣпостной трудъ остался только на одномъ крестьянскомъ сословіи. Далѣе, другой чертой, характеризующей жизнь этого періода, было разобщеніе этихъ сословій, прекращеніе ихъ совмѣстной политической дѣятельности. Съ половины или съ конца XVIII ст.

ходомъ дѣлъ поставлены были два коренные вопроса, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло правильное устройство политическаго и хозяйственнаго быта Россіи: 1) вопросъ объ освобожденіи отъ обязательнаго крѣпостного труда крестьянскаго сословія и 2) вопросъ о возстановленіи прерванной прежде совмѣстной дѣятельности сословій въ дѣлахъ политическихъ и хозяйственныхъ. Эти два коренные вопроса и были разрѣшены извѣстнымъ образомъ въ царствованіе Александра II. Первый былъ разрѣшенъ освобожденіемъ крестьянъ съ землею, второй—введеніемъ земскихъ учрежденій. Теперь нельзя историку изложить ни той, ни другой реформы; для этого еще нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ, доступныхъ изслѣдованію, нѣтъ еще достаточныхъ историческихъ данныхъ, по которымъ онъ могъ бы судить о значеніи той или другой реформы; ни та, ни другая не обнаружили еще своихъ послѣдствій, а историческіе факты цѣнятся, главнымъ образомъ, по ихъ послѣдствіямъ. Итакъ, я изложу не исторію, а короткій очеркъ хода и сущности той и другой реформы.

Не разъ можно встрѣтить выраженіе мнѣнія, что въ царствованіе Николая I давно поставленный крестьянскій вопросъ ни на шагъ не подвинулся къ разрѣшенію. Это мнѣніе не совсѣмъ справедливо. Крестьянскій вопросъ, какъ извѣстно,—вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи; разрѣшеніе этого вопроса подготовлялось при Николаѣ I и подготовка его шла 2 путями: 1) крѣпостное право разрушало само себя своими естественными неизбѣжными послѣдствіями, 2) его разрушало и законодательство. Неизбѣжныя послѣдствія, которыя вытекали изъ крѣпостного права, вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушали его. Эти послѣдствія очень наглядно вскрываются при сопоставленіи дан-

ныхъ двухъ ревизій XIX-го столѣтія: восьмой 1836 г. и 10-й, послѣдней, которая была закончена въ 1858 г. Изучая цифры этой ревизіи, открываемъ слѣдующіе неожиданные факты: 1) уменьшилось количественное отношеніе крѣпостного населенія къ общему числу населенія въ Имперіи. По 8-й ревизіи приходилось по 45 человѣкъ крѣпостныхъ на 100 человѣкъ общаго числа населенія въ Европейской Россіи. Такимъ образомъ, крѣпостные составляли немного менѣе половины всего населенія. По 10-й ревизіи крѣпостные составляли всего 37½ процентовъ общаго числа населенія. Это уменьшеніе количественнаго отношенія происходило отъ разныхъ причинъ; одна изъ нихъ очень любопытна; она открывается изъ другого наблюденія, которое даютъ возможнымъ сдѣлать цифры ревизіи. Естественный приростъ крѣпостного населенія пріостановился. По 8-й ревизіи въ Сибири и въ Европейской Россіи числилось крѣпостныхъ 22.778,000 душъ обоего пола, по 10-й—21.979,000; такимъ образомъ, въ продолженіе 22-хъ лѣтъ, раздѣляющихъ обѣ ревизіи, крѣпостное населеніе не только не увеличилось, но уменьшилось, тогда какъ общее число населенія въ тотъ же промежутокъ увеличилось на 6½ милл. человѣкъ, т.е. на 12%. Именно, въ Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго и Финляндіи, по 8-й ревизіи было 53.600,000 душъ, а по 10-й – 60.143,000 душъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого уменьшенія прироста крѣпостного населенія былъ переходъ значительнаго числа крѣпостныхъ крестьянъ въ казенные, государственные; другою важной причиной, несомнѣнно, было ослабленіе нарожденія. Семейная жизнь была поставлена такъ неправильно и экономическій бытъ былъ такъ ненормаленъ, что и то и другое не могло не отразиться на рождаемости и смертности. Далѣе, для многихъ крѣ-

постныхъ владѣльцевъ дальнѣйшее пользованіе крѣпостнымъ правомъ становилось тягостнымъ и невозможнымъ. Это можно замѣтить по сравненію числа крѣпостныхъ владѣльцевъ по обѣимъ ревизіямъ. Число крѣпостныхъ владѣльцевъ по 8-й ревизіи было 127,103 человѣка; въ рукахъ ихъ находилось 10.872,229 ревизскихъ душъ мужского пола. По 10-й ревизіи ихъ осталось 106,897 человѣкъ съ нѣсколько уменьшившимся количествомъ ревизскихъ душъ — именно 10.696,139. Итакъ, число душевладѣльцевъ уменьшилось на 16%, тогда какъ число крѣпостныхъ уменьшилось только на 2½%. Очевидно, что крѣпостное владѣніе стало сосредоточиваться въ меньшемъ количествѣ рукъ,—признакъ, что многія руки оказались неспособными или не желающими держаться за крѣпостное право. Далѣе, цифры ревизіи показываютъ, что безземельное владѣніе крѣпостными душами становилось невозможнымъ. Многіе душевладѣльцы до 8-й ревизіи, не имѣя земли, владѣли крѣпостными, которые находились въ положеніи дворовыхъ людей. Такихъ безпомѣстныхъ дворянъ по 8-й ревизіи числилось 17,763 человѣка (изъ числа 127 тыс. всѣхъ душевладѣльцевъ), въ рукахъ которыхъ находилось 62,000 душъ мужского пола. По 10-й ревизіи число безпомѣстныхъ душевладѣльцевъ и принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ въ продолженіе 22 лѣтъ уменьшилось почти въ 5 разъ. Главной причиной уменьшенія было отпущеніе дворовыхъ людей на волю. Законъ 1841 г. запретилъ продавать крестьянъ безъ земли; слѣдовательно, у безпомѣстныхъ оставалось одно средство развязаться съ своими крѣпостными — отпустить ихъ на волю. Изъ другихъ источниковъ извѣстны и другія явленія, которыя ознаменовали разрушеніе крѣпостного права, начавшееся прежде, чѣмъ оно было отмѣнено. Во-1-хъ, въ XIX стол. замѣтно

ухудшался бытъ крѣпостныхъ. Въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ до конца царствованія Екатерины II, число оброчныхъ крестьянъ положительно преобладало надъ барщинными. Легко понять, что переходъ изъ оброчнаго состоянія въ барщинное ухудшилъ положеніе крестьянъ. Оброчный жилъ, самъ распоряжаясь своимъ трудомъ, не только своимъ хозяйствомъ, но и своимъ умомъ, барщинный дѣйствовалъ, боясь приказчиковъ, не имѣя ни ума, ни воли. Съ начала XIX столѣтія, а можетъ быть и со второй его четверти у помѣщиковъ обнаружилось стремленіе переводить крестьянъ на барщину. Кажется, смутно предчувствуя конецъ крѣпостного права, дворянство хотѣло напречь обязательный крестьянскій трудъ до послѣдней степени. Въ царствованіе Николая I, въ особенности когда управлялъ Министерствомъ Финансовъ графъ Канкринъ, значительно развилась обрабатывающая фабрично-заводская промышленность въ Россіи. Но и этотъ экономическій успѣхъ повелъ только къ ухудшенію быта крѣпостныхъ, такъ какъ помѣщики отдавали ихъ на прибыльную работу на фабрики. Фабриканты не имѣли никакихъ побужденій щадить наемный трудъ чужихъ крѣпостныхъ. Вотъ почему работа на фабрикахъ повела лишь къ нравственной и физической порчѣ людей.

Отсюда ясно, почему въ царствованіе Николая I въ крѣпостной средѣ появилось нетерпѣливое, нервное ожиданіе воли. Въ продолженіе всего царствованія шла глухая борьба крестьянъ съ землевладѣльцами, обнаружившаяся въ концѣ. Въ 1854 и 1855 г.г. обнародованы были, вызванные Восточной войной, два манифеста, изъ которыхъ одинъ призывалъ охотниковъ въ морское ополченіе, другой въ общегосударственное. Трудно сказать, какъ зародилась и распространилась среди крѣпостныхъ крестьянъ мысль, что эти манифе-

сты призывали ихъ въ ополченіе, что теперь можно поступить туда безъ разрѣшенія помѣщика и что всякій, добровольно записавшійся въ ополченіе, выходилъ на волю съ своимъ семействомъ. Крѣпостные крестьяне массами стекались въ губернскіе города; напрасно власти разубѣждали ихъ; крестьяне оставались въ убѣжденіи, что Царь издалъ этотъ законъ, да начальство, состоящее все изъ дворянъ, прячетъ законъ подъ сукно. Волненіе стало переходить въ мятежъ, вспыхнувшій прежде всего въ Рязанской губерніи, отсюда распространилось по губерніямъ Тамбовской, Воронежской, Нижегородской, Владимірской, Казанской. Движеніе грозило стать общимъ. Пришлось посылать военныя команды для усмиренія безпокойныхъ.

Наконецъ, появились признаки того, что при крѣпостномъ трудѣ землевладѣльцы не могли вести своего хозяйства. Это слѣдствіе крѣпостного права было неожиданно для нихъ самихъ. Въ концѣ царствованія Николая I землевладѣльцы страшно задолжали казнѣ, закладывая свои имѣнія; къ 1861 году, при количествѣ 107,000 душевладѣльцевъ, 44,000 имѣній съ населеніемъ въ 7.107,000 душъ ревизскихъ, равнявшихся $^2/_3$ всего крѣпостного населенія, были заложены въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ на сумму $425^1/_2$ милл. рублей. Между тѣмъ, какихъ-либо особенно безумныхъ хозяйственныхъ предпріятій не было замѣчено.

Итакъ, крѣпостное право разрушало само себя, его собственныя и неизбѣжныя послѣдствія дѣлали невозможнымъ дальнѣйшее его существованіе. Узелъ, затягивавшійся въ теченіе двухъ вѣковъ, надъ которымъ такъ долго ломало голову и руки правительство, сталъ развязываться самъ собою, оттого что стали гнить нити, изъ которыхъ онъ былъ самъ связанъ. Но этому

гніенію не мало способствовало и законодательство Николая I. Оно содѣйствовало упадку крѣпостного права не тѣмъ, что подготовляло крестьянъ къ принятію свободы, а тѣмъ, что разсѣяло цѣлый рядъ недоразумѣній, которыми были наполнены головы помѣщиковъ и которыя возникли отъ власти надъ душами. Такъ, законъ не прикрѣплялъ крестьянъ прямо къ землѣ: по буквѣ закона русское крѣпостное право не было земельнымъ, какъ на Западѣ, гдѣ помѣщикъ не могъ оторвать крестьянъ отъ земли. Къ землѣ крестьянъ прикрѣплялъ не законъ, а необходимость. На помѣщикѣ лежала тогда масса повинностей, напримѣръ, платежъ податей за своихъ крестьянъ. Хотя основнымъ источникомъ, изъ котораго можно было черпать для покрытія государственныхъ требованій, оставался земледѣльческій трудъ крѣпостного, но законъ не обязывалъ помѣщиковъ держать крестьянъ на землѣ; почти до конца крѣпостного состоянія сохраняли силу слѣдующія двѣ статьи въ IX томѣ Свода Законовъ о состояніяхъ; статья 1047 гласила: «Отъ усмотрѣнія владѣльцевъ зависитъ переводить крестьянъ своихъ во дворы или дворовыхъ на пашню и измѣнять по своему усмотрѣнію ихъ повинности»; статья 1150:—«Крестьяне порознь и отдѣльно отъ селенія, такъ же, какъ и дворовые люди, могутъ быть отпускаемы на волю, какъ съ землей, такъ и безъ земли». Отсюда въ помѣщичьей средѣ укоренился предразсудокъ, заключавшійся въ мысли, что крѣпостное владѣніе было чисто личное, безземельное; что не законъ обязывалъ надѣлять крестьянъ землей, а экономическій, хозяйственный интересъ владѣльца, которому принадлежитъ безраздѣльно владѣніе не только трудомъ, но и судьбою крѣпостного. Но такая мысль была невозможна политически и экономически при томъ значеніи, какое имѣли

крестьяне для государства. Этотъ предразсудокъ укоренился тѣмъ легче, что помѣщики были плохіе историографы: они давнымъ-давно забыли, когда, какъ и почему возникло крѣпостное право. Объ этомъ даже ничего не могли припомнить члены Государственнаго Совѣта въ началѣ этого столѣтія, когда Александръ I возбудилъ тамъ вопросъ о положеніи крѣпостныхъ и просилъ составить историческую записку о мѣрахъ, которыя предпринимались относительно крестьянъ со времени Петра Великаго. При такомъ предразсудкѣ, поддерживаемомъ полнымъ забвеніемъ прошлаго, среди помѣщиковъ укоренилось убѣжденіе, что крѣпостные составляютъ ихъ простую частную собственность; они есть только подробность сельско-хозяйственнаго инвентаря, на ряду съ другими предметами; предметъ собственности не одни только руки и трудъ, но и личность крѣпостного, его душа и воля. Эта мысль повела къ тому, что еще при Императорѣ Александрѣ I, когда обсуждались мѣры облегченія быта крѣпостныхъ, нѣкоторые очень неглупые люди предлагали выкупъ самой личности крѣпостного, независимо отъ земли, назначая даже таксы, смотря по возрасту. Послѣ закона Николая I нельзя было держаться этого взгляда на отношенія крѣпостныхъ и землевладѣльцевъ.

Законодательство Николая I прежде всего стремилось придать крѣпостному владѣнію болѣе поземельный характеръ, т. е. привязать къ землѣ крѣпостныя руки, внушая землевладѣльцамъ, что они не полные владѣльцы крѣпостныхъ, а только ихъ труда. Эта мысль мелькаетъ еще въ концѣ XVIII в., но въ XIX в. она какъ-то исчезаетъ въ помѣщичьемъ сознаніи. Указъ 2 января 1841 г. запретилъ продавать крѣпостныхъ въ розницу. Указъ 29 ноября 1843 г. воспретилъ продавать и покупать крѣпостныхъ безъ земли, слѣдова-

тельно—покупку и продажу дворовыхъ людей. Указъ 8 ноября 1848 г. предоставляетъ одну важную льготу крѣпостнымъ крестьянамъ; крестьяне имѣній, продававшихся съ публичнаго торга за долги владѣльцевъ, имѣли право выкупа себя съ землей. Такимъ образомъ, *тихонько подкинута была законодательствомъ истинно христіанская мысль, составляющая, можетъ быть, лучшую историческую заслугу всего царствованія Императора Николая I, именно мысль, что личность человѣка даже въ крѣпостномъ состояніи не можетъ быть предметомъ купли и продажи*. 2 апрѣля 1848 г. былъ изданъ знаменитый въ свое время указъ о состояніи обязанныхъ крестьянъ, Этотъ указъ предоставлялъ землевладѣльцамъ право вступать со своими крестьянами въ договоръ о повинностяхъ, которыя крестьяне должны были нести за владѣніе помѣщичьей землей. Крестьяне, съ которыми землевладѣльцы вступали въ такіе договоры, вступали въ разрядъ «обязанныхъ поселянъ», которые были выдѣлены въ Сводѣ Законовъ изъ состоянія крѣпостныхъ. Указъ этотъ, какъ уже было сказано, имѣлъ очень ограниченное дѣйствіе: только три владѣльца воспользовались имъ и вступили въ договоръ со своими крестьянами о временномъ или постоянномъ пользованіи землею. Но значеніе указа— не экономическое, а юридическое и очень важное для дальнѣйшаго освободительнаго законодательства. Разъ такой договоръ состоялся, крѣпостные крестьяне обращались въ обязанныхъ поселянъ; ничего, повидимому, не измѣнялось: помѣщики удерживали землю, крестьяне оставались на чужой землѣ. Бумагу подписывали въ гражданской палатѣ,—больше ничего. Никто и не замѣтилъ, что указъ 2 апрѣля вносилъ страшный переломъ въ крѣпостное право, какъ право и учрежденіе. А гдѣ же выкупъ личности крестьянъ, которые только

на основанiи договора выходили изъ крѣпостныхъ? Никто и не замѣтилъ, что указъ 2 апрѣля признавалъ личность крестьянина не подлежащей выкупу; молча, законъ признавалъ крестьянина, какъ лицо правоспособное. На почвѣ этого закона и возможенъ сталъ указъ 19 февраля 1861 г., 1-я статья котораго гласитъ, что право на крѣпостную личность падаетъ само собою, что законодательству остается только опредѣлить поземельныя отношенiя крестьянъ къ помѣщику. Такъ падали опоры крѣпостного права; и крестьяне, и правительство отказались отъ него. Но падали ли опоры этого права въ общественномъ мнѣнiи, отказалось ли отъ него общество? Общество состояло изъ душевладѣльцевъ и лицъ, не имѣвшихъ ничего, кромѣ своей души. И тѣ, и другiе въ массѣ были противъ отмѣны крѣпостного права; и тѣми, и другими руководила скрытая боязнь, имѣвшая, впрочемъ, неодинаковое происхожденiе. Душевладѣльцы боялись за общественный порядокъ. Значительное большинство очень благоразумныхъ людей, не принадлежавшихъ ни къ крѣпостникамъ, ни къ душевладѣльцамъ, были убѣждены, что крѣпостные крестьяне не сумѣютъ воспользоваться свободой и подвергнутъ риску общественный порядокъ. Если угодно, въ этомъ опасенiи была своя доля состоятельности: какъ можно было съ увѣренностью сказать, что 23 милл. душъ, получившихъ дурное политическое воспитанiе въ крѣпостномъ состоянiи, тотчасъ по освобожденiи явятся благовоспитанными и благоразумными гражданами? Однако, дѣло стало неотложнымъ. Важность и неотложность его разрушенiя чувствовалась всѣми; огромное количество рабочихъ силъ страны находилось и чувствовало себя въ ненормальномъ положенiи. Въ 1858 г. населенiе равнялось 60.143,000 душъ; на это число приходилось крестьянъ,

безъ малаго, 50 милліоновъ. Они раздѣлялись на три главные разряда: 1) государственные, 2) удѣльные, 3) крѣпостные крестьяне. Крестьянъ государственныхъ числилось 23.138,000 душъ обоего пола, удѣльныхъ—3.326,000, а крѣпостныхъ—22.559,000 (ревизскихъ душъ изъ нихъ числилось 10.973,000). Государственные крестьяне считались вольными, работали на государственной землѣ и за то платили кромѣ подушной подати государственный оброкъ. Удѣльные образовались изъ прежнихъ дворцовыхъ, по указу Павла 5 апрѣля 1797 г. Доходы съ этихъ крестьянъ шли на содержаніе Царской Фамиліи, но крестьяне эти считались вольными и управлялись похоже на государственныхъ. Итакъ, немного меньшая половина всего крестьянскаго населенія Европейской Россіи, служившая главной опорой экономическаго и политическаго порядка Россійскаго государства, находилась въ ненормальномъ и исключительномъ положеніи, рѣзко отличавшемся отъ положенія другой, бо̀льшей половины. Такое положеніе не могло продолжаться долго. Впрочемъ, сколько можно припомнить, едва ли кѣмъ признавался вредъ крѣпостного права, за исключеніемъ мыслящей части общества. Всѣми чувствовались только неудобства этого права и опасность, которою его дальнѣйшее сохраненіе грозило общественному порядку.

Таково было положеніе этого сложнаго дѣла въ началѣ новаго царствованія. Въ началѣ новаго царствованія едва ли кто ожидалъ такой скорой развязки. Предшествующій Императоръ оставилъ преемнику дѣло въ неопредѣленномъ положеніи. Умирая, какъ извѣстно, удрученный успѣхами враждебной коалиціи въ Крыму, онъ сказалъ сыну на своемъ обычномъ языкѣ: «сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ бы слѣдовало; оставляю тебѣ много тру-

довъ и заботъ». Русское общество встрѣтило новаго Императора съ убѣжденіемъ, что это—представитель консервативнаго и аристократическаго направленія, что онъ будетъ поддерживать дворянство, которому будетъ хорошо житься подъ его рукой. Это убѣжденіе поддерживалось циркуляромъ, изданнымъ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ новаго Императора, и тѣмъ, что министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Ланской, вмѣсто нелюбимаго Бибикова, пріобрѣтшаго репутацію ненавистника дворянъ и чуть ли не анархическаго защитника крестьянъ. Въ циркулярѣ значится, что Императоръ рѣшилъ ненарушимо охранять права дворянства, дарованныя его вѣнценоснымъ отцемъ. Когда этотъ циркуляръ былъ напечатанъ, то въ англійскомъ клубѣ онъ раскупался нарасхватъ, такъ что понадобилось выпустить второе изданіе его. Такъ началось новое царствованіе; по отношенію къ крестьянскому вопросу, оно началось совсѣмъ не такъ, какъ царствованіе его предшественника. Императоръ Николай I, вступивъ на престолъ, не разъ обращался къ дворянству съ предложеніемъ позаботиться объ улучшеніи быта крестьянъ. Новый же Императоръ въ циркулярѣ Ланскому 8-го марта 1855 г. не замолвилъ ни слова о крестьянахъ. Такое отношеніе къ тяжелому вопросу объясняется тѣмъ, что въ 1855 г. къ разрѣшенію его еще ничего не было готово ни въ умахъ, ни въ канцеляріяхъ. Можетъ быть, единственный умъ, который тогда обсуждалъ планъ дѣла, былъ именно умъ новаго Императора. Вопросъ подкрался и сталъ на очередь какъ-то вдругъ, незамѣтно, какъ смерть, которую мы всю жизнь ждемъ и которую все же встрѣчаемъ какъ неожиданную гостью, когда она явится.

Тотчасъ по заключеніи Парижскаго мира, въ концѣ марта 1856 г., Императоръ пріѣхалъ въ Москву. Гене-

ралъ-губернаторъ Москвы, графъ Закревскій, извѣстный и несокрушимый защитникъ крѣпостного права, донесъ Государю, что среди дворянъ ходятъ слухи объ освобожденіи, что дворяне смущены этими слухами и что надо было бы что нибудь сказать, чтобы успокоить ихъ. Закревскій просилъ принять депутацію отъ дворянства. Въ то время ходили слухи, что идея освобожденія крестьянъ навязана была—кѣмъ бы вы думали?—враждебной коалиціей, и что Наполеонъ III поставилъ однимъ изъ условій мира отмѣну крѣпостного права. Въ истинности этого слуха, полученнаго изъ вѣрнаго источника, увѣрялъ въ англійскомъ клубѣ предводитель дворянства. Государь принялъ губернскаго предводителя дворянства князя Щербатова, вмѣстѣ съ уѣздными, и сказалъ имъ слѣдующее: «Я узналъ, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Для устраненія неосновательныхъ толковъ по этому дѣлу, объявляю вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, вы сами знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для исполненія». Всѣ были поражены этими словами, какъ громомъ. Ни одному министру не было сообщено не только объ этихъ словахъ, но и о намѣреніи. Тогда всѣ недоумѣвали, какимъ образомъ совершился такой переворотъ въ умѣ Императора, еще въ 1855 г. считавшагося гораздо болѣе рѣшительнымъ защитникомъ крѣпостного права, чѣмъ его отецъ. Ходъ и причина этого переворота во взглядахъ Императора такъ и остались неразъяснимыми для дѣльцовъ тѣхъ лѣтъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ Императору съ вопросомъ, какъ надобно понимать его слова? Императоръ отвѣчалъ, что онъ не желаетъ, чтобы эти слова остались безъ послѣдствій, и что нужно думать объ ихъ практическомъ осуществленіи. Товарищу министра Левшину, который съ той самой минуты явился ревностнымъ защитникомъ освобожденія, поручено было собрать и изучить важнѣйшіе законы о крѣпостномъ правѣ и составить историческую записку о немъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыми можно было бы отмѣнить его. Съ помощью этой записки, Императоръ хотѣлъ самъ познакомиться съ ходомъ развитія крѣпостного права. Между тѣмъ дворъ переѣхалъ въ Москву для коронаціи. Такъ какъ въ Москву къ этому времени должны были съѣхаться всѣ предводители дворянства, то Императоръ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы позондировать почву и склонить упрямые умы на сторону дѣла. На Левшина была возложена эта трудная зондировка. Поговорилъ онъ съ предводителями дворянства великорусскихъ губерній,—только руками машутъ. Онъ предложилъ имъ, по крайней мѣрѣ, собраться потолковать. Собирались, потолковали, но ничего путнаго не вышло. Левшинъ пришелъ въ отчаяніе. Попробовалъ онъ узнать мысли и чувства дворянскихъ представителей западныхъ губерній и къ пріятному удивленію встрѣтилъ чрезвычайную податливость. Бѣлорусскіе и литовскіе предводители заявили, что они раздѣляютъ чувства и мысли правительства. Тому были особыя причины. Дѣло въ томъ, что правительство, желая разъединить мятежниковъ дворянъ съ крестьянами, рѣшило возстановить старые, давно забытые инвентари. Бибиковъ крутыми мѣрами сталъ вводить инвентари. Это было въ 40-хъ годахъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ ихъ попытались ввести

въ западныхъ и литовскихъ губерніяхъ, но при этомъ началась такая сумятица, что литовское дворянство рѣшило лучше выработать планъ вовсе освободить крестьянъ, чѣмъ вводить инвентари. Это и объясняетъ податливость, которую обнаружили литовскіе предводители дворянства.

Виленскому генералъ-губернатору Назимову дана была инструкція о подготовленіи литовскаго дворянства къ ходатайству о «предоставленіи дворянамъ права выработать проектъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», - такими скромными словами замѣняли «освобожденіе крестьянъ». Между тѣмъ, въ ожиданіи того, что предприметъ западное дворянство, 3-го января 1857 г. учрежденъ былъ Секретный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Въ этомъ Комитетѣ и поднялся впервые вопросъ, какъ надо вести дѣло освобожденія крестьянъ. Учрежденіе этого Комитета нужно считать первой практической мѣрой, предпринятой по крестьянскому дѣлу.

Мысль о Комитетѣ была внушена министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Когда Государь спросилъ, что̀ дѣлать дальше, тотъ отвѣчалъ: «учредить Секретный Комитетъ по примѣру тѣхъ, которые были учреждены при Императорѣ Николаѣ». На первый вопросъ Государя (который былъ предсѣдателемъ Комитета): «своевременно ли учрежденіе Секретнаго Комитета?», всѣ отвѣчали утвердительно, кромѣ одного князя Гагарина. Въ Секретный Комитетъ собраны были важнѣйшія дѣла по крестьянскому вопросу изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и прежнихъ комитетовъ, а также собраны и записки нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Въ то время въ дворянскомъ обществѣ стали обращаться многочисленные проекты по крестьянскому дѣлу въ рукописяхъ. Три изъ нихъ особенно обратили на себя вниманіе здравомысліемъ и благожелательствомъ авторовъ; то были проекты Юрія Самарина, Кавелина и

Кошелева. Съ теченіемъ времени въ Комитетѣ набралось до 100 другихъ частныхъ записокъ. Въ виду такого обширнаго матеріала, Комитетъ не зналъ, что дѣлать, и составилъ комиссію, которой предоставилъ разобрать отдѣльные проекты и по нимъ составить свои заключенія. Три члена этой комиссіи: начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, баронъ Корфъ и князь Гагаринъ, проработавъ очень долго, представили Комитету свои заключенія или записки. Но въ нихъ обнаружились такіе непримиримые взгляды, съ которыми не знали, что дѣлать.

Между тѣмъ Комитетъ даже не зналъ, на какихъ началахъ разработать дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Впервые вопросъ объ этихъ началахъ былъ возбужденъ запиской товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина. Здѣсь прежде всего указывается на необходимость освободить крестьянъ съ усадебной землей; потомъ ставился вопросъ, какъ поступить съ пахотнымъ надѣломъ? Рѣшительное большинство Комитета было противъ всякаго надѣла. Князь Гагаринъ стоялъ на томъ, что даже за вознагражденіе нельзя давать пахотной земли. Государь, бывшій за границей, остался недоволенъ работой Комитета и ввелъ въ него великаго князя Константина Николаевича. Этотъ новый членъ придалъ больше энергіи и живости совѣщаніямъ Комитета. Онъ началъ совѣщаться съ отдѣльными членами и такимъ образомъ стали вырабатываться отдѣльныя подробности плана. Основанія плана, къ которымъ сталъ приходить Комитетъ, были таковы: во-первыхъ, для постепенной отмѣны крѣпостного права установить 10-ти лѣтній срокъ; во-вторыхъ, освободить крестьянъ съ усадебной осѣдлостью, но не надѣлять ихъ пахотной землей; въ теченіе 10 лѣтъ вся пахотная земля должна отойти помѣщикамъ, у кото-

рыхъ крестьяне и будутъ снимать ее на какихъ угодно условіяхъ.

Не приступая къ дѣлу, Комитетъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ собрать точныя свѣдѣнія; иначе говоря, Комитетъ отсрочилъ дѣло на неопредѣленное время. Князь Гагаринъ, встревоженный даже этими робкими планами, настаивалъ въ Комитетѣ на необходимости тотчасъ предоставить помѣщикамъ право увольнять крестьянъ съ усадьбами безъ ихъ согласія. Указанныя основанія плана были приняты Комитетомъ послѣ бурныхъ засѣданій въ августѣ. Оказалось, что даже съ этими основаніями очень многіе члены Комитета не были согласны. Самъ вице-предсѣдатель Комитета, князь Орловъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, былъ противъ; Чевкинъ, министръ путей сообщенія,—тоже.

Совершенно случайныя обстоятельства неожиданно двинули дѣло впередъ. Въ ноябрѣ 1857 г. въ Петербургъ пріѣхалъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ. Онъ привезъ съ собою не особенно пріятныя вѣсти. На коронаціи въ Москвѣ, когда предводители дворянства западныхъ губерній обнаружили готовность къ видамъ Государя, Назимову дана была инструкція подготовить дворянство своихъ 3-хъ губерній высказаться правительству въ смыслѣ желанія освободить крестьянъ. Когда предводители вернулись домой, дворяне ихъ встрѣтили очень неласково, говоря, что они не давали такихъ полномочій. Начались споры-толки; самое большее, на что соглашались дворяне литовскихъ губерній, это на безземельное освобожденіе крестьянъ. Когда Назимовъ объявилъ объ этомъ мнѣніи Государю, Государь потребовалъ другихъ, болѣе широкихъ началъ. Нѣсколько чиновниковъ принялись лихорадочно составлять проекты. Изъ этой сочинительной суматохи и

вышелъ знаменитый рескриптъ 20 ноября 1857 г. виленскому генералъ-губернатору Назимову. Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, говорилось, что Государь узналъ о благихъ намѣреніяхъ, которыя питаютъ на счетъ крестьянъ дворяне 3-хъ литовскихъ губерній. Узнавъ съ удовольствіемъ объ этихъ намѣреніяхъ, Государь поручилъ Назимову организовать подготовительные комитеты въ 3-хъ ввѣренныхъ ему губерніяхъ и общую комиссію для всего литовскаго дворянства. Комитеты и комиссія должны были составляться изъ всего мѣстнаго дворянства. Въ поясненіе началъ, выраженныхъ въ рескриптѣ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сопроводило послѣдній секретнымъ сообщеніемъ отъ 21 ноября. Вотъ главныя начала эманципаціи, какъ они тогда представлялись руководителямъ этого дѣла. Для исполненія операціи назначенъ срокъ, не свыше 12 лѣтъ. Усадьбы остаются за крестьянами, могущими выкупить ихъ современемъ; а пахотная земля, въ извѣстномъ размѣрѣ, остается у крестьянъ только въ пользованіи за прибыльныя работы или за оброкъ. Земля, отданная въ пользованіе крестьянъ, отдѣляется отъ господской и никогда не присоединяется къ ней снова, но право собственности на всю землю, крестьянскую и господскую, принадлежитъ помѣщику. Помѣщикъ только за неисправность крестьянъ въ работахъ или въ оброкѣ можетъ лишить его земли и отдать ее другимъ крестьянамъ. Крестьяне образуютъ общества, которыя на сходкахъ ведутъ свои мірскія дѣла и производятъ мірскую расправу.

Дворянство литовскихъ губерній было поражено, узнавъ изъ рескрипта, какія благія намѣренія оно питаетъ. Министръ не рѣшился обнародовать этого сообщенія во всеобщее свѣдѣніе. Но мысль объ этомъ была скоро усвоена Государемъ, говорятъ, по внуше-

ніямъ великаго князя Константина Николаевича. 22 ноября Государю представлялся воронежскій губернаторъ Синельниковъ, ничего не знавшій о виленскомъ рескриптѣ. Государь сказалъ ему о немъ и прибавилъ: «Я рѣшилъ довести это дѣло до конца и, надѣюсь, вы уговорите свое дворянство помочь мнѣ въ этомъ». Дѣйствительно, 24 ноября изданъ былъ циркуляръ, который разосланъ былъ всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. Циркуляръ этотъ сопровождался виленскимъ рескриптомъ и секретнымъ сообщеніемъ министра.

Читая эти документы, можно замѣтить осторожность, съ какою дѣйствовало и даже выражалось правительство: въ первомъ актѣ нѣтъ и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и только говорится объ улучшеніи ихъ быта, потомъ появляется выраженіе: «уничтоженіе крѣпостной зависимости» и, наконецъ, «освобожденіе крестьянъ». Несмотря на сомнѣнія, вызванныя разсылкой этихъ документовъ по губерніямъ, черезъ нѣсколько времени былъ сдѣланъ новый шагъ. Когда-то дворянство Петербургской губерніи на собраніяхъ толковало объ опредѣленіи повинностей крѣпостныхъ крестьянъ. Это дѣло въ свое время не обратило на себя вниманія и довольно запылилось, лежа въ архивѣ. Дѣло пообчистили и напомнили о немъ петербургскому дворянству. 5 декабря къ петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву обращенъ былъ рескриптъ, который гласилъ, что такъ какъ дворянство Петербургской губерніи нѣкогда изъявляло желаніе улучшить бытъ своихъ крестьянъ, то Государь разрѣшаетъ имъ приступить къ выработкѣ проекта. Для этого повелѣвалось теперь же открыть губернскій комитетъ по этимъ дѣламъ. Въ заключеніи высказывалась надежда, что петербургское дворянство вполнѣ оправдаетъ

довѣріе, оказанное ему Государемъ. Нечего дѣлать, надо было приниматься за дѣло. И этотъ рескриптъ сопровождался отношеніемъ министра, но только уже не секретнымъ. Въ немъ еще нѣтъ рѣчи о выкупѣ пахотной земли въ собственность крестьянъ; но зато уже настойчиво раздается рѣчь о мірской организаціи крестьянъ. Здѣсь уже читаемъ, что право выкупа и право собственности на усадьбу пріобрѣтается либо цѣлымъ міромъ, либо семействомъ, подъ условіемъ уплаты выкупа за усадьбу; но и въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при выкупѣ, эти земли остаются въ составѣ мірского общества. Въ остальныхъ актахъ повторяются виленскіе документы. Только одна прибавка любопытна здѣсь: земля, отведенная въ пользованіе крестьянамъ, должна оставаться въ пользованіи всего міра, слѣдовательно, общины, и ея обмѣнъ на господскую землю допускается только съ согласія міра. Крестьяне въ переходное время не могутъ покупать земли безъ разрѣшенія міра и безъ согласія помѣщиковъ. Міръ былъ выдвинутъ на первый планъ рядомъ съ помѣщикомъ, и ему было отведено большое мѣсто въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Изъ Петербурга бумаги, т. е. документы, обращенные къ петербургскому дворянству, были разосланы начальникамъ губерній. Достойна вниманія быстрота, съ которой мѣнялась политическая температура. 21 ноября еще считалось необходимымъ секретно сообщить мѣстному дворянству свѣдѣнія объ эманципаціи, а 24 ноября нашли необходимымъ обнародовать ихъ во всеобщее свѣдѣніе.

Прежде всего откликнулось на призывъ правительства дворянство двухъ губерній, именно губерній Нижегородской и Орловской; они представили ходатайство о позволеніи образовать комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Но дворянство другихъ губерній колебалось

и туго поддавалось на увѣщанія губернаторовъ и предводителей. Въ началѣ 1858 года считалось только 11 губерній, дворянство которыхъ изъявило желаніе образовать комитетъ. Особенно упорна была въ стремленіи спрятаться за другихъ Московская губернія. Она сквозь зубы обмолвилась о комитетѣ, но и то съ осторожными оговорками, которыя шли совершенно въ разрѣзъ съ основаніями, выраженными въ рескриптѣ. Государь отклонилъ эти оговорки и подчеркнулъ только желаніе образовать комитетъ и приступить немедленно къ дѣлу, согласно съ виленскимъ и другими рескриптами. И въ другихъ губерніяхъ дворянство морщилось, притворялось, что и радо бы, да не понимаетъ условій. Большинство не рѣшилось выступить прямо противъ правительства, чтобы не стать въ непріятное положеніе въ обществѣ. Чтобы разсѣять эти колебанія, въ февралѣ 1858 года Министерство Внутреннихъ Дѣлъ издало особый циркуляръ начальникамъ тѣхъ губерній, которыя заявили желаніе учредить комитеты. Этотъ циркуляръ настаивалъ на томъ, что объявленныя положенія останутся во всякомъ случаѣ неизмѣнными, обезпечивая помѣщикамъ право собственности на землю, а крестьянамъ ихъ осѣдлость вмѣстѣ съ достаточными средствами для выполненія обязанностей предъ государствомъ и помѣщикомъ. «Только на этихъ основаніяхъ», прибавляетъ циркуляръ, «можетъ быть обезпечено спокойствіе и благосостояніе всѣхъ и каждаго».

Наконецъ, двинуто было и еще одно новое орудіе противъ упорства дворянъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, рядомъ со своими циркулярами, взялъ на себя обязанность писать передовыя статьи и разсылать ихъ казеннымъ путемъ начальникамъ губерній. Но было еще средство дѣйствовать на головы—средство еще не тронутое и, слѣдовательно, свѣжее и энергическое: пе-

чать и журналистика. Сдѣлано было распоряженіе, что печать можетъ свободно обсуждать средства, могущія привести къ благополучному рѣшенію крестьянскаго вопроса. Этого давно ждали въ редакціяхъ, и началось литературно-научное обсужденіе крестьянскаго вопроса съ самаго почти начала 1858 года. То было замѣчательное время въ исторіи русской печати. Она впервые попробовала свои силы на вопросѣ, который затрагивалъ существенные интересы всѣхъ и каждаго и отъ рѣшенія котораго зависѣла будущность страны. Можетъ быть, было слишкомъ рано пріучать молодую печать на такомъ животрепещущемъ вопросѣ. Какъ бы то ни было, печать съ жаромъ принялась за него, она начала обсуждать его со всѣхъ сторонъ: съ нравственной стороны, доказывая, что всѣ господствующіе пороки въ обществѣ имѣютъ начало въ крѣпостномъ правѣ, и что никакой нравственный успѣхъ не возможенъ безъ его отмѣны; съ юридической стороны законовѣды доказывали, что крѣпостное право, т. е. произволъ помѣщика надъ крѣпостнымъ, не находитъ нигдѣ основаній. Печать обсуждала этотъ вопросъ и съ экономической стороны. Наконецъ, печать принялась обсуждать его и съ эстетической стороны. То было время, когда написано было много лирическихъ статей въ прозѣ, доказывавшихъ необходимость братскаго отношенія къ меньшему брату, т. е. къ крѣпостнымъ. Впечатлѣніе этихъ статей, полившихся потокомъ, доселѣ остается живо въ тѣхъ, кто читалъ ихъ. Всѣ эти статьи брали вопросъ нѣсколько по-своему: онѣ отличались обиліемъ общихъ идей и чувствъ. Онѣ разсматривали крѣпостное право отвлеченно, безъ отношенія къ Россіи; въ нихъ былъ большой недостатокъ подробностей и практическихъ соображеній; по большей части онѣ рисовали вредъ личнаго произвола надъ человѣкомъ, не считая нужнымъ

входить въ житейскую обстановку крѣпостного права. Подъ вліяніемъ этихъ статей крѣпостное право, отрывавшееся постепенно отъ реальной почвы, казалось чѣмъ то въ родѣ морского спрута, который своими длинными и тонкими лапами захватываетъ всѣ нити и нервы народной жизни.

Понятно, въ какомъ свѣтѣ должны были явиться жертвы крѣпостного права. Тогда началась идеализація крестьянъ; образовалась цѣлая художественная школа въ нашей литературѣ, которая взялась идеализировать нашихъ крестьянъ. Въ ихъ произведеніяхъ крестьяне являлись точь въ точь фарфоровыми мужичками и бабочками, какіе продаются въ стеклянныхъ и игрушечныхъ лавкахъ. Любопытно, что наиболѣе трезвое и даже жестокое слово сказалъ митрополитъ московскій Филаретъ. 19 февраля 1858 года онъ обратился къ московскому дворянству съ проповѣдью, въ которой взглянулъ на данный вопросъ совершенно практично и даже черство. Онъ сказалъ, что общежитіе держится на жертвахъ, приносимыхъ частными людьми общему благу, что неумѣстныя притязанія частныхъ интересовъ могутъ итти въ разрѣзъ съ общими и породить опасныя внутреннія усобицы. Дворянству поэтому надо открыть глаза на положеніе дѣла—на опасности, которыя грозятъ ему въ случаѣ упорства. Проповѣдь довольно ясно намекала на возможность крестьянскихъ бунтовъ и очень кровавыхъ. Итакъ, съ высоты философскихъ разсужденій и идеалистическихъ взглядовъ вопросъ былъ прямо сведенъ на почву всѣмъ понятную, въ область, которую вѣдаютъ полицейскіе. Постепенно среди дворянства стала выдѣляться сильная, если не по числу, то по энергіи, партія, рѣшившая энергично итти на встрѣчу правительству,—это партія либераловъ-дворянъ; изъ ихъ среды шла попытка подойти близко

къ крѣпостному, заговорить съ нимъ по душѣ. Въ апрѣлѣ 1858 года появилась маленькая брошюра, какъ теперь помню, въ желтой оберткѣ, съ изображеніемъ мужичка, читающаго книжку, точь въ точь взятаго изъ повѣсти Григоровича. Анонимная брошюра носила названіе: «Печатная правда». Это было досужее произведеніе добряка князя С. П. Голицына. Онъ въ брошюрѣ обращался къ своимъ и чужимъ крестьянамъ, стараясь разъяснить смыслъ Высочайшихъ рескриптовъ; книга была написана народнымъ языкомъ. Доброму князю, навѣрно, приходилось въ первый разъ писать этимъ языкомъ. Нужно было создать его, ибо онъ едва ли когда его слышалъ: то былъ дикій языкъ, на которомъ даются балаганныя представленія; простонароднаго и народнаго въ этой рѣчи не было и запаха. Трудно было написать книгу фальшивѣе по тону и безсодержательнѣе по смыслу. Несмотря на это, книга быстро расходилась. Типографіи едва успѣвали ее печатать. Она стоила всего 12 копѣекъ. Повидимому, книга хотѣла доказать крестьянамъ, что рескрипты ничего не перемѣняютъ. Книга была напечатана такъ неопредѣленно, что дворяне заподозрили въ авторѣ яраго защитника крѣпостного права. Этимъ объясняется появившаяся тогда въ Русскомъ Вѣстникѣ статья противъ брошюры современнаго просвѣтителя народа, которая и похоронила ее. Она принадлежала остроумному перу Алексѣя Жемчужникова и обладала также сомнительными качествами и неясностью и безсодержательностью не уступала своей жертвѣ. Послѣ этой статьи выяснилось: «чтобы быть просвѣтителемъ, надо удостоиться этого, а не удостоить этимъ народъ». Тогда этотъ афоризмъ показался почему-то необыкновеннымъ. Но не надобно скрывать и правды: во всей энергіи, съ которой либеральная часть дворянства повела дѣло, была и поли-

тическая подкладка, которую можно теперь обозначить, никого не обижая. Освободители, дворяне-либералы, жертвуя интересами сословія, расчитывали на награду политическую: тогда было общее убѣжденіе въ этихъ кружкахъ, что эманципація крестьянъ есть преддверіе конституціи.

Встрѣтивъ опору въ печати, въ духовенствѣ и во вліятельной части дворянства, Государь рѣшилъ приступить къ выработкѣ самаго положенія освобожденія крестьянъ. Съ этою цѣлью въ январѣ 1859 года былъ учрежденъ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Комитетъ составился почти изъ тѣхъ же членовъ, которые участвовали и въ Секретномъ Комитетѣ. Задачей Комитета было управлять работами дворянскихъ губернскихъ комитетовъ и сообщать имъ единство дѣйствія. Комитетъ ревностно принялся за работу. Онъ обнародовалъ прежде всего программу дѣйствій и раздѣлилъ ихъ на три періода: въ 1-й періодъ Комитетъ долженъ былъ выработать мѣстные проекты быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; во 2-й періодъ онъ долженъ былъ ввести въ дѣйствіе этотъ проектъ, и въ 3-й періодъ выработать проектъ общественнаго устройства крестьянъ, т. е. ихъ самоуправленія. Когда дѣло получило такое быстрое развитіе, тогда люди, надѣявшіеся отстоять существующій порядокъ, искали лишь случая затормозить его. Случай скоро представился; онъ шелъ оттуда, откуда обыкновенно идутъ всѣ благопріятные въ консервативномъ духѣ случаи,—изъ Остзейскихъ губерній.

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ войны съ Наполеономъ I, при Александрѣ I были освобождены отъ крѣпостной зависимости крестьяне Остзейскихъ губерній. Они освобождены были безъ земли и стали только въ положеніе наслѣдственныхъ съемщиковъ-арендаторовъ земли у помѣщиковъ. Чтобы устранить невыгодныя по-

слѣдствія такого безземельнаго освобожденія, правительство лѣтомъ 1858 г. приняло мѣры къ обезпеченію за крестьянами части ихъ арендныхъ участковъ, на правахъ собственности. Остзейское дворянство такъ перетолковало эту мѣру, что между крестьянами, преимущественно въ Эстляндіи, поднялись волненія, которыя пришлось унимать вооруженной командой. Защитники старины въ центральныхъ губерніяхъ готовы были апплодировать и, принявъ горестный видъ, стали говорить объ опасности, которая грозитъ государству. Надѣялись, что эстляндскія событія образумятъ Петербургъ. Затѣмъ, съ удовольствіемъ замѣтили, что до сихъ поръ Государь ничего не сдѣлалъ для своихъ крестьянъ, т. е. крестьянъ удѣльнаго вѣдомства. Въ этомъ увидѣли признаки неискренности либеральныхъ стремленій Императора. Но эта надежда скоро пала: 20 іюня обнародованъ былъ указъ, который предоставлялъ удѣльнымъ крестьянамъ права свободныхъ состояній и укрѣплялъ за ними въ собственность земли, пріобрѣтенныя ими прежде на имя Департамента Удѣловъ, управлявшаго ими. Тогда увидѣли, что дѣло освобожденія рѣшено безповоротно.

Между тѣмъ въ губернскихъ комитетахъ шла оживленная борьба. Либеральное меньшинство боролось съ консервативнымъ большинствомъ. Губернская жизнь, можетъ быть, никогда не была такъ оживлена, какъ въ 1858 г. Упорство консервативнаго большинства всюду замедляло дѣло. Проекты положеній, несмотря на назначенный шестимѣсячный срокъ, мало гдѣ вырабатывались. Тогда Императоръ рѣшилъ для поощренія дворянства предпринять поѣздку по великороссійскимъ губерніямъ; это было въ іюлѣ и въ августѣ 1858 г. Всюду Государь говорилъ съ предводителями дворянства и всюду говорилъ чрезвычайно рѣзко и

определенно. Наконецъ, незадолго до коронаціи, въ августѣ, онъ пріѣхалъ въ Москву. Разумѣется, здѣсь собрались дворяне и выслушали слѣдующія достопамятныя слова: «Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство; но, говорить неправду— не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, теперь благодарить васъ не могу. Вы помните, когда я два года тому назадъ въ этой самой комнатѣ говорилъ, что крѣпостное право лучше отмѣнить сверху, а не снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ этого, я долго думалъ, и наконецъ, помолясь Богу, рѣшился дѣйствовать. Вслѣдствіе вызова, я ожидалъ, что московское дворянство первое откликнется, но отозвалась Нижегородская губернія, а Московская— ни первая, ни вторая, ни даже, къ сожалѣнію, третья. Это мнѣ было весьма прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, и люблю ее, какъ родную. Я далъ вамъ начала и никакъ отъ нихъ не отступлюсь. Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола; я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ. Я всегда готовъ сдѣлать для васъ, что могу, и всегда готовъ стоять за васъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Этимъ вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе». Никогда еще московское, да и никакое дворянство не слышало такихъ словъ отъ Государя. Говоря съ дворянами, Государь, между прочимъ, обѣщалъ вызвать депутатовъ изъ губернскихъ комитетовъ въ Главный. Но и послѣ того дѣло подвинулось мало. Къ началу 1859 г. только въ 11 губерніяхъ составлены были проекты положеній. Печать, на время примолкшая во вторую половину 1858 г., опять выступила и тутъ сыграла замѣтную роль въ движеніи дѣла. Исходя изъ началъ, высказан-

*

ныхъ въ рескриптѣ, рядъ статей развилъ ихъ дальше. Эти начала заключались въ слѣдующемъ: признаніе права собственности земли за помѣщикомъ, надѣленіе крестьянъ усадебной землей и выкупъ усадебъ въ ихъ собственность, пользованіе землей пахотной за оброкъ или барщину. Въ рядѣ статей доказывалась необходимость полной и быстрой отмѣны крѣпостной зависимости и необходимость освобожденія не только съ усадьбой, но и съ пахотной землей, которая выкупалась бы при содѣйствіи казны. Эти статьи сильно двинули работы комитетовъ, большинство которыхъ стало догадываться, что дальнѣйшее упорство вызоветъ еще болѣе радикальные проекты въ печати. Нѣкоторые комитеты поторопились составить проекты положеній, чтобы отстоять начала рескриптовъ, пока есть время. Между тѣмъ и въ самомъ Главномъ Комитетѣ произошелъ расколъ: консервативные члены не шли на сдѣлки и великій князь Константинъ долженъ былъ выступить противъ нихъ съ такой энергіей, которая заставила его выйти изъ Комитета. Тогда къ этому времени, т. е. къ началу 1859 г. относится рѣшеніе Государя взять дѣло изъ рукъ дворянства и передать его въ руки чиновниковъ, преданныхъ дѣлу. Когда стала поступать масса губернскихъ проектовъ, явилась необходимость составить въ Петербургѣ комиссію, которая свела бы ихъ въ одну общую систему; для этого систематическаго свода проектовъ и для выработки окончательнаго положенія въ февралѣ 1859 г. и были образованы при Главномъ Комитетѣ двѣ Редакціонныя Комиссіи: одна для выработки общихъ положеній, другая — мѣстныхъ. Предсѣдателемъ обѣихъ комиссій назначенъ былъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ. Онъ былъ простого происхожденія: дѣдъ его былъ слесарь, отецъ былъ простой

кузнецъ въ Москвѣ. Личными успѣхами Ростовцевъ поднялся наверхъ; по собственному признанію, онъ мало зналъ крестьянъ, но успѣлъ понять Государя и вложить въ дѣло, если немного знаній, то много энергіи и души. Личный составъ Комиссій былъ подобранъ очень разборчиво. Всѣхъ членовъ было 27, и въ большинствѣ то были приглашенные изъ губернскихъ комитетовъ помѣщики. Такъ изъ самарскаго комитета былъ приглашенъ Самаринъ, изъ тульскаго—князь Черкасскій. Эти и однороднаго образа мыслей люди сгруппировались около члена Комиссій, товарища министра внутреннихъ дѣлъ Н. Милютина. По образованію, по уму, по блеску таланта въ Россіи трудно было отыскать лицъ, подобныхъ Самарину, Черкасскому и Милютину. Они и были главными пружинами въ работахъ главныхъ Редакціонныхъ Комиссій. Редакціонныя Комиссіи открыли свои засѣданія 4 марта 1859 г. въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса на Васильевскомъ островѣ, по мѣстожительству Ростовцева. На второмъ засѣданіи были опредѣлены цѣль, предѣлы и основы реформы. Основаніемъ реформы должны были служить: 1) переходъ отъ крѣпостной зависимости въ сравнительно короткое время; 2) пріобрѣтеніе крестьянами не только усадебной, но и пахотной земли въ собственность по добровольному соглашенію съ помѣщиками; 3) содѣйствіе правительства въ выкупѣ земель крестьянами. Такимъ образомъ, реформа стала на болѣе прочное и широкое основаніе по сравненію съ высказаннымъ въ рескриптѣ. Съ такимъ трудомъ и послѣ такихъ треволненій выработались, наконецъ, начала, которыя легли въ основаніе реформы. Комиссіи быстро обработали свой матеріалъ, раздѣливъ работу на четыре отдѣла: экономическій, юридическій, административный и финансовый. Работы Редакціонныхъ Комиссій быстро

сдѣлались извѣстны обществу. Тутъ дворянство сознало свою ошибку, понявъ, что излишнимъ упрямствомъ оно выпустило дѣло изъ своихъ рукъ.

Для исполненія обѣщанія, даннаго Государемъ во время путешествія, вызваны были депутаты изъ тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые обнаружили наибольшее усердіе. Такихъ оказалось 21. То были депутаты перваго призыва. Трудно вообразить себѣ то впечатлѣніе, которое произведено было на дворянство этимъ призывомъ. Какъ часто бываетъ съ людьми въ волненіи,—они отдались грезамъ; простое приглашеніе депутатовъ вызвало въ однихъ образы Генеральныхъ Штатовъ Франціи, а можетъ быть и чего-нибудь большаго; а въ другихъ, мало читавшихъ иностранныя книги,—образъ стараго Земскаго Собора, къ которому всегда обращались русскіе умы въ удручающія минуты. Депутаты ѣхали въ Петербургъ съ мыслію образовать настоящее представительное собраніе, и вдругъ имъ объявили, что ихъ будутъ вызывать поодиночкѣ. Депутаты стали волноваться; стали устраивать сходки, мѣсто для которыхъ было гостепріимно предложено предводителемъ петербургскаго дворянства, графомъ Шуваловымъ. Здѣсь депутаты послѣ шумныхъ засѣданій и выработали письмо на имя предсѣдателя Ростовцева для передачи Государю. Не замедлилъ и отвѣтъ; имъ сказали, что ихъ вызвали не для выработки основныхъ началъ, давно положенныхъ начальствомъ, а для выясненія второстепенныхъ подробностей, для которыхъ важны показанія людей, знакомыхъ съ мѣстнымъ положеніемъ вещей. Въ этомъ смыслѣ говорилъ имъ и Государь, вызвавъ ихъ въ Царское Село въ сентябрѣ 1859 года. Слова эти нѣсколько охладили депутатовъ. Впрочемъ, всѣ усилія Ростовцева помириться съ ними, обѣдъ, который онъ имъ далъ, и другія мѣры остались

безплодны. Депутаты старались подать адресъ, за что получили выговоръ. Дѣло было къ осени: предстояли губернскія дворянскія собранія; депутаты думали воспользоваться ими, чтобы высказать общій протестъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ циркуляръ, воспрещавшій говорить о крестьянскомъ дѣлѣ на дворянскихъ собраніяхъ. Нѣкоторые не унялись и всетаки составили адресъ, въ которомъ требовали общаго равенства передъ закономъ, гласнаго суда и проч. За это нѣкоторые предводители получили выговоръ, другіе отставку, а нѣкоторые ораторы были посланы въ ссылку. Такъ, либеральная часть дворянства стала въ довольно фальшивое положеніе къ правительству: содѣйствуя предпринятому дѣлу, она первая должна была принести жертву.

Къ началу 1860 г. обработаны были остальные губернскіе проекты, и вызваны были новые депутаты изъ губернскихъ комитетовъ: депутаты второго призыва. Между тѣмъ, натянутыя отношенія между правительствомъ и дворянствомъ такъ сильно подѣйствовали на предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій, живого и подвижного Ростовцева, что онъ заболѣлъ и въ февралѣ 1860 г. умеръ. Все общество, ожидавшее благополучнаго разрѣшенія вопроса, было поражено, узнавъ имя его преемника: то былъ министръ юстиціи, графъ Панинъ. Онъ былъ крѣпостникъ въ глубинѣ души, и назначеніе его было истолковано дворянствомъ, какъ признаніе, что смущенное правительство хочетъ отложить дѣло. Но сверху настойчиво вели дѣло дальше, и Редакціонныя Комиссіи, руководимыя Панинымъ, должны были выработать и принять окончательное положеніе. Депутаты второго призыва были приняты радушно, однако никто, даже Шуваловъ, не позвалъ ихъ обѣдать. Этотъ второй призывъ, уже заранѣе настроенный противъ дѣла, высказался консервативнѣе перваго. Въ Редакціонныхъ

Комиссіяхъ тогда окончательно была принята мысль о необходимости обязательнаго выкупа помѣщичьей земли во владѣніе крестьянъ; сами доброжелательные помѣщики желали такого выкупа, чтобы скорѣй развязаться съ крѣпостнымъ трудомъ. Депутаты второго призыва рѣшительно возстали противъ обязательнаго выкупа и настояли на поземельномъ устройствѣ крестьянъ по добровольному ихъ соглашенію съ землевладѣльцами. Этотъ принципъ добровольнаго соглашенія внесенъ, слѣдовательно, представителями консервативнаго дворянства вопреки Комиссіямъ. Выслушавъ замѣчанія отъ депутатовъ второго призыва, Редакціонныя Комиссіи продолжали дѣло. Оно еще не было приведено къ концу, когда наступилъ 1861 годъ; тогда послѣдовало Высочайшее распоряженіе скорѣе кончить дѣло ко дню вступленія на престолъ. Ускореннымъ ходомъ Редакціонныя Комиссіи, давши окончательный видъ общимъ положеніямъ, провели ихъ сначала черезъ общую комиссію въ Главный Комитетъ и затѣмъ въ Государственный Совѣтъ. При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ, вопросъ о личномъ освобожденіи прошелъ мирно, но вопросъ о земельномъ надѣлѣ крестьянъ вызвалъ горячія пренія, такъ какъ противъ надѣла землей высказалась цѣлая треть членовъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что до голосованія Императоръ заявилъ въ Комитетѣ, что онъ не одобритъ освобожденія крестьянъ безъ земли. «Самодержавная власть въ Россіи, сказалъ Александръ II, установила крѣпостное право, ей предстоитъ и отмѣнить его».

Положенія были утверждены и подписаны 19 февраля 1861 г.; Сенатъ ихъ обнародовалъ. Положенія вышли, сопровождаемыя манифестомъ, который читался тогда по всѣмъ церквамъ Россійской Имперіи. Въ продолженіе столѣтій, предшествовавшихъ 19 февраля 1861 г.,

у насъ не было болѣе важнаго акта; пройдутъ вѣка, и не будетъ акта столь важнаго, который бы до такой степени опредѣлилъ собою направленіе самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей жизни.

Главныя начала этого великаго акта заключаются въ слѣдующемъ. Общія положенія начинаются объявленіемъ крѣпостныхъ крестьянъ лично свободными безъ выкупа. Но, получая личную свободу, крестьяне вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ исправнаго платежа государственныхъ и другихъ повинностей, надѣляются землей въ постоянное пользованіе. Эти надѣлы совершаются по добровольному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами. Тамъ, гдѣ такого соглашенія не послѣдуетъ, поземельное обезпеченіе крестьянъ совершается на общихъ основаніяхъ мѣстныхъ положеній, которыя были изданы для губерній великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ. Крестьяне, освободившись отъ крѣпостной зависимости и получивъ отъ землевладѣльца извѣстный земельный надѣлъ въ постоянное пользованіе, платятъ землевладѣльцу деньгами или трудомъ, т. е. платятъ извѣстный оброкъ или несутъ барщину. Пользуясь на такомъ условіи помѣщичьей землею, крестьяне эти составляютъ классъ временно-обязанныхъ. По желанію своему они выкупаютъ у землевладѣльца свои усадьбы; они могутъ покупать и полевыя угодья, но по взаимному соглашенію съ помѣщикомъ. Выкупая усадьбу или землю, они пользуются извѣстной казенной ссудой; какъ скоро крестьяне выкупятъ землю, они выходятъ изъ положенія временно-обязанныхъ. До выкупа помѣщикъ сохраняетъ вотчинно-помѣщичій надзоръ за крестьянами; съ выкупомъ прекращаются всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу, и они вступаютъ въ положеніе крестьянъ-собственниковъ. Вотъ общее основаніе, на которомъ совершалось освобожде-

ніе крестьянъ. Выходя изъ крѣпостной зависимости, крестьяне устраиваются въ сельскія общества, получаютъ извѣстное самоуправленіе.

Такимъ образомъ, весь актъ освобожденія слагался изъ трехъ моментовъ: 1) изъ устройства сельскаго общества; 2) изъ надѣленія крестьянъ землею въ постоянное пользованіе, и 3) изъ выкупа этой земли, отведенной въ постоянное пользованіе. Для насъ второстепенное значеніе имѣетъ устройство сельскаго крестьянскаго управленія; замѣчу только, что всѣ крѣпостные крестьяне устроены были въ особыя сельскія общества. Сельское общество — это поселокъ, принадлежавшій одному владѣльцу, или часть большого поселка, принадлежавшаго нѣсколькимъ землевладѣльцамъ. Сельскія общества, сосѣднія другъ другу, соединяются въ волости; волость—вообще приходъ. Иногда, впрочемъ, могутъ быть соединены принадлежащія, напр., одному землевладѣльцу смежныя сельскія общества разныхъ приходовъ, но такъ, чтобы въ волости было не меньше 300 и не больше 2.000 ревизскихъ душъ. Сельское общество, какъ и волость, представляетъ хозяйственно-административное учрежденіе. Сельское общество управляется сельскимъ старостой и сельскимъ сходомъ; волость управляется выборнымъ волостнымъ старшиной и волостнымъ сходомъ, составленнымъ изъ домохозяевъ волости. Сельскій сходъ, какъ и сельскій староста, имѣетъ чисто хозяйственное и административное значеніе. Волостное управленіе сосредоточивало въ себѣ еще и сословный судъ, органомъ котораго была коллегія выборныхъ судей.

Разумѣется, главныя трудности заключались въ устройствѣ поземельнаго положенія крестьянъ; разрѣшеніе этого вопроса затруднялось разнообразнымъ положеніемъ главныхъ условій, созданныхъ исторіей. Вотъ

основанія этого устройства. Крестьяне, выходившіе изъ крѣпостной зависимости, обязательно надѣлялись землею въ количествѣ, необходимомъ для обезпеченія ихъ быта и исправной уплаты казенныхъ и земскихъ повинностей. Этотъ надѣлъ землею долженъ былъ сообразаться, разумѣется, съ густотой крѣпостного населенія въ извѣстной мѣстности, какъ и съ качествомъ почвы; для этого вся Россія раздѣлена была на три полосы: нечерноземную (сѣверная и частью центральная), черноземную и степную; по качеству почвы и густотѣ населенія, каждая полоса раздѣлялась на мѣстности, которыхъ во всѣхъ трехъ полосахъ было 29. Для каждой мѣстности, по соображенію густоты населенія и качеству почвы, установлялись двѣ нормы подушнаго надѣла, т. е. участка земли на каждую ревизскую душу, независимо отъ количества дѣйствительныхъ рабочихъ рукъ: за основаніе расчисленія приняты были цифры послѣдней, 10-й ревизіи. Одна норма представляла высшій размѣръ подушнаго надѣла, другая — низшій. Низшій размѣръ всюду равнялся одной трети высшаго. Для примѣра приведу нѣсколько цифръ первой, нечерноземной полосы. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи высшій надѣлъ на душу—3 десятины (разумѣются казенныя десятины въ 2.400 кв. с.), слѣдовательно низшій надѣлъ — 1 дес.; въ другихъ уѣздахъ Московской и смежныхъ губерній этотъ надѣлъ возвышается. Въ нечерноземной полосѣ высшій надѣлъ— 7 дес. на душу; таковъ, напр., надѣлъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской, Вятской, Новгородской и Олонецкой губ. Въ два первые года со времени обнародованія Положенія 19 февраля по всѣмъ имѣніямъ должны были быть опредѣлены дѣйствительные надѣлы съ точнымъ указаніемъ повинностей, какія будутъ нести временно-обязанные крестьяне въ пользу землевладѣльца.

Количество земли, отведенной въ надѣлъ, какъ и размѣръ повинностей въ пользу землевладѣльца, опредѣлялись въ особомъ договорѣ крестьянъ съ помѣщиками, называющемся *уставной грамотой*; въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ со времени обнародованія Положенія 19 февраля, по всѣмъ имѣніямъ должны были составить уставныя грамоты по добровольному соглашенію или по закону, если добровольное соглашеніе не состоялось. Въ бо̀льшей части имѣній за основаніе принималось то количество земли, которымъ пользовались крестьяне при крѣпостномъ правѣ, если они сидѣли на оброкѣ; правительство наблюдало только, чтобы этотъ надѣлъ не превышалъ высшаго размѣра и не падалъ ниже низшаго, т. е. ниже одной трети высшаго; послѣднее не допускалось; первое могло быть только при согласіи на то помѣщика. Помѣщикъ могъ уступить крестьянамъ, если желалъ, надѣлъ и высшей нормы; гдѣ не было этого желанія, производились отрѣзки отъ крестьянъ такъ, чтобы надѣлъ равнялся высшему размѣру подушнаго участка, назначеннаго для той мѣстности. Эти отрѣзки во многихъ мѣстностяхъ испортили крестьянскіе участки. Надѣлъ могъ быть и ниже высшей нормы, только если онъ не падалъ ниже его трети. Теперь извѣстно, что въ большихъ имѣніяхъ крестьяне получили надѣлъ, почти равный низшей нормѣ.

За отводимый надѣлъ назначался соотвѣтственный оброкъ или соотвѣтственное количество барщинной работы. Высшему надѣлу по каждой мѣстности соотвѣтствовалъ и высшій размѣръ оброка подушнаго участка. Вотъ эти нормы оброка, измѣнявшіяся по характеру мѣстности, т. е. по качеству и доходности земли: за высшій подушный надѣлъ для имѣній, находившихся не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга—12 р. Справимся,

какъ великъ подушный надѣлъ по Петербургской губерніи. Этотъ надѣлъ — 3 десятины 600 кв. саж. на душу, т. е. $3^{1}/_{4}$ десятины. Если подушный оброкъ 12 р., то можно расчислить тяжесть оброка на каждую десятину; онъ менѣе 4 рублей. Далѣе, для прочихъ имѣній (для губерній Московской, Ярославской и нѣкоторыхъ уѣздовъ Владимірской)—5—3 р.; для пунктовъ наиболѣе фабрично-промышленныхъ подушный оброкъ—10 руб.; для остальныхъ мѣстностей первой, второй и третьей полосы, т. е. для всей остальной Россіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ уѣздовъ нѣкоторыхъ губерній,—9 руб. (для этихъ исключительныхъ уѣздовъ—8 руб.). Если сельское общество получало отъ землевладѣльца надѣлъ высшей нормы, то, соотвѣтственно этому, уменьшался и подушный оброкъ. Любопытно, какъ расчислялся этотъ оброкъ по количеству десятинъ, въ случаѣ уменьшенія его сравнительно съ высшимъ надѣломъ. Не надо думать, что когда, напр., общество положитъ вмѣсто 4 десятинъ по 3 на душу, такъ тогда высшій размѣръ оброка уменьшится на четверть; расчисленіе производилось иначе, и вотъ какъ: въ первой, нечерноземной полосѣ, на первую десятину относилось при 12-рублевомъ оброкѣ—6 руб., т. е. половина всего оброка; при 10-руб.—5 руб. На вторую десятину отводимаго надѣла относилась четверть высшаго оброка, т. е. при 12 руб., напр., 3 руб., остальная четверть высшаго подушнаго оброка расчислялась затѣмъ уже на всѣ остальныя десятины надѣла. Подобнымъ образомъ поступали и при опредѣленіи уменьшеннаго оброка въ черноземной полосѣ. Степная отличалась тѣмъ отъ черноземной, что тамъ не было низшаго размѣра, а былъ одинъ указанный; это объясняется обиліемъ незаселенной земли въ степныхъ губерніяхъ; именно, въ нечерноземной и степной полосѣ на первую десятину отчис-

лялось 4 р., а оставшіеся затѣмъ 5 р. равномѣрно раскладывались на остальныя части надѣла. Легко понять разницу, какую вносило это расчисленіе; если, напр., крестьяне за 4 десятины получаемаго надѣла должны были платить оброка 12 руб., то при уменьшеніи надѣла и оброкъ долженъ бы былъ уменьшаться пропорціонально; напр., если они получали полъ-надѣла—2 десятины, то они должны были бы платить 6 руб. По Положенію же, за первую десятину они должны были платить 6 руб., за вторую—3 руб., итого 9 руб. Что было бы, если бы они получили вмѣсто 4 десятинъ только 3? По простому пропорціональному расчету они должны были платить 3/4 подушнаго оброка, т. е. 9 р. На самомъ же дѣлѣ они платили за первую десятину 6 руб., за вторую—3 руб.; остальные 3 руб. распредѣлялись поровну на остальныя двѣ десятины, по 1½ р. Такъ какъ они одной десятины не получали, то ихъ оброкъ—10 р. 50 коп. вмѣсто 9 р. Очевидно, эти статьи внесены были для того, чтобы удержать стремленіе крестьянъ нечерноземной полосы уменьшать свой надѣлъ. Помѣщики хотѣли оцѣнить дороже первую десятину; взявши первую десятину, крестьянину не было расчета отказываться отъ остальныхъ: тяжела была только первая десятина. Эту подробность объ оцѣнкѣ первой десятины внесли депутаты второго призыва, дѣйствовавшіе противъ обязательнаго выкупа. Такимъ образомъ, депутатамъ второго призыва мы обязаны двумя принципами, внесенными въ Положеніе: принципомъ добровольнаго соглашенія, оказавшимся во многихъ отношеніяхъ невыгоднымъ для крестьянъ, и закономъ о первой десятинѣ. Такъ совершался надѣлъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, также было опредѣлено высшее количество дней работы: за высшій подушный надѣлъ—40 мужскихъ и 30 женскихъ. Такимъ образомъ, крестьяне становились

въ положеніе временно-обязанныхъ, получая отъ землевладѣльца земельный надѣлъ въ постоянное пользованіе. Легко понять значеніе этого временно-обязаннаго положенія, которымъ крестьяне становились въ такое отношеніе къ землѣ и землевладѣльцамъ, въ какое, приблизительно, они поставлены были Уложеніемъ царя Алексѣя: возстановлялось поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости, но съ сохраненіемъ вотчиннаго полицейскаго надзора помѣщика надъ крестьянами.

Послѣднимъ моментомъ освобожденія былъ *выкупъ* крестьянской земли, отведенной въ ихъ постоянное и неотъемлемое пользованіе. Выкупъ этотъ представляетъ сложный процессъ. Выкупъ земель, отведенныхъ въ постоянное пользованіе крестьянъ, совершался на основаніи оброка, опредѣленнаго уставной грамотой. Земля, которую выкупали крестьяне, цѣнилась посредствомъ капитализаціи назначеннаго на нее оброка изъ 6%; это значитъ, что сумма оброка, обозначеннаго въ уставной грамотѣ, помножалась на 16 руб. 67 к. и, такимъ образомъ, получалась сумма, опредѣлявшая стоимость выкупаемой земли; каждый рубль оброка соотвѣтствовалъ 16 р. 67 к. капитала. При этомъ установленъ былъ особый порядокъ для выкупа усадьбы и полевого участка. Усадьба выкупалась по желанію крестьянъ, т. е. даже безъ согласія землевладѣльца; стоимость усадьбы, т. е. земли подъ крестьянскимъ дворомъ и огородомъ, опредѣлялась посредствомъ капитализаціи части оброка, отчисленной на усадьбу. Для этого всѣ усадьбы раздѣлены были на 4 разряда по своей стоимости; на усадьбы низшаго размѣра отчислялось отъ оброка 1½ руб.; на усадьбу высшаго—3½ или болѣе; эти 1½ и 3½ или болѣе помножались на 16 р. 67 к. и получалась стоимость усадьбы. Полевой надѣлъ могъ

быть выкупленъ двоякимъ образомъ: по добровольному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами и по одностороннему требованію землевладѣльца; выкупъ не могъ совершаться по одностороннему требованію крестьянъ. Стоимость участка вычислялась точно такъ же, какъ и стоимость усадьбы, т. е. сумма оброка, оставшаяся за вычисленіемъ доли, падавшей на усадьбу, капитализовалась изъ 6%.

Кто платилъ за выкупаемую землю терявшимъ ее землевладѣльцамъ? Сами крестьяне, разумѣется, не имѣли достаточно средствъ для этого; поэтому государство приняло на себя содѣйствіе операціи, выдавая крестьянамъ выкупную сумму въ извѣстномъ размѣрѣ. Лишь очень незначительная часть крестьянъ могла выкупить свои надѣлы безъ помощи этой ссуды. Размѣръ этой ссуды опредѣлялся также сложнымъ способомъ. Если выкупъ совершался по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, и притомъ крестьяне выкупали полный надѣлъ, обозначенный въ уставной грамотѣ, то правительство брало на себя заплатить землевладѣльцу за крестьянъ 80 коп. съ рубля капитальной суммы, предоставляя остальныя 20 к. уплатить самимъ крестьянамъ по соглашенію съ землевладѣльцемъ. Они могли уплатить и больше 20 к., только казна брала на себя уплату 4/5 капитальной суммы, которая пришлась за надѣлъ. Эти 20 к., какъ дополнительный платежъ, вносимый самими крестьянами, обыкновенно переводились на работу, т. е. крестьяне уплачивали его не деньгами, а трудомъ; иные помѣщики отказывались отъ дополнительнаго платежа. Если выкупъ совершался по требованію помѣщика, безъ согласія на то крестьянъ, принудительно, то казна выдавала ему по 75 к. за рубль, при чемъ дополнительный платежъ пропадалъ для него, такъ какъ его не обязывались вносить

крестьяне, не давшіе согласія на выкупъ. Это, очевидно, служило косвеннымъ побужденіемъ совершать выкупъ по добровольному соглашенію. Если помѣщикъ, по соглашенію съ крестьянами, дарилъ имъ часть земли, то они могли отказаться отъ остальной части отведеннаго имъ надѣла, которая поступала въ собственность землевладѣльца. По общему правилу, надѣлъ, который выкупали крестьяне, не могъ быть меньше одной трети высшаго размѣра, назначеннаго для той мѣстности; дарственный надѣлъ они могли принять въ размѣрѣ не менѣе ¼ высшей нормы; это—такъ называемый четвертной или нищенскій надѣлъ, на который крестьяне бросались въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на землю былъ назначенъ слишкомъ высокій оброкъ, т. е. гдѣ эту землю нужно было выкупать по дорогой цѣнѣ. Землевладѣлецъ въ черноземныхъ губерніяхъ имѣлъ выгоду предлагать крестьянамъ четвертной надѣлъ, а крестьянамъ казалось, что имъ выгодно получать маленькій надѣлъ безъ выкупа. До сихъ поръ на такомъ четвертномъ надѣлѣ сидитъ свыше ½ милл. душъ, преимущественно, если не исключительно, въ черноземныхъ губерніяхъ.

Ссуда, выданная правительствомъ помѣщику за землю, ложилась на крестьянъ, какъ казенный ихъ долгъ. За этотъ долгъ они обязывались выкупнымъ платежомъ, который опредѣлялся, какъ процентъ со взятой изъ казны ссуды. Выкупной платежъ—6% ссуды; въ эти 6% входитъ и ростъ съ капитала, и процентъ погашенія. Выкупной платежъ погашаетъ падающій на крестьянъ казенный долгъ въ продолженіе 49½ лѣтъ со времени выкупа. Выкупные платежи въ бо̀льшей части мѣстностей равняются или даже превышаютъ сумму всѣхъ остальныхъ платежей, падающихъ на крестьянъ. При выдачѣ землевладѣльцу казенной ссуды

банковыми билетами, вычитался казенный долгъ, лежавшій на имѣніи. Мы видѣли, что такихъ долговъ, лежавшихъ на заложенныхъ имѣніяхъ, къ 1861 г. накопилось до 425½ милл. руб. До 1891 года выкупная операція потребовала изъ казны свыше 886 милл. ссуды, слѣдовательно, весь выкупъ обошелся въ милліардъ съ третью. До конца царствованія Александра II выкуплено болѣе 80% всѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, такъ что оставалось 1½ милл. ревизскихъ душъ въ положеніи временно-обязанныхъ. Въ началѣ царствованія Александра III, именно, указомъ 28 декабря 1881 г., предположено было эти 1½ милл. ревизскихъ душъ выкупить обязательно по требованію правительства, чтобы развязать послѣдній узелъ, оставшійся отъ крѣпостного права. Такъ какъ этотъ выкупъ совершался не по требованію помѣщиковъ и не по добровольному соглашенію его съ крестьянами, то возникалъ вопросъ, кто же заплатитъ землевладѣльцу двугривенный; землевладѣлецъ имѣетъ право на него, такъ какъ онъ не требовалъ выкупа, но крестьяне не обязаны платить его, такъ какъ они не давали согласія на выкупъ; казна приняла этотъ двугривенный на свой счетъ, и теперь совершается этотъ обязательный выкупъ послѣднихъ крестьянъ, сохранившихъ еще обязательное отношеніе къ землевладѣльцамъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, находящихся въ исключительномъ положеніи, были сдѣланы нѣкоторыя отступленія отъ этихъ общихъ правилъ. Самое существенное отступленіе не было даже предвидѣно при составленіи Положенія, но его вынудилъ ходъ событій, именно польскій мятежъ. Польскій мятежъ, послѣ того какъ былъ подавленъ, заставилъ правительство ускорить развязку дѣла въ тѣхъ 9 западныхъ губерніяхъ, гдѣ было замѣтно польское вліяніе. Эти 9 губерній—Ви-

тебская, Могилевская, Минская, три Литовскія: Гродненская, Виленская и Ковенская и три Юго-Западныя: Кіевская, Волынская и Подольская. Здѣсь не допущено начало добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами, и освобожденіе совершилось безъ переходнаго момента, когда крестьяне были временно-обязанными. Польское дворянство этихъ губерній скомпрометировало себя участіемъ въ мятежѣ и заставило правительство мгновенно разорвать узелъ крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему разверстка земли и выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ этихъ 9 губерніяхъ совершались обязательно, по требованію правительства.

Теперь посмотримъ, какъ шло самое исполненіе закона, т. е. какъ осуществлялось Положеніе 19 февраля. Ожиданіе отмѣны крѣпостного права довело до высшей степени возбужденія общественное мнѣніе, преимущественно въ дворянской средѣ. Положеніе выработано было людьми, которые въ большинствѣ принадлежали къ либераламъ. Преувеличенныя опасенія, которыя волновали дворянъ, заставили правительство поручить дѣло осуществленія реформъ другимъ людямъ. Вотъ важная особенность въ исторіи крестьянской реформы. Законъ исполнялся не тѣми, кто его выработалъ: люди, вырабатывавшіе Положеніе, одинъ за другимъ выходили въ отставку и съ отчаяніемъ думали, что наступаетъ время реакціи. Однимъ изъ первыхъ вышелъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Ланской, много содѣйствовавшій работамъ Редакціонныхъ Комиссій и Главнаго Комитета; вмѣстѣ съ нимъ ушелъ одинъ изъ самыхъ главныхъ работниковъ Комиссій—Николай Милютинъ. Мѣсто Ланского занялъ Валуевъ. Онъ началъ дѣйствовать среди двухъ боровшихся направленій мягко и по возможности уклончиво; онъ старался прикрыться отъ нападокъ приверженцевъ старины точнымъ смыс-

ломъ Положенія. Ланской и Милютинъ ушли, напутствуемые со стороны приверженцевъ крѣпостного права названіями «красныхъ, революціонеровъ, нигилистовъ». Валуеву не хотѣлось заслужить такую кличку и онъ сталъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. И на самомъ верху раздѣляли этотъ образъ дѣйствій; тамъ думали одолѣть реакцію, уступая ей. Расчетъ былъ вѣренъ. Трудно было предположить въ русскомъ обществѣ, даже въ дворянствѣ, упорство дѣйствія въ одномъ направленіи. Можно было расчитывать, что противодѣйствіе утомитъ, что русское общество, особенно дворянство, поторопится отдохнуть, т. е. махнуть на все рукой, что у него не хватитъ упорной цѣпкости. На это расчитывали и въ расчетѣ не обманулись. Положеніе 19 февраля встрѣчено было не одинаково въ консервативной средѣ и во всемъ остальномъ русскомъ обществѣ, вмѣстѣ съ печатью. Въ консервативной дворянской средѣ его встрѣтили съ большимъ неудовольствіемъ и съ еще бо̀льшими опасеніями. Въ остальномъ обществѣ и журналистикѣ его привѣтствовали съ восторгомъ. Въ первые мѣсяцы, вездѣ, кромѣ темныхъ гостинныхъ консерваторовъ, господствовало идиллическое настроеніе. То была весна. Эту идиллію раздѣляли и сами освобожденные крестьяне. Прежде, чѣмъ они вникли въ Положеніе, они строили себѣ золотыя горы; они думали, что освобожденіе принесетъ имъ исполненіе ихъ давней завѣтной мечты, которая постепенно въ теченіе 3-хъ поколѣній развивалась во всѣхъ крестьянскихъ умахъ и формулировалась при Александрѣ II фразой: мы (или спины наши)—ваши, а земля наша. Крестьяне думали, что, когда спины ихъ получатъ свободу, то земля вся останется за ними. Для исполненія реформы на мѣсто назначены были *мировые посредники*. Мировые посредники назначались

въ каждомъ уѣздѣ изъ мѣстныхъ дворянъ, имѣющихъ удобной земли не менѣе 500 дес. и окончившихъ курсъ по крайней мѣрѣ въ среднемъ учебномъ заведеніи. Мировые посредники назначались на первое трехлѣтіе губернаторомъ по спискамъ, составленнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Случилось, что первые мировые посредники были, въ большинствѣ, лучшіе въ уѣздѣ люди, доброжелательные къ крестьянамъ и добросовѣстные. Эти мировые посредники перваго назначенія и были главнымъ источникомъ опасенія консервативной партіи. Они положили душу на разъясненіе крестьянамъ Положенія, они первые растолковали Положеніе, положили основаніе разочарованію крестьянъ, такъ какъ дали имъ понять, что земля далеко не вся будетъ отдана имъ и не даромъ. Это повергло массу крестьянъ въ уныніе и вызвало безпорядки; въ Пензенской и Рязанской губерніяхъ эти безпорядки доходили до бунта, такъ что начальство должно было высылать военныя команды и стрѣлять. Въ одномъ крупномъ имѣніи было убито 55 крестьянъ и 77 ранено. Эти мѣстныя волненія были очень на руку тому, что тогдашніе дѣльцы называли реакціей. Но дѣло шло, затрудненія устранялись съ обѣихъ сторонъ: во-первыхъ, крестьяне увидѣли, что надобно, если не отказаться отъ завѣтной мечты, то по крайней мѣрѣ припрятать ее на нѣкоторое время; во-вторыхъ, помѣщики увидали, что реформа не такъ опасна и что Положеніе 19 февраля вовсе не такое революціонное, не такое произведеніе соціалистовъ, какъ они думали. Нѣкоторые даже нашли, что оно очень удобно для помѣщиковъ и стали быстро успокаиваться. Одинъ изъ дѣльцовъ того времени, членъ Редакціонныхъ Комиссій, а потомъ мировой посредникъ Самарской губерніи, Юрій Самаринъ, въ августѣ 1862 г. писалъ своему другу Милютину, изображая наивныя

формы, въ какихъ выражалось успокоеніе помѣщиковъ: «Повѣрите ли, многіе помѣщики не имѣли настолько любознательности и даже любопытства, чтобы прочитать Положеніе, и узнали о немъ лишь по разсказамъ управляющихъ и приказчиковъ». Притомъ примирительному ихъ отношенію къ новому Положенію содѣйствовало и другое неожиданное, по крайней мѣрѣ по ихъ словамъ, открытіе: они думали, что разверстка вѣковыхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ хотя немного взволнуетъ ихъ чувствомъ привязанности — люди, весь вѣкъ равнодушные другъ къ другу, любятъ иногда посентиментальничать при разлукѣ. Дворяне расчитывали, что хотя отношенія ихъ къ крѣпостнымъ не были всегда безупречны, но при разставаніи обѣ стороны догадаются и простятся мирно. Почти нигдѣ этого не было; надежды на привязанность нигдѣ не оправдались, за немногими исключеніями. «Всюду замѣтно полное недовѣріе православнаго бородатаго населенія къ ихъ вчерашнимъ господамъ», писалъ въ 1861 г. князь Черкасскій. Лучшіе изъ помѣщиковъ встрѣтили со стороны крестьянъ подозрительность и неблагодарность. При такомъ отношеніи помѣщики скоро догадались, что Положеніе 19 февраля при всѣхъ своихъ неудобствахъ экономическихъ и юридическихъ есть для нихъ извѣстный якорь спасенія, и произведеніе нигилиста стало настольной книгой. Но по мѣрѣ того, какъ разъяснялись обоюдныя недоразумѣнія, въ крестьянской средѣ сталъ обнаруживаться одинъ, несомнѣнно важный, фактъ реформы. Крѣпостные крестьяне, которые жили и размышляли по указаніямъ приказчиковъ, теперь стали жить и начали размышлять сами, и наблюдатели, проживавшіе тогда въ деревняхъ, не могли надивиться быстрой перемѣнѣ, какая произошла тогда въ деревняхъ. «Народъ преобразился съ головы

до ногъ»—писалъ тогда Самаринъ—«все въ немъ: манеры, походка, самый взглядъ измѣнились. Бывшій крѣпостной теперь поднимаетъ голову при встрѣчѣ съ государственнымъ или удѣльнымъ крестьяниномъ. Этотъ подъемъ является слѣдствіемъ мысли, что бывшимъ крѣпостнымъ земля отдана въ собственность, тогда какъ земля, которой пользуется государственный, казенный крестьянинъ, принадлежитъ казнѣ или удѣлу». При исполненіи реформы быстро установились небывалыя, т. е. непривычныя отношенія взаимныхъ интересовъ.

Каждая изъ сторонъ стремилась возможно лучше оградить свои интересы. Въ первый разъ крѣпостной крестьянинъ былъ призванъ поневолѣ къ общественной борьбѣ, къ защитѣ своихъ собственныхъ интересовъ и притомъ противъ своихъ господъ. Это оказало сильное воспитательное вліяніе; не могу сказать, хорошо ли было это вліяніе, но оно было сильно. При такихъ обстоятельствахъ совершилась реформа. Въ продолженіе царствованія она достигла значительныхъ результатовъ. Въ первые два года, согласно съ Положеніемъ, всюду составлены были уставныя грамоты, т. е. опредѣлены были отношенія временно-обязанныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. За небольшими исключеніями, вообще говоря, эти грамоты составлялись довольно мирно. Скоро крестьяне стали переходить и къ выкупу своей надѣльной земли; въ первое время этотъ выкупъ шелъ довольно бойко, хотя и съ неодинаковымъ успѣхомъ въ разныхъ полосахъ Россіи. Легко понять, гдѣ долженъ былъ преимущественно совершиться выкупъ по добровольному соглашенію и гдѣ чаще выкупали надѣльную землю крестьяне по одностороннему требованію помѣщика. Если припомнить, какъ распредѣлялся оброкъ и какъ назначалась выкупная стоимость земли посред-

ствомъ капитализаціи этого оброка, то мы увидимъ, что оцѣнка надѣльной земли по всей Россіи была произведена довольно равномѣрно; слѣдовательно, помѣщичья земля была оцѣнена выше своей стоимости на сѣверѣ и ниже на югѣ. Понятно, что на югѣ помѣщики не хотѣли дать крестьянамъ выкупъ, потому что они получили бы за землю меньше естественной ея стоимости; тогда они старались наверстать на размѣрѣ дополнительнаго платежа, а на слишкомъ высокій дополнительный платежъ не шли крестьяне. Но вообще говоря, выкупъ по требованію помѣщика совершался въ сѣверной полосѣ; наиболѣе добровольныя соглашенія имѣли мѣсто въ центральной полосѣ; всего хуже шли выкупы на самомъ югѣ. Въ Европейской Россіи по десятой ревизіи числилось немного больше 10½ милл. крѣпостныхъ ревизскихъ душъ. Уже къ началу 1872 г. успѣло выкупиться изъ этого количества 6½ милл. душъ съ надѣльной землей въ 23 милл. дес. Съ 1872 г. выкупъ пошелъ нѣсколько медленнѣе. По отчетамъ Главнаго Выкупного Учрежденія къ 28 февраля 1881 г., наканунѣ смерти Императора Александра II, въ 37 внутреннихъ губерніяхъ, т. е. во всѣхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, съ Областью Войска Донского и Ставропольской губерніей, выкупились 5,868 тысячъ ревизскихъ душъ, изъ нихъ 644 тыс. ревизскихъ душъ выкупились безъ содѣйствія казны. Въ 9 западныхъ губерніяхъ, гдѣ былъ обязательный выкупъ, къ указанному сроку выкупилось 2,716 тыс. ревизскихъ душъ. Итого 8,584 тыс. изъ общаго количества 10,137 тыс. Значитъ, къ началу новаго царствованія въ положеніи временно-обязанныхъ оставалось 1,553 тыс. душъ, что составляло 15% общаго количества крѣпостного населенія въ этихъ губерніяхъ. За выкупившимися крестьянами числилось

около 130 милл. десятинъ удобной надѣльной земли. На каждую душу приходится по $3^1/_2$ дес., слѣдовательно, на средній дворъ, въ которомъ считается три ревизскихъ души, приходится 10 дес. съ небольшимъ. Въ этомъ отношеніи крѣпостные крестьяне очутились въ менѣе выгодномъ положеніи, сравнительно съ государственными и удѣльными; послѣднимъ приходилось надѣльной земли на душу съ небольшимъ 5 дес., слѣдовательно, 15 слишкомъ дес. на дворъ. Выкупныхъ ссудъ казна выдала за это время на сумму 752 милл. руб., что равнялось почти всему тогдашнему годовому бюджету государственныхъ доходовъ. Въ дополненіе къ этой статистикѣ прибавимъ, что стоимость земли по выкупу была не одинакова для земли двухъ разрядовъ. Въ однихъ имѣніяхъ, лучшихъ по качеству почвы, одна десятина обошлась по выкупѣ въ 30 руб. съ копѣйками, въ другихъ, худшихъ по качеству почвы,—въ 17 руб. съ копѣйками. Изложивъ ходъ выкупной операціи, перейдемъ къ короткому очерку другихъ реформъ Императора Александра II.

Одновременно съ Положеніемъ 19 февраля вводился въ дѣйствіе и рядъ дальнѣйшихъ реформъ, которыя всѣ были вызваны прямо или косвенно крестьянской. Первой изъ нихъ было преобразованіе мѣстнаго управленія, именно введеніе *земскихъ учрежденій.* Земскія учрежденія были новой организаціей, черезъ которую проводилось участіе самого общества въ мѣстномъ управленіи. Общество и до того принимало нѣкоторое участіе въ мѣстномъ управленіи; орудіями этого были сословныя, дворянскія и городскія, учрежденія, а съ того времени, какъ возникло Министерство Государственныхъ Имуществъ, т. е. съ 1838 г., возникли и учрежденія сельскія, въ средѣ государственныхъ крестьянъ; но всѣ эти учрежденія, строго сословныя, дѣйствовали

разрознено, безъ прочной связи, безъ единства дѣйствія. Въ продолженіе XIX вѣка эти сословныя учрежденія развивались очень слабо, особенно городскія. Дворянскія учрежденія — дворянскія собранія — ограничивали свою дѣятельность чисто сословными интересами, притомъ они постепенно становились лишь вспомогательнымъ орудіемъ короннаго управленія. Городскія же учрежденія—магистраты и думы (общая распорядительная и шестигласная исполнительная) едва существовали подъ тяжелой рукой губернаторовъ. Наконецъ, общественное управленіе, введенное среди крестьянъ министромъ государственныхъ имуществъ, графомъ Киселевымъ, только еще становилось на ноги и было ограничено въ своей дѣятельности слишкомъ тѣсными предѣлами. Итакъ, названныя сословныя учрежденія нисколько не стѣсняли дѣйствій учрежденій коронныхъ, которыми руководило коронное чиновничество — бюрократія. Съ тѣхъ поръ, какъ законодательство стало подрывать крѣпостное право, стало падать и значеніе дворянства въ мѣстномъ управленіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка дворянство было сословіемъ, рѣшительно преобладавшимъ надъ другими въ мѣстной жизни, въ мѣстномъ управленіи; съ начала XIX вѣка его мѣсто заняла бюрократія. Время съ 1796 по 1855 г., когда кончилось царствованіе Императора Николая I, было эпохой самаго сильнаго господства бюрократіи въ нашей исторіи. Но и авторитетъ чиновничества сталъ падать съ конца царствованія Николая I. Надежды, которыя возлагались на это орудіе управленія, не оправдались; испытаній, которымъ бюрократія подверглась во время Крымской войны, она не выдержала. Первые годы царствованія Александра II она подверглась наиболѣе сильнымъ нападкамъ, и была предметомъ всеобщаго недовольства и, можетъ быть, преувеличеннаго раздраженія.

Такимъ образомъ, сословныя учрежденія дѣйствовали слабо, а орудія короннаго управленія стали терять авторитетъ. Все это вызвало необходимость перестройки мѣстнаго управленія, которая могла совершиться, по духу времени, съ болѣе широкимъ участіемъ общества въ управленіи. Притомъ крестьянская реформа дѣлала это преобразованіе неотложнымъ. Вмѣстѣ съ отмѣной крѣпостного права и крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, получили мѣстное управленіе, т. е. сословный судъ, сословное самоуправленіе. Надобно было начала, на которыхъ построено было это самоуправленіе, распространить на другія части русскаго общества: иначе, бывшіе крестьяне становились въ привилегированное положеніе. Было еще одно побужденіе, которое заставило правительство поспѣшить реформой мѣстнаго управленія, т. е. ввести земскія учрежденія. Я сказалъ, что Положеніе 19 февраля въ значительной части дворянства вызвало сильное недовольство, которое не исчезло и тогда, когда консервативная часть увидѣла, что это Положеніе вовсе не заключаетъ посягательства на право собственности и общественнаго порядка. Эта часть дворянства не хотѣла даромъ отказаться отъ своего павшаго права, хотѣла получить съ тѣхъ, кто взялъ у него это право, какое нибудь вознагражденіе. Это дворянство въ 60-хъ годахъ надѣялось и не скрывало своихъ надеждъ, — я потому и говорю объ этомъ, что оно не скрывало этихъ надеждъ — что за потерю крестьянъ экономически оно будетъ вознаграждено преимуществами политическими. Съ его словъ эти надежды раздѣлялись и въ такихъ кругахъ, которые неповинны были въ крѣпостной зависимости; въ значительной части молодежи распространены были тѣ же надежды, хотя дворянство хлопотало о сословныхъ политическихъ правахъ. Земскія учрежденія являлись

косвеннымъ отвѣтомъ на эти надежды: они не давали политическихъ правъ, но они могли дать нетерпѣливымъ русскимъ людямъ административное занятіе въ мѣстномъ управленіи, хотя и не въ столицѣ. Таковы были причины, которыя дѣлали неотложными преобразованія мѣстнаго управленія и ускоряли введеніе земскихъ учрежденій. Но, какой характеръ получили эти новыя учрежденія — прежній или какой либо новый? Если припомнить участіе въ мѣстномъ управленіи: дворянства, городскихъ сословій и крестьянъ (въ обществахъ государственныхъ крестьянъ), то увидимъ, что въ губерніи существовало нѣсколько сословныхъ управленій, но не было всесословнаго, т. е. не было мѣстныхъ областныхъ учрежденій, въ которыхъ совмѣстно дѣйствовали бы представители всѣхъ сословій. Каждое сословіе дѣйствовало порознь. Между тѣмъ еще съ конца XVIII вѣка законодательство стремилось возстановить совмѣстную дружную дѣятельность всѣхъ сословій, разорванныхъ еще въ XVII вѣкѣ. Объ этомъ думали еще при Екатеринѣ II, еще болѣе помышляли при Александрѣ I при устройствѣ центральнаго управленія. Вотъ задача, предстоявшая законодательной власти при Александрѣ II. Для того, чтобы понять, какъ разрѣшена была эта задача, необходимо разсмотрѣть Положеніе о Земскихъ Учрежденіяхъ. Еще въ то время, когда вырабатывалось Положеніе 19 февраля, въ 1859 г. учреждена была Комиссія, которой поставлена была цѣль, говоря словами указа: придать болѣе единства и сообщить болѣе независимости мѣстному хозяйственному управленію. Главное здѣсь слово «хозяйственной», потому что въ немъ заключается программа мѣстныхъ земскихъ учрежденій. Комиссія выработала проектъ земскихъ учрежденій, который и былъ учрежденъ 1-го января 1864 года. Вотъ содержаніе этого важнаго

акта, явившагося слѣдствіемъ Положенія 19 февраля. Указъ 1 января 1864 г. призывалъ «къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе». До тѣхъ поръ дѣла такого рода въ каждой губерніи вѣдалъ весьма неудовлетворительно *Комитетъ земскихъ повинностей*, собиравшійся разъ въ три года и составлявшійся подъ предсѣдательствомъ губернатора частію изъ коронныхъ чиновниковъ: предсѣдателя казенной палаты и управляющихъ палатой государственныхъ имуществъ и удѣльною конторой съ подвѣдомственными имъ уѣздными начальниками, частію изъ сословныхъ выборныхъ: предводителей дворянства, городскихъ головъ и пр. Бо̀льшая часть земскихъ денежныхъ сборовъ, составлявшихъ ежегодно сумму свыше 20 милл. рублей, шла на общія государственныя потребности и только малая доля на мѣстныя земскія нужды. Предметы вѣдомства земскихъ учрежденій по Положенію 1864 г.: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства, устройство и содержаніе зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, участіе, преимущественно хозяйственное, въ попеченіи о народномъ здравіи и образованіи, взаимное земское страхованіе имуществъ, мѣры противъ падежей скота, представленія и ходатайства о земскихъ пользахъ и нуждахъ и т. п. Соотвѣтственно хозяйственнымъ задачамъ земскаго управленія, участіе въ немъ опредѣляется имущественнымъ цензомъ. *Земство* — совокупность лицъ и учрежденій, которыя владѣютъ въ городѣ или уѣздѣ извѣстнымъ пространствомъ земли или другимъ недвижимымъ имуществомъ извѣстной цѣнности, либо промышленнымъ или торговымъ заведе-

ніемъ (съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6,000 руб.) и которымъ предоставлено чрезъ образуемые ими органы управленія вѣдать мѣстное земское хозяйство *). Земство ведетъ свои дѣла въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденіяхъ посредствомъ выборныхъ *гласныхъ*. Для выбора гласныхъ въ *уѣздное земское собраніе* избиратели частію по роду имущества, частію по мѣсту его нахожденія (въ городѣ или уѣздѣ) образуютъ отдѣльные избирательные съѣзды: 1) *уѣздныхъ землевладѣльцевъ*; 2) *городскихъ избирателей*, и 3) *выборныхъ отъ сельскихъ обществъ*, которыхъ назначаютъ волостные сходы изъ своей среды. Уѣздное земское собраніе подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя и членовъ *уѣздной земской управы*, а также гласныхъ въ *губернское земское собраніе* (по одному на шесть уѣздныхъ гласныхъ), которое избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и членовъ *губернской земской управы*. Всѣ выборы производятся на три года. Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются ежегодно по одному разу на положенные сроки; управы дѣйствуютъ въ продолженіе всего года. Земскимъ собраніямъ принадлежитъ власть распорядительная съ общимъ надзоромъ за ходомъ земскихъ дѣлъ: они выслушиваютъ отчеты управъ и рѣшаютъ вопросы по земскому хозяйству. Земскимъ управамъ принадлежатъ распоряженія исполнительныя и вообще ближайшее завѣдываніе земскими дѣлами, губернатору — надзоръ за дѣятельностью земскихъ учрежденій, Сенату — разборъ пререканій губернатора съ земскими собраніями и жалобъ на нихъ частныхъ лицъ и учрежденій. Земскія учре-

*) Для крестьянъ, какъ владѣльцевъ не личнаго, а мірского земельнаго имущества, по коему они образуютъ сельскія общества, опредѣленнаго ценза не положено.

жденія ведутъ ввѣренныя имъ дѣла самостоятельно; но губернаторъ можетъ остановить исполненіе ихъ рѣшеній, не согласныхъ съ закономъ и общими интересами государства.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ вводило новую общественную классификацію, не совпадавшую съ сословнымъ дѣленіемъ русскаго общества. Къ классу *уѣздныхъ землевладѣльцевъ* причислены лица всѣхъ сословій, имѣющія положенный для него имущественный цѣнзъ, въ томъ числѣ и православные священнослужители, владѣющіе въ уѣздѣ церковной землей въ опредѣленномъ размѣрѣ; со времени Петра Великаго бѣлое духовенство впервые является здѣсь со значеніемъ земскаго класса на ряду съ другими сословіями. Крестьяне «безъ различія вѣдомствъ», бывшіе крѣпостные, удѣльные и казенные, впервые соединены въ одинъ классъ, представляемый земскими гласными отъ сельскихъ обществъ и названный въ Положеніи *сельскимъ сословіемъ*. Но и прежнее сословное дѣленіе не осталось безъ вліянія на составъ земскаго управленія. Дворянство и въ земскихъ учрежденіяхъ сохранило преобладающее значеніе, какимъ пользовалось оно дотолѣ въ мѣстномъ управленіи. Уѣздный предводитель дворянства по Положенію непремѣнно предсѣдательствуетъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, а губернскій — въ губернскомъ, когда Императоромъ не назначено для того особое лицо. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ 33 внутреннихъ губерній Европейской Россіи, въ которыхъ первоначально введено было Положеніе 1864 года, почти половина гласныхъ (6,104 изъ 13,035) избиралась уѣздными землевладѣльцами, огромное большинство которыхъ, особенно въ первое время дѣйствія Положенія, составляли дворяне. Члены избирательнаго съѣзда землевладѣльцевъ, а также мѣстные православ-

ные священнослужители могли быть избираемы въ гласные и отъ сельскихъ обществъ. Положеніе имѣло въ виду дать участіе въ земскомъ управленіи лицамъ всѣхъ сословій и частію по ихъ сословному значенію.

Устройство мѣстнаго общественнаго управленія завершено было новымъ *Городовымъ Положеніемъ* 16 іюня 1870 года. Предметы вѣдомства новаго городского управленія сходны съ вѣдомствомъ земскихъ учрежденій: это — «попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству». Но право участія въ городскихъ выборахъ обусловлено не имущественнымъ цензомъ, а исключительно платежомъ въ пользу города опредѣленнаго сбора. Это право при такомъ условіи принадлежитъ всѣмъ городскимъ обывателямъ безъ различія сословій. Такимъ образомъ, городское управленіе, которому жалованная грамота 1785 года пыталась сообщить всесословный характеръ, Положеніе 1870 года сдѣлало безсословнымъ. Органы управленія: 1) *городская дума* съ распорядительной властью, изъ гласныхъ, избираемыхъ на 4 года въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ; 2) *городская управа*, учрежденіе исполнительное, избираемое городскою думой; 3) *городской голова*, также избираемый думой, предсѣдательствуетъ въ ней, въ управѣ и въ избирательныхъ городскихъ собраніяхъ; 4) *губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе*, подъ предсѣдательствомъ губернатора, съ участіемъ губернскаго городского головы, разбираетъ пререканія между думой и администраціей, какъ и между самими городскими общественными учрежденіями, равно и жалобы на постановленія городской думы.

Судебная реформа была такимъ же необходимымъ слѣдствіемъ крестьянской, какъ и земская, и вводила всесословное участіе общества въ отправленіе правосудія, какъ земская предоставляла всѣмъ сословіямъ

завѣдываніе мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Обществу, ставшему свободнымъ во всемъ своемъ составѣ, необходимъ былъ судъ общій для всѣхъ составныхъ частей его, основанный на равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, дѣйствующій открыто передъ обществомъ и при его содѣйствіи. Начала такого суда были предуказаны Высочайшимъ повелѣніемъ (январь 1862 г.), предписавшимъ Государственной Канцеляріи изложить соображенія «о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должна быть преобразована судебная часть въ Россіи». По соображеніямъ Государственной Канцеляріи, разсмотрѣннымъ и дополненнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, составлены были *Основныя положенія* преобразованія судебной части. Особая комиссія при Государственной Канцеляріи (предсѣдатель — государственный секретарь Бутковъ), въ составъ которой вошли лучшіе правовѣды, ученые и практики, изъ этихъ положеній выработала подробные *Судебные Уставы*, утвержденные 20 ноября 1864 г. Здѣсь устанавливаются: 1) правила гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, коими опредѣляются средства для возстановленія силы нарушенныхъ законовъ, и 2) система судоустройства, т. е. учрежденія, коими эти правила приводятся въ дѣйствіе.

Власть судебная принадлежитъ мировымъ судьямъ, рѣшающимъ дѣла *единолично*, и судебнымъ мѣстамъ *коллегіальнымъ:* съѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и Правительствующему Сенату. Судебная власть всѣхъ этихъ учрежденій простирается на лица всѣхъ сословій и на всѣ дѣла, гражданскія и уголовныя. Эти учрежденія рѣшаютъ дѣла по существу, кромѣ Сената, который въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, не рѣшая дѣлъ по су-

ществу, наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы законовъ и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями Имперіи.

При судебныхъ мѣстахъ состоятъ:

1) *прокуроры* и ихъ *товарищи*, отъ имени правительства ограждающіе пользу государства, требованія общественнаго порядка и неприкосновенность закона;

2) вспомогательные органы суда: *нотаріусы*, правильнымъ совершеніемъ актовъ предупреждающіе тяжбы, *присяжные повѣренные*, участіемъ своимъ въ защитѣ тяжущихся и подсудимыхъ содѣйствующіе скорѣйшему и правильному рѣшенію дѣлъ, *секретари* канцелярій, совершающіе всѣ акты судебныхъ распоряженій и рѣшеній, и *судебные пристава*, органы судебной полиціи, на коихъ возлагается исполненіе постановленій суда.

Мировые судьи рѣшаютъ уголовныя и гражданскія дѣла меньшей важности, которыя требуютъ скораго рѣшенія на мѣстѣ и близкаго знакомства съ мѣстными отношеніями или которыя, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, могутъ быть улажены примиреніемъ тяжущихся посредствомъ разъясненія ихъ недоразумѣній лицомъ, пользующимся довѣріемъ обѣихъ сторонъ. Примиреніе тяжущихся—главнѣйшая задача мирового судьи и высшее качество его правосудія. На эти задачи мирового суда и расчитано его устройство. Уѣздъ съ находящимися въ немъ городами составляетъ мировой округъ, который дѣлится по мѣстнымъ условіямъ на большее или меньшее количество мировыхъ участковъ. Обѣ столицы дѣлятся каждая на нѣсколько мировыхъ округовъ, состоящихъ изъ двухъ или болѣе частей города. Въ мировомъ округѣ сверхъ *участковыхъ* полагаются еще *почетные* мировые судьи, служащіе безвозмездно и замѣняющіе участковыхъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Тѣ и другіе избираются на

три года *всѣми сословіями*, именно уѣздными земскими собраніями, въ городахъ думами, изъ *мѣстныхъ* жителей, обладающихъ установленнымъ цензомъ образовательнымъ и имущественнымъ (недвижимой собственностью извѣстнаго размѣра или цѣнности, напр., 400 десят. земли въ Московской губ.). Собраніе участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей округа составляетъ высшую мировую инстанцію—*съѣздъ мировыхъ судей.*

Окружные суды рѣшаютъ и гражданскія, и уголовныя дѣла всѣхъ сословій и замѣнили собою прежніе сословные суды первой инстанціи (уѣздные суды, магистраты или ратуши, нижнія расправы), установленные губернскимъ учрежденіемъ 1775 г. Окружный судъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ и учреждается на нѣсколько уѣздовъ. Членами окружнаго суда считаются и *судебные слѣдователи*, которые производятъ слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ въ назначенныхъ для каждаго изъ нихъ участкахъ судебнаго округа. Въ уголовныхъ дѣлахъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, къ составу суда присоединяются *присяжные засѣдатели* для опредѣленія вины или невиновности подсудимыхъ. Отдѣльное рѣшеніе вопросовъ о виновности и о наказаніи и даже различными судьями необходимо для того, чтобы рѣшеніе суда внушало къ себѣ общественное довѣріе, какъ приговоръ правосудія, а не произвола. Опредѣленіе наказанія, которое должно быть основано на законѣ, на его знаніи и правильномъ пониманіи,—дѣло судей-законовѣдовъ. Вопросъ о виновности можетъ быть справедливо рѣшенъ только по совѣсти. Въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, вызываемыхъ изъ общества, призывается къ такому рѣшенію *общественная совѣсть.* Потому присяжными засѣдателями могутъ быть только лица, пользующіяся заслуженнымъ общественнымъ до-

вѣріемъ, какъ выразители мнѣнія большинства благонадежныхъ гражданъ или какъ представители лучшихъ элементовъ общества и притомъ *всего* общества, а не какихъ-либо отдѣльныхъ его классовъ. Сверхъ извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, для правильной оцѣнки вины подсудимаго необходимо еще хорошее знакомство съ нравами, обычаями и общественной жизнью извѣстной мѣстности. Этими соображеніями и опредѣляются внѣшнія и внутреннія качества, которыми обусловливаются способность и право быть присяжнымъ засѣдателемъ: опредѣленный возрастъ (отъ 25 до 70 лѣтъ), жительство въ уѣздѣ не менѣе 2 лѣтъ, владѣніе имуществомъ (напр., землею не менѣе 100 десятинъ или доходъ во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ столицъ, не менѣе 200 р. въ годъ), извѣстная степень образованія, довѣріе, пріобрѣтенное государственной или общественной службой, и т. п. Мѣстные обыватели всѣхъ сословій (кромѣ духовенства и военно-служащихъ чиновъ), удовлетворяющіе *внѣшнимъ* условіямъ, вносятся въ *общіе* списки присяжныхъ засѣдателей, составляемые по каждому уѣзду отдѣльно особыми временными комиссіями изъ лицъ, назначаемыхъ ежегодно уѣздными земскими собраніями, а въ столицахъ соединенными засѣданіями городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Тѣ же комиссіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, составляютъ *очередные* списки по уѣздамъ, выбирая изъ общихъ только тѣхъ лицъ, которыя въ предстоящемъ году имѣютъ быть призываемы къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей (по городамъ С.-Петербургу и Москвѣ съ ихъ уѣздами 1,200 лицъ, по уѣздамъ, гдѣ болѣе 100 тысячъ жителей, 400, гдѣ менѣе—200). Комиссія производитъ эту выборку по своему усмотрѣнію на основаніи внимательной оцѣнки *внутреннихъ* качествъ

каждаго избираемаго лица, необходимыхъ для добросовѣстнаго выполненія имъ судебныхъ обязанностей. Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей не подлежитъ пересмотру; но если судъ признаетъ единогласно, что этимъ рѣшеніемъ осужденъ невинный, то онъ постановляетъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ.

Судебныя палаты. Приговоры по уголовнымъ дѣламъ, постановленные окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ могутъ быть обжалованы *(апелляція)* въ судебной палатѣ. Приговоры ея, какъ и окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ, почитаются окончательными, которые могутъ быть отмѣняемы только въ случаѣ нарушенія или неправильнаго примѣненія закона *(кассація)*. Вѣдомство судебной палаты простирается на округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ губерній или областей.

Главныя начала, положенныя въ основаніе судебнаго порядка, такъ устроеннаго: 1) отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной; 2) введеніе въ гражданскія дѣла состязательнаго, въ уголовныя—обвинительнаго процесса вмѣсто слѣдственнаго; 3) гласное и устное или словесное судопроизводство вмѣсто закрытаго канцелярскаго и письменнаго; 4) установленіе только двухъ судебныхъ инстанцій и кассаціоннаго суда; 5) сочетаніе выборнаго начала съ правительственнымъ назначеніемъ. Уже губернское учрежденіе 1775 г. предоставило тремъ сословіямъ замѣщать нѣкоторыя судебныя должности по выборамъ; но эти выборы производились каждымъ сословіемъ отдѣльно отъ остальныхъ и притомъ выборное право было распредѣлено между сословіями неравномѣрно. По *Уставамъ* 1864 г. мировые судьи выбираются всѣми сословіями, а присяжные засѣдатели

изъ всѣхъ сословій произносятъ приговоры о винѣ или невиновности надъ подсудимыми безъ различія сословій. Такимъ образомъ, сословное представительство въ судѣ получило полное развитіе и дѣйствительное значеніе, и судебная реформа стала дальнѣйшимъ и крупнымъ шагомъ въ ходѣ уравненія и сближенія сословій для совмѣстной дѣятельности.

Уставъ 1874 г. о воинской повинности составилъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ уравнительномъ переустройствѣ русскаго общества. При системѣ рекрутскихъ наборовъ воинская повинность, наиболѣе тяжелая изъ всѣхъ государственныхъ повинностей, была распредѣлена крайне неравномѣрно: вслѣдствіе разнообразныхъ сословныхъ и другихъ изъятій вся тяжесть ея надала почти исключительно на мѣщанъ и крестьянъ (5½ милліоновъ изъятыхъ на 24½ милліона подлежавшихъ повинности). Уставъ, утвержденный 1 января 1874 г. (при военномъ министрѣ Д. А. Милютинѣ), установилъ всесословный призывъ къ исполненію воинской повинности. Мужское населеніе подлежитъ этой повинности «безъ различія состояній». Вступленіе въ военную службу по ежегоднымъ призывамъ рѣшается жеребьемъ, который вынимаютъ всѣ, достигшіе призывнаго возраста (20 – 21 г.). Изъ нихъ признанные годными принимаются на службу въ числѣ, ежегодно назначаемомъ, какое требуется для пополненія *постоянныхъ войскъ*, сухопутныхъ и морскихъ; остальные зачисляются въ *ратники ополченія*, которое созывается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени и составляется изъ всего нечислящагося въ постояныхъ войскахъ, но способнаго носить оружіе мужского населенія отъ призывнаго до 40-лѣтняго возраста включительно. Выслужившіе срокъ *дѣйствительной* службы увольняются въ *запасъ*, призываемый

на дѣйствительную службу въ случаѣ необходимости привести войска въ полный составъ. Полные сроки службы дѣйствительной и въ запасѣ 6 и 9 лѣтъ въ арміи, 7 и 3 года во флотѣ. Отмѣнены замѣщенія и откупы отъ военной службы, но допущены отсрочки въ отправленіи повинности, а также разныя изъятія и льготы, дающія (по неспособности къ военной службѣ, по семейному или имущественному положенію, по званію и роду занятій и особенно по образованію) право на освобожденіе отъ воинской повинности вообще или отъ дѣйствительной службы въ мирное время, либо только на сокращеніе сроковъ дѣйствительной службы. Такъ, освобождаются отъ воинской повинности священнослужители всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, а также православные псаломщики (на извѣстныхъ условіяхъ), льготные по семейному положенію *перваго разряда* (единственный способный къ труду сынъ при отцѣ къ труду неспособномъ или при матери вдовѣ и т. п.[1]; освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ армейскій запасъ на 15 лѣтъ преподаватели въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или уставы коихъ имъ утверждены; сроки дѣйствительной службы въ арміи по жеребью сокращаются по степени полученнаго образованія (отъ 4 лѣтъ въ начальныхъ училищахъ до 6 мѣсяцевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), съ увеличеніемъ на соотвѣтствующее число лѣтъ срока состоянія въ запасѣ. Лицамъ, удовлетворяющимъ опредѣленнымъ условіямъ образованія, предоставляется отбывать воинскую повинность въ арміи безъ жеребья, *вольноопредѣляющимися*, и соотвѣтственно полученному образованію они обязаны прослужить въ дѣйствующихъ войскахъ 3 мѣсяца, полгода или 2 года. Широкими льготами по образованію военная реформа весьма много

способствовала распространенію народнаго просвѣщенія. Въ первые пять призывовъ (1874—1878 гг.) вынимало жребій ежегодно среднимъ числомъ не много менѣе 700,000 человѣкъ; изъ нихъ для ежегоднаго пополненія арміи и флота требовалось около 180,000; съ правами на сокращенные сроки по образованію поступало на службу немного болѣе 1% всего числа новобранцевъ.

Я изложилъ реформы царствованія Александра II, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ разрѣшены были важнѣйшія задачи внутренняго государственнаго порядка, поставленныя на очередь въ концѣ XVIII столѣтія. Но если припомнить, на очереди стоялъ еще одинъ, столь же важный вопросъ, разрѣшеніе котораго должно было имѣть большое значеніе для внутренняго общественнаго и нравственнаго порядка. Мы видѣли, что съ развитіемъ крѣпостного права и съ успѣхами образованія русская мысль стала въ особенно ненормальное отношеніе къ русской дѣйствительности. Съ половины XVIII столѣтія умъ образованнаго русскаго человѣка напитался значительнымъ запасомъ политическихъ и нравственныхъ идей; эти идеи не были имъ выработаны, а были заимствованы со стороны. Эти идеи, развиваясь, составили тотъ политическій и нравственный запасъ, которымъ доселѣ живетъ европейское общество; каждая западно-европейская національность сдѣлала свой вкладъ въ этотъ запасъ. Онъ былъ цѣликомъ заимствованъ русскими умами, какъ заимствуется и теперь; но онъ намъ чуждъ, потому что мы въ него не дѣлаемъ никакого вклада, онъ достался намъ по хронологической случайности: когда онъ вырабатывался, мы подвернулись со стороны со своею любознательностью. Этотъ политическій и нравственный запасъ со второй половины XVIII вѣка и ставилъ русскій умъ

въ чрезвычайно затруднительное отношеніе къ русской дѣйствительности. До реформъ Александра II онъ не имѣлъ ничего общаго съ послѣдней. Идеи политическія и нравственныя составляли одинъ порядокъ; жизнь, отношенія, какія установились въ русскомъ обществѣ, составляли другой порядокъ, и не было никакой связи между тѣмъ и другимъ. Какъ выходилъ изъ этого затрудненія русскій умъ? Онъ пробовалъ различные пути для выхода. Въ XVIII столѣтіи этотъ умъ рѣшилъ, что идеи сами по себѣ, а дѣйствительность сама по себѣ; можно увлекаться и равенствомъ и свободой, и (что же дѣлать?) надо увлекаться ими среди общества, держащагося на рабствѣ. Образованный русскій человѣкъ XVIII столѣтія рѣшилъ, что таково фаталистическое отношеніе мысли къ дѣйствительности. Въ началѣ XIX столѣтія поколѣніе, воспитанное извѣстнымъ образомъ, поставило свои мысли въ иное отношеніе къ дѣйствительности; оно рѣшило, что нельзя жить между двумя противоположными порядками, порядкомъ идей и порядкомъ отношеній; что надо первый привести въ согласіе со вторымъ. Но какъ примирить свободу и рабство?—Надо разбить рабство. И вотъ поколѣніе плохо обдумало и еще хуже подготовило попытку—во имя идеи разрушить русскую дѣйствительность. Мы знаемъ, чѣмъ окончилась эта попытка; послѣ нея насталъ довольно продолжительный промежутокъ, когда русскій умъ разошелся въ рѣшеніи вопроса о своемъ отношеніи къ дѣйствительности. Одни рѣшали, что такъ какъ въ современномъ порядкѣ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго усвоеннымъ идеямъ, то надобно осуществленіе этихъ идей отложить въ далекое будущее и медленно подготовить это будущее. Такова основная точка зрѣнія людей, которые въ 40-хъ годахъ назывались *западниками.* Другіе рѣшили, что такъ какъ въ современномъ

порядкѣ нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго западнымъ идеямъ, то надо поискать, нѣтъ ли зародышей такихъ идей, или имъ подобныхъ, въ русскомъ прошедшемъ; это повело къ усиленному изученію прошедшаго. Такова была точка зрѣнія людей, которые въ 40-хъ годахъ назывались *славянофилами*.

Со времени реформъ Александра II русскій умъ становится въ другое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, въ то, въ какомъ мы стоимъ теперь. Русская жизнь стала передвигаться на основаніе, общее съ тѣми началами, на какихъ держится жизнь западноевропейскихъ обществъ; слѣдовательно, давно усвоенныя идеи, составлявшія весь запасъ европейской культуры, теперь нашли себѣ родственную почву. Но какъ скоро явилась эта почва, то начался двойной процессъ въ русскомъ умѣ. Съ одной стороны, онъ замѣтилъ, что не весь запасъ усвоенныхъ имъ идей такъ цѣликомъ и можетъ быть приложенъ къ русской дѣйствительности; что нѣкоторыя изъ этихъ идей имѣютъ мѣстную окраску; что онѣ должны не пропасть, но измѣниться при ихъ приложеніи къ русской дѣйствительности. Мы начали критически относиться и къ идеямъ западно-европейской цивилизаціи. Съ другой стороны, мыслящій человѣкъ замѣтилъ, что на новорасчищенной почвѣ нельзя прямо сѣять эти идеи, что можно продолжить работу, посредствомъ которой русскіе нравственные обычаи и понятія были бы приспособлены къ тѣмъ идеямъ, на которыя долженъ стать созидаемый порядокъ русской жизни. Этотъ процессъ повелъ къ мысли о необходимости внимательнаго изученія русской дѣйствительности, какъ и ея источника, т. е. ея прошедшаго. Вотъ моментъ, на которомъ мы стоимъ, лучше сказать, вотъ двойной вопросъ, который предстоитъ намъ разрѣшить. Мы должны прежде всего

приняться работать своимъ умомъ вмѣсто пассивнаго усвоенія плодовъ чужого ума. Эта работа должна прежде всего направиться на провѣрку усвоенныхъ нами чужихъ идей и на внимательное изученіе дѣйствительности. Поколѣніе, которое воспитывалось подъ вліяніемъ реформъ Александра II, до боли чувствовало настоятельность разрѣшенія той и другой задачи. Надо признаться, что это поколѣніе, которому принадлежитъ и пишущій эти строки, доселѣ плохо разрѣшало свои задачи, и надо думать, что оно сойдетъ съ поприща, не разрѣшивши ихъ, но оно сойдетъ съ увѣренностью, что молодежь и тѣ, которыхъ они будутъ воспитывать, разрѣшатъ ихъ лучше его.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

Рѣчь, произнесенная въ засѣданiи Императорскаго Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ при Московскомъ университетѣ 28 октября 1894 г.

Оплакивая вмѣстѣ съ Россіей, вмѣстѣ со всей Европой, кончину Императора Александра III, наше Общество имѣетъ и свои особыя побужденія усиленно скорбѣть объ этой тяжкой утратѣ. Мы сейчасъ молились объ упокоеніи души почившаго Государя, Державнаго Покровителя нашего Общества. Назвать Его Покровителемъ обществъ, занимающихся изученіемъ исторіи и археологіи Россіи, значитъ слишкомъ слабо выразить Его отношеніе къ этой отрасли знанія. Онъ не только благоволилъ къ трудамъ въ этой отрасли: Онъ возбуждалъ и поощрялъ ихъ средствами матеріальными и нравственными. Въ числѣ обществъ, пользовавшихся обильными пособіями отъ державной руки Почившаго, и наше удостоено было Имъ усиленной поддержки и вотъ уже 10 лѣтъ пользуется симъ царственнымъ даромъ. Можно быть увѣреннымъ, что еще не получили общей извѣстности многіе случаи, когда Его державная рука щедрой помощью поддерживала и поощряла труды по изученію и возстановленію памятниковъ отечественной старины. Многимъ ли, напримѣръ, извѣстна великодушная и просвѣщенная помощь, оказанная Имъ при реставраціи дворца царевича Димитрія въ Угличѣ?

Еще благотворнѣе было Его прямое участіе въ изученіи родной старины. Государь, Который сосредоточивалъ въ Своихъ рукахъ многосложныя нити управленія необъятной Имперіи, направлялъ или сдерживалъ

разностороннія теченія міровой международной жизни, Которому, казалось, необходимо было удвоенное число суточныхъ часовъ для рѣшенія многообразныхъ государственныхъ вопросовъ, ежеминутно на каждомъ Его шагу выроставшихъ изъ земли,—этотъ Государь умѣлъ находить досугъ для скромной ученой работы, особенно по изученію отечественной исторіи и древностей, и былъ глубокимъ знатокомъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ русской археологіи, напримѣръ, въ иконографіи. Всѣ мы знаемъ Его постоянное и близкое участіе въ засѣданіяхъ и издательскихъ трудахъ Русскаго Историческаго Общества, Предсѣдателемъ котораго Онъ былъ съ самаго его открытія; глубокій научный интересъ, приданный Сборнику этого Общества содѣйствіемъ и покровительствомъ Государя; живое вниманіе, съ которымъ Государь относился къ предпринятому Обществомъ изданію громаднаго Біографическаго Русскаго Словаря: высокій примѣръ поощрялъ и ободрялъ ученыя общества, будилъ и поддерживалъ энергію отдѣльныхъ изслѣдователей.

Оживленіе русской исторической мысли, поддержанной и ободренной просвѣщеннымъ вниманіемъ и прямымъ личнымъ участіемъ почившаго Государя, переживетъ Его царственную дѣятельность, прервавшуюся столь преждевременно, и долго будетъ находить животворное питаніе въ обильныхъ историческихъ плодахъ Его царствованія, выращенныхъ для Россіи Его 13-лѣтними державными заботами. Еще не настало время всесторонняго сужденія о царствованіи Императора Александра III; передъ незакрывшимся еще гробомъ молчитъ судъ исторіи. Мы теперь едва ли въ состояніи понять все историческое содержаніе и значеніе переживаемаго нами момента, созданнаго дѣятельностью и кончиной почившаго Государя: пока еще не остывшая

печаль застилаетъ глаза, люди больно чувствуютъ и тускло видятъ ея причину. Но иныя впечатлѣнія современниковъ складываются такъ послѣдовательно и отчетливо и высказываются такимъ внушительнымъ и вѣщимъ языкомъ, что предупреждаютъ и предрекаютъ судъ потомства. Прислушиваясь къ голосамъ, вызваннымъ болѣзнію и кончиной Почившаго у насъ и особенно за границей, вдумываясь въ свои собственныя ощущенія, каждый изъ насъ почувствовалъ, что въ историческомъ сознаніи образованнаго міра совершается глубокій переломъ, въ высшей степени важный для судебъ цивилизаціи: этотъ переломъ измѣняетъ взаимныя отношенія народовъ, прежде всего отношенія западно-европейскихъ народовъ къ русскому и русскаго къ нимъ.

Кто не знаетъ и къ чему скрывать, что эти отношенія, правда, не исключительно, но, къ сожалѣнію, въ значительной мѣрѣ направлялись доселѣ однимъ вѣковымъ закоренѣлымъ предубѣжденіемъ, видѣвшимъ въ Россіи авангардъ азіатскаго варварства, вѣчную угрозу европейской цивилизаціи. Мы отвели отъ Западной Европы и вынесли на своихъ плечахъ рядъ нашествій, угрожавшихъ міру порабощеніемъ, начиная съ Батыя и кончая Наполеономъ I, а Европа смотрѣла на Россію, какъ на переднюю Азію, какъ на врага европейской свободы. Въ царствованіе Императора Александра II мы на глазахъ одного поколѣнія мирно совершили въ своемъ государственномъ строѣ рядъ глубокихъ реформъ въ духѣ христіанскихъ правилъ, слѣдовательно, въ духѣ европейскихъ началъ,—такихъ реформъ, какія стоили Западной Европѣ вѣковыхъ и часто бурныхъ усилій; а эта Европа все продолжала видѣть въ насъ представителей монгольской косности, какихъ-то навязанныхъ пріемышей культурнаго міра.

Подъ гнетомъ такого взгляда и Россія привыкала косо и недовѣрчиво смотрѣть на Западную Европу.

Прошло 13 лѣтъ царствованія Императора Александра III, и чѣмъ тороплвѣе рука смерти спѣшила закрыть Его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ и камни возопіяли, органы общественнаго мнѣнія Европы заговорили о Россіи правду и заговорили тѣмъ искреннѣе, чѣмъ непривычнѣе было для нихъ говорить это. Оказалось по этимъ признаніямъ, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе, для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ, что горящій фитиль не разъ съ разныхъ сторонъ приближался къ этому опасному оборонительному складу и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука Русскаго Царя тихо и осторожно отводила его. Тогда историческое сознаніе Европы сдѣлало надъ собою одно изъ тѣхъ великихъ усилій, какія не разъ поднимали его въ минуты ослабленія и въ которыхъ сказывается его сила, воспитанная строгимъ научнымъ знаніемъ и добросовѣстной мыслью,—его способность при встрѣчѣ съ истиной отрѣшаться отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ. Европа признала, что Царь русскаго народа былъ и Государемъ международнаго мира и порядка, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое призваніе Россіи, ибо въ Россіи по ея политической организаціи въ волѣ Царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его Царя. Европа призналась, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, понимаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ; она признала Россію органически необходимой частью своего культурнаго состава, кровнымъ,

природнымъ членомъ семьи своихъ народовъ. Это признаніе само собой, невольно, вырвалось изъ души европейскаго общества подъ впечатлѣніемъ извѣстій о послѣднихъ минутахъ жизни почившаго Императора и не замретъ съ его послѣднимъ вздохомъ: октябрьскіе дни ливадійскихъ страданій были для Западной Европы днями нравственнаго сближенія съ Европой Восточной и, провожая въ могилу гробъ Русскаго Царя, она впервые оплакиваетъ въ немъ своего европейскаго государя.

Кто знаетъ,—можетъ быть, это признаніе дастъ новое направленіе всему теченію международной жизни Европы. Во всякомъ случаѣ, путь русской исторической мысли становится ровнѣе и свѣтлѣе. Теперь, когда каждый европейскій народъ свѣтлой страницей занесетъ царствованіе Императора Александра III въ свою исторію, эта мысль въ усиленномъ сознаніи признаннаго значенія своего отечества почерпнетъ для себя новыя силы, при окрѣпшемъ международномъ довѣріи; встрѣтитъ на пути своемъ меньше предубѣжденій, въ виду открытаго признанія своихъ помысловъ о культурномъ отношеніи Россіи къ Европѣ; почувствуетъ себя менѣе обособленной, и дружнѣе примкнетъ для совмѣстной работы къ мысли западно-европейской. Смерть, смежившая очи почившаго Государя, яркимъ лучомъ озарила историческій смыслъ жизни Его народа и воскресила чувство нравственнаго единенія европейскаго міра: скорбный откликъ Европы на русское народное горе—это отвѣтъ на скорбь, съ какою много вѣковъ назадъ старинный русскій лѣтописецъ оплакивалъ неудачу третьяго крестоваго похода, какъ общую бѣду всего христіанства, называя павшихъ крестоносцевъ «мучениками святыми».

Наука отведетъ Императору Александру III подобающее мѣсто не только въ исторіи Россіи и всей

Европы, но и въ русской исторіографіи; скажетъ, что Онъ одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достаются побѣды, побѣдилъ предразсудокъ народовъ и этимъ содѣйствовалъ ихъ сближенію, покорилъ общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличилъ количество добра въ нравственномъ оборотѣ человѣчества, ободрилъ и приподнялъ русскую историческую мысль, русское національное сознаніе и сдѣлалъ все это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нѣтъ, Европа поняла, чѣмъ Онъ былъ для нея.

